

Многоуважаемому г. проф. Праш
отъ а

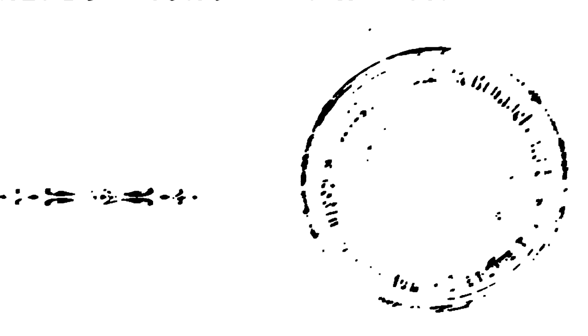
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ЧЕШСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРІИ ЧЕШСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

РУССКО-ЧЕШСКІЯ УЧЕНЫЯ СВЯЗИ
КОНЦА XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТ.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа,
Краковское Предмѣстье № 3.

1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. *Г. К. Ульяновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ чешскомъ возрожденіи въ ряду многихъ и разнородныхъ факторовъ этого движенія однимъ изъ выдающихся по значенію слѣдуетъ признать непосредственное сближеніе и затѣмъ продолжительныя тѣсныя связи главнѣйшихъ представителей этой великой въ жизни чешскаго народа эпохи съ русскимъ міромъ. Страннымъ образомъ, въ чешскихъ трудахъ по исторіи возрожденія мы встрѣчаемъ только робкіе и глухіе намеки или незначительныя замѣчанія о значеніи и роли этого фактора въ обновленной чешской жизни XIX ст.

Начиная съ первыхъ посѣщеній Чехіи русскими войсками въ XVIII ст. мы имѣемъ возможность, такъ сказать, документально прослѣдить отдѣльные моменты этихъ связей и благодѣтельнаго взаимодѣйствія, достигшихъ въ области науки особенной широты и силы въ періодъ конца тридцатыхъ и половины сороковыхъ годовъ. Связанныя съ ростомъ политическаго могущества Россіи съ конца XVIII ст. неясныя, но весьма популярныя мечтанія о великой роли славянскаго Востока въ обновленіи жизни крайняго славянскаго Запада, нашедшія достаточно полное выраженіе въ чешской поэтической литературѣ, съ теченіемъ времени смѣняются дѣятельнымъ изученіемъ этого міра. Первый камень полагаетъ Добровскій своимъ путешествіемъ въ Россію и затѣмъ замѣчательными критическими статьями, посвященными выдающимся явленіемъ русской исторической литературы. На Востокъ обращаетъ одновременно свои взоры и чешская изящная словесность: тамъ ищетъ она свѣжихъ, новыхъ началъ, обусловливающихъ жизнь ея и движеніе впередъ. Пухмайеръ (1804 г.), въ предисловіи къ переводу „Книдскаго храма" Монтескье, смѣло зоветъ ее на этотъ новый путь. И призывъ Пухмайера не остается безъ отклика,—онъ

повторяется затѣмъ неоднократно. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія начинаются путешествія русскихъ ученыхъ на славянскій Западъ. Первый Кеппенъ отправляется въ путь съ ясно намѣченными задачами и программой. Славянскія изученія съ тѣхъ поръ пріобрѣтаютъ у насъ все болѣе и болѣе прочную почву, и сознаніе великаго значенія ихъ для русской науки выражается сильнѣе всего въ стремленіи нашемъ создать у насъ славянскія каѳедры. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпляетъ наши связи съ чешскими славяновѣдами и приводитъ, спустя немного лѣтъ, къ посылкѣ въ славянскія земли цѣлой плеяды молодыхъ людей, впослѣдствіи воодушевленныхъ работниковъ на новой нивѣ. Съ конца тридцатыхъ годовъ наши связи съ Прагой становятся особенно оживленными и богатыми плодами. Взаимодѣйствіе науки чешской и русской въ этотъ періодъ сказывается особенно сильно, оно опредѣляетъ все дальнѣйшее развитіе той и другой.

Очерки наши посвящены преимущественно, такъ сказать, внѣшней исторіи этого знаменательнѣйшаго въ жизни славянской культурнаго общенія. Факты, сгруппированные нами, смѣемъ думать, достаточно убѣдительно говорятъ о дѣйствительномъ значеніи этихъ взаимныхъ связей. Изложить нѣкоторые моменты ихъ съ желательной полнотой и представить цѣльную картину ихъ вмѣстѣ съ полной оцѣнкой всего этого движенія можно будетъ со временемъ, когда для этого накопится больше матеріала, нынѣ въ значительной части лежащаго подъ спудомъ.

Въ изложеніи нашемъ мы пользовались главнымъ образомъ данными, почерпнутыми изъ переписки виднѣйшихъ дѣятелей славянской науки разсматриваемаго нами періода, а также нѣкоторыми матеріалами архивовъ б. Россійской Академіи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и частныхъ собраній.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь искреннюю благодарность нашу Библіотекарю Чешскаго Музея, глубокоуважаемому Адольфу Осиповичу Патерѣ, проф. Яроміру Челаковскому, проф. Ченьку Зибрту, и д-ру Вацлаву Ржезничку за любезное ихъ содѣйствіе занятіямъ нашимъ въ Прагѣ. Вс. И. Срезневскому приношу благодарность за любезное разрѣшеніе просмотрѣть письма Ганки къ Измаилу Ивановичу Срезневскому.

Варшава, 11 мая 1902 г.

ГЛАВА I.

Первые моменты русско-чешскихъ связей въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.

1.

XVIII-ое столѣтіе въ жизни чешскаго народа является временемъ полнымъ тревогъ и опасеній. Нѣмецкое вліяніе, особенно быстро начавшее возрастать въ странѣ съ того момента, когда на Бѣлой Горѣ погребена была чешская самостоятельность, получало въ различныхъ мѣропріятіяхъ государей этого вѣка особенно сильную и широкую поддержку. Централизаціонныя и германизаціонныя усилія императрицы Маріи-Терезіи и сына и преемника ея Іосифа II, казалось, окончательно должны были уничтожить всякія надежды чеховъ на лучшіе и болѣе радостные для чешской народности дни.

Обширныя автономіи, которыми еще въ XVIII ст. пользовались отдѣльныя габсбургскія земли, понемногу уничтожались; число „придворныхъ канцелярій" въ Вѣнѣ стало постепенно сокращаться, и этимъ укрѣплялась болѣе тѣсная связь различныхъ областей имперіи съ ея центромъ. Такъ, 1 мая 1749 г. уничтожена была Маріей-Терезіей королевская чешская придворная канцелярія, которую сохранило даже обновленное земское устройство 1627 г., какъ признакъ самостоятельности земель чешской короны. Хотя нѣмецкій языкъ и до Маріи-Терезіи господствовалъ въ дѣлахъ государственныхъ, однако до тѣхъ поръ, пока существовала чешская придворная канце-

лярія, и высшіе земскіе чины составляли королевское намѣстничество, чешскій языкъ употреблялся еще въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ признанный закономъ оффиціальный языкъ Чехіи. Теперь роль чешскаго языка въ жизни государственной стала до такой степени ничтожна, что при органахъ земскаго управленія потребовался уже чешскій переводчикъ. Это обстоятельство побудило скромнаго чиновника-переводчика, добраго чеха, Матвѣя Блажея представить властямъ особый проектъ поднятія значенія чешскаго языка и сохраненія его отъ гибели. Это былъ проектъ горячаго чешскаго патріота, скорбѣвшаго объ униженіи и угнетеніи, какія долженъ былъ терпѣть въ родной землѣ своей нѣкогда славный чешскій народъ: онъ видѣлъ угрожавшую родному языку гибель и поэтому искалъ средствъ для спасенія его[1]).

Правительство вскорѣ само нашло необходимымъ поддержать чешскій языкъ въ управленіи и въ школѣ, и въ этомъ смыслѣ составленъ былъ извѣстный рескриптъ Маріи-Терезіи отъ 9 іюля 1763 г., констатировавшій упадокъ чешскаго языка въ администраціи и судѣ и указавшій на необходимость исправленія этого ненормальнаго положенія. Родителямъ совѣтовалось прилежнѣе учить дѣтей чешскому языку; школамъ — обращать больше вниманія на переводы; властямъ — допускать къ занятію административныхъ, судебныхъ и пр. должностей лицъ, знающихъ основательно нѣмецкій и чешскій языки.

Но эти скромныя уступки въ пользу чешскаго языка не успѣли получить болѣе широкаго развитія. Іосифъ II, стремясь создать изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ земель своихъ одну централизованную монархію, по образцу Франціи или Пруссіи, желалъ объединить эти земли единымъ государственнымъ нѣмецкимъ языкомъ. „Нѣмецкій языкъ“, сказалъ какъ-то Іосифъ одному венгерскому магнату, — „общій языкъ моей имперіи. Зачѣмъ же мнѣ издавать законы и вести дѣла въ

---

[1]) Dr. Bohuš Rieger, Návrh na povznesení jazyka českého učiněný r. 1753. Osvěta, 1897, str. 445—454.

одной провинціи на ея родномъ языкѣ? Я—императоръ германскій, поэтому остальныя мои земли—провинціи". Іосифъ поставилъ своею задачею, такъ сказать, привести всѣ свои владѣнія къ одному знаменателю. Венгрія для него не была особымъ государствомъ. Онъ не только не захотѣлъ короноваться короной св. Стефана, но даже велѣлъ (1784 г.) перевезти этотъ священный символъ венгерской независимости въ Вѣну, гдѣ корона должна была храниться вмѣстѣ съ другими фамильными драгоцѣнностями. Оффиціальнымъ языкомъ въ земляхъ короны св. Стефана былъ латинскій; Іосифъ II приказалъ замѣнить его нѣмецкимъ. Точно такъ же онъ не пожелалъ короноваться и короной чешской, которая еще возлагалась въ Прагѣ на голову Маріи-Терезіи, но тотчасъ вслѣдъ за этимъ была перевезена въ Вѣну,—отчасти изъ опасенія за судьбу этой короны въ войнѣ за австрійское наслѣдство. Прага при Іосифѣ II лишилась названія резиденціи, которое было сохранено за одною Вѣною. Права мѣстнаго сейма были сокращены [1]). Нѣмецкій языкъ раздавался во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, начиная съ наивысшей придворной канцеляріи и кончая канцеляріей послѣдняго мѣстечка и канцеляріей патримоніальнаго (помѣщичьяго) суда. Особенно видную роль въ этихъ германизаціонныхъ вожделѣніяхъ должна была играть школа.

По-нѣмецки читали профессора и преподавали учителя гимназій и народныхъ училищъ. Въ 1780 г., спустя мѣсяцъ по вступленіи своемъ на престолъ, Іосифъ II издаетъ распоряженіе, дабы никто изъ юношества, кто не знаетъ достаточно по-нѣмецки, не былъ принимаемъ въ гимназію; а въ 1781 году учебными планами нѣмецкій языкъ признается языкомъ преподаванія во всѣхъ классахъ гимназіи и для всѣхъ предметовъ [2]).

Не удивительно поэтому, что чехи, раньше чѣмъ послать

---

[1]) Н. Карѣевъ, Исторія западной Европы въ новое время, т. III, стр. 353—354.

[2]) J. Šafránek, Za českou osvětou. Obrázky z dějin českého školství středního, Praha, 1898, str. 47.

дѣтей въ школу, должны были сначала отдавать ихъ къ нѣмцамъ для обученія нѣмецкому языку. Въ тѣ мѣста, гдѣ было одно чешское населеніе, приказано было съ этою цѣлью назначать нѣмецкихъ учителей. Въ теченіе цѣлыхъ тридцати шести лѣтъ, вплоть до 1816 г., средняя школа совершенно закрыта была для чешскаго языка и его школьнаго развитія. Принципіальное изгнаніе его изъ высшихъ и низшихъ школъ вообще предпринято было съ нескрываемыми намѣреніями. Дѣло касалось не одного только языка: имѣлось въ виду угасить и духъ чешскаго народа. Плоды этой системы пожинались въ самое близкое время: такъ сильно было ея дѣйствіе. Когда въ 1764 г. въ пражскомъ университетѣ открылись на нѣмецкомъ языкѣ чтенія по изящнымъ искусствамъ знаменитыхъ впослѣдствіи профессоровъ Сейбта, Корновы и др., молодежь увлеклась ихъ вдохновенными лекціями, вліяніе которыхъ было настолько велико, что, спустя нѣсколько лѣтъ, увлеченіе плодами нѣмецкаго духа считалось признакомъ истинно образованнаго человѣка. Такъ воспріимчива была подготовленная школой почва! Нѣмецкая литература изучалась и частнымъ путемъ и въ школѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Правда, этотъ же нѣмецкій языкъ являлся проводникомъ новыхъ идей и духа французскаго энциклопедизма въ умственную жизнь Чехіи, но эта роль его по необходимости ограничивалась довольно узкими рамками, и вліяніе новыхъ вѣяній распространялось лишь на наиболѣе образованные круги чешскаго общества. О своемъ народѣ чешская молодежь не слышала нигдѣ ничего радостнаго, ничего возвышающаго ея національное чувство, начиная съ самой низшей приходской деревенской школы и кончая аудиторіей университета; и если гдѣ-либо заходила рѣчь о чешскомъ народѣ, то юношеству прививались лишь чувства равнодушія и презрѣнія къ нему [1]).

Въ университетѣ единственный проф. Выдра защищалъ чешскій языкъ и старался возжечь искру любви къ отечеству

---

[1]) Тамъ же, стр. 67—68.

въ сердцахъ молодежи, но его горячее слово не имѣло особеннаго успѣха. Воспитаніе и мода до такой степени были гибельны и успѣли такъ преобразить всю молодежь, что уничтожили въ ней любовь къ отечеству и къ родному языку. Быть чехомъ считалось позоромъ, котораго избѣгалъ всякій, кто стремился къ просвѣщенію. [1])

Покинутый высшимъ классомъ и городскимъ населеніемъ, стѣсненный даже въ деревняхъ и селахъ, чешскій языкъ, казалось, долженъ былъ исчезнуть окончательно. Лучшіе люди того времени, какъ аббатъ Добровскій, считали его языкомъ мертвымъ; ученые смотрѣли на него, какъ на предметъ археологіи; никто не вѣрилъ въ возможность возвращенія ему жизни. Положеніе родного народа представлялось Добровскому настолько безотрадно-мрачнымъ, что только помощь Божія могла бы улучшить его. „Causa gentis nostrae, nisi Deus adiuvet, plane desperata est“, писалъ онъ въ отчаяніи Копитару. Все, что могло напоминать чешскому народу о его великомъ и блестящемъ прошломъ, что могло поддерживать въ немъ любовь къ родной старинѣ, непрестанно подвергалось гоненіямъ и безпощадно подавлялось. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность прославившагося своимъ изувѣрствомъ іезуита Коніаша (1691—1760), одного изъ „лютыхъ истребителей чешской книги“. Гоненія, воздвигнутыя имъ на памятники чешской литературной старины, отличались какою-то ненасытною злобою. Онъ подвергалъ конфискаціи публичныя книжныя лавки и частныя дворянскія библіотеки, проникалъ въ жилища горожанъ и уединенные сельскіе хутора и, не взирая ни на какія препятствія и опасности, повсюду разыскивалъ чешскія и иноязычныя некатолическія книги. Въ однѣхъ онъ замазывалъ тушью предосудительныя мѣста, въ другихъ вырывалъ цѣлые листы и обезвреженныя такимъ образомъ книги возвращалъ ихъ владѣтелямъ, книги же цѣликомъ предосудительныя онъ или отнималъ для монастырскихъ книгохранилищъ, или же

[1]) J. V. Sedláček въ жизнеописаніи А. Пухмайера, Rýmovník, v Plzni, 1824, str. IX.

сожигалъ. Изъ тридцати тысячъ собственноручно Коніашемъ сожженныхъ еретическихъ книгъ добрую половину составляли, несомнѣнно, книги чешскія [1]). Коніашу, какъ извѣстно, принадлежитъ знаменитый списокъ этихъ предосудительныхъ книгъ: „Clavis haeresim claudens et aperiens“, изданный впервые въ 1729 г., а затѣмъ повторенный изданіями въ 1749 г. и послѣ смерти составителя еще и въ 1770 г. „Ключъ“ Коніаша, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что книги чешской печати за время съ 1414 г.[2]) вплоть до 1620 г., касающіяся вопросовъ религіи, по большей части опасны или подозрительны, подвергалъ запрещенію произведенія гуситскія, лютеранскія и кальвинскія, нѣкоторыя сочиненія Коменскаго, подозрительно относился къ нѣкоторымъ изданіямъ чешской библіи и т. п. Гоненія на чешскую книгу не прекращались еще и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія. О нихъ свидѣтельствуетъ К. И. Тамъ, который въ своей „Защитѣ чешскаго языка“ (1783 г.) говоритъ: „Не станемъ скрывать, что еще три года тому назадъ образованъ былъ кружокъ людей, такъ называемыхъ гонцовъ (vyslancŭ), которые, подобно кровожаднымъ волкамъ, рыскали по всѣмъ концамъ чешской земли, заглядывали въ каждый уголокъ, хватали, гдѣ только находили, всякую чешскую книгу, хорошую или дурную, и, едва заглянувъ внутрь, насиліемъ отчуждали ее и, ничего въ ней не понимая, уничтожали и бросали въ огонь“...

Но мѣры вѣнскаго правительства, направленныя противъ чешской народности, постепенно возбуждали въ чешскихъ патріотахъ лишь усиленное желаніе работать на пользу угнетаемаго народа. Тотъ же Тамъ въ названной выше „Защитѣ“ замѣтилъ, что обыкновенно люди, желавшіе гибели чешскому языку, стремившіеся къ искорененію его, убѣждались вскорѣ, что всѣ ихъ замыслы и усилія безплодны. Вѣна и выходившія оттуда мѣропріятія, направленныя противъ чеховъ, невольно теряли въ гла-

---

[1]) J. Vlček, Dějiny české lit., díl II, část 1, str. 54.

[2]) Въ увлеченіи своей миссіей Коніашъ отнесъ, такимъ образомъ, возникновеніе книгопечатанія въ Чехіи къ началу XV ст.

захъ болѣе глубокихъ знатоковъ внутренней мощи чешскаго народа свое значеніе. Къ нимъ стали относиться съ рѣзкимъ осужденіемъ и нескрываемымъ скептицизмомъ. Пельцель заявлялъ, что еще никогда изъ Вѣны не выходила мудрость, а Добровскій не менѣе рѣзко отзывался нѣсколько позже о столицѣ и ея дѣятеляхъ. Тѣмъ легче было противодѣйствовать замысламъ такого противника. Конечно, борьба могла вестись только перомъ. И вотъ на защиту попираемыхъ правъ чешскаго языка и народности выступаетъ цѣлая плеяда литературныхъ бойцовъ, поднявшихъ голоса свои за правое и великое дѣло [1]).

Въ ихъ сонмѣ выдающееся положеніе занимаетъ Карлъ Игнатій Тамъ. Его „Obrana jazyka českého" (1783 г.)— одинъ изъ наиболѣе сильныхъ призывовъ къ чешскимъ патріотамъ и энергичныхъ протестовъ противъ враговъ свободнаго развитія чешской народности и языка. Онъ начинаетъ свою „Защиту" неоспоримымъ, по его мнѣнію, и не требующимъ доказательствъ положеніемъ: „Не было ни одного народа настолько отупѣвшаго или безумнаго, чтобы онъ не любилъ своего языка, не охранялъ и не защищалъ его, не старался бы всѣми силами возвеличить его". Эта любовь къ родному языку и заботы о сохраненіи и развитіи его всегда были свойственны чехамъ: и чешскіе короли, и высшія и низшія сословія чешскаго народа содѣйствовали облагороженію и разработкѣ чешскаго языка. Любовь къ родному языку такъ сильно воодушевляла старыхъ чеховъ, что они, когда являлась необходимость защищать его, хватались за оружіе и, не щадя животовъ своихъ, храбро вступали въ бой съ врагами его. Но потомки ихъ далеко-далеко уклонились отъ этихъ путей: они не только не знаютъ уже своего родного языка, но и пренебрегаютъ имъ, презираютъ его. Такой печальный поворотъ насталъ въ наши дни для чешскаго языка! Но, къ счастію, есть еще въ народѣ чешскомъ „мужи знаменитые, пылающіе лю-

[1]) Обзоръ трудовъ важнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ старательно составилъ Fr. Chalupa: Obrany jazyka a národnosti české. Ruch, V, 1883, str. 6 sqq.

бовью къ родинѣ“,—„единственное утѣшеніе скорбящихъ чеховъ”. Они не жалѣютъ никакихъ трудовъ и усилій для приведенія чешскаго языка въ прежнее его цвѣтущее состояніе.

Отмѣтивъ всѣ достоинства чешскаго языка, сравнивъ его въ этомъ отношеніи съ другими языками,—русскимъ, нѣмецкимъ, греческимъ, латинскимъ и пр., и обличивъ тѣхъ, кто по недомыслію или невѣжеству своему уродуетъ чешскую рѣчь внесеніемъ въ нее элементовъ нѣмецкихъ, Тамъ возражаетъ тѣмъ „умникамъ”, которые готовы отрицать пользу знанія чешскаго языка, на томъ лишь основаніи, что неизвѣстно, будетъ ли онъ всегда существовать въ Чехіи. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ нелѣпыхъ опасеній является широкое распространеніе славянскихъ языковъ, вполнѣ обезпечивающее ихъ существованіе и развитіе. „Чешскій языкъ, говоритъ Тамъ, распространенъ не только въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Силезіи, но и въ Венгріи, Славоніи, Хорватіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи, Валахіи, Украйнѣ, Руси и т. д., вплоть до предѣловъ Арменіи и Персіи“. Не отличаясь особенно сильной и убѣдительной аргументаціей, „Защита“ Тама проникнута однако искреннимъ и горячимъ патріотическимъ чувствомъ, и этимъ она должна была производить сильное впечатлѣніе на чешское общество.

Въ одинъ годъ съ книжкой Тама появилось разсужденіе извѣстнаго чешскаго патріота, мораванина родомъ, Яна-Алоиза Ганке изъ Ганкенштейна: „Empfehlung der böhmischen Sprache und Literatur“ (Wien, 1783). Трактатъ этотъ, свидѣтельствующій о глубокомъ и всестороннемъ образованіи автора, имѣлъ цѣлью возбудить въ чешскомъ обществѣ больше вниманія и усердія къ изученію родного языка и для того, чтобы проникнуть въ самые широкіе круги литературно-образованнаго общества, написанъ былъ на нѣмецкомъ языкѣ. Ганке, восторженный поклонникъ Іосифа II, превозноситъ его реформы и особенно величаетъ его за попеченія о чешскомъ языкѣ. „Громко, насколько возможно громко раздайся радостная вѣсть, пронесись отъ края и до края, повсюду, гдѣ обитаютъ славянскіе народы, наипаче же въ моемъ отечествѣ, чешскомъ государствѣ, между чехами, мораванами и слезаками, что Іосифъ II, римскій императоръ,

мудрый государь и нашъ всемилостивѣйшій повелитель, есть доброжелатель славянскаго языка", ликовалъ Ганке по поводу наступленія „второго золотого вѣка" своей отчизны, освобожденія родного языка и литературы отъ позора и забвенія прежнихъ временъ. Ганке высказывалъ даже надежду, что Іосифъ II будетъ называть себя „королемъ славянъ".

Съ учрежденіемъ въ 1792 г. каѳедры чешскаго языка и литературы въ пражскомъ университетѣ, для развитія этого языка создавались новыя условія. Ф. М. Пельцель, первый профессоръ на этой каѳедрѣ, въ своей вступительной рѣчи горячо отстаивалъ права родного языка. Уже въ своей „Чешской исторіи" онъ подчеркивалъ принадлежность чешскаго народа къ великому славянскому племени, и это сознаніе укрѣпляло въ немъ, какъ и въ другихъ его соотечественникахъ надежды, на лучшее будущее [1]).

Одною изъ замѣчательныхъ „защитъ" чешскаго языка является небольшое разсужденіе Яна Рулика: „Sláva a výbornost jazyka českého" (1792). Руликъ принадлежитъ къ числу усерднѣйшихъ тружениковъ на пользу отечественной словесности, преимущественно—на поприщѣ литературы простонародной. Трактатъ его отличается простымъ, яснымъ и чрезвычайно энергичнымъ языкомъ; это—популярный очеркъ процвѣтанія, упадка и начинающагося новаго расцвѣта чешскаго языка. Авторъ спокойно излагаетъ свои доводы въ пользу необходимости оберегать и защищать языкъ дѣдовъ и отцовъ, и только изрѣдка овладѣваетъ имъ чувство гнѣва или скорби по поводу печальнаго положенія родного народа, блиставшаго нѣкогда такою славою и пользовавшагося столь великимъ значеніемъ въ Европѣ. Радуясь пробужденію его и видя плодотворную дѣя-

---

[1]) „Es ist kein Volk auf dem ganzen Erdboden, welches sich, seine Sprache, seine Macht und Kolonien so erstaunlich weit ausgebreitet hätte, als das slawische. Von Ragusa am Adriatischen Meere an, nordwärts bis an die Küste des Eismeeres; rechter Hand bis nach Kamtschatka in der Nähe von Japan, und linker Hand bis an die Ostsee, trifft man überall slawische Völker, grössten Theils herrschend, an." Kurzgefasste Gesch. der Böhmen, I Th., S. 17. Эту картину нерѣдко рисуютъ чешскіе патріоты—писатели.

тельность цѣлой группы отличныхъ „патріотовъ и защитниковъ“, Руликъ не сомнѣвается въ блестящемъ будущемъ своего языка. Залогъ его успѣшнаго развитія—величіе славянскаго міра: „Нѣтъ во всемъ мірѣ ни одного народа, который распространилъ бы свой языкъ такъ, какъ народъ славянскій“. Чешскій языкъ принадлежитъ къ числу пяти „главныхъ“ славянскихъ языковъ и стоитъ рядомъ съ русскимъ, польскимъ, сербскимъ и хорватскимъ.

Участникъ альманаховъ Пухмайера, Янъ Неѣдлый защищаетъ права чешскаго языка и въ своихъ поэтическихъ опытахъ, и особенно въ замѣчательной лекціи, прочитанной 16 ноября 1801 г., при вступленіи на каѳедру чешскаго языка и литературы въ пражскомъ университетѣ. Безотраднымъ казалось поэту положеніе его родины: тьма окутала ее, разсвѣта не было видно. Казалось, что нѣтъ уже ни одного чеха, который возсталъ бы на защиту языка и родной земли, что свѣтильникъ славянскихъ народовъ погасъ [1]). Но спустя нѣсколько лѣтъ тотъ же Неѣдлый громко призывалъ соотечественниковъ любить и возвышать родной языкъ, указывалъ на выдающіяся его достоинства и ставилъ въ примѣръ другихъ славянъ: „Мы ли только одни богемцы захотимъ толь совершеннымъ языкомъ нашимъ пренебрегать? Не подвергнемся ли мы чрезъ то самое презрѣнію и посмѣянію, что мы презираемъ языкъ того народа, котораго мы суть часть?“... Рѣчь Неѣдлаго, произведшая большое впечатлѣніе на слушателей и радостно встрѣченная чешскими патріотами, своимъ содержаніемъ и энергичнымъ тономъ увлекла Шишкова, который переводъ ея помѣстилъ въ Изв. Росс. Акад. [2]).

[1]) Стихотв. „Na Čechy“ въ сборникѣ Ант. Пухмайера „Nové básně“, III (1798), str. 136. Стихотвореній такого содержанія въ сборникахъ Пухмайера можно отмѣтить нѣсколько. Ср. въ томъ же III-емъ вып., стр. 144, оду А. Павловскаго къ Ант. Стрнаду. Въ вып. IV-омъ особенно интересно посвященіе графу Фр. Штернбергу, написанное самимъ Пухмайеромъ.

[2]) 1817 г., кн. III, 58. „Переводъ сей рѣчи, говорилъ Шишковъ, найденъ полезнымъ потому, что въ ней весьма основатель-

Всѣ эти патріотическіе призывы къ защитѣ правъ и любовному изученію чешскаго языка, проникнутые сознаніемъ славянскаго единства и на сознаніи силы его основывавшіе надежды на лучшіе дни для униженнаго чешскаго языка и народа, не остались безъ вліянія на чешское общество. Изученіе чешскаго языка неизбѣжно приводило ученыхъ изслѣдователей на новый путь,—путь изученія родственныхъ славянскихъ языковъ, а вопросы исторіи, древней письменности и старины спеціально чешской вводили ихъ постепенно, по мѣрѣ развитія этихъ изслѣдованій, въ кругъ болѣе широкихъ изученій культурной жизни славянскаго міра вообще. Развитіе и укрѣпленіе національнаго самосознанія вело, такимъ образомъ, за собой и развитіе самосознанія славянскаго. Естественно, что изъ славянскихъ народовъ наибольшее вниманіе чешскихъ патріотовъ конца XVIII и начала XIX ст. привлекалъ къ себѣ великій русскій народъ, достигшій высокаго политическаго могущества и развитія культурныхъ силъ. Блестящая эпоха Екатерины и ея побѣдоносныхъ войнъ, сильно поднявшая политическое значеніе Россіи и обаяніе имени ея въ славянствѣ преимущественно южномъ, вызывала усиленное біеніе пульса славянскаго чувства и среди западныхъ нашихъ соплеменниковъ. Добровскій въ знаменитой рѣчи своей: „О преданности и привязанности славянскихъ народовъ австрійскому дому“ (1791 г.), обращенной къ императору Леопольду II, отмѣтилъ единство чеховъ съ „великимъ славянскимъ народомъ“ вообще и, указавъ на заслуги славянъ австрійскихъ передъ импера-

---

но разсуждается о богемскомъ или чешскомъ языкѣ; а какъ оный есть отрасль или нарѣчіе славенскаго, то и до насъ сіе столько же (естьли не болѣе) принадлежитъ, сколько и до богемцовъ". Въ благородномъ стремленіи подѣйствовать на русское общество поучительнымъ примѣромъ, Шишковъ по поводу приведенныхъ словъ Неѣдлаго замѣчаетъ: „Такъ говоритъ, такъ защищаетъ языкъ свой богемецъ, подъ жезломъ чужеязычья, и котораго земля въ сравненіи съ нашею есть то же, что карликъ предъ исполиномъ! Неужли въ семъ карликѣ будетъ духъ выше исполинскаго? Не дай, Боже!"

торскимъ домомъ, особенно подчеркнулъ значеніе Россіи для славянства. „Славяне, говорилъ онъ, прежде угнетаемые и изгнанные изъ полабскихъ странъ, нынѣ господствуютъ въ лицѣ русско-славянскаго племени отъ моря Чернаго до Ледовитаго, проникаютъ глубоко въ Азію. Они отняли у султана Крымъ и побѣждаютъ его, соединенные съ славянскими племенами". Славянскіе народы Австріи, по убѣжденію Добровскаго, опора ея могущества.

Въ ряду многочисленныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ пробужденію народнаго самосознанія у чеховъ, важная роль принадлежала политическому росту Россіи. Если вліяніе этого фактора было не особенно еще велико въ концѣ XVIII ст., и значеніе его не въ одинаковой степени сознавалось всѣми чешскими патріотами, то зато съ начала XIX ст. вліяніе это и сознаніе значенія его стали много шире и глубже. Чешская литература, ученая и поэтическая, въ лицѣ всѣхъ почти наиболѣе выдающихся дѣятелей ея на протяженіи цѣлаго полувѣка признаютъ это и отражаютъ вліяніе этого фактора.

При полномъ почти отсутствіи связей между русскими и чехами въ теченіе XVIII ст., а поэтому при совершенномъ незнакомствѣ однихъ съ другими, обоюдно полезнымъ, хотя бы и въ самой незначительной степени, являлось ближайшее общеніе славянъ крайняго запада съ восточными единоплеменниками, созданное политическими событіями тридцатыхъ годовъ XVIII ст. и конца его.

Въ тридцатыхъ годахъ XVIII ст. (1735—1736) русскія войска, возвращавшіяся съ рейнскаго театра войны, оставались на зимовку въ Чехіи. Это было первое продолжительное пребываніе ихъ въ Чехіи, не оставшееся, надо думать, безъ результатовъ для болѣе близкаго взаимнаго ознакомленія. Свѣдѣній объ этомъ пребываніи русскихъ полковъ среди чеховъ сохранилось весьма немного [1]), и о впечатлѣніи и послѣдстві-

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ сообщены нами въ статьѣ: „Русскіе въ Чехіи въ концѣ XVIII и нач. XIX ст.", Русскій Вѣстн., 1899, апр., стр. 410.

ихъ этого перваго знакомства нельзя поэтому ничего сказать. Значительно болѣе данныхъ сохранили намъ періодическія изданія и записки современниковъ о вторичномъ и двукратномъ посѣщеніи Чехіи русскими войсками въ теченіе 1799 года. Славянское чувство чеховъ, особенно жителей Праги, получило несомнѣнный толчокъ и приведено было въ движеніе этимъ фактомъ. Пребываніе русскихъ войскъ и самого Суворова въ Прагѣ, торжественныя встрѣчи и пріемы, оказанные русскимъ въ столицѣ Чехіи и на всемъ пути ихъ слѣдованія, создали самыя дружескія отношенія между представителями двухъ славянскихъ племенъ и подготовили отчасти ту благодатную почву, на которой со временемъ взошли обильные всходы русско-чешской ученой и литературной взаимности. Наибольшую однако роль въ этой подготовительной работѣ сыграли ближайшія событія начала XIX в. Впечатлѣнія недалекаго прошлаго были еще достаточно свѣжи, новое свиданіе ихъ еще болѣе укрѣпило, а къ прежнимъ чувствамъ симпатій къ великому соплеменному народу присоединялись теперь болѣе или менѣе ясно выражаемыя упованія и надежды...

Походъ Наполеона въ Россію вызывалъ живѣйшій интересъ во всемъ славянскомъ мірѣ. Дальновидные умы сознавали огромную опасность, которую создастъ для всего славянства возможный разгромъ Наполеономъ единственной независимой славянской державы. Тревоги и опасенія ихъ были понятны, но тѣ, кто зналъ Россію нѣсколько ближе, не отчаивались: въ нихъ сильна была вѣра въ могущество русскаго народа. Таковъ былъ, напримѣръ, великій аббатъ Добровскій.

„Это было лѣтомъ 1812 года,“ вспоминалъ маститый А. Марекъ на закатѣ дней своихъ въ бесѣдѣ съ русскимъ путешественникомъ [1]. „Въ этомъ самомъ саду приходскаго дома, что предъ окнами, по аллеѣ ходили мы вдвоемъ, я и Добровскій. Французскія войска переходили уже Эльбу, надвигаясь на Россію. Съ

---

[1]) А. А. Кочубинскій въ Ж. М. Н. Пр., 1880, ч. 209, стр. 171. Ср. V. Brandl, Život Dobrovského, str. 160.

страшною душевною тревогою, съ замираніемъ сердца слѣдили мы, патріоты, за движеніемъ Наполеона и отчаивались за исходъ борьбы, за наше чешское дѣло, за судьбу славянъ. По нашему мнѣнію, Россія должна была проиграть. Всѣ эти опасенія я передалъ Добровскому, когда мы ходили въ саду. Но въ Добровскомъ я встрѣтилъ иныя мысли. „Россія не падетъ", отвѣчалъ онъ мнѣ: „Наполеонъ еще не знаетъ русскихъ, когда имъ придется защищать свою кожу". И Добровскій ободрилъ мой падающій духъ" [1]).

Пророческія слова геніальнаго аббата оправдались. „Роксоланъ", „невскій гигантъ", сокрушилъ непреоборимое дотолѣ могущество „корсиканскаго титана". Наши западные единоплеменники съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдили за борьбою этихъ двухъ великановъ.

Отечественная война и война за освобожденіе Европы принесли богатые плоды для чешскаго національнаго дѣла. „Въ жизни рода человѣческаго, говорилъ въ своей вступительной лекціи И. И. Срезневскій (16 окт. 1842 г.), бываютъ годины, которыя рѣшаютъ судьбу цѣлыхъ племенъ, пророчатъ или довершаютъ паденіе однихъ, готовыхъ отжить или отжившихъ, пророчатъ или довершаютъ возвышеніе другихъ, выводя ихъ на поле подвиговъ съ новыми, свѣжими силами. Такою годиною для славянъ была русская Отечественная война... На поляхъ Бородина, подъ заревомъ Москвы, при переправѣ черезъ Березину сходились братья, какъ недруги, но братья"...

Участники этой войны, среди коихъ было множество славянъ, вернулись домой съ думами и вѣстями о русской силѣ-грозѣ... Сильное чувство народности пробудилось во всей массѣ

---

[1]) Добровскій, по мнѣнію біографа его В. Брандля, былъ отчасти космополитомъ, тѣмъ не менѣе славянское самосознаніе было въ немъ крѣпко, крѣпче, пожалуй, чѣмъ чешское. „Budoucnost Slovanstva, говоритъ Брандль, viděl v mohutnění Ruska, ku kterému patrnou náklonnost měl. I v tom se zjevuje realismus jeho: v Rusku nalezal všecky podmínky ku zdárnému vývoji slavismu, kterých v Čechách podle úsudku svého pohřešoval". Život Dobrovského, str. 277.

русскаго народа, а послѣдовавшій затѣмъ миръ рѣшилъ задачу о политико-гражданской силѣ Россіи въ Европѣ, доказалъ и другимъ и самой Россіи, что она можетъ одна сама собой поддерживать равновѣсіе между западомъ и востокомъ Европы, и не тѣмъ, что въ ней есть прививного отъ запада, а коренныхъ своимъ характеромъ, своей народностью, — доказалъ западу Европы, что есть на востокѣ особенный элементъ жизни общественной, не романскій и не германскій, но и не азіатскій, и что онъ не плодъ вчерашняго дня, а такъ же твердъ, какъ оба западные, по крайней мѣрѣ, болѣе свѣжъ. Такъ одна изъ славянскихъ народностей возвысилась и при томъ лицомъ къ лицу передъ всѣми другими славянскими народностями. Славянское дѣло началось... Все, что могло глубже сочувствовать родству славянъ западныхъ съ русскими, все вздрогнуло и задумалось... [1]) Но не могло скрыть своихъ думъ. Значеніе этихъ великихъ событій для жизни западной Европы одинаково оцѣнивалось и у насъ, и у чеховъ. Нашъ поэтъ высказалъ свой взглядъ на нихъ въ стихотвореніи: „Императору Александру". Война, принесшая народамъ множество бѣдствій, имѣла однако, по его убѣжденію, одну хорошую сторону: она внесла въ жизнь народовъ Европы новую струю, обновившую содержаніе этой жизни. Это заслуга Императора Александра:

„Ниспосылаемый Имъ ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена, —
И, обновленныя, пышнѣе расцвѣтаютъ!"... (Жуковскій)

Чешскій поэтъ, другъ Марка, Юнгманна и Ганки, Вацлавъ Свобода въ своей оцѣнкѣ этихъ событій вполнѣ согласенъ съ Жуковскимъ, онъ только болѣе близко опредѣляетъ значеніе ихъ для жизни чешской. Въ торжественной одѣ: „На миръ Европы въ 1815 г." [2]) онъ въ слѣдующихъ стихахъ говоритъ о значеніи принесенной Россіей жертвы:

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1893, ч. 287, стр. 118—120.

[2]) У Юнгманна въ его „Словесности", изд. 1820 г., стр. 7;

„Na, Moskvo, plesej! jak samolet mladý,
Evropa ve tvém obžila zážehu,
blahoslavenství v pýření tvém
obnovené člověčenstvu září“...

Обновленіе Европы, какъ феникса, въ пламени Москвы было вмѣстѣ съ тѣмъ и обновленіемъ жизни чешскаго народа; вслѣдъ за „сыномъ Рюрика“, тевтономъ, испанцемъ и англичаниномъ, потрясая грозною гривою, возсталъ и чешскій левъ, ополчившійся въ союзѣ съ „потомкомъ Рюрика“ (Rurikovcem) на тиранна.

Другой поэтъ столь же опредѣленно указываетъ на связь новой жизни Европы съ пробужденіемъ сѣвера:

„Probuzen byl od půlnoci
národ velký s námi zbratřený,
s náramnou svou vstana mocí,
šťastně rozsíl v světě proměny“...

И тѣ, кто возсталъ на защиту родины вмѣстѣ съ русскими, счастливо одолѣли врага. Россія протянула руки угнетеннымъ народамъ, и чешскій левъ тоже бросился на „галла“...[1])

Взятіе союзными войсками Парижа и заключеніе мира съ Франціей ликующе встрѣтила чешская муза. Поэты чешскіе на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ воспѣли въ рядѣ торжественныхъ одъ это великое событіе въ жизни обновленной Европы. На чешскомъ языкѣ пишутъ такія оды: Іосифъ Раутенкранцъ (Zpěv plesajících Čechů o slavnosti pokoje, 1814), проф. Александръ Уль (Vroucná píseň k srdečnému poděkování za slavné vítězství 31 m. března 1814 obdržené a za

изд. 1845 г., стр. 450—452. Ода: „Na mír Evropy 1815" и латинскій: „In momentum pacis, paean victoribus pacificis cantatus, 1815" напечатаны были въ тогдашнихъ журналахъ и сдѣлались извѣстны дипломатамъ, высокопоставленнымъ лицамъ и даже самимъ монархамъ, собравшимся на Вѣнскомъ конгрессѣ. Относительно чешскаго стихотворенія Свободы извѣстно, что оно дошло и до рукъ Александра I. Свободѣ принадлежитъ также ода: „Kutusov Goleniščev Smolenský". Osvěta, 1879, str. 812.

[1]) Prvotiny... Я. Громадка, 9 lipna 1814.

Призывая чешскій народъ къ мужественной борьбѣ и утѣшая его картиной болѣе отраднаго будущаго, когда онъ разобьетъ наконецъ свои оковы и очутится на свободѣ, Марекъ вдохновенно восклицаетъ: „Оттуда, съ востока духъ Славіи вѣетъ; оттуда поднимается родъ сильныхъ, зачатый надеждой; туда съ умиленіемъ обращаютъ свои взоры славяне, у ногъ коихъ пѣнятся волны Адріатики и Океана; плугъ ихъ бороздитъ нивы лабскія и донскія, корабли ихъ плаваютъ по морямъ Черному и Сѣверному. Что за бѣда, что насъ съ одной стороны притѣсняетъ нѣмецъ, а съ другой—влачимъ жалкое существованіе среди турокъ, что у борющихся сербовъ опустилась храбрая рука, и что погибла держава князя Святополка! Вѣдь не исторгнутъ у насъ скипетръ Рюрика; онъ счастливо поборолъ татарское насиліе. Поднесь стоитъ древняя столица Москва и неодолимый градъ Петра. Они, могущественно царствуя, владѣютъ большей половиной двухъ частей стараго міра. Скорбѣть о томъ, что наша чешская земля не подлежитъ ихъ указамъ, значитъ испускать малодушные стоны. Выждемъ лучшихъ временъ, когда нашъ языкъ, который мы такъ часто собираемся хоронить, будетъ украшеніемъ нашихъ правителей, и тѣ, кто въ молодости имъ пренебрегалъ, возлюбятъ его на старости; когда не будетъ болѣе считаться позоромъ назвать себя чехомъ“.

Вѣрою въ великое значеніе востока для всего славянства проникнуты были и тѣ чешскіе патріоты, которые подчасъ склонны были относиться ко всему русскому съ извѣстнымъ недовѣріемъ, предубѣжденіемъ, быть можетъ, болѣе вынуждаемымъ силою обстоятельствъ, чѣмъ искреннимъ и глубокимъ. „Взглянемъ, говорилъ Неѣдлый, на остальныхъ братьевъ нашихъ, мужественныхъ славянъ, русскихъ и поляковъ, которые гигантскими шагами неутомимо стремятся къ храму науки и искусства, не щадя ни трудовъ, ни затратъ. Мы должны ликовать и радоваться тому, что знаменитый славянскій народъ, многочисленнѣйшій и распространеннѣйшій въ мірѣ, составляющій десятую часть всего человѣческаго поколѣнія, со временемъ, подобно грекамъ и римлянамъ, будетъ сіять во славѣ и превзойдетъ другіе на-

роды въ наукахъ и искусствахъ" [1]). Взоры чешскихъ патріотовъ непрестанно обращались на востокъ. Оттуда, отъ береговъ Волги и вершинъ Урала, ожидали они и много позже новой зари для родной страны; оттуда, вѣрили они, долженъ засіять новый свѣтъ для нея:

„Z Krakonošských hor se dívá Slovan, dennice kdy vyjde,
Kdy to božské světlo světů v kraje naše asi přijde:
Hle již temena Uralská jasněji se třpytějí,
Visla, Tatry, Černé hory v jitru se osvícejí"... [2]).

Такимъ образомъ, фактъ глубокаго вліянія политическихъ событій начала XIX ст. и созданнаго ими непосредственнаго сближенія славянскихъ племенъ на пробужденіе и утвержденіе славянскаго самосознанія у чеховъ не подлежитъ сомнѣнію. Онъ сознавался въ одинаковой степени всѣми чешскими дѣятелями эпохи возрожденія: Юнгманномъ, Ганкой, Палацкимъ, Пуркиней и другими. Юнгманнъ, констатируя огромную популярность русскаго имени въ чешскомъ народѣ въ эпоху освободительной войны, писалъ Антонину Марку изъ Литомерицъ (4 мая 1814 г.): „Здѣшніе нѣмцы и полунѣмцы ужасно злятся на печать, которая постоянно только и твердитъ о русскихъ!" И тутъ же въ своей пророческой прозорливости замѣчалъ: „Эта война возвеличила славянскій міръ и немало будетъ содѣйствовать совершенствованію русскихъ. Недаромъ Европа узнала ихъ, а они Европу. Немного лѣтъ пройдетъ еще, и, я думаю, букварикъ будутъ знать по всей Европѣ лучше, нежели его знали до сего времени; теперь несомнѣнно, что музы утвердятъ свое пребываніе на сѣверѣ". А въ другомъ письмѣ онъ, защищая русское войско отъ обвиненій нѣмцевъ, говоритъ: „Не повредитъ это чехамъ, что они нѣсколько познакомились

---

[1]) Hlasatel Český, 1806, I, str. 38—39.

[2]) Hronka, Díl II, sv. 1, str. 105. Тотъ же журналъ въ другомъ мѣстѣ говорилъ объ успѣхахъ Россіи: „Nad osminou země celé rozlehlá tato říše také neprotrhle k předu spěchá mnohým k obdivu, mnohým k smíšnému strachu". Ibid., díl I, sv. 1., str. 88.

съ русскими, по крайней мѣрѣ, они знаютъ, что есть больше славянъ на свѣтѣ“ [1]).

Такъ же смотрѣлъ на эти событія и оцѣнивалъ ихъ значеніе и Палацкій [2]), а ревностный проповѣдникъ славянской взаимности Янъ Ев. Пуркине, опредѣленно поставивъ новѣйшее стремленіе къ самобытному славянскому образованію въ Чехіи въ связь съ освободительной войной и пробужденіемъ нѣмецкой народности, указывалъ и на блистательное возвышеніе Россіи, имѣвшее также немалое вліяніе на возбужденіе въ чехахъ „сознанія всеобщей славянщины“. Тогда-то въ первый разъ славянскіе народы, въ значительномъ числѣ, сошлись лицомъ къ лицу и, до того времени бывъ другъ для друга чуждыми и далекими, съ изумленіемъ увидѣли, что они братья между собою. Въ это же время чешская литература впервые короче сблизилась съ литературатурами русскою и польскою [3]).

2.

Вступивъ съ конца XVIII ст. въ кругъ западно-славянскаго интереса, Россія всѣми сторонами культурной жизни своей надолго и прочно утверждается въ этомъ кругѣ и бла-

---

[1]) V. Zelený, Život Jos. Jungmanna, str. 144, 146. То же Č. Č. Mus., 1882, str. 37—38.

[2]) Въ статьѣ: Literní zprávy z Prahy, na počátku měsíce dubna 1828 (Č. Č. Mus., 1828, II, 131—138; то же: Radhost, I, 25—30), онъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ значеніе событій начала XIX ст.: „Viděli jsme národ vítězstvími zpupnělý probíhati všecky téměř končiny Evropy, od Lisbony až za Moskvu; a naproti tomu zase vítěze se všech stran, až i z prostřed Asie, hrnouti se k hrdé Paříži. Již to samo museloť, skrze rozmanité dotýkání a otírání se zvykův národních, pobuzovati mocně svědomost národnosti vůbec, ať nic nedím o nebezpečí a ztrátě nezávisnosti, kterouž národové mnozí byli podnikali, nic o snažení všeobecném, posilniti se doma proti nepřátelům city a vášněmi národními".

[3]) О литерат. единствѣ между славянскими племенами. Денница, 1842, стр. 127.

годаря указаннымъ политическимъ факторамъ и трудамъ чешскихъ ученыхъ и писателей привлекаетъ къ себѣ все больше и больше вниманія. Отъ восторженныхъ одъ и платоническихъ воздыханій, обращенныхъ къ Россіи, совершается переходъ къ серьезному изученію ея. Знаменательнымъ началомъ этихъ изученій являются труды патріарха славяновѣдѣнія аббата Іосифа Добровскаго, перваго чешскаго руссофила въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Начало сношеніямъ Добровскаго съ русскими учеными положилъ нашъ неутомимый ревнитель просвѣщенія гр. Н. П. Румянцовъ, въ бытность свою, въ царствованіе Екатерины II, посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Черезъ посредство австрійскаго посланника во Франкфуртѣ гр. Филиппа Стадіона Румянцовъ обратился къ Добровскому за разъясненіями нѣкоторыхъ занимавшихъ его вопросовъ, касательно древней исторіи и взаимныхъ сношеній славянскихъ народовъ между собою. „Графъ Румянцовъ, писалъ Добровскому Стадіонъ (15 февр. 1791 г.), – человѣкъ большого ума и съ обширными познаніями и особенно усердно занимающійся изученіемъ своей отечественной исторіи, отыскалъ въ старинныхъ русскихъ историкахъ указанія на то, что Россія, въ первыя времена своего существованія, находилась во всякаго рода сношеніяхъ съ Чехіей и Моравіей, посредствомъ войнъ, договоровъ и браковъ князей“. Неполнота русскихъ извѣстій и знакомство съ трудомъ Пельцля: „Kurzgefasste Geschichte der Böhmen“ (1782), въ коемъ Добровскій помѣстилъ свое разсужденіе о происхожденіи имени „чехъ“, побудили Румянцова обратиться къ Добровскому. „Исторія г. Пельцля и ваше предисловіе, продолжалъ Стадіонъ, убѣдили его, что вы скорѣе всякаго другого могли бы надлежащимъ образомъ удовлетворить его желаніямъ,“ и потому онъ проситъ Добровскаго сообщить, не встрѣчались ли ему въ изслѣдованіяхъ древней исторіи чешской данныя о сношеніяхъ съ Россіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать и самые источники, къ которымъ гр. Румянцовъ могъ бы обратиться для дальнѣйшихъ справокъ.

„Этимъ обязательнымъ сообщеніемъ, заключалъ свое пись-

hrdinské vzetí města Paříže od pro svatý pokoj společné armady"), Марекъ („Píseň k pokoji", въ журналѣ Громадка Prvotiny pěkných umění, 1814, № 8) и анонимный авторъ „Ody na vítězné dobyti města Paříže" (тамъ же, 1814, str. 15); на нѣмецкомъ языкѣ написалъ стихотвореніе: „Die Befreyer Europas in Paris" профессоръ пражскаго университета I. К. Миканъ и торжественную оду: „Friedensfeier der Böhmen im Jahre 1814" нѣкій Іоаннъ Гербстъ.

Съ надписью на чешскомъ языкѣ отлита была въ Збировѣ чугунная медаль въ память освобожденія Европы отъ оковъ и отмщенія за ея страданія. „Францъ, Александръ, Фридрихъ пріобрѣли прекраснѣйшій побѣдный вѣнокъ", гласитъ эта надпись на одной сторонѣ медали; на оборотѣ ея: „Они сломали оковы Европы, отмстили страданія народовъ". Окружающія вторую надпись звенья разорванной цѣпи дополняютъ выраженную въ надписи мысль.

Чешскій поэтъ Силорадъ Патрчка въ торжественной одѣ, написанной ко дню тезоименитства императора Александра I (Oda k jmenovinám Jeho Veličenstva Alexandra I, въ ж. Prvotiny pěkných umění, 1814, str. 18—19), воспѣваетъ великодушнаго монарха, освободившаго столько народовъ, томившихся подъ игомъ Наполеона, вспоминаетъ счастливые дни пребыванія его въ Чехіи и радуется новому посѣщенію его. „Ликуй, вѣрный своему отечеству чехъ! Онъ знаетъ и твой твердый мечъ и то, что ты охотно мчишься въ страшную битву" [1]).

Императору Александру I и его полководцамъ посвяща-

[1]) Замѣчательно, что еще и въ настоящее время въ чешскомъ народѣ живы воспоминанія объ этой великой эпохѣ и главномъ лицѣ ея императорѣ Александрѣ I. Въ ж. Český Lid (R. XI, 1901, č. 1, str. 34) напечатана ставшая народною пѣсня о томъ, какъ императоръ Александръ наградилъ везшаго его кучера. Интереснымъ является въ этой пѣснѣ перенесеніе на имп. Александра извѣстнаго преданія о Іосифѣ II, вспахавшемъ собственноручно борозду у Роусинова.

лись спеціальныя статьи и въ журналахъ нѣмецкихъ, которые не отличались во взглядахъ своихъ отъ чешскихъ собратій. Александръ, освободитель Германіи, прямо назывался „создателемъ истинно славянской культуры", — залога прочнаго и непоколебимаго могущества Россіи [1]).

Ростъ могущества Россіи, великая роль ея въ рѣшеніи судебъ европейскихъ народовъ вызываютъ въ патріотахъ чешскихъ вполнѣ ясно выражаемое чувство надежды. Сознаніе племенного единства съ великимъ славянскимъ народомъ укрѣпляетъ эти надежды на помощь съ востока. Уже одно существованіе этой могущественной славянской державы признается залогомъ болѣе радостнаго будущаго. Лучшимъ и наиболѣе убѣжденнымъ выразителемъ этихъ упованій является Антонинъ Марекъ, въ своемъ замѣчательномъ поэтическомъ посланіи къ Юнгманну (1813 г.) повторившій лишь общее настроеніе извѣстнаго круга чешскихъ патріотовъ [2]).

---

[1]) Характерна напримѣръ, статья: „Kaiser Alexander von Russland", въ журн. Kronos, 1813, Prag, IV Bd., S. 64—68, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Dem grossen Deutschen Volksstamme gelang, wiewohl er viele seiner Nationen in Länder gesandt hatte, wo sie die Deutschheit an ein Gemisch von Kultur verloren, sich in seiner Heimath aus ursprünglichen Keimen einen dauernden eigenthümlichen Kulturzustand zu schaffen. Ein gleiches ist dem eben so grossen Slawischen Volksstamme noch nicht geglückt.

Nur Kaiser Alexander kann ihn zu einem solchen Kulturzustande führen. Was es in dem Oesterreichischen Kaiserstaate an Slawischen Nationen giebt, hat schon zu sehr an der Deutschen Kultur Theil genommen, eine eigenthümliche schon zu sehr aufgegeben, ist von zu vielen Deutschen Instituten umgeben und durchschnitten, als dass es dahin trachten könnte, die Slawische Nationalität zu einem eigenthümlichen Ganzen auszubilden. Die Lage der Polen ist zu schwebend; aber Russland kann und wird einen grossen ächtslawischen dauernden Kulturzustand schaffen und erst dadurch seine Macht fest und unerschütterlich gründen".

Ср. еще тамъ же, томъ I, 1813, Januar: „Rückblicke auf einige der wichtigsten Ereignisse des Jahres 1812", гдѣ о Россіи, объ успѣхахъ ея въ области промышленности, путей сообщенія, политики и пр. встрѣчаемъ вообще весьма сочувственныя строки.

[2]) „Ant. Marek Jungmanovi", psaní básnířské, въ собраніи А. Пухмайера „Nové básně", sv. V, 1814, str. 114.

мо Стадіонъ, вы оказали бы крайнее одолженіе ему и мнѣ и возбудили бы между обоими вами обмѣнъ свѣдѣній" [1]).

Такъ силою благопріятныхъ обстоятельствъ полагалось начало взаимнымъ связямъ двухъ преданнѣйшихъ служенію наукѣ мужей. Но предположенный обмѣнъ мыслей между блестящимъ русскимъ дипломатомъ и молодымъ чешскимъ аббатомъ не состоялся. Дружеское посредничество австрійскаго графа не привело къ сближенію любопытнаго представителя научной пытливости екатерининскаго вѣка съ испытаннымъ дѣлателемъ на нивѣ славянской науки. Сборы къ предстоявшему путешествію въ Россію могли отвлечь Добровскаго отъ неожиданнаго вызова Стадіона; но могъ Добровскій счесть домогательство какого-то русскаго дипломата и недостаточно серьезнымъ и не придать ему значенія [2]).

Непосредственныя сношенія Румянцова съ Добровскимъ начались уже значительно позднѣе и по другому поводу. Къ нимъ мы возвратимся нѣсколько ниже. Раньше однако, чѣмъ Румянцовъ и Добровскій встрѣтились, въ непосредственной на этотъ разъ, дѣловой перепискѣ, произошло одно весьма знаменательное въ исторіи русско-чешскихъ культурныхъ связей событіе.

Въ 1792 году Чешское Ученое Общество постановило командировать одного изъ членовъ своего историческаго отдѣленія въ Швецію для разысканія и обслѣдованія увезенныхъ шведами въ Тридцатилѣтнюю войну чешскихъ рукописей. Путешествіе это, въ качествѣ спутника гр. Іоахима Штернберга, совершилъ по порученію Общества Добровскій. Изъ Швеціи онъ перебрался въ Финляндію, въ Або и Гельсингфорсъ, а оттуда прибылъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Москву. Изъ Москвы Добровскій предполагалъ проѣхать въ Кіевъ, думалъ

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адм. А. С. Шишкова. т. I, стр. 221, примѣч. изд.

[2]) А. А. Кочубинскій, Начальные годы русск. славяновѣд., стр. 64.

также и о поѣздкѣ на Кавказъ, чтобы разъяснить себѣ вопросъ о кавказскихъ „чехахъ“ [1]).

Спеціальною цѣлью пребыванія въ Россіи Добровскій поставилъ изученіе памятниковъ древней церковнославянской письменности; для старой письменности чешской онъ ничего не надѣялся найти здѣсь [2]).

Въ Петербургѣ Добровскій пробылъ два мѣсяца (съ 17 августа по 17 октября), которые посвящены были исключительно изученію наиболѣе замѣчательныхъ библіотекъ и архивовъ, доступъ къ коимъ ему былъ значительно облегченъ благодаря предстательству академиковъ Палласа и Штриттера. Ученаго аббата сильнѣе однако привлекала Москва съ ея богатыми хранилищами памятниковъ древней славянской письменности, особенно Патріаршая библіотека („die alte Patriarchal-Bibliothek“). Въ перепискѣ съ Дурихомъ Добровскій ничего почти не говоритъ о своихъ петербургскихъ знакомствахъ, а общій отзывъ его о славянскихъ научныхъ интересахъ образованныхъ круговъ Петербурга далеко не благопріятный. Когда Дурихъ поинтересовался узнать отъ Добровскаго, что думаютъ болѣе образованные русскіе о приготовляемомъ имъ трудѣ „Biblioth.

---

1) Объ этомъ онъ пишетъ 16 апр. 1792 г. Дуриху: „iter nostrum prosequemur per menses facile sex a 10 Maji incipiendo, Stokholmiam primum, dein Petropolim, Mosquam tendemus et, si per metas Tatarorum licuerit, lustrabimus Caucasi incolas Tschechos“. Vzájemné dopisy J. Dobrovského a F. Duricha z let 1778—1800, издалъ A. Patera, v Praze, 1895, str. 226, 256. Замѣтка „Tschechen oder böhmen auf dem Kaukasus“ была помѣщена въ Litterar. Magazin, 1786, II Stück, S. 158. Ср. еще: „Litterärische Nachrichten von einer auf Veranlassung der k. böhm. Gesellschaft der Wiss. im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland“, стр. 108—111.

2) Ср. письмо его отъ 6 мая 1792 г. къ лужичанину Антону, въ Neues Lausitz. Magazin, 1841, S. 79. Въ описаніи путешествія своего онъ говоритъ: „In Petersburg selbst, wo ich den 17 August ankam, war für das Böhmische historisch-litterarische Fach nichts zu hoffen; aber desto mehr, besonders zu Moskau für die ältere slawonische Litteratur“ (S. 100). „Für die böhmische Geschichte und Litteratur war in und um Moskau nichts zu hoffen“ (S. 114).

Slavica", Добровскій отвѣчалъ ему: „Ut verum dicam, non potui altero iam mense urbem percursitans eruditos Russos istarum rerum amantes reperire". Онъ услаждалъ себя однако надеждой, что въ Москвѣ ему удастся найти людей, „qui slavonicarum antiquitatum curiosiores sint" [1]).

Въ Москвѣ Добровскій оставался съ 25 окт. 1792 г. по 7 янв. 1793 года [2]). Здѣсь онъ сосредоточилъ свои разысканія преимущественно на тѣхъ литературныхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ было ему поручено Дурихомъ. Въ то же время Добровскій собираетъ изъ старыхъ славянскихъ рукописей разночтенія перевода Новаго Завѣта для предположеннаго I. I. Гризбахомъ въ Іенѣ новаго изданія текстовъ его [3]).

Въ Лаврѣ Добровскій посѣтилъ митрополита Платона и бесѣдовалъ съ нимъ о славянскихъ рукописяхъ. Благодаря его содѣйствію онъ имѣлъ возможность подробно разсмотрѣть собранія Чудовской и Лаврской библіотекъ [4]).

Къ сожалѣнію, отчетъ Добровскаго о совершенномъ имъ путешествіи не заключаетъ въ себѣ никакихъ данныхъ о бытѣ или нравахъ русскаго народа, не знакомитъ насъ вообще съ состояніемъ современной ему Россіи. Впослѣдствіи только изрѣдка въ сборникахъ „Славинѣ" (1806 г.) и „Słованкѣ" (1814—1815 г.) встрѣчаются кое-какія замѣчанія его, сви-

[1]) Письмо къ Дуриху отъ 4 февр. 1793 г. Vzájemné dopisy, str. 261—262.

[2]) Тамъ же, стр. 263.

[3]) Ср. письмо къ Рибаю отъ 8 февр. 1793 г. Ягичъ, Источники для исторіи славянской филологіи, т. II, стр. 594. Славянскіе библейскіе переводы вообще занимали Добровскаго, мечтавшаго даже объ изданіи славянской библейской полиглотты. Рибай, въ отвѣтъ на сообщеніе Добровскаго объ этомъ проектѣ, подавалъ ему (16 мая 1788 г.) совѣтъ: „Pro slovanskou literaturu byla by slovanská polyglotta ovšem důležitá. Spolupracovníci by se nalezli, zvláště když také Rusové se o něco podobného pokoušejí. Ale měl byste svůj návrh raději podati ruské císařovně, kde takové věci lépe se přijímají a podporují než u nás". Brandl, Život Dobrovského. str. 65.

[4]) См. письмо его къ Дуриху отъ 1 мая 1793 г. Vzájemné dopisy, str. 281, 282.

дѣтельствующія однако о томъ, какъ внимательно присматривался и прислушивался ученый путешественникъ къ русской дѣйствительности [1]). Чего не сдѣлалъ Добровскій, то, повидимому, желалъ восполнить его спутникъ.

Дополненіемъ къ книгѣ Добровскаго явились: „Bemerkungen über Russland auf einer Reise, gemacht im J. 1792 u. 1793“ (Prag, 1794) графа Іоахима Штернберга, попытавшагося представить картину роста могущества Россіи и современнаго ему состоянія ея. Авторъ удивляется быстрому развитію Россіи и приписываетъ достигнутые ею культурные успѣхи главнымъ образомъ генію Петра В., предъ дѣятельностью котораго онъ вполнѣ искренно преклоняется. Насколько гр. Штернбергъ желалъ быть добросовѣстнымъ и точнымъ въ своихъ наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ, свидѣтельствуютъ статистическія и метеорологическія таблицы, приложенныя къ его труду.

Если путешествіе Добровскаго въ Россію состоялось только благодаря счастливой случайности, то еще болѣе случайный характеръ имѣли первыя поѣздки русскихъ людей въ Чехію. Вскорѣ послѣ пребыванія Добровскаго въ Россіи Чехію посѣтилъ одинъ изъ такихъ случайныхъ русскихъ путешественниковъ, авторъ „Путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 г.“ (1805, три части), Ѳ. П. Лубяновскій. Онъ прибылъ въ „Богемію“ съ цѣлью пользоваться ея водами, былъ также и въ Прагѣ, зналъ, что находится въ землѣ славянской, но это обстоятельство оставило въ немъ очень мало впечатлѣнія, почти никакого. Нечего и говорить, что авторъ, хотя человѣкъ образованный, не подозрѣвалъ пробуждавшихся тогда національныхъ интересовъ чешскаго общества; самое имя чеховъ у него, кажется, нигдѣ не упомянуто,—онъ знаетъ только „богемцевъ“. Его замѣчанія объ этихъ богемцахъ крайне скудны [2]). Передъ

[1]) Таково, напр., его замѣчаніе о русской народной пѣснѣ. Slovanka, 1814, S. 107.

[2]) Но они свидѣтельствуютъ о большей все-таки наблюдательности автора, чѣмъ, напр., позднѣйшія „Записки русскаго офицера“ Ѳ. Глинки (1815 г.), бывшаго и въ Силезіи, и среди лужичанъ, и въ Угорской Руси и ни словомъ не обмолвившагося

тѣмъ онъ былъ въ Саксоніи, и его наблюденія останавливаются только на внѣшнемъ состояніи жителей. „Богемія, говитъ онъ, едва ли можетъ равняться съ Саксоніею. Здѣсь, кажется, природа все сама болѣе дѣлаетъ. Я увидѣлъ большое различіе между жителями той и другой страны. Здѣсь по селеніямъ я не нашелъ той опрятности, того порядка и той чистоты, коими столько любовался въ Саксоніи. Между тѣмъ они живутъ лучше саксонцевъ; по здѣшней пословицѣ: саксонецъ кладетъ все на себя, богемецъ все въ себя. Обычаи сельскихъ жителей болѣе всего меня забавляютъ. Они столь близки къ обычаямъ Малороссіи, нашей любезной отчизны. Нарѣчіе ихъ также сходно съ малороссійскимъ... Народъ сей сложенія крѣпкаго, статенъ, добродушенъ и гостепріименъ. Въ здѣшнемъ краю считается до 1.300.000 жителей и до 2.500 разныхъ училищъ. Главная цѣль ихъ, какъ увѣряли меня, введеніе повсюду нѣмецкаго языка. Природное нарѣчіе нечувствительно теряется“ (стр. 106—108). Вотъ все наиболѣе существенное, что нашъ путешественникъ могъ сказать о нашихъ соплеменникахъ. Пребываніе въ Прагѣ точно такъ же ничего не сказало путешественнику о чешскомъ народѣ. Онъ не нашелъ въ ней ничего любопытнаго... [1]).

Пребываніе Добровскаго въ Россіи дало ему возможность, прежде всего, основательно познакомиться съ русскимъ языкомъ [2]). Имѣя спеціальныя задачи, разысканія въ области старославянской письменности, онъ не упускаетъ изъ виду и наиболѣе выдающихся явленій тогдашней русской литературы. Такъ, къ этому времени слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести знакомство его съ трудами Ломоносова и Тредьяковска-

---

о славянскомъ населеніи этихъ земель; только словакамъ посвящено имъ нѣсколько совершенно безцѣнныхъ строкъ.

[1]) А. Н. Пыпинъ, Русское славяновѣд. въ XIX ст. В. Евр., 1889, т. IV, стр. 244—245.

[2]) Какъ внимательно изучалъ онъ спеціально руское удареніе, объ этомъ см. его письмо къ Дуриху отъ 1 февр. 1795 г. Vzájemné dopisy, str. 332.

го. Быть можетъ, въ связи съ преобразованіями этихъ двухъ писателей въ области стихосложенія русскаго стояло и новое ученіе Добровскаго о чешскомъ тоническомъ стихосложеніи. Замѣчаніе Добровскаго, что онъ набросалъ „doctrinam de tono omnino novam" раньше отправленія въ Россію¹), косвенно можетъ свидѣтельствовать въ пользу этого предположенія: мысль о реформѣ явилась у Добровскаго самостоятельно, ближайшее же знакомство съ опытами новой русской поэзіи могло только сильнѣе убѣдить его въ необходимости преобразованія чешскаго стихосложенія. Новое ученіе Добровскаго нашло тотчасъ усердныхъ послѣдователей: прежде всего Антонина Пухмайера, а вслѣдъ за нимъ Ганку, Антонина Марка и др. Опытъ открыли Пухмайеръ и Пишели переводомъ оды Хераскова²). Русскій стихъ послужилъ образцомъ для чешскихъ переводчиковъ, не имѣвшихъ еще въ своей литературѣ предшественниковъ въ этой области. Успѣхъ новаго ученія и увлеченіе русской литературой радовали Добровскаго, желавшаго видѣть среди чешской молодежи побольше подобнаго рода примѣровъ³). Еще болѣе обрадовался этому славянскому увлеченію молодыхъ студентовъ-богослововъ Дурихъ, который непремѣнно желалъ знать ихъ имена, дабы со временемъ увѣковѣчить ихъ въ третьемъ томѣ своей Bibl. Slavica⁴), а Пельцель обѣщалъ

---

¹) Письмо къ Дуриху отъ 1 февр. 1795 г., Vzájemné dop., str. 332.

²) См. Rýmovník, жизнеописаніе Пухмайера, str. XII.

³) Объ этомъ онъ пишетъ Дуриху 14 янв. 1795 г.: „Sunt Pragae alumni ecclesiastici duo, qui Slavica, praeprimis Russica amant; odam Cheraskowii in Opyt trudow verterunt nuper elegantissime in Bohemicum. Utinam plures juvenes ad studia haec excitare et juvare possem!" Vzájemné dop., str. 327. Это была „Óda o Velebnosti božské". Ею начинается I вып. „Sebrání básní a zpěvů".

⁴) „Vehementi gaudio me affecisti notitia duorum alumnorum eccles., qui Slavica, praeprimis Russica amant, quorum odam (Cheraskovii) bohemice redditam, item carmen illius eccles., quod Zlobickyo misisti, meis impensis grammaticae vestrae adjunge. Saluta hos Slavophilos meo nomine quam humanissime; et postquam responsorias ad

присоединить переводъ оды Хераскова, какъ образецъ новаго стиха, къ своей Грамматикѣ [1]).

Въ 1814 году Добровскому представлялся случай совершить вторичную поѣздку въ Россію, куда его звалъ съ собою баронъ Штакельбергъ. Но поѣздка не состоялась, ибо Добровскій зналъ уже Россію, а кромѣ того, на смѣну прежнимъ друзьямъ его въ Россіи выступили уже „novi homines" [2]).

Добровскій собралъ вокругъ себя молодыхъ людей, искавшихъ возможности познакомиться съ славянствомъ. Квартира Добровскаго сдѣлалась аудиторіей, въ которой аббатъ читалъ кружку своихъ слушателей лекціи по языкознанію вообще, по старославянскому языку, славянскимъ древностямъ и литературамъ и вообще обо всемъ, что касалось жизни славянства. Тутъ не чувствовалось того стѣсненія, которое неизбѣжно было на университетской каѳедрѣ того времени, и свободный университетъ Добровскаго развивалъ между членами его самое непринужденное научное общеніе. Здѣсь въ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ отводилось широкое мѣсто и русской литературѣ и языку [3]). Общій интересъ къ культурной и политической жизни русскаго народа, созданный среди западнаго славянства извѣстными событіями начала XIX столѣтія, находилъ полное удовлетвореніе въ живомъ и трезвомъ словѣ великаго учителя.

Ученый кабинетъ Добровскаго былъ первой чешской школой русскаго языка; отсюда распространились въ чешскомъ

---

me literas dare potueris, quaeso! nomina, cognomina, patriam et quae necessaria sunt cognitioni literariae perscribe, ut vol. III. c. XVII eorum memoriam posteritati tradere possem", отвѣчалъ Дурихъ. Добровскій на этомъ письмѣ Дуриха (отъ 24 янв. 1795 г.) приписалъ ихъ имена на полѣ: „Anton Puchmayer von Moldauteyn 4-ti anni, Anton Pischely von Leutomyschl, 4-ti an." Ibid., str. 331.

[1]) „Promisit dn. Pelzelius, se Cheraskowii odam adjuncturum gramm. suae, ob id maxime, quod magister Puchmayer prosodiae novae regulas secutus sit. Spero placituram tibi", пишетъ Добровскій Дуриху 1 февр. 1795. Ibid., str. 333.

[2]) Ягичъ, Источники для ист. слав. филол., т. I, 389, 421.

[3]) Brandl, Život Dobrovského, str. 160.

обществѣ первыя начала знакомства съ русской азбукой; изъ этой школы вышли тѣ первые ученики и послѣдователи Добровскаго, которые трудами своими подготовили столь плодородную почву для богатыхъ всходовъ нивы русско-чешской взаимности въ литературѣ и наукѣ. Вліяніе этихъ лекцій, въ ряду другихъ факторовъ, было несомнѣнно чрезвычайно велико. Развитіе русскихъ симпатій въ чешскомъ обществѣ показалось австрійскому правительству настолько тревожнымъ симптомомъ, что оно рѣшилось парализовать хоть увлеченіе русскимъ языкомъ. Вотъ что писалъ Добровскій другу своему Заградпику въ 1819 г.: „Есть нѣкоторые радѣтели о чешскомъ языкѣ, до такой степени ненавидящіе нѣмцевъ, что они предпочли бы находиться подъ русскою властью, нежели подъ нѣмецко-австрійскою. Такой образъ мыслей можетъ весьма вредить чешской литературѣ, такъ что правительство будетъ и должно стараться, чтобы всѣ народы скорѣй онѣмечились. Съ другой стороны, въ Вѣнѣ опять опасаются, чтобы славяне австрійскіе греческаго обряда не присоединились къ Россіи. Въ виду этого на имя бургграфа прислано письмо отъ придворной полиціи, чтобы онъ побудилъ меня къ изданію старославянской грамматики, дабы наши славяне скорѣй возлюбили этотъ языкъ, нежели русскій“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что этой мѣрой имѣлось въ виду подѣйствовать и на чеховъ.

Страннымъ образомъ вѣнскія власти обратились къ тому самому Добровскому, который наиболѣе содѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ въ начальный періодъ созданія русско-чешскаго научнаго единенія, распространенію среди чеховъ русскаго языка и здравыхъ, безпристрастныхъ понятій о Россіи.

3.

Уже въ 1792 г., въ видѣ прибавленія къ описанію своего ученаго путешествія, Добровскій представилъ „Сравненіе россійскаго языка съ богемскимъ“ [2]). Въ небольшомъ преди-

---

[1]) Cf. Osvěta, IX, 1879, str. 538.

[2]) Vergleichung der russischen und böhmischen Sprache.

словіи Добровскій высказываетъ свой взглядъ на значеніе и отчасти на составъ незадолго передъ тѣмъ появившагося въ Петербургѣ въ двухъ изданіяхъ „Сравнительнаго словаря" (1787—1789 г. и 1790—1791 г.), коимъ онъ широко пользуется, и отмѣчаетъ погрѣшности его, особенно отсутствіе въ немъ связи въ распредѣленіи славянскихъ языковъ [1]).

Въ 1799 г., во время нахожденія русскихъ войскъ въ Чехіи, Добровскій издаетъ уже отдѣльное пособіе „для пониманія русскаго языка", составленное имъ на основаніи грамматики Гейма. Эта маленькая, рѣдкая нынѣ книжечка имѣла заглавіе: „Neues Hülfsmittel die Russische Sprache leichter zu verstehen, vorzüglich für Boehmen, zu Theile auch für Deutsche, selbst für Russen, die sich den Böhmen verständlich machen wollen. Ein zweckmässiger Auszug aus Heym's Russischer Sprachlehre. Prag. 1799". Это былъ краткій учебникъ-самоучитель, состоявшій изъ замѣчаній грамматическихъ, краткаго собранія выраженій и словъ русскихъ, съ переводомъ на языки нѣмецкій и чешскій, изъ краткихъ разговоровъ, съ переводомъ на тѣ же языки; въ заключеніе сообщенъ былъ небольшой нѣмецко-русскій и русско-чешскій азбучный сборникъ словъ. Въ предисловіи (Vorbericht) составитель говоритъ о первоначальномъ родствѣ и близкомъ сосѣдствѣ, до VI-го вѣка, чеховъ и русскихъ, объ отдѣленіи ихъ другъ отъ друга и о язычныхъ отличіяхъ, возникшихъ вслѣдствіе этого. Отличія эти имѣлись главнымъ образомъ въ виду и при составленіи руководства, и во всѣхъ заглавіяхъ отдѣльныхъ частей его означаются только отклоненія (Abweichungen in der Aussprache и пр.) [2]).

---

[1]) Ст. отзывъ объ этомъ трудѣ Добровскаго у Аделунга: „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergl. Sprachkunde". St. P. 1815, S. 174—176. Извлеченія изъ этого разсужденія напечатаны въ Трудахъ Вольн. Общ. Любит. Росс. Слов., 1818, ч. I, стр. 293—294, 298.

[2]) И. Снегиревъ. Іос. Добровскій. Его жизнь, учено-лит. труды и заслуги для славяновѣдѣнія. Казань, 1884, стр. 187. Экзем-

Вслѣдъ за пособіемъ Добровскаго появляется „Русскій переводчикъ“ неизвѣстнаго автора: „Der russische Dollmetscher, welcher den Deutschen dahin unterrichtet, dass er sich auf der Stelle jedem Russen verständlich machen, ebenso aber auch den Russen verstehen kann. Eine Sammlung von den nöthigsten Wörter, die man nach dem Alphabet deutsch oder russisch aufsuchen kann. Prag. 1799“ [1]).

Очевидно, подобнаго рода пособія были въ это время необходимы и служили чешскому обществу, для коего они прежде всего предназначались, полезную службу въ сношеніяхъ съ русскимъ военнымъ міромъ.

Въ 1805 г. извѣстный филологъ Фр. Томса въ разсужденіи: „Ueber die Veränderungen der čech. Sprache“, дѣлаетъ новый опытъ сравненія формъ чешскаго языка, на этотъ разъ стараго, съ формами языка русскаго и церковнославянскаго.

Въ томъ же 1805 г. Ярославъ Пухмайеръ (Пухмиръ) издалъ новое пособіе для изученія русскаго языка: „Правопись руско-ческій“ [2]). Книжечка посвящена была составителемъ канонику будѣевицкой епархіи Арношту Ружичкѣ, бывшему нѣкогда ректоромъ семинаріи во Львовѣ, знавшему русскій языкъ и поэтому, по личному желанію императора Іоси-

---

пляръ пособія Добровскаго имѣется въ библіотекѣ Чешскаго Музея, но безъ обозначенія имени составителя.

[1]) Объявленіе о немъ помѣщено въ № 68 K. K. priv. Oberpostamtszeitung, 1799 г.

[2]) Pravopis rusko-český. Второе изданіе 1851 г. Ганка сдѣлалъ „на средства одного любителя русскаго письма“. См. письмо его къ Бодянскому отъ 30 янв. 1851 г. Чтенія въ И. О. И. и Др. Росс. 1887, II, стр. 27. Этимъ любителемъ былъ нѣкій Іосифъ Данекъ изъ Фридланда, при посредствѣ Ганки выписывавшій изъ Россіи книги, касавшіяся химіи, технологіи etc. „Jest pan Daněk mladý schopný sládek, kterýž o svém řemesle psáti chce i rádby, abychom v technických výrazech od Rusů se neodchylovali. On jest bohat, dosti vzdělán, naučil se francouzsky i rusky a jeho nákladem vyšel nyní po druhé Pravopis Rusko-Český nebožtíka Puchmayera“, писалъ Ганка 3 (15) авг. 1851 г. Срезневскому.

фа II, сопровождавшему его въ поѣздкѣ въ Россію на свиданіе съ Екатериной II. „Тамъ, во Львовѣ и въ Херсонѣ, говоритъ Пухмайеръ, ваше преподобіе имѣли случай съ русскими „Российскимъ говорити глаголомъ“ и этимъ дать ясное доказательство, что чехъ съ чешскимъ языкомъ можетъ пройти значительно большую часть свѣта и объясниться съ болѣе многочисленными народами, чѣмъ какой бы то ни было другой народъ въ мірѣ съ своимъ языкомъ“. Прося читателя благосклонно принять этотъ опытъ, составитель выражаетъ надежду, что онъ будетъ не безполезенъ „въ настоящихъ обстоятельствахъ“, и такимъ образомъ точно опредѣляетъ цѣль своего изданія: это было такое же практическое руководство, какое, какъ мы видѣли, составили Добровскій и анонимный авторъ „Русскаго переводчика“.

Военныя событія 1812—1813 г. вновь вызываютъ интересъ къ русскому языку. Такъ какъ интересъ этотъ имѣлъ главнымъ образомъ практическія основанія, то поэтому появившіяся въ 1813-омъ году пособія для изученія русскаго языка отличались такимъ же характеромъ. Добровскій изъ прежняго своего учебника (Neues Hülfsmittel, 1799 г.) на этотъ разъ издаетъ только указатель словъ и выраженій, дополнивши эту часть перваго изданія, подъ заглавіемъ: „Verzeichniss der russischen Wörter und Redensarten, die im gemeinen Leben am häufigsten vorkommen“... (1813). Одновременно съ этимъ пособіемъ въ Прагѣ появляется спеціальный нѣмецко-чешско-русскій переводчикъ въ вопросахъ и отвѣтахъ: „Neuer deutsch-böhmisch-russischer Dolmetscher, in Fragen und Antworten für den Bürger und Landmann, für Reisende, im Handel, in Gasthöfen, für Militär und in andern nöthigen Fällen“ (Prag, 1813. Bey Aloys Krammer).

Всѣ отмѣченныя нами пособія для ознакомленія съ русскимъ языкомъ имѣли однако лишь временное значеніе. Вызванныя почти исключительно потребностями военнаго времени, они не могли удовлетворить требованіямъ тѣхъ, кто желалъ болѣе основательно и научнымъ образомъ познакомиться съ русскимъ языкомъ.

Первое обширное, на научныхъ основаніяхъ построенное руководство къ изученію русскаго языка принадлежитъ извѣстному намъ Пухмайеру. Онъ не ограничился указаннымъ выше незначительнымъ по объему и значенію „Русско-чешскимъ правописаніемъ“, а задался цѣлью составить новое, болѣе обширное и основательное руководство. Образцомъ послужили знаменитыя „Lehrgebäude der böhm. Sprache" Добровскаго, который встрѣтилъ весьма сочувственно намѣреніе Пухмайера и обѣщалъ написать къ труду его предисловіе [1]). Грамматика начала печататься на средства только что основаннаго Чешскаго Музея. Первоначально, впрочемъ, Пухмайеръ искалъ издателя при содѣйствіи Фатера въ Вѣнѣ, но неудачно [2]). Хлопотъ и затрудненій съ цензурой и съ печатаніемъ было множество. Два года прошло, пока книга была напечатана и вышла въ свѣтъ [3]). Наборщикамъ необходимо было предварительно научиться читать по-русски; затрудненіе увеличивалось еще тѣмъ, что они за время печатанія книги смѣнились четыре раза. Некому было держать корректуру, и единственнымъ помощникомъ Пухмайера въ этомъ дѣлѣ явился Ганка. Въ началѣ марта 1820 г. книга, за исключеніемъ одного листа, была уже отпечатана: задержка произошла только изъ-за обѣщаннаго Добровскимъ предисловія [4]). Только къ августу печатаніе закончилось, и Пухмайеръ могъ сообщить другу своему Седлачку: „Моя русская грамматика уже вышла, цѣна ей назначена 6 гульд. Въ Россію будетъ отправлено шесть прекрасно переплетенныхъ веленевыхъ экземпляровъ для Импе-

---

[1]) Добровскій написалъ въ видѣ введенія къ труду Пухмайера обширную статью: „Literatur der russischen Sprachlehren", помѣченную 13 іюня 1820 г.

[2]) Ср. письмо Копитара къ Добровскому отъ 28 марта 1818 г., Ягичъ, Источники, I, стр. 438.

[3]) Посвященіе Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ подписано: „Radnitz den 20 Oktober 1818", а книга вышла только въ августѣ 1820 г. Къ январю 1820 г. было отпечатано только 11 листовъ, а въ книгѣ ихъ 18. Ср. письмо Добровскаго къ Копитару, отъ 30 янв. 1820 г. Ягичъ, Источники, I, стр. 449.

[4]) Rýmownik. str. XXVI.

ратрицы и одинъ экз. для президента Академіи Шишкова. Съ какими результатами, покажетъ время“ [1]... Книга носила заглавіе: „Lehrgebäude der russischen Sprache“ и была посвящена вдовствующей императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. „При проѣздѣ Вашего Императ. Величества черезъ Чехію, говоритъ въ посвященіи Пухмайеръ, когда жители этого королевства всячески старались представить доказательства того, какъ высоко они цѣнятъ счастіе подобнаго посѣщенія [2], и авторъ сего труда осмѣлился въ вѣнокъ всеобщей радости вплести русскій цвѣтокъ, взошедшій на чешской почвѣ“...

„Хотя многіе ученые, русскіе и иноземные, собрали уже богатую жатву на широкихъ поляхъ русскаго языка, тѣмъ не менѣе и для меня, говоритъ Пухмайеръ далѣе, осталось еще немало подобрать колосьевъ, и эта работа будетъ, быть можетъ, тѣмъ заслуженнѣе, чѣмъ новѣе система приведенія въ порядокъ подобраннаго. Авторъ, по крайней мѣрѣ, питаетъ надежду, что скромная фіалка будетъ расти рядомъ съ этими блестящими лиліями и радостно расцвѣтетъ подъ высокимъ покровительствомъ Вашего Величества“. При содѣйствіи высокаго покровителя своего, графа Штернберга, Пухмайеръ препроводилъ свой трудъ въ Петербургъ. Но ему не суждено было дожить до того радостнаго дня, когда за подношеніе могла бы прійти съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ ожидавшаяся награда. Пухмайеръ ждалъ ея и передъ смертью († 29 сентября 1820 г.), распорядившись передать въ собственность Народному Музею, если что-либо будетъ получено отъ „русскаго двора“ [3].

---

1) Ibid., str. XXVIII.

2) Въ память посѣщенія Праги императрицей Маріей Θеодоровной появилось нѣсколько торжественныхъ одъ: одна—„Bei der frohen Ankunft Ihrer Majestät der verwittweten Kaiserin aller Reussen Maria Fedorowna zu Prag im Oktober 1818“, принадлежитъ Іоганну Гербсту и вышла отдѣльнымъ изданіемъ, другая: „Mariana Feodorowna, verwittwete Kaiserin aller Reussen bey den Prager Elisabethinerinnen“, неизвѣстнаго автора, напечатана была въ ж. Hyllos, 1819, № 1, Juli.

3) Rýmownik, str. XXXII.

Послѣдовалъ ли какой-либо отвѣтъ на подношеніе Пухмайера, мы не знаемъ. Надо думать, оно не осталось безъ отвѣта. Императрица Марія Θеодоровна, получивши экземпляры Lehrgebäude, препроводила одинъ изъ нихъ Шишкову для Академіи при слѣдующемъ письмѣ: „Александръ Семеновичъ! Богемскій ученый посвятилъ мнѣ сочиненную имъ, во время проѣзда моего черезъ Богемію, Россійскую Грамматику. Получивъ нынѣ нѣсколько экземпляровъ оной, чрезъ покровительствующаго сочинителю, весьма почтеннаго тамошняго вельможу, Я удовольствіемъ себѣ поставила чрезъ посредство ваше доставить одинъ экземпляръ сей Грамматики Россійской Академіи, вами предсѣдательствуемой, яко сословію, къ занятіямъ котораго относится сей трудъ, доказывающій, сколько и въ чужихъ единоплеменныхъ странахъ занимаются нашимъ прекраснымъ языкомъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю къ вамъ благосклонною. Марія. Въ Гатчинѣ, октября 9 дня 1820“ [1]).

Грамматика Пухмайера имѣла, несомнѣнно, широкое распространеніе въ Чехіи, ею долго и преимущественно пользовались при изученіи русскаго языка [2]).

Популярности грамматики Пухмайера немало должно было способствовать то обстоятельство, что самъ Добровскій въ введеніи къ ней (p. XXXVI—XLI) подробно указывалъ, насколько составитель сумѣлъ воспользоваться методомъ его чешской грамматики и примѣнить его къ ученію объ образованіи словъ и флексій въ языкѣ русскомъ, и отмѣчалъ тѣ достоинства ея, которыя давали право рекомендовать ее въ качествѣ пособія. Заключеніе Добровскаго о трудѣ Пухмайера было слѣдующее: ясность правилъ, соотвѣтствующіе примѣры, удачное

---

[1]) Читано было въ засѣданіи Имп. Росс. Акад. 16 окт. 1820 г. Зап. засѣд., 1820 г., подъ 16 окт., № 1.

[2]) Но извѣстны были и употреблялись и другія пособія, какъ, напр., грамматика Таппе: „Theoretisch-praktische Grammatik von D. A. W. Tappe.“ St. PBg. 1810 и 1812. Ср. F. L. Čelakovského Sebrané listy, str. 76.

соединеніе разсѣянныхъ замѣчаній и вообще методическіе пріемы придаютъ всему труду такія достоинства, которыя не могутъ быть отвергнуты безпристрастнымъ судьею. Предоставляя высказаться, строго и безпристрастно, относительно достоинствъ труда Пухмайера Россійской Академіи, какъ наиболѣе компетентной въ этомъ дѣлѣ инстанціи[1]), Добровскій выражалъ однако надежду на то, что этотъ новый опытъ Пухмайера, дающій возможность иностранцамъ изучить широко распространенный славянскій языкъ, будетъ принятъ Академіей не безъ одобренія[2]).

4.

Широкое, по крайней мѣрѣ въ ученыхъ и литературныхъ чешскихъ кругахъ, изученіе русскаго языка вело за собою распространеніе русской книги. Знакомство съ русской гражданкой возбуждало вопросъ о возможности примѣненія ея къ письменности чешской, а одновременно тѣмъ же логическимъ путемъ возникало стремленіе сообщить болѣе широкую роль въ письменности славянской и азбукѣ чешской. Вопросъ о наиболѣе соотвѣтствующей звукамъ славянскихъ нарѣчій, единой и однообразной азбукѣ непрестанно занималъ чешскихъ филологовъ, и попытки рѣшенія его въ чешской филологической литературѣ имѣютъ свою длинную исторію. Чешскіе ученые и писатели рань-

---

[1]) Ср. еще письмо Добровскаго къ Шишкову отъ 11 февр. 1820 г. Добровскій обѣщаетъ немедленно по напечатаніи книги прислать экземпляръ въ Академію, „ибо сочинитель самъ ничего столько не желаетъ, какъ видѣть, чтобы трудъ его былъ разобранъ и подвергнутъ сужденію столь просвѣщеннаго общества, дабы со временемъ можно было согласиться въ образцѣ, по коему должны быть расположены всѣ грамматики прочихъ славянскихъ нарѣчій". Записки А. С. Шишкова, т. II, стр. 376.

[2]) Похвальный отзывъ о Грамматикѣ Пухмайера помѣстилъ проф. Фатеръ въ Jenasche Allg. Literaturzeitung. См. письмо его отъ 3 апр. 1821 г., Rýmownik, str. XXXIV. Ганка считалъ трудъ Пухмайера „весьма основательнымъ". Vlastenský Zvěstovatel, 1820, č. 14, замѣтка по поводу смерти Пухмайера.

ше другихъ славянъ обратились къ кирилловской азбукѣ, какъ наиболѣе цѣлесообразной замѣнѣ прежде всего азбуки чешской, а затѣмъ и разнородныхъ другихъ славянскихъ азбукъ латинскаго письма. Первоначально вопросъ этотъ обсуждался самъ по себѣ, независимо отъ тѣхъ послѣдствій, какія могло создать для чешской и славянскихъ литературъ утвержденіе общеславянской азбуки, но впослѣдствіи онъ сдѣлался неотъемлемою частью вопроса о единомъ славянскомъ литературномъ языкѣ. Чешскіе ученые сначала только робко сравнивали русскую гражданку съ чешской азбукой въ параллельныхъ изображеніяхъ, предоставляя читателю самому сдѣлать тѣ или другіе выводы изъ такого сравненія. Опытъ сравненія: „Vergleichung des böhmischen und slawenischen Alphabets“, т. е. чешской азбуки и русской гражданки, представилъ уже въ 1802 году извѣстный намъ Францъ Томса въ разсужденіи: „Über die čechische Rechtschreibung“. Значительно далѣе пошелъ Антонинъ (Ярославъ) Пухмайеръ, въ названномъ нами пособіи: „Pravopis rusko-český“ представившій уже образцы, какъ писать по-чешски русскою азбукою [1]).

Неудовлетворительность латинской азбуки для выраженія славянскихъ звуковъ неоднократно отмѣчаетъ Добровскій и въ письмахъ къ Копитару, и въ своихъ трудахъ. Разнообразіе и искусственность системъ правописанія у славянъ латинскаго письма вызываютъ въ немъ естественное желаніе достигнуть большаго единства и однообразія въ этомъ отношеніи. Но ему

---

[1]) Въ видѣ приложенія здѣсь напечатаны были три стихотворенія („básně“) русской азбукой. Но годомъ раньше Пухмайеръ увлекался еще мыслью объединить всѣхъ славянъ, по крайней мѣрѣ, австрійскихъ латинскаго письма, при помощи предложенной имъ системы правописанія. Эта реформа, какъ ему казалось, могла бы объединить прежде всего чеховъ и поляковъ. Chrám Gnídský, 1804, str. XIV, введеніе. Опытъ Пухмайера вызвалъ впослѣдствіи попытку П. П. Дубровскаго примѣнить русскую азбуку къ польскому языку. Въ 1852 г. онъ издалъ „Образцы польскаго языка, въ прозѣ и стихахъ, для русскихъ“, гдѣ прямо ссылается на примѣръ Пухмайера.

не вѣрится какъ-то въ возможность выработки такой универсальной азбуки путемъ общаго соглашенія славянъ западныхъ. Добровскій сознаетъ всю трудность такого мирнаго переворота. Рѣшеніе этого вопроса ему представляется возможнымъ скорѣе твердою волею какого-либо „славянскаго самодержца", который произнесъ бы свое рѣшающее слово, чѣмъ при помощи ученыхъ собраній и разсужденій [1]). По этому предмету, какъ онъ сообщаетъ 17 октября 1813 г. [2]) Копитару, у него была бесѣда съ Шишковымъ. Добровскій, какъ явствуетъ изъ этого письма, излагалъ адмиралу свои сомнѣнія относительно возможности осуществить на практикѣ кабинетные проекты реформы азбуки. „Шишковъ, пишетъ Добровскій, выразился по этому предмету слѣдующимъ образомъ: „Что за охота вамъ ломать себѣ головы,—примите нашу азбуку". На замѣчаніе мое, что нѣкоторые русскіе сами склонны принять латинскую азбуку, послѣдовалъ отвѣтъ: „Такимъ людямъ слѣдуетъ снять головы (чрезъ палача NB.). Это впослѣдствіи денаціонализируетъ народъ". Эти слова Шишкова Добровскій вспоминалъ неоднократно и впослѣдствіи, когда Копитаръ не переставалъ убѣждать его взяться за алфавитную реформу [3]). Шишковъ былъ убѣжденъ, что „всѣ славенскія нарѣчія (выключая россійское) впали въ несчастіе, оставя славенскую азбуку, изображать звуки свои иностранными письменами, чрезъ что много уклонились отъ чистоты и благогласія отца своего славянскаго языка. Желательно, говорилъ Шишковъ, чтобъ нѣкогда отвергли онѣ сіе несвойственное имъ употре-

---

[1]) Ягичъ, Источники, I, стр. 81. Въ другомъ мѣстѣ (7 авг. 1810 г.) онъ повторяетъ ту же мысль: „Wäre es nach Schlözern gegangen, so hätte der Selbstherrscher aller Reussen, wenn er Selbstherrscher aller Slawen geworden wäre, durch einen Ukaz so etwas machen können". Тамъ же, стр. 156—157.

[2]) Тамъ же, стр. 360—361.

[3]) Тамъ же, стр. 372, 374, 379. Вообще Копитаръ играетъ довольно странную роль во всѣхъ этихъ „абецедованіяхъ", прячась постоянно за чью-нибудь спину. Ср. отзывъ о немъ Шафарика Č. Č. Mus., 1874, str. 68.

бленіе. Господинъ Добровскій писалъ нѣчто о соглашеніи всѣхъ ихъ азбукъ; но лучше бы предложилъ онъ всѣмъ имъ принять славенскую, сродную имъ азбуку: тогда бы онѣ безъ всякой разности въ значкахъ, безъ повторенія тѣхъ же буквъ и означенія ихъ различными вверху значками имѣли для каждаго звука особую букву" [1]).

Уже въ сборникѣ „Slavin" (I-ое изд. 1806 г.) Добровскій разсматриваетъ систему передачи славянскихъ звуковъ, принятую Шлецеромъ и изложенную имъ въ „Несторѣ" [2]). Употребленіе Шлецеромъ польскаго cz для ч (č), sz для ш (š) не вызываетъ возраженій со стороны Добровскаго, но шлецеровскія новшества: tz для ц (c), sh для ж (ż) и scz для щ (šč, польск. szcz) не удостоились его одобренія [3]). Самъ Добровскій въ статьяхъ сборниковъ Slawin и Slowanka предпочитаетъ пользоваться при передачѣ церковнославянскихъ и русскихъ текстовъ чешскимъ правописаніемъ, какъ наиболѣе, по его мнѣнію, пригоднымъ для этой цѣли [4]).

Считая, подобно Копитару, необходимой основой всякой будущей универсальной славянской азбуки алфавитъ латинскій, Добровскій, въ то время какъ Копитаръ возставалъ противъ системы діакритическихъ надстрочныхъ и подстрочныхъ значковъ, не находилъ въ нихъ ничего неудобнаго, хотя самъ упо-

[1]) Извѣстія Росс. Акад., 1817, кн. III, стр. 52, примѣч. къ рѣчи Яна Неѣдлаго. Пространнѣе онъ разсуждаетъ объ этомъ въ „Разговорахъ о словесности", стр. 14—16.

[2]) Томъ II, стр. 321—340: „Vorschlag das Russisch vollkommen richtig und genau mit lateinischer Schrift auszudrücken".

[3]) „Schlötzerovo sh místo ж se mi nelíbí", заявлялъ позже и Шафарикъ. Č. Č. Mus., 1873, str. 385.

[4]) Помѣстивъ въ видѣ приложенія къ Slovank'ѣ (II Lief.) русскую пѣсню, Добровскій счелъ необходимымъ текстъ ея, подписанный подъ нотами въ безобразной то нѣмецкой, то французской орѳографіи, перепечатать отдѣльно чешскимъ правописаніемъ, при чемъ вводитъ тутъ же вмѣсто ъ въ предлогахъ (съ, въ) черточку (тире): s-toboju, w-nej, и обозначаетъ ь въ извѣстныхъ случаяхъ посредствомъ апострофа: iščus', perežit', bojus'.

треблялъ среди латинскихъ буквъ, для избѣжанія діакритическихъ знаковъ, кирилловское ш и пр. Добровскій, повидимому, не особенно увлекался задачей реформы азбуки и проектами созданія славянской пасиграфіи. Зато съ несомнѣннымъ увлеченіемъ принимается за дѣло преобразованія азбуки чешской и вмѣстѣ съ тѣмъ установленія новой азбуки всеславянской ученикъ патріарха славистики, Вячеславъ Ганка. Первоначально онъ сдѣлалъ опытъ приспособить къ этой роли азбуку латинскую и образецъ своихъ новаторствъ представилъ въ изданіи „Слова о полку Игоревѣ“ [1]). Изданіе это, предпринятое, главнымъ образомъ, съ цѣлью распространить „Слово“ среди славянъ латинскаго письма, имѣло въ то же время и другую цѣль: оно должно было служить нагляднымъ отъ обратнаго доказательствомъ преимуществъ славянскаго письма [2]).

Новшества Ганки не встрѣтили никакого сочувствія, и особенно возмущался ими Шафарикъ, не видѣвшій ровно никакой пользы отъ подобныхъ преобразованій для литературы [3]). Такъ

[1]) Начало „Слова“ въ транскрипціи Ганки представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Ne lepo li-by biaнet, bratie, naчati starymi slovesy trudnyн poviestij o plku Igorevie, Igoria Sviatslavliчa! naчatiчe sia toj piesni po bylinam sego vremeni a ne po zamyшleniju Bojaniu. Bojan-bo vieшчij, aшче komu нotiaшe piesni tvoriti“...

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Ганка въ письмѣ, адресованномъ Росс. Академіи: „Примите милостиво, Сіятельнѣйшіе и Препочитаемые Члены, въ славный знакъ благодарности моей толкованіе Слова о полку Игоревѣ, котораго подлинникъ я преставилъ латинскими буквами только для того, чтобъ уроженцы мои и другіе латинскіе славяне (могли) участвовать не только красотъ древняго сочиненія, но болѣ того,—очевидно смотрѣть эту маленькую разницу нарѣчій между собою; о преимуществу славянскаго письма удостовѣрится каждый самъ“. Конспектъ безъ даты, въ бумагахъ Ганки.

[3]) „Srovnejte už prosím, пишетъ онъ Коллару 20 февр. 1826 г., tuto Hankovu orthografii (въ изданіи трактата Гуса „Dcerka“, гдѣ Ганка сталъ употреблять вм. *i*—ı!) s jeho Igorem a považte vše to, co tím a Pohlem, Hromádků a Dainkem etc. etc. literatuře prospěno..., pak suďte sami, moželi člověk studenú krví na vše to hleděti. Já se

же неодобрительно смотрѣлъ на нихъ и Копитаръ [1]). Ганка однако не ограничился изданіемъ въ своей чудовищной транскрипціи одного „Слова“: онъ продолжаетъ свои реформаторскіе опыты далѣе и новый типъ преобразованной чешской азбуки представляетъ то въ своихъ „Пѣсняхъ“ (Písně) и „Краковякахъ“ (Krakoviaky), гдѣ употребляетъ вмѣсто ж, ч, ш и х придуманные имъ знаки: вм. ž—двойку или обращенный ерь (*2*), вм. ч—ту же двойку, обращенную вверхъ: *ƨ*; раскрытую вверху восьмерку: 8—вм. š, и наконецъ обращенное вверхъ *y*, т. е. *ɦ*, вмѣсто ch [2]); то въ изданіи „Реймскаго Евангелія“ (1846 г.), гдѣ предложенныя имъ начертанія имѣютъ уже нѣсколько иной видъ (напр., вм. č—руское ч; вм. x—ћ); то вдругъ цѣликомъ вводитъ въ свои изданія русскую гражданку [3]).

Опытъ приложенія чешской азбуки къ передачѣ текстовъ русскихъ представилъ и Челаковскій въ своемъ изданіи „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ“ (1822—1827 г.), сдѣлавъ лишь незначительныя дополненія къ ней, такъ: ь онъ передаётъ черезъ ı; я—ıa (напр.: gulıal; но skorija, belyja), ю—ıu, но также и—ju (poroju, počnoju). Однако въ перепискѣ съ друзьями Челаковскій, какъ и другіе современники его, Ант. Марекъ, Юнгманнъ, Ганка и др., весьма часто пользуются русской азбукой и нерѣдко пишутъ ею по-чешски цѣлыя письма, особенно въ

---

vám vyznám, že jsem se nijak posavad přisiliti nemohl, abych Igora byl přečital". Č. Č. Mus., 1874, str. 67.

[1]) „Tui Igoris exemplum nunc erit in Serbia. Davidovich volebat recensere tuam orthographiam, et poterat!" Ягичъ, Источники, II, стр. 45.

[2]) „Vždyť *i*, *з*, *ч*, *s*, *b*, *g* též vlastně cifry jsou, a zvrácené *n*, *d*, *b*, jsou *u*, *p*, *q*", оправдываетъ Ганка свое нововведеніе. См. Krakoviaky, II vyd., 1851, str. 3.

[3]) „Посылаю Вамъ, пишетъ онъ Бодянскому 14 іюня 1851 г., неоконченное „Русско-чешское правописаніе" (т. е. второе изданіе пособія Пухмайера), чтобы вы видѣли, какой видъ имѣетъ чешскій языкъ въ начертаніи русскими буквами". Здѣсь Ганка вм. і употребляетъ ї, їи или ӧю, но тоже: и́; вм. ř—рь; вм. ou—ą (семнą), или у́ (ку́секъ), вм. ů—ó и пр.

тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ быть въ нихъ откровенными съ друзьями.

Интересный проектъ преобразованія русской азбуки предлагалъ извѣстный моравскій этнографъ Трнка [1]). Ганка, очевидно, сообщилъ ему свое изданіе „Игоря", и Трнка высказалъ по поводу ороографіи его нѣсколько своихъ замѣчаній. Имѣя въ виду инославянъ, для которыхъ почему-то казались особенно затруднительными кирилловскія: ч, ж, ш и пр., Трнка предлагаетъ Ганкѣ ввести въ употребленіе вм. ч—ç; вм. ш—ſ; вм. ж—ʒ, вм. х—*эс*. Доводы въ пользу такой замѣны приводились имъ слѣдующіе: при первомъ взглядѣ это—знакомыя письмена, поэтому ихъ легко удержать въ памяти; видъ ихъ и для глаза не непріятенъ, и въ скорописи они удобно-употребимы. Прося Ганку откровенно, безъ всякихъ стѣсненій высказаться по поводу этого предложенія, Трнка замѣчаетъ въ своемъ письмѣ: „Очевидное дѣло, что русскія письмена не нравятся и глазу и неудобны для скорописи, такъ какъ имѣютъ иныя начертанія въ печати, иныя въ рукописи; кромѣ того, они требуютъ больше времени и мѣста, чѣмъ латинскія". Поэтому большинство не рѣшается учиться этому языку, такъ какъ приходится начинать съ азовъ. Это обстоятельство является также причиною того, что русскому языку учится весьма мало чужеземцевъ: нѣтъ никакой связи, даже внѣшней, между нимъ и другими культурными языками. Такой взглядъ, несомнѣнно, распространенъ былъ и долго держался въ чешскомъ обществѣ, такъ что спустя тридцать лѣтъ противъ него принужденъ былъ рѣшительно высказаться Челаковскій. Въ предисловіи къ своей Всеславянской христоматіи (Všeslovanské počátečné čtení, 1852) онъ заявляетъ: „Есть люди, которые полагаютъ, что причина медленнаго распространенія русскаго языка между западными славянами и индѣ заключается въ особыхъ, нелатинскихъ русскихъ письменахъ. Но всякій разсудительный человѣкъ уже потому сочтетъ лишнимъ выступать противъ такого неоснова-

---

[1]) Въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 23 ноября 1822 г. изъ Вѣны. Въ библ. Чешскаго Музея.

тельнаго предположенія и разбивать его, что нѣтъ никакой надежды, чтобы пятидесятимилліонный, довлѣющій самъ себѣ народъ когда-либо могъ почувствовать потребность отказаться отъ этого священнаго памятника, сросшагося въ теченіе тысячелѣтія съ его бытомъ и вѣрою, приспособленнаго къ его рѣчи, чего никакъ нельзя сказать о письмѣ латинскомъ". И Челаковскій убѣдительно представлялъ всѣ неудобства латинской азбуки для славянскихъ языковъ [1]).

Точно такъ же и Шафарикъ былъ убѣжденъ, что кирилловскій алфавитъ является гораздо болѣе пригоднымъ для славянской пасиграфіи, чѣмъ латинскій, и тѣмъ болѣе странными должны были казаться непрестанныя усилія славянскихъ филологовъ найти какіе-либо новые, по ихъ мнѣнію, болѣе подходящіе знаки для обозначенія шипящихъ звуковъ (ж, ч, ш), въ то время, когда лингвисты-оріенталисты принимали для своихъ нуждъ кирилловскіе знаки [2]).

Въ 1826 году вышелъ спеціальный трудъ І. Геркеля: „Elementa universalis linguae Slavicae" (Budae, 1826), посвященный вопросу о единомъ славянскомъ языкѣ, при чемъ авторъ его отвелъ значительное мѣсто и разсужденіямъ объ универсальной славянской азбукѣ. Проекты Геркеля стали извѣстны Шафарику раньше появленія названнаго разсужденія, благодаря сообщеніямъ Коллара. Шафарикъ отнесся къ новшествамъ

---

[1]) Но еще въ 1832 г., а именно въ статьѣ, посвященной обозрѣнію краинской литературы (въ Č. Č. Mus., 1832, str. 452), Челаковскій отстаивалъ азбуку чешскую и находилъ ее настолько совершенною, что она не потерпитъ никакихъ видоизмѣненій. „Jest to též znamením nemalé neskromnosti ledakde nasbíranými anebo ve své učené budce v potu tváři nakreskovanými písmenkami buď svému národu, buď veškerému slovanstvu se nabízeti a po své hlavě jej čtení a psaní vyučovati chtíti", осуждалъ Челаковскій дѣятельность новаторовъ, совершавшихъ эксперименты и съ чешской азбукой.

[2]) Gesch. der slaw. Spr. und Litt., S. 69. Однако Шафарикъ самъ пользуется здѣсь же для передачи русскихъ именъ азбукой чешской, быть можетъ, по недостатку типографскихъ знаковъ.

Геркеля неодобрительно и даже рѣшительно порицалъ его безполезную затѣю. „Мѣшать его нововведеніямъ я не хочу и не могу, жаль только его остроумія и упорнаго труда. Я, по крайней мѣрѣ, а со мною и многіе другіе не станемъ учиться его новымъ буквамъ, хотя бы намъ пришлось прожить и 999 лѣтъ", писалъ Шафарикъ Коллару 16 марта 1826 г. [1]), очевидно, по полученіи свѣдѣній о проектируемой Геркелемъ азбукѣ. По всей вѣроятности, проектъ Геркеля представлялъ собою въ томъ видѣ, какъ его сообщилъ Шафарику Колларъ, нѣчто дѣйствительно чудовищное, если Шафарикъ пришелъ отъ него въ такой ужасъ. Всѣ вообще затѣи этого рода огорчали Шафарика, и въ этомъ несвоевременномъ „кованіи новыхъ фигуръ" онъ видѣлъ печальное знаменіе упадка національной жизни славянъ, измельчаніе интересовъ славянской науки. „Если мы, заявлялъ онъ, пойдемъ дальше по тому пути, по которому идутъ Поль (Pohl), Громадко, Ганка, Данько, Метелко и пр., съ ихъ смѣсью латинскихъ и кирриловскихъ буквъ или же новыми буквами съ различными „шляпками" и „хвостиками", то тогда насъ вскорѣ назовутъ неизлѣчимыми филологическими лунатиками". По его мнѣнію, Геркель могъ бы въ своей реформѣ ограничиться лишь введеніемъ въ латинскую азбуку недостающаго изъ азбуки кирилловской. Это была бы, по убѣжденію Шафарика, единственно возможная реформа [2]).

---

[1]) Č. Č. Mus., 1874, str. 72—73.

[2]) Странное замѣчаніе по поводу предстоявшаго выхода книги Геркеля помѣстилъ Кеппенъ въ „Иностранной перепискѣ" Московскаго Вѣстника (1827, ч. I, стр. 70, 229): „Сказываютъ, будто бы авторъ предлагаетъ какія-то новыя письмена или нѣкоторыя новыя начертанія буквъ, долженствующія служить къ изображенію всѣхъ вообще звуковъ, встрѣчаемыхъ въ многоразличныхъ словенскихъ нарѣчіяхъ. Справедливо, что р. католики западные ненавидятъ кириллику (т. е. письмена церковно-словенскія); но новые знаки влекутъ за собою новыя затрудненія и даже непріятности для изобрѣтателей оныхъ. Хорошо однако и то уже, что Словене болѣе и болѣе пробуждаются къ самостоятельности, стараясь выражать чувства и мысли свои на языкѣ отечественномъ".

Считая чешскій алфавитъ, exceptis excipiendis, самымъ совершеннымъ (non plus ultra), а именно потому, что онъ обозначаетъ долготу, Шафарикъ ставилъ рядомъ съ нимъ по степени совершенства алфавитъ кирилловскій, и если бы въ немъ введены были квантитативные знаки, онъ сталъ бы выше чешскаго. „Въ то время какъ умнѣйшіе чужеземцы признаютъ достоинства кирилловскаго алфавита, мы его унижаемъ... Они совѣтуютъ всѣмъ филологамъ принять кириллицу, какъ универсальную азбуку всѣхъ языковъ міра, мы же ее хулимъ и поносимъ. Святые Кириллъ и Меѳодій, или кто бы ни былъ изобрѣтатели и усовершенствователи этой азбуки, простите намъ грѣхи наши! Вѣдь единственно ослѣпленіе чужеземщиной поразило нашъ взоръ, только чужой голосъ звучитъ и отзывается въ насъ!“ огорчался Шафарикъ проектами Геркеля. Геркель имѣлъ странное предубѣжденіе противъ нѣкоторыхъ буквъ русской гражданки, такъ онъ пожелалъ исключить изъ своей азбуки букву ж, ибо, по его мнѣнію, „russicum ж discrepat a litteris cultioribus Europaeis“. Шафарикъ осмѣялъ наивные доводы Геркеля и вообще встрѣтилъ проектъ его настолько строго, что грозилъ даже всѣми мѣрами противодѣйствовать распространенію этой книги среди славянъ кирилловскаго письма, особенно среди сербовъ, взгляды которыхъ Шафарику были хорошо извѣстны, если бы она вышла изъ печати въ томъ видѣ, какъ Геркель предполагалъ ее издать. „Если же г. Геркель, заключалъ Шафарикъ свое письмо, приметъ для дополненія латинскаго алфавита буквы кирилловскія, то тогда я впередъ обѣщаю ему двѣсти покупателей среди сербовъ“. Столь убѣдительные аргументы не могли не подѣйствовать на Геркеля, и онъ дѣйствительно ввелъ въ свою азбуку ч, ш и х, отказавшись однако отъ „некультурнаго“ ж [1]).

---

[1]) Какъ образецъ передачи русскаго текста его азбукой, приведемъ слѣдующіе стихи: „Na krylечшке stojala, platoчkom maxala, ja platoчkom to maxala, чtoby mil vorotilsia. Vorotisia moja nadeža...“ etc.

Вопросъ о всеславянской азбукѣ рѣшался въ чешской филологической литературѣ и въ позднѣйшее время, и мы вернемся къ нему ниже.

5.

При общемъ увлеченіи Россійской Академіи и близкихъ къ ней ученыхъ дѣятелей нашихъ вопросами науки о языкѣ, труды Добровскаго вскорѣ сдѣлались у насъ предметомъ изученія. Прежде всего о нихъ заговорилъ Каченовскій въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“, который съ первыхъ же лѣтъ изданія сталъ давать мѣсто статьямъ по самымъ разнообразнымъ славянскимъ вопросамъ [1]). Въ 1816 г. появилось, повидимому, первое у насъ извѣстіе о сборникахъ Добровскаго „Славянинѣ“ и „Славянкѣ“, „драгоцѣнныхъ для любителей славянскаго языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ“. Тогда же редакція обѣщала, по полученіи названныхъ книжекъ, сообщить изъ нихъ читателямъ своимъ нѣкоторыя извлеченія [2]). Въ 1818 г. Каченовскій перевелъ и снабдилъ примѣчаніями статью Добровскаго (изъ „Славянки“): „О древнихъ славянскихъ названіяхъ двѣнадцати мѣсяцевъ“ [3]), а въ 1829 г., въ годъ смерти Добровскаго, появилась замѣтка (изъ „Славянки“): „Которое изъ славянскихъ нарѣчій можно назвать самымъ чистымъ преимущественно предъ всѣми другими“ [4]).

Имя Добровскаго получало нѣкоторую извѣстность въ русскомъ обществѣ благодаря популярному журналу. Въ мірѣ ученомъ оно было, конечно, извѣстно и безъ этого содѣйствія. Ученыя заслуги Добровскаго рано были почтены Росс. Академіей. Какъ и слѣдовало ожидать, объ этихъ заслугахъ напомнилъ ей старый пражскій знакомецъ и собесѣдникъ аббата, А. С. Шишковъ. 6 марта 1820 г. въ засѣданіи Академіи читано было пред-

---

[1]) Кочубинскій, Начальные годы русск. славяновѣд., стр. 45, 46.
[2]) Вѣстникъ Евр., 1816, ч. 85, № 2, стр. 47—49.
[3]) Тамъ же, 1818, ч. 97, № 4, стр. 283.
[4]) Тамъ же, 1829, ч. 165, № 12, стр. 249.

ложеніе его объ избраніи Добровскаго въ почетные члены ея, такъ какъ „Г. Добровскій, докладывалъ Шишковъ, многими своими сочиненіями, изданными на нѣмецкомъ языкѣ о славянскихъ народахъ и нарѣчіяхъ, пріобрѣлъ въ ученомъ свѣтѣ справедливую себѣ славу“ [1]).

Шишковъ и Кеппенъ, особенно послѣдній, состояли въ перепискѣ съ Добровскимъ и близкихъ связяхъ съ нимъ по своимъ научнымъ задачамъ. Къ числу первыхъ распространителей въ русскомъ обществѣ нѣкоторыхъ результатовъ ученыхъ трудовъ Добровскаго принадлежалъ и Карамзинъ. Такъ, въ своемъ дѣленіи славянскихъ нарѣчій и племенъ онъ ссылается на Добровскаго, а именно на одну статью его 1791 г. Но Добровскій нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о распредѣленіи славянскихъ нарѣчій и въ концѣ концовъ приходилъ къ гораздо болѣе точному опредѣленію ихъ отношеній, чѣмъ то, которымъ воспользовался Карамзинъ. Къ сожалѣнію, и во второмъ изданіи „Исторіи Госуд. Росс.“ Карамзинъ не знакомъ былъ съ новыми изслѣдованіями Добровскаго, такъ, напр., ему осталось неизвѣстнымъ предисловіе къ Institutiones, гдѣ классификація славянскихъ нарѣчій была представлена въ послѣдній разъ. Въ то же самое время Добровскій въ одномъ изъ писемъ къ Кеппену [2]), сообщая о занятіяхъ своихъ „Словенскимъ Ономастикономъ“, указывалъ на

[1]) Въ томъ же засѣданіи Шишковъ рекомендовалъ и другого кандидата, Яна Неѣдлаго, который, по убѣжденію его, заслуживалъ также, чтобы Академія обратила на него свое вниманіе и пріобрѣла въ немъ полезнаго для себя почетнаго члена. Записки засѣд. И. Р. Акад., 1820 г. См. еще письмо Шишкова къ Добровскому отъ 18 марта 1820 г. Записки А. С. Шишкова, II, стр. 376. Но Неѣдлый не удостоилъ ни Шишкова, ни Академіи своимъ отвѣтомъ. „Мнѣ, писалъ Шишковъ Ганкѣ (16 окт. 1820 г.), за него было стыдно предъ обществомъ“. „Это нѣтъ первое грубіянство за сдѣланную ему учтивость“, отвѣтилъ о Неѣдломъ Ганка. Отрывокъ изъ черновика письма къ Шишкову, въ библ. Чешскаго Музея.

[2]) Отъ 14 янв. 1826 г. Ягичъ, Источники, I, стр. 677. Библіогр. листы, 1825, № 37, дополн. 25 февр. 1826 г.

ту великую пользу, которую принесла ему въ этомъ случаѣ „Исторія“ Карамзина.

Добровскій, какъ мы замѣтили выше, внимательно слѣдилъ за движеніемъ русской науки и литературы. Не чуждымъ остался ему и знаменитый споръ Шишкова и Карамзина. „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“, въ которомъ заключалось столько нападокъ на новшества Карамзина, вызываетъ въ Добровскомъ слѣдующія мысли: „Вообще трудно точно опредѣлить, какія преимущества имѣетъ старое сравнительно съ новымъ и обратно. Между тѣмъ предостереженіе противъ несвоевременныхъ нововведеній въ языкѣ часто бываетъ необходимо. Я не осмѣливаюсь высказать свое мнѣніе объ этомъ, однако основанія, на которыхъ защищается старый стиль, мнѣ кажутся убѣдительными“ [1]).

Преимущественное вниманіе со стороны русской ученой семьи встрѣтили „Institutiones linguae slavicae“ (1822 г.), трудъ Добровскаго, имѣвшій наиболѣе широкое значеніе въ славянской филологической наукѣ. Тотчасъ же по полученіи „Институцій“ въ Москвѣ возникаетъ вопросъ о переводѣ ихъ на русскій языкъ. Инициатива перевода принадлежала знаменитому Румянцовскому кружку [2]). Румянцовъ, несомнѣнно, уже въ началѣ 1822 г. имѣлъ трудъ Добровскаго въ рукахъ. 1-го мая 1822 года Востоковъ въ письмѣ къ Румянцову [3]) сообщаетъ, что онъ видѣлъ экземпляръ „Институцій“, присланный Добровскимъ А. С. Шишкову [4]). Такъ какъ изъ письма Румянцова къ Добровскому отъ 28 апр. 1823 г. [5]) видно, что

---

[1]) Slovanka, I, S. 209.

[2]) Кочубинскій, Нач. годы русск. славяновѣд., стр. 178—187.

[3]) Переписка А. Х. Востокова, № 8, стр. 29.

[4]) Повидимому, Шишковъ первый у насъ зналъ о предстоявшемъ выходѣ „Институцій“. 11 февраля 1820 г. Добровскій писалъ Шишкову о томъ, что онъ ѣздилъ въ Вѣну, дабы тамъ отдать въ печать свою славянскую грамматику. Записки А. С. Шишкова, II, стр. 372.

[5]) См. приложенія, стр. V. То же Переписка А. Х. Востокова, № 59, стр. 425.

„неоцѣненный даръ“, т. е. „Институціи“, Румянцовъ получилъ черезъ посредство Шишкова, то, безъ сомнѣнія, это полученіе дóлжно отнести къ началу того же 1822 г.[1]). Странно однако, что Румянцовъ благодаритъ Добровскаго за приношеніе только по прошествіи года. „Институціи“ сразу получали у насъ широкое распространеніе въ ученыхъ сферахъ.

Въ апрѣлѣ 1822 года Калайдовичъ, чрезъ посредство Малиновскаго, ходатайствуетъ передъ Румянцовымъ о предоставленіи труда перевода Погодину, но канцлеръ отклоняетъ это ходатайство, такъ какъ находитъ, что переводъ такого „великаго сочиненія“, какимъ являлась грамматика Добровскаго, несомнѣнно, долженъ быть порученъ отъ Россійской Академіи кому-либо изъ ея членовъ и не можетъ быть принадлежностью первыхъ опытовъ какого-либо таланта. Самъ Погодинъ объ этомъ разсказываетъ нѣсколько иначе и относитъ этотъ фактъ къ болѣе позднему времени. „Графъ Румянцовъ, вспоминаетъ онъ пятьдесятъ лѣтъ спустя, обратилъ на меня свое вниманіе, прочитавъ въ Вѣстникѣ Евр., въ 1823 г., переводъ мой о козарахъ, изъ Тунмана, и обратился къ главному своему довѣренному лицу въ Москвѣ, А. Ѳ. Малиновскому, съ вопросомъ, чѣмъ онъ можетъ быть мнѣ полезенъ. Я отвѣчалъ, что желалъ бы принять на себя переводъ съ латинскаго Славянской грамматики Добровскаго, только что тогда вышедшей. Графъ Румянцовъ возразилъ, что такой трудъ не подъ силу молодому человѣку, а развѣ академіи, но что если я самъ по себѣ, безъ его порученія, переведу грамматику, то получу отъ него значительный подарокъ. Вскорѣ онъ поручилъ мнѣ перевести съ нѣмецкаго изслѣдованіе Добровскаго о жизни славянскихъ первоучите-

[1]) Въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 28 апр. 1823 г. Шишковъ проситъ извинить его передъ Добровскимъ, которому онъ не отвѣтилъ еще на его письмо, и сообщить аббату, что грамматику его представилъ Россійской Академіи. Тутъ же Шишковъ выражаетъ надежду, что со временемъ она переведена будетъ на русскій языкъ. Не Шишкову ли принадлежитъ заслуга привлеченія къ исполненію этой мысли гр. Румянцова?

лей". Слова Погодина едва ли заслуживаютъ довѣрія: несомнѣнно, въ этомъ случаѣ память ему измѣнила [1]).

Между тѣмъ мысль о переводѣ труда Добровскаго встрѣтила сильную поддержку со стороны Калайдовича, и переводъ Погодина, несмотря на отказъ Румянцова оказать этому дѣлу содѣйствіе, былъ впослѣдствіи напечатанъ. Румянцовъ желалъ, повидимому, предоставить честь перевода Востокову, хотя послѣдній этому дѣлу не сочувствовалъ, или вѣрнѣе—представлялъ себѣ его нѣсколько иначе, чѣмъ Румянцовъ и Калайдовичъ.

„Я слышалъ, будто въ Россійской Академіи хотятъ перевести Грамматику Добровскаго. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте, правда ли? Мнѣ это очень знать нужно", спрашиваетъ 29 января 1823 года Калайдовичъ Востокова, встревоженный, очевидно, дошедшими до него неясными, впрочемъ, слухами о намѣреніи Академіи [2]).

Востоковъ со всею откровенностью отвѣтилъ на вопросъ Калайдовича и высказалъ при этомъ свой взглядъ на трудъ Добровскаго и на единственно, по его мнѣнію, возможную форму перевода „Институцій". Онъ писалъ Калайдовичу: „Вамъ угодно знать, правда ли, будто въ Россійской Академіи хотятъ перевести Грамматику Добровскаго. Помнится, однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо бы перевести эту книгу, но формальнаго къ тому порученія, сколько мнѣ извѣстно, никому не сдѣлано, и никто изъ членовъ Академіи самъ на то не вызывался. Я, съ моей стороны, не взялся бы быть просто переводчикомъ этой Грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія. Кто хочетъ пользоваться ею въ настоящемъ видѣ, можетъ читать и латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по-латынѣ. Другое дѣло

---

[1]) Ср. „Письма Государств. Канцлера гр. Н. П. Румянцова къ кандидату Моск. унив. Погодину," сообщенныя самимъ Погодинымъ въ „Бесѣдахъ въ Общ. Любит. Росс. слов.," вып. III, 1871, стр. 1—5.

[2]) Переписка А. Х. Востокова, № 17, стр. 45.

перевести Грамматику сію на русскій языкъ съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славенскую Грамматику, въ которой конечно не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Если кто между тѣмъ переведетъ его Грамматику для русскихъ съ своими дополненіями и примѣчаніями: тѣмъ лучше! Я воспользуюсь и его трудомъ"... Востоковъ былъ правъ въ своихъ требованіяхъ; въ нихъ онъ сходился съ Добровскимъ. Предстоявшее появленіе „Институцій" въ русскомъ переводѣ, повидимому, смутило Добровскаго [1]. Когда въ октябрѣ 1824 года Кеппенъ, по возвращеніи въ Петербургъ, сообщилъ ему о готовящемся переводѣ „Институцій", Добровскій выразилъ свою радость по поводу такого отношенія русскихъ къ его трудамъ и въ то же время поспѣшилъ выразить желаніе быть руководителемъ переводчика [2]. Въ первоначальномъ своемъ видѣ „Институціи" уже не удовлетворяли его. На поляхъ своего экземпляра Добровскій сдѣлалъ уже много замѣчаній, и они могли бы быть съ пользою употреблены при русскомъ переводѣ [3]. „Если бы могъ я хоть побесѣдовать съ русскимъ издателемъ или передать ему свой экземпляръ съ замѣчаніями", говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Кеппену. Недостатки „Институцій", особенно послѣ знакомства съ „Разсужденіемъ" Востокова (1820 года), были для Добровскаго очевидны, и повтореніе всѣхъ промаховъ въ русскомъ переводѣ было, конечно, крайне нежелательно [4]. Съ „Разсужденіемъ" Восто-

[1]) О намѣреніи Румянцова дать русскимъ переводъ „Институцій" сообщалъ Добровскому, со словъ Аделунга, Копитаръ уже въ концѣ марта или въ самомъ началѣ апрѣля 1822 года. Ягичъ, Источники, I, стр. 468.

[2]) Тамъ же, I, стр. 672, 677.

[3]) Особенную пользу принесло Добровскому, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, внимательное разсмотрѣніе извлеченій изъ древнихъ рукописей (XII в.) въ Исторіи Карамзина. Тамъ же, I, стр. 488.

[4]) Убѣжденный въ многочисленныхъ недостаткахъ „Институцій", Добровскій на экземплярѣ, поднесенномъ Палацкому,

кова впервые познакомилъ Добровскаго Копитаръ, который получилъ статью эту отъ Кеппена, прибывшаго весною 1822 года въ Вѣну. Копитаръ, считая статью Востокова чрезвычайно интересной (longe interessantissimus articulus), сообщилъ Добровскому нѣкоторыя свѣдѣнія о ней и воспользовался ею для своей рецензіи о трудѣ Добровскаго въ вѣнскихъ Jahrbücher [1]). Воспользоваться замѣчаніями и руководствомъ Добровскаго было тѣмъ легче, что переводъ „Институцій" пришлось на нѣкоторое время отложить.

Отклонивъ предложеніе Погодина перевести „Институціи", Румянцовъ вскорѣ послѣ этого, въ сентябрѣ 1826 года, предлагаетъ ему черезъ Малиновскаго сдѣлать переводъ извѣстной монографіи Добровскаго „Кириллъ и Меѳодій". Погодинъ искалъ случая „содѣлать себя извѣстнымъ",—нынѣ этотъ удобный случай ему былъ предоставленъ. Задача была выполнена съ необыкновенной поспѣшностью. Переводъ, сдѣланный Погодинымъ, Румянцовъ представилъ на разсмотрѣніе и одобреніе Востокова [2]). Отзывъ Востокова о торопливо исполненномъ трудѣ Погодина былъ далеко не одобрительный. При письмѣ къ Румянцову отъ 18 февраля 1825 года онъ представилъ канцлеру обратно разсмотрѣнный имъ переводъ, съ своими замѣчаніями и поправками къ нему. Главнѣйшія изъ нихъ, очевидно, большого объема, были, согласно желанію Румянцова, выписаны на отдѣльныхъ листахъ. Мелкія и легкія поправки сдѣланы были карандашомъ въ самомъ переводѣ Погодина [3]).

написалъ двустишіе: „Cum relego, scripsisse pudet, quia plurima cerno, Me quoque, qui feci, judice, digna Lini." Brandl, Život Dobrovského, str. 187.

[1]) Ягичъ, Источники, I, стр. 466—467, 470. Добровскій долго не признавалъ даннаго Востоковымъ объясненія звукового значенія юсовъ и считалъ его фантазіей (Grille). Ягичъ, Источники, I, стр. 473, 670.

[2]) Объ этомъ Румянцовъ извѣщаетъ Погодина въ письмѣ отъ 12 дек. 1824 г. Бесѣды въ Общ. люб. росс. слов., вып. III, 1871, стр. 1.

[3]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р., 1882, I, стр. 463.

„Съ сожалѣніемъ долженъ я донести Вашему С-ву, писалъ Востоковъ, что переводчикъ весьма слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Изъ поправокъ вы усмотрѣть изволите, что онъ нѣкоторыя мѣста понялъ совсѣмъ превратно. Я ожидалъ отъ него болѣе, судя по статьямъ, которыя онъ помѣщалъ въ Вѣстн. Европы. Я старался только возстановить смыслъ подлинника; но чтобы дать переводу надлежащую гладкость и чистоту слога, надобно его гораздо еще пообработать. Притомъ же мнѣ кажется, что не худо бы было снабдить русскій переводъ сей книжки нѣкоторыми примѣчаніями“. Присоединивъ къ переводу Погодина два такихъ пояснительныхъ примѣчанія, Востоковъ въ концѣ своихъ поправокъ приписалъ славянскими буквами, съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія, мѣста изъ Остромирова Ев., которыя у Погодина выписаны были изъ книжки Добровскаго буквами латинскими [1]).

На присланномъ Погодинымъ Востокову для корректуры оттискѣ молитвы Господней (изъ Остром. Ев.) послѣдній сдѣ-

[1]) Къ русскому переводу Погодина приложено facsimile, отрывокъ IV гл. Матвѣя, ст. 9—13, молитва Господня. Отрывокъ этотъ, въ числѣ другихъ „вѣрныхъ списковъ" съ нѣкоторыхъ мѣстъ Остромирова Ев., былъ сообщенъ Востоковымъ въ 1824 году Добровскому, по просьбѣ Румянцова. (Переписка Востокова, № 59, стр. 100). Если Добровскій по какимъ-либо соображеніямъ помѣстилъ эти выписки въ своемъ трудѣ въ латинской транскрипціи, то подобное явленіе вовсе неумѣстно было въ русскомъ изданіи этой монографіи. Въ предисловіи къ „Институціямъ" Добровскій выражалъ желаніе, чтобы Остр. Ев. было наконецъ издано, при томъ безъ всякой перемѣны, буквами древней формы: „Съ удовольствіемъ я посвятилъ бы свои труды этому изданію, которое всему славянскому народу можетъ принести такую славу и пользу..." Въ рецензіи на „И. Гос. Росс." Карамзина въ Jahrb. d. Litteratur, XX Bd., 1822, S. 225, онъ замѣтилъ объ Остром. Ев.: „Möchten doch daraus wenigstens einige Proben den Liebhabern der Slawischen Litteratur mitgetheilt werden." Кеппенъ однако выражалъ сожалѣніе, что къ „Кир. и Меѳ." было приложено такъ мало этихъ выписокъ. Библіогр. Листы, 1825, № 34, стр. 498.

лалъ свои отмѣтки относительно нѣкоторыхъ буквъ и, заботясь о палеографической точности снимка, приписалъ на поляхъ, съ котораго листа и столбца и отъ которой строки идетъ снимокъ, но Погодинъ не внесъ этихъ замѣчаній въ окончательные оттиски, считая ихъ, вѣроятно, лишними [1]).

Отзывъ Востокова вмѣстѣ съ переводомъ Погодина немедленно сообщенъ былъ графомъ Малиновскому, которому предстояло теперь заняться изданіемъ монографіи Добровскаго. Опасаясь, чтобы какъ-нибудь не обидѣть юнаго переводчика, графъ проситъ Малиновскаго осторожно, съ свойственной ему „скромностью и вѣжливостью", войти въ объясненія съ Погодинымъ по поводу недостатковъ перевода. Канцлеръ выражалъ желаніе, чтобы переводъ Погодина, раньше чѣмъ приступлено будетъ къ изданію его, „былъ устраненъ отъ всякаго осужденія не токмо въ несохраненіи вѣрности, но даже и въ несоблюденіи всей красоты русскаго слога" [2]).

Такая заботливость была тѣмъ болѣе понятна, что Румянцовъ желалъ, чтобы въ этомъ изданіи на первомъ листѣ гербъ его возвѣщалъ, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, коими онъ занимался. Погодину поручалось заготовить вмѣстѣ съ тѣмъ самое краткое введеніе къ переводу, но такъ какъ онъ, естественно, долженъ былъ упомянуть въ этомъ введеніи о щедротахъ Румянцова, то послѣдній предупреждалъ, чтобы это упоминаніе о немъ было сдѣлано „съ весьма воздержною хвалою" [3]).

Погодинъ поэтому ограничился только замѣчаніемъ, что „Господину Государственному Канцлеру гр. Н. П. Румянцову, не оставляющему безъ вниманія никакого случая къ распространенію въ нашемъ отечествѣ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно относящихся къ Россійской исторіи", благоугодно было поручить ему переводъ сей книги [4]).

Малиновскій исполнилъ возложенное на него графомъ по-

---

[1]) Переписка Востокова, № 134, стр. 211; № 149, стр. 216—217.
[2]) Письмо отъ 3 марта 1825 г. Чтенія, 1882, I, стр. 313.
[3]) Тамъ же, стр. 303.
[4]) Кириллъ и Меѳодій. Предисловіе, стр. V—VI.

рученіе съ обычнымъ тактомъ. Погодину сообщены были замѣчанія Востокова, но о „превратно понятыхъ“ имъ мѣстахъ оригинала было какъ будто умолчано. По крайней мѣрѣ, Погодинъ благодарилъ Румянцова (16 марта 1825 г.): „Переводъ мой книги Добровскаго я имѣлъ честь получить вмѣстѣ съ замѣчаніями Г. Востокова, которыми не премину воспользоваться. Приношу Вашему Сіятельству усердную благодарность за доставленіе мнѣ случая видѣть трудъ мой разсмотрѣннымъ отъ такого литератора, каковъ Г. Востоковъ. Очень радъ, что поправки его относятся только къ слогу, и что касательно вѣрности, на которую я обращалъ большое вниманіе, не найдено еще мною доселѣ погрѣшностей по замѣчаніямъ. Въ оправданіе мое предъ Вашимъ Сіятельствомъ и въ первомъ отношеніи долженъ сказать, что намѣренъ былъ выправить слогъ при печатаніи и отмѣтилъ мѣста у себя, на которыя по сему должно было обратить вниманіе“ [1]).

Благодаря Востокова за сдѣланныя имъ исправленія и замѣчанія, Погодинъ откровенно сознается въ причинѣ неудовлетворительности перевода: онъ желалъ поскорѣе исполнить порученіе графа и, занимавшись въ то же время другими дѣлами, позабылъ о мудромъ правилѣ festina lente! Рукопись его была испещрена замѣчаніями и поправками Востокова. „Признаюсь откровенно, говоритъ Погодинъ въ первомъ письмѣ своемъ къ Востокову [2]), мнѣ было очень больно въ первую минуту получить отъ гр. Румянцова тетрадь свою въ такомъ пестромъ видѣ“. Оставалось приступить къ печатанію перевода. Но и Румянцову, и его сотрудникамъ, и самому Погодину хотѣлось придать изданію возможно большую научную цѣнность, снабдить его нѣкоторыми приложеніями, которыя могли бы быть полезны для дальнѣйшихъ ученыхъ разысканій.

7 апр. 1825 года Румянцовъ извѣщаетъ Малиновскаго о томъ, что Погодину предстоитъ получить отъ Востокова, очевидно, для комментаріевъ или приложеній къ переводу, „вы-

[1]) Переписка Востокова, № 118, стр. 192.
[2]) Отъ 15 мая 1825 г. Тамъ же, № 134, стр. 211.

писки изъ болландистовъ и кое-что до Кирилла и Меѳодія касающееся" [1]). Въ то же время онъ проситъ Малиновскаго передать Погодину „нѣмецкій журналъ (т. е. Wiener Jahrbücher d. Litteratur), въ коемъ находится очень ученая рецензія изслѣдованія г. Добровскаго о жизни Кирилла и Меѳодія" [2]).

Востоковъ, съ своей стороны, доставляетъ Румянцову разныя выписки изъ многихъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, касательно Кирилла и Меѳодія, и немедленно все это пересылается Калайдовичу для Погодина, въ ожиданіи, что Погодинъ этими сообщеніями „отлично обогатитъ переводъ свой сочиненія Добровскаго" [3]).

Погодинъ, такимъ образомъ, обильно былъ снабжаемъ матеріалами. Заботы Румянцова, раздѣляемыя его учеными друзьями, должны были въ значительной степени облегчить трудъ переводчика, и Румянцовъ съ полнымъ правомъ могъ замѣтить въ письмѣ къ Малиновскому (отъ 15 мая 1825 г.): „Г. Погодинъ, кажется, теперь богатъ матеріалами и можетъ дать новую цѣну переводу своему"...[4]). Свои замѣчанія на изслѣ-

---

[1]) На изданіе болландистовъ обратилъ вниманіе Погодина самъ Румянцовъ, но Погодинъ не могъ найти его въ Москвѣ и обратился за содѣйствіемъ къ графу, у котораго имѣлось это изданіе въ Петербургѣ. 3 февр. 1825 г. Румянцовъ отвѣчалъ ему: „Я съ большимъ удовольствіемъ предпишу, чтобы изъ болландистовъ выписали статью о Кир. и Меѳ. и къ вамъ препроводили". Бесѣды въ Общ. любит. росс. слов., вып. III, стр. 3.

[2]) Чтенія, 1882, I, стр. 317. Ср. письмо Румянцова къ Погодину отъ 1 апр. 1825 г. Бесѣды въ Общ. люб. росс. слов., вып. III, стр. 4.

[3]) Переписка Востокова, № 126, стр. 202—203.

[4]) То же самое писалъ Румянцовъ 15-го же мая и Погодину: „Получивъ вѣнскій журналъ и выписки изъ болландистовъ съ нѣкоторыми дополненіями, составленными г. Востоковымъ, вы, кажется мнѣ, довольно теперь богаты матеріалами, которые, будучи вами искусно обработаны и добавлены собственными вашими замѣчаніями, могутъ придать переводу вашему сочиненія г. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ важную и собственную цѣну, отдѣльную отъ его труда". Бесѣды въ Общ. люб. росс. слов., вып. III, стр. 4—5.

Но планъ этотъ не осуществился. „Къ сожалѣнію моему, сообщалъ Погодинъ Востокову, графъ Н. П. Румянцовъ отказался отъ вызова Добровскаго на сочиненіе ландкарты того времени, почитая сіе для себя *неприличнымъ*“. Сожалѣніе это раздѣлялъ и самъ Кеппенъ [1]). Къ началу ноября 1825 г. книга была закончена печатаніемъ. Кеппенъ первый отозвался по поводу этого изданія въ своихъ Библіографическихъ Листахъ [2]), впрочемъ весьма кратко, ограничившись лишь указаніемъ на содержаніе книги и даже на собственныя замѣчанія переводчика не сдѣлавъ никакихъ возраженій.

Въ то самое время, когда начиналось печатаніе „Кирилла и Меѳодія“, и когда вопросъ о переводѣ „Институцій“ былъ отложенъ на время въ сторону, заканчивалась печатаніемъ „Славянская Грамматика“ Пенинскаго, „заимствованная преимущественно изъ грамматики Добровскаго“ (СПБ. 1825) [3]).

---

unrecht hat er bei dieser Anforderung nicht, und Sie würden gewiss uns alle überaus durch eine Mittheilung dieser Art verpflichten. Nur dürfte solche nicht gar zu lange ausbleiben“. Кеппенъ даже указываетъ Добровскому наиболѣе подходящую для этой цѣли карту, которая могла бы послужить основой для обработки. Погодинъ не состоялъ въ то время въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Добровскимъ. Ошибочно принялъ В. Брандль письма Добровскаго къ Копитару за письма къ Погодину. См. Život Dobrovského, str. 197, 257, 275. Письма къ Погодину, стр. 449, прим. Но въ концѣ двадцатыхъ годовъ эти связи могли существовать. Писемъ Погодина къ Добровскому и обратно мы, правда, не знаемъ, но въ 1827 г. напечатанъ былъ въ Московскомъ Вѣстн. (ч. IV, № 14, стр. 177) „отрывокъ изъ письма Добровскаго“, подъ загл.: „О раздѣленіи Слав. языка на нарѣчія“, съ подписью М. П., т. е., М. Погодинъ. Вѣроятно, письмо было адресовано къ нему.

[1]) Переписка Востокова, № 153, стр. 235. Румянцовъ выразился не такъ рѣзко относительно намѣренія Погодина: „Что касается до вызова его (Добровскаго) на составленіе карты тѣхъ странъ, гдѣ блистали Кириллъ и Меѳ., *я не вижу для себя большого въ томъ приличія*“. Письмо отъ 15 мая 1825 г. Бесѣды въ Общ. любит. росс. слов., вып. III, стр. 5.

[2]) 1825 г., № 34, стр. 498.

[3]) Объ этомъ пишетъ Кеппенъ Добровскому 13 (25) мая

Въ обширномъ предисловіи, предпосланномъ своей передѣлкѣ, Пенинскій такъ изъяснялъ значеніе труда Добровскаго для славянъ вообще и для русскихъ въ частности: „Добровскій оказалъ важную услугу народамъ славянскимъ, принявшимъ вѣру отъ грековъ, и особливо намъ, русскимъ, у коихъ вмѣстѣ съ сею православною вѣрою и введеніемъ въ употребленіе книгъ священныхъ, переложенныхъ съ греческаго еще въ половинѣ IX в. Кирилломъ и Меѳодіемъ, началась первая, достопамятная эпоха народнаго образованія, краснорѣчія церковнаго и гражданскаго". Желая написать грамматику для всѣхъ народовъ славянскихъ, Добровскій написалъ ее, по словамъ Пенинскаго, какъ бы собственно для насъ, ибо вездѣ почти, гдѣ только считаетъ нужнымъ показать ходъ и измѣненія языка славянскаго, онъ ссылается на употребленіе его въ Россіи, при чемъ дѣлаетъ это съ тѣми безпристрастіемъ и вѣрностію, каковыхъ не всегда можно ожидать и отъ соотечественника. Пенинскій справедливо находилъ, что при всѣхъ отличныхъ достоинствахъ Грамматика Добровскаго слишкомъ обширна для преподаванія; кромѣ того, она написана на латинскомъ языкѣ, что дѣлаетъ ее еще менѣе удобной для пользованія въ школѣ. Тотъ, кто пожелалъ бы обучать по ней славянскому языку, долженъ былъ бы дѣлать изъ нея для своихъ уроковъ выписки, извлеченія. „Такъ поступалъ сначала и я", заявляетъ Пенинскій. „Г. испр. должность попечителя СПБ. учебнаго округа Д. П. Руничъ, вскорѣ по полученіи оной изъ Вѣны, отдалъ ее мнѣ, какъ произведеніе, обратившее на себя всеобщее вниманіе и лучшее въ своемъ родѣ, дабы я пользовался ею при своихъ урокахъ"... Въ продолженіе этихъ уроковъ Пенинскій и составилъ изъ Грамматики Добровскаго свое руководство [1]).

О предстоявшемъ появленіи въ Россіи извлеченія изъ „Институцій" сообщалъ Добровскому Копитаръ, со словъ, несомнѣнно, Кеппена, еще въ декабрѣ 1824 г. [2]). Добровскій заин-

---

1815 г.: „Von Peninsky's Slawischer Grammatik werden die letzten Bogen gedruckt". Ягичъ, Источники, II, стр. 151.

[1]) Предисловіе, стр. XIV и сл.

[2]) Ягичъ, Источники, I, стр. 509.

тересовался этимъ изданіемъ и пожелалъ имѣть его; исполняя его желаніе, Кеппенъ 30 окт. ст. ст. 1825 г. доставилъ ему экземпляръ отъ самого составителя [1]). „Уже нѣсколько мѣсяцевъ, писалъ при этомъ Пенинскій Добровскому, ищу случая доставить вамъ экземпляръ изданной мною на Россійскомъ языкѣ Славянской Грамматики, которая есть извлеченіе изъ вашей превосходной и уваженной всѣми славянскими народами Грамматики. Нынѣ почтеннѣйшій литераторъ нашъ Петръ Ивановичъ, по благосклонности своей ко мнѣ, вызвался удовлетворить сему чрезмѣрному моему желанію, и я пишу теперь за столомъ его къ Вамъ сіи несвязныя строки. Примите снисходительно сей слабый плодъ трудовъ моихъ, какъ знакъ искренняго моего уваженія къ особѣ вашей и притомъ благодарности за доставленіе мнѣ средствъ услужить моимъ соотечественникамъ. Можетъ быть, я не во всемъ услужилъ вамъ, и вы часто будете сердиться на мое извлеченіе, но si desunt vires, laudanda voluntas". Недостатки учебника, и для составителя очевидные, Пенинскій надѣялся исправить во второмъ изданіи, которое при содѣйствіи Востокова, митрополита Евгенія и другихъ „почтенныхъ нашихъ литераторовъ" онъ желалъ бы сдѣлать „сколь можно совершеннѣе". Особенно драгоцѣнны были бы для него при составленіи этого извлеченія указанія самого автора „Институцій", но Пенинскому не пришлось по разнымъ обстоятельствамъ ими воспользоваться. „Велико желаніе мое было, пишетъ онъ далѣе Добровскому, имѣть и ваши замѣчанія, но предстоящая надобность въ книгѣ, ибо оная признана отъ высшаго начальства учебною, разстояніе, насъ раздѣляющее, и многія ваши занятія не позволяютъ мнѣ надѣяться на сіе, а токмо просить покорнѣйше ваше высокопреподобіе почтить меня доставленіемъ примѣчаній вашихъ для изданія третьяго". Но Пенинскій вскорѣ пожелалъ получить замѣчанія Добровскаго и для второго изданія. Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1826 года Кеппенъ, препровождая Добровскому первые три листа новаго (второго) изданія Грамматики Пенинскаго, проситъ его при-

[1]) См. приложенія, стр. VII. Ягичъ, Источники, II, стр. 153.

слать свои замѣчанія, дабы ими можно было воспользоваться еще до окончанія печатанія [1]). Но столь желанныхъ примѣчаній отъ Добровскаго не воспослѣдовало. Онъ считалъ, очевидно, вполнѣ достаточными тѣ замѣчанія, которыя сдѣланы были Востоковымъ по поводу перваго изданія въ Библіограф. Листахъ Кеппена. Ими надлежало воспользоваться Пенинскому для второго изданія Грамматики [2]).

Добровскій считалъ Грамматику Пенинскаго „полезнымъ извлеченіемъ" [3]): это былъ лишь учебникъ для школъ, вполнѣ удовлетворявшій своему назначенію, и потому ученыя замѣчанія, касавшіяся разныхъ языковѣдныхъ тонкостей, были бы, пожалуй, и неумѣстны въ такомъ пособіи. Недоволенъ былъ трудомъ Пенинскаго только Копитаръ: по его словамъ, „варваръ не понялъ" „Институцій" Добровскаго. Въ мартѣ 1826 года Копитаръ убѣждаетъ Добровскаго заняться самому составленіемъ такого извлеченія: оно имѣло бы несомнѣнный успѣхъ у всѣхъ славянъ, а нѣсколько позже спрашиваетъ Кеппена, почему онъ или Востоковъ не возьмутся за это дѣло [4]).

Грамматика Пенинскаго на цѣлыхъ восемь лѣтъ предупредила появленіе полнаго перевода „Институцій", сдѣланнаго Погодинымъ и Шевыревымъ [5]). Погодинъ, потерпѣвшій неуда-

---

[1]) Ягичъ, Источники, II, стр. 157. 15-го іюля 1826 г. Кеппенъ отослалъ Добровскому, по просьбѣ Пенинскаго, послѣдніе листы этого изданія. Тамъ же, стр. 159.

[2]) Ягичъ, Источники, I, стр. 678—679.

[3]) „Z mé staroslovanské grammatiky užitečný výtah pro ruské školy zhotovil," выразился онъ о Пенинскомъ. Č. Č. Mus. 1827, str. 83—84.

[4]) Ягичъ, Источники, I, стр. 533—534, 696. 21-го іюля 1826 г. онъ еще разъ напоминаетъ Добровскому: „Machen Sie ihn (d. Auszug), oder lassen unter Ihren Augen machen, ich will dann die serbische oder slavische Übersetzung besorgen. So wird ein Schulbuch, statt des armen Peninski oder eines noch ärmern X." Тамъ же, стр. 549; ср. еще стр. 551—552.

[5]) Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію. СПБ. I ч., переводъ Погодина, въ 1833 г.; II и III ч., переведенныя С. Шевыревымъ, вышли въ1834 г.

чу у гр. Румянцова, несмотря на рекомендацію проекта перевода близкихъ къ графу Калайдовича и Малиновскаго, не отказался однако отъ своего прежняго намѣренія. Издателемъ перевода, сдѣланнаго Погодинымъ совмѣстно съ Шевыревымъ, явилось министерство народнаго просвѣщенія. Востоковъ, высказавшійся первоначально противъ перевода „Институцій“, перемѣнилъ свое отношеніе къ этому дѣлу, и благодаря его „благосклонному пособію“, какъ выразился Погодинъ, они явились въ свѣтъ съ значительнымъ опозданіемъ, „прошедъ всякія мытарства“.

ГЛАВА II.

В. В. Ганка и Ф. Л. Челаковскій. Начальные годы ихъ дѣятельности.

1.

Изъ кружка учениковъ Добровскаго наиболѣе широкую и дѣятельную роль въ исторіи взаимныхъ русско-чешскихъ ученыхъ связей суждено было играть Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ (р. 1791 г.)[1]. Сынъ простого крестьянина, зажиточнаго сельскаго хозяина, Ганка провелъ всѣ дѣтскіе годы въ родной деревнѣ, на лонѣ природы, и выросъ подъ благотворнымъ вліяніемъ ея и подъ руководствомъ матери, воспитавшей въ сынѣ глубокую любовь къ родному языку и народу. Счастливыя обстоятельства дали возможность Ганкѣ познакомиться еще въ юношескіе годы съ нѣкоторыми славянскими нарѣчіями. Первые уроки сербо-хорватскаго и русскаго языка онъ получилъ отъ солдатъ, случайно расквартированныхъ на его родинѣ; съ

---

[1]) Кромѣ извѣстной біографіи Ганки, написанной Д-ромъ Легисъ-Глюкзелигомъ (Libussa, 1852) и переведенной въ Слав. Ежегодн., 1880 г., на русскомъ языкѣ имѣются еще очерки его жизни и дѣятельности: А. Н. Пыпина, Вячеславъ Ганка, въ Современникѣ, 1861, т. 86; И. И. Срезневскаго, Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ, въ Изв. II отд. И. Ак. Н., т. IX, 215—229; П. А. Лавровскаго, Въ воспоминаніе о В. В. Ганкѣ и П. І. Шафарикѣ, Годичный актъ Харьк. унив. 30 авг. 1861 г.; П. П. Дубровскаго, Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ, Отеч. Зап., 1861 г.

другими нарѣчіями онъ знакомился благодаря бесѣдамъ съ странствующими славянскими продавцами, словинцами и словаками, заходившими въ домъ его отца. Эти встрѣчи и бесѣды производили глубокое впечатлѣніе на юношу и пробуждали въ немъ сознаніе народности и вмѣстѣ сочувствіе ко всему славянскому, особенно—русскому. Вотъ что разсказывалъ Ганка о впечатлѣніи, произведенномъ на него встрѣчей и знакомствомъ съ русскими въ 1813 г., нашему славянскому путешественнику начала сороковыхъ годовъ И. И. Срезневскому: „Я полюбилъ русскихъ и за ихъ доброту и за то, что легко могъ понимать ихъ,—не такъ, какъ солдатъ нѣмецкихъ; но въ то же время не во мнѣ одномъ зародилось какое-то чувство зависти къ вамъ, русскимъ, которое послѣ, въ Прагѣ, еще болѣе развилось. „Вотъ они, русскіе,—думали себѣ мы, юноши, слыша о вашихъ успѣхахъ въ войнѣ съ Наполеономъ,—стоятъ сами за себя, заставляютъ себя уважать и бояться, а насъ, чеховъ, будто и на свѣтѣ нѣтъ. У нихъ, русскихъ, все свое, а у насъ когда-то все было и давно уже нѣтъ. Почему же нѣтъ, когда было; почему не быть, какъ было!"

Явившись въ Прагу для довершенія своего образованія, Ганка попадаетъ въ кружокъ учениковъ и друзей Добровскаго. Великій учитель сочувственно встрѣтилъ его, потому что увидѣлъ въ немъ замѣчательное по тому времени знакомство съ славянскими нарѣчіями: Ганка сумѣлъ объяснить Добровскому нѣсколько сербскихъ пословицъ, для чего самъ патріархъ тогдашней славянской филологіи не имѣлъ никакихъ средствъ. Это подняло Ганку въ глазахъ Добровскаго, и онъ впослѣдствіи формально сталъ учителемъ Ганки. Правда, Ганка недолго пробылъ въ школѣ патріарха славяновѣдѣнія: онъ былъ, по собственному признанію Добровскаго, лишь его discipulus aliquot horarum, но уроки учителя благотворно повліяли на даровитаго ученика и опредѣлили направленіе его дѣятельности.

Осенью 1813 года Ганка перешелъ въ Вѣну продолжать начатыя въ Прагѣ юридическія занятія. Здѣсь онъ становится въ ряды первыхъ сотрудниковъ только что начавшейся въ

Вѣнѣ чешской газеты Яна Громадка „Prvotiny pěkných umění“ и принимаетъ въ ней весьма дѣятельное участіе. Однимъ изъ первыхъ опытовъ студента Ганки на литературномъ поприщѣ была, повидимому, замѣтка о народной славянской пѣснѣ, въ частности—о пѣснѣ русской. Съ народной русской пѣсней чехи познакомились непосредственно изъ устъ русскихъ солдатъ еще въ концѣ XVIII стол. [1]), но первыя замѣчанія о ней въ чешской литературѣ относятся лишь къ 1814 году. Раньше другихъ чешскихъ ученыхъ познакомился съ нею, непосредственно изъ устъ народа, Добровскій во время путешествія своего по Россіи. Длинные переѣзды изъ Петербурга въ Москву, а оттуда въ Варшаву представляли путешественнику не одинъ случай познакомиться не только съ содержаніемъ, но и напѣвомъ русской пѣсни. И Добровскій, несомнѣнно, внимательно прислушивался и къ тому и къ другому. Перепечатывая въ своей „Славянкѣ“ (1814 г.) изъ „Vaterl. Blätter“ статью о мармарошскихъ русякахъ, въ коей между прочимъ пѣсни русняковъ названы были „ein fürchterlich einformiges Gebrülle“, Добровскій счелъ нужнымъ замѣтить, что этого никакъ нельзя сказать о пѣсняхъ русскихъ. Очевидно, въ памяти его живо было впечатлѣніе русской пѣсни. Изданіе въ Вѣнѣ Вукомъ Караджичемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ привлекло вниманіе чешскихъ ученыхъ къ народному творчеству славянъ вообще. „Prvotiny“ Громадка въ № 16-омъ 1814 г. (22-го авг.) помѣстили небольшую, приписываемую Ганкѣ, замѣтку о сборникѣ Караджича „Народна Српска Пѣснарица“ (1814 г.) и о русскомъ собраніи Прача. При этомъ случаѣ высказывалось желаніе, чтобы кто-либо изъ чешскихъ патріотовъ позаботился о собраніи чешскихъ народныхъ пѣсенъ и такимъ образомъ опять привелъ бы чеховъ къ славянской пѣснѣ, которая, по крайней мѣрѣ въ городахъ, должна была, къ сожалѣнію, уступить мѣсто пѣснѣ нѣмецкой. Но за народной чешской пѣсней признавалось и болѣе высокое значеніе. „На-

[1]) Ср. F. L. Čelakovského Sebr. listy, str. 269. Русскій Вѣстн., 1899, апр., 414—415, гдѣ нами указаны нѣкоторые факты.

ши старинныя пѣсни, несомнѣнно, заслуживаютъ быть поставленными за образецъ нашимъ современнымъ поэтамъ," заключалъ авторъ замѣтки. Сборникъ Прача рекомендовался въ качествѣ образца, которому чешскимъ издателямъ слѣдовало бы подражать, а въ заключеніе сообщались двѣ пѣсни, малорусская: „Ой, послала мене мати...," въ оригиналѣ и въ чешскомъ переводѣ, и изъ сборника Вука: „Ой, девойко, душо моя"...

Вообще, Prvotiny постоянно обращаютъ вниманіе на важность изученія славянскаго пѣсеннаго творчества. Въ статьѣ „Národní písně a zpěvy" (1817 г., № 1), въ „обращеніи къ славянамъ" (Promluvení k Slovanům), отмѣчается печальный фактъ невниманія къ чешской народной пѣснѣ. Въ то время какъ къ концу XVIII и началу XIX ст. весь славянскій міръ сталъ пробуждаться отъ духовнаго обморока (z duchovní mdloby), когда всѣ, начиная съ могущественнаго „руса" и кончая обезсиленнымъ словакомъ, охвачены были однимъ огнемъ, одни только чехи, въ непрерывной борьбѣ съ своими противниками, не воздѣлывали своихъ нивъ, и всѣ призывы къ этой дѣятельности оставались у нихъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. А между тѣмъ достоинства славянской народной пѣсни признаны всѣми, кто понимаетъ красоты ея.

Отрадный поворотъ представляло поэтому намѣреніе двухъ молодыхъ славянъ, Палацкаго въ Моравіи и Бенедикти въ Угріи, издать народныя пѣсни и напѣвы ихъ. Уже тогда Шафарикъ признавалъ необходимымъ для болѣе основательнаго изученія пѣсенъ чешскихъ и словенскихъ сравнить ихъ съ пѣснями польскими, русскими и сербскими. Но у него не было подъ рукой изданій этихъ пѣсенъ [1]).

Зато очень рано имѣлись русскія изданія въ распоряженіи Ганки. Сборникъ Чулкова и различные пѣсенники, хранящіеся нынѣ въ библіотекѣ Чешскаго Музея, составляли собственность его и пріобрѣтены были имъ, по всей вѣроятности, отъ случайныхъ русскихъ друзей въ достопамятный 1813 годъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ такихъ пѣсенниковъ принадле-

---

[1]) Въ письмѣ къ Палацкому 22 іюня 1817 г. Osvěta, 1895, str. 117.

жалъ кому-то изъ офицеровъ 21-го егерскаго полка, какъ свидѣтельствуетъ надпись на книгѣ. Многочисленныя помѣты, сдѣланныя рукой Ганки, говорятъ о томъ, что сборники эти внимательно читались владѣтелемъ ихъ. Такимъ образомъ, независимо отъ „Stimmen der Völker“ (1788) Гердера, его изученій народныхъ пѣсенъ и собирательской дѣятельности Караждича, первыя русскія изданія и простонародные пѣсенники производили въ Чехіи извѣстное впечатлѣніе и служили однимъ изъ образцовъ для будущихъ собраній чешскихъ.

Знакомство съ русскимъ военнымъ міромъ побудило юнаго руссофила дать своимъ соотечественникамъ краткое, но вѣрное изображеніе русской державы и ея военной силы. Въ 1815 году онъ издаетъ съ этою цѣлью „Kratičké vypsání Rusye a jejího vojska“, скромный листокъ, къ тому же страннымъ образомъ опоздавшій на два года. Здѣсь авторъ говоритъ, главнымъ образомъ, о русской арміи, о ея организаціи и системѣ обученія, при чемъ особенно подчеркиваетъ тотъ фактъ, что въ войскѣ русскомъ сохранилось много самобытнаго, національнаго, несмотря на вліяніе западноевропейскаго образца. Авторъ пользуется въ описаніи своемъ свѣдѣніями, сообщенными человѣкомъ, долго прожившимъ въ Россіи и поэтому заслуживающимъ довѣрія, и надо признать, что русскій воинъ, „природный земледѣлецъ“, въ этомъ изображеніи представленъ дѣйствительно вѣрно. Тутъ говорится о его физической силѣ, о пищѣ и питьѣ, о любви къ чистотѣ, о маломъ распространеніи въ арміи грамоты, о религіозности солдата, о замѣчательной способности его къ физическому труду и непригодности русскихъ къ торговлѣ, о любви къ пѣнію, о народныхъ играхъ, о строгости военной дисциплины и пр. „Отсюда всякій можетъ видѣть, заключалъ авторъ, что русскіе не людоѣды, какими нѣкоторые невѣжды считаютъ ихъ еще и нынѣ, а народъ привѣтливый, веселый и трудолюбивый, народъ братскій намъ, ибо происходятъ они изъ того же славянскаго колѣна, какъ и мы“.

Это были первыя, несомнѣнно Ганкѣ принадлежащія строки о Россіи и русскихъ. Ближайшіе годы принесли новые плоды,—отраженіе знакомства Ганки съ русской народной музой.

Несомнѣнные слѣды вліянія русской народной пѣсни, преимущественно пѣсенъ пастушескихъ и нѣжныхъ (любовныхъ), обнаруживаютъ уже „Dvanáctero písní“, изданныхъ Ганкою въ 1816 г. [1]). Тогда же Ганка приступилъ къ переводу народныхъ сербскихъ и русскихъ пѣсенъ и опыты перевода издалъ въ 1817 г. въ видѣ маленькаго сборника: „Prostonárodní Srbská Muza do Čech převedená“, въ коемъ помѣщенъ переводъ восьми сербскихъ и двухъ русскихъ пѣсенъ. Вообще, Ганка въ эти годы съ особенною любовью изучаетъ славянское народное пѣснотворчество: народныя пѣсни, „эти простые деревенскіе цвѣты“, особенно пѣсни русскія, сербскія, словацкія и „краледворскія“, по собственному его признанію, были всегда усладой сердца его [2]). Вслѣдъ за „Сербской Музой“ должны были послѣдовать сборники простонародныхъ пѣсенъ другихъ славянскихъ народовъ. Намѣреніе это Ганкѣ не удалось исполнить, но онъ не перестаетъ заниматься славянскими пѣснями, особенно русскими. Въ 1819 г. онъ издаетъ сборникъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній: „Hankovy Písně“ [3]). Здѣсь особенно обильны слѣды вліянія русской народной пѣсни. Къ стихотворенію „Tajná láska“ Ганка самъ сдѣлалъ примѣчаніе, что она есть подражаніе русской пѣснѣ, но въ дѣйствительности большинство его яко бы оригинальныхъ стихотвореній есть или подражаніе народной русской пѣснѣ, или же вольная парафраза ея; иногда поэтъ удачно соединяетъ двѣ пѣсни и создаетъ изъ нихъ одно гармоничное цѣлое. Не останавливаясь на ближайшемъ разсмотрѣніи параллелей къ стихотвореніямъ Ганки, тщательно подобранныхъ проф. Махаломъ въ отмѣченной выше статьѣ, мы замѣтимъ только, что первые опыты переводовъ или подражаній Ганки обнаруживаютъ слабое еще знакомство поэта съ русскимъ

---

[1]) J. Máchal, Hankovy ohlasy písní ruských. V Praze, 1899, str. 4—5 (отт. изъ Listů Filolog.).

[2]) Въ письмѣ къ Срезневскому отъ 24 марта 1842 г.

[3]) Изъ нихъ: „Чехиня“ („Na sebe“) и „Жалоба“ („Aj ty Labe tiché“) въ переводѣ А. Х. Востокова помѣщены были въ Соревноват. просв. и благотвор., 1821, XII, стр. 354—355.

языкомъ. Таковъ переводъ обѣихъ пѣсенъ, присоединенныхъ къ „Сербской Музѣ“: „Loučeni milých“ и „Petrburgská píseň“. Въ первой изъ нихъ говорится, что дѣвушка, узнавъ о приходѣ милаго, „на дворъ поспѣшала, дружочка встрѣчала, про его здоровье у дружочка спросила, про свое несчастье ему разсказала“; Ганка переводитъ это мѣсто: „na dvůr pospěchala, družečka potkala a *pro* jeho zdraví družečka *prosila* i pro své neštěstí jemu *rozkázala*“; стихъ „Петербургской пѣсни“: „нѣтъ ни минуты, ни *часа*“ у Ганки по-чешски переданъ: „není minuty ani *časa*“ [1]). Въ стихотвореніяхъ Ганки попадаются нѣкоторые руссизмы, но они весьма незначительны и свидѣтельствуютъ чаще всего о неумѣніи справиться съ передачей почешски выраженій и оборотовъ русской пѣсни. Особенно полюбилось Ганкѣ русское слово něžný, до него никогда въ чешской письменности не встрѣчавшееся, но съ легкой руки Ганки получившее въ чешскомъ языкѣ право гражданства [2]), подобно другимъ его заимствованіямъ или новообразованіямъ на основѣ церковнославянскаго или русскаго языка. Впрочемъ, еще раньше Ганки ревностно стали насаждать русскія слова въ чешской письменности Юнгманнъ, Пухмайеръ, А. Марекъ и др. Движеніе въ пользу славянскихъ заимствованій было вообще довольно сильно. „Если нѣмцы могутъ заимствовать слова изъ французскаго и англійскаго языковъ, то мы чехи, — заявляли Громадковы Prvotiny [3]), — имѣемъ значительно лучшій и болѣе подходящій источникъ, изъ коего пріятно почерпать, — родственныя намъ славянскія нарѣчія“. Указавъ на необходимость прежде всего хорошо изучить лексикальныя богатства старой письменности и живой народной рѣчи, авторъ этой замѣтки совѣтуетъ чеху заимствовать безъ всякихъ колебаній недостающее у „братьевъ своихъ славянъ“: эти заимствованія не будутъ чуждо звучать для чеха, если онъ, напримѣръ, будетъ говорить

---

[1]) Jos. Jireček въ Č. Č. Mus., 1879, str. 361.

[2]) Тамъ же, str. 358. Ср. Ламанскій, Новѣйшіе памятн., Ж. М. Н. Пр., 1879, ч. 202, стр. 139—142.

[3]) 1813, list XLVIII.

съ русскимъ „o vzduchu“ (Luft), или съ полякомъ „o zbrodni“ (böse That, Laster), ибо корни этихъ словъ проникаютъ и въ чешскую землю [1]). Считая русскій языкъ, если изъ него исключить вкравшіеся татаризмы, все же болѣе славянскимъ, чѣмъ обиходный чешскій, испещренный нѣмецко-чешскими макаронизмами [2]), Юнгманъ смѣло вступаетъ на путь этихъ заимствованій и въ „Словесности“ доказываетъ патріотической молодежи необходимость нововведеній въ языкѣ, а въ предисловіи къ переводу „Потеряннаго рая“ (1811 г.) такъ оправдываетъ передъ читателемъ свои новшества, „инославянскія слова“: „Ты, какъ славянинъ, охотнѣе привыкай къ лучшему славянскому языку и стремись вмѣстѣ съ разумными людьми къ тому, чтобы и мы, чехи, мало-по-малу выходили навстрѣчу общеславянскому литературному языку“ [3]). Источникомъ обогащенія чешскаго лексикона для Пухмайера были русскій и польскій языки. Предполагая издать естественную исторію птицъ, Пухмайеръ зналъ только болѣе двухсотъ чешскихъ именъ, остальныя онъ рѣшилъ или сочинить, или заимствовать изъ польскаго и русскаго языка [4]). Обильны руссизмы и въ произведеніяхъ Ант. Марка [5]), но въ наибольшей степени испещрены ими и церковнославянскими выраженіями гимны и прорицанія божествъ въ знаменитой „Záře nad pohanstvem“ Іосифа Линды [6]).

Открытіе Ганкою въ 1817 г. знаменитой Краледворской рукописи, произведшее столь сильное впечатлѣніе во всемъ

---

[1]) Та же мысль повторяется и въ другомъ мѣстѣ: „Slovanský jazyk sám v sobě dost rudních dolů má, a z žádné Ameriky, nechceli, zlata přivážeti nemusí“. Тамъ же, list XXXXVII.

[2]) Č. Č. Mus., 1871, str. 279.

[3]) Zelený V., Život J. Jungmanna, str. 45—46.

[4]) Rýmovník, str. XXIV.

[5]) J. Jakubec, Antonín Marek, str. 149, отмѣчаетъ русскія слова: duma, jev (явь), klekotati, laskati, paluba, souhlas (согласіе), нынѣ общеупотребительныя въ чешскомъ языкѣ; нѣкоторыя новшества Марка (polučiti) не привились.

[6]) J. Hanuš, Český Macpherson. Listy Filolog., 1900, str. 439.

славянскомъ мірѣ, сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ и у насъ и отозвалось живымъ эхомъ въ нашей ученой литературѣ.

Изданіе Ганки съ удивительной быстротой распространяется въ кругахъ русскихъ славянолюбцевъ, благодаря, конечно, стараніямъ самого издателя [1]. Прежде всего оно попадаетъ въ руки представителей Румянцовскаго кружка. Уже 24 января 1819 г. Румянцовъ посылаетъ Малиновскому изъ Петербурга „недавно въ Богеміи отысканные остатки древнихъ ихъ стихотвореній, которыя г. Думбровскій (sic), то есть, рукопись ихъ полагаетъ быть конца XIII или самаго начала XIV вѣка". „Мнѣ, дѣлился Румянцовъ съ Малиновскимъ своимъ впечатлѣніемъ, сіе открытіе кажется важнымъ, и надѣюсь, что васъ займетъ пріятнымъ образомъ; оно не чуждо намъ русскимъ не по одному сходству языковъ". Отъ Малиновскаго изданіе Ганки должно было перейти къ Калайдовичу [2]. Повидимому, памятникъ произвелъ на Румянцова своею древностью большое впечатлѣніе: онъ спѣшитъ познакомить съ замѣчательнымъ открытіемъ Ганки всѣхъ своихъ друзей. Одновременно съ Малиновскимъ и Калайдовичемъ Краледворскую рукопись получаетъ и митрополитъ Евгеній. Познакомившись съ нею, онъ 21 марта 1819 года выражаетъ графу признательность за присылку въ числѣ прочихъ книгъ и чешскихъ древнихъ стихотвореній и осторожно замѣчаетъ о нихъ: „Чешскія стихотворенія, естьли только справедливо о времени списка ихъ замѣчаніе Добровскаго, также драгоцѣнная древность для славянъ. Они очень понятны и для насъ, по близости, бывшей еще въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ" [3]. Но Румянцовъ не ограничивается распространеніемъ Рукописи

[1] Предисловіе отдѣльнаго томика Starobylých Skládaní, заключавшаго Краледворскую рукопись и помѣченнаго 1819 годомъ, подписано Ганкою 16 сент. 1818 г. Въ началѣ 1819 года томикъ этотъ былъ уже въ Петербургѣ

[2] Чтенія, 1882, I, стр. 101. Мнѣніе Румянцова о пользѣ „древнихъ стихотвореній богемскихъ" раздѣлялъ и Малиновскій. Тамъ же, стр. 105.

[3] Тамъ же, стр. 354.

среди друзей. По порученію его Пожарскій приступаетъ тотчасъ же къ изслѣдованію древнихъ чешскихъ пѣсенъ, для сличенія ихъ „съ россійскими древними сочиненіями“. Первое извѣстіе о Краледворской рук. помѣщено было Пожарскимъ въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія“ 1819 г., въ замѣткѣ: „Примѣръ сходства древняго богемскаго нарѣчія съ древнимъ русскимъ нарѣчіемъ“ [1]). Пожарскій остановилъ свое вниманіе прежде всего на пѣснѣ „Ярославъ“, „весьма любопытномъ сочиненіи“, по содержанію коего онъ считалъ возможнымъ заключить, что этотъ Ярославъ былъ русскій князь. Это былъ, какъ видно, только первый опытъ ознакомленія русскихъ читателей съ замѣчательнымъ открытіемъ чешской письменности. „Я не имѣлъ еще времени, предупреждалъ читателя Пожарскій, хорошенько разсмотрѣть сіи древности и потому не могу представить важнѣйшихъ предметовъ, кромѣ двухъ, при семъ прилагаемыхъ“. Эти два „предмета“ были пѣсни Краледворской рукописи: 1) Роже (Роза) и 2) Зезгулице (Кукушка). Пѣсни напечатаны были русскими буквами, при чемъ Пожарскій пояснялъ, что онъ не заботился при переводѣ ни о плавности слога, ни о красотѣ его, ибо желаніе его было показать лишь сходство двухъ древнихъ языковъ.

Отъ Румянцова получилъ экземпляръ изданія Ганки и Шишковъ [2]). Для Шишкова этотъ подарокъ былъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что онъ открывалъ Россійской Академіи, съ ея новымъ уставомъ 1818 г., требовавшимъ отъ нея — выйти на путь общенія съ славянскимъ ученымъ міромъ, возможность осуществить эту часть программы. Академія должна была принимать активное участіе въ успѣхахъ славяновѣдѣнія: однимъ изъ главныхъ предметовъ заботъ ея было составленіе „свода славянскихъ нарѣчій“, грамматики славянской, помимо русской, а для этого необходимо было общеніе „со многими сла-

---

[1]) № V, стр. 225.

[2]) Письмо Шишкова къ Добровскому отъ 21 іюля 1819 г. Записки А. С. Шишкова, II, стр. 371.

вянскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми“ [1]).

Слѣдующій годъ открываетъ эти связи и приноситъ полное изданіе Рукописи, сдѣланное Шишковымъ [2]). Ганка узналъ о предстоявшемъ появленіи Краледворской рук. въ Извѣстіяхъ Академіи изъ письма Шишкова къ Добровскому [3]). „Вѣсть та наполнила духа моего радостію и восхищеніемъ!“ пишетъ онъ 8 (20) мая Шишкову. Радовало его въ этомъ извѣстіи особенно то, что этимъ изданіемъ знаменитой Рукописи воздавался со стороны русской письменности почетъ чешскому языку. „Славянскіе народы начинаютъ языки свои между собою уважать!“ — вотъ что прежде всего радостно настраивало славянское чувство Ганки. Онъ не сомнѣвался при этомъ, что самимъ Шишковымъ Рукопись будетъ счастливѣе понята и истолкована, чѣмъ нѣсколько мѣстъ, приведенныхъ Пожарскимъ въ его изданіи „Слова о полку Игор.“ (1819 г.). Ганка недоволенъ былъ и способомъ изданія Пожарскаго. „Не понимаю, удивлялся онъ далѣе, какъ ему на умъ спасть могло, чтобъ россійскими буквами староческія слова писать, не зная ихъ настоящаго изговора; у насъ въ томъ случаѣ старыя рукописи читать далеко труднѣе россіянъ, потому что наши древнѣйшіи писатели, не знаючи божественнаго Кириллова изобрѣтенія, довольствовалися латинскими писменами, какъ имъ возможно было“. Пожарскому надлежало обратить вниманіе на „противостоящее возобновленіе“, сдѣланное Ганкою, т. е. на параллельный обновленный текстъ рукописи, и тогда онъ избѣгъ бы досадныхъ ошибокъ. Это было первое непосредственное обращеніе Ганки къ Шишкову.

---

[1]) Кочубинскій, Нач. годы, стр. 242, 243.

[2]) Собственно, Краледворская рук. въ русскомъ переводѣ и съ примѣчаніями Шишкова имѣла три изданія: 1) въ Извѣстіяхъ Росс. Акад., 1820, кн. VIII, 2) въ Полномъ собраніи сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 3) отдѣльною книгою, С.-Пб., 1820. 8°.

[3]) Отъ 18 марта 1820 г. Записки А. С. Шишкова, II, стр. 377.

Въ заключеніе письма Ганка просилъ прислать ему одинъ экземпляръ перевода Краледворской рук. Шишковъ отвѣчалъ только 16 окт. 1820 г. Начавъ извиненіемъ, что онъ не могъ „въ скорости“ ни отвѣтить Ганкѣ на письмо его, ни послать ему книжку Извѣстій, онъ счелъ нужнымъ поощрить своего новаго пражскаго корреспондента: „Мнѣ очень пріятно слышать, что вы упражняетесь въ собираніи на чехскомъ языкѣ древнихъ сочиненій; пожалуйте, доставляйте ихъ въ нашу Россійскую Академію. Она, конечно, изъявитъ вамъ за то свою благодарность“.

Изданіе Ганки Шишковъ встрѣтилъ полнымъ одобреніемъ и съ несомнѣнною радостью цѣнителя: это было пріобрѣтеніе въ одинаковой степени для чешской и русской литературы; самый памятникъ своими поэтическими красотами восхищалъ его. „Изданіемъ сихъ пѣсней, говорилъ онъ въ томъ же отвѣтномъ письмѣ къ Ганкѣ, вы такую же принесли услугу русской словесности, какую и чехской, или лучше сказать - всякой, ибо вѣрный переводъ ихъ на всякомъ языкѣ можетъ служить образцомъ простаго, но сильнаго краснорѣчія, природою внушаемаго. А для нашихъ славенскихъ нарѣчій, всѣхъ вообще, предрагоцѣнный подарокъ. Я не могу насладиться чтеніемъ онаго. Многія нынѣшнія стихотворенія, въ которыхъ такъ много игры ума и такъ мало простой природы, не приносятъ мнѣ и десятой части того удовольствія“...

Безъ колебаній и долгаго раздумья Шишковъ приступилъ къ переводу Краледворской рукописи. Затрудненій, очевидно, встрѣтиться не могло, такъ какъ въ ней онъ нашелъ языкъ „совершенно русскій, какой въ церковныхъ книгахъ“ [1]. „Весьма

[1]) Впрочемъ, въ томъ же письмѣ отъ 16 окт. Шишковъ выражалъ желаніе имѣть „чехскій съ нѣмецкимъ или хотя инымъ языкомъ словарь, естьли есть хорошій“. Ганка, за отсутствіемъ полнаго словаря, послалъ Шишкову „про междувременіе“ словарь Тама, предупреждая, однако, что на него „невозможно совсѣмъ положиться“, и первый томъ словаря Палковича. Словарь Юнгманна только готовился къ печати, а нѣмецко-чешскій Добровскаго, печатавшійся подъ редакціей Ганки, долженъ былъ

немного такихъ словъ, писалъ онъ Ганкѣ, до которыхъ корня не могъ я добраться. Одно только s, вмѣшиваемое въ слова (honorsiti, trsiesta, jutrsie и пр.), отнимаетъ у него благозвучіе и препятствуетъ читать". Въ увлеченіи памятникомъ онъ сталъ даже утверждать, что „Слово о полку Игор." темнѣе для русскаго читателя нежели Рукопись [1]). Относительно своего перевода, или „преложенія", Шишковъ заявлялъ въ предисловіи къ нему, что онъ заботился не столько о плавности и чистотѣ слога, сколько имѣлъ въ виду „показать близость сего стариннаго богемскаго языка съ общимъ у насъ съ ними языкомъ славенскимъ". Изъ переложенія этого, по его мнѣнію, можно было въ то же время убѣдиться въ превосходствѣ „славенскихъ буквъ" передъ латинскими и важности единой славянской азбуки. „Таковое преложеніе, убѣжденъ былъ Шишковъ, полезнѣе и приличнѣе для академическихъ изданій, нежели соблюденіе красоты слога, о которой можно помышлять въ другомъ, отдаленнѣйшемъ отъ подлинника, переводѣ". Въ своемъ переводѣ Шишковъ наиболѣе заботился о томъ, чтобы дать читателю возможность понимать самый подлинникъ, и съ этою цѣлью онъ стремился сохранить не только слова его, но и самый порядокъ ихъ, отступая отъ этого только тамъ, гдѣ соблюденіе этихъ двухъ условій никакимъ образомъ не было возможно. Тогда на помощь являлись примѣчанія и объясненія, которыми обильно, но зато весьма часто и неудачно, снабдилъ Шишковъ свое изданіе. Главное отступленіе, которое позволилъ себѣ Шишковъ, состояло, по его словамъ, въ томъ, что „славянскія" формы: бѣша, имѣша, доступиху и пр., онъ превратилъ въ русскія: были, имѣли, доступили.

Шишковъ понималъ, конечно, что переложеніе его не мо-

вскорѣ выйти. Но Шишкову не пришлось воспользоваться и посланными Ганкой пособіями: они запоздали.

[1]) „Языкъ сей старинной рукописи есть почти чистый нашъ языкъ", повторялъ Шишковъ въ предисловіи къ своему переводу. „Затрудненіе понимать оный наводитъ токмо слитность латинскихъ буквъ, различно произносимыхъ и никакими строчными знаками не раздѣленныхъ".

жетъ имѣть успѣха въ широкомъ кругу читателей, и потому въ заключеніе выражалъ желаніе, „чтобы искусное перо преложило сіи повѣсти въ мѣрные стихи, безъ риѳмъ, наиболѣе свойственные русскому слогу, въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ иногда блистающему, придерживаясь какъ можно ближе подлинника и отнюдь не разрушая простыхъ и сильныхъ его красотъ" [1]).

Ганка былъ чрезвычайно счастливъ вниманіемъ, оказаннымъ на Руси открытому имъ памятнику. Академія вскорѣ почтила достойнымъ образомъ его заслуги. Въ засѣданіи ея 16 окт. 1820 г. Шишковъ вошелъ съ предложеніемъ относительно награжденія Ганки: „Трудолюбивое попеченіе о собираніи всего древняго по чехской словесности, толь близкой съ славенскимъ языкомъ, и присыланіе при письмахъ своихъ въ Россійскую Академію достойны ея вниманія, а потому и почитаю я нужнымъ въ знакъ признательности и ободренія дать г. Ганкѣ серебряную медаль" [2]).

Въ тотъ же день поспѣшилъ Шишковъ извѣстить Ганку о высокой наградѣ. Ганка немедленно отвѣтилъ благодарственнымъ письмомъ на имя „Сіятельной Россійской Академіи": „Какимъ чувствованіемъ взволновалось сердце мое при нечаянномъ полученіи великой серебряной медали и восьми книжекъ, подъ заглавіемъ Извѣстія Россійской Акад., къ которыхъ пѣснопѣнія старинныя славныхъ предковъ отечества моего помѣщены, довольно словами описать не могу. Честь сія не сталась только мнѣ одному, но, какъ друзья мои сказываютъ, всему языку или народу нашему. Благодарность моя въ серд-

---

[1]) „Предувѣдомленіе" Шишкова и четыре пѣсни Рукописи въ его переводѣ: 1) Забой, Славой, Людекъ; 2) Пучокъ цвѣтовъ; 3) Ягоды и 4) Елень, перепечатаны были въ Соревнователѣ просв. и благотв., 1820, № VII, 100—118.

[2]) Записки засѣд. И. Р. Акад., 1820, 16 окт. 1820, № 2. Награжденіе это произвело въ Чехіи пріятное впечатлѣніе. Челаковскій писалъ по этому поводу другу своему Планку: „Vidíte, vlastenče! tak i Rusové české zásluhy uznávají, jenom čechové ne, jenom dvůr Rakouský ne". Sebr. l., str. 492.

цѣ обитаетъ, но чтобы я впредь почтенія сего, мною доселѣ незаслуженаго, удостоился, то будетъ у меня святѣйшею обязанностію сіе сладкое упражненіе по все время жизни моей славянъ ради, любезной братіи моей, по возможности трудиться и пользовать". Въ такихъ же выраженіяхъ излилъ Ганка волновавшія его чувства и въ письмѣ къ Шишкову, предъ которымъ еще разъ повторялъ обѣтъ, давно уже пылавшій въ груди его, — посвятить всѣ свои силы общей словесности славянъ, „себѣ въ удовольствіе, въ пользу отечеству".

Переводъ и объясненія Шишкова были вполнѣ одобрены Ганкою: онъ прочелъ ихъ „однимъ разомъ", не выпуская книги изъ рукъ. „И кто бы не читалъ ихъ съ жарчейшимъ вожделеніемъ, знаючи свойства сильнаго и чистаго слога вашего, ясность воображенія и пылкость духа въ сочиненіяхъ", восторгался Ганка нескладнымъ и невѣрнымъ переводомъ. Его поражала и „точность выраженія" въ переводѣ Шишкова, не имѣвшаго подъ рукой никакого чешскаго словаря. Такъ какъ Шишковъ не могъ поэтому „добраться до корня" нѣкоторыхъ словъ и впалъ въ своихъ толкованіяхъ въ ошибки, то Ганка при этомъ же письмѣ прилагалъ длинный списокъ своихъ поправокъ[1]).

Впрочемъ, не одинъ Ганка радовался появленію переложенія Шишкова. Получивъ извѣстіе о выходѣ Краледворской рук. въ Извѣстіяхъ, Челаковскій писалъ Камариту: „Она производитъ на славянъ впечатлѣніе! Русскіе говорятъ, что она написана на древнемъ русскомъ языкѣ, поляки — на древнемъ польскомъ, а мы, чехи, конечно, — на древнемъ чешскомъ, изъ чего слѣдуетъ, что это древнее было одно и то же, но

---

[1]) Напримѣръ, относительно значенія слова blana, blanka, которое Шишковъ переводилъ словомъ „чернила" и сближалъ съ словомъ бѣлянки, поясняя при этомъ, что прежде, вѣроятно, писали какимъ-нибудь бѣлымъ составомъ по черной бумагѣ, Ганка сообщалъ Шишкову: „blana, blanka — значитъ у насъ понынѣ: 1) бѣлая кожа, pellicula alba, 2) лат. alburnum, 3) перепонка, diaphragma. Мнѣ кажется, что здѣсь второе значеніе употреблено, сирѣчь — бѣлая (вторая) кожица подъ корою дерева". Такихъ поправокъ сообщено Ганкой свыше пятидесяти.

крайней мѣрѣ, весьма близко" [1]). Получивши же переводъ Шишкова, Челаковскій читалъ его „съ большимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ" и удивлялся, что Шишковъ, не будучи поэтомъ, такъ вѣрно перевелъ пѣсни Рукописи [2]).

Вслѣдъ за пѣснями Краледворской рукописи появилась въ тѣхъ же Извѣстіяхъ Росс. Акад. [3]) Рукопись Зеленогорская. Ганка, какъ замѣтилъ Добровскій, усиленно старался о распространеніи ея въ Россіи и Польшѣ [4]). И не безъ успѣха. Шишковъ перепечаталъ ее изъ изданія В. Раковецкаго: „Prawda Ruska", гдѣ это произведеніе впервые было сообщено по списку, доставленному польскому ученому Скороходу-Маевскому А. Юнгманномъ, братомъ Іосифа Юнгманна, и присоединилъ къ подлиннику свой переводъ и примѣчанія. Затрудненій при переводѣ этого отрывка встрѣтилось уже значительно болѣе, чѣмъ при переложеніи и объясненіи пѣсенъ Краледворской рукописи Шишковъ признавался, что, не будучи въ состояніи „совершенно выразумѣть" нѣкоторыя слова и выраженія, онъ присоединилъ для объясненія ихъ примѣчанія, основанныя, впрочемъ, больше „на догадкахъ". Нѣкоторые темные стихи переведены были имъ „больше гадательно, нежели точно" [5]). Здѣсь Шишковъ обратилъ вниманіе на сходство нѣкоторыхъ мѣстъ

---

1) Sebr. I. str. 50.

2) Ibid., str. 87.

3) IX, 1821, стр. 47—63: „О нѣкоторой древней рукописи".

4) Ягичъ, Источники, I, стр. 616.

5) Такъ, Шишковъ затруднялся перевести четыре стиха: „*Za tě* liútá rozvłajáše búria" и сл.; въ его переложеніи получилось слѣдующее:

„*За тобою* лютая реветъ буря,
Зашипѣла туча съ широкаго неба,
Облила вершины горъ зеленыхъ,
Взволновала златопесчаное дно!"

При этомъ онъ пояснялъ: „Глаголъ rozvlajaše (отъ *влаятися*, т. е. волноваться, колыхаться) у насъ относится болѣе къ морю, нежели къ бурѣ. *Sesipavši* можетъ происходить отъ *сыпать*, также и отъ *сопѣть*, *сипѣть* или *шипѣть*; посему сомнительно, значитъ ли это: *сосыпать тучу съ широкаго неба* (въ такомъ слу-

„Любушина суда“ съ выраженіями „Слова о полку Игоревѣ“. Прежде всего: Влтава и Донецъ говорятъ; выраженіе „v seže žirne vlasti“ напомнило ему выраженіе „Слова“: „убуди жирня времена“, „печаль жирна“; „stol oten“ – „съ отня злата стола“ и др. Эти указанія Шишкова, вѣроятно, побудили Грамматина воспользоваться „Любушинымъ Судомъ“ для поясненія „Слова“ [1]). Переводъ, сдѣланный Грамматинымъ, былъ весьма далекъ отъ подлинника и не отличался при этомъ изяществомъ стиля, но тѣмъ не менѣе изданіе Грамматина было встрѣчено, какъ заслуживающій вниманія научный трудъ [2]).

Такова исторія перваго знакомства нашего съ знаменитыми чешскими открытіями.

Въ то самое время, когда у насъ такъ усердно занимались обѣими чешскими Рукописями, Ганка въ Прагѣ приступаетъ къ изданію „Слова о полку Игоревѣ“. Вполнѣ справедливы были поэтому слова Добровскаго въ письмѣ къ Шишкову: „Мы принимаемъ дѣятельное участіе въ успѣхахъ россійской словесности и гордимся тѣмъ, что и наши произведенія, по крайней мѣрѣ древнѣйшія, уважаются россійскими учеными“ [3]). Ганка оправдывалъ истину этихъ словъ своимъ изданіемъ.

Первыя изданія „Слова“ проникли въ Прагу въ ближайшіе ко времени появленія ихъ годы. Добровскій уже въ концѣ 1809 г. имѣлъ въ рукахъ оба первыя изданія. 1-го янв. 1810 г. онъ сообщалъ Копитару о впечатлѣніи, которое произвелъ на него этотъ памятникъ, и могъ тогда же замѣтить, что русскіе издатели, гр. Мусинъ-Пушкинъ и Шишковъ, не поняли нѣкоторыхъ мѣстъ его, а именно потому, что авторъ „Слова“ былъ

чаѣ разумѣться будетъ ліющійся изъ тучи дождь), или *шипитъ туча съ широкаго неба* (въ такомъ случаѣ разумѣться будетъ шумящій, свистящій вѣтръ)?“ Страсть къ „этимологіямъ“ отдаляла переводчика отъ самыхъ простыхъ объясненій.

[1]) „Слово о полку Игоревѣ.“ Москва. 1823.

[2]) Шафарикъ писалъ 21 янв. 1824 г. Коллару: „Gramatin vydal vloni český zlomek Libušin soud s Igorem skvostně a s mnohými pojednáními o Staroslovanstvu“. Č. Č. Mus., 1873, str. 384.

[3]) Записки А. С. Шишкова, II, стр. 373.

малороссъ или червоноpоссъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ Добровскаго сдѣланъ былъ въ Прагѣ въ 1811 г. переводъ „Слова" проф. Миллеромъ [1]). Нѣсколько раньше (въ 1808 г.) оно было переведено на чешскій языкъ І. Юнгманномъ, а затѣмъ и Рожнаемъ (въ стихахъ), но эти два перевода не появлялись въ печати.

Заслуга перваго у чеховъ изданія „Слова" и перевода его принадлежитъ Ганкѣ. Издавая „Слово", Ганка имѣлъ въ виду познакомить съ нимъ не только чеховъ, но вообще славянъ, употребляющихъ латинское письмо [2]). „Поистинѣ достойна пѣснь та, чтобъ ю всѣ славяне въ подлинникѣ читать могли", оправдывалъ онъ свое изданіе въ письмѣ къ Шишкову 8 (20) мая 1820 г. и выражалъ при этомъ надежду, что и русскіе читатели согласны будутъ съ его толкованіемъ и примѣчаніями [3]).

Изданіе Ганки не могло удостоиться у насъ сочувственнаго отзыва. Не говоря о безобразной внѣшней формѣ, которую приняло „Слово" въ вычурной транскрипціи Ганки, изданіе производило странное впечатлѣніе и мнимо-русскимъ языкомъ своего предисловія. Ганка такъ характеризовалъ здѣсь „Слово": „Языкъ подлинника сей пѣсни великолѣпенъ и крѣпокъ, дѣлаетъ переходъ изъ славянскаго въ старый русскій; потому разознается очевидно не токмо отъ старшихъ частей священнаго писанія, но и отъ самаго лѣтописца Нестора. Я согласенъ съ Карамзиномъ, что она міряниномъ написана, однакожь немногіе будутъ противорѣчить, что монашескимъ толкованіемъ не безображена. Правда это трудно, изъ единствен-

[1]) Ягичъ, Источники, I, стр. 74, 115, 200, 218. Отзывъ Добровскаго объ изданіи Пожарскаго 1819 г. см. въ письмѣ къ Шишкову отъ 11 февр. 1820 г. Зап. А. С. Шишкова, II, стр. 374—375.

[2]) См. выше, стр. 41.

[3]) Препровождая Академіи экземпляръ своего изданія „Слова", Ганка писалъ: „Подлинникъ я преставилъ латинскими буквами только для того, чтобъ уроженцы мои и другіе латинскіе славяны (могли) участвовать не только красотѣ древняго сочиненія, но болѣе того—очевидно смотрѣть эту маленькую разницу нарѣчій между собою". Конспектъ безъ даты, въ бумагахъ Ганки въ Чешскомъ Музеѣ.

ной рукописи всѣ темныя мѣста понять и объяснить, но далеко труднѣе оному, который рукопись сію никогда не узрѣлъ". „Я въ подлинникѣ ничего перемѣнить не отважаюсь", заявляетъ Ганка далѣе, какъ бы желая убѣдить читателя въ точности своего изданія, но тѣмъ не менѣе онъ не отказывается отъ нѣкоторыхъ произвольныхъ поправокъ; такъ, онъ полагаетъ, что въ началѣ, можетъ быть, должно читать: „Не лѣпо ли *бы* бяшетъ", и наоборотъ: „лучежъ *ны* потяту быти"; вмѣсто: „руськыя плъкы *отъ*ступиша"—„*об*ступиша"; вм.: „меча *в*ремены"—„*б*ремены"; вм.: „носитъ *васъ* умъ"—„*вашь* умъ". Но Ганка сдѣлалъ и другія поправки, такъ, вм.: „кмети"—онъ читалъ: „k-meti", т. е. „свѣдоми кмети" по его толкованію значило бы: „опытные въ метаніи (des Wurfes kundige)". Тутъ же Ганка обращалъ вниманіе на сходство „Царедворской рукописи" съ „Игоремъ" „не токмо въ словныхъ выраженіяхъ, но болѣе того, въ самомъ духѣ древности и мышленіи". Такъ, вполнѣ сходными считалъ онъ заключеніе пѣсни „Олдрихъ и Болеславъ" съ заключеніемъ „Игоря".

Изданію Ганки посвятилъ у насъ нѣсколько строкъ „Вѣстникъ Европы" [1]). Не останавливаясь на достоинствахъ или недостаткахъ самаго изданія Ганки, онъ зло посмѣялся однако надъ его русскимъ предисловіемъ. „Имѣемъ долгъ, говорилъ анонимный русскій критикъ, поблагодарить почтеннаго г. Ганку за преподанное намъ наставленіе собственнымъ примѣромъ, что никогда не должно писать безъ крайней нужды на такомъ языкѣ, который хотя мы и разумѣемъ, но которому не училися съ малолѣтства,—однимъ словомъ, на языкѣ, котораго не можемъ назвать своимъ природнымъ".

Не лучшее впечатлѣніе произвело изданіе „Игоря" и въ Чехіи. Шафарикъ негодовалъ по поводу уродливыхъ новаторствъ Ганки въ азбукѣ и никакъ не могъ заставить себя прочитать „Игоря" въ изданіи его [2]). Только одинъ Ант. Марекъ, столь

---

[1]) 1822, № 18, стр. 157—159.

[2]) Ср. выше, стр. 42. „Hánkův překlad není záživný", вѣрно замѣтилъ впослѣдствіи Эрбенъ. См прилож., стр. LXIII.

же горячій сторонникъ единства славянской азбуки, какъ и Ганка, откликнулся радостнымъ для Ганки голосомъ [1]).

„Письмецо ваше, отвѣчалъ Ганка своему другу, меня обрадовало: оно единственное, одобряющее моего „Игоря". Не могу выразить, какъ я желаю сближенія и соединенія нашихъ единоплеменниковъ, и ваше согласное чувство пойметъ это, пожалуй, лучше само собою. Я охотно предложилъ бы „Игоря" чехамъ кирилловскими письменами, но я опасался, что не достигну этимъ своей цѣли: въ словѣ важнѣе всего звукъ, а я желалъ имѣть болѣе широкую публику, чѣмъ нѣсколько читающихъ по-русски чеховъ, поляковъ и хорватовъ". „Естли бъ возможно было, чтобы чехи гражданскими буквами написанное читать въ состояніи были,—азъ есмь первѣе!" увѣрялъ онъ Марка [2]).

Много лѣтъ прошло со времени изданія „Игоря" Ганкою, появился новый переводъ проф. М. Гатталы (1858 г.), и по поводу этого изданія вспомнилъ о трудѣ Ганки его лучшій другъ И. И. Срезневскій. Отзывъ его, правда, сильно запоздавшій, долженъ былъ удовлетворить Ганку за всѣ прежнія обиды. Срезневскій находилъ, что Ганка потрудился надъ „Словомъ" для своего времени ненапрасно. При недоступности большей части памятниковъ древне-русскихъ, при отсутствіи всякаго рода вспомогательныхъ пособій, при маломъ развитіи понятій о языкѣ славянскомъ вообще и русскомъ отдѣльно, нельзя было отъ Ганки въ то время ожидать ни вполнѣ правильнаго пониманія подлинника, ни счастливаго перевода, ни богатыхъ пояснительныхъ примѣчаній. Ганка, по убѣжденію Срезневскаго, сдѣлалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать; его изданіе „Слова" надолго оставалось въ числѣ лучшихъ [3]). Въ 1851 г. Ганка собирался вновь издать „Игоря", но на этотъ разъ подлинный текстъ рѣшилъ уже печатать гражданкой, а не латински-

[1]) „Nepochybuju, že budemeli se takovým spůsobem v naši utěšené Slavii přáteliti, ona dávno žádaná společnost nezůstane pouhým libezným snem". Письмо отъ 31 дек. 1820 г., въ Чешскомъ Музеѣ.

[2]) Č. Č. Mus., 1887, str. 62.

[3]) Изв. II Отд. И. Ак. Н., т. VII, стр. 123—124.

ми буквами [1]). За тридцать лѣтъ, истекшихъ со времени перваго изданія, русская азбука получила у чеховъ широкое распространеніе. Въ этомъ дѣлѣ немало потрудился и самъ Ганка.

2.

Второй замѣчательный представитель славянскаго движенія въ чешской литературѣ и жизни эпохи двадцатыхъ годовъ былъ Ф. Л. Челаковскій. Въ тѣ годы, когда Ганка только что начиналъ свою литературную и учено-издательскую дѣятельность, Челаковскій заканчивалъ прохожденіе школьнаго курса. Судьба заставила его проходить этотъ курсъ то въ Будѣевицахъ, то въ Пискѣ, то въ Прагѣ, то въ Линцѣ, то наконецъ опять въ Прагѣ. Въ первый разъ онъ прибылъ въ Прагу въ 1818 г. Это было время особеннаго подъема національнаго самосознанія чешскаго народа, пробудившагося съ необыкновенной силой для новой жизни. Всего годъ тому была открыта Краледворская рукопись, произведшая столь сильное возбужденіе патріотическаго чувства; на „наслѣдственной нивѣ народа" работали выдающіеся чешскіе писатели и ученые, труды коихъ направлены были къ одной цѣли,—благу своего народа.

Такое патріотическое настроеніе лучшей части чешскаго общества не могло не отразиться на образѣ мыслей юнаго Челаковскаго и не создать твердой и прочной основы для его будущей дѣятельности. Но въ Прагѣ онъ пробылъ всего годъ. Естественно, что покидалъ онъ ее съ грустью: тутъ онъ былъ у живого источника чешской литературы, въ самомъ сердцѣ дорогого отечества; тутъ онъ вращался въ обществѣ, которое существовало прежде только въ его идеальныхъ мечтаніяхъ,— и вдругъ все это приходилось покидать. Въ слѣдующемъ году онъ переходитъ въ Будѣевицы. Тутъ Челаковскій съ особеннымъ увлеченіемъ занимается собираніемъ старыхъ чешскихъ

---

[1]) Чтенія, 1887, II, стр. 27, письмо Ганки къ Бодянскому отъ 30 янв. 1851 г.

книгъ, но любимѣйшимъ занятіемъ его сдѣлалось собираніе народныхъ пѣсенъ и пословицъ.

Судьба заставила Челаковскаго кончать философскія студіи въ Линцѣ. Эти постоянныя странствованія приносятъ нашему поэту несомнѣнную пользу. Въ Линцѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми товарищами-словинцами, изучилъ здѣсь словинскій и польскій языки, познакомился съ ихъ пѣснями; здѣсь же, въ богатой библіотекѣ доктора Ф. Клицперы, брата извѣстнаго чешскаго драматурга, онъ находитъ русскія книги.

Въ одномъ изъ писемъ къ другу своему Камариту поэтъ разсказываетъ, что, просматривая книги въ библіотекѣ д-ра Клицперы, онъ натолкнулся неожиданно на русскую книгу прекрасной печати, изданную въ Петербургѣ. „Разбираю по складамъ, и вдругъ оказывается, что это—русская „Энеида перелицованная". Если бы я зналъ по-русски!" съ сожалѣніемъ восклицаетъ поэтъ [1]). Это были, очевидно, только первые уроки его по русскому языку. Впослѣдствіи поэтъ изучилъ основательно русскій языкъ и свободно писалъ на немъ письма. Неоспоримыя заслуги въ дѣлѣ распространенія русскаго языка имѣлъ Ганка, который еще въ студенческіе годы свои организовалъ занятія имъ, а въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ устроилъ у себя небольшую славянскую библіотеку, изъ коей за незначительную годовую плату выдавались книги участникамъ ея. Когда Челаковскій собирался переходить въ Будѣевицы, гдѣ русскую книгу достать было трудно, онъ рѣшилъ просить Ганку высылать ему для чтенія русскія и польскія книги, ибо безъ нихъ онъ не могъ бы жить [2]). Усердно изучаетъ русскій языкъ и другъ его Камаритъ. „Если только у тебя есть время, учись немного по-русски", совѣтуетъ ему Челаковскій. Общее увлеченіе славянскими языками, особенно русскимъ, было, несомнѣнно, велико. Когда Караджичъ въ двадцатыхъ годахъ познакомился въ Прагѣ съ Юнгманномъ и Челаковскимъ, онъ былъ пріятно пораженъ тѣмъ, что въ Чехіи нашелъ лю-

[1]) Sebr. l., str. 21, 25.
[2]) Sebr. l., str. 51, 98.

дей, которые умѣютъ цѣнить славянскіе языки; такихъ людей онъ не встрѣчалъ ни въ Польшѣ, ни въ Петербургѣ [1]).

Въ Линцѣ у Челаковскаго впервые явилась мысль покинуть отечество и искать счастія въ Россіи, но осуществить эту мечту ему не удалось: изъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, куда онъ обратился съ ходатайствомъ о выдачѣ ему паспорта въ Россію, онъ получилъ отказъ. Но желаніе покинуть „недружелюбное отечество" отъ этой неудачи не пропало, напротивъ, оно становится у него все сильнѣй и сильнѣй. 14 февр. 1820 г. Челаковскій извѣщаетъ Камарита о своемъ рѣшеніи: „Я собираюсь въ Россію, а именно къ самому двору царскому. О, если бы ты не былъ домашними обстоятельствами такъ сильно связанъ съ родиной, ты бы долженъ былъ отправиться со мной. Читай газеты и увидишь, какъ Александръ все, что мало-мальски полезно въ области знанія, привлекаетъ въ свою страну, какое число нѣмцевъ туда тянется [2]). Какъ я былъ бы радъ, если бы могъ только очутиться тамъ, но дорога, дорога!... Я давно рѣшилъ не умирать въ землѣ австрійской державы". Черезъ нѣсколько дней, 23 февраля 1820 г., Челаковскій о своемъ планѣ сообщаетъ другу своему болѣе точныя свѣдѣнія: „На этой недѣлѣ я написалъ въ Вѣну прошеніе на имя гр. Головкина, русскаго посланника, о выдачѣ мнѣ паспорта въ Петербургъ. Если онъ выслушаетъ мою просьбу и все, что я въ прошеніи изложилъ, то я послѣ праздниковъ двинусь въ

[1]) Sebr. l., str. 116.

[2]) Чешскіе журналы неоднократно отмѣчаютъ этотъ фактъ. Такъ, Prvotiny Громадка обращаютъ вниманіе, что Александръ I „fedruje osvícení svého národu skrze umění mnohými novými universemi." Позже Vlastenský Zvěstovatel (1823, № 3) отмѣчалъ культурные успѣхи Россіи: „Již po dlouhý čas Rusko obrací na sebe pozornost Evropy i v občanské i ve vojenské způsobě; a nyní vidí také pozorovatel, jak zdařile i v učenostech i v umělostech Rusko v jakous původní samostatnost se usazuje. Již Němci a Francouzi jedni přes druhé pokoušeli se ovoce to ze Severu přeložiti do svých domácností, a zdařilo se zvláště německému jazyku původnost a mladistvost literatury ruské sobě převyjádřit."

путь. Мое рѣшеніе все болѣе и болѣе становится зрѣлымъ". Но отвѣтъ получился отрицательный, всѣ надежды разомъ рухнули, но видимо не особенно огорчили поэта. „Im Vaterlande schreibe, was dir gefällt, da sind Liebesbande, da ist dein Welt!" утѣшалъ онъ себя словами Гете и, по обыкновенію, шутливо заключалъ свою печальную вѣсть: „Не будемъ уже писать другъ другу посланій, ты съ родины, а я изъ печальной чужбины" [1]). Друзья такому исходу дѣла обрадовались. „Я очень радъ, что мы не разстанемся навсегда, что холодная Россія не похититъ тебя у Властимила", выражалъ свою радость Камаритъ въ великій пятокъ 1820 г. [2]).

Слѣдующій 1821-й годъ былъ тяжелымъ годомъ для юнаго Челаковскаго. Сомнѣнія относительно избранія какого-либо опредѣленнаго жизненнаго пути, такъ называемой „карьеры", волнуютъ душу поэта, и онъ, не рѣшаясь вступить ни на путь педагогической дѣятельности, а тѣмъ менѣе—надѣть на себя рясу, избираетъ третій путь, который разомъ долженъ избавить его отъ докучливо-мучительныхъ сомнѣній. „Я думаю бѣжать, уйти въ Россію", рѣшительно заявляетъ онъ 21-го мая 1821 года другу Камариту. „Тамъ, я вижу, стоитъ моя звѣзда, и она влечетъ меня за собою. Но что ожидаетъ меня тамъ? Этого я и самъ не знаю, ибо въ этомъ отношеніи я все еще обрѣтаюсь въ ужасномъ снѣ, и каково было бы мое пробужденіе, я самъ не знаю. Я рѣшился однако на все. Если бы и тамъ ничего лучшаго не было, тогда остается, какъ ultimum refugium, военная служба. Тамъ я могъ бы служить своимъ двоюроднымъ братьямъ, тогда какъ здѣсь я не смѣю служить братьямъ роднымъ, напротивъ, я долженъ служить для ихъ погибели. Такъ или иначе, я думаю, что хуже того, какъ оно есть, и быть не можетъ" [3]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что не счастья думаетъ искать онъ по свѣту: оно не приходитъ извнѣ, оно внутри насъ; ему вспомнились слова

[1]) Sebr. I., str. 29.
[2]) Sebr. I., str. 30.
[3]) Sebr. I., str. 54.

Горація: „patriae quis exul, se quoque fugit", но всѣ мудрыя сентенціи не могутъ поколебать его рѣшенія. „Слова казалися прекрасны, но только были не согласны", повторяетъ онъ стихи Карамзина. Мысль покинуть отечество и искать счастія и мира на Руси прочно засѣла въ головѣ Челаковскаго. Рѣшеніе оставалось неизмѣннымъ до декабря 1821 года [1]. Только зиму поэтъ предполагалъ провести въ Чехіи, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года съ Божьей помощью надѣялся пуститься въ путь. Однако, раньше времени никому не слѣдуетъ говорить объ этомъ, прежде всего—никому изъ родныхъ: всѣ ихъ увѣщанія все равно ни къ чему не привели бы. „Мысль моя настолько тверда и рѣшительна, что никакія препятствія меня не отвратятъ отъ нея", увѣряетъ онъ Камарита. „Не думай, что это лишь нѣкоторое волненіе крови, какое-то безуміе, вдругъ мною овладѣвшее,—нѣтъ, я окончательно разрѣшилъ то, что давило мое сердце въ теченіе двухъ лѣтъ, что денно и нощно стояло предъ моими очами"...

На убѣжденія друзей не покидать родины Челаковскій возражаетъ Камариту (2 января 1822 года): „Здѣсь меня не ждетъ ничего, кромѣ жалкой, бездѣятельной жизни... Будь увѣренъ, что тамъ я достигну счастія, насколько возможно будетъ достигнуть его въ разлукѣ съ вами. Твое замѣчаніе, что императоръ меня не пуститъ, меня мало озабочиваетъ, ибо тамъ, гдѣ ученыхъ людей изобиліе, какъ въ нашей монархіи, тамъ не заботятся такъ много объ ученикахъ". Ко всякаго рода неудачамъ и непріятностямъ скорбной жизни поэта присоединялись еще непрестанныя недоразумѣнія съ цензурой, сильно разстраивавшія его. Жалуясь Камариту (12 января 1822 г.) на безконечныя и безсмысленныя придирки и притѣсненія ея, выводившія его изъ терпѣнія, Челаковскій восклицаетъ: „О, Боже мой! когда же наконецъ я уберусь миль за сто отъ всей этой мерзости. Тамъ мнѣ никто не будетъ препятствовать говорить правду и изобразить картину всего этого. Другъ мой,

[1]) Еще 2-го декабря 1821 г. онъ пишетъ Камариту: „Mé předsevzetí odejíti jest nyní neskloniteIné." Sebr. l., str. 70.

не удивляйся поэтому моему великому плану, а лучше поддержи меня въ немъ, ибо онъ только и составляетъ частицу моего блаженства: я не могу жить въ народѣ, лишенномъ всей, всей свободы. Тамъ только сіяетъ моя звѣзда, ибо для меня нѣтъ ничего дороже свободы. Лучше тамъ влачить жалкое существованіе, нежели здѣсь запродать себя", энергично заключаетъ Челаковскій [1]).

Мечтая о переселеніи въ Россію, Челаковскій, очевидно, внимательно прочитываетъ все, что можетъ найти для лучшаго ознакомленія съ нею. Въ письмѣ (28 янв. 1822 г.) къ Камариту онъ сообщаетъ ему длинную выписку, слова Шлецера о Петербургѣ (1761 г.), и добавляетъ при этомъ: „Туда только, только туда направлены всѣ мои помыслы". Рѣшивъ отправиться въ Россію, Челаковскій собирается однако передъ отъѣздомъ заглянуть еще въ родныя Страконицы и проситъ Камарита пріѣхать туда на свиданіе. „Можетъ быть, это будетъ наше послѣднее свиданіе, но можетъ быть, что и нѣтъ, ибо я думаю, что, какъ бы долго мнѣ тамъ ни пришлось пробыть, все-таки я тамъ не умру; къ тому времени ты будешь богатымъ настоятелемъ или деканомъ, а я въ Россіи, пожалуй, тоже разбогатѣю (по крайней мѣрѣ, обѣднѣть не могу,— въ этомъ я убѣжденъ, ибо не принесу туда ничего, кромѣ себя самого), и тогда, когда каждому изъ насъ стукнетъ пятьдесятъ, мы еще можемъ свидѣться" [2]).

Камарита сильно безпокоилъ вопросъ, какъ перейдетъ Челаковскій чрезъ границу. Онъ совѣтовалъ ему остаться въ Галиціи и тамъ поискать себѣ мѣста, но Челаковскій и слышать объ этомъ не хотѣлъ. „И не думаю искать чего-либо въ Польшѣ: это было бы послѣднее дѣло! Въ такомъ случаѣ лучше ужъ остаться здѣсь, чѣмъ жить въ нашей Польшѣ" [3]). Опасенія Камарита были, какъ увѣрялъ его Челаковскій, совершенно напрасны: „Ты меня всячески стращаешь, но я не

---

1) Sebr. l., str. 78.
2) Sebr. l., str. 82.
3) Sebr. l., str. 81—82.

пущусь необдуманно въ путь. Когда у меня будетъ паспортъ, я всюду пройду, а если мнѣ его не дадутъ для перехода черезъ границу, я попрошу его до какого-либо пограничнаго города, напр., Велички, а оттуда уже при случаѣ легко проберусь. Я долженъ уйти, ибо прежде всего, какъ я уже нѣсколько разъ писалъ тебѣ, это наше положеніе мнѣ вовсе не нравится". Въ тяжеломъ существованіи изо дня въ день „кондиціями" было дѣйствительно мало привлекательнаго. „Во-вторыхъ, продолжалъ Челаковскій, нѣчто, мнѣ самому непонятное, влечетъ меня туда; повидимому, тамъ я могу быть болѣе полезнымъ своей родинѣ посредственно" [1]).

Вопросъ о паспортѣ не устрашалъ Челаковскаго нисколько. Онъ надѣялся, какъ мы видѣли, что все устроится уже на пути. Передъ глазами былъ ободрявшій его примѣръ. Извѣстный издатель моравскихъ пословицъ Трнка [2]), за годъ до сборовъ Челаковскаго, благополучно пробрался въ Польшу, намѣреваясь изъ Варшавы отправиться далѣе, въ Россію. О путешествіи Трнки Челаковскій имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія, несомнѣнно, отъ Ганки. 20 сентября 1821 г. Трнка написалъ Ганкѣ изъ Варшавы длинное письмо, въ коемъ изложилъ ему всѣ свои дорожныя впечатлѣнія и приключенія. Путь отъ Гумпольца, откуда онъ вышелъ 12 апрѣля, до Варшавы онъ совершилъ почти исключительно пѣшкомъ. Въ Краковѣ онъ далъ подписать свой паспортъ русскому консулу и отправился далѣе. На пути онъ занимался уроками по помѣщичьимъ усадьбамъ, а въ одномъ мѣстечкѣ пробылъ даже нѣкоторое время учителемъ въ какомъ-то пансіонѣ. Въ Варшавѣ въ немъ принялъ участіе Линде, къ которому у него была рекомендательная записка отъ Ганки. Но Варшава была только однимъ изъ этаповъ на длинномъ пути Трнки. Онъ искалъ здѣсь знакомства съ русскими, для того чтобы имѣть возможность попасть

---

[1]) Sebr. l., str. 81.

[2]) Фр. Трнка род. въ 1804 г. въ Гумпольцѣ, былъ впослѣдствіи учителемъ чешскаго языка въ Брнѣ, а съ 1831 г. чиновникомъ университ. библіотеки въ Оломуцѣ.

въ Россію. „Въ настоящее время трудно проникнуть въ Россію: каждый чужеземецъ долженъ имѣть своего патрона, каковаго и я надѣюсь найти. Во всякомъ случаѣ, я не отправлюсь въ Россію наобумъ, безъ опредѣленнаго мѣста и должности“, писалъ онъ Ганкѣ. Ганка, очевидно, былъ руководителемъ Трнки въ его предпріятіи: онъ снабдилъ его рекомендаціями въ Краковъ и Варшаву, ему Трнка незадолго до выѣзда своего писалъ изъ Гумпольца (24 марта 1821 г.) „русскими чтенами, а славскимъ языкомъ“ слѣдующія строки, ясно указывающія на участіе Ганки въ его проектахъ: „Цѣлою цестою быху помысли мои у Вас. Доброта ваша сердце мое занимала, а путь мой далекый вздѣла горестным. Но судба свѣтовладна всѣ потрѣбою становит, а угнути ся законом ея неможно! Мои прибузници охотно мене прияху; але о моем предприятію невѣдят; абых зармутек им неспособил, утаил я правое намѣреніе, думают, что у истаго земляка полск. выхователѣм буду. Вы, драгый сердцу моему! единѣ знаете умысл мой, и никто другый!“

Въ Россію однако Трнка не попалъ и вскорѣ вернулся на родину [1]). 20 іюня 1822 года Челаковскій сообщалъ объ этомъ Камариту, который интересовался, въ какомъ положеніи проектъ его поѣздки въ Россію. „Трнка вернулся изъ Польши, не будучи въ состояніи перейти границу; былъ въ Кралове-Градцѣ и оттуда отправился въ Вѣну, гдѣ намѣренъ получить паспортъ до самаго Петербурга; не знаю, получитъ ли онъ его. Это происшествіе съ Трнкой сильно разстраиваетъ мои планы,—не знаю, не знаю, какъ это будетъ“. Поэтъ началъ колебаться. Посѣщеніе, въ виду предстоящаго отъѣзда, родныхъ Страконицъ, свиданіе съ родителями и близкими сердцу друзьями, увѣщанія, просьбы и даже запугиванья послѣднихъ произвели свое дѣйствіе. Сомнѣнія невольно закрады-

[1]) Колларъ (Slávy Dcera, IV, сон. 112) помѣстилъ Трнку въ славянскомъ небѣ въ сонмѣ тѣхъ, „Kteří prví cílem národným po slavjanských putovali krajech“ и этимъ содѣйствовали развитію славянской взаимности.

ваются въ душу юнаго поэта. Мечты его подчасъ кажутся ему неосуществимыми, но вѣдь и помечтать иногда бываетъ пріятно! Поэтъ картинно изображаетъ свои грезы въ одномъ изъ писемъ къ Ант. Марку. Онѣ переносятъ его къ берегамъ синяго Дона, бурливой Волги и хладной Невы. Но мечтанія эти разсѣялись, какъ сонъ, и поэтъ съ грустью вспоминаетъ о нихъ, о томъ, какъ обольстительныя русскія дѣвушки зазывали его изъ косящата окна и упрашивали сыграть имъ на арфѣ пѣсенку, за что онѣ сами должны были пѣть ему свои пѣсни; какъ онъ любовался плясками молодыхъ казачекъ и какъ аккомпанировалъ на своей арфѣ бородатому русскому трубадуру, игравшему на балалайкѣ [1]). „О, если бы я могъ убѣдиться, говоритъ онъ Камариту, что все то, за чѣмъ я гоняюсь, лишь сонъ! Но пускай себѣ все это будетъ сонъ,— лишь бы онъ вѣчно продолжался. Да, наконецъ, у меня здѣсь нѣтъ никакой надежды достигнуть какого-либо приличнаго положенія, а перебиваться, какъ Богъ пошлетъ, изо дня въ день, я совсѣмъ не хочу“ [2]).

Затѣмъ въ перепискѣ друзей—продолжительное молчаніе. О неудавшемся планѣ, вѣроятно, скоро позабыли. Прошелъ годъ, и 29 іюня 1823 г. Челаковскій съ несомнѣннымъ удовольствіемъ могъ сообщить Камариту: „Я побѣдилъ самого себя! Поѣздку въ Россію я отложилъ и избираю предметомъ изученія богословіе“ [3])... Время, какъ признавался поэтъ, оказалось самымъ лучшимъ врачемъ.

Замѣтимъ, что въ эти же годы собирался въ поѣздку въ Россію и Ганка. Какъ явствуетъ изъ рекомендательныхъ писемъ, заготовленныхъ для него графомъ Фр. Лубенскимъ, Ганка по какому-то дѣлу (za interesem) думалъ направиться черезъ Львовъ въ Кременецъ и намѣренъ былъ, на обратномъ пути въ Чехію, заѣхать въ Вильну и Варшаву. Письма адресованы были,—всѣ отъ 18 мая 1821 г.,—на имя А. Снядец-

---

1) Č. Č. Mus., 1887, str. 63.

2) Sebr. l., str. 81.

3) Sebr. l., str. 128.

каго въ Вильну, Б. Линде — въ Варшаву, Дзержковскаго во Львовъ, Дрвевецкаго, предводителя дворянства кременецкаго уѣзда, въ Кременецъ Подольскій. Предполагавшаяся поѣздка не имѣла прямой научной цѣли, но Ганка имѣлъ въ виду воспользоваться ею для лучшаго ознакомленія съ польской литературой и языкомъ [1]). Дальше сборовъ дѣло однако не подвинулось: рекомендательныя письма остались у Ганки [2]).

3.

Очень рано Челаковскій занялся изученіемъ и собираніемъ плодовъ славянскаго народнаго творчества. Уже въ годы школьнаго ученія онъ увлекается этимъ дѣломъ [3]). Въ 1819 году, будучи исключенъ изъ будѣевицкой гимназіи, Челаковскій принимается за собираніе пѣсенъ не только чешскихъ, но и вообще славянскихъ. Пребываніе его въ Линцѣ, гдѣ среди учащейся молодежи было нѣсколько словинцевъ, въ значительной степени облегчило Челаковскому знакомство съ пѣснями словинскими. Переписка Челаковскаго съ Камаритомъ свидѣтельствуетъ о томъ непрестанномъ и живѣйшемъ интересѣ,

---

[1]) Въ письмѣ къ Линде, ректору варшавскаго Лицея, гр. Лубенскій рекомендовалъ Ганку: „Oddawca tego listu JMPan Hankie, Dyrektor tuteyszego Muzeum, ma proiekt jechania na Lwów do Krzemieńca Podolskiego, gdzie ma interes, wracać zaś będzie do Pragi na Wilno, Warszawę dla zobaczenia ciekawości naszego kraiu i nabrania wiadomości w literaturze naszey, jest on albowiem wielkim przyiacielem wszystkich Sklawonskich języków, które przy wielu innych wiadomościach tę naukę szczególniey posiada. Że WMPan Dobrodziey również w tym masz obszerne wiadomości, więc Jemu Go polecam jako człowieka uczonego, członka Towarzystwa tuteyszego i wielu innych" etc.

[2]) Во всю свою жизнь Ганка никуда изъ Чехіи не удалялся и только разъ былъ „наидалѣ" въ Дрезденѣ; причиной были финансовыя затрудненія. Письма къ Погодину, стр. 495.

[3]) О намѣреніи Челаковскаго заняться собираніемъ народныхъ пѣсенъ говоритъ Камаритъ въ письмѣ къ нему 1819 г., въ великій пятокъ. Sebr. l., str. 3.

съ какимъ друзья слѣдили за народною пѣснею, какими тонкими знатоками ея они стали. При всякомъ удобномъ случаѣ Челаковскій посылаетъ другу своему какую-либо славянскую пѣсню, и отсутствіе въ письмѣ сообщеній о пѣсняхъ или самыхъ пѣсенъ настолько огорчительно для Камарита, что онъ тотчасъ же спрашиваетъ объ этомъ необычномъ явленіи и ждетъ объясненія ему. Между друзьями-собирателями установился правильный обмѣнъ плодами народной музы. Камаритъ изучилъ чешскую народную пѣсню настолько глубоко, что самъ слагалъ въ подражаніе ей пѣсни, удивительно близкія по формѣ и духу. Иногда, чтобы испытать своего друга, онъ посылаетъ ему свои произведенія подъ видомъ народныхъ пѣсенъ, но тонкое чутье Челаковскаго сразу изобличаетъ обманъ [1]).

Глубоко вникнувъ въ духъ пѣсни чешской, Камаритъ съ одинаковымъ пониманіемъ читаетъ и народныя русскія пѣсни. Когда Челаковскій послалъ ему какой-то московскій пѣсенникъ, заключавшій, по обыкновенію пѣсенниковъ, и пѣсни театральнаго происхожденія, Камаритъ, познакомившись съ книгою, писалъ своему другу (20 марта 1830 г.): „Московскія пѣсни доставили мнѣ много удовольствія. Но все-таки между ними самыя прекрасныя—пѣсни народныя. Гдѣ русскій является мнѣ съ французскимъ или нѣмецкимъ обычаемъ, я съ отвращеніемъ отворачиваюсь отъ него, но если онъ непритворно поетъ свою народную пѣсню, я далъ бы ему за каждое слово поцѣлуй“. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 13 апрѣля 1830 г., онъ говоритъ о большомъ сходствѣ русскихъ свадебныхъ обычаевъ и пѣсенъ съ чешскими. „Общее впечатлѣніе отъ чтенія русскихъ народныхъ пѣсенъ получается такое, что чувствуешь себя не на чужбинѣ, а какъ будто дома“, говоритъ Камаритъ. Онъ помнитъ, что русскіе солдаты, проходившіе чрезъ Велешинъ, его родной городокъ, баловали его, цѣловали, пѣли ему пѣсни и научили его даже нѣсколькимъ церковнымъ пѣснямъ, и сожалѣетъ, что онъ тогда не былъ болѣе взрослымъ маль-

---

[1]) Sebr. l., str. 163, 193.

чикомъ. „Сколько пѣнія раздавалось вечеромъ по мѣстечку!“ вспоминаетъ Камаритъ [1]).

Результатомъ собирательской дѣятельности Челаковскаго было изданіе въ 1822 году перваго томика „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ“ („Slovanské národní písně“). Поэтъ, несомнѣнно, имѣлъ передъ глазами знаменитый сборникъ Гердера „Stimmen der Völker“, подсказавшій ему мысль издать такое же собраніе славянскихъ народныхъ пѣсенъ (Hlasové Slovanských národů v písních“) [2]).

Для исторіи изученія Челаковскимъ произведеній народнаго творчества и для характеристики взглядовъ его на эти произведенія даетъ нѣкоторый матеріалъ предисловіе, предпосланное имъ первому томику изданія. Уже за нѣсколько лѣтъ до выхода своего на поприще поэтической дѣятельности Челаковскій сталъ собирать простонародныя чешскія пѣсни, „для своего собственнаго удовольствія“; это занятіе доставляло ему большую радость, такъ что онъ вспоминаетъ о немъ, какъ о пріятномъ сновидѣніи, въ коемъ являлась ему эта любезная и прекрасная, не нарумяненная, не набѣленная и не разукрашенная народная муза. О народной пѣснѣ вообще поэтъ говоритъ здѣсь съ восторгомъ: онъ убѣжденъ, что нѣтъ ничего лучше удачной народной пѣсни; онъ глубоко проникаетъ въ ея безыскусственную красоту. Какъ нѣкій курьезъ, приводитъ Челаковскій въ письмѣ къ Камариту (23 января 1827 г.) оригинальное сужденіе о русской народной пѣснѣ Добровскаго, который будто бы выразился, возставая противъ общаго увлеченія сербскими народными пѣснями, только что изданными Вукомъ: „Ich weiss nicht, was die Leute nur mit den serbischen Liedern haben wollen... Etwas anderes sind die russischen, die haben doch noch in der 3-ten Person sing. das alte *тъ*.“ „Видишь, какъ судятъ грамматики о поэтическихъ плодахъ!“ иронически замѣчаетъ Челаковскій [3]).

---

1) Sebr. l., str. 267, 269.

2) Такое намѣреніе высказываетъ онъ въ письмѣ къ Камариту отъ 12 февраля 1822 года. Sebr. l., str. 85.

3) Sebr. l., str. 199.

Характеризуя русскую пѣсню, Челаковскій дѣлаетъ слѣдующее сравненіе ея съ чешской: „Пѣсня русская и пѣсня чешская могутъ считаться двумя полюсами славянской народной поэзіи... Русскія пѣсни по большей части отличаются эпическимъ характеромъ, тогда какъ душу пѣсни чешской составляетъ лирика. Въ первыхъ преобладаетъ больше рефлексія, онѣ пробуждаютъ чувства помощью картинъ и дѣйствій и переносятъ насъ въ болѣе обширныя и высокія пространства; послѣднія—передаютъ чувство непосредственно, едва касаясь даже ближайшихъ предметовъ, и поэтому предѣлы ихъ значительно у́же. Чтеніе русскихъ пѣсенъ подобно прогулкѣ по дремучему лѣсу, среди высокихъ, густыхъ деревьевъ, разбросанныхъ чудовищныхъ скалъ, шумящихъ рѣкъ и озеръ; чтеніе пѣсенъ чешскихъ напоминаетъ прогулку по широкимъ полямъ и лугамъ, гдѣ глазъ встрѣчаетъ только низенькіе кустики и веселыя рощицы, а до слуха доносится лишь журчаніе ручейка или звонкая пѣсня жаворонка.“

Первый томикъ „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ“ вышелъ въ 1822 году. Онъ заключалъ во второй своей части двадцать шесть пѣсенъ великорусскихъ и пять малорусскихъ, далѣе слѣдовали пѣсни сербскія и словинскія. Во второмъ томикѣ (1825 г.) находимъ 12 пѣсенъ великорусскихъ и 5 малорусскихъ; въ третьемъ (1827 г.)—16 великорусскихъ и 5 малорусскихъ. Изданіе Челаковскаго не отличается строгостью выбора матеріала и распредѣленія его: всѣ три томика заключаютъ пѣсни различныхъ славянскихъ народовъ, а среди этихъ пѣсенъ попадаются и произведенія не народныя.

Собраніе русскихъ пѣсенъ давно уже было готово у Челаковскаго. Въ іюлѣ (31-го) 1822 года онъ посылаетъ уже нѣсколько листовъ этихъ пѣсенъ другу Камариту вмѣстѣ съ переводомъ ихъ, замѣчаетъ при этомъ о русской и сербской пѣснѣ, что онѣ въ эстетическомъ отношеніи превосходятъ пѣсни чешскія, и совѣтуетъ читать посылаемыя ему русскія пѣсни въ оригиналѣ, такъ какъ переводъ, по сравненію съ нимъ, и тѣнью ихъ не можетъ быть названъ. Матеріалъ, какъ видно, имѣлся у Челаковскаго большой: по его расчету, собраніе это

должно было составить 14 листовъ. Со временемъ оно еще болѣе разрослось, благодаря содѣйствію, которое оказывали Челаковскому его друзья.

„Славянскимъ народнымъ пѣснямъ" пришлось испытать длинный рядъ цензурныхъ мытарствъ, раньше чѣмъ онѣ вышли въ свѣтъ. Челаковскій негодовалъ по поводу придирокъ цензуры, особенно ненавистнаго ему „дьявола въ подобіи человѣческомъ и волка въ овечьей шкурѣ", коварнаго глупца Циммермана [1]). „Желчь во мнѣ волнуется и бѣшенство овладѣваетъ мною, жалуется Челаковскій Камариту, когда я посмотрю на вторую часть народныхъ пѣсенъ, только что полученную мною изъ цензуры". Больше половины пѣсенъ было вычеркнуто [2]). Хуже всего обошлась цензура съ пѣснями инославянскими, которыя почти всѣ были осквернены цензурнымъ ядомъ и грязью. Прошло больше года, пока Челаковскій получилъ изъ цензуры послѣдній выпускъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, съ разрѣшеніемъ: Imprimatur. Съ восторгомъ сообщалъ онъ 1-го іюля 1823 г. объ этомъ радостномъ событіи Камариту: „Я чуть съ ума не схожу! Строчку напишу, то примусь за письмо, то скачу по комнатѣ!" [3]). Въ сентябрѣ того же года Челаковскій задумываетъ приступить къ переводу на чешскій языкъ, вмѣстѣ съ сербскими богатырскими пѣснями, и „Древнихъ россійскихъ стихотвореній" Кирши Данилова. „Кажется, что такое предпріятіе, говоритъ онъ въ письмѣ къ Камариту [4]), могло бы споспѣшествовать и у многихъ возбудить вкусъ тако къ народной и романтической поэзіи, яко пренебреганію всего, что правдивой поэзіи противится, всѣхъ новѣйшихъ мелочей и стиховъ неестественныхъ". Но планы эти остались не осуществленными.

---

[1]) О характерѣ дѣятельности этого цензора и въ частности объ отношеніи его къ Юнгманну см. „Записки" Юнгманна, Č. Č. Mus., 1871, str. 341.

[2]) Sebr. l., str. 86.

[3]) Sebr. l., str. 130.

[4]) Отъ 2 сентября 1823 г. Слав. Ежегодн., 1878, стр. 285.

Пѣсни, изданныя Челаковскимъ, вскорѣ, благодаря посредничеству Ганки, весьма доброжелательно отнесшагося къ изданію Челаковскаго, стали извѣстны у насъ на Руси. Первый томикъ ихъ издатель посвятилъ Ганкѣ, и, въ благодарность посвятившему, послѣдній немедленно посылаетъ нѣсколько экземпляровъ собранія въ Петербургъ и въ Варшаву [1]). Въ ноябрѣ 1823 года, какъ сообщаетъ Челаковскій Камариту, Ганка послалъ одинъ экземпляръ „Пѣсенъ" графу Румянцову, „величайшему славянскому меценату", а въ 1824 году въ „Сѣверномъ Архивѣ" появился уже отзывъ кн. Цертелева объ изданіи Челаковскаго [2]). „Собраніе сіе, говорилъ рецензентъ, любопытно для филологовъ; оно представляетъ такъ сказать параллель восьми славянскихъ нарѣчій: чехскаго или богемскаго, моравскаго, валахскаго, сербскаго, вендскаго, словенскаго, малороссійскаго и великороссійскаго". Не сомнѣваясь, что литераторамъ русскимъ пріятно будетъ видѣть „различные такъ сказать отливы славянскаго языка, общаго нѣкогда столь многимъ поколѣніямъ", Цертелевъ перепечатываетъ изъ сборника Челаковскаго рядъ пѣсенъ: одну пѣсню чешскую („Kdes holubičko blaudila"), моравскую и валашскую пѣсни („Pugdeme tam k tisovému lesu", „Letěl sokol, zaletěl"), двѣ „славянскія", т. е. словенскія пѣсни („Široký garčok, bystrá vodička", „V širom poli hruška stogj"), двѣ пѣсни сербскія и одну вендскую (словинскую). Рецензентъ обратилъ при этомъ вниманіе на нѣкоторые недостатки изданія Челаковскаго въ отношеніи русскихъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ. Издателю прежде всего поставлено было въ упрекъ, что при собираніи великороссійскихъ пѣсенъ онъ мало обращалъ вниманія на источники и списалъ помѣщенныя имъ пѣсни изъ

---

[1]) „Hanka měl velkou radost a jest z toho, jak se mi zdá, velmi povděčen, že jsem mu písně obětoval," пишетъ Челаковскій 10 августа 1822 г. Камариту. Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо приписываетъ усердное распространеніе Ганкой „Слав. нар. пѣсенъ" посвященію имъ Ганкѣ перваго томика ихъ: „Vidíš, jak to dedikací působí," говоритъ онъ тому же Камариту. Sebr. l., 98, 137.

[2]) Часть IX, январь, № 2, стр. 103—112.

перваго попавшагося ему пѣсенника, не принявъ на себя труда свѣрить эти пѣсни съ другими изданіями и открыть, если не первоначальный, настоящій текстъ, то по крайней мѣрѣ приближающійся къ первоначальному; сверхъ того, Цертелевъ отмѣчалъ еще одинъ промахъ издателя: въ собраніе Челаковскаго вошло много и новыхъ стихотвореній, которыхъ нельзя уже назвать народными, „ибо они составляютъ только подражаніе симъ послѣднимъ“. Еще меньше удовлетворило русскаго рецензента отдѣленіе пѣсенъ малороссійскихъ; онъ находилъ его еще менѣе удачнымъ. „Оное, говорилъ Цертелевъ, заключаетъ въ себѣ всего пять стихотвореній, изъ которыхъ нельзя видѣть ни свойствъ сего нарѣчія, ни красотъ его поэзіи. Странно, что отдѣленіе сіе столь бѣдно тогда, когда оно могло быть однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе малороссійское“. По мнѣнію кн. Цертелева, причиною сего упущенія были также пѣсенники, въ которыхъ малороссійскихъ стихотвореній встрѣчается вообще весьма мало, да и то въ такомъ изуродованномъ видѣ, что эстетическое чутье издателя не позволило ему помѣстить ихъ въ своемъ собраніи. „Не смотря однакожъ на сіи недостатки, заключалъ рецензентъ, нельзя не принесть благодарности г. Челаковскому за опытъ его, собрать народныя стихотворенія разныхъ славянскихъ нарѣчій. Намъ русскимъ, старшимъ потомкамъ славянъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ сербамъ и богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и, имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умирающій, совершенно не радѣть о томъ. Кто знаетъ, что съ большею дѣятельностью и любовію къ древнимъ памятникамъ отечественнаго слова не найдемъ мы, кромѣ народныхъ пѣсенъ, произведеній важнѣйшихъ, подобныхъ Слову о полку Игоревѣ или Краледворской рукописи?“ „Славянскія народныя пѣсни“ встрѣтили и въ Чехіи сочувственный пріемъ. Молодой нѣмецкій поэтъ Венцигъ (Wenzig), съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, по словамъ Челаков-

скаго, занимавшійся славянщиной, возымѣлъ намѣреніе перевести сборникъ Челаковскаго на нѣмецкій языкъ [1]).

Источникомъ, изъ коего Челаковскій черпалъ матеріалъ для русской части своего изданія, были преимущественно пѣсенники, упоминанія о коихъ встрѣчаются и въ перепискѣ поэта съ Камаритомъ [2]). Въ библіотекѣ Чешскаго Музея хранится нѣсколько русскихъ пѣсенниковъ, составлявшихъ нѣкогда собственность Ганки: это, во-первыхъ: „Собраніе разныхъ пѣсенъ" (безъ заглавнаго листа) Чулкова, во-вторыхъ: „Новѣйшій и полный россійскій общенародный пѣсенникъ"..., изданный Ж. Г. Т. А. К., Москва, 1810. Пѣсенникъ, какъ свидѣтельствуютъ надписи на немъ, принадлежалъ одному изъ офицеровъ 21-го егерскаго полка и, вѣроятно, полученъ былъ Ганкою при знакомствѣ его съ русскими въ Прагѣ. Многочисленныя отмѣтки, сдѣланныя на страницахъ его рукой Ганки, свидѣтельствуютъ о внимательномъ чтеніи этого сборника Вячеславомъ Вячеславовичемъ. Отсюда, какъ укажемъ ниже, заимствовалъ Челаковскій значительную часть пѣсенъ для русской части своего изданія. Третій пѣсенникъ имѣетъ заглавіе: „Новый избранный пѣсенникъ" и пр., СПБ., 1819; четвертый: „Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками" и пр., СПБ., 1790. Кромѣ того, какъ свидѣтельствуетъ проф. Махалъ [3]), въ библіотекѣ поэта сохранился еще „Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ", Москва, 1822.

Не могли остаться неизвѣстными Челаковскому и „Древнія россійскія стихотворенія" Кирши Данилова (1818 г.), тоже имѣвшіяся у Ганки. Челаковскій, несомнѣнно, пользовался всѣми этими книгами. Въ письмѣ къ Камариту (31 іюля 1822 г.) онъ говоритъ, что часто наслаждается у Ганки въ Музеѣ и что, если поѣдетъ въ Будѣевицы, будетъ просить Ганку посылать ему туда русскія и польскія книги, ибо безъ нихъ, какъ ему

---

[1]) Въ письмѣ къ Камариту, отъ 26 іюня 1825 г., Челаковскій сообщилъ нѣкоторые опыты Венцига, выразивъ ему свое полное одобреніе. Sebr. l., str. 176—177.

[2]) Sebr. l., str. 267, 269 и др.

[3]) F. L. Čelakovského Ohlas písní ruských, Praha 1899, str. 4.

кажется, онъ не въ состояніи былъ бы жить [1]). Въ этомъ же письмѣ Челаковскій посылаетъ Камариту вычеркнутую цензурой пѣсню: „Srdci drahá kolem jdoucí toho stánku" („Ты проходишь, мой любезной, мимо кельи"), взятую изъ московскаго пѣсенника 1810 г. [2]). Въ первый томикъ „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ" вошло изъ этого московскаго пѣсенника 1810 г. всего 15 пѣсенъ, изъ сборника Чулкова—9, одна изъ петербургскаго пѣсенника 1819 г. („Ужъ какъ палъ туманъ") и одна (№ 3) изъ неизвѣстнаго намъ собранія [3]).

Заимствуя матеріалъ для своего изданія изъ пѣсенниковъ, Челаковскій тщательно сохраняетъ внѣшнюю форму пѣсенъ, всѣ особенности правописанія, интерпункцію и пр. При нѣкоторыхъ пѣсняхъ московскаго пѣсенника онъ переводитъ и заголовки ихъ, напр.: „Наказъ дочери отцу при разставаніи" (въ моск. пѣсенникѣ 1810 г. № 379)—у Челаковскаго (I т., № 6): „Příkaz otci od vdavající se dcery"; „Легкій способъ имѣть свиданіе съ милымъ" (тамъ же, № 174)—у Челаковскаго „Lehký způsob s milým se shledati" (I т., № 11) и т. п. Кое-гдѣ издатель составляетъ заголовки самъ. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпнутъ былъ Челаковскимъ матеріалъ и для послѣдующихъ двухъ томиковъ. Впослѣдствіи къ сборнику литовскихъ народныхъ пѣсенъ (1827 г.) Челаковскій присоединилъ переводъ былины „Потокъ Михайло Ивановичъ", отмѣтивъ, что она заимствована изъ сборника Кирши Данилова, а въ ж. Česká Včela въ 1834 г. [4]) помѣстилъ переводъ пѣсни: „Когда было молодцу пора, время великое"...[5]), подъ заглавіемъ: „Chlou-

---

[1]) Sebr. l., str. 98.

[2]) Подъ № 64. Подъ заглавіемъ: „Klášterník" она напечатана была въ ж. Čechoslav, 1823 г., стр. 278.

[3]) Пѣсню № 3 („Ахъ, по лугу, лугу, лугу зеленому...") проф. Махалъ отнесъ, вѣроятно, къ числу заимствованныхъ Челаковскимъ изъ сборника Чулкова (№ 180), но сходство, да и то неполное, ограничивается только первымъ стихомъ. Этой пѣсни нѣтъ ни въ одномъ изъ перечисленныхъ пѣсенниковъ.

[4]) № 9, стр. 65.

[5]) У Кирши Данилова, № XXXI.

ba—zhouba“. Въ хрестоматіи своей „Všeslovanské počátečné čtení“ (č. II, 1852) онъ напечаталъ въ оригиналѣ семь русскихъ народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ разсмотрѣнный здѣсь сборникъ. Переводъ былины „Потокъ Михайло Ивановичъ“ долженъ былъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, послужить началомъ задуманнаго поэтомъ цѣлаго сборника переводовъ „древнихъ россійскихъ стихотвореній“. О намѣреніи заняться этимъ дѣломъ Челаковскій сообщалъ Камариту и ожидалъ его одобренія [1]). Оно, несомнѣнно, послѣдовало, и въ примѣчаніи къ переводу былины о Потокѣ Челаковскій еще разъ заявилъ о своемъ предположеніи издать больше былинъ въ чешскомъ переводѣ. Но этого плана, къ сожалѣнію, онъ не осуществилъ. Въ бумагахъ поэта сохранились только нѣкоторыя, собственноручно имъ переписанныя изъ сборника Кирши Данилова и др. былины, вѣроятно, подготовленныя для задуманнаго собранія.

Вмѣстѣ съ изученіемъ народной русской пѣсни Челаковскій изучаетъ и другіе виды народнаго творчества, преимущественно пословицы. Послѣ попытки Добровскаго познакомить чеховъ съ русскими пословицами [2]), Челаковскій первый обратился къ сравнительному изученію ихъ и широко воспользовался доступными ему русскими изданіями. Знаменитое его собраніе славянскихъ пословицъ: „Mudrosloví národa slovanského v příslovích“ вышло только въ 1852 году, но матеріалы для него Челаковскій подготовлялъ задолго до этого времени. Уже въ 1827 году, какъ свидѣтельствуютъ письма его, онъ рѣшилъ приступить къ задуманному сборнику, а черезъ годъ у него имѣлось обиліе матеріала. Въ маѣ 1828 года онъ пишетъ Камариту: „Только что распредѣлилъ по карточкамъ для начала около 1200 русскихъ пословицъ“... Онѣ чрезвычайно ему нравятся: „Я думаю, что онѣ — наиболѣе глубокомысленны; наши, напримѣръ, значительно остроумнѣе, но у рус-

---

[1]) Sebr. l., str. 132.

[2]) Slavin (2 изд.), S. 306—317, гдѣ сообщено изъ московскаго сборн. 1787 г. сто пословицъ. Ср. Ягичъ, Источн., I, стр. 245. Письмо къ Дуриху отъ 8 іюня 1795 г. Vzájemné dop., str. 345.

скихъ и въ такихъ нѣтъ недостатка; на дняхъ какъ-то я читалъ нѣкоторыя изъ группы комическихъ Винаржицкому: нахохотались мы до слезъ“ [1]).

4.

Вдохновенный поэтъ, Челаковскій рано сталъ заниматься разработкой вопросовъ славянской филологіи. Свою дѣятельность въ этой области онъ начинаетъ подъ живительнымъ вліяніемъ трудовъ Добровскаго и близкихъ связей съ Ганкой и особенно Юнгманномъ. Но поэтъ платилъ только невольную дань общему тогда увлеченію филологическими вопросами, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ получившему сильное развитіе. Въ сущности, однако, филологія не была настоящимъ его призваніемъ, какъ ни блестящими казались цѣнителямъ трудовъ Челаковскаго его нѣкоторые опыты. „Природа создала его поэтомъ, судьба сдѣлала филологомъ“, справедливо замѣтилъ о немъ въ 1838 году одинъ изъ русскихъ молодыхъ славянскихъ путешественниковъ, „случайный славистъ“ М. И. Касторскій. „Вдохновеніе истиннаго поэта, законодательный для чеховъ языкъ, обширныя знанія составляютъ характеръ его стихотворныхъ произведеній; но обстоятельства, которыхъ публичность едва легко касаться можетъ, проложили Челаковскому иной путь“, говорилъ нашъ путешественникъ [2]). Поэтъ, увлекавшійся въ годы школьной жизни чисто практическимъ изученіемъ живыхъ славянскихъ, особенно—русскаго, и неславянскихъ языковъ, переходитъ впослѣдствіи къ вопро-

---

[1]) Sebr. l., str. 223. Камаритъ съ мнѣніемъ Челаковскаго вполнѣ согласился. Тамъ же, str. 224.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XVIII, стр. 651. Впрочемъ, далеко не всѣ раздѣляли этотъ взглядъ на истинное призваніе Челаковскаго. Бодянскій считалъ его и первостепеннымъ поэтомъ, и вмѣстѣ „замѣчательнымъ филологомъ“, а Камаритъ надѣялся даже, что онъ вступитъ въ филологіи на путь Добровскаго и займетъ его мѣсто. Sebr. l., str. 251. Такъ же преувеличивали значеніе филологическихъ трудовъ его и Шафарикъ и Срезневскій.

самъ языкознанія теоретическаго: изучаетъ петербургскій „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій", увлекаясь въ духѣ времени прежде всего „этимологіями", рискованно-смѣлыми сближеніями, хотя самъ сознаетъ, что эти увлеченія вредно отзываются на его поэтическомъ творчествѣ.

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ трудовъ Челаковскаго въ области филологіи является корневой Словарь языка полабскихъ славянъ. Работа эта давно занимала его, и матеріалы для Полабскаго словаря онъ собиралъ, какъ можно полагать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Уже 14 ноября 1823 года онъ пишетъ Камариту о томъ, что занимается словопроизводнымъ словаремъ [1]), къ сожалѣнію, не опредѣляя ближе, какимъ именно. Полабскій словарь долженъ былъ составить только часть болѣе обширнаго труда, задуманнаго Челаковскимъ,—общаго корневого словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Но только о Полабскомъ и Чешскомъ словаряхъ мы имѣемъ точныя данныя [2]).

Полабскій словарь былъ уже готовъ къ іюню 1827 года. Начавъ переписывать трудъ свой начисто, для печати, Челаковскій обратился къ Шишкову съ просьбою, не найдетъ ли Россійская Академія возможнымъ принять Словарь для изданія сво-

---

[1]) „Práce má nyní: Slovoproizvodnyj slovar". Sebr. l., str. 137.

[2]) О занятіяхъ Челаковскаго чешскимъ словаремъ сообщалъ Прейсъ Куторгѣ изъ Праги 12 янв. 1841 г. и сожалѣлъ, что поэтъ, которому musa dedit rotundo loqui ore, увлекся этой „прекрасной, но несвоевременной вещью". Справедливо было огорченіе Прейса, удивительно вѣрно понимавшаго истинное призваніе Челаковскаго: „Въ Богеміи ожидаютъ этого Словаря, какъ Мессіи, полагая, что при его помощи можно освободиться отъ ярма нѣмецкаго языка. Замѣчательно, что всѣ литераторы чешскіе, отъ мала до велика, раздѣляютъ этотъ предразсудокъ. Напиши Челаковскій книгу той величины, какой будетъ Словарь, и литература выиграла бы несравненно болѣе". Это убѣжденіе Прейсъ повторялъ „всюду и вездѣ"; съ нимъ раздѣлялъ его и Срезневскій. Живая Стар., 1891, вып. III, стр. 11. Срезневскій, въ бытность свою въ Бреславлѣ въ 1842 г., видѣлъ у Челаковскаго готовый этимологическій словарь чешскаго языка. Денница, 1842, стр. 202.

имъ иждивеніемъ. Увлеченіе самого Шишкова словарными работами и особенный его и Академіи интересъ къ словарямъ славянскимъ были въ Прагѣ корреспондентамъ адмирала хорошо извѣстны. На Полабскій словарь Челаковскаго могъ обратить его вниманіе косвеннымъ образомъ и Ганка, который еще въ 1826 году изливалъ предъ Шишковымъ свою скорбь по поводу того, „какъ день ото дне побратимый народъ лужическій нѣмчася вымираетъ". „Нынѣ, говорилъ тогда Ганка, еще пора нарѣчіе погасающаго колѣна славянскаго потомству сохранить: оно нѣтъ нехорошо и заключаетъ въ себѣ очень много древнихъ словъ и формъ, которыхъ напрасно въ другихъ живущихъ нарѣчіяхъ обрѣсти возможно". Ганка сообщалъ при этомъ Шишкову, что этимъ языкомъ занимается „ревнительный издатель священнаго писанія на семъ языкѣ", будишинскій проповѣдникъ Андрей Лубенскій, который приготовилъ къ печати и грамматику и словарь, но не въ состояніи издать ихъ, такъ какъ книги эти едва ли могли бы имѣть сбытъ. „Труды сіи", горевалъ Ганка, „рукописью останутъ, дондеже ихъ огонь, гниль или моль не пожретъ" [1]). Шишкова подобныя вѣсти, несомнѣнно, искренно огорчали. 30 декабря 1826 г. онъ проситъ Ганку сообщить ему болѣе подробныя свѣдѣнія о словарѣ и грамматикѣ „лужичанскаго нарѣчія", составленныхъ Лубенскимъ. И тотчасъ же у него является мысль—издать эти труды при содѣйствіи Академіи. „Если бы сочиненія сіи были присланы въ Академію, совѣтуетъ онъ Ганкѣ, то она бы, по разсмотрѣніи, могла ему въ изданіи оныхъ сдѣлать пособіе". Обращеніе Челаковскаго было весьма своевременно [2]). На запросъ Челаковскаго Шишковъ отвѣчалъ ему 22 іюля 1827 года: „Касательно Словаря полабскаго по корнямъ, который вы выработ-

---

[1]) Конспектъ въ бумагахъ Ганки, въ Чешск. Музеѣ.

[2]) Челаковскому извѣстно было, что и Юнгманнъ предполагалъ послать свой Чешскій словарь по окончаніи его Россійской Академіи. Объ этомъ онъ писалъ Камариту 2 декабря 1821 г.: „Jak se mně zdá, dohotovený (slovník) hodlá odeslati do St. Petersb., kde akademie, která všecky slovanské slovníky kupuje a vydává, jej vděčně přijme". Sebr. l., str. 72.

тали и объяснили другими славянскими нарѣчіями, я васъ прошу прислать оный ко мнѣ. Получивъ оный, я по усмотрѣнію постараюсь о напечатаніи онаго издержками Россійской Академіи" [1]). Радость Челаковскаго была безмѣрна. Немедленно, по полученіи столь лестнаго предложенія Шишкова, онъ черезъ посредство нашей вѣнской миссіи отправляетъ Словарь свой въ Петербургъ, при слѣдующемъ письмѣ отъ 16 ноября 1827 года, адресованномъ на имя Шишкова [2]):

„Описать, съ какимъ удовольствіемъ я принялъ снисходительное письмо ваше, превосходитъ силы мои: я цѣловалъ строчки имени вашего въ той сладкой мечтѣ, что лобызаю руку, подписавшую оныя. Простите милостиво, что рукопись остатковъ языка Полабскаго по желанію моему не достигла скорѣе Вашего ВПр.; узнавъ послѣ, что въ Геттингенѣ находится рукописный словарь того жъ нарѣчія, я старался о копіи нѣкоторыхъ литеръ; однако жъ трудъ сей Юглера, не знающаго языковъ славянскихъ, не имѣетъ никакого достоинства, какъ я примѣтилъ въ предисловіи своемъ. Болѣе того, я замедлился просьбою у Правленія Королевства нашего, чтобъ получить позволеніе для отсылки за границу сей рукописи".

Интересно, что Челаковскаго, по его собственнымъ словамъ, упрекали въ Прагѣ за то, что онъ обработалъ Словарь свой не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ. Русскій языкъ былъ особенно непріятенъ извѣстнымъ кругамъ, и смѣлость молодого ученаго была тѣмъ болѣе удивительна. „Достойнѣе у насъ труждаться объ китайскомъ языкѣ, нежели коемъ-либо славян-

---

[1]) Ср. нашу замѣтку: „О Полабскомъ словарѣ Ф. Л. Челаковскаго" въ Русск. Фил. Вѣстн., 1899, стр. 270—274.

[2]) „Словарикъ языка славянъ полабскихъ окончивъ, я уже отослалъ къ посольству до Вѣны и надѣюсь, что оный благополучно дойдетъ рукъ преизящнаго Шишкова", извѣщаетъ онъ Камарита только 8-го января 1828 года. Слав. Ежегодн., 1878, III, стр. 293. Письмо писано по-русски. Камаритъ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 2 февраля 1828 года замѣчалъ: „Итакъ, Полабскій словарь уже въ Россіи? Во многихъ отношеніяхъ это хорошо, но въ одномъ—нехорошо: словарь у насъ будетъ дорогъ". Sebr. l., str. 211.

скомъ. а наипаче того—россійскомъ", жаловался Челаковскій. Трудъ его былъ, такимъ образомъ, извѣстнымъ подвигомъ, протестомъ противъ общаго преимущественнаго употребленія нѣмецкаго языка въ ученыхъ работахъ. Расчитывать на изданіе его въ Прагѣ не было ни малѣйшаго основанія, тѣмъ болѣе, что въ предисловіи къ Словарю Челаковскій говорилъ не только о свойствахъ этого вымершаго нарѣчія, но и „о жестокости и тиранствѣ, какія терплютъ славянскіе народы отъ нѣмецкихъ изъ наидавнѣйшихъ временъ доселѣ, поелику мощный и великій народъ полабскій сіи коварные люди совсѣмъ истребили". Пражская цензура, безъ сомнѣнія, не дала бы такому труду своего imprimatur. Но Шишковъ въ глазахъ Челаковскаго былъ „извѣстнымъ недругомъ издревле нѣмцевъ", и поэтому адмиралъ долженъ былъ, по его мнѣнію, остаться довольнымъ этимъ предисловіемъ [1]).

Нѣмецкое предисловіе явилось, конечно, только потому, что Челаковскій не былъ еще „достаточно наставленъ въ россійскомъ языкѣ, чтобъ безъ погрѣшки могъ сочинить что-нибудь достойнаго напечатанія"; выразить точно и ясно свои мысли на нѣмецкомъ языкѣ было ему значительно легче. Въ Академіи позаботились бы о переводѣ предисловія на русскій языкъ, о чемъ просилъ Шишкова самъ Челаковскій.

„Ежели вами, милостивый государь, писалъ онъ Шишкову, остатки сіи полабскіе одобрены будутъ, и естьли работа моя удовлетворитъ проницательному духу вашему, то я покорнѣйше прошу, чтобы Ваше ВПр. предисловіе мое и нѣкоторыя алой краскою въ Словарѣ назначенныя мѣста повелѣли перевесть на языкъ россійскій и мой нѣмецкій списокъ уничтожить". Въ заключеніе письма Челаковскій говорилъ: „За честь отличную поставлю себѣ, когда Академія Россійская и ея славный предсѣдатель не презритъ сій маловажный мой подарокъ и удо-

---

[1]) Камаритъ, котораго Челаковскій познакомилъ съ содержаніемъ предисловія, писалъ ему 2 февр. 1828 г.: „Ty dostaneš, až němci tvou předmluvu čísti budou! Ovšem že nekřivdíš, ale to víš, s pravdou že se nesmí na světlo". Sebr. l., str. 211.

стоитъ вниманія своего сіи простые цвѣты, бросенные (sic) неблагополучнаго народа славянъ полабскихъ".

Въ субботу, 21-го января 1828 года рукопись Словаря и письмо Челаковскаго представлены были въ засѣданіи Академіи. Президентомъ и собраніемъ опредѣлено было напечатать со временемъ этотъ трудъ въ типографіи Россійской Академіи [1]).

Но объ этомъ постановленіи у насъ, очевидно, вскорѣ забыли. Что воспрепятствовало изданію Словаря, мы не можемъ сказать. Тщетно цѣлыхъ два года ожидалъ Челаковскій напечатанія своего труда и, не дождавшись, рѣшилъ наконецъ издать его въ Прагѣ, надо думать, на свои средства. Матеріалы и черновикъ сохранились, слѣдовало только вновь переписать его [2]), замѣнить русскій переводъ другимъ, болѣе удобнымъ въ Прагѣ, и отказаться, конечно, отъ обличительнаго предисловія. Къ ноябрю 1829 года Челаковскій почти закончилъ свою работу, но цензура стала дѣлать ему затрудненія. Изданіе Полабскаго словаря и въ Прагѣ не состоялось, хотя бургграфъ, къ которому Челаковскій обратился за защитой отъ цензурныхъ притѣсненій, не нашелъ никакихъ препятствій для напечатанія Словаря. Вѣроятно, были другія причины, заставившія Челаковскаго отказаться отъ этого изданія.

О злосчастномъ Словарѣ надолго перестали говорить и самъ составитель его, и чешскіе, и наши ученые, близкіе къ Челаковскому. Только въ 1841 году вспомнилъ о немъ Погодинъ

---

[1]) Ошибочно поэтому предположеніе біографа Челаковскаго проф. Билаго, который говоритъ, что Челаковскій послалъ свой трудъ Шишкову, повидимому, въ началѣ 1830 года; неосновательно также, вслѣдствіе этой ошибки, и утвержденіе его, что Полабскимъ словаремъ Челаковскій имѣлъ въ виду „опять проложить себѣ путь въ Россію". Ср. Listy filolog., 1899, str. 107.

[2]) Что Челаковскій послалъ въ Петербургъ только копію своего труда, оставивши себѣ оригиналъ его, объ этомъ свидѣтельствуетъ и Шафарикъ, который въ рукописныхъ замѣткахъ своихъ: „Paběrky nářečí polabského" (въ библ. Чешскаго Муз., sign. IX. A. 19), называя словарь Челаковскаго, замѣчаетъ: „Přepis poslán od spisovatele akademii Petrohradské".

скомъ, а наипаче того—россійскомъ", жаловался Челаковскій. Трудъ его былъ, такимъ образомъ, извѣстнымъ подвигомъ, протестомъ противъ общаго преимущественнаго употребленія нѣмецкаго языка въ ученыхъ работахъ. Расчитывать на изданіе его въ Прагѣ не было ни малѣйшаго основанія, тѣмъ болѣе, что въ предисловіи къ Словарю Челаковскій говорилъ не только о свойствахъ этого вымершаго нарѣчія, но и „о жестокости и тиранствѣ, какія терплютъ славянскіе народы отъ нѣмецкихъ изъ наидавнѣйшихъ временъ доселѣ, поелику мощный и великій народъ полабскій сіи коварные люди совсѣмъ истребили". Пражская цензура, безъ сомнѣнія, не дала бы такому труду своего imprimatur. Но Шишковъ въ глазахъ Челаковскаго былъ „извѣстнымъ недругомъ издревле нѣмцевъ", и поэтому адмиралъ долженъ былъ, по его мнѣнію, остаться довольнымъ этимъ предисловіемъ [1]).

Нѣмецкое предисловіе явилось, конечно, только потому, что Челаковскій не былъ еще „достаточно наставленъ въ россійскомъ языкѣ, чтобъ безъ погрѣшки могъ сочинить что-нибудь достойнаго напечатанія"; выразить точно и ясно свои мысли на нѣмецкомъ языкѣ было ему значительно легче. Въ Академіи позаботились бы о переводѣ предисловія на русскій языкъ, о чемъ просилъ Шишкова самъ Челаковскій.

„Ежели вами, милостивый государь, писалъ онъ Шишкову, остатки сіи полабскіе одобрены будутъ, и естьли работа моя удовлетворитъ проницательному духу вашему, то я покорнѣйше прошу, чтобы Ваше ВПр. предисловіе мое и нѣкоторыя алой краскою въ Словарѣ назначенныя мѣста повелѣли перевесть на языкъ россійскій и мой нѣмецкій списокъ уничтожить". Въ заключеніе письма Челаковскій говорилъ: „За честь отличную поставлю себѣ, когда Академія Россійская и ея славный предсѣдатель не презритъ сій маловажный мой подарокъ и удо-

---

[1]) Камаритъ, котораго Челаковскій познакомилъ съ содержаніемъ предисловія, писалъ ему 2 февр. 1828 г.: „Ty dostaneš, až němci tvou předmluvu čisti budou! Ovšem že nekřivdíš, ale to víš, s pravdou že se nesmí na světlo". Sebr. l., str. 211.

стоитъ вниманія своего сіи простые цвѣты, бросенные (sic) неблагополучнаго народа славянъ полабскихъ".

Въ субботу, 21-го января 1828 года рукопись Словаря и письмо Челаковскаго представлены были въ засѣданіи Академіи. Президентомъ и собраніемъ опредѣлено было напечатать со временемъ этотъ трудъ въ типографіи Россійской Академіи [1]).

Но объ этомъ постановленіи у насъ, очевидно, вскорѣ забыли. Что воспрепятствовало изданію Словаря, мы не можемъ сказать. Тщетно цѣлыхъ два года ожидалъ Челаковскій напечатанія своего труда и, не дождавшись, рѣшилъ наконецъ издать его въ Прагѣ, надо думать, на свои средства. Матеріалы и черновикъ сохранились, слѣдовало только вновь переписать его [2]), замѣнить русскій переводъ другимъ, болѣе удобнымъ въ Прагѣ, и отказаться, конечно, отъ обличительнаго предисловія. Къ ноябрю 1829 года Челаковскій почти закончилъ свою работу, но цензура стала дѣлать ему затрудненія. Изданіе Полабскаго словаря и въ Прагѣ не состоялось, хотя бургграфъ, къ которому Челаковскій обратился за защитой отъ цензурныхъ притѣсненій, не нашелъ никакихъ препятствій для напечатанія Словаря. Вѣроятно, были другія причины, заставившія Челаковскаго отказаться отъ этого изданія.

О злосчастномъ Словарѣ надолго перестали говорить и самъ составитель его, и чешскіе, и наши ученые, близкіе къ Челаковскому. Только въ 1841 году вспомнилъ о немъ Погодинъ

---

[1]) Ошибочно поэтому предположеніе біографа Челаковскаго проф. Билаго, который говоритъ, что Челаковскій послалъ свой трудъ Шишкову, повидимому, въ началѣ 1830 года; неосновательно также, вслѣдствіе этой ошибки, и утвержденіе его, что Полабскимъ словаремъ Челаковскій имѣлъ въ виду „опять проложить себѣ путь въ Россію". Ср. Listy filolog., 1899, str. 107.

[2]) Что Челаковскій послалъ въ Петербургъ только копію своего труда, оставивши себѣ оригиналъ его, объ этомъ свидѣтельствуетъ и Шафарикъ, который въ рукописныхъ замѣткахъ своихъ: „Paběrky nářečí polabského" (въ библ. Чешскаго Муз., sign. IX. A. 19), называя словарь Челаковскаго, замѣчаетъ: „Přepis poslán od spisovatele akademii Petrohradské".

въ „Москвитянинѣ“ [1]). Намѣчая для славянскаго ученаго задачу: „ближе изслѣдовать сродство языка остатка племени линоновъ, о коихъ Шафарикъ въ своихъ Древностяхъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ должны еще сохраняться“, Погодинъ вспоминаетъ о „небольшомъ словарѣ и грамматикѣ полабскихъ славянъ“ Челаковскаго и, ссылаясь на слова Шафарика, говоритъ, что оба труда Челаковскаго, посланные Академіи въ 1830 г., лежали въ ней до 1837 года. Словарь пролежалъ въ ней до нашихъ дней, но, къ сожалѣнію, сохранилась только незначительная часть его [2]).

5.

Славянское чувство Челаковскаго, столь ясно и сильно выразившееся уже въ ранніе годы его жизни, опредѣлило направленіе всей его литературной дѣятельности. Поэтъ шелъ по избранному пути твердо и неуклонно.

Къ 1829 году относится появленіе замѣчательнѣйшаго изъ плодовъ музы Челаковскаго — „Отголоска русскихъ пѣсенъ“, произведшаго такое впечатлѣніе на чешское общество, какого давно не производила чешская книга. Ни одно изъ произведеній новой чешской литературы, кромѣ „Дочери Славы“ Коллара, не имѣло столь большого успѣха. Имя Челаковскаго было у всѣхъ на устахъ; родина съ восторгомъ привѣтствовала своего геніальнаго сына; все славянство въ изумленіи внимало чарующимъ звукамъ его священной лиры; имя великаго поэта стало извѣстнымъ и на чужбинѣ... Если бы Челаковскій не написалъ ничего больше, то „Отголосокъ“ одинъ обезпечилъ бы ему мѣсто въ ряду первыхъ поэтовъ. Такъ опредѣляла значеніе этого литературнаго явленія чешская критика.

Вмѣсто предисловія къ „Отголоску“, Челаковскій помѣстилъ извлеченіе изъ письма, которое онъ когда-то писалъ дру-

---

1) 1841, № 7, стр. 143.

2) См. „Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковскимъ“, издалъ В. А. Францевъ. Сборн. Отд. русск. яз. и слов., т. LXX.

гу своему К. А. Винаржицкому. Вотъ что говоритъ здѣсь поэтъ: „Въ душѣ нашей часто возникаютъ мысли, къ которымъ мы не сразу склоняемъ свое сердце или вслѣдствіе затруднительности ихъ исполненія, или вслѣдствіе недовѣрія къ нимъ; но, пріобрѣтя смѣлость, вскорѣ убѣждаемся въ возможности ихъ осуществленія. Отвага и возбужденное рвеніе дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ долгія размышленія. Подобная мимолетная мысль была для меня побужденіемъ испытать свои силы въ простонародныхъ славянскихъ пѣсняхъ, прежде всего — въ русскихъ, изъ коихъ нѣкоторыя препровождаю тебѣ при семъ для любезнаго разсмотрѣнія. Тебѣ извѣстны, другъ мой, прелесть и красоты пѣсенъ нашей Славянки, въ наши дни ставшихъ извѣстными и прославленными не только на лонѣ своей родины, но и въ болѣе отдаленныхъ странахъ, и ты не будешь поэтому удивляться, что мое расположеніе привело меня именно къ этому труду; скорѣе, какъ и мнѣ, тебѣ должно казаться страннымъ, что до сихъ поръ никто изъ нашихъ болѣе даровитыхъ поэтовъ не обратился къ этому источнику и не черпалъ изъ него. Я надѣюсь, что увлеченіе народной пѣсней освободитъ нашихъ поэтовъ отъ той напыщенности, того пара и дыма, которые нѣкоторымъ иностраннымъ литературамъ, а въ извѣстной степени и нашей, приносятъ больше вреда, нежели пользы, пока остается истиной, что пестрая смѣсь словъ никогда не замѣнитъ самой мысли, которая, чѣмъ она возвышеннѣе и прекраснѣе, тѣмъ скорѣй облекается въ тонкое покрывало словъ, дабы могла быть болѣе видима и созерцаема.

Но самое содержаніе слѣдующихъ здѣсь въ русскомъ облаченіи пѣсенъ, какъ ты легко самъ замѣтишь, не заимствовано ниоткуда, за исключеніемъ пользованія размѣромъ, нѣкоторыхъ такъ называемыхъ постоянныхъ поэтическихъ формъ, разсѣянныхъ во множествѣ пѣсенъ и постоянно повторяющихся, а также употребленія нѣсколькихъ грамматическихъ особенностей и нѣкоторыхъ другихъ мелочей, въ общемъ долженствовавшихъ послужить къ лучшему выраженію народнаго характера. Наконецъ, если надежда насъ не обманетъ, и пѣсни эти пріобрѣтутъ расположеніе твое и другихъ, мы намѣрены вскорѣ за-

глянуть й къ другимъ славянскимъ народамъ и умножить число пѣсенъ русскихъ".

Содержаніе „отголосковъ" есть, такимъ образомъ, всецѣло плодъ поэтическаго творчества Челаковскаго; форма ихъ, внѣшность представляютъ воспроизведеніе типическихъ чертъ русской народной пѣсни. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что къ созданію „Отголоска русскихъ пѣсенъ" побудило Челаковскаго глубокое увлеченіе богатствомъ и красотами русской народной поэзіи, создавшееся подъ вліяніемъ долговременнаго, внимательнаго изученія, проникновенія въ ширь и глубину ея. Занимаясь собираніемъ чешскихъ и изученіемъ по доступнымъ ему изданіямъ инославянскихъ пѣсенъ, собирая матеріалы для задуманнаго изданія, Челаковскій, какъ тонкій эстетикъ и вдумчивый цѣнитель народной пѣсни, долженъ былъ придти къ заключенію, что собираемыя имъ народныя славянскія пѣсни могутъ дать матеріалъ для созданія болѣе цѣннаго сборника, чѣмъ перепечатка текста ихъ съ параллельнымъ чешскимъ переводомъ. Уже тогда (въ 1822 г.) онъ пришелъ къ мысли создать изъ этихъ пѣсенъ со временемъ нѣчто болѣе оригинальное по замыслу и цѣнное по исполненію [1]). Въ предисловіи къ первому томику „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ", сказавъ нѣсколько словъ о необходимости собиранія произведеній народнаго творчества вообще и выразивъ похвалу русскимъ собирателямъ, сдѣлавшимъ въ этомъ отношеніи больше всего, Челаковскій высказываетъ однако сожалѣніе, что эта дѣятельность не растетъ и не развивается, и что поэты русскіе такъ мало умѣютъ извлечь пользы изъ сокровищницы народной поэзіи и берутъ за образецъ французскихъ писателей.

Поэтъ смотрѣлъ на задачу свою весьма серьезно. „Отголосокъ" создавался возвышенными побужденіями. „Помню, пишетъ Челаковскій Камариту 7 іюня 1829 г., что когда-то въ одномъ изъ своихъ писемъ, когда и гдѣ, теперь не знаю, ты высказалъ приблизительно ту мысль, что прилично было бы, чтобы славянскіе народы болѣе и лучше узнавали другъ друга, не

---

[1]) Sebr. l., str. 97.

чуждались бы одни другихъ, а сближались между собою, и что этому дѣлу могли бы послужить и поэты, которые изображали бы въ изящной формѣ не только свою родную жизнь, но и жизнь нашихъ братьевъ, особенно указывая на то, что̀ изъ исторіи и иныхъ областей достойно вниманія. Это оброненное тобою слово уже тогда засѣло въ моей головѣ, и я имѣлъ его въ виду при созданіи „Отголоска" и желалъ бы, чтобы хоть этихъ нѣсколько страничекъ послужили этой цѣли" [1]).

Такимъ образомъ, цѣли поэта были совершенно ясныя, опредѣленныя. Уже въ 1822 году планъ „Отголоска" существовалъ въ головѣ его [2]), и только событія 1828—29 гг. побудили поэта приступить къ осуществленію давнишней патріотической славянской мечты.

Политическія событія 1828—1829 года, борьба Россіи съ турками за освобожденіе славянства привлекали вниманіе поэта. Всѣ симпатіи его были на сторонѣ могущественной защитницы и въ будущемъ, какъ предвидѣлъ поэтъ, освободительницы балканскаго славянства. Неудачи русскаго оружія болью отзывались въ сердцѣ искренняго идеалиста-руссофила. 24 іюля 1828 г. онъ съ видимымъ огорченіемъ спрашиваетъ Камарита: „Русскіе, говорятъ, терпятъ неудачи въ Турціи?" Вѣсть объ успѣхахъ русскихъ войскъ радуетъ его; извѣстіе же о томъ, что русскіе идутъ уже къ Константинополю, особенно для него радостно. „Что за держава славянская образуется на востокѣ!" восклицаетъ онъ въ пророческомъ предвидѣніи [3]). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1828 года поэтъ ликуетъ по поводу взятія русскими Варны и дѣлится радостной вѣстью съ другомъ Камаритомъ: „Вчера мы съ однимъ добрымъ знакомымъ по поводу радостной вѣсти о взятіи ими Варны пили здоровье—чье? угадай!—русскихъ. И въ Россіи не могутъ радостнѣе отпраздновать эту новость, чѣмъ это сдѣлали мы оба. Какъ тутъ у насъ непрестанно ликовали, что русскіе разбиты, что они де должны были вернуться обратно за Дунай и т. п.! Пока, однако,

1) Sebr. l., str. 244.
2) Sebr. l., str. 97.
3) Sebr. l., str. 223, 224, 226.

не совѣтую говорить у насъ о томъ, что мы радуемся успѣхамъ русскихъ, ибо это тотчасъ объяснятъ въ дурную сторону; вообще глупые австрійскіе волы радостнымъ ухомъ выслушиваютъ все, что могло бы послужить русскимъ во вредъ“ [1]).

Подозрительная австрійская цензура, дѣйствительно, зорко слѣдила за малѣйшимъ проявленіемъ симпатій далекому братскому народу. Въ своемъ усердіи воспрепятствовать такимъ проявленіямъ она доходила до смѣшного. „Третьяго дня, пишетъ Камариту 2 декабря 1828 года Челаковскій, была здѣсь вдругъ запрещена политическими властями и конфискована во всѣхъ книжныхъ магазинахъ картина, изображающая переходъ русскихъ черезъ Дунай у Исакчи, продававшаяся уже въ теченіе восьми дней и разрѣшенная цензурой. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь этимъ нельзя запретить того, что совершается, и о чемъ знаетъ весь свѣтъ“ [2]). Подобныя мѣропріятія возмущаютъ благородную душу поэта.

Значеніе Россіи для славянства вообще и вѣрная оцѣнка событій того времени представлены Челаковскимъ въ замѣчательномъ письмѣ отъ 6 марта 1829 г. къ Планку: „Всякое газетное извѣстіе о побѣдахъ русскихъ такъ волнуетъ мое сердце, какъ будто я одинъ изъ ихъ числа. Это народъ, который какъ въ могуществѣ своемъ, такъ и въ искусствахъ развивается изо дня въ день, — просто на радость! Они только есть и будутъ мстителями за насъ и, вѣроятно, и нашей поддержкой [3]). Что сталось бы съ прочимъ славянствомъ безъ нихъ?

---

[1]) Слав. Ежегодн., 1878, 294—295.

[2]) Sebr. l., str. 256.

[3]) Уже въ письмѣ къ Камариту 23 апр. 1822 г. Челаковскій съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ запрещенное стихотвореніе („něco pašovaného zboží“): „Bývali jsme — budeme li více“..., приписывавшееся Коллару. Стихотвореніе кончается жалобой на притѣсненія враговъ и призывомъ, обращеннымъ къ русскимъ:

„Pojďte, pojďte, horobujní Rusi!
mocní mstitelové našich škod;
vašich mečů vraždná luza zkusí“..

Кому въ дѣйствительности принадлежитъ это стихотвореніе, — неизвѣстно. Sebr. l., str. 90.

Всѣ уже въ упадкѣ, и если бы нѣмцы не должны были обращать на нихъ (т. е. русскихъ) вниманіе, то вѣрьте, что они такъ работали бы надъ нашимъ ниспроверженіемъ и истребленіемъ, что вскорѣ остался бы на насъ только кусокъ славянскаго кафтана, а со временемъ и слова больше не стало бы слышно. Мы должны любить ихъ за это, любить всей душой! И такъ какъ гнусная политика запрещаетъ намъ проявлять эту любовь, и всякому изъ насъ въ настоящее время скорѣе позволяется быть явнымъ защитникомъ невѣрныхъ турокъ, то тѣмъ искреннѣе мы должны распространять любовь къ этимъ братьямъ и вѣру въ нихъ, гдѣ и какъ только это возможно. Пламя Москвы озарило своимъ свѣтомъ всю Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прочее славянство, мы этого и сами не знаемъ".

Эти мысли и убѣжденія поэту хотѣлось провести въ жизнь, въ сознаніе своего народа, въ коемъ для симпатій къ могущественному брату далекаго сѣвера имѣлась столь воспріимчивая почва, подготовленная уже извѣстными намъ событіями конца XVIII и начала XIX столѣтій. Но какъ сдѣлать это? „Отголосокъ" русскихъ народныхъ пѣсенъ былъ, очевидно, признанъ наиболѣе подходящей формой для осуществленія мысли поэта, формой, наименѣе способной возбудить подозрѣніе въ осторожной во всемъ, что касалось Россіи, австрійской цензурѣ. Опасенія поэта были не напрасны. Цензура, дѣйствительно, обратила свое бдительное око прежде всего на пѣсни, гдѣ восхвалялись подвиги русскихъ войскъ въ Турціи, и запретила невиннѣйшую пѣсню „Rusové na Dunaji". Челаковскій получилъ зимой 1828—29 года отъ какого-то русскаго, по болѣзни проведшаго зиму въ Прагѣ, пѣсню, которую русскіе солдаты пѣли на Дунаѣ. Она и послужила ему основой для этого прекраснаго стихотворенія; впрочемъ, поэтъ увѣряетъ, что онъ только „перевелъ" эту пѣсню, и, такимъ образомъ, она не должна бы быть причисляема къ „отголоскамъ" [2]).

---

[1]) Sebr. l., str. 496—497.

[2]) Sebr. l., str. 238—239. Проф. Махалъ (F. L. Čelakovského Ohlas písní ruskych, str. 17) утверждаетъ, что это заявленіе Чела-

Челаковскому чрезвычайно хотѣлось слышать откровенное сужденіе своихъ друзей объ „Отголоскѣ“. Посылая Камариту 15 іюня 1829 г. экземпляръ его, поэтъ высказываетъ увѣренность, что другу его нѣкоторыя пѣсни несомнѣнно понравятся [1]). Онъ ждетъ, что Камаритъ сообщитъ ему тотчасъ же свой отзывъ, но другъ ограничился лишь восторженными общими фразами, свидѣтельствующими, однако, о вѣрной оцѣнкѣ значенія „перваго смѣлаго шага“ Челаковскаго въ новой чешской поэзіи. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ Камаритъ, какъ вышла въ свѣтъ Краледворская рукопись, какъ появились твои Народныя пѣсни, какъ я сталъ понимать духъ народа, я утѣшаю себя тѣмъ, что считаю невозможнымъ, чтобы какому-либо славянскому генію не удалось показать себя въ оригинальномъ, собственномъ

ковскаго—вымыселъ, за исключеніемъ того, что касается цензуры. Эта пѣсня, говоритъ онъ, какъ и всѣ прочіе „отголоски“, была собственнымъ произведеніемъ Челаковскаго. Къ сожалѣнію, основанія для этого утвержденія мы не видимъ. Челаковскій могъ, дѣйствительно, получить отъ кого-либо такую пѣсню, а затѣмъ, конечно, обработать тему ея по-своему. Замѣтимъ кстати, что къ одному изъ моментовъ этой достопамятной и столь популярной въ славянствѣ войны, обратился нѣсколько позже другой чешскій поэтъ, І. Индржихъ Марекъ, воспѣвшій подвигъ русскаго воина въ „балладѣ“: „Муромское знамя“ (Muromská korouhev). Бой у Кулевчи. Муромскій полкъ теряетъ почти весь составъ; только горсть храбрецовъ окружаетъ знамя. Молодой солдатъ, чтобы спасти его, срываетъ его съ древка, обвиваетъ вокругъ себя и падаетъ на землю. Непріятельская конница проносится надъ нимъ; онъ встаетъ и бѣжитъ къ лѣсу, но раненый падаетъ, опять поднимается и скрывается въ лѣсу. Обезсилѣвъ отъ раны, онъ падаетъ въ тѣни деревъ и видитъ, какъ русскіе бѣгутъ, преслѣдуемые турками. Тогда онъ роетъ подъ собою углубленіе и въ немъ со скорбью зарываетъ муромское знамя. Бой кончился; непріятель отбитъ; казаки преслѣдуютъ его; они увидали раненаго, который рукой указывалъ имъ на землю. Они находятъ священное знамя. Это—окровавленный русскій орелъ! Раненаго несутъ въ станъ; Дибичъ торжественно встрѣчаетъ его. Vlastimil, díl II, 1840, str. 5—9.

[1]) Sebr. l., str. 242.

свѣтѣ, пойти путемъ и понестись полетомъ еще невиданнымъ, возможнымъ и естественнымъ только для души нашего народа“ [1]).

Русская народная пѣсня вносила въ чешскую поэзію новую, свѣжую струю. „Подобно тому какъ нѣмцамъ давно уже опротивѣли пѣсни и шутки французскія, такъ я и многіе изъ нашихъ по горло насытились формами и трескомъ нѣмецкими“, говорилъ здѣсь же Камаритъ. Онъ готовъ былъ приписать рѣдкіе отклики, слабую дѣятельность начинающихъ лучшихъ поэтовъ чешскихъ этому подавляющему, мертвящему духу подражанія чужимъ образцамъ. Они писали по-чешски, но въ нѣмецкомъ духѣ. Изъ „Отголоска“ повѣяло новою жизнью [2]).

Смѣлый шагъ Челаковскаго открывалъ новые пути къ свѣжему, дѣвственному и при томъ родственному источнику поэтическаго вдохновенія. Заслуга поэта въ этомъ отношеніи была тѣмъ больше, что въ нѣмецкой школѣ ему, какъ и всѣмъ его современникамъ, приходилось питаться исключительно плодами нѣмецкой музы, образовывать свой вкусъ на устарѣлыхъ формой и духомъ образцахъ. Надо было имѣть много мужества, чтобы дерзнуть явиться предъ литературнымъ ареопагомъ „строгихъ классическихъ Катоновъ“ и читающей чешской публикой съ произведеніями, которыя не укладывались ни въ какія существовавшія формы, не подходили ни подъ какія условныя схемы. Камаритъ тонкимъ чутьемъ своимъ вѣрно и сразу опредѣлилъ великое значеніе „Отголоска“. Онъ понялъ величественную красоту русской и вообще славянской эпической пѣсни, которая, по его выраженію, можетъ духомъ своимъ вознестись къ Оссіану и Гомеру и создать основу для національна-

---

[1]) Sebr. l., str. 242—243.

[2]) Въ эпиграммѣ „K Rusům“ поэтъ указалъ на благотворное вліяніе Арины Родіоновны на музу Пушкина, но эпиграмма имѣетъ болѣе общее значеніе протеста противъ чужеземщины:

„Ty drahé žeňte po svých rozpusty, drabanty,
Hofmeistry německé, franské gouvernanty,
Již vychovávají vám modné loutky, fanty:
Vy ctěte svoje mamky, vzdávajíc jim díky,
Ty aspoň pěstují vám veliké básníky“. Sebr. sp., II, 23.

го художественнаго эпоса; столь же увлекательной казалась ему народная лирическая пѣсня, вполнѣ пригодная для созданія на основѣ ея высшей лирики. Только въ августѣ 1829 года Камаритъ отвѣчаетъ Челаковскому на его вопросъ, насколько ему удалось приблизиться въ своемъ „Отголоскѣ“ къ русскому народному характеру. Онъ сообщаетъ Челаковскому отзывъ молодого поэта Каменицкаго. „Лира поэта, говорилъ послѣдній въ письмѣ къ Камариту, несомнѣнно, имѣла струны изъ собольихъ внутренностей... Я, по крайней мѣрѣ, судя по тому духу, которымъ вѣетъ изъ русскихъ пѣсенъ, изданныхъ доселѣ Челаковскимъ, готовъ былъ бы принять ихъ за чисто русскія народныя пѣсни, переведенныя только на чешскій языкъ, если бы не зналъ, что нашъ хитрецъ Ладиславъ закутался въ соболью шубу и, странствуя по Чехіи въ видѣ русскаго пѣвца, водитъ насъ за носъ на святую Русь“. Отъ себя Камаритъ прибавлялъ: „Мое мнѣніе — таково же, и если въ Россіи существуетъ такой же живой духъ, какъ у насъ, то, я думаю, и года не пройдетъ, какъ русскіе облекутъ эти пѣсни въ свой домашній нарядъ. Мнѣ понравились всѣ рѣшительно пѣсни, ибо каждая изъ нихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто замѣчательное: или образъ, или мысль, или остроуміе; особенно меня занимали: „Романтическая любовь“, „Великая панихида“, „Остроумный милый“ (Dovtipný milý), „Превращеніе“ (Odšedivělý), „Допросъ“ (Výslechy), „Чурила Пленковичъ“, а также и „Илья Волжанинъ“; но если бы я вздумалъ излагать причины, которыя лучше чувствуешь, нежели выражаешь, то мнѣ пришлось бы писать не письмо, а рецензію. Характеръ русской пѣсни ты сохранилъ“ [1]).

Это были только частные отзывы друзей. Но „Отголосокъ“ обратилъ на себя вниманіе и присяжной литературной критики. Первыя печатныя строки, посвященныя „Отголоску“, принадлежали проф. Миллеру, помѣстившему въ Monatsschrift der Gesellschaft des Vaterl. Museums [2]) статью: „Ein Wort über Volksschriftstellerei, veranlasst durch Čelakowsky's „Ohlas pí-

---

[1]) Sebr. l., str. 246.

[2]) 1829, Juli u. August, S. 43.

sní ruských". О самомъ „Отголоскѣ" здѣсь, впрочемъ, было сказано весьма немного. Одновременно съ отзывомъ Миллера, содержанія котораго Челаковскій еще не зналъ, Іос. Венцигъ прислалъ ему въ рукописи переводъ „Отголоска", прося поэта высказать о немъ свое мнѣніе. Переводъ этотъ въ значительной части Челаковскій одобрилъ, но въ то же время онъ находилъ, что переводъ теряетъ вслѣдствіе того, что нѣмецкій языкъ неспособенъ передать оригинальные размѣры русской пѣсни, что̀ заставило Венцига ограничиться одними трохеями. Переводъ Венцига долженъ былъ выйти въ Галле [1]), и благодаря этому обстоятельству „Отголоску" предстояло широкое распространеніе за предѣлами его отечества. „Послушаемъ, что скажутъ объ этомъ чужіе", пишетъ Челаковскій Камариту 7 іюля 1829 г. „Въ Чехіи и безъ того обо всемъ—молчаніе, словно въ колодезь бросили, такъ что и въ „Дщери Славы" Коллара (а этого я нарочно ждалъ весь годъ) нигдѣ о насъ ни словечкомъ не обмолвились. Какъ будто „Отголоска" и не бывало". Челаковскому было видимо непріятно, что произведенія его привлекли вниманіе нѣмцевъ раньше, чѣмъ его соотечественниковъ - чеховъ.

„Отголосокъ" Челаковскій поспѣшилъ сообщить А. С. Шишкову, съ которымъ онъ уже состоялъ въ перепискѣ, и который извѣстенъ былъ чешскому поэту, какъ любитель „славенскихъ литературъ". Шишковъ довольно оригинально воспользовался подаркомъ: вмѣсто всякаго отзыва о чрезвычайно интересномъ для русскаго читателя явленіи чешской литературы, адмиралъ перепечаталъ, „единственно для показанія богемскаго нарѣчія",

---

[1]) Переводы Венцига извѣстны намъ изъ пражскаго журнала Ost und West, 1847 г., № 16, 40, 104, 105 и 140; здѣсь были напечатаны: „Der grosse Vogelmarkt", „Das grosse Seelenfest", „Alexanders Tod", „Der verjüngte Greis", „Die Versöhnung", „Die Vergeltung"; впослѣдствіи въ сборникѣ Венцига: „Blumenlese aus der böhmischen Kunst—und Naturpoesie neuerer u. älterer Zeit", I. Bändchen, Prag, 1854, изъ „Отголоска русскихъ пѣсенъ" были помѣщены въ переводѣ 24 пѣсни. Раньше этого сборника Венцигъ издалъ: „Slawische Volkslieder", Halle, 1830; всѣ пѣсни этого сборника, кромѣ словацкихъ, взяты изъ изданія Челаковскаго.

четыре изъ пѣсенъ Челаковскаго, не присоединивъ къ чешскому тексту русскаго перевода по той причинѣ, что въ этихъ произведеніяхъ, „при нѣкоторомъ вниманіи, почти всѣ слова понятны" [1]). Шишковъ твердо стоялъ при убѣжденіи, высказанномъ уже въ предисловіи къ переводу Краледворской рукописи. Вообще, по мнѣнію его, переводы съ разныхъ славянскихъ нарѣчій „на славенскій, или славенороссійскій, или россійскій языкъ (ибо въ самой сущности нѣтъ между сими названіями различія) нужны или полезны съ таковымъ наблюденіемъ, чтобъ въ переводѣ сохранить, сколько возможно, тѣ же самыя слова и даже выраженія, дабы изъ сличенія парѣчія съ языкомъ можно было яснѣе видѣть, какъ далеко первое уклонилось отъ второго". Помѣстивъ въ томъ же „Повременномъ изданіи" переводъ моравской пѣсни (несомнѣнно,—не народной), Шишковъ обратилъ въ немъ особенное вниманіе на тѣ слова, „которыя непремѣнно надлежало перемѣнить, дабы переводъ былъ вразумителенъ". „Впрочемъ, говорилъ переводчикъ далѣе, мы поставляемъ себѣ главною обязанностію, чтобъ подойти какъ можно ближе къ подлиннику, ибо намѣреніе наше не за красотою перевода гоняться, но за тѣмъ, чтобы для показанія сходства языка съ нарѣчіемъ соблюсти, поколику возможно, тѣ жъ самыя слова" [2]).

Шишковъ выбралъ стихотворенія: 1) Rusové na Dunaji, 2) Veliká panichida, 3) Udobření, 4) Bohatýr Muromec. Такъ какъ пѣсня „Rusové na Dunaji" запрещена была цензурой и въ первое изданіе „Отголоска русскихъ пѣсенъ" не вошла, то появленіе ея въ 1830 году въ русскомъ академическомъ органѣ надо объяснить тѣмъ, что Челаковскій сообщилъ эту пѣсню Шишкову въ рукописи, въ дополненіе къ „Отголоску". Такимъ образомъ, произведенію этому суждено было впервые сдѣлаться достояніемъ чешскаго читателя, благодаря изданію Россійской Академіи [3]). Русское общество не обратило вниманія на „Отго-

---

[1]) Поврем. изданіе Имп. Росс. Ак., 1830, ч. II, стр. 103—110.

[2]) Тамъ же, 1830 г., ч. II, стр. 93—102.

[3]) Второе изданіе „Отголоска" вышло только въ 1847 г., въ собраніи стихотвореній Челаковскаго.

лосокъ". Перепечатка Шишкова была въ этомъ отношеніи безполезна.

Спустя девять лѣтъ Амвросій Могила (А. Метлинскій), занявшійся переводами славянскихъ пѣсенъ на малорусскій языкъ, перевелъ изъ „Отголоска русскихъ пѣсенъ" стихотворенія: „Ночна розмова" и „Смерть Царя". Славянскія пѣсни вообще и муза Челаковскаго сильно отразились въ твореніяхъ Могилы. Думка его: „Пожаръ Москвы" есть весьма близкая къ оригиналу парафраза „Великой панихиды" Челаковскаго, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе стихи:

„...И нашихъ костей полягло
Тодѣ коло Москвы чимало;
Та такъ ихъ чимало було,
Шчо-й воску на поминъ не стало!
Та шчо-жъ! мы одну запалили имъ свѣчку:
Про свѣчку такую шче-й свѣтъ не чувавъ,
Яку мы зпалили одну — невеличку
За тыхъ рйднй душй, хто насъ ратувàвъ...
И Москва, якъ Божая свѣчка, огнемъ заняласядо,
И Москва, якъ ворога кровью, огнемъ залиласяй;
Якъ зйрка зъ мйтлою, шчо въ небѣ стояла,
Пйвнеба червонымъ хвостомъ застилала"... [1])

Возвращаемся къ отзывамъ чешской критики объ „Отголоскѣ". За статьей Миллера послѣдовалъ вскорѣ отчетъ Палацкаго, тонкаго эстетика, нѣкогда служившаго у алтаря музъ и потому болѣе глубоко почувствовавшаго прелесть и свѣжесть аромата „Отголоска". Статья Палацкаго вышла въ Часописи Чешскаго Музея [2]). „Драгоцѣнный подарокъ" Челаковскаго здѣсь впервые получилъ надлежащую оцѣнку. Палацкій развилъ здѣсь, независимо отъ чьихъ-либо вліяній, ту мысль, которую высказалъ какъ-то вскользь и Челаковскій въ одномъ изъ

[1]) „Думки и пѣсьни та шче де-що", Харьковъ, 1839, стр. 101—104.

[2]) Č. Č. Mus., 1830, I, str. 108—112; перепечатана въ сборникѣ мелкихъ статей Палацкаго Radhost, I, str. 31—35.

писемъ къ Камариту: „Застарѣлая вина нашего ученаго воспитанія заключается въ томъ, что мы слишкомъ привыкли полагать поэтическую цѣну стихотвореній и пѣсенъ именно въ томъ, въ чемъ она никоимъ образомъ не заключается, и вслѣдствіе этого часто теряемъ тонкость чутья для оцѣнки болѣе высокихъ и утонченныхъ красотъ поэзіи. Нами владѣютъ образцы и мертвыя формы; мы думаемъ, что намъ нельзя пѣть, если наши стихи не подходятъ подъ рубрику оды или пѣсни, баллады, элегіи, идилліи и т. п. названія. Но живая область поэтическихъ формъ такъ же безмѣрно разнообразна, какъ разнообразны въ природѣ цвѣты, а поэтическій духъ подобенъ творческой силѣ природы, которая самовольно украшаетъ всѣ сады и цвѣтники въ недостижимомъ разнообразіи величественнѣе, чѣмъ это можетъ сдѣлать какое бы то ни было наше искусство и усиліе. Эта творческая божественная сила проявляется и въ пѣсняхъ простого народа, часто тѣмъ краше и живѣе, чѣмъ меньше проникаетъ въ нихъ искусство, такъ какъ простому народу не чужды ни нѣжность чувствъ, ни живость воображенія. Многія народныя пѣсни прекраснѣе, нежели всѣ оды, гимны или элегіи, сколько ихъ ни есть въ любой литературѣ. Красота мысли человѣческой обнаруживается въ нихъ въ безконечной живости и разнообразіи, и тѣмъ милѣй, чѣмъ она проще, непринужденнѣе. Тѣмъ труднѣе поэтому подражаніе этимъ пѣснямъ: оно доступно только тому, кто владѣетъ тою силою духа, которою Богъ надѣлилъ человѣчество по подобію своему“. О таковой духовной мощи, говоритъ Палацкій, несомнѣнно свидѣтельствуетъ „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ“ Челаковскаго. Размѣры дарованія поэта нельзя, конечно, оцѣнивать количествомъ имъ написаннаго, объемомъ его сборника. „Отголосокъ“ состоитъ всего лишь изъ 25 пѣсенъ, большаго или меньшаго объема, лирическихъ и эпическихъ, но этого вполнѣ достаточно для сужденія о дарованіи поэта и его великой заслугѣ. „Много ли, спрашиваетъ Палацкій, найдется у всѣхъ народовъ столь прелестныхъ пѣсенъ, каковы здѣсь: „Примиреніе“ (Udobření), „Покинутая“ (Opuštěná), „Дѣтская пѣсня“ (Píseň dětská), „Смерть Александра“, „Великая панихида“, „Два словечка“ (Dvě slovíčka), „Ночная бе-

сѣда" (Rozmluva noční) и мн. др.? Главное достоинство ихъ заключается не въ томъ, что онѣ имѣютъ форму и характеръ вполнѣ русскіе, а въ томъ, что онѣ въ характеристическихъ чертахъ русской жизни выражаютъ чистыя изліянія нѣжнаго человѣческаго сердца и этимъ такъ же нѣжно возбуждаютъ и питаютъ въ человѣкѣ то, что есть въ немъ божественнаго". Особенно удачными произведеніями Палацкій считаетъ: „Большой птичій торгъ" и „фантастическія повѣсти": „Чурила Пленковичъ" и „Илья Волжанинъ", какъ лучшіе образцы народныхъ взглядовъ, чувствъ и юмора. „Илья Волжанинъ" удостаивается преимущественной похвалы критика. Изложивъ вкратцѣ содержаніе этого разсказа (povídky), подчеркнувъ особенно привлекательныя черты души богатыря, столь вѣрно подмѣченныя въ русской былинѣ и схваченныя поэтомъ, Палацкій замѣчаетъ: „Все въ этомъ разсказѣ удачно: богатство изобрѣтательности поэта и живая связь образовъ, народный колоритъ повѣствованія, живость фантазіи, дикая необузданность и въ то же время нѣжное чувство богатыря и, наконецъ, таинственная сила коварной стихіи Волги, служащая основою этого фантастическаго разсказа,—все это свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ дарованіи поэта". Отзывъ Палацкаго обрадовалъ друзей поэта; онъ былъ, несомнѣнно, пріятенъ и самому Челаковскому. Камаритъ назвалъ его „справедливымъ" и выразилъ увѣренность, что послѣ этого отзыва многіе изумленно откроютъ глаза и ротъ и поймутъ и оцѣнятъ „отголоски" [1]).

Отношеніе „Отголоска русскихъ пѣсенъ" къ русской народной пѣснѣ и былинѣ въ достаточной степени еще не выяснено, а между тѣмъ выясненіе этого вопроса имѣетъ весьма существенное значеніе для опредѣленія степени участія въ созданіи этихъ „отголосковъ" самобытнаго творческаго генія поэта. Матеріалъ, послужившій основой, или канвой для „отголосковъ", намъ извѣстенъ: это — русскія былины и народныя лирическія пѣсни. Но по этой канвѣ поэтъ самостоятельно вышиваетъ оригинальные, богатые и разнообразные узоры. Не за-

---

[1]) Sebr. l., str. 267.

имствуя изъ доступнаго, хорошо знакомаго ему матеріала ни одной готовой формы, а создавая ее лишь по образу и подобію разнообразныхъ формъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, поэтъ въ равной степени не кладетъ въ основаніе своихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ готоваго содержанія, не беретъ его цѣликомъ изъ какой-либо одной, извѣстной ему пѣсни. Все внѣшнее сравненіе „отголосковъ" съ русскими народными пѣснями ограничивается, за невозможностью указать единый образецъ, поневолѣ лишь указаніемъ на тѣ или другіе стихи и характерные обороты и выраженія, заимствованные поэтомъ изъ той или другой русской пѣсни и былины.

Такого рода детальное, но только чисто внѣшнее сравненіе произвелъ проф. Махалъ въ отмѣченной выше статьѣ, посвященной „Отголоску". Въ подысканіи параллелей къ отдѣльнымъ стихамъ и картинамъ „отголосковъ" не можетъ встрѣтиться никакихъ затрудненій, но вѣдь въ сущности подобное сравненіе ничего не даетъ для характеристики творчества поэта; всякому знакомому съ русской народной пѣсней читателю „отголосковъ" невольно придутъ на память многіе стихи русской пѣсни, мы замѣтимъ между первыми и вторыми чисто внѣшнее сходство, но и только. Существеннѣе представляется намъ вопросъ, насколько поэтъ сумѣлъ въ своихъ поэтическихъ откликахъ сохранить и передать читателю основныя, наиболѣе характерныя черты русской народной поэзіи, насколько „отголоски" его могутъ быть названы дѣйствительнымъ эхомъ русской пѣсни, эхомъ не только звуковъ ея, но и внутренняго содержанія.

Уже въ своихъ „Славянскихъ народныхъ пѣсняхъ" Челаковскій представилъ намъ прекрасные, художественные образцы совершенной передачи не только оригинальной формы, свойственной русской народной пѣснѣ, но и самаго духа этой пѣсни. Переводъ его, хотя и слѣдуетъ близко оригиналу, стихъ за стихомъ, тѣмъ не менѣе не есть рабская, подстрочная и бездушная передача подлинника, напротивъ, это—самый точный, вѣрный звуками и живущей въ нихъ мыслью и духомъ откликъ русской пѣсни. Различіе между этимъ первымъ опытомъ перевода русской пѣсни и „Отголоскомъ", художественнымъ эхомъ ея

формы и духа, конечно, большое, но оно обусловливается единственно задачами, которыя поэтъ имѣлъ въ виду въ одномъ и другомъ случаѣ. Въ первомъ случаѣ поэтъ-издатель желалъ показать своему чешскому читателю безыскусственную прелесть народной музы русской и прочихъ славянскихъ племенъ, воспитать въ немъ любовь къ славянской народной пѣснѣ. Это свидѣтельствуетъ о высокомъ эстетическомъ развитіи поэта. Во второмъ случаѣ онъ, какъ поэтъ-творецъ, задается болѣе сложной и высокой задачей: ввести въ чешскую поэзію новую, свѣжую струю, обновить ветхую форму и устарѣлое содержаніе этой поэзіи освобожденіемъ ея отъ рабской подражательности обязательнымъ образцамъ; поэтъ выступаетъ предъ нами въ роли преобразователя, который смѣло и сознательно идетъ къ намѣченной цѣли. Достигнуть ея удается только геніальнымъ пѣвцамъ.

Названіе „Отголосокъ", данное поэтомъ своему замѣчательному сборнику, слишкомъ мало опредѣляетъ внутреннія достоинства твореній его. „Отголоски" Челаковскаго, какъ мы сказали,—не только эхо словъ, звуковъ, но и чистѣйшій, удивительно ясный и мощный отзвукъ мысли и чувства, таящагося въ глубинѣ русской народной пѣсни. Поразительно близкіе къ этой пѣснѣ по своей формѣ, „отголоски" вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ вся внутренняя народной русской души, изливающей свои печали и радости въ безыскусственной пѣснѣ. Душа поэта такъ глубоко проникла въ тайники народной русской души, что невольно сроднилась съ нею и воспріяла весь ея внутренній обликъ, усвоила всѣ ея оригинальныя черты.

Заимствуя изъ народной пѣсни внѣшнюю форму, слагая изъ отдѣльныхъ пѣсенныхъ мотивовъ и частей ихъ новое стройное цѣлое, поэтъ создаетъ изъ знакомыхъ намъ разноцвѣтныхъ камешковъ и стеклышекъ, искусно подобранныхъ и сложенныхъ, оригинальную мозаическую картину, общій тонъ которой и детали исполненія поразительно сохраняютъ черты своего первообраза. Форма и содержаніе, внѣшнія и внутреннія черты „отголосковъ" находятся въ полной гармоніи и связаны такъ тѣсно, что не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Если поэтъ, говоритъ самъ Челаковскій въ предисловіи къ „Отголоску

чешскихъ пѣсенъ", сумѣетъ найти характерныя внѣшнія и внутреннія черты народной пѣсни и усвоитъ ихъ, тогда ему не трудно не только сравняться съ образцами, предъ нимъ лежащими, но даже и превзойти ихъ, чего слѣдуетъ съ полнымъ основаніемъ ожидать отъ него при его болѣе высокомъ образованіи. Пусть только поэтъ остерегается, чтобы пѣсня его не потеряла своихъ индивидуальныхъ чертъ и не стала слишкомъ общею по своимъ признакамъ. Челаковскій говоритъ здѣсь, правда, о подражаніи спеціально чешской народной пѣснѣ, но рѣчь его имѣетъ, несомнѣнно, болѣе широкое и общее значеніе.

„Отголосокъ русскихъ пѣсенъ" есть та же „богородичная травка" русской земли, выросшая изъ лона ея и сохранившая свой особый цвѣтъ и ароматъ, какъ „Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ" или знаменитая „Kytice" Эрбена являются благоухающими цвѣтами, собранными на обширныхъ и благовонныхъ лугахъ народной поэзіи чешской. И тутъ и тамъ поэтъ возвелъ въ художественный перлъ то, мимо чего толпа проходитъ ежедневно съ равнодушіемъ или презрѣніемъ. Въ этомъ заключается величайшая заслуга поэта.

Какъ слѣдовало ожидать, „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ" долженъ былъ обратить вниманіе любителей безыскусственной народной музы на русскую народную поэзію. Къ ней вскорѣ обратился даровитый, но малоизвѣстный чешскій поэтъ Ярославъ Лангеръ, напечатавшій въ Часописи Музея [1]) переводъ четырехъ былинъ изъ сборника Кирши Данилова: 1) Svatba knížete Vladimíra, 2) Dobryňa Čud' pokořil, 3) Kalin Car, 4) Michaila Kazarinov [2]). Въ небольшомъ введеніи къ переводу Лангеръ попытался дать характеристику русской былины и отмѣтить ея привлекательныя особенности, главнымъ образомъ — прекрасныя описанія старорусскихъ народныхъ нравовъ и обы-

[1]) Č. Č. Mus., 1834, II, 138, IV, 373. Ср. Spisy Jar. Langera, díl II, v Praze, 1861, str. 7—17.

[2]) Лангеръ началъ также переводить изъ сборника Кирши Данилова сказку о Дурнѣ, при чемъ обратилъ вниманіе на поразительное сходство ея съ чешскими сказками о „глупомъ Янкѣ". Spisy, II, str. 603—609.

чаевъ, повѣрія и преданія, столь драгоцѣнныя для всякаго любителя древней славянской исторіи; но оригинальной формы былины Лангеръ не понялъ и считалъ „однообразіе постоянныхъ формъ" ея недостаткомъ. Объ „Отголоскѣ русскихъ пѣсенъ", какъ блестящемъ отраженіи всѣхъ характерныхъ особенностей русской народной поэзіи, онъ отзывается съ большой похвалой и ставитъ его значительно выше „Отголоска чешскихъ пѣсенъ". Лангеръ отмѣчаетъ только нѣкоторое несовершенство формы „Отголоска", которая чешскому читателю сначала кажется нѣсколько чуждой, но къ ней надо привыкнуть, и этотъ видимый недостатокъ исчезнетъ. Только тотъ несомнѣнно убѣдится въ поэтической красотѣ произведенія Челаковскаго, кто познакомится предварительно съ русскими народными пѣснями: онъ увидитъ, что „Отголосокъ" Челаковскаго въ отношеніи формы всюду выдержитъ сравненіе съ народными русскими пѣснями, которыя послужили ему образцомъ; что же касается внутренней, чисто художественной цѣны „отголосковъ", то въ этомъ отношеніи они значительно превосходятъ всѣ народныя пѣсни.

Чешскіе критики умѣли вѣрно опредѣлить истинное значеніе „Отголоска". Русскіе, свидѣтельствовалъ одинъ литературный обозрѣватель [1]), слышали въ немъ движеніе чувствъ и вѣяніе духа своего народа. Въ „Отголоскѣ", дѣйствительно, какъ выразился Срезневскій, чешскими звуками выражена была русская душа.

„Это не переводы и не слѣпыя подражанія пѣснямъ народа, говорилъ Срезневскій въ другомъ мѣстѣ [2]), это новыя пѣсни, написанныя совершенно въ духѣ того народа, котораго именемъ поэтъ ихъ назвалъ"... „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ" можетъ замѣнить для чеха самое богатое собраніе народныхъ

---

1) Wlastimil, 1840, díl I, str. 208.

2) Письмо къ Θ. Евецкому, Денница, 1842, стр. 204. Θ. Евецкій, по желанію Срезневскаго, перевелъ для Денницы на русскій и польскій языки стихотворенія: „Великую панихиду", „Превращеніе", „Узникъ" и „Допросъ". На польскій языкъ „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ" перевелъ H. Szuman; на лужицкій—Смолерь.

русскихъ пѣсенъ, и хотя онъ найдетъ въ нихъ чистый народный чешскій языкъ, плавный, звучный, прекрасный, но, читая ихъ, будетъ мыслить и чувствовать, какъ мыслилъ бы и чувствовалъ русскій, читая свои народныя пѣсни. Для сравненія съ „Отголоскомъ чешскихъ пѣсенъ“ русскіе могутъ еще вспомнить о пѣсняхъ Мерзлякова, Дельвига, Кольцова, Цыганова, Глинки и др., но „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ“ остается еще пока примѣромъ для подражанія. Срезневскій повторилъ здѣсь еще разъ желаніе, выраженное имъ Челаковскому, чтобы тотъ написалъ подобные „отголоски“ пѣсенъ польскихъ, столь богатыхъ простодушно-веселымъ юморомъ; пѣсенъ лужицкихъ и краинскихъ, которыя дали бы ему возможность представить образцы народнаго славянскаго романса; пѣсенъ сербскихъ и т. д.

Однако, несмотря на самый сочувственный пріемъ критики, „Отголосокъ“расходился въ обществѣ чешскомъ весьма медленно. Когда Пуркине издалъ свой переводъ стихотвореній Шиллера, Челаковскій писалъ ему 16 апрѣля 1841 года [1]: „Я желалъ бы вамъ не понести убытковъ отъ изданія: плоды поэтическаго творчества пользуются у насъ весьма незначительнымъ спросомъ, что̀ я замѣчаю на своихъ произведеніяхъ и бываю доволенъ, если возвращу расходы по печатанію ихъ. Подумайте, что, напримѣръ, Отголоска русскихъ пѣсенъ разошлось за одиннадцать лѣтъ около 300 экземпляровъ, а около двухсотъ еще до сихъ поръ лежатъ у меня“.

[1]) Č. Č. Mus., 1878, str. 526.

ГЛАВА III.

Попытки призванія славянскихъ ученыхъ въ Россію.

Развитіе славянскаго движенія въ чешской наукѣ, литературѣ и общественной жизни, постоянный ростъ и укрѣпленіе славянскихъ симпатій и идеаловъ у чеховъ давно обращали на себя вниманіе нашихъ немногочисленныхъ, но дѣятельныхъ и преданныхъ служителей науки о славянствѣ. Мы рано поняли смыслъ и значеніе этого знаменательнаго движенія и рано вышли ему навстрѣчу. Наибольшія заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежали А. С. Шишкову и П. И. Кеппену. Первый былъ случайнымъ посѣтителемъ Праги, собесѣдникомъ и корреспондентомъ великаго учителя-аббата; второй, влекомый любовью къ наукѣ, добровольно отправился на славянскій Западъ, чтобы закрѣпить и расширить тѣ слабые еще фундаменты, которые заложены были его предшественникомъ. Кеппенъ былъ первымъ сознательнымъ путешественникомъ изъ Россіи въ славянскія земли [1]). Поѣздка молодого славянскаго путешественника, особенно пребываніе его въ Прагѣ въ 1823 г. и знакомство съ Добровскимъ, Ганкою и др. были весьма благотворны по своему вліянію на развитіе сношеній нашихъ съ представителями славянской науки на Западѣ. Они поддержали наши связи съ ними въ наиболѣе важный моментъ. Незадолго до отъѣзда Кеппена на Западъ, сношенія между Петербургомъ и Прагой, раньше по необхо-

[1]) Кочубинскій, Нач. годы, стр. 198 и сл.

димости слабыя и случайныя, стали нѣсколько оживляться, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ. Это было время, когда около старика Добровскаго успѣла уже разростись добрая семья молодыхъ побѣговъ, воспитавшихъ въ себѣ, подъ животворнымъ вліяніемъ своего учителя, одинъ общій культъ—Россію [1]). Въ этомъ кружкѣ учениковъ и преемниковъ аббата ближайшее къ нему положеніе занимали: Юнгманнъ, Ант. Марекъ, Пухмайеръ, Ганка; нѣсколько дальше стояли Челаковскій, Палацкій, Шафарикъ, Колларъ и др. Кеппенъ во время вошелъ въ непосредственныя отношенія съ учителемъ и учениками его, поддержалъ общее тяготѣніе ихъ къ русскому ученому міру и такимъ образомъ не далъ заглохнуть только что начавшимъ развиваться росткамъ живого общенія представителей чешской и русской славянской науки.

Наиболѣе дѣятельная роль въ стремленіи дать славяновѣдѣнію особое и видное мѣсто въ системѣ нашего университетскаго преподаванія и такимъ образомъ приготовить условія для правильно-систематическаго и полнаго развитія славяновѣдѣнія въ Россіи принадлежала маститому Шишкову и младшему представителю Румянцовскаго кружка Кеппену.

Мысль о славянской каѳедрѣ въ университетѣ, объ организаціи и расширеніи у насъ славянскихъ студій была не нова [2]). Благодаря стараніямъ Каченовскаго, еще въ 1811 году московскій университетъ получилъ славянскую каѳедру, такъ сказать, на пробу; но проба была неудачна: новая каѳедра просуществовала недолго и заглохла. Настойчиво и съ знаніемъ дѣла доказывалъ необходимость изученія славянства на страницахъ „Вѣстника Европы" Каченовскій; не разъ заявлялась эта мысль и руководящими просвѣщеніемъ сферами.

Въ концѣ 1826 года Шишковъ, занявшійся, со вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, вопросами реформы учебныхъ заведеній, останавливается на мысли открыть славянскія каѳедры въ только что основанномъ Педаго-

[1]) Кочубинскій, Нач. годы, стр. 238—239.

[2]) Тамъ же, стр. 250 и сл.

гическомъ Институтѣ и во всѣхъ русскихъ университетахъ, съ цѣлью „расширенія изученія славянства въ Россіи", какъ формулировалъ тогда же цѣль министра его совѣтникъ Кеппенъ. Для скорѣйшаго осуществленія этого проекта, рѣшено было разомъ пересадить славянскую науку на русскую почву, призвать первыхъ представителей ея изъ-за границы. Уже 18 ноября этого года Кеппенъ извѣщалъ Ганку о предполагаемомъ открытіи въ русскихъ университетахъ каѳедръ славянской литературы. Письмо только въ немногихъ строкахъ сообщало эту радостную вѣсть кругу пражскихъ ученыхъ, нашихъ друзей. „Важный предметъ", коему была посвящена заключительная часть письма, касался расширенія изученія славянства въ Россіи. „Было бы весьма желательно, писалъ Кеппенъ, чтобы отнынѣ (новая организація школьнаго дѣла, которая теперь въ ходу, могла бы этому пособить) въ университетахъ находились профессора для исторіи славянскихъ литературъ. Скажите мнѣ, что̀ вы думаете объ этомъ, —кого бы вы могли назвать, какъ сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ, и не были бы вы склонны сами перемѣститься въ Россію, и подъ какими условіями?"... [1]). Въ то же время послано было Кеппеномъ письмо объ этомъ и Шафарику въ Новый Садъ.

Въ началѣ января 1827 г. Кеппенъ получилъ уже отвѣтъ отъ Ганки съ условіями, на которыхъ онъ соглашался переселиться въ Россію. Одновременно съ извѣщеніемъ Шишкова объ этомъ (24 янв. 1827 г.), Кеппенъ сообщаетъ ему о полученіи и отъ Шафарика согласія служить въ званіи профессора при одномъ изъ россійскихъ университетовъ, въ Петербургѣ, Москвѣ или Харьковѣ. Черезъ Ганку заявлялъ о своемъ согласіи на опредѣленіе профессоромъ славянской словесности въ одной изъ двухъ столицъ Россійской имперіи Челаковскій, котораго Ганка уже отъ себя предлагалъ, какъ „составленника", имѣющаго „нужное дарованіе и усердную прилежность" для заня-

---

[1]) Переписка П. И. Кеппена по поводу приглашенія славянскихъ ученыхъ въ Россію издана акад. И. В. Ягичемъ, Источники, II, стр. 373—431. Письма Кеппена къ Ганкѣ (1823—1830) изданы А. А. Кочубинскимъ, Нач. годы, въ приложеніи IV.

тій этимъ предметомъ. Онъ былъ намѣченъ Ганкою вмѣсто Палацкаго, котораго первоначально имѣлъ въ виду Кеппенъ.

Ганка былъ въ восторгѣ отъ предложенія Шишкова и Кеппена. „Не увѣрите, писалъ онъ Кеппену 27 декабря 1826 года, какимъ электрическимъ восторгомъ вѣсточка о распространеніи словянскаго ученія въ Россіи меня обрадовала, не прочитавшаго еще далѣе, что и меня тоже къ сему побуждено. Кѣмъ же бы такія достохвальныя и полезныя распоряженія довольно прославлены быть не имѣли?“ восторгался онъ проектомъ Шишкова. Сердце Ганки ликовало при этой вѣсти и потому еще, что въ этомъ отношеніи „великій россійскій народъ инымъ предупрежденъ не будетъ“, Россія не уступитъ никому чести первой насадительницы славянскихъ студій въ университетахъ. Въ это время какъ разъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ Кухарскій, которому предстояло открыть со временемъ чтенія по славяновѣдѣнію въ варшавскомъ университетѣ. Ганка состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и о намѣреніяхъ его былъ хорошо освѣдомленъ. О себѣ Ганка въ отвѣтномъ письмѣ говорилъ, что онъ не желалъ бы оставить своего отечества, ибо оно „убогое въ помощи нужду имѣетъ“, нуждается въ его трудовой дѣятельности, но, хорошенько обдумавъ дѣло, онъ пришелъ къ заключенію, что и въ Россіи онъ въ состояніи будетъ заниматься роднымъ языкомъ и быть полезнымъ своей родинѣ, и поэтому принимаетъ предложеніе. Съ такимъ же восторгомъ привѣтствовалъ проектъ Шишкова и энтузіастъ Челаковскій, уже 31-го января 1827 г. писавшій другу своему Планку въ Страконицы: „Вотъ сообщаю вамъ новость: въ Россіи въ четырехъ университетахъ учреждаются каѳедры всѣхъ славянскихъ литературъ и ихъ языковъ; здѣсь, слѣдовательно, будетъ раздаваться и нашъ чешскій языкъ. Эти мѣста: Петербургъ, Москва, Харьковъ и Казань... Какъ радостно рисуется будущее!“ Но трезвѣе отнесся къ предложенію Кеппена хладнокровный и спокойный Шафарикъ. Отвѣчая Ганкѣ 11 января 1827 года на письмо его съ сообщеніями о петербургскомъ проектѣ и приглашеніи, Шафарикъ, заявившій уже Кеппену о своемъ согласіи, высказываетъ откровенно свой взглядъ на дѣло.

Письмо Кеппена, которое онъ получилъ нѣсколькими днями раньше пражскаго сообщенія Ганки, видимо, его не удовлетворило. „Такъ какъ Кеппенъ, отвѣчалъ Шафарикъ, писалъ мнѣ объ учрежденіи каѳедръ славянской литературы, какъ о дѣлѣ не совсѣмъ еще вѣрномъ, а только вѣроятномъ, то я, съ моей стороны, отвѣтилъ ему въ томъ смыслѣ, что я не прочь буду принять званіе профессора славянской литературы въ Россіи. Условій я никакихъ не предложилъ, да и сейчасъ не знаю, какія слѣдовало бы точно обозначить. Признаюсь вамъ откровенно, что дѣло это, насколько касается меня, сопряжено съ множествомъ затрудненій, въ которыхъ, впрочемъ, и съ вашей стороны не будетъ недостатка. Поэтому, если изъ всей этой затѣи что-либо выйдетъ, то я только тогда думаю согласиться, если увижу, что судьба моя въ этомъ новомъ призваніи будетъ всячески обезпечена“. Практическія соображенія рѣшительно и сразу выдвигались впередъ. Являлись при этомъ и кое-какія опасенія, заставлявшія задуматься надъ предложеніемъ Шишкова. „Вы знаете хорошо, продолжалъ Шафарикъ, что многіе горько сожалѣли о своемъ переселеніи въ Россію; правда, это были нѣмцы и иные чужеземцы. Не дурно было бы, однако, если бы мы сообщили другъ другу свои мысли по этому вопросу, вѣдь дѣло касается важнаго шага жизни“ [1]).

Условія, на которыхъ Ганка соглашался перейти въ Россію, были слѣдующія: 1) онъ, вполнѣ основательно, соглашался принять каѳедру только въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ для его занятій были бы ему доступны библіотеки и собранія древнихъ рукописей; 2) онъ требовалъ, въ случаѣ, если бы онъ не могъ или по важнымъ какимъ-либо причинамъ и соображеніямъ не желалъ больше служить, выдачи ему на седьмомъ году половины, а по истеченіи пятнадцати лѣтъ полной пенсіи; 3) если бы до истеченія этихъ сроковъ по какимъ-либо обстоятельствамъ каѳедра эта была уничтожена, тогда онъ требовалъ возвращенія ему того, что̀ онъ имѣлъ въ Прагѣ, т. е. 600 гульд. жалованья и 200 г. квартирныхъ.

---

[1]) Письмо въ библ. Чешскаго Музея.

На замѣчаніе Кеппена, что лекціи на первое время могли бы читаться на латинскомъ или, пожалуй, на нѣмецкомъ языкѣ, пока новые профессора не освоились бы вполнѣ съ русскимъ языкомъ, Ганка отвѣчалъ за себя и Челаковскаго, что имъ обоимъ, послѣ непродолжительной подготовки, и не пришлось бы читать лекціи на иномъ какомъ-нибудь языкѣ, кромѣ русскаго.

Въ февралѣ 1827 г. Шишковъ вноситъ въ Комитетъ устройства учебныхъ заведеній предложеніе, въ коемъ обращаетъ вниманіе на слѣдующій вопросъ. Въ одномъ изъ засѣданій Комитета читана была записка Шишкова „о необходимости единообразной терминологіи, о пріисканіи и введеніи въ учебныхъ книгахъ существующихъ въ языкѣ нашемъ такъ называемыхъ техническихъ терминовъ“. Тогда же всѣ согласились, что въ пособіе, „при избраніи и опредѣленіи сихъ реченій“, должно быть обращаемо вниманіе и на нарѣчія другихъ славянскихъ народовъ. „Но какъ сіе привести въ дѣйство, спрашивалъ Шишковъ, доколѣ мы не будемъ имѣть достаточнаго понятія о сихъ нарѣчіяхъ, доколѣ мы по разнородному правописанію оныхъ даже не въ состояніи правильно читать и выговаривать слова ихъ? Вотъ требованіе, которое можно удовлетворить только усиленіемъ у насъ ученія словенскаго языка по всѣмъ его отраслямъ“. Но для этого надо было имѣть подготовленныхъ учителей, а ихъ у насъ не было. Оставалось одно средство—обратиться къ иноземнымъ ученымъ и предложить имъ занять у насъ профессорскія каѳедры славянской словесности и ея исторіи. По порученію Шишкова, Кеппенъ обратился къ извѣстнымъ намъ славянскимъ ученымъ съ запросами по этому предмету. Отвѣты были уже получены, и Шишковъ, доложивъ Комитету краткія характеристики ученой и литературной дѣятельности каждаго изъ кандидатовъ, заключалъ свое представленіе: „Упустимъ ли мы случай пріобрѣсти для Россіи сихъ ученыхъ, которые могутъ принесть намъ столь великую пользу? Всѣ они въ скоромъ времени могли бы (и согласны) читать лекціи на русскомъ языкѣ, съ литературою коего они весьма знакомы. Доказываютъ сіе ихъ сочиненія и ученая съ россіянами переписка.

Уже мы согласились на то, чтобы въ гимназіяхъ преподаваемы были начальныя основанія словенскаго языка. Мы всѣ совершенно въ томъ увѣрены, что каждому образованному русскому не только прилично, но даже должно бы имѣть хотя нѣкоторое понятіе о раздѣленіи словенскаго языка на разныя нарѣчія и о главнѣйшихъ свойствахъ оныхъ. И кто же приготовитъ у насъ учителей, необходимыхъ для достиженія сей цѣли? Кто, какъ не иноземные словенскіе ученые, доколѣ мы сами не образуемъ для сего профессоровъ, доколѣ еще нельзя будетъ поручить профессору россійской словесности и каѳедру исторіи словенскаго языка".

На основаніи этихъ соображеній, Шишковъ находилъ полезнымъ пригласить въ Россію названныхъ трехъ ученыхъ, причемъ Ганку намѣчалъ въ ординарные профессоры Педагогическаго Института, Челаковскаго—экстраординарнымъ профессоромъ въ Москву, гдѣ уже имѣлся профессоръ по этой части, и Шафарика ординарнымъ профессоромъ въ харьковскій университетъ. Ганкѣ и Шафарику, до общаго положенія о профессорскихъ окладахъ, Шишковъ полагалъ бы предложить въ годъ по 4 т. рублей жалованья, а Челаковскому — 3 т. р. Казалось, что дѣло приближается къ скорой и благополучной развязкѣ, но неожиданно весь проектъ Шишкова принялъ иной оборотъ.

27-го января 1827 года Кеппенъ писалъ Ганкѣ: „Условія ваши я представилъ г. министру. Кажется, что дѣло сладится, и что мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ въ С.-Петербургѣ. Предварительно могу сказать вамъ, что какъ А. С. Шишковъ, такъ и М. М. Сперанскій находятъ условія ваши умѣренными. Теперь рѣчь идетъ о томъ только, учреждать ли словенскія каѳедры, или нѣтъ. Надѣюсь, что дѣло рѣшится въ пользу словенскаго, а слѣдовательно — и отечественнаго языка". Вопросъ объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ не нашелъ, повидимому, сочувствія въ самомъ Комитетѣ, несмотря на полное одобреніе и поддержку его Шишковымъ, Сперанскимъ и др. [1]). Въ Прагѣ все ждали развязки или хоть болѣе опредѣленнаго

---

[1]) Подробнѣе у Кочубинскаго, Нач. годы, стр. 281—284.

отвѣта, но онъ не приходилъ. Вѣра въ возможность осуществленія проекта однако не угасала. Челаковскій въ „сладкихъ мечтахъ“ переносился въ Россію и все продолжалъ надѣяться, что желаніе его „нѣкогда совершится“, хотя, какъ писалъ онъ Камариту 8 августа 1827 г., ни Шишковъ, ниже кто иной не отвѣчали на вопросы славянскихъ кандидатовъ [1]). Кромѣ неопредѣленныхъ и не предвѣщавшихъ ничего радостнаго въ будущемъ писемъ Кеппена, въ Прагѣ, очевидно, не имѣли никакихъ иныхъ свѣдѣній о положеніи дѣла. Эта неопредѣленность положенія была непріятна и тягостна. Отвѣта и объясненій по этому вопросу Челаковскій, естественно, ожидалъ отъ Ганки, ведшаго всѣ переговоры съ Петербургомъ, а Ганка, самъ предложившій Челаковскому выступить кандидатомъ, ничего не зналъ и отвѣчалъ, конечно, такъ же уклончиво, какъ писалъ ему Кеппенъ. Челаковскій горячился, сталъ винить Ганку, но, какъ видимъ, совершенно понапрасну. „На Ганку полагаться не слѣдуетъ“, пишетъ онъ Камариту 11 сентября 1827 г. „Я убѣжденъ, что для него существуетъ прежде всего его личное *я*, и для возвеличенія имени своего онъ не пощадитъ имени чужого. Это грубое существо („спростăцкá душе“) съ удовольствіемъ изображало бы изъ себя учителя и вербовало бы себѣ прозелитовъ, но мы далеки отъ этого. Между прочими его продѣлками меня особенно забавляло то, что онъ выдавалъ меня въ Россіи за своего ученика въ славянщинѣ“ [2]).

Прошло уже больше года съ того времени, какъ въ Прагѣ и Новомъ Садѣ получены были лестныя предложенія Шишкова, а рѣшенія все еще не было видно. Въ декабрѣ 1827 года Кеппенъ, привѣтствуя изъ Симферополя Шишкова съ наступающимъ „новымъ лѣтомъ“ и желая ему подкрѣпленія силъ душевныхъ и бодрости тѣлесной, для благополучнаго довершенія новаго устройства учебныхъ заведеній, высказываетъ въ то же время и свое задушевное желаніе: „Намъ же, любителямъ словенской литературы, да удастся въ теченіе сего года

---

1) Слав. Ежегодн., 1878, стр. 290.

2) Тамъ же, стр. 293.

принести вамъ искреннюю благодарность за учрежденіе при русскихъ университетахъ словенскихъ каѳедръ!" До половины декабря чешскіе ученые, какъ оказывается изъ этого письма Кеппена, не получили еще „рѣшительныхъ отвѣтовъ". „Прикажете ли ихъ и теперь еще обнадеживать?" спрашиваетъ онъ Шишкова и укрѣпляетъ его въ давно принятомъ рѣшеніи указаніемъ на то, что выборъ славянскихъ кандидатовъ болѣе и болѣе оправдывается новыми, представляемыми публикѣ трудами ихъ.

До іюля 1828 г. Ганка все еще не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣла. Между тѣмъ для него, какъ и для Челаковскаго, одинаково важно было выяснить себѣ положеніе. Кеппену изъ Симферополя трудно было сообщить имъ что-либо по этому вопросу. Въ отвѣтъ на письма Ганки отъ 6-го апрѣля и 10 (22)-го ноября 1827 г., Кеппенъ только 14-го іюля 1828 года пишетъ: „Объ учрежденіи словенской каѳедры я все еще хлопочу и не за долго предъ симъ о семъ же предметѣ писалъ къ новому министру народнаго просвѣщенія, его свѣтлости, кн. К. А. Ливену. Не знаю, что послѣдуетъ. Жаль, очень жаль, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла". Надеждъ на осуществленіе его этимъ отвѣтомъ подавалось немного. До 29 декабря 1829 года — полное молчаніе о дѣлѣ. Новый министръ народнаго просвѣщенія, кн. Ливенъ, былъ человѣкъ для Праги совершенно неизвѣстный. Уже фамилія его возбуждала нѣкоторыя опасенія насчетъ успѣха славянскаго дѣла. „Боюсь, чтобы онъ не оказался какимъ-нибудь нѣмцемъ" (jakýsi šváb), выражалъ свое опасеніе Челаковскій, получившій непріятное для него и для другихъ извѣстіе объ уходѣ стараго и испытаннаго доброжелателя, Шишкова [1]).

Возвратившись 15-го октября 1829 г. изъ Симферополя въ Петербургъ, Кеппенъ узналъ отъ Шишкова, что вопросъ о призваніи славянскихъ ученыхъ не сданъ еще окончательно въ архивъ, что, напротивъ, Ливенъ самъ интересуется имъ и пріѣзжалъ къ Шишкову, чтобы поговорить съ нимъ „о славянскихъ литературахъ". По порученію Шишкова, Кеппенъ явился Ли-

[1]) Sebr. l., str. 223.

вену и имѣлъ съ нимъ разговоръ о сношеніяхъ своихъ съ славянскими учеными. Тутъ, во время этой бесѣды, Кеппенъ узналъ о новомъ планѣ. Онъ подробно повѣствуетъ о немъ [1]). Ливенъ сказалъ тогда, что Россійская Академія хорошо бы сдѣлала, если бы изъ 300 тысячъ капитала своего, хранящагося въ банкѣ, употребила до 100 тыс. рублей на основаніе Большой Славянской Библіотеки (по всѣмъ нарѣчіямъ) и опредѣлила бы при этой Библіотекѣ книгохранителями гг. Ганку, Шафарика и Челаковскаго. Условія, на которыхъ прежде предполагалось пригласить славянскихъ ученыхъ, казались кн. Ливену недостаточно выгодными для нихъ: жалованье, предложенное Шишковымъ, Ливенъ считалъ недостаточнымъ для обезпеченія существованія ихъ въ столицѣ. Въ заключеніе бесѣды Ливенъ передалъ Кеппену неизвѣстно кѣмъ составленную записку: „О важности ученія Славянскаго для Россіи“ (Slavisches Studium).

Записка эта въ двадцати трехъ статьяхъ трактовала о важности славянскихъ изученій въ отношеніи политическомъ, о заведеніяхъ для споспѣшествованія „славянскому ученію“: обширной славянской библіотекѣ, высшемъ учебномъ заведеніи для ученыхъ славянъ и особыхъ трудахъ, содѣйствующихъ славянванскимъ изученіямъ; наконецъ, въ ней обсуждались пути и средства для приведенія этого предпріятія въ исполненіе. Къ запискѣ присоединено было особое приложеніе, извлеченіе изъ „Исторіи славянской литературы“ Шафарика и другія статьи, въ доказательство истины сказаннаго въ запискѣ о расположеніи умовъ у славянъ. Шишковъ же, съ своей стороны, написалъ къ этой запискѣ „Присовокупленіе“, въ коемъ предлагалъ:

1. „Завесть при Имп. Росс. Академіи библіотеку изъ всѣхъ, на какомъ бы то ни было славянскомъ нарѣчіи, книгъ и рукописей, какія токмо достать можно, особливо же историческихъ, географическихъ и до свѣдѣнія сихъ нарѣчій касающихся.

2. Вызвать три или четыре человѣка изъ извѣстнѣйшихъ и лучшихъ славянскихъ профессоровъ для храненія сей би-

---

[1]) Ягичъ, Источники, II, стр. 391.

бліотеки и для составленія изъ всѣхъ славянскаго языка нарѣчій общаго словаря.

3. Всякій славянинъ, приславшій одну или многія сочиненія своего печатныя или рукописныя книги, долженъ, по разсмотрѣніи достоинства ихъ, получить соразмѣрную трудамъ его награду, состоящую, смотря по состоянію его, или въ медали, или въ деньгахъ, или въ названіи его почетнымъ членомъ Академіи.

4. Изъ всѣхъ сообщаемыхъ въ Академію славянскихъ книгъ, которыя могутъ обратить на себя вниманіе ученыхъ европейцевъ, надлежитъ стараться переводить оныя на французскій, нѣмецкій или англійскій языки, дабы чрезъ то малоизвѣстный донынѣ славянскій языкъ приводить въ извѣстность".

На основаніи этой записки и приложенія къ ней Шишкова, Кеппенъ, по порученію кн. Ливена, представилъ ему 3-го ноября 1829 г. вкратцѣ свои заключенія о томъ, что̀ ему казалось полезнымъ для Россіи въ данное время. Онъ предлагалъ:

1. „Призвать въ Россію трехъ или четырехъ извѣстныхъ словенскихъ писателей, для опредѣленія оныхъ при И. Росс. Академіи въ качествѣ книгохранителей при словенской, вновь учредиться имѣющей, библіотекѣ.

2. Литераторовъ сихъ вызвать съ тѣмъ, чтобы они обязались принимать на себя и разныя порученія, возлагаемыя на нихъ И. Росс. Академіею, а чрезъ посредство оной и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

3. Занятія каждаго опредѣлить преимущественно по нарѣчіямъ словенскаго языка, такъ чтобы изъ четырехъ литераторовъ два занимались по предметамъ такъ называемыхъ Восточно-Словенскихъ, другіе же два — по части Западно-Словенскихъ нарѣчій. Если же вызвано будетъ только три человѣка, то одному изъ нихъ надлежало бы заняться по двумъ частямъ".

Въ случаѣ призванія Ганки, Шафарика и Челаковскаго, первый, какъ предполагалъ Кеппенъ, могъ бы заниматься преимущественно по однимъ западнымъ нарѣчіямъ, второй — по однимъ восточнымъ, а Челаковскому Кеппенъ предлагалъ поручить занятія по части польской и карпаторусской словесно-

сти, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя и занятія, касающіяся до литературы литовской. Проекты Кеппена шли, однако, еще далѣе. Ожидавшееся прибытіе въ Петербургъ трехъ славянскихъ ученыхъ подавало ему радостную надежду на возобновленіе драгоцѣнныхъ „Библіографическихъ Листовъ“ 1825 года. По прекращеніи ихъ, какъ заявлялъ Кеппенъ, къ нему со всѣхъ сторонъ поступали жалобы на то, что „взаимная связь между словенскими писателями пресѣчена въ самомъ началѣ своемъ“. Журналъ былъ одинаково дорогъ, какъ для русскаго ученаго міра, такъ и для міра славянскаго. Поэтому Кеппенъ находилъ желательнымъ, чтобы призываемые въ С.-Петербургъ славянскіе ученые, вмѣстѣ съ однимъ или двумя членами Академіи, составили небольшой комитетъ, для изданія повременнаго сочиненія, въ коемъ предлагались бы извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ книгахъ на разныхъ славянскихъ языкахъ, не исключая и книгъ русскихъ. Кеппенъ опредѣлилъ при этомъ въ нѣсколькихъ словахъ характеръ этихъ извѣстій и замѣтилъ, что журналъ на первый случай могъ бы выходить на языкѣ нѣмецкомъ, извѣстномъ всѣмъ безъ изъятія образованнымъ славянамъ. Черезъ посредство этого изданія должно бы стараться и о распространеніи знанія русскаго языка, такъ что съ теченіемъ времени изданіе могло бы выходить уже на русскомъ языкѣ. Но „для основательныхъ занятій“ членовъ Академіи и ея книгохранителей или редакторовъ необходимо было предварительное устройство библіотеки. По расчетамъ Кеппена, на покупку нужнѣйшихъ книгъ по всѣмъ нарѣчіямъ едва ли нужно было бы болѣе 30 или 40 тыс. рублей асс.; на пріобрѣтеніе нѣсколькихъ подлинныхъ рукописей и точныхъ списковъ съ оныхъ, на первый случай, не нужно было бы употребить болѣе пяти или десяти тысячъ рублей. Такимъ образомъ, на первоначальное оборудованіе библіотеки понадобилось бы отъ 40 до 50 тыс. р. Впослѣдствіи, заключалъ Кеппенъ на основаніи современнаго ему состоянія славянской литературы, достаточно было бы опредѣлить на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ и рукописей отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей въ годъ. Наконецъ, по мнѣнію Кеппена, полезно было бы, послѣ избранія славян-

скихъ ученыхъ, которые со дня ихъ утвержденія въ званіи книгохранителей состояли бы въ дѣйствительной службѣ, вызвать въ Россію первоначально только двухъ, Ганку и Шафарика, третьему и четвертому слѣдовало бы поручить закупку книгъ, и рукописей отъ антикваріевъ и другихъ продавцовъ въ Прагѣ, Оломуцѣ, Брнѣ, Бреславлѣ, Вѣнѣ, Офенѣ и пр. Если бы закупка книгъ была поручена Челаковскому, то желательно было бы, чтобы онъ, ѣдучи въ Россію, пожилъ нѣкоторое время въ сѣверовосточной Венгріи и въ Галиціи (у карпаторуссовъ), а потомъ и во Львовѣ, въ Краковѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, для нужныхъ соображеній по части языковъ карпаторусскаго, польскаго и литовскаго.

25-го ноября 1829 г. князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ объявилъ Кеппену, что Академія въ засѣданіи своемъ еще 23-го апрѣля опредѣлила, по предложенію президента, вызвать Ганку, Шафарика и Челаковскаго, первыхъ двухъ на правахъ ординарныхъ профессоровъ, съ жалованіемъ по 4 т. рублей въ годъ, послѣдняго же—на правахъ профессора экстраординарнаго, съ жалованьемъ въ 3 т. рублей. Тогда же Академія постановила употребить отъ 30 до 40 тыс. рублей на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей для Славянской библіотеки и отпускать ежегодно отъ двухъ до трехъ тысячъ р. на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ, издаваемыхъ на разныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. „Слава Богу!“ заключалъ Кеппенъ свою записку, радуясь опредѣленію Академіи.

Князь Ливенъ призналъ въ запискѣ своей, внесенной въ Комитетъ министровъ, всѣ предположенія Академіи по этому вопросу не только весьма полезными, но и нужными, и просилъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на приведеніе этого проекта въ исполненіе. Проектъ удостоился одобренія Комитета, а въ засѣданіи 7-го января 1830 г. Комитету было объявлено, что Государь Императоръ положеніе его Высочайше утвердить соизволилъ.

Дѣло, такимъ образомъ, получало благопріятное рѣшеніе и конецъ. Оставалось только извѣстить объ этомъ рѣшеніи вызываемыхъ ученыхъ, о новомъ планѣ ничего еще не знавшихъ. Про-

ектъ Академіи, какъ мы видѣли, сталъ извѣстенъ Кеппену немедленно по возвращеніи его въ Петербургъ, въ половинѣ октября 1829 г., но о немъ онъ благоразумно умалчиваетъ еще и въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 1-го ноября того же года[1]), такъ какъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ; но, желая освѣдомиться, какъ отнеслись бы Ганка и Челаковскій къ новому приглашенію, онъ осторожно намекаетъ на возможность вторичнаго призыва изъ Россіи. „При случаѣ, пишетъ онъ Ганкѣ, прошу васъ меня увѣдомить, не перемѣнили ль вы и г. Челаковскій мнѣнія своего касательно переселенія въ Россію".

Оффиціальныя пригласительныя письма Ганкѣ, Шафарику и Челаковскому, всѣмъ одного содержанія и на нѣмецкомъ языкѣ, были посланы отъ имени Академіи самимъ Кеппеномъ 29 января (10 февраля) 1830 года. Но ровно мѣсяцемъ раньше Кеппенъ увѣдомляетъ Ганку по секрету (unter der Hand) и осторожно о предстоящемъ приглашеніи: „Со всею поспѣшностью долженъ я объявить вамъ, что наше желаніе видѣть васъ въ Россіи, кажется, приходитъ въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я опять въ Петербургѣ, работали мы не безъ успѣха: Россійская Академія опредѣлила отъ 30 до 40 тысячъ рублей на созданіе Славянской Библіотеки и отъ 2 до 3 тысячъ ежегодно на пополненіе ея". Далѣе Кеппенъ сообщалъ Ганкѣ извѣстныя уже намъ условія, на которыхъ приглашались уже раньше онъ и сотоварищи. Кеппенъ въ это время еще не зналъ, какъ отнесется къ представленію Ливена Комитетъ министровъ, будетъ ли представленіе Комитета утверждено Государемъ, и поэтому на всякій случай замѣчалъ: „Хотя я нимало не сомнѣваюсь въ этомъ утвержденіи, но дѣло можетъ еще нѣсколько замедлиться. Итакъ, ждите, пока я или кто другой не напишетъ вамъ оффиціально. Я полагаю, что однимъ изъ главныхъ вашихъ занятій будетъ сопоставленіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ одномъ словарѣ, въ родѣ Словаря Линде".

Это главное занятіе славянскихъ ученыхъ имѣлъ въ виду Шишковъ, представляя Ливену свой докладъ отъ имени Ака-

[1]) Получено было Ганкой 29 марта 1830 года.

деміи (28 ноября 1829 г). „Въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей Императорской Россійской Академіи, опредѣленныхъ уставомъ ея, говорилъ здѣсь президентъ ея, заключается: 1) составленіе Общаго Словаря языка и 2) изслѣдованіе корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей. Послѣ неоднократныхъ разсужденій о приведеніи сихъ статей въ исполненіе, Академія остается въ полномъ убѣжденіи, что ни настоящаго знаменованія словъ, ни начала происхожденія ихъ, невозможно опредѣлить съ основательностью, безъ помощи прочихъ славенскихъ нарѣчій, безъ внимательнаго обозрѣнія, или, лучше сказать, безъ сличенія и свода всѣхъ ихъ. Тѣмъ менѣе открывается удобности, при недостаткѣ сихъ пособій, составить полный словарь россійскаго языка.

Для сихъ и другихъ многихъ причинъ необходимо имѣть достаточное свѣдѣніе о всѣхъ составляющихъ славенскій языкъ нарѣчіяхъ, какъ-то: о польскомъ, богемскомъ, сербскомъ, краинскомъ, словакскомъ и прочихъ; знать о сочиненныхъ и сочиняемыхъ на оныхъ книгахъ; вести о томъ переписку съ ученѣйшими изъ писателей на сихъ нарѣчіяхъ и получать извѣстія, какъ о ходѣ сихъ языковъ, толь сходныхъ съ нашимъ, такъ и объ историческихъ съ сими народами происшествіяхъ".

Полагая, для достиженія этой полезной цѣли, необходимымъ основать при Академіи славянскую библіотеку и пригласить людей, которые „при надлежащей учености имѣли бы основательныя свѣдѣнія въ большей части славенскихъ нарѣчій", Шишковъ имѣлъ въ виду поручить послѣднимъ составленіе общаго словаря этихъ нарѣчій, пріобщивъ къ приглашеннымъ лицамъ для таковаго занятія нѣкоторыхъ членовъ Академіи.

Мысли и желанія Шишкова повторялъ Кеппенъ въ своихъ пригласительныхъ письмахъ къ Ганкѣ, Шафарику и Челаковскому, въ которыхъ онъ именовалъ ихъ „извѣстнѣйшими знатоками словенскихъ языковъ и нарѣчій". Къ письмамъ прилагалась особая записка, въ коей по пунктамъ, подробно изложены были условія, на которыхъ тріумвиратъ чешскихъ ученыхъ приглашался Академіей. Одновременно съ оффиціальнымъ извѣщеніемъ того же 29 января (10 февраля) 1830 г. Кеппенъ

шлетъ Ганкѣ, своему „безцѣнному другу“, частное письмо по тому же вопросу. Кеппенъ проситъ его поскорѣй отвѣтить и о согласіи донести президенту Академіи. „Меня особенно интересуетъ вашъ скорый отвѣтъ, такъ какъ мѣсяца черезъ два—три я собираюсь снова оставить Петербургъ, а я желалъ бы еще до отъѣзда своего видѣть ваше дѣло оконченнымъ. Пишите мнѣ откровенно и будьте увѣрены, что всѣ ваши справедливыя требованія охотно доведу до свѣдѣнія г. министра. Кн. Ливенъ принимаетъ самое живѣйшее участіе въ дѣлѣ и навѣрное приметъ васъ здѣсь сердечно“. Послѣднія слова должны были разсѣять недовѣріе къ Ливену въ Прагѣ. Для Ганки, какъ наиболѣе близкаго къ Кеппену по переговорамъ, особенно пріятнымъ должно было быть извѣстіе о томъ, что въ Петербургѣ снова стали интересоваться вопросомъ объ учрежденіи въ университетѣ каѳедры славянской филологіи, которую могъ бы занять одинъ изъ приглашенныхъ ученыхъ. Профессура могла бы быть связана съ должностью библіотекаря въ Академіи и, по меньшей мѣрѣ, удвоила бы содержаніе счастливца, который занялъ бы ее. Жить въ Россіи особенно широко исключительно на жалованье въ 4 тысячи рублей асс., какъ признавалъ самъ Кеппенъ, нельзя было, но тихо и скромно можно было существовать на эти средства и въ Петербургѣ. Тѣмъ заманчивѣе была перспектива получить каѳедру въ университетѣ и связанную съ нею прибавку.

На первыхъ порахъ предполагалось открытіе славянской каѳедры только въ Петербургѣ, но со временемъ понадобились бы профессора и для прочихъ университетовъ; поэтому Кеппенъ просилъ Шафарика намѣтить себѣ подходящихъ людей, чтобы со временемъ, когда въ нихъ встрѣтится надобность, онъ могъ бы рекомендовать ихъ. Ганка только черезъ два съ половиною мѣсяца получилъ извѣщеніе Кеппена при оффиціальной бумагѣ съ условіями и немедленно отвѣчалъ Шишкову [1]). Спѣша выразить ему свое „принятіе и неизречен-

[1]) „Письмо г. колежскаго совѣтника Кеппена при условіи имп. россійской академіи отъ 10 февраля (н. ст.) с. г. доставле-

ную благодарность", Ганка увѣряетъ его: „Я буду стараться соотвѣтствовать поданной мнѣ почести усерднѣйшими услугами и льщу себя надеждою, что онѣ, потому что всесловянская словесность всегда любимое мое упражненіе, какъ ихъ отъ меня сіятельная Академія ожидаетъ, успѣвать будутъ". При этомъ онъ не забываетъ напомнить Шишкову: „Естьли каѳедра всесловянской литературы въ С.-Петербургѣ учредится, чтобъ Ваше Превосходительство меня вспомнить изволили". Ему особенно хотѣлось бы занять эту каѳедру. Давно уже высказывалъ онъ свое задушевное желаніе въ письмѣ къ Шишкову (3 мая 1822 г.): „Успѣетъ ли во Віенѣ професура словянскаго языка и словесности, которую тамъ учредить хотятъ, то трудиться буду всѣми силами о томъ, чтобъ и въ Прагѣ такая каѳедра завелася, гдѣ же бы особливо великую пользу приносила". Старое соперничество Вѣны и Праги попрежнему было живо. Но въ Прагѣ радости побѣды надъ Вѣной Ганка не могъ дождаться; зато она предстояла въ Россіи, и счастье возсѣсть на первую славянскую каѳедру могло улыбнуться именно ему.

Время переселенія своего въ Россію Ганка предоставлялъ опредѣлить самой Академіи, но указывалъ въ томъ же письмѣ къ Шишкову на необходимость позаботиться о немедленной, на мѣстѣ, покупкѣ книгъ для будущей библіотеки, такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ при посредствѣ комиссіонеровъ всегда труднѣе и менѣе надежно. Моментъ былъ особенно благопріятный:

но мнѣ здѣсь не болѣе, какъ вчера", пишетъ онъ Шишкову 17 (29) апрѣля 1830 г. Писемъ Кеппена къ Ганкѣ отъ 29 января (10 февр.) 1830 г. имѣется два: первое напечатано у Кочубинскаго, прилож. IV, № 23, стр. CXLII—CXLIV; вторично помѣщено у Ягича, Источники, II, стр. 408—410. Это было частное письмо. Другое письмо отъ того же числа, вмѣстѣ съ „Условіями на щетъ чиновъ и пенсій, предлагаемыми г. Ганкѣ", сохранилось въ бумагахъ Ганки; оно помѣчено самимъ Кеппеномъ: „№ 2". „Проектъ" его напечатанъ, безъ точнаго обозначенія даты („послѣ 28 января"), у Ягича, Источники, II, стр. 403—405. Ганка здѣсь имѣетъ въ виду второе, оффиціальное сообщеніе, которое, совершивъ обычный канцелярскій путь, пришло въ Прагу значительно позже перваго, отправленнаго непосредственно Кеппеномъ.

предстояла публичная продажа библіотеки скончавшагося 8-го апрѣля графа Штернберга, заключавшей въ себѣ большое число чешскихъ рѣдкостей. Покупка эта могла положить хорошее основаніе для будущей Славянской библіотеки Академіи. Для дополненія этого собранія старыхъ книгъ, Ганка предполагалъ совершить „маленькое путешествіе" по Чехіи и Моравіи; кромѣ того, онъ не упускалъ изъ виду и необходимости пріобрѣтенія „вендицкихъ и поморянскихъ" книжекъ и рукописей, которыя можно было бы собрать „вылетомъ (par excursion) въ Будишинъ, Котвицы (Kotbus) и Щетинъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ, при такой поѣздкѣ открывалась возможность познакомиться на мѣстѣ „съ остатками сихъ нѣкогда расширенныхъ людовъ словянскихъ". Но осуществить эту поѣздку возможно было только при условіи оставленія службы въ Музеѣ, а по договору съ нимъ Ганка долженъ былъ отказаться отъ службы за полгода впередъ [1]). Если бы Академія признала полезнымъ поручить ему покупку книгъ за границей, то въ такомъ случаѣ ей необходимо было бы позаботиться и о безпошлинномъ пропускѣ ихъ въ Россію, при чемъ Ганка желалъ бы присоединить къ нимъ свои книги и другія вещи. Для приготовленія необходимыхъ списковъ съ рукописей, онъ проситъ у Академіи разрѣшенія нанять себѣ въ помощь копіиста, такъ какъ отправляться въ Петербургъ безъ намѣченныхъ имъ матеріаловъ было бы грѣшно. „Надѣюсь, писалъ Ганка далѣе, что библіотекарь, какъ это вездѣ обыкновенно, при библіотекѣ и выгодное жилище имѣетъ", но если бы таковаго не оказалось, то Ганка просилъ всетаки предоставить его. Въ письмѣ къ Кеппену 1 марта 1830 г. Ганка говоритъ о томъ же: для него нѣтъ вообще ничего против-

[1]) Объ этомъ же онъ писалъ Кеппену: „Какъ скоро довѣдаетесь что-нибудь твердаго о учрежденію или отверженію сихъ каѳедръ, прошу извѣстить меня поскорѣе, бо многократно способность имѣю купить книги нужныя богемскія и другихъ помежныхъ словянъ, которыхъ бы я въ нынѣшнемъ состояніи не купилъ для того, что въ библіотекѣ находятся, и также для того, что я долженъ по условію полугодовой отказъ дирекціи объявить". Конспектъ въ бумагахъ Ганки, въ библ. Чешск. Музея.

нѣе постоянныхъ переѣздовъ; при Музеѣ у него есть хорошенькая квартирка, при ней садикъ,—какъ тяжело ему будетъ разстаться съ ними, а особенно женѣ его!... Не менѣе интересуетъ его вопросъ о „дорожныхъ деньгахъ“. Академія назначила всѣмъ приглашаемымъ ученымъ на путевыя издержки по сто дукатовъ, при чемъ Кеппенъ въ письмѣ своемъ (отъ 29 января 1830 г.) къ Ганкѣ предупреждалъ его, что если эта сумма окажется недостаточною, то Академія по прибытіи ихъ въ Петербургъ, вѣроятно, возвратитъ имъ всѣ ихъ перерасходы.

Ганка, повидимому, не колебался въ своемъ рѣшеніи. Онъ съ нетерпѣніемъ, по его признанію, ожидалъ поры, когда наконецъ переселится „въ правленіе и въ покровительство великодушнѣйшаго въ свѣтѣ государя“. Но у него возникаютъ нѣкоторыя опасенія относительно того, какъ посмотрятъ на это дѣло австрійскія власти. Дабы избѣжать затрудненій съ этой стороны, Ганка преподаетъ Шишкову совѣтъ вести дѣло чрезъ посредство нашего посольства въ Вѣнѣ.

Съ такою же готовностью принялъ вторичное предложеніе и Челаковскій, отвѣтившій вмѣстѣ съ Ганкою 1-го марта н. ст. 1830 года: „Мы оба съ волненіемъ и истинной радостью встрѣчаемъ это приглашеніе, которое для насъ должно быть не только лестно, но и чрезвычайно пріятно уже потому, что оно открываетъ путь болѣе свободному развитію и примѣненію нашихъ силъ“. Иниціатору идеи созданія общаго славянскаго словаря и всѣмъ, кто содѣйствовалъ осуществленію ея, Челаковскій выражалъ глубочайшую благодарность и съ восторгомъ встрѣтилъ предложеніе Кеппена относительно путешествія по карпаторусскимъ областямъ: мысль объ этомъ путешествіи Кеппенъ, казалось, вычиталъ въ душѣ Челаковскаго! Въ отвѣтномъ письмѣ Кеппену онъ подтверждаетъ слова его о важности изученія языка карпаторусскаго населенія и замѣчаетъ, что предположенныя изслѣдованія на мѣстѣ будутъ имѣть особенное значеніе потому, что памятники языка русскаго населенія сѣверовосточной Венгріи и вспомогательные источники для изученія его чрезвычайно скудны. Однако, въ письмахъ Челаковскаго къ друзьямъ проскальзываетъ теперь нѣкоторая не-

рѣшительность, колебаніе. Поэтъ уже дважды напрасно стремился попасть въ Россію, — отсюда естественно нѣкоторое недовѣріе и къ новому призванію. Но ужасное матеріальное и нравственное положеніе поэта заставляетъ его искать лучшей доли. „Будь я на мѣстѣ Ганки, т. е. имѣй я столько же дохода, сколько онъ, я бы этого, конечно, не сдѣлалъ. Но что же для меня здѣсь остается, кромѣ горькаго будущаго, тяжелой борьбы изъ-за насущнѣйшихъ потребностей“, оправдываетъ онъ свое рѣшеніе въ письмѣ къ Камариту 3 февраля 1830 г. [1]).

Друзья поэта встрѣтили вѣсть о предстоящей разлукѣ съ неподдѣльнымъ огорченіемъ. Камаритъ, благословляя Челаковскаго на далекій путь, утѣшалъ себя только тѣмъ, что поэтъ будетъ полезенъ для своей родины, работая и въ Россіи [2]).

„Слышали вы, золотая сестрица“, писалъ онъ 17 февраля, на слѣдующій же день послѣ письма къ Челаковскому, монахинѣ Маріи-Антоніи, искреннему другу поэта, „что нашему трилистнику суждено раздѣлиться, что одна вѣточка нашей дружбы, а именно—Ладиславъ, будетъ пересажена далеко, далеко,—туда, гдѣ утреннее солнышко встаетъ надъ нашими братьями раньше, чѣмъ надъ милой Польшей. Подумайте, онъ собирается уйти отъ насъ на Русь! Если онъ въ самомъ дѣлѣ уйдетъ,—тяжела будетъ наша разлука, но мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что онъ будетъ вѣдь среди братьевъ. Кто знаетъ, какое дерево расцвѣтетъ тамъ для насъ изъ этой дорогой вѣточки; быть можетъ, подъ тѣнью его мы еще съ удовольствіемъ отдохнемъ и насладимся его рѣдкими плодами“ [3]).

Монахиня Марія-Антонія [4]), такъ же платонически обожавшая поэта, какъ и онъ ее, была поражена извѣстіемъ объ отъѣздѣ Челаковскаго. „Въ воскресенье, пишетъ она Челаков-

---

1) Sebr. l., str. 259.

2) Sebr. l., str. 262.

3) Письмо въ бумагахъ поэта у проф. Ладислава Челаковскаго въ Прагѣ.

4) О ней подробнѣе см. Bačkovský, Několik rozprav o F. L. Čelakovském, str. 91 — 97.

скому, мнѣ сообщили, какъ самую первую новость, что вы и Ганка займете въ Россіи хорошія мѣста, и что отъ обоихъ императорскихъ правительствъ получены уже извѣстія, что русское васъ приглашаетъ, а австрійское отпускаетъ! Эти вѣсти меня чрезвычайно испугали, ибо я думала, что раньше, чѣмъ я возвращусь съ богомолья, вы должны будете оставить Прагу. Не знаю, можете ли вы представить себѣ, какою болью исполнилось сердце мое. Вѣдь мы съ вами не поговорили еще о будущемъ. Сердце мое полно вопросовъ, на которые вы мнѣ должны еще отвѣтить. Прежде всего, относительно католическаго исповѣданія, будете ли вы въ состояніи свободно исповѣдывать его въ Россіи, и другіе вопросы“ [1]).

Челаковскій сталъ готовиться въ далекій путь. 11-го марта 1830 г. онъ проситъ Камарита, коему сообщаетъ объ окончательномъ рѣшеніи дѣла, не писать ничего объ отъѣздѣ другу Планку, дабы мать поэта не узнала объ этомъ раньше, чѣмъ онъ не поговоритъ съ нею самъ и не представитъ ей свои доводы. „Всѣ мои работы пріостановлены; надо теперь обратиться къ иному: рыться по библіотекамъ, отмѣчать и извлекать все важное для будущей дѣятельности въ Россіи, такъ какъ впослѣдствіи труднѣе было бы добыть все это, — такъ что я смотрю уже на себя, какъ на проѣзжаго черезъ Прагу“ [2]). Какъ ни тяжела была разлука друзей, противиться рѣшенію Челаковскаго или разубѣждать его никто не хотѣлъ. Камаритъ, успокоившись нѣсколько, и самъ сталъ иначе смотрѣть на дѣло. Онъ считаетъ предстоящій отъѣздъ Челаковскаго въ Россію уготованнымъ „доброю судьбою“. Прежнія попытки Челаковскаго искать счастія на Руси, его вѣра въ свою „звѣзду“, которая можетъ засіять только на далекомъ сѣверѣ, достаточно убѣдительно дѣйствовали на Камарита. „Не знаю, могъ ли бы я желать тебѣ счастія, и какъ подѣйствовала бы на меня предстоящая разлука, если бы я къ этому не былъ подготовляемъ, какъ тебѣ извѣстно, въ теченіе многихъ лѣтъ“. Желая поэ-

---

[1]) Sebr. l., str. 264, 534.

[2]) Sebr. l., str. 265 — 266.

ту всякаго счастія въ Россіи, Камаритъ прощается съ нимъ: „Съ этого времени мыслями моими я буду жить больше въ Россіи, нежели въ Чехіи“. Одно, впрочемъ, тревожитъ Камарита: „Святую Русь мы представляемъ себѣ больше въ идеальномъ образѣ, дѣйствительность бываетъ однако хуже“. Но въ утѣшеніе отъѣзжающему другу можно сказать одно: дѣйствительность эта будетъ не хуже, чѣмъ въ Чехіи. „Если мы Чехію возьмемъ таковою, какова она есть въ дѣйствительности, то для насъ не останется здѣсь ничего пріятнаго, кромѣ дорогихъ намъ людей“, заключалъ Камаритъ [1]).

Въ апрѣлѣ наконецъ получены были оффиціальныя „пригласительныя письма“. Условія приглашенія стали точно извѣстны. Повидимому, и Ганка и Челаковскій были довольны ими. Челаковскій поспѣшилъ познакомить съ ними Камарита и высказать свое мнѣніе о нихъ [2]). „Мнѣ, говоритъ онъ, особенно нравится то условіе, по которому по окончаніи службы разрѣшается направиться, куда угодно, и если меня не привяжутъ къ странѣ особенно сильныя узы, то я желалъ бы опять принести свои кости на родину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько мѣшковъ“... Путь свой Челаковскій, если не послѣдуетъ никакихъ измѣненій въ маршрутѣ, думаетъ направить предпочительно на Варшаву и Москву. Въ этомъ же письмѣ онъ проситъ Камарита собирать для него старыя чешскія книги, особенно — болѣе важныя, такъ какъ онѣ необходимы будутъ впослѣдствіи и для его занятій и пригодятся для Славянской библіотеки.

Приготовленія къ отъѣзду къ мѣсту новаго служенія свидѣтельствовали о томъ, что колебаній никакихъ не было, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ по полученіи пригласительныхъ писемъ. Это можно сказать о Ганкѣ и Челаковскомъ. Не такъ отнесся къ вторичному призыву Шафарикъ. Формальное приглашеніе, какъ было сказано, подписано было Кеппеномъ 29 января (10 февр.) 1830 г. Но Шафарикъ уже раньше имѣлъ свѣдѣнія отъ того же Кеппена о предстоявшемъ но-

[1]) Sebr. l., str. 266—267.
[2]) Въ письмѣ отъ 29 апрѣля 1830 г., Sebr. l., str. 272.

вомъ, на этотъ разъ со стороны Академіи, приглашеніи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ писемъ Шафарика и Кеппена, относящихся къ предварительнымъ моментамъ переговоровъ. Шафарикъ новымъ призывомъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. 11 февраля 1830 года онъ извѣщаетъ Коллара о полученномъ изъ Петербурга „новомъ предложеніи" и проситъ у него дружескаго совѣта, какъ ему быть въ этомъ дѣлѣ. Оно пока еще не рѣшено и должно быть представлено на утвержденіе Государя: этимъ временемъ надо воспользоваться и взвѣсить всѣ доводы за и противъ переселенія въ Россію.

Воображеніе Шафарика, которому весьма тяжело жилось въ Новомъ Садѣ, рисуетъ ему невеселыя картины жизни и въ Россіи. „У меня желаніе окончательно пропало", заявляетъ Шафарикъ и приводитъ свои доводы противъ отправленія въ Россію: 1) въ Петербургѣ—самая дорогая жизнь во всемъ свѣтѣ; 2) жена его въ Петербургѣ, подъ 60-ымъ градусомъ, гдѣ обыкновенный морозъ 30° R., и три мѣсяца не въ состояніи была бы дышать, а тѣмъ менѣе могла бы жить три года [1]).

Колларъ отвѣчалъ Шафарику уже 25 февраля и, разумѣется, обнадеживалъ его. Отвѣтъ, казалось Шафарику, заключалъ однако слишкомъ „сангвинистическія надежды".

---

[1]) Почти дословно то же повторяетъ Шафарикъ въ письмѣ къ Ганкѣ отъ того же 11 февраля 1830 г.: „Nepochybně už i vám známo, že ruská akademie vás a mne za bibliotekáře zvolila, s ročnými 4000 rubly Banko. P. Čelakovský za podbibliotekáře (?) obrán s 3000 rubly. Volení to ještě JM. Cárem stvrzeno býti má. To všecko mi psal P. Köppen. Možné li, račte mi své mínění v této věci upřímně a přátelsky oznámiti. Hotov li jste do Petrova jíti? Co se vám zdá o platu? Těch 4000 R. dělá tušim našich asi 1600 zl. stř.; ale v Petrově nejdražší žití v celém světě. Netroufám si, žebych v Petrově s 1600 zl. tak pohodlně, jako zde s 5—600, živ býti mohl, t. j. s rodinou a čeledí. Jsem li dobře zpraven, tedy i vy ženatý jste. Jiné nesnadnosti u mne vynikají ze slabého zdraví mé manželky, která pro své prsy pod 60 stupněm, kde obyčejná zima 30° Reum., sotvaby žiti mohla. Já tedy poněkud na rozpacích jsem, a chci věc tu dobře a všestranně rozvážiti, dříve než se k něčemu odhodlám. Vám snad o těch lednatých stranách něco více známo: protož dobře učiníte, jestli se mi tím vším zdělíte. Věc je vážná, důležitá". Письмо въ библ. Чешск. Музея.

Отвѣчалъ ли Шафарикъ Кеппену на его извѣщенія, мы не знаемъ. Въ мартѣ получено было отъ Кеппена новое письмо. Четвертаго марта н. ст. Шафарикъ пишетъ Коллару, что получилъ отъ Кеппена письмо съ сообщеніемъ о томъ, что проектъ утвержденъ Государемъ, и что черезъ нѣсколько недѣль будутъ отправлены въ Прагу призывныя грамоты (výzovné listy). „Я нѣсколько колеблюсь, но предвижу, что едва ли буду въ состояніи воспротивиться предстоящему мнѣ жребію и долженъ буду покинуть лоно друзей, соотечественниковъ и родины“, печально заключалъ онъ свое сообщеніе. Письмо Кеппена, видимо, встревожило Шафарика. Дѣло близилось къ концу, а близость развязки невольно пугала его. Извѣщая (4-го марта 1830 г.) Кеппена о полученіи писемъ его, Шафарикъ замѣчаетъ, что они были ударомъ, пробудившимъ его отъ спокойнаго сна. „Этого приглашенія я вовсе не ожидалъ“, заявляетъ онъ откровенно. Однимъ словомъ, Шафарикъ осторожно, тонкими намеками какъ бы отклоняетъ отъ себя лестное, но тяжелое для него, при его настроеніи, предложеніе.

Сомнѣнія Шафарика были велики и долго терзали его. Послѣ писемъ къ Коллару и Ганкѣ, 6 мая 1830 года онъ обращается съ просьбой помочь ему „дружескимъ совѣтомъ“ еще и къ Палацкому. „Я приглашенъ въ Петербургъ на одинаковыхъ съ Ганкой условіяхъ“, пишетъ ему Шафарикъ, подчеркивая послѣднія слова. Условія, очевидно, казались обидными. „Все время, говоритъ онъ далѣе, я былъ да и теперь нахожусь въ нерѣшимости! Я отвѣтилъ и наполовину согласился, лишь бы выиграть немного времени. Иначе поступить я не могъ; торопиться не слѣдуетъ: дѣло серьезное, важное. Но вслѣдъ за ближайшимъ письмомъ, которое придетъ изъ Петербурга, въ отвѣтъ на нѣкоторые мои вопросы, я долженъ буду окончательно рѣшить, ѣхать ли мнѣ, или нѣтъ! Такъ вотъ, сообщите мнѣ обстоятельное мнѣніе объ этомъ переселеніи вашемъ и другихъ друзей моихъ (Юнгманна одного и другого, доктора NB). Условія хорошія; жалованье 1600 гульд. сер. для Петербурга, правда, довольно скромное, но достаточное для того, чтобы не бояться голода. Больше всего меня устрашаетъ

холодъ, климатъ. Слишкомъ большая разница съ здѣшнимъ"... И Шафарикъ подробно излагаетъ климатическія условія Новаго Сада и сравниваетъ ихъ съ петербургскими, почерпая данныя для сравненія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдом., которыми снабжалъ его архіепископъ Стратимировичъ. „Я долженъ имѣть въ виду, заключаетъ онъ, свою жену, свекровь и нѣсколькомѣсячнаго ребенка. Моя жена такъ слаба грудью, что при такомъ холодѣ она едва ли могла бы выйти на улицу и дышать этимъ холоднымъ воздухомъ". 1 іюня 1830 г. онъ выражаетъ тѣ же свои опасенія Коллару: „Вижу, что здоровье моей жены и мои домашнія обстоятельства едва ли позволятъ мнѣ переселиться туда, на гиперборейскій сѣверъ". Черезъ мѣсяцъ (2-го іюля) онъ говоритъ уже объ опасной болѣзни жены. Онъ проситъ Палацкаго никому изъ друзей не сообщать о томъ, что Палацкій совѣтуется по его порученію, ибо въ такомъ случаѣ совѣты и мнѣнія ихъ будутъ несвободными.

„Ганка стоитъ на томъ, чтобы мы отправились, но ему легче идти, нежели мнѣ съ семьей", заканчиваетъ Шафарикъ свои доводы. Его смущаетъ еще и то обстоятельство, что дѣло можетъ получить огласку, а слухи о приглашеніи могутъ сильно повредить ему. Необходимо поэтому пока хранить все въ тайнѣ.

Такъ, 4 марта 1830 года, сообщая Коллару о приглашеніи, Шафарикъ предупреждаетъ его: „Пока вы никому о семъ дѣлѣ не говорите, по многимъ причинамъ. Мнѣ могло бы повредить, если бы поднялся шумъ. Вы знаете, что у насъ, славянъ, много соперниковъ и враговъ, которые, словно змѣи, подкарауливаютъ насъ. Меня легко могли бы очернить, донести на меня, какъ на руссофила (rusolibce), измѣнившаго своему отечеству. Вѣдь я пока еще и не знаю, согласится ли правительство, меня невиннаго такъ попиравшее и угнетавшее, выдать мнѣ паспортъ для выѣзда! Что же было бы, если бы я долженъ былъ остаться здѣсь и подвергся бы преслѣдованіямъ, какъ руссофилъ! Поэтому до поры до времени объ этомъ дѣлѣ молчите и будьте осторожны".

Но обращеніе за совѣтами къ друзьямъ дѣлалось, конечно, только для успокоенія своего мятущагося сомнѣніями ду-

ха, для очистки совѣсти. Рѣшивши, очевидно, отказаться отъ приглашенія въ Россію, Шафарикъ, въ своемъ нервномъ возбужденіи, ждалъ только совѣтовъ добрыхъ друзей, чтобы успокоиться, если ихъ мнѣнія совпадутъ съ его взглядами на волновавшее его дѣло. „Обращаюсь къ вамъ вообще потому, говоритъ онъ Палацкому въ томъ же письмѣ отъ 6 мая 1830 г., что вы въ предыдущемъ письмѣ выразились, что о приглашеніи меня въ Петербургъ не хотите и слышать. Вы — до сихъ поръ единственный человѣкъ, который склоняется на мою сторону. Колларъ на вѣчныя времена меня предастъ осужденію (zatratí), если я не пойду: онъ считаетъ меня Мессіей, каковымъ я, конечно, себя не считаю. Чувствую и хорошо знаю, что у меня нѣтъ къ этому призванія. Несомнѣнно, что, какъ писатель, я въ Петербургѣ принесъ бы больше пользы славянскимъ народамъ, нежели здѣсь. Но и здѣсь я не бездѣйствую, я работалъ и сдѣлалъ достаточно и тамъ, гдѣ объ этомъ ничего не говорилось... Имѣяй очи и уши да видитъ и слышитъ“...

Шафарикъ высказываетъ далѣе надежду, что если онъ еще нѣсколько лѣтъ пробудетъ въ Новомъ Садѣ, то ему откроется тогда, быть можетъ, иной путь: „Въ Австріи едва ли, — хотя omnia iam fient, если вы, евангеликъ, сдѣлаетесь чешскимъ исторіографомъ, — но, можетъ быть, въ Германіи“. Надежды свои на Германію Шафарикъ основывалъ на какомъ-то туманномъ сообщеніи Копитара, со словъ Пуркине, о томъ, что Берлинскій университетъ, точнѣе — нѣкоторые члены его, еще въ 1829 г. предложили пригласить Шафарикъ въ качествѣ профессора [1]). 14-го іюня 1830 г. онъ обращается къ Пуркине, съ просьбой объяснить ему суть дѣла и оказать свое содѣйствіе: „Я не имѣю удовольствія знать ни одного изъ тамошнихъ профессоровъ, поэтому для меня совершенная загадка, какъ это случилось, что берлинскій университетъ, при его отдаленности, обратилъ на меня свое вниманіе. По дружескому совѣту Копитара обращаюсь къ вамъ съ просьбой и вопросомъ — объяс-

---

1) Slov. Sborn., V, 1887, str. 45 — 46. А. А. Кочубинскій, Нач. годы, стр. 309.

нить все это дѣло, столь для меня важное: какая каѳедра свободна, и на какую я имѣю быть приглашенъ? Занята она уже? Въ случаѣ, если не занята, есть ли надежда, что выборъ падетъ на меня? Признаюсь, дѣятельность въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, а особенно въ прусскомъ, была бы мнѣ очень желательна, даже если бы она осуществилась и позже... Нѣмецкому климату, который мнѣ знакомъ, я отдалъ бы предпочтеніе и предъ нашимъ“ [1]).

Къ этимъ внѣшнимъ доводамъ Шафарика присоединяются тревоги чисто внутренняго, нравственнаго характера. Шафарикъ не вѣритъ вообще въ возможность улучшенія своего положенія въ будущемъ, не считаетъ себя и пригоднымъ для выполненія высокихъ задачъ на Руси и свои сомнѣнія выражаетъ въ письмѣ къ Палацкому отъ 14 іюня 1830 г. [2]): „Я опасаюсь, что, какъ до сихъ поръ здѣсь счастье неособенно мнѣ улыбалось, такъ не ожидаетъ оно меня и въ Петербургѣ. До сихъ поръ я еще не далъ своего согласія, не обѣщалъ. Радуюсь прежде всего тому, что Ганка и Челаковскій идутъ въ Россію. Если бы я не могъ отправиться, Академія легко восполнитъ недостатокъ, если вообще таковой будетъ чувствоваться. Я и здѣсь могу быть славянамъ полезнымъ; я не столь высокаго о себѣ мнѣнія, чтобы считать свой отказъ общею потерею, какъ думаетъ Колларъ и др.“

Такъ же скроменъ Шафарикъ во взглядѣ на свою ученую дѣятельность и въ письмѣ къ Коллару отъ 8 іюня 1830 года: „Ганка и Челаковскій пойдутъ, и этого нынѣ будетъ достаточно. Вообще, я не могу иначе думать о себѣ, чѣмъ такъ, какъ

---

[1]) 25-го октября 1830 г. Шафарикъ объ этомъ намѣреніи сообщаетъ Коллару: „Если не пойду въ Петербургъ, тогда направлюсь въ Германію (do Němec), куда меня тоже зовутъ, во Вратиславль и пр., хотя бы вы меня за это и камнями побили“. Обширнѣе пишетъ онъ ему о томъ же 5 ноября 1832 г. См. біографію Шафарика въ Slovníku Naučném (Ригра).

[2]) Переписка Шафарика съ Палацкимъ приготовляется къ печати Д-ромъ В. И. Новачкомъ, любезно разрѣшившимъ намъ просмотрѣть относящіяся къ разсматриваемому вопросу письма.

думаю,—скромно. Сдѣлаться реформаторомъ у меня нѣтъ призванія, а своимъ, какъ донынѣ, я могу послужить и здѣсь"[1]).

Въ отвѣтъ на предложеніе Академіи Шафарикъ высказалъ свои нѣкоторыя условія, на которыхъ онъ, правда, не настаивалъ, но все-таки желалъ бы знать взглядъ Академіи на нихъ. Но переписка съ Академіей и вообще съ русскими людьми шла чрезвычайно медленно и сопряжена была съ огромными затрудненіями и невѣроятными расходами.

Положеніе Шафарика все еще не выяснялось и къ августу 1830 г. Врачи рѣшительно, между тѣмъ, запретили женѣ его столь длинный путь, не говоря уже о постоянномъ пребываніи въ суровомъ сѣверномъ климатѣ. Шафарику было надъ чѣмъ призадуматься. Но оба пражскихъ кандидата нимало, повидимому, не колебались. 30 сентября 1830 года Шафарикъ пишетъ Ганкѣ: „Относительно вашего и Челаковскаго отъѣзда въ Петербургъ я не сомнѣваюсь. Не знаю, захватитъ ли васъ еще въ Прагѣ это письмецо. Я писалъ въ Петербургъ, что по домашнимъ обстоятельствамъ раньше весны 1831 г. о выѣздѣ въ Россію я и думать не могу. И такъ какъ дѣло это, во всякомъ случаѣ, должно быть отложено до этого времени, то я приложилъ къ письму нѣкоторые вопросы и просьбы, полагая, что времени для отвѣта будетъ достаточно". „Если Академіи, заключалъ онъ, важно имѣть меня въ числѣ своихъ чиновниковъ и работниковъ, она должна терпѣливо отнестись къ моему опозданію. Я думаю, что это дѣло можетъ совершиться, когда вы уже будете въ Петербургѣ".

Шафарикъ, какъ оказывается, просилъ у Академіи: 1) чтобы ему отведена была въ академическомъ зданіи безплатная (bez platu čili darmo) квартира; 2) чтобы онъ, при переѣздѣ въ Россію, освобожденъ былъ на границѣ отъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ, такъ какъ особенно много пришлось бы ему уплатить за свои книги, а безъ книгъ, заявлялъ онъ, ѣхать въ Петербургъ было бы безуміемъ, ибо въ нихъ тамъ великій недостатокъ. Самъ Кеппенъ, частнымъ образомъ, совѣтовалъ

[1]) Письма Коллара къ Ганкѣ въ библ. Чешск. Музея.

Шафарику обратиться съ ходатайствомъ къ президенту Академіи объ освобожденіи отъ пошлины всего того, что необходимо будетъ для его научныхъ занятій въ Россіи. Онъ предупреждалъ Шафарика о пошлинѣ съ переплетенныхъ книгъ.

Отвѣта на эти вопросы до конца сентября все еще не было. „Я не желаю для себя ничего такого, откровенно говорилъ Ганкѣ Шафарикъ, чего бы и вамъ въ то же время отъ души не желалъ, и чего бы и вы не могли достигнуть, но думаю, что надо быть осторожнымъ. Правда, 4000 рублей — прекрасное содержаніе, тѣмъ не менѣе, для Петербурга, гдѣ дороговизна больше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ городѣ Европы, оно немного значитъ“.

Заботы о матеріальномъ обезпеченіи, которыми обыкновенно столь охотно попрекаютъ Ганку, одинаково занимаютъ и Шафарика. Онѣ были настолько естественны, вызывались такими основательными соображеніями, что нѣтъ положительно ничего удивительнаго и недостойнаго въ этихъ „неидеальныхъ“ условіяхъ обоихъ безкорыстно, но съ различными результатами, преданныхъ наукѣ мужей. Шафарикъ весьма основательно пояснялъ въ томъ же (30 сент. 1830 г.) письмѣ къ Ганкѣ причину его новыхъ, дополнительныхъ требованій отъ Академіи. „Прежде всего, говорилъ онъ, я желалъ бы, чтобы Академія хорошо обезпечила всѣмъ своихъ работниковъ,—иначе, дѣло будетъ хромать. Въ нуждѣ и голодѣ нельзя созидать пирамиды: мы знаемъ это по опыту. Я такъ мало забочусь о личной выгодѣ, что буду радоваться, если ваши условія будутъ улучшены для общаго блага, хотя бы мнѣ пришлось остаться здѣсь“.

Но Академія на всѣ запросы ничего не отвѣчала. И въ октябрѣ 1830 г. Шафарикъ все еще не можетъ сообщить Палацкому ничего положительнаго относительно переѣзда въ Петербургъ. Переговоры Ганки и Шафарика съ Академіей ни къ чему, такимъ образомъ, не приводили. Шафарикъ понималъ, что постоянные запросы и отсрочки произведутъ въ Академіи неблагопріятное впечатлѣніе. 4-го ноября 1830 г. онъ высказываетъ свои опасенія по этому поводу въ письмѣ къ Ганкѣ: „Меня поразило ваше сообщеніе, что вы едва ли и къ осени соберетесь въ путь, тѣмъ болѣе, что здѣсь распространился слухъ,

что вы и вашъ другъ Челаковскій потеряли всякое желаніе переходить въ Петербургъ. Я, въ самомъ дѣлѣ, опасаюсь, что эти наши откладыванія и проволочки встрѣтятъ дурной пріемъ въ Академіи. Что касается меня, то постоянная слабость и недомоганіе моей жены были причиною того, что я просилъ объ отсрочкѣ, тѣмъ болѣе, что съ маленькимъ ребенкомъ и нянькой путешествовать нельзя. У васъ ничего этого нѣтъ, и все-таки вы кладете столь долгій срокъ, тогда какъ мы здѣсь полагали, что вы уже находитесь въ пути. Это однако дурное предзнаменованіе (zlé augurium) для нашихъ новыхъ міровъ и чаяній!" Какъ бы подъ вліяніемъ этихъ дурныхъ предзнаменованій, не обѣщающихъ ничего добраго въ ближайшемъ будущемъ, Шафарикъ выражаетъ желаніе еще на нѣкоторое время остаться дома: положеніе, быть можетъ, болѣе выяснится, и тогда можно будетъ принять уже окончательное и безповоротное рѣшеніе. Съ одной стороны, удерживало его отъ рѣшительнаго шага молчаніе Академіи, съ другой—нежеланіе разстаться съ драгоцѣнными для его будущихъ плановъ сокровищами и намѣченными уже задачами.

„Признаюсь, говоритъ Шафарикъ, что хорошо было бы, если бы мы могли собрать здѣсь заблаговременно матеріалы для своихъ будущихъ работъ". Всего только годъ, какъ онъ сталъ разыскивать, переписывать и покупать памятники старой сербской письменности. Дѣло это — нелегкое. Онъ перечисляетъ пражскому корреспонденту своему важнѣйшія пріобрѣтенія,— сокровища и для изученія стараго чешскаго языка. Разставаться съ такими богатствами, уйти отъ обильнаго ими источника Шафарику было тяжело. „Если бы я хоть одинъ годъ еще могъ пробыть здѣсь, то тогда я еще больше насобиралъ бы. Въ близкой Сербіи сохранилось мало,—въ глубь ея проникнуть нельзя. Неизбѣжно необходимо для насъ имѣть полный списокъ книгъ и рукописей славянскихъ, имѣющихся на каждомъ нарѣчіи. Безъ этого мы ничего не сдѣлаемъ,—ignoti nulla cupido"... Шафарикъ указываетъ далѣе, что въ настоящее время онъ занимается югославянскою письменностью, заканчиваетъ исторію сербской литературы. Къ будущей дѣятель-

ности библіотекаря Славянской библіотеки онъ готовится съ обычною добросовѣстностью и основательностью.

Для организаціи этой библіотеки онъ задумываетъ составить „полную регистратуру всеславянскихъ книгъ и рукописей“ („Bibliothecam Slavicam“), на основаніи которой впослѣдствіи дѣйствительно могла бы быть образована первая всеславянская библіотека въ Петербургѣ. Съ этою цѣлью Шафарикъ взялъ на себя задачу составить, при содѣйствіи нѣкоторыхъ друзей, полную исторію литературы сербской, хорватской, далматинской и словинской (виндицкой). Обширную программу помогаютъ выполнить пражскіе друзья. „Ганка, вмѣстѣ съ учеными лужичанами, пишетъ Шафарикъ Коллару 8 ноября 1830 г., соберетъ еще нынѣшней зимой всѣ колосья на лужицкихъ поляхъ. Остаются еще словаки“... Эту задачу долженъ взять на себя Колларъ. Чопъ изъ Любляны послалъ Шафарику рукопись прекраснаго и полнаго обзора словинской литературы, около 30 листовъ; изъ Будишина Лубенскій прислалъ полный списокъ лужицкихъ книгъ, къ сожалѣнію, — съ нѣмецкими заглавіями. Славонскій епископъ Сучичъ (Sucsich), въ Дьяковарѣ, предложилъ особымъ циркуляромъ священникамъ и монастырямъ составить для Шафарика каталоги извѣстныхъ имъ „иллирскихъ книгъ“ [1]). Изъ этихъ частныхъ собраній должна была составиться Bibliotheca Slavica universalis, полная регистратура всеславянской литературы, задуманная русской Академіей. Переѣздъ въ Россію прервалъ бы эти занятія. „Въ виду этого, доказываетъ Шафарикъ, въ самомъ дѣлѣ, было бы хорошо, если бы Академія захотѣла пообождать. Этимъ можно было бы удовлетворить и моимъ домашнимъ нуждамъ и интересамъ Академіи“. Но еще разъ повторяетъ онъ вполнѣ основательное опасеніе, что затягиваніе дѣла будетъ непріятно Академіи, что въ концѣ концовъ все это дѣло разстроится, и убѣждаетъ Ганку: „Вы ближе къ Петербургу, поэтому старайтесь, чтобы все шло хорошо. Прошу васъ объ одномъ: соблаговолите, по крайней мѣрѣ, меня, въ свое

---

[1]) Письма къ Коллару отъ 18 января, 1 сентября и 18 декабря 1831 г., въ библ. Чешскаго Музея.

время извѣстить, какъ дѣло это двигается или обстоитъ". Такимъ образомъ, Шафарикъ не отказывается еще окончательно отъ мысли о переселеніи: онъ только заботится о томъ, чтобы совершить его при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Жизнь въ Новомъ Садѣ побуждала его искать выхода изъ крайне тяжелаго положенія. Пребываніе въ Новомъ Садѣ казалось Шафарику только временной остановкой въ гостиницѣ, на ночлегѣ, но не жизнью на постоянной квартирѣ. Мысль уйти куда-либо изъ Новаго Сада непрестанно занимаетъ его. „Какъ только подуетъ мало-мальски благопріятный для меня вѣтерокъ, я улечу отсюда хотя бы и въ Америку", говоритъ онъ о своей завѣтной мечтѣ въ письмѣ къ Палацкому 30 декабря 1831 г.

Обыкновенно крайне сдержанный въ письмахъ къ друзьямъ, Шафарикъ теперь нерѣдко повторяетъ свои жалобы на невыносимо-тягостное положеніе въ Новомъ Садѣ, на всѣ тѣ безконечныя непріятности и невзгоды, которыя приходится переносить ему и его семьѣ среди „полутурокъ" и „сброда бездушныхъ безбожниковъ", новосадскихъ сербовъ. „Тринадцать лѣтъ потерялъ я здѣсь, говоритъ Шафарикъ, не принесши пользы сербамъ и приведши себя на край пропасти. Уже нѣсколько лѣтъ я озираюсь, гдѣ бы мнѣ можно было пріятнѣе и удобнѣе устроиться среди славянъ, при томъ такъ, чтобы мои литературныя занятія не были прерваны или совсѣмъ разбиты". Иногда онъ какъ будто отчаивается въ возможности найти такой уголокъ среди славянства. „Если мнѣ это не удастся, я уйду изъ славянства и заберусь куда-нибудь къ нѣмцамъ, чтобы хоть кости свои сложить на нѣмецкой землѣ, ибо не нахожу для нихъ мѣста на славянской". Удерживаетъ его въ Новомъ Садѣ единственно желаніе собрать по возможности больше матеріаловъ для своихъ научныхъ трудовъ. Вообще, долговременное пребываніе Шафарика въ „сербскихъ Аѳинахъ" имѣло, при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ существованія здѣсь, чрезвычайно благотворное вліяніе на развитіе ученой дѣятельности его.

Шафарикъ непрестанно колебался. Ганку нерѣшительность его, очевидно, волновала, и Шафарикъ объ этомъ не могъ не знать. Въ письмѣ къ Палацкому отъ 10 января н. ст. 1831 г.

Шафарикъ оправдывается въ своей медлительности: онъ проситъ передать Ганкѣ, что онъ ошибается, если думаетъ, что кунктаторство его, Шафарика, является причиной неполученія дальнѣйшихъ извѣстій и распоряженій изъ Петербурга и, такимъ образомъ, тормозитъ разрѣшеніе всего дѣла. „Я въ этомъ рѣшительно не виновенъ“, заявляетъ Шафарикъ. „Я ясно писалъ, что мои условія—не больше, какъ желаніе, что я готовъ ѣхать, хотя бы то, чего я требую, и не могло быть мнѣ разрѣшено, и въ этомъ отношеніи я жду только распоряженія, приказанія“. „Какъ разъ сегодня, пишетъ Шафарикъ Ганкѣ спустя нѣсколько дней (18 января 1831 года), получены мною два письма: одно отъ президента Академіи Шишкова, а второе отъ коллежскаго совѣтника г. Петра Гетце (Goetze), переводчика сербскихъ и русскихъ пѣсенъ“ [1]). Такъ какъ оба письма въ одинаковой степени касались и Ганки, то Шафарикъ сообщилъ ему выдержки изъ нихъ. Изъ письма Шишкова Шафарикъ узналъ, что Академія не можетъ предоставить ему казенную квартиру, о которой онъ хлопоталъ. Время отъѣзда въ Россію Академія не опредѣляла точно, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію самого Шафарика. Но Шишковъ не преминулъ замѣтить, что намѣреніе Шафарика прибыть въ Россію только къ началу 1832 г. едва ли благосклонно будетъ встрѣчено Академіей; впрочемъ, въ виду того, что болѣе продолжительная отсрочка отъѣзда въ Россію дастъ Шафарику возможность закончить начатыя имъ ученыя работы, Академія касательно срока выѣзда не желаетъ оказывать рѣшительно никакого давленія. Мѣсто въ Академіи осталось бы за Шафарикомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ пожелалъ еще нѣсколько лѣтъ остаться въ Новомъ Садѣ для окончанія своихъ трудовъ. Но далѣе слѣдовало одно весьма существенное условіе: только со дня выѣзда Шафарика въ Россію началась бы выдача ему содержанія. Надъ этимъ условіемъ нельзя было не задуматься. Академія, какъ сообщалъ

---

[1]) Въ тотъ же день онъ писалъ и Коллару по поводу этихъ непріятныхъ отвѣтовъ: „Vidíte, že nordický kolos všady kolosálně kráčí a po nás, jako po červicích pošlapuje. Jest to pravá zruta, to sibérické hrdinstvo!“

Шишковъ далѣе, согласна пріобрѣсти всѣ рукописи и рѣдкія книги, которыя Шафарикъ привезетъ съ собою; кромѣ того, она благосклонно предлагала свое содѣйствіе въ изданіи еще не напечатанныхъ трудовъ Шафарика.

Сообщивъ Ганкѣ содержаніе самой существенной части письма Шишкова, Шафарикъ высказываетъ предположеніе, что, по всей вѣроятности, отсутствіе Кеппена является причиною столь медленнаго хода дѣла въ Петербургѣ. „Что касается меня, заключаетъ свое письмо Шафарикъ, то я, если не отправлюсь осенью, навѣрно пущусь въ путь весною будущаго 1832-го года. Откладывать дѣло далѣе было бы, по моему мнѣнію, и неприлично и вредно. Либо сюда, либо туда,—одно изъ двухъ!“ Но раньше отъѣзда надо закончить начатыя огромныя работы („Herculis aerumnas“). Обстоятельства складываются весьма неблагопріятно, но это не устрашаетъ Шафарика: утопающіе пріобрѣтаютъ вдругъ большую силу, и счастіе имъ иногда улыбается. Этого рѣшенія Шафарикъ твердо держится до конца 1831 года. По крайней мѣрѣ, письмо его къ Палацкому отъ 30 декабря этого года ясно свидѣтельствуетъ о готовности его отправиться въ Петербургъ по первому призыву Академіи, которая сама, разрѣшеніемъ ему остаться въ Новомъ Садѣ, сколько онъ пожелаетъ, еще болѣе отдаляла его выѣздъ. „Что касается приглашенія моего въ Петербургъ, писалъ онъ Палацкому, то признаюсь вамъ откровенно, что я всей душой готовъ идти туда и что въ прошедшемъ году я только потому просилъ объ отсрочкѣ, что ни домашнія мои обстоятельства, ни начатыя работы не позволяли мнѣ тотчасъ же отправиться въ путь. Академія, какъ я писалъ о семъ Ганкѣ, разрѣшила мнѣ остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока я буду считать это необходимымъ: мѣсто, дескать, будетъ для меня готово, даже если бы я захотѣлъ и могъ переселиться туда по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Если Академія останется при этомъ, то я раньше или позже отправлюсь на сѣверъ, чтобы тамъ... замерзнуть. Ожидая съ нетерпѣніемъ часа, когда можно будетъ бѣжать отсюда, я пользуюсь послѣдними моментами для собиранія необходимыхъ для моихъ плановъ матеріаловъ. Это—моя первѣйшая обязанность, вытекаю-

щая изъ моего географическаго положенія. Если я уйду отсюда, повѣрьте, другъ мой, здѣсь не найдется никого, кто довершилъ бы то, что я началъ".

Но разрѣшеніе, данное Академіей Шафарику, не касалось Ганки и Челаковскаго. Относительно послѣднихъ Академія молчала. Это безпокоило Челаковскаго. Желая выяснить свое положеніе, онъ обращается 30 марта (11 апр.) 1831 г. съ письмомъ къ Шишкову. Уже больше года прошло со времени оффиціальнаго извѣщенія Кеппена (29 янв. 1830 г.), но съ тѣхъ поръ никакихъ извѣстій въ Прагѣ не имѣется. Не хочется думать Челаковскому, чтобы Академія отказалась отъ своего намѣренія, въ высокой степени важнаго для всѣхъ славянскихъ литературъ. Шафарикъ между тѣмъ писалъ Челаковскому, что его подготовительныя работы настолько подвинулись впередъ, что до истеченія 1831 г. онъ могъ бы быть въ Петербургѣ; самъ Челаковскій и Ганка тоже закончили свои приготовленія, слѣдовательно, откладывать отъѣздъ свой больше не зачѣмъ [1]).

Шафарикъ могъ, конечно, послѣ отвѣта Шишкова спокойнѣе выжидать будущаго. Его тревожило только одно: возможность огласки предложенія Академіи. Все дѣло о переговорахъ съ Петербургомъ Шафарику желательно было сохранить, по возможности, въ тайнѣ. Дабы не вызвать никакихъ подозрѣній и не повредить себѣ, онъ никому о приглашеніи Академіи не говорилъ, но вѣсти объ этомъ приносили изъ Пешта новосадскіе купцы. Шафарика это безпокоило. Онъ проситъ Коллара (19 іюня 1832 г.) пользоваться всякимъ случаемъ для того, чтобы каждаго, кто заговоритъ о призваніи Шафарика въ Россію, убѣдить въ неосновательности этихъ слуховъ; говорить вообще о томъ, что дѣйствительно *думали было* пригласить его, но что у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія покинуть Австрію; что, напротивъ, онъ страстно желаетъ вѣчно пребыть въ ней. Опасенія и подозрительность Шафарика имѣли свое достаточное основаніе. Друзья сообщали ему кое-какія выдержки изъ политическихъ памфлетовъ и журналовъ, которыя, хотя и не отно-

[1]) Письмо это въ собственноручной копіи Челаковскаго сохранилось въ библіотекѣ Чешск. Музея. См. прилож., стр. X—XI.

сились прямо къ Шафарику, заключая клеветы на все вообще славянство, однако заставляли его быть осторожнымъ [1]).

Еще разъ просьбу о дискретномъ молчаніи повторяетъ Шафарикъ въ письмѣ къ Коллару отъ 29 мая 1832 г.: „Прошу васъ, другъ мой, и Гамульяка о приглашеніи меня въ Петербургъ въ присутствіи другихъ говорить осторожно, какъ о дѣлѣ совершенно частномъ, т. е., что меня спрашивалъ только одинъ изъ друзей, но что я и не думаю уходить и пр. и пр.“

Ко всему этому присоединялись новыя тревоги. Печальныя событія 1831 года, несомнѣнно, оказали большое вліяніе на рѣшеніе Шафарика не торопиться съ окончаніемъ вопроса [2]).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19 іюня 1831 г. Шафарикъ сообщаетъ Коллару выписки изъ двухъ писемъ къ нему. Одинъ изъ друзей предупреждалъ его: „In Dresden (pseudoloco Paris, Carl Heideloff, 1831) ist ein Pamphlet über die polnische Frage erschienen. Dort wird, p. 2 oder 3, gesagt, dass Russland böhmischen und ungarisch-slawischen Gelehrten ansehnliche Jahrgehalte bezahlt. Nejedlý trägt es in Prag umher und zeigt auf Hanka. Glücklich, dass Sie in Neusatz keinen Nejedlý haben und nicht etwa z. B.... ein persönliches Interesse daran hat, Sie zum russ. Spion zu stempeln“.

Въ другомъ письмѣ сообщалось слѣдующее:

„In der Revue britannique, nouvelle série (seit Juli), № 7, die in Ungarn viel gelesen wird, weil sie wirklich eine gute Auswahl aus allen englischen Journalen in französ. Übersetzung enthällt, ist ein Artikel: Les forces militaires de l'Autriche, aus dem New Monthly Magazine, also wohl verwandt mit Bowring. Das Ende ist, dass Oesterreich bloss seine deutschen Soldaten treu bleiben, alle übrigen Nationen aber abfallen würden. Zeichen dieser Gesinnung sei das Museum in Prag, wo die böhm. Alterthümer etc. concentrirt seien, insbesondere aber *Kollár's Sonnettenband auf Slavien*, der einmal Russland, das sieggekrönte etc., herbeirufe. Sie sehen, was es heisst, wenn man sich mit Freund Schreier, wie Bowring, einlässt. Es sollte mich nicht wundern, wenn in Folge dieses Artikels Kollár inquirirt würde. Sie kennen ihm, wenn Sie glauben, einen Wink darüber geben etc. oder per alium zukommen lassen, falls er schon *in geheimer* Beobachtung wäre. Wenigstens werden seine Feinde sich diese Gelegenheit nicht entgehen lassen, ihm zu necken, wo nicht zu verderben“ etc.

[2]) Такъ, 3 марта 1831 г. онъ пишетъ Ганкѣ: „Co se našeho odchodu do S. Petrohradu týče, dobře jste tušili, že ta věc času potře-

Въ это время совершенно ясно опредѣлились симпатіи Шафарика, скорбѣвшаго душою о кровопролитномъ спорѣ двухъ братскихъ народовъ, и обнаружилось въ полной мѣрѣ недовѣріе и нерасположеніе къ русскому правительству, которое онъ называетъ не славянскимъ, а „нѣмецко-скандинавско-монгольскимъ“.

„Признаюсь вамъ, пишетъ Шафарикъ Коллару 18 января 1831 года, что я непрестанно вздыхаю ко Господу, чтобы онъ какъ-нибудь ex machina помогъ этому несчастному народу, и эта мысль денно и нощно занимаетъ меня, такъ что съ трепетомъ жду газетныхъ сообщеній съ каждой почтой“. Шафарикъ доказываетъ Коллару, что славянское единеніе, возможное только въ *духѣ и любви*, не мыслимо между этими двумя ополчившимися другъ на друга народами. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, эти наполовину онѣмеченные и наполовину (что касается характера) отатаренные сѣверяне плохо поняли это соединеніе, полагая, что заговоромъ Екатерины и союзомъ съ предателями и естественными, главными и кровожадными врагами славянскаго народа и затѣмъ расчлененіемъ благороднѣйшаго и воистину рыцарскаго славянскаго племени можетъ быть положено основаніе будущему соединенію славянъ! Зло, содѣянное отцами, и ихъ грѣхи слѣдовало исправить сынамъ, и они могли это сдѣлать, но нѣтъ, — они довершили этотъ грѣхъ! Мы всѣ должны вѣчно и горько оплакивать судьбу этого рыцарски-благороднаго и геройскаго народа“. Полякъ и полька для Шафарика — идеалъ славянина и славянки; всѣ прочіе, и независимые и подчиненные, славяне, по его мнѣнію, — только бастарды. Всѣ подчиненныя славянскія племена пережили себя, они никогда больше не возстанутъ для новой политической жизни. „Если вы полагаете, что подъ шестидесятымъ градусомъ когда-либо разовьется и расцвѣтетъ *истинная славянская жизнь*, тогда я не могу и не хочу спорить съ вами, — я къ этому мнѣнію никогда не присоединюсь. Величіе, которому мы

buje. Nastávající bouřlivé časy nevím co ještě přinesou. Já ze své strany nepřestanu na svém předsevzetí setrvávati a všemožně k dosažení žadoucího cíle se připravovati“.

всѣ удивляемся, есть въ дѣйствительности ужаснѣйшій военный деспотизмъ, только формой своей отличающійся сильно отъ римскаго деспотизма временъ Нерона и др. или нынѣшняго турецкаго, но по существу своему мало отъ нихъ отличающійся. Вы сами хорошо знаете, что во многихъ отношеніяхъ (что касается свободы мысли и слова) турецкое правительство гораздо либеральнѣе, нежели правительство сѣверное". Многія явленія русской общественной жизни напоминаютъ ему режимы вавилонскій, египетскій и пр. Судьба этого колосса, по убѣжденію Шафарика, будетъ та же, что и судьба вавилонянъ, египтянъ, римлянъ. Въ своемъ мрачномъ скептицизмѣ и отрицаніи славянскихъ началъ въ настоящемъ и будущемъ русской жизни Шафарикъ идетъ еще далѣе. „Роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина и пр. и пр., говоритъ онъ, суть цвѣты диллетантизма; садъ, въ коемъ они возрасли, — не народъ славянскій. Безъ политической жизни народы—нули; на сѣверѣ народъ— ничто, рѣшительно ничто, и даже еще меньше, чѣмъ ничто. Подъ 60 градусомъ никогда не возникнутъ *славянскія Аѳины*, ибо безъ свободы нѣтъ Аѳинъ!"

Въ паденіи Польши Шафарикъ оплакиваетъ паденіе всего славянства. „Здѣсь, здѣсь, другъ мой, и должно было и могло быть то, къ чему мы всѣ стремимся и до чего ни мы, ни наши потомки никогда не доживемъ". Подобные взгляды Шафарикъ высказываетъ неоднократно, вопреки мнѣніямъ Коллара, Ганки и др. Нельзя поэтому нисколько удивляться „кунктаторству" Шафарика, его непрестаннымъ колебаніямъ и нерѣшительности. При такомъ настроеніи вести переговоры съ Академіей и ждать рѣшительнаго момента, чтобы сняться съ мѣста, было тяжело. Часъ переселенія поэтому не только не приближался, но, напротивъ, все болѣе и болѣе отдалялся. Надо думать, что въ Академіи скоро поняли истинное настроеніе Шафарика.

Есть темное извѣстіе, говоритъ А. А. Кочубинскій, что въ Академіи рѣшили не только не торопить библіотекарей Славянской Библіотеки съ прибытіемъ, но, въ отмѣну приглашенія чрезъ Кеппена, просить ихъ ждать новаго приглашенія, и въ этомъ рѣшеніи какъ будто виднѣется рука практическаго Спе-

ранскаго [1]). Участіе Сперанскаго въ этомъ рѣшеніи не подлежитъ сомнѣнію. Но Сперанскій дѣйствовалъ по просьбѣ Ганки, выяснившаго ему положеніе дѣла. Ганка, безъ всякаго сомнѣнія, хлопоталъ объ измѣненіи первоначальнаго плана, оказавшагося для вызываемыхъ, по крайней мѣрѣ, для двоихъ изъ нихъ, неудобнымъ, и просилъ о разрѣшеніи приглашаемымъ Академіей библіотекарямъ работать надъ Словаремъ у себя дома. Пребываніе Сперанскаго лѣтомъ 1830 г. на чешскихъ водахъ облегчило Ганкѣ эти хлопоты. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ письма Сперанскаго, изъ Маріенбада, отъ 17 авг. 1830 года, къ Ганкѣ [2]). „Совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ,—отвѣчалъ ему Сперанскій на письмо отъ 8 авг. того же года, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстное,—что, оставаясь въ Прагѣ, среди матеріаловъ Добровскаго и въ средоточіи сношеній, вы несравненно будете полезнѣе для славянской словесности, нежели въ Петербургѣ. Въ семъ смыслѣ я буду дѣйствовать, чтобъ наименовали васъ корреспондентомъ или сотрудникомъ Россійской нашей Академіи и Университета съ сохраненіемъ всѣхъ выгодъ, принадлежащихъ вашимъ полезнымъ занятіямъ“.

Въ половинѣ февраля слѣдующаго 1831 года Сперанскій сообщалъ Ганкѣ: „Назначеніе ваше по Академіи Россійской остановилось за тѣмъ, что общаго плана трудовъ еще не составлено. Но, сколько отъ меня зависитъ, я не выпускаю сего изъ виду, бывъ удостовѣренъ, что отъ общаго свода Славянскихъ діалектовъ въ одинъ Словарь и въ одну Сравнительную грамматику произойдетъ для каждаго изъ нихъ весьма важная польза. Какъ скоро планъ будетъ составленъ, вы будете о томъ извѣщены и будете формально приглашены къ участію въ сей работѣ чрезъ г. Языкова“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что планъ, предложенный Ганкой, имѣлъ въ виду и Шафарика, и Челаковскаго, какъ непремѣнныхъ соучастниковъ этой работы.

Но Ганка долго не знакомилъ друзей своихъ съ предложеннымъ имъ Академіи проектомъ. Осторожность его и странная

---

[1]) Нач. годы, стр. 309.

[2]) Въ бумагахъ Ганки, въ библ. Чешск. Музея.

му, и мною одобряемому, плану. Напишите мнѣ въ свое время, какъ вы въ этомъ дѣлѣ поступите, чтобы въ нашихъ планахъ было какое-либо единство".

Шафарикъ, подъ вліяніемъ столь пріятнаго сообщенія изъ Праги, отзывается далѣе съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ объ изданіяхъ Ганки (отрывка изъ Флоріанской псалтыри и Шарошъ-Потоцкой рукописи), поощряетъ его въ этихъ трудахъ и совѣтуетъ непремѣнно издать кириллицей отрывки изъ Остромірова Ев., оставшіеся послѣ Добровскаго, и Сборникъ Святослава. Но въ письмѣ къ Коллару отъ 4 октября 1832 г. Шафарикъ уже рѣзко измѣняетъ тонъ въ отзывѣ о Ганкѣ. „Этотъ новый павлинъ уже и въ Петербургѣ замутилъ воду", говоритъ онъ о новомъ планѣ и возмущается тѣмъ, что Ганка хлопочетъ, чтобы Академія поручила ему выполненіе проекта, какъ учителю и руководителю (со mistru a directoru), а Шафарика, Юнгманна и Челаковскаго присоединила бы къ нему въ качествѣ писцовъ, помощниковъ, учениковъ и т. п. „Воздержитесь отъ смѣха!" негодуетъ Шафарикъ. „Я думаю, что вы хорошо меня знаете: честолюбіе меня вовсе не мучитъ; днемъ и ночью я думаю о томъ, какъ бы мнѣ быть наиболѣе терпимымъ человѣкомъ между всѣми славянами и никого не оскорбить, но если бы вы призвали меня свидѣтельствовать, чтὸ я думаю (о Ганкѣ), то тогда я долженъ былъ бы вамъ признаться и не могъ бы утаить этого отъ васъ, что думаю, что г. * * (т. е. Ганка) съ честью могъ бы переписывать мою макулатуру". Тѣмъ не менѣе планъ Ганки былъ Шафарику по душѣ; обидны были только условія, въ которыхъ ему, какъ онъ представлялъ себѣ дѣло на основаніи чьихъ-то сообщеній, пришлось бы работать. Едва ли сообщенія эти могли исходить отъ Академіи.

Болѣе опредѣленно высказываетъ Шафарикъ свой взглядъ на возможность совмѣстной работы надъ словаремъ въ Прагѣ въ письмѣ къ Палацкому отъ 10 октября 1832 г. „Я думаю, говоритъ онъ, что если мнѣ удастся перебраться въ Прагу, то задуманный Ганкою словарь и безъ русскаго жалованья могъ бы осуществиться раньше, ибо наше правительство едва ли когда-либо согласилось бы, чтобы я съ русскимъ жалованьемъ,

словно какой-либо русскій чиновникъ, перешелъ отсюда въ Прагу и тамъ поселился; но, несомнѣнно, оно не запретитъ того, чтобы мы, работая надъ словаремъ, приняли денежную помощь изъ Петербурга". Вопросъ былъ однако и въ томъ, согласится ли на это предложеніе Ганки Академія. Шафарикъ сильно сомнѣвался въ этомъ. Въ этомъ же письмѣ къ Палацкому онъ прямо высказываетъ свои сомнѣнія: „Что касается до плана, то я вовсе не имѣю никакой надежды, чтобы и Академія на него согласилась, и чтобы наше подозрительное правительство допустило исполненіе его здѣсь. Онъ останется pium desiderium. Какъ бы то ни было, пусть Академія откроетъ, если можетъ, свои очи; а если у нея бѣльмо на нихъ,—я насильно снимать его не буду. Если она желаетъ воспользоваться моими слабыми силами для своихъ цѣлей, я готовъ ей служить, насколько это будетъ соотвѣтствовать моей чести и общему благу; если же она не желаетъ,—всякій изъ насъ имѣетъ предъ собой свой путь и свободу идти, куда пожелаетъ. Относительно меня, милый другъ мой, будьте увѣрены, что я всегда пойду прямымъ и честнымъ путемъ и не уклонюсь ни вправо, ни влѣво, никого не презирая и ни передъ кѣмъ не пресмыкаясь".

Письмо не безъ рѣзкихъ намековъ. „Бѣльмомъ" на глазу Академіи былъ, очевидно, Ганка. Снимать его Шафарикъ, конечно, не сталъ бы, зная хорошо взгляды на Ганку въ Россіи, да и не въ характерѣ его была бы подобная роль. Самъ Шафарикъ въ этомъ же письмѣ еще разъ подчеркиваетъ свою всегдашнюю готовность послужить задачамъ Академіи и отправиться въ Россію. „Что я не полетѣлъ въ Петербургъ тотчасъ же по первому приглашенію, за это, конечно, ни вы, говоритъ онъ Палацкому, ни другіе разсудительные друзья мои (исключая милѣйшаго пѣвца Коллара), зная мои дѣла и обстоятельства, осуждать меня не станете, особенно, если примете во вниманіе мнѣніе здѣшнихъ врачей о здоровьѣ моей жены... Несмотря на все это, я впослѣдствіи, въ виду настояній жены, написалъ въ Петербургъ, что немедленно готовъ выѣхать и что жду только приказанія, дабы затѣмъ вытребовать себѣ паспортъ. Между тѣмъ Ганка, къ немалому моему изумленію, перемѣ-

нимъ свой планъ, и меня извѣстили изъ Петербурга, что такъ какъ Ганка и Челаковскій измѣнили свое намѣреніе, то и мое присутствіе въ Петербургѣ больше не нужно, и я поэтому могу остаться въ Новомъ Садѣ".

Предложеніе Ганки, работать надъ словаремъ въ Прагѣ, Шафарику было по душѣ, но до осуществленія его было далеко.

„Новый планъ пріятеля Ганки, пишетъ Шафарикъ Юнгманну 17 октября 1832 г., открываетъ, какъ мнѣ кажется, новый путь и возбуждаетъ новыя надежды, но это все — надежды, отъ коихъ далеко еще до дѣйствительности, а будущее мое должно скоро и вполнѣ разрѣшиться!" Оставаться далѣе въ Новомъ Садѣ Шафарикъ не могъ, а о Россіи теперь уже нечего было думать. Онъ сообщаетъ далѣе Юнгманну о своемъ „старомъ желаніи" и „давнемъ снѣ" — переселиться въ Прагу, и думаетъ, что это было бы самое полезное и для него и для славянства („pro Slovany naše"). „Если планъ Ганки будетъ въ Петербургѣ одобренъ,—тѣмъ лучше для меня; но если не будетъ,—куда тогда обратиться, что̀ тогда предпринять мнѣ? Не будетъ ли это позоромъ для всего нашего всеславянскаго народа, гордящагося своимъ величіемъ, насчитывающимъ въ средѣ своей столько богатыхъ „пановъ и владыкъ", если я, при всѣхъ своихъ вѣрныхъ и неустанныхъ трудахъ для блага славянства, возвеличенія языка, литературы и народности, погибну здѣсь со всей своей семьей подъ ударами неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Неужели я нигдѣ не найду для себя пристанища среди болѣе просвѣщенныхъ славянъ [1])?"

[1]) Обширно говоритъ Шафарикъ о своемъ ужасномъ матеріальномъ и нравственномъ состояніи въ Новомъ Садѣ въ письмѣ къ Коллару отъ 25 октября 1832 года и заключаетъ свою просьбу о содѣйствіи переселенію его въ Прагу: „Vždyt' věc o to jde, abych Slovanům a Slovanstvu zachován byl—ne o samé břicho! Nemohu li se Slovanům zachovati, tedy ani rady ani pomoci nepotřebuji. Půjdu — ne na evang. gymn., ale do Němec, anebo budu raději někde nějakým krčmářem, arendatorem, nebo dokonce vojákem. Nebylo li by lépe a Slovanům prospěšněji, kdybych já svou sbírku rukopisův i cyrill. prvotisků v museum složil, nežli abych ji po světě roztrousil?"

Ганка обнадеживалъ Шафарика. Переговоры съ Сперанскимъ, который лѣтомъ 1832 г. былъ въ Прагѣ, давали Ганкѣ основаніе надѣяться на благополучное окончаніе затянувшагося дѣла. На сообщенія Ганки по этому предмету Шафарикъ отвѣчаетъ 17 октября 1832 года: „Большою радостью наполнило меня сообщенное мнѣ вами извѣстіе объ удачныхъ переговорахъ съ г. Сперанскимъ. Дай Богъ, чтобы эта прекрасная надежда скоро и вполнѣ осуществилась! Но я вамъ, другъ мой, признаюсь откровенно, что непрестанно и съ каждымъ днемъ больше опасаюсь, чтобы этому похвальному предпріятію не стали на пути какія-либо неожиданныя препятствія. Изъ Петербурга отъ г. Соколова я недавно получилъ письмо слѣдующаго содержанія: такъ какъ вы и г. Челаковскій приглашенія не приняли, то первоначальный планъ въ настоящее время въ Петербургѣ не можетъ быть осуществленъ; Академія предоставляетъ моей волѣ, хочу ли ѣхать въ Петербургъ, или еще далѣе оставаться въ Новомъ Садѣ. Въ это время Академія еще ничего не знала о вашемъ новомъ проектѣ. Я собираюсь поэтому писать въ Петербургъ, что присоединяюсь къ вашему плану, и всячески буду совѣтовать, чтобы Академія одобрила этотъ планъ и присоединила бы меня, въ качествѣ сотрудника, къ вамъ и другимъ друзьямъ въ Прагѣ. Сожалѣю, что не имѣю никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о вашемъ проектѣ, такъ какъ вы о немъ мнѣ ни словечка не написали. Вы мнѣ доставили бы удовольствіе, если бы меня познакомили хоть съ главнѣйшими основаніями и условіями его. Но и помимо этого отъ вашей искренности я ожидаю, что, заботясь столь похвально о благѣ всего славянства, объ основаніи всеславянскаго словаря, вы не забудете и обо мнѣ, вѣрномъ вашемъ другѣ, но усиленно будете стараться о томъ, чтобы я на выгодныхъ условіяхъ перебрался въ Прагу... Подумайте, другъ мой, что̀ мы вмѣстѣ могли бы сдѣлать, если бы я былъ въ Прагѣ!“ Шафарикъ говоритъ далѣе о своихъ богатыхъ матеріалахъ для словаря и заключаетъ: „Поэтому я увѣренъ, что вы ничего не упустите изъ виду, чтобы и я, если планъ этотъ осуществится, нашелъ пріятное и удобное мѣсто въ вашемъ любезнѣйшемъ дружескомъ

кругу. Я, въ самомъ дѣлѣ, увѣренъ, что намъ и нашему плану немало принесло бы пользы, если бы я возможно скорѣй могъ перебраться въ Прагу. Если бы я раньше поселился въ Прагѣ, мы могли бы тотчасъ же, такъ сказать, своими собственными силами, по крайней мѣрѣ, для вида, приняться за этотъ трудъ, а тамъ никто бы намъ не запретилъ принять денежную помощь изъ Петербурга".

Но прошелъ весь 1832-й годъ, а изъ Петербурга не было никакого отвѣта на предложеніе Ганки, несмотря на личные переговоры его съ Сперанскимъ. Шафарикъ въ октябрѣ 1832 г. писалъ въ Академію, совѣтовалъ одобрить и принять планъ Ганки, но до марта 1833 г. не получилъ въ отвѣтъ „ни единой буквы" [1]). И все-таки въ Прагѣ ждутъ и надѣются.

Челаковскій сталъ утверждать [2]), что виновникомъ застоя является Ганка, который, понимая, что слава его, при ближайшемъ соприкосновеніи съ нимъ, разсѣялась бы, какъ дымъ, сталъ интриговать, мутить и наконецъ въ своей дерзости дошелъ до того, что частнымъ образомъ сообщилъ Академіи, что онъ и Челаковскій готовы были бы отложить отправленіе въ Россію и желали бы работать надъ задачей Академіи въ Прагѣ. „Я думаю, что изъ-за него все дѣло разстроится", сердился Челаковскій. Въ виду этого онъ принимаетъ, на всякій случай, нѣкоторыя мѣры для обезпеченія положенія своего на родинѣ: онъ хлопочетъ о мѣстѣ кустоса въ Оломуцкой библіотекѣ. 28 декабря 1832 г. онъ пишетъ Шемберѣ письмо, съ просьбой извѣстить его о положеніи дѣла въ намѣстничествѣ (gubernium), которое будетъ избирать кандидатовъ на эту должность. „Пріятно, правда, всякому проводить свои дни и заботиться о благѣ той страны, которую называемъ родиной, однако обязанность всякаго составляютъ и заботы о будущемъ, объ обезпеченіи своихъ менѣе свѣтлыхъ дней", говоритъ здѣсь Челаковскій. Знать о своихъ шансахъ на успѣхъ ходатайства для него особенно важно

---

[1]) Письма къ Коллару отъ 30 октября 1832 г. и къ Ганкѣ отъ 7 марта 1833 г., въ библ. Чешскаго Музея.

[2]) Въ письмѣ отъ 11 декабря 1832 г. къ неизвѣстному намъ лицу. Письмо—въ библ. Чешскаго Музея.

потому, что „тридцать третій годъ долженъ рѣшить будущую судьбу“ его. Тогда онъ уже безъ проволочки начнетъ хлопотать о паспортѣ въ Петербургъ и при удобномъ случаѣ отправится туда. „Здѣсь при настоящихъ обстоятельствахъ мнѣ дольше оставаться нельзя“, заявляетъ онъ. Надежда попасть въ Россію не покинула еще окончательно наиболѣе рѣшительнаго и устойчиваго изъ тріумвирата кандидатовъ.

Дѣло, какъ предвидѣлъ Шафарикъ, могло тянуться при такихъ обстоятельствахъ Богъ вѣсть какъ долго. Между тѣмъ, положеніе Шафарика въ Новомъ Садѣ стало настолько тяжелымъ, что онъ окончательно рѣшилъ покинуть этотъ негостепріимный городъ. Онъ извѣщаетъ Ганку, что думаетъ переѣхать предварительно въ Прагу и остаться здѣсь до того времени, пока не найдетъ себѣ какого-либо занятія. „Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ ничего иного не остается дѣлать. Скажу прямо и коротко, безъ хвастовства, котораго во мнѣ нѣтъ: я думаю, что для друзей моихъ и славянства важно, чтобы я не сталъ совершенно чуждымъ славянству и не сдѣлался бы, напримѣръ, нѣмцемъ“. О его намѣреніи переселиться въ Прагу знали уже Колларъ въ Пештѣ, Палацкій и Юнгманнъ въ Прагѣ. Друзья, какъ извѣстно, не позволили Шафарику пропасть среди опротивѣвшихъ ему сербовъ и не допустили его „продать свою душу нѣмцамъ“. Скромныя добровольныя пожертвованія друзей искавшаго пріюта Шафарика сохранили его для славянства.

Неожиданно, въ концѣ марта 1833 года, Шафарикъ еще въ Новомъ Садѣ получилъ изъ Петербурга отъ Академіи отвѣтъ на свое письмо отъ 1 (13) октября предшествовавшаго года, отвѣтъ „страннаго содержанія“, чрезвычайно удивившій Шафарика. „Г. Соколовъ, сообщаетъ онъ по сему случаю Ганкѣ, пишетъ мнѣ, что о вашемъ проектѣ, о коемъ я упомянулъ въ своемъ письмѣ, и согласно которому предположенный словарь могъ бы и долженъ бы быть приготовленъ въ Прагѣ, никто изъ членовъ Академіи, даже самъ президентъ ничего не знаютъ, и что до сего времени, т. е. до 18 (30) января с. г., проектъ этотъ не поступалъ въ Академію. Поэтому г. Соколовъ, отъ имени Академіи, поручаетъ мнѣ позаботиться о томъ, чтобы планъ этотъ

поскорѣй былъ посланъ и представленъ Академіи. Такъ какъ объ этомъ планѣ я ничего больше не знаю, за исключеніемъ того, о чемъ вы вкратцѣ упоминали въ вашихъ письмахъ, то мнѣ не остается ничего иного, какъ только немедленно извѣстить васъ о семъ важномъ дѣлѣ, дабы вы, если найдете это нужнымъ, сами по возможности скорѣе могли написать о семъ въ Петербургъ" [1]).

Переписка Шафарика съ пражскими друзьями, въ виду скораго отъѣзда его изъ Новаго Сада, прекращалась. Въ маѣ 1833 г. Шафарикъ былъ уже въ Прагѣ. „Давній сонъ" свершился.

Лѣтомъ этого года Ганка могъ подѣлиться съ сотоварищами предстоявшаго, но неудавшагося служенія въ Россіи слѣдующими строками (отъ 12—24 іюля), полученными имъ изъ Маріенбада отъ Сперанскаго: „М. А. Балугянскій изъяснитъ вамъ лично, почему дѣло о славянскомъ всеобщемъ словарѣ въ Академіи остановилось. Со всѣмъ тѣмъ я не теряю еще надежды возобновить его при первомъ удобномъ случаѣ". Въ заключеніе Сперанскій ободрялъ Ганку: „Продолжайте труды ваши на пользу общей нашей славенской словесности и будьте увѣрены, что и у насъ знаютъ имъ цѣну, а впослѣдствіи еще болѣе узнаютъ". Дѣло, такимъ образомъ, велось Сперанскимъ, но безуспѣшно. Причины неудачи намъ неизвѣстны.

Таинственно намекалъ Шафарикъ на причины неуспѣха петербургскаго призванія еще въ концѣ 1832 г. [2]), но причинъ этихъ не назвалъ, а замѣтилъ только, что русская Академія,

---

[1]) Объ этомъ недоразумѣніи спустя недѣлю (31 марта) онъ пишетъ Палацкому: „Изъ Петербурга секретарь Академіи мнѣ сообщаетъ, что ни президентъ, ни члены, ни кто-либо вообще въ Петербургѣ о новомъ планѣ Ганки ничего не знаютъ!!! Можете себѣ представить, какъ меня это поразило! Я писалъ въ Петербургъ, полагая, что проектъ этотъ давно уже тамъ. Объ этомъ я извѣстилъ Ганку. Академія, повидимому, согласна принять новый планъ, чтобы словарь этотъ былъ составленъ въ Прагѣ, и приказываетъ мнѣ безъ замедленія выслать проектъ, а между тѣмъ у меня нѣтъ ничего въ рукахъ, и въ настоящее время я самъ ничего не могу предпринять".

[2]) Въ письмѣ къ Коллару отъ 5 ноября 1832 года.

по его мнѣнію,—самое жалкое и мизерное ученое учрежденіе изъ извѣстныхъ ему въ мірѣ („ten nejbídnější, nejmizernější liter. ustav, který já na světě znám"): „Доказательства этому есть у меня въ рукахъ". Однако, Шафарикъ вновь писалъ въ Академію о своемъ положеніи и о переѣздѣ въ Прагу. Въ это время все еще вело съ Шафарикомъ переговоры прусское министерство, приглашавшее его въ Бреславль. Но Шафарикъ и теперь, какъ и спустя десять лѣтъ (въ 1842 г.), не захотѣлъ „продать свою душу нѣмецкому Михлю". Онъ остался въ Прагѣ и началъ здѣсь новую эпоху тяжелой, трудовой своей жизни.

Причины отказовъ на приглашенія русскія и прусскаго министерства, послѣ всего сказаннаго выше, достаточно ясны. Въ львовскій журналъ Rozmaitości (1833 г., № 14), внимательно слѣдившій въ эти годы за славянскими новостями изъ міра науки, кто-то сообщалъ изъ Праги о приглашеніи Шафарика въ Бреславль и о послѣдовавшемъ съ его стороны отказѣ. Нежеланіе Шафарика отправиться въ Россію и отказъ отъ предложенія прусскаго правительства здѣсь объяснялись слѣдующимъ образомъ: „Шафарикъ желаетъ остаться въ славянскихъ земляхъ, чтобы, какъ славянинъ, могъ думать, говорить и писать искренно и откровенно по-славянски". Подъ этими строками, нѣтъ сомнѣнія, подписался бы тогда и самъ Шафарикъ.

*
* *

Слухи о переговорахъ прусскаго правительства съ Шафарикомъ скоро дошли до Варшавы, и оттуда другъ Погодина, П. А. Мухановъ, небезызвѣстный издатель „Записокъ Жолкевскаго", съ упрекомъ писалъ ему: „Шафарика приглашаютъ въ Бреславль для занятія учреждаемой тамъ каѳедры славянской литературы. Каково? Въ Пруссіи заводятъ каѳедру для славянизма, въ Берлинѣ также ищутъ профессора. Что же у васъ подремливаютъ? Жаль, что не въ Москвѣ цвѣты славянщины" [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1833 года, Мухановъ уже прямо указываетъ, чтò дѣлать: вмѣсто Праги, направить Ша-

[1]) А. А. Кочубинскій, Гр. С. Г. Строгоновъ, В. Евр., 1896, іюль, стр. 175.

фарика въ Москву. „Не худо бы Шафарика перетащить въ Москву“, пишетъ онъ Погодину.

Но прошло почти три года, пока желаніе, высказанное Мухановымъ, нашло въ Москвѣ сочувственный откликъ, однако, не съ той стороны, откуда онъ ждалъ его. Шафарикъ отказался, на этотъ разъ уже категорически, безъ колебаній и долгаго раздумья, отъ переселенія въ Россію. Съ изданіемъ новаго университетскаго устава, въ 1835—1836 г. открывалась славянская каѳедра въ Москвѣ. Раньше, чѣмъ ее занялъ знаменитый Каченовскій, дѣйствительно, сдѣлана была попытка пригласить на юную каѳедру Шафарика, пріобрѣвшаго уже почетную извѣстность своими трудами. Желаніе видѣть Шафарика на университетской каѳедрѣ въ Россіи выражалъ въ это же время еще одинъ изъ русскихъ друзей его, А. Титовъ, посѣтившій его въ Прагѣ въ 1835 году, въ письмѣ къ К. С. Сербиновичу (28 окт. 1835 г.): „Если бъ удалось года хоть на два, на три привлечь его въ московскій или хоть петербургскій университетъ для преподаванія славянскихъ нарѣчій,—какое бы сокровище!“ [1]). Казалось, желаніе искреннихъ друзей Шафарика могло на этотъ разъ легко осуществиться.

Графъ С. Г. Строгоновъ, попечитель московскаго округа, убѣжденный сторонникъ славянской партіи Академіи и членъ славянскаго тріумвирата вмѣстѣ съ Шишковымъ и Сперанскимъ, обратился въ январѣ 1836 года къ Шафарику съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„М. Г., Павелъ Осиповичъ! Въ русскихъ университетахъ по новому высочайше утвержденному уставу основаны особыя каѳедры для преподаванія славянскихъ нарѣчій.

Высоко уважая ваши свѣдѣнія по этой части, доказанныя вашими классическими сочиненіями и пріобрѣтшія вамъ европейскую славу, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ, М. Г., съ предложеніемъ, не угодно ли Вамъ принять мѣсто профессора въ Московскомъ университетѣ, ввѣренномъ моимъ попеченіямъ?

Не стану говорить о томъ, какъ награждаются въ Россіи услуги, ей оказываемыя. Могу увѣрить васъ только съ своей сто-

---

[1]) Приложенія, стр. XVI.

роны, что я употреблю всѣ зависящія отъ меня средства сдѣлать пребываніе ваше у насъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я буду радъ содѣйствовать пріобрѣтенію для университета члена, который положитъ въ немъ прочныя основанія науки, столь важной въ общей системѣ знаній и въ особенности для литературы и русской исторіи. Прибавлю еще, что въ Россіи вы найдете много предметовъ, кои относятся непосредственно къ вашимъ занятіямъ и могутъ доставить вамъ богатую добычу для вашихъ изслѣдованій и пополнить ваши собранія.

Права профессоровъ изложены въ уставѣ, при семъ прилагаемомъ. На проѣздъ вашъ можетъ быть назначена особая сумма. Я буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашъ отвѣтъ, который благоволите прислать въ Москву на мое имя по приложенному здѣсь адресу [1]).

Но раньше, чѣмъ графъ Строгоновъ вступилъ въ переписку по этому вопросу съ Шафарикомъ, онъ въ бытность свою въ Прагѣ говорилъ съ нимъ лично; кромѣ того, переговоры о переселеніи въ Россію, а именно на московскую каѳедру, велъ съ нимъ и Погодинъ въ первое свое посѣщеніе Праги [2]). Вскорѣ послѣ отъѣзда Погодина, 26 сент. 1835 года Шафарикъ пишетъ ему письмо, исполненное тревожныхъ опасеній. Приглашеніе въ Россію — „главная тема“ этого письма. „Прошу васъ пока не очень торопить дѣло. Вы сами понимаете, что для настоящихъ моихъ студій и работъ весьма необходимо, а для общаго дѣла, для славянской литературы полезно, чтобы я еще одинъ или два года остался здѣсь, дабы исчерпать западные источники для моего собранія въ той же мѣрѣ, какъ это я сдѣлалъ раньше съ источниками югославянскими. Тогда я уже ни-

---

[1]) А. А. Кочубинскій, В. Евр., 1896, іюль, стр. 180—182.

[2]) Погодинъ имѣлъ въ виду пригласить не только одного Шафарика. По возвращеніи домой, 16 ноября 1835 г. онъ писалъ М. А. Максимовичу: „Для славянской словесности я рекомендую вамъ Челаковскаго, соображая всѣ ваши кіевскія отношенія... Если вы хотите, я напишу къ нему и присоединю свое убѣжденіе, ибо ему открылись виды и въ Прагѣ“. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. XXXI, № 2, стр. 10.

чего не имѣю противъ переселенія въ Россію. Но мы въ другой разъ ближе потолкуемъ съ вами объ этомъ. Такъ какъ ваше расположеніе ко мнѣ, между тѣмъ, не имѣетъ никакихъ предѣловъ, то я отвѣчу вамъ съ моей стороны величайшей откровенностью и чистосердечіемъ“ [1]). И Шафарикъ откровенно заявляетъ о томъ, въ чемъ онъ больше всего нуждается,—о пособіяхъ и книгахъ, необходимыхъ для завершенія начатыхъ работъ. Это для него важнѣе всякихъ почестей и титуловъ, орденовъ и дипломовъ, всѣхъ дѣтскихъ игрушекъ, столь ласкающихъ сердце друга его Ганки. Во время пребыванія гр. Строгонова въ Прагѣ Шафарикъ искренно заявилъ ему о несочувствіи переѣзду въ Россію и его земляковъ, и родственниковъ, и пражскихъ друзей. Онъ просилъ графа вообще не принимать для осуществленія проекта никакихъ торопливыхъ мѣръ, но выждать отъ него болѣе опредѣленныхъ письменныхъ объясненій [2]). Одновременно съ письмомъ къ Погодину Шафарикъ отвѣчалъ и гр. Строгонову. Выразивъ ему благодарность за довѣріе и оказанную честь, Шафарикъ рѣшительно отклонилъ лестное приглашеніе на московскую каѳедру. „Безполезно было бы подробно излагать вамъ здѣсь всѣ основанія такого моего рѣшенія, писалъ онъ Погодину, и я коснусь вкратцѣ только нѣкоторыхъ. Уже нѣсколько лѣтъ я страдаю ревматизмомъ, съ которымъ до сихъ поръ напрасно боролся при помощи водъ и врачей. Эта болѣзнь усиливается и принимаетъ тревожный характеръ и дѣлаетъ невозможнымъ переселеніе въ болѣе суровый, сѣверный климатъ. Еще болѣе препятствуетъ этому состояніе здоровья (неизлѣчимая грудная болѣзнь) моей жены, которая, по заявленію врачей, едва ли перенесла бы путешествіе въ Москву, не говорю уже о долговременномъ пребываніи въ ней“. Это были первыя два, чисто личнаго свойства возраженія противъ переселенія въ Москву,—тѣ же, которыя, какъ мы видѣли, заставляли Шафарика столь благоразумно-сдержанно отнестись къ первому и второму призыву изъ Россіи. Но Шафарикъ, не склонный никог-

[1]) Письма къ Погодину, стр. 143.

[2]) Письмо къ Погодину отъ 21 февр. 1836 г. Тамъ же, стр. 151.

да въ преувеличеніямъ размѣровъ своей дѣятельности и ученыхъ заслугъ своихъ, выставлялъ теперь, какъ и раньше, и третій доводъ. Онъ положительно не ожидалъ особенной пользы для славянской науки и литературы отъ новаго своего положенія въ Москвѣ, на чтò могли расчитывать его друзья, склонные вообще, по увѣренію Шафарика, преувеличивать его способности и знанія. „Я, отвѣчаетъ Шафарикъ гр. Строгонову и Погодину,—въ этомъ отношеніи рѣшительно посредственный человѣкъ; это чувствую лучше всего я самъ и въ похвалу себѣ могу поставить только немного доброй воли и прилежанія“.

Кромѣ того, весьма важнымъ препятствіемъ для успѣшной профессорской дѣятельности являлось недостаточное для чтеній съ каѳедры знаніе Шафарикомъ русскаго языка. „Мой родной языкъ—чешскій; то, чтò я теоретически изучилъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, недостаточно для того, чтобы я могъ дѣйствовать практически въ Москвѣ“. Приняться за изученіе русскаго языка было уже поздно, мѣшалъ этому отчасти и возрастъ. Такимъ образомъ, Шафарикъ не имѣлъ надежды выступить въ Россіи въ роли учителя и русскаго писателя, въ качествѣ же чужеземца и нѣмца въ частности онъ не могъ бы и никогда не пожелалъ бы выступать. Наконецъ, самымъ важнымъ препятствіемъ къ принятію предложенія гр. Строгонова являлось глубокое чувство любви и благодарности по отношенію къ Прагѣ, Чехіи и вообще австрійской монархіи, не позволявшее ему порвать съ ними [1]. „До тѣхъ поръ, пока я могу быть полезнымъ своимъ землякамъ, я никогда ихъ не покину“, откровенно и безповоротно заявлялъ Шафарикъ. Выгоды и преимущества службы въ Москвѣ и бѣдность и лишенія, предсто-

---

[1]) Впослѣдствіи по поводу переговоровъ съ прусскимъ министерствомъ Шафарикъ писалъ Я. Э. Воцелю 21 апрѣля 1841 г.: „...Žeť má vroucí žádost jest, abych v Rakousku zůstal, o tom vás ujišťovati netřeba. Nepřemožená láska k národu a vlasti na příčině jest, že jsem před desíti lety pozvání do Vratislavi a Petrohradu, a l. 1836 do Moskvy (od hrab. Stroganova, kuratora univ., s výminkami nejpříznivějšími) nepřijal. Já sebe v Rakousku, mezi svými, i v obmezených okolnostech cítil šťastným“. Письмо—въ библ. Чешскаго Музея.

явшія въ Прагѣ, не могли поколебать его рѣшенія. „У меня слишкомъ много стоическаго мужества, рѣшимости, твердости и самоотреченія для того, чтобы ради земныхъ, преходящихъ благъ я могъ забыть о духовныхъ, литературныхъ интересахъ моихъ соотечественниковъ и пожертвовать послѣдними ради первыхъ. Мой долгъ, прежде всего, быть полезнымъ своимъ землякамъ, и если мои литературные труды будутъ такого рода, что и другіе въ состояніи будутъ извлечь изъ нихъ пользу,—тѣмъ лучше". Вообще, Шафарикъ проситъ Погодина отказаться разъ навсегда отъ надежды увидѣть его на московской каѳедрѣ, такъ какъ всѣ усилія убѣдить его будутъ напрасны и ни къ чему, кромѣ безполезной переписки и пустыхъ разговоровъ, не приведутъ: „Мое рѣшеніе твердо и неизмѣнно". „Въ Россіи есть люди, заключалъ свой отказъ Шафарикъ, и съ каждымъ годомъ появляется больше такихъ, которые втройнѣ могутъ замѣнить меня на славянской каѳедрѣ". Надо было, слѣдовательно, пооглянуться и найти этихъ замѣстителей.

Рѣшительный отказъ Шафарика, представившаго столь основательные доводы его, не могъ, конечно, никакимъ образомъ повліять на благосклонное расположеніе къ нему гр. Строгонова: отношенія остались неизмѣнно доброжелательными и впредь. Точно такъ же неизмѣнными остались отношенія къ нему и Погодина. Шафарикъ не сомнѣвался, что прежняя дружба и содѣйствіе его ученымъ трудамъ со стороны Погодина не могутъ быть нарушены этимъ отказомъ [1]).

Онъ услаждалъ себя мечтой какъ-нибудь, по окончаніи печатанія своего большого труда, т. е. Древностей, если средства позволятъ, совершить научное путешествіе въ Петербургъ и Москву. Но надежды на осуществленіе этого плана были весьма слабы. Вѣрнѣе можно было расчитывать на вторичное посѣщеніе Праги Погодинымъ. „Можетъ быть, вамъ удастся черезъ нѣсколько лѣтъ снова совершить поѣздку къ намъ, писалъ онъ Погодину 23 мая 1836 г.: тогда мы можемъ вернуться къ старому плану или составить новый, а пока будемъ работать, каждый

[1]) См. письмо къ Погодину отъ 21 февр. 1836 г.

въ своей области, вы—на востокѣ, я здѣсь—на западѣ, по возможности изо всѣхъ силъ, для блага нашей славянской литературы" [1]). Такъ какъ среди русскихъ друзей Шафарика носился слухъ, что его зовутъ въ Бреславль, и Погодинъ не преминулъ, вѣроятно, выразить свое удивленіе по этому случаю, то Шафарикъ поспѣшилъ (7 авг. 1836 г.) увѣрить Погодина, что никакого приглашенія изъ Бреславля онъ не получалъ и его не приметъ, если бы оно и послѣдовало. Слухъ возникъ изъ разговоровъ и плановъ нѣкоторыхъ профессоровъ „за стаканомъ вина".

Погодинъ вполнѣ понялъ и оцѣнилъ мотивы отказа Шафарика. Въ свой „Дневникъ" онъ записалъ: „Шафарикъ не рѣшается ѣхать; жаль. Но какія благородныя причины! Тронутъ былъ до слезъ" [2]).

*
* *

Конецъ 1835 года долженъ былъ положить предѣлъ всякимъ попыткамъ приглашенія кого-либо изъ пражскаго тріумвирата въ Россію. По крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени эти усилія были бы безплодны.

26-го ноября 1835 г. въ № 92-мъ оффиціальнаго органа Pražské Noviny, редактировавшагося Челаковскимъ, появилась довольно обширная статья о посѣщеніи императоромъ Николаемъ I Варшавы и о пріемѣ, оказанномъ имъ польской депутаціи. Здѣсь дословно перепечатана была изъ иностранныхъ газетъ рѣчь императора Николая I къ депутаціи, при чемъ редакція присоединила отъ себя крайне рѣзкое замѣчаніе, осуждавшее эту рѣчь [3]). Это примѣчаніе редакціи было роковымъ для редактора Пражскихъ Новинъ. На недостойную выходку оффиціальнаго органа обратило вниманіе вѣнское россійское посольство, и Челаковскій былъ лишенъ не только редакторства, но

---

[1]) Письмо къ Погодину отъ 23 мая 1836 г.

[2]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, стр. 333.

[3]) Pražské Noviny, č. 92, dne 26 Listopadu 1835 r. О путешествіи императора Николая I по югу Россіи и Царству Польскому Pražské Noviny сообщали нѣкоторыя свѣдѣнія и въ предшествовавшихъ номерахъ, при чемъ не безъ ироніи замѣчали, что больше всего онъ былъ занятъ парадами и обозрѣніемъ военнаго дѣла.

и мѣста супплента въ университетѣ, только что полученнаго имъ за смертью проф. Неѣдлаго. Матеріальное положеніе Челаковскаго, едва начавшее поправляться, снова сдѣлалось отчаяннымъ. Только что поэтъ собирался зажить новою жизнью, посвятить себя „musis et patriae, amicis et Mariae“ [1]), какъ неожиданно грянулъ громъ,—и всѣ надежды на столь близкое счастіе разомъ рухнули! Горе его было велико, но благородное чувство поэта не позволило ему для своего спасенія повергнуть въ несчастіе другого. На слѣдствіи, при составленіи перваго протокола, поэтъ не призналъ себя авторомъ этихъ строкъ, но когда затѣмъ къ нему явился цензоръ Гикишъ и на колѣнахъ сталъ умолять спасти его отъ гибели, Челаковскій великодушно принялъ на себя вину и при вторичномъ дознаніи измѣнилъ свое первое показаніе, заявивъ, что эти строки онъ прибавилъ уже послѣ подписи цензора. Такъ разсказывали объ этомъ современники событія [2]). Такъ повѣствуетъ о немъ и извѣстный историкъ чешскаго возрожденія Як. Малый [3]), который сообщаетъ, что оскорбительныя строки принадлежали не Челаковскому, и называетъ авторомъ ихъ Яна-Славоміра Томичка, который собственно велъ редакцію „Пражскихъ Новинъ“, подъ наблюденіемъ и руководствомъ Челаковскаго.

Челаковскій, котораго считали авторомъ этой роковой приписки, по убѣжденію друзей его, не имѣлъ въ ней никакого участія, и въ вину ему можно было поставить только то, что онъ, какъ редакторъ, пропустилъ подобное замѣчаніе. Но вѣдь надъ редакторомъ стояла еще цензура: ея обязанность была не пропустить такихъ строкъ! Въ письмѣ къ Винаржицкому 31 декабря 1835 года [4]) Челаковскій категорически заявляетъ, что при составленіи протокола о семъ печальномъ фактѣ онъ, насколько позволяла ему его честь, принялъ вину на себя, хо-

[1]) Sebr. l., str. 388.

[2]) Мы передаемъ здѣсь разсказъ проф. Яроміра Челаковскаго, который отъ нихъ слышалъ сообщаемую здѣсь версію.

[3]) Въ краткомъ жизнеописаніи Челаковскаго и обширной монографіи „Naše znovuzrození“, I, str. 37, IV, str. 36.

[4]) Sebr. l., str. 408.

тя, повидимому, имѣлъ полную возможность выйти изъ дѣла правымъ.

Общее мнѣніе въ Прагѣ называло виновникомъ печальнаго инцидента Ганку, который будто бы донесъ объ этой выходкѣ Пражскихъ Новинъ русско́му посланнику въ Вѣнѣ, графу Д. Татищеву. Подозрѣніе это, впрочемъ, всегда почти съ извѣстной осторожностью, въ формѣ полупрозрачныхъ намековъ, повторялось неоднократно въ жизнеописаніяхъ Челаковскаго. Но высказывались и мнѣнія болѣе рѣшительныя. Юнгманнъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ Антонину Марку передаетъ, что Челаковскій при вторичномъ дознаніи прямо назвалъ будто бы доносчикомъ Ганку, какъ своего врага, желавшаго нанести ему этотъ ударъ, несомнѣнно, съ коварнымъ умысломъ [1]. Въ существованіи доносчика, создавшаго этотъ грустный инцидентъ, были увѣрены многіе, и это убѣжденіе держалось долгое время. Это явствуетъ, между прочимъ, и изъ письма къ Челаковскому Хмеленскаго, который еще спустя нѣсколько лѣтъ (5 мая 1838 г.) заявлялъ: „Я увѣренъ теперь, что я не ошибся въ доносчикѣ о несчастномъ вашемъ замѣчаніи въ Пражскихъ Новинахъ. Я знаю теперь имя его такъ же вѣрно, какъ и вы“ [2].

Самъ Челаковскій тоже былъ увѣренъ, что его оклеветалъ доносчикъ. „Богъ да исправитъ злого недруга моего и да не дастъ ему пережить когда-либо такіе горестные дни, какіе выпали на мою долю“, горько жаловался онъ въ письмѣ къ Винаржицкому 31 декабря 1835 года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ рокового происшествія. Но эти подозрѣнія, какъ можно полагать, основывались не на какихъ-либо неоспоримыхъ данныхъ, а единственно на дурной репутаціи, которую имѣлъ Ганка въ извѣстныхъ кругахъ чешскихъ ученыхъ и литераторовъ, особенно, со времени такъ неудачно завершившихся многолѣтнихъ переговоровъ по дѣлу о призваніи въ Россію. Недавнее награжденіе Ганки, благодаря представленію Татищева, бриллiантовымъ перстнемъ не могло остаться безъ вліянія на общее убѣжденіе, что

---

[1]) Č. Č. Mus., 1883, str. 511.

[2]) Sebr. l., str. 355.

онъ состоитъ въ какихъ-то тайныхъ связяхъ съ русскимъ посольствомъ [1]).

Замѣчательно, что Челаковскій, отрицавшій сначала, какъ мы видѣли выше, всякое участіе свое въ оскорбительномъ примѣчаніи редакціи, въ письмѣ къ покровителю своему, графу Ганушу Коловрату Краковскому [2]), какъ будто признаетъ себя авторомъ погубившихъ его неосторожныхъ строкъ. Вотъ что разсказываетъ онъ въ этомъ письмѣ, написанномъ, какъ видно изъ первой уже строки его, вскорѣ послѣ обрушившагося на него несчастія. Вниманіе и сочувствіе высокаго покровителя къ печальному положенію Челаковскаго даетъ ему возможность подробнѣе изложить исторію этого инцидента. Изъ Праги, какъ достовѣрно извѣстно, утверждаетъ Челаковскій, номеръ газеты, безъ сомнѣнія,—съ преувеличеннымъ комментаріемъ, посланъ былъ въ Вѣну русскому посланнику Татищеву, который немедленно пожаловался кн. Меттерниху. Министерство потребовало изъ Праги объясненій, какимъ образомъ подобныя строки могли быть разрѣшены къ печати. Началось строгое разслѣдованіе. Бургграфъ передалъ это дѣло полицейскимъ властямъ и въ то же время приказалъ лишить Челаковскаго редакторства и права исполненія обязанностей профессора чешскаго языка. „Будучи призванъ къ протоколу, разсказываетъ

---

1) См. письмо Шафарика къ Погодину, отъ 21 февр. 1836 г.

2) Черновикъ или копію этого письма (безъ даты) мы сообщили въ замѣткѣ нашей: „Ku poměru F. L. Čelakovského k V. Hankovi", въ Č. Č. Mus., 1899, str. 47—48. Думаемъ, что письмо это адресовано дѣйствительно гр. Ганушу Коловрату. Въ бумагахъ Челаковскаго, у сына поэта проф. Ладислава Челаковскаго, сохранилось одно письмо гр. Ганупа Коловрата отъ 6-го февраля 1836 года, въ которомъ онъ выражаетъ поэту свое сочувствіе къ постигшему его горю и радуется, узнавъ изъ письма Челаковскаго, что онъ надѣется все-таки получить профессуру чешскаго языка. Челаковскій въ излагаемомъ здѣсь письмѣ въ заключеніе проситъ графа оказать ему въ Вѣнѣ содѣйствіе въ дѣлѣ полученія каѳедры. Графъ Коловратъ извѣщаетъ Челаковскаго, что онъ говорилъ по этому дѣлу съ министромъ и подалъ ему записку о семъ. Оба письма весьма близки другъ къ другу по содержанію.

Челаковскій, я изъ предлагавшихся мнѣ вопросовъ тотчасъ же понялъ, къ чему клонится дѣло, и хотя, при существованіи у насъ цензуры, я, какъ писатель, долженъ былъ бы стоять подъ защитою закона, однако, для того, чтобы избавить секретаря намѣстничества, цензора газеты, весьма мною уважаемаго, отъ слишкомъ большой отвѣтственности, я, насколько позволяла мнѣ честь, значительную часть вины принялъ на себя". Этимъ поступкомъ Челаковскій нѣсколько расположилъ въ свою пользу бургграфа, который тотчасъ же ходатайствовалъ въ Вѣнѣ о томъ, чтобы дѣло это закончилось возможно снисходительнѣе. По слухамъ, которые дошли до Челаковскаго изъ намѣстничества, изъ Вѣны дѣйствительно получено было предварительное сообщеніе о благопріятномъ разрѣшеніи инцидента. И Челаковскій вѣрилъ этимъ слухамъ. Въ первые дни происшествіе это произвело въ Прагѣ большое волненіе. Общее подозрѣніе падало на одного мужа, извѣстнаго своими связями съ русскимъ оффиціальнымъ міромъ. „Подозрѣніе это, утверждаетъ Челаковскій въ этомъ же письмѣ,—почти несомнѣнно, если принять во вниманіе, что доносчикъ—единственный человѣкъ въ Прагѣ, состоящій въ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ, и что онъ—мой главный недругъ".

У Челаковскаго имѣлись и нѣкоторыя другія основанія для такого утвержденія: доносчикъ нѣкоторыми обстоятельствами выдавалъ себя самъ; къ сожалѣнію, о нихъ нѣтъ ничего болѣе точнаго въ письмѣ Челаковскаго. Изъ дальнѣйшихъ строкъ письма слѣдуетъ заключать, что Челаковскій былъ, дѣйствительно, авторомъ рокового комментарія. Естественно, что, разъ принявъ на себя вину при составленіи протокола, Челаковскій и въ частныхъ письмахъ къ своимъ друзьямъ и благожелателямъ не желалъ обѣлять себя и открывать всю истину, для него уже безполезную, а для спасеннаго имъ цензора всегда опасную. „Стыдиться за это происшествіе, пишетъ онъ Коловрату, мнѣ, конечно, не было надобности, ибо въ немъ не было ничего безнравственнаго, ни противнаго нашему правительству; слова эти сами по себѣ дѣйствительно рѣзки, но они вылились изъ сердца моего по прочтеніи рѣчи Николая. Я полагаю, что не только я, но и тысячи

другихъ лицъ думали то же самое"... О потерѣ редакторства Челаковскому, конечно, нечего было особенно сожалѣть: это была, по выраженію поэта, работа Данаидъ: труда было множество, а вознагражденіе за него самое жалкое; занятія по редакціи къ тому же отнимали у поэта возможность работать на поприщѣ, болѣе ему дорогомъ и пріятномъ. Тяжелѣй была потеря супплентуры въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что этимъ разрушались сладкія мечты получить въ будущемъ каѳедру чешскаго языка. Челаковскій видѣлъ, какую службу родному народу онъ могъ бы сослужить на университетской каѳедрѣ, онъ видѣлъ расположеніе къ нему студентовъ, и тѣмъ сильнѣе была его скорбь. Горе Челаковскаго усугублялось послѣдовавшей вскорѣ смертью его благодѣтеля гр. Кинскаго [1]).

Каѳедру Челаковскій потерялъ надолго, не смотря на заступничество сильныхъ покровителей его, чешскихъ аристократовъ, и не взирая на то, что русскій посланникъ, по слухамъ, циркулировавшимъ въ Прагѣ [2]), удовлетворенъ былъ отнятіемъ у Челаковскаго одного редакторства.

„Дурачество Челаковскаго", какъ рѣзко въ сердцахъ выразился [3]) объ изложенномъ происшествіи Ганка, сильно повредило поэту и въ то же время имѣло и для другихъ дурныя послѣдствія. Самъ Ганка, прежде всего, долженъ былъ испытать на себѣ эти дурныя послѣдстія выходки Пражскихъ Новинъ. Его заклеймили въ Прагѣ именемъ доносчика, русскаго шпіона!

Доносы, взаимныя клеветы и обвиненія составляли издавна печальную специфическую особенность пражской литературно-ученой среды, и на нихъ непрестанно раздаются жалобы въ

---

[1]) Обо всемъ этомъ пишетъ Погодину Шафарикъ 21 февраля 1836 г. Въ другомъ письмѣ, отъ 23 мая 1836 г., Шафарикъ повторяетъ ходившіе въ Прагѣ слухи о томъ, что на Челаковскаго донесъ его „извѣстный противникъ и конкурентъ по профессурѣ". Узнавъ о горѣ Челаковскаго, Погодинъ въ „Дневникѣ" своемъ, подъ 28 февр. 1836 г., записалъ: „Челаковскаго запретили газету по просьбѣ Татищева. За любовь его къ Россіи. Больно". Барсуковъ, Жизнь и тр. М. П. Погодина, IV, стр. 420.

[2]) Sebr. l., str. 417.

[3]) Въ письмѣ къ Погодину 19 (31) марта 1837 г.

письмахъ лучшихъ людей. Когда Шафарикъ проѣздомъ изъ Іены въ 1817 г. остановился въ Прагѣ и познакомился здѣсь съ выдающимися дѣятелями этого времени: Добровскимъ, обоими Юнгманнами, Неѣдлымъ, ботаникомъ Пресслемъ, Ганкой и др., онъ вынесъ изъ Праги грустныя воспоминанія и впечатлѣнія. Пражскіе литературные круги не понравились ему своими ничтожными спорами, таинственными сплетнями, взаимными заподазриваніями и обвиненіями [1]). Особенно зловредна была въ этомъ отношеніи дѣятельность цензуры. Цензора-чехи больше всего вредили успѣхамъ возрождавшейся литературы и сѣяли больше всего плевеловъ, заглушавшихъ всходы этой юной нивы.

Юнгманнъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ", что мысли его о единомъ славянскомъ литературномъ языкѣ, высказанныя имъ въ предисловіи къ переводу „Потеряннаго Рая", мстительный Янъ Неѣдлый представилъ полиціи, какъ опасныя, и подвергъ, такимъ образомъ, Юнгманна трехлѣтнему полицейскому надзору [2]). Когда Ганка написалъ разборъ грамматики Неѣдлаго и послалъ его въ Вѣну въ цензуру, желая напечатать его въ Kroku, вѣнская цензура послала статью въ Прагу извѣстному обскуранту-цензору Циммерману. Послѣдній сообщилъ ее Неѣдлому. Со стороны обоихъ началась самая низкая агитація: совокупными силами они сочинили доносъ, что де нѣкоторые чехи образуютъ тайныя общества, status in statu, Slavicum in Germanico, что Добровскій—глава ихъ, вождь и даже больше, и хотѣли отправить этотъ гнусной доносъ „ко двору"! И только благоразуміе намѣстника помѣшало ихъ замысламъ [3]). Въ перепискѣ Челаковскаго съ друзьями нерѣдко встрѣчаются скорбныя строки по поводу этого печальнаго явленія. „Особенное вниманіе мы должны обращать на языкъ: въ самомъ дѣлѣ,—никому нельзя довѣрять", предупреждаетъ Камарита (29 іюня 1823 г.) Челаковскій. Ганку, по доносамъ Неѣдлаго, полиція заподозрила въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашими славянскими

---

[1]) K. Jireček, P. J. Šafařik mezi Jihoslovany, str. 14.

[2]) Č. Č. Mus., 1871, str. 272.

[3]) Sebr. l., str. 122—123. Ср. еще письмо Юнгманна къ Ант. Марку отъ 22 апр. 1823 г. Č. Č. Mus., 1883, str. 50.

кружками. Подозрѣнія основывались на томъ, что онъ былъ избранъ членомъ польскаго Ученаго общества, получилъ серебряную медаль отъ нашей Академіи, драгоцѣнный перстень отъ имп. Александра I и академическій словарь!

Шафарикъ даже вдали отъ Праги, въ Новомъ Садѣ, боялся пражскихъ сплетенъ. „Не столько боюсь костра, сколько сплетенъ нашихъ пражанъ", пишетъ онъ Коллару 29 мая 1832 г. „Что бы вы на это ни возразили, я искренно признаюсь и скажу вамъ, что я не знаю бо́льшаго, чѣмъ Прага, славянскаго Коцоуркова. Тамъ, другъ мой, гнѣздо козней (číhařství) и шпіонства всего славянскаго міра, и наибольшими предателями являются наши же, а не нѣмцы. Мнѣ даже противно становится, когда я вспомню мѣсяцъ, проведенный тамъ".

Всякимъ заподазриваніямъ и нелѣпымъ, жестоко-оскорбительнымъ обвиненіямъ надо было положить конецъ. Единственнымъ защитникомъ поруганнаго добраго имени Ганки могъ выступить графъ Татищевъ, конечно,—не публично. Ганка обратился къ нему, не откладывая дѣла, уже въ концѣ 1835 года. Въ январѣ 1836 года онъ получилъ отъ Татищева отвѣтъ на свое письмо съ просьбой о предстательствѣ. Въ Прагѣ, какъ можно заключать изъ письма Татищева, и почтенныя лица пускались на хитрости, плели сложную сѣть интриги, лишь бы уличить Ганку. Татищевъ извѣщалъ его, что сообщеніе той особы, съ коею Ганка имѣлъ свиданіе, „есть совершенная выдумка", что съ особой этой онъ, т. е. Татищевъ, съ предавняго времени не имѣетъ никакой переписки, и что это сообщеніе сдѣлано съ цѣлью вывѣдать отъ Ганки, какимъ путемъ, отъ кого извѣстная статья Пражскихъ Новинъ дошла до свѣдѣнія посольства. „Я сожалѣю, говорилъ Татищевъ, что вы не разсудили отвѣчать откровенно, что къ таковому поступку съ вашей стороны не дали вы никакого повода, ибо я съ вами не имѣю переписки даже по отношенію къ вашимъ литературнымъ занятіямъ, столь извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ и столь чести вамъ приносящимъ. Газету Прагскую я получаю и языкъ ческой разумѣю. Впрочемъ, если бы, сверхъ всякаго чаянія, стали на васъ имѣть подозрѣніе по вышеозначенному предмету, вы

можете для вашего оправданія показать настоящее письмо, кому слѣдуетъ". Въ рукахъ Ганки былъ теперь щитъ, на которомъ должны были сломаться всѣ копья его враговъ [1]).

Устраненіе Челаковскаго отъ редакторства и лишеніе его мѣста въ университетѣ поразило друзей поэта. „Пѣвецъ „Великой панихиды" и „Царя Александра", чего ты дождался отъ слова брата твоего? Я не понимаю, какимъ образомъ можетъ быть виновенъ писатель въ странѣ, гдѣ существуетъ цензура?... Какъ могъ однако редакторскій промахъ повредить и вашей каѳедрѣ? Надѣюсь, что это лишеніе только временное, на время производства слѣдствія", соболѣзновалъ своему другу Винаржицкій [2]). Но надежды Челаковскаго и его друзей на возвра-

[1]) Страннымъ и весьма характернымъ для оцѣнки отношеній къ Ганкѣ и въ настоящее еще время является замѣчаніе, высказанное по поводу нашей замѣтки въ Č. Č. Mus. 1899 г. такимъ серьезнымъ журналомъ, какъ Český Časopis Historický (1900, кн. I, обозрѣніе журналовъ): референтъ упрекнулъ насъ, что мы слишкомъ полагаемся на письмо Татищева. Не поддѣлалъ ли его, значитъ, знаменитый „фальсификаторъ" Вячеславъ Вячеславовичъ? А можетъ быть, Татищевъ дипломатично хранилъ тайну, защищая Ганку по его просьбѣ? Ничего подобнаго допустить мы не можемъ: подлинное и откровенно ясное письмо Татищева исключаетъ возможность всякихъ подозрѣній. Письмо Татищева было сообщено М. И. Сухомлиновымъ въ сборникѣ „Братская помочь", стр. 317. О немъ упоминаетъ и А. Н. Пыпинъ, въ своемъ воспоминаніи о Ганкѣ называющій эти обвиненія „вздорными", а письмо Татищева совершенно оправдывающимъ Ганку отъ этой сплетни. Современникъ, 1861, т. LXXXVI, отд. II, стр. 24. Замѣтимъ еще, что среди эпиграммъ Челаковскаго есть одна, написанная, по всей вѣроятности, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, на этого доносчика, пока Челаковскій вѣрилъ въ существованіе его:

„Lid poctivý zde lstivě, tejně
padouch ten černil lichodějně.
Což asi v pekle nyní páše?
Tam opak čertíky
za dobré chlapíky
udává prý u satanáše".

Къ Ганкѣ этихъ стиховъ никакъ отнести нельзя.

[2]) Въ письмѣ отъ 23 декабря 1835 г. Sebr. l., str. 107.

щеніе каѳедры не оправдались. Въ чемъ надо искать причину столь строгаго наказанія, понесеннаго Челаковскимъ, на этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Лишенія каѳедры не требовалъ и Татищевъ: такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ Прагѣ. Едва ли не лучшую разгадку этого загадочнаго факта представилъ впослѣдствіи Погодинъ [1]). Австрійское правительство, по его убѣжденію, всѣми силами, всѣми іезуитскими средствами старавшееся сѣять раздоръ между Россіей и славянами, отвращать Россію отъ славянъ и славянъ отъ Россіи, не пропускало самаго мелкаго случая, чтобы подѣйствовать ко вреду Россіи. Челаковскій выразился неприлично, можетъ быть, даже дерзко о рѣчи къ полякамъ Императора Николая. Нашъ посланникъ обратилъ на выходку вниманіе правительства. Челаковскаго тотчасъ лишили журнала, преградили ему вступленіе въ университетъ и повергли въ нищету, распуская слухъ, что все это дѣлается по требованіямъ русскаго правительства: вотъ де каковы русскіе, надѣйтесь на нихъ! А Челаковскій —любимый поэтъ чеховъ, и судьба его возбуждаетъ, разумѣется, общее состраданіе... Состраданіе и общее огорченіе усиливались еще тѣмъ, что Челаковскаго всѣ знали, какъ искренняго друга Россіи, „руссофила" въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, поклонника и цѣнителя русской народной поэзіи, русской литературы, вѣрившаго въ великое будущее родственнаго народа. Лучшими выразителями чувствъ и мыслей были его пѣсни, его непрестанныя стремленія попасть въ Россію и тамъ поработать на славу и пользу славянства. Эти его идеалы и взгляды были хорошо, конечно, извѣстны властямъ предержащимъ, ихъ всегда помнили и въ удобный моментъ жестоко засчитали!

---

[1]) Русская Бесѣда, 1859, I, смѣсь, стр. 59—60.

ГЛАВА IV.

Русскіе путешественники-славяновѣды въ Чехіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

„Národe můj! se raduj! Blízkát' doba dlouho čekaná,
  Vzduch vlažný se jeví přes hory nám zavanuv.
Již se pučí zase dvěstěletou co bylo kryto zimou,
  Slyš to t'ukání: vráz z vejce vyklubne se pták.
Potřepetav perutím, vyšinuv se v výši nebeskou,
  Odvážným se letem povznese nad krajinou.
Sprav se, vlasti milá, oblékni se v roucho milosti,
  Poklady máš hojné, jich vydobyti třeba.
Černá tamto kypí životem znova půda, raduj se,
  Zotročila Tatarův úpěje někdy dlouho ihem.
Mysli čilé k nám od severu, vědy čerpati světla,
  Národové se hrnou—dej Praho ráda co máš.
Máš učených hojnost', schopných též sdíleti chutně,
  Zarputilou pílí co v umu uloženo.
Jsout' bohaté sklady kněh starší chovajíce památky,
  Tamt' jich Hanka střeží k poslnze vždycky volen,
Zvlášt' když z Moskvy svaté neb z Petěrburku na Nevě
  Vzácný host se našel pátrati po Slovanech...
Tamto v Klementinu slavný Šafařík je prováděl...
Jan Ev. Purkyně [1]).

1.

Продолжительныя и достаточно настойчивыя усилія вызвать въ Россію представителей славянской науки изъ Австріи, первоначально—на университетскія каѳедры, затѣмъ—въ качествѣ библіотекарей проектированной Славянской библіотеки, и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ—попытка пригласить въ Москву одного Шафарика завершились, какъ мы видѣли, полною неудачею.

[1]) Světozor, 1887, str. 595.

Мы замѣтили выше, что Комитетъ устройства учебныхъ заведеній отнесся неодобрительно къ мысли Шишкова и его сторонниковъ объ учрежденіи у насъ славянскихъ каѳедръ и о призваніи славянскихъ ученыхъ. Это отрицательное отношеніе Комитета къ проекту не подавало надеждъ на возможность осуществленія его ни въ этомъ, ни въ другомъ какомъ-либо видѣ. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, пока велись, съ большими или меньшими перерывами, переговоры съ извѣстнымъ намъ тріумвиратомъ, совершились значительныя перемѣны во взглядахъ и убѣжденіяхъ, по крайней мѣрѣ, одного изъ представителей этого тріумвирата; продолжительная переписка съ Петербургомъ дала имъ возможность болѣе близко выяснить себѣ будущее свое положеніе въ Россіи, установить болѣе трезвый и близкій къ дѣйствительности взглядъ на условія новаго служенія наукѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, все слабѣе и слабѣе становилось стремленіе ихъ къ переселенію на манившій ихъ нѣкогда сѣверъ.

Неизбѣжнымъ въ концѣ концовъ явился въ рѣшеніи этого вопроса тотъ путь, который былъ указанъ проектомъ академика Паррота, внесеннымъ въ Комитетъ устройства учебныхъ заведеній въ 1827 году,—приготовить для русскихъ университетовъ профессоровъ изъ русскихъ. Изъ рекомендованныхъ имъ для достиженія этой цѣли средствъ наиболѣе дѣйствительное значеніе въ области славяновѣдѣнія могло имѣть, прежде всего, отправленіе профессорскихъ кандидатовъ за границу, въ ученое путешествіе по славянскимъ землямъ. Прежнія случайныя и добровольныя поѣздки смѣняются нынѣ систематическими посылками.

Прошло уже много лѣтъ со времени пребыванія въ Прагѣ (въ 1823 г.) перваго нашего славянскаго путешественника П. И. Кеппена, съ опредѣленными задачами явившагося въ Виѳлеемъ славяновѣдѣнія. Въ этомъ же 1823-мъ году, нѣсколькими мѣсяцами позже мы встрѣчаемъ въ Прагѣ [1]) извѣстнаго своими многочисленными историческими разысканіями С. В. Руссова, который съ несомнѣннымъ увлеченіемъ занимался здѣсь вопросами древней

[1]) Въ знаменитомъ альбомѣ Ганки Кеппенъ расписался 9—21 мая, а Руссовъ 13—25 окт. 1823 г.

чешской исторіи [1]). Съ тѣхъ поръ живыя связи наши съ Прагой сильно ослабѣли и поддерживались въ теченіе цѣлаго десятилѣтія только перепиской, главнымъ образомъ, по извѣстному намъ вопросу о призваніи въ Россію тріумвирата. Случайные посѣтители Праги, къ наукѣ славяновѣдѣнія непричастные и навѣщавшіе ее на пути къ чешскимъ водамъ, были полезными и намъ и Прагѣ вольными или невольными комиссіонерами по книжной части. Но этимъ ихъ роль и исчерпывалась. И только посѣщеніе Праги М. П. Погодинымъ въ 1835 году и знакомство его со всѣми выдающимися чешскими дѣятелями науки и литературы, Шафарикомъ, Юнгманномъ, Палацкимъ, Челаковскимъ, Ганкой и мн. др., внесло оживленіе въ начинавшій было замирать кружокъ.

Съ этого года завязывается у Погодина съ Шафарикомъ оживленная переписка, съ начальными моментами которой мы познакомились въ предыдущей главѣ. Первыя письма Шафарика касались важнаго вопроса,—новаго приглашенія въ Россію. Шафарикъ, какъ мы видѣли, и на этотъ послѣдній призывъ отвѣчалъ отказомъ.

Неудача этихъ послѣднихъ переговоровъ заставила насъ принять мѣры къ обезпеченію учрежденной университетскимъ уставомъ 1835 года новой каѳедры — „исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій". Московскій университетъ выставилъ перваго кандидата для подготовленія къ этой каѳедрѣ—О. М. Бодянскаго, какъ преемника Каченовскому. Въ сентябрѣ 1836 года, слѣдовательно, — спустя немного мѣсяцевъ послѣ февральскаго письма Шафарика съ рѣшительнымъ отказомъ принять предложеніе гр. Строгонова, Бодянскій подалъ прошеніе о допущеніи

---

[1]) Объ этомъ онъ говоритъ: „Бывъ въ Богеміи, могъ я читать многихъ богемскихъ историковъ и читалъ, сколько нужно было по обстоятельствамъ моихъ занятій, особливо читалъ и обозрѣвалъ всѣ памятники богемскихъ древностей". Сѣв. Арх., 1828, ч. XXXI, стр. 354. Результатомъ этихъ занятій были извѣстныя замѣчанія его на статью Востокова: „Убіеніе св. Вячеслава" (Моск. Вѣстн., 1827, ч. V), помѣщенныя въ Сѣв. Арх., 1827, ч. XXIX; 1828, ч. XXXI, и касавшіяся, главнымъ образомъ, вопроса о происхожденіи славянскаго житія св. Вячеслава.

его къ экзамену „преимущественно по предмету исторіи и литературы славянской", а въ октябрѣ онъ держалъ и самое испытаніе у Каченовскаго [1]). Послѣ второго испытанія Каченовскій предложилъ молодому слависту тему для диссертаціи, изъ области славянской этнографіи, о народной поэзіи у славянъ. Задача была выполнена быстро и, при тогдашнихъ средствахъ, успѣшно.

Книга Бодянскаго (О народной поэзіи славянскихъ племенъ. Москва, 1837) свидѣтельствовала о внимательномъ, добросовѣстномъ изученіи избраннаго предмета, проникнута была самыми искренними, теплыми чувствами любви къ славянству и его пѣсенному богатству и представляла въ тогдашней русской ученой литературѣ явленіе въ высокой степени знаменательное. Это былъ первый у насъ опытъ научнаго изученія славянской народной поэзіи, и въ этомъ заключалась главнѣйшая заслуга Бодянскаго. Спустя много лѣтъ по выходѣ диссертаціи Бодянскаго, Срезневскій называлъ ее книгою настольною, не потерявшею значенія. „Кто знаетъ, говорилъ онъ, какія пособія могъ имѣть Бодянскій подъ рукою, когда писалъ свое разсужденіе, какъ мало было тогда возможности познакомиться съ пѣснями народными многихъ славянскихъ народовъ, тотъ долженъ удивляться успѣху труда" [2]).

Разсужденіе Бодянскаго обнаруживало широкое знакомство съ богатствомъ славянскаго народнаго пѣснотворчества и наиболѣе цѣнными мнѣніями о немъ и характеристиками его, при чемъ отражало на себѣ безспорное вліяніе взглядовъ Добровскаго, Шафарика, Коллара, Челаковскаго [3]). Такъ, характеристика славянской народной поэзіи, представленная Бодянскимъ, живо напоминаетъ отдѣльными мѣстами предисловіе Шафарика къ его и Яна Благослава сборнику: „Písně světské lidu slovenského v Uhřích" (1823—1827).

Цѣлую обширную главу своего разсужденія (стр. 56—80) Бодянскій посвящаетъ чешской и отдѣльно моравской народной

---

[1]) А. Кочубинскій, Гр. С. Г. Строгоновъ, В. Евр. 1896, іюль, стр. 190.

[2]) Изв. II Отд. И. А. Н., 1853, II, стр. 294.

[3]) Ср. стр. 22—24, 26, 28 и сл.

пѣснѣ. Онъ начинаетъ свою характеристику ея очеркомъ борьбы съ нѣмцами чеховъ, съ славянскимъ мужествомъ, стойкостью и крѣпостью, бодро и неусыпно отстаивавшихъ свою дѣдину. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ относится къ этой борьбѣ двухъ стихій и съ большимъ одушевленіемъ излагаетъ бурныя событія чешской исторіи XV вѣка.

Съ искреннимъ увлеченіемъ и явными симпатіями къ непрестанно утѣсняемымъ чехамъ, Бодянскій излагаетъ въ общихъ чертахъ гуситскія войны, восхищается неистребимыми таборитами, Подѣбрадомъ, скорбитъ о гибели чешской независимости на Бѣлой Горѣ и радуется, что, несмотря на тяжесть испытаній и ударовъ судьбы, въ потомкахъ живетъ все тотъ же мощный духъ, что чувствованія ихъ не перемѣнились нимало къ стариннымъ своимъ недоброхотамъ, не понизились ни одной ступенью, напротивъ, поднялись еще больше, еще выше [1]). „Ихъ противодѣйствіе „не властенцамъ", не своимъ, не родному ничуть не уменьшилось, но только, слѣдуя закону extremae necessitatis, измѣнило свой бѣгъ, перемѣнило прежнее поле битвы на другое, новое, ограничилось внутреннимъ противуборствомъ, не имѣя возможности направлять свои удары сообща, въ одно и то же время, словомъ и дѣломъ. Тѣмъ не менѣе борьба продолжается, сѣча кипитъ, и бьетъ, и хлещетъ, неутомимо, беззапретно, неумолкаемо, и едва ли когда кончится". Характеръ событій чешской исторіи отразился на „поэтическихъ изліяніяхъ" чешскаго народа, отличающихся, по заключенію Бодянскаго, лирическимъ характеромъ [2]).

Несмотря на новизну темы и несомнѣнныя свои достоинства, книга Бодянскаго встрѣчена была русской критикой недружелюбно, даже нѣкоторыми насмѣшками. Такъ принялъ ее знаменитый Сенковскій въ своемъ журналѣ [3]). Прежде всего, ему

---

[1]) Тамъ же, стр. 60 и сл.

[2]) Матеріалъ для разсужденія о характерѣ чешской пѣсни, преимущественно лирической, дала Бодянскому отчасти статья Ярослава Лангера: České prostonárodní obyčeje a písně, Č. Č. Mus., 1834, I, str. 58, III, str. 268.

[3]) Библ. для чт., 1837, т. XXIII, стр. 15 и сл.

не понравилась идеализація славянства въ трудѣ Бодянскаго, повторившаго чужія и давнія мнѣнія о славянахъ, какъ народѣ умнѣйшемъ, добродѣтельнѣйшемъ и славнѣйшемъ въ мірѣ. Такіе энтузіасты, возражалъ Сенковскій, водятся и до сихъ поръ у западныхъ славянъ, и это очень понятно въ людяхъ, лишенныхъ національной самобытности, въ Добровскихъ, Копитарахъ, Шафарикахъ. Поэтому, съ особенною осторожностью, должно употреблять сочиненія всѣхъ этихъ славянофиловъ. Съ ученостью одностороннею, съ направленіемъ идей ложнымъ, съ народною привычкою прихвастнуть немножко въ случаѣ надобности, въ ученыхъ вопросахъ западнославянскій авторитетъ, утверждалъ Сенковскій, почти всегда болѣе нежели сомнителенъ. У насъ на Руси явились не только почитатели, но и представители этого авторитета, въ числѣ ихъ былъ и Бодянскій. Сенковскому не нравилось уже то, что Бодянскій избралъ эпиграфомъ къ книгѣ своей слова Шафарика: „Die Naturpoesie ist wohl bei keinem Volke mehr zu Hause, als bei den Slaven“. Уже этого было достаточно для осужденія всей книги. „Послѣ этого вы знаете содержаніе диссертаціи Бодянскаго, не читавши ея“, а priori отвергалъ онъ разсужденіе Бодянскаго. Сенковскій находилъ, что оно въ сущности есть новая парафраза того, что нѣкогда говорилъ Венелинъ: „Славяне—первый народъ въ мірѣ по своему поэтическому характеру, и пѣсни ихъ показываютъ славу и добродѣтели великаго народа славянскаго“. Вотъ тема, на которую Бодянскій написалъ новыя варіаціи.

Не находя возможнымъ разсуждать съ энтузіастами, Сенковскій однако признавалъ, что въ диссертаціи Бодянскаго есть много частныхъ дѣльныхъ замѣчаній и любопытныхъ подробностей, которыя показывали большую начитанность и близкое знакомство автора съ славянскими языками.

Едва успѣлъ Бодянскій покончить съ экзаменами и диссертаціей, какъ уже приступилъ къ новой, обширной и нелегкой задачѣ,—къ переводу Славянскихъ Древностей Шафарика на русскій языкъ. Планъ этотъ возникъ, несомнѣнно, значительно раньше, чѣмъ Древности появились въ печати въ цѣломъ своемъ видѣ. Близкія и участливыя отношенія Погодина къ Ша-

фарику создали извѣстную близость къ нему и Бодянскаго. Въ длинномъ перечнѣ лицъ, тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовавшихъ Шафарику въ его трудахъ, Бодянскій занимаетъ, наряду съ Погодинымъ и др., одно изъ первыхъ мѣстъ. „Подвигъ жизни“ Шафарика возбудилъ у насъ не только живѣйшій интересъ, но и глубокое сочувствіе.

Множество подготовительнаго труда, который приходилось совершить Шафарику при созданіи Древностей, требовало „геркулесовскаго мужества“, какъ выразился самъ Шафарикъ. Тяжесть грандіозной задачи облегчалась, въ извѣстной мѣрѣ, общимъ сочувствіемъ къ подвигу жизни Шафарика всего славянскаго ученаго міра, небезцѣнной моральной поддержкой, съ другой стороны —дѣятельной присылкой книгъ, выписокъ изъ нихъ и изъ рукописей, картъ и другихъ пособій. Въ этомъ отношеніи наиболѣе полезнымъ корреспондентомъ Шафарика былъ Погодинъ. Съ первыхъ дней знакомства съ Шафарикомъ въ Прагѣ онъ „заключилъ дружескую связь“ съ нимъ, и эта истинная дружба оставалась неизмѣнною до конца дней ихъ.

Уже въ октябрѣ 1835 года, по возвращеніи Погодина изъ заграничнаго путешествія, Шафарикъ, торопясь окончаніемъ Древностей, которыя къ маю слѣдующаго года думалъ было сдать въ типографію, проситъ московскаго доброжелателя пособить ему по книжной части. Историкъ древняго славянства нуждался въ русскихъ лѣтописяхъ, — у него или у его пражскихъ друзей, Ганки, Юнгманна, Марка, имѣлось лишь весьма немногое: Несторъ въ изданіи Тимковскаго, Лѣтопись Новгородская (Москва, 1819) и Софійскій Временникъ, изданный Строевымъ. Шафарикъ прилагаетъ къ письму довольно обширный списокъ своихъ дезидератовъ. „Не спрашивайте, ради Бога, проситъ онъ Погодина, къ чему нужны мнѣ всѣ эти книги. Если вы когдалибо будете читать мою исторію древнихъ славянъ, то тогда навѣрно больше объ этомъ не спросите“. Для пріобрѣтенія всѣхъ необходимыхъ Шафарику книгъ, по его собственнымъ словамъ, надо было бы затратить цѣлый капиталъ, каковаго у Погодина, особенно послѣ недавняго путешествія, не было. Шафарикъ проситъ Погодина заняться поэтому только собираніемъ

нужныхъ книгъ у своихъ многочисленныхъ ученыхъ друзей. „Вѣдь не всѣ же русскіе Меценаты исчезли со смертью Румянцова!“ говоритъ Шафарикъ. „Я нищенствую не для себя, а для науки. Польза изъ этого проистечетъ и для Россіи“ [1]. „Изъ всѣхъ русскихъ книгъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, мнѣ наиболѣе горестно неимѣніе Румянцовскаго Собранія государственныхъ грамотъ (4 тома), изъ коего я могъ бы набрать много золотыхъ зеренъ для второй части моихъ Древностей. Но это собраніе такъ дорого, что я не могу его купить теперь или просить о немъ моихъ друзей и доброжелателей въ Россіи, чтобы не казаться безстыднымъ и назойливымъ. Въ одномъ изъ писемъ къ г. Кеппену я вкратцѣ упомянулъ объ отсутствіи у меня этого изданія и замолвилъ мимоходомъ, нельзя ли достать его какъ-нибудь въ обмѣнъ на югославянскія книги или рукописи, если бы нашелся какой-нибудь Меценатъ. Какъ вы думаете? Не удобнѣе ли устроить эту мѣну въ Москвѣ? Я желалъ бы получить это сочиненіе въ теченіе наступающей осени; если же это невозможно, то и на будущій годъ оно было бы мнѣ еще очень полезно“ [2].

Передъ „прекрасной душой“ Шафарика, который нищенствуетъ во имя науки, преклоняется Кеппенъ. „Я бѣденъ, писалъ ему Шафарикъ, но я не ищу земныхъ благъ и сокровищъ; трудами своими я могу жить, воспитывая дѣтей своихъ въ тѣхъ священныхъ правилахъ умѣренности, которыя необходимы для счастія людей, необходимы для того, чтобы быть въ состояніи отрекаться отъ мірскихъ искушеній“ [3]. Кеппенъ замѣчалъ по поводу этихъ трогательныхъ строкъ: „Какое чувство можетъ быть благороднѣе этого, и кто въ такомъ случаѣ не пожелалъ бы, что ревнитель словенской славы былъ поддержанъ въ трудахъ своихъ? Да подастся же у насъ къ тому примѣръ щедрою подпискою на его сочиненія, дабы доставить автору возможность пріобрѣтать для разысканій своихъ книги русскія, ему необходимыя, но невсегда доступныя!“

---

1) Письма къ Погодину, 148—149.

2) Тамъ же, стр. 166.

3) Отрывокъ въ Ж. М. Н. Пр., 1836, ч. XI, стр. 220.

Помощь изъ Россіи, и при томъ въ той формѣ, какой Шафарикъ вовсе не ожидалъ, не замедлила послѣдовать.

Приступить къ печатанію Древностей Шафарикъ могъ не раньше іюля или августа 1836 г., и то благодаря скромному пособію изъ фонда Чешскаго Музея. Но пособіе это покрывало едва половину расходовъ по печатанію Древностей; расчитывать на увеличеніе его было нечего: музейные фонды сильно поуменьшились вслѣдствіе печатанія словаря Юнгманна. „Вы видите, писалъ онъ Погодину 20 марта 1836 года, сколько препятствій является для изданія моихъ Древностей. Воистину нужно геркулесовское мужество. Къ тому же окончаніе рукописи отниметъ у меня еще много времени, потребуетъ много труда. Нѣкоторыя части лежатъ у меня еще только въ извлеченіяхъ. Я отсталъ болѣе, нежели думалъ и желалъ. Я долженъ призвать на помощь всѣ свои силы, чтобы итти впередъ. У меня слишкомъ много работы, но съ Божіей помощью я все преодолѣю [1]“. Успѣшному ходу дѣла мѣшала еще усилившаяся зимою болѣзнь Шафарика. Помощь русскихъ друзей въ такомъ положеніи была тѣмъ дороже, тѣмъ цѣннѣй.

Погодинъ видѣлъ лично и хорошо зналъ тѣ тяжелыя матеріальныя условія, при которыхъ Шафарику приходилось работать въ Прагѣ. „Тѣсная рабочая комната, описывалъ онъ его убогій рабочій уголъ, уставлена полками съ книгами; по срединѣ столъ, покрытый бумагами. Подлѣ двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ: жена, словенка родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей. Ходъ въ комнаты мимо кухни. Весь доходъ его отъ литературныхъ трудовъ простирается не свыше двухъ тысячъ рублей (ассигнаціями). Здѣсь-то живетъ и съ такими-то малыми средствами дѣйствуетъ великій мужъ, одинъ изъ первыхъ представителей милліоннаго народа, пекущійся о судьбѣ его на будущія времена, безъ его вѣдома, не только безъ благодарности, безъ славы, признаваемый вполнѣ, можетъ быть, десятью-двадцатью человѣками въ Европѣ, рабо-

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 157—158. Ср. Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XIV, отд. IV, стр. 277.

тающій до упаду отъ утра до вечера надъ сими тяжелыми, изнурительными сочиненіями, коихъ никто почти не покупаетъ, не читаетъ, не знаетъ. О, какъ ничтожными показались мнѣ всякіе нелѣпые проекты и мечтанія! И неужели въ славянскихъ земляхъ, неужели на Святой Руси не найдется такихъ богачей, которые бы удѣлили хоть по крохотной частицѣ отъ своихъ сокровищъ для содѣйствія ученымъ трудамъ Шафарика, не для его пользы, но для пользы всѣхъ славянскихъ племенъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ? Какой драгоцѣнный случай сдѣлать добро, вѣковѣчное добро, посредствомъ пожертвованій, самыхъ маловажныхъ или ничтожныхъ. Шафарикъ не приметъ ихъ, — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но развѣ нѣтъ тысячи средствъ устроить это такъ, чтобы онъ самъ ничего о томъ и не провѣдалъ: скупить экземпляры его изданій, прислать отъ имени неизвѣстнаго, взять на свой счетъ издержки по тому или другому ученому предпріятію, предложить какой-нибудь новый трудъ"[1])...

Въ апрѣлѣ и маѣ 1838 г. Прагу посѣтилъ Т. Н. Грановскій. Крайняя бѣдность Шафарика и его самоотверженное служеніе наукѣ поразили его. „Я не знаю, писалъ тогда Грановскій, чему дивиться болѣе въ Шафарикѣ: его великой учености, или его великому характеру. Онъ не просто бѣдный человѣкъ, а буквально не знаетъ сегодня, что̀ завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его, кромѣ бѣдности, давятъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ. И при всемъ томъ онъ спокоенъ и твердъ".

Отдавшись всецѣло своимъ научнымъ задачамъ, Шафарикъ, по его собственнымъ словамъ, совершенно забывалъ и

---

[1]) Таковъ былъ, между прочимъ, и планъ Сперанскаго, который хотѣлъ помочь Шафарику деньгами, подписавшись на нѣсколько сотъ экземпляровъ его сочиненія, и поручилъ Иванишеву переговорить съ секретаремъ Академіи Языковымъ о томъ, чтобы Академія съ своей стороны присоединила что-нибудь. „Языковъ сказалъ, что у нихъ отобрали сумму, но что онъ сдѣлаетъ предложеніе Академіи. Но изъ этого ничего не вышло", разсказываетъ Иванишевъ въ письмѣ къ Ганкѣ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Россію.

упускалъ изъ виду интересы матеріальные. Положеніе его семьи было чрезвычайно тяжелое,—въ этомъ онъ самъ неоднократно признается въ письмахъ къ Погодину [1]). Шафарикъ нуждался въ помощи друзей, онъ не отказывался отъ нея, но готовъ былъ принять ее только въ томъ видѣ, какъ онъ понималъ эту помощь. Для него дороже всего была поддержка его ученымъ предпріятіямъ, драгоцѣннѣйшимъ подаркомъ для него были книги. Знакомство Шафарика съ Погодинымъ совпало какъ разъ съ окончаніемъ первой части Древностей и съ приготовленіями ихъ къ печати. Моментъ для оказанія поддержки предпріятію его былъ весьма удобный. Вѣроятно, Погодинъ и воспользовался имъ и помогъ Шафарику: къ первому письму къ Погодину Шафарикъ (26 сент. 1835 г.) приложилъ расписку въ полученіи отъ него пятисотъ гульденовъ, за которые обязывался прислать Погодину въ Москву соотвѣтственное количество экземпляровъ своей „Исторіи Славянъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкѣ" (т. е. Древностей).

Но Погодинъ не ограничился этимъ. Въ маѣ 1836 г. Шафарикъ благодаритъ Погодина, — вѣроятно, за новое пособіе: „Сердечно благодарю васъ и неизвѣстныхъ моихъ доброжелателей и друзей. Половину доставленной мнѣ суммы я употреблю на ускореніе печатанія моего труда, которое начнется на слѣдующей недѣлѣ. Безъ этой поддержки для меня было бы трудно начать печатаніе, потому что подписка, сверхъ ожиданія, оказалась весьма неудачной" [2]). Пособіе Музея едва покрывало важнѣйшіе расходы по печатанію. Помощь Погодина и неизвѣстныхъ московскихъ доброжелателей выручала Шафарика изъ

---

[1]) Ср. письмо отъ 26 сентября 1835 г. Письма, стр. 144.

[2]) Письма, стр. 160–161; ср. Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XIV, отд. IV, 278. Въ письмахъ слѣдующаго 1837-го года, отъ мая 23-го и іюля 18-го, Шафарикъ благодаритъ Погодина за полученіе новаго пособія въ 500 рублей. Это было пособіе людей, не знавшихъ, вѣроятно, за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, Шафарика и по имени. „Отъ русскихъ ученыхъ и авторовъ, съ грустью замѣчалъ Погодинъ, увы! я не получалъ еще ничего въ пособіе ихъ знаменитому собрату." О позднѣйшихъ (1845–1846 гг.) пожертвованіяхъ въ пользу Шафарика см. Письма, стр. 339, примѣч.

затруднительнаго положенія и давала ему возможность совершить поѣздку въ Теплицы для лѣченія старой болѣзни.

„Вы не будете удивляться, писалъ онъ Погодину 4 іюля 1836 г., если я вамъ откровенно признаюсь, что безъ вашей присылки Древности едва ли бы вышли въ нынѣшнемъ году". Но планъ ѣхать на воды разстроился, и предназначавшуюся для этой поѣздки вторую половину московскаго пособія Шафарикъ рѣшилъ обратить на отливку кирилловскихъ письменъ. „Этими буквами должны быть напечатаны южнославянскіе памятники языка и литературы", сообщалъ онъ Погодину и предлагалъ ему, если эти буквы ему понравятся, получить матрицы шрифтовъ, для печатанія Евгеніевской псалтыри. Погодинъ непрестанно памятовалъ о пражскомъ своемъ другѣ, труженикѣ и безсребреникѣ. Сдѣлавъ извлеченіе изъ писемъ къ нему Шафарика за 1836 годъ для Журнала Мин. Нар. Просв. [1]), Погодинъ въ препроводительномъ письмѣ къ редактору заявлялъ: „Вашимъ ученымъ читателямъ, вѣрно, будетъ пріятно познакомиться поближе съ этимъ необыкновеннымъ писателемъ, въ которомъ не знаешь, кому удивляться больше: человѣку, гражданину или ученому, — съ препятствіями, кои предстоятъ на пути его, съ тѣмъ великодушіемъ, коимъ онъ побѣждаетъ ихъ, съ его любовью къ русской исторіи и литературѣ, съ безкорыстною преданностію наукѣ". Погодинъ откровенно высказывалъ свою мысль: ему хотѣлось обратить вниманіе читателей Ж. М. Н. Пр., преимущественно—представителей нашего ученаго міра, на Шафарика и его труды [2]). „Можетъ быть, говорилъ далѣе Погодинъ, нѣкоторые изъ нихъ пожелаютъ, особенно теперь, облагодѣтельствованные послѣднимъ Постановленіемъ о пенсіяхъ, успокоенные за себя и за свои семейства на всю жизнь, пожелаютъ даже подѣлиться своими избытками съ знаменитымъ собратомъ, въ содѣйствіи его ученымъ трудамъ, столько важ-

[1]) „Извѣстіе о трудахъ Шафарика", въ Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XIV, отд. IV, стр. 276 и сл.

[2]) Погодинъ сумѣлъ привлечь къ участію въ добромъ дѣлѣ достойныхъ жертвователей. Успѣху дѣла препятствовала однако неизвѣстность имени Шафарика въ нашемъ обществѣ. Получивъ

нымъ и для русской литературы: ибо чѣмъ лучше выразить наши чувства, какъ не подобнымъ дѣломъ"...

Содѣйствіе ученымъ трудамъ Шафарика посылкой ему необходимыхъ русскихъ историческихъ и литературныхъ изслѣдованій и изданій матеріаловъ оказываемо было широкое, и Шафарикъ дорого цѣнилъ эти посылки. При отсутствіи благоустроенныхъ сношеній по книжной части между Прагой и Москвой и Петербургомъ приходилось прибѣгать нерѣдко къ случайнымъ „оказіямъ", къ любезности русскихъ путешественниковъ или направлявшихся на чешскія воды больныхъ. Но этотъ путь былъ тоже не всегда благонадеженъ. „Ваше сообщеніе, что вы посылаете мнѣ русскія книги съ путешественникомъ, меня сильно озабочиваетъ. Я опасаюсь, что этимъ путемъ ничего не получу. Много случаевъ доказательствомъ тому", выражаетъ какъ-то Шафарикъ свои опасенія Погодину (7 августа 1836 г.). Въ ожиданіи какой-то посылки Погодина онъ пишетъ въ Москву (24 октября 1836 г.): „Съ какимъ томленіемъ жду я книгъ, я не могу вамъ этого выразить. Благодарить васъ словами считаю безполезнымъ: моя благодарность должна выражаться въ тщательномъ изученіи доставляемыхъ мнѣ сокровищъ". Замедленіе въ доставкѣ посылки изъ Гамбурга опять волнуетъ Шафарика. „Не замедлилось ли отправленіе изъ Петербурга?" спрашиваетъ онъ Погодина. „Тяжело будетъ мнѣ, если я не

отъ Погодина предложеніе производить денежные сборы въ пользу Вука Караджича и Шафарика, Краевскій писалъ ему: „Охотно примемся здѣсь собирать деньги въ пользу Шафарика. Скажите хорошенько, толковѣе, яснѣе нашимъ боярамъ, кто сіи Шафарикъ и Вукъ, чѣмъ они занимаются, что сдѣлали, въ чемъ нуждаются. Пришлите все это ко мнѣ, а я черезъ Одоевскаго, Пушкина, Віельгорскаго пущу въ ходъ по разнымъ угламъ. Авось, Богъ поможетъ тронуть глыбы ледяныя". Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, IV, стр. 417—418. О Шафарикѣ у насъ знали, дѣйствительно, очень мало. О „докторѣ и профессорѣ Сафарикѣ, членѣ Іенскаго Латинскаго Общества, занимающемъ почетное мѣсто между богемскими стихотворцами", едва ли не первыя строки встрѣчаемъ въ Сынѣ Отеч. (1822, ч. 77 и 78), въ статьѣ: „Обозрѣніе новѣйшей богемской литературы", переведенной изъ Gesellschafter 1822 г.

въ состояніи буду воспользоваться этими книгами для отдѣленія о русской исторіи, которое этою зимою пойдетъ въ печать". Полученіе книжной посылки изъ Россіи — для Шафарика большое торжество! „Книги, кои вы прислали мнѣ, пишетъ онъ Погодину, занимаютъ меня день и ночь, болѣе, нежели на то позволяетъ мое здоровье и въ особенности—мои глаза. Особенно важны для меня Лѣтописи (Несторъ и продолжатели), Достопамятности, Древняя Идрографія, Собраніе государственныхъ грамотъ, Сборникъ Муханова и пр. и пр., т. е. древнѣйшіе источники и документы! Какія сокровища, какіе рудники для изслѣдователей и знатоковъ! Прошу васъ, засвидѣтельствуйте, если возможно, лично сердечную благодарность отъ моего имени гг. Малиновскому и Муханову за радость, доставленную мнѣ ихъ щедрыми подарками. Сборникъ Муханова мнѣ равно важенъ и для языка и для исторіи". Шафарикъ поясняетъ при этомъ, въ чемъ заключается важное значеніе этихъ „молодыхъ, но подлинныхъ" источниковъ: только при ихъ помощи можно понимать основательно сказанія древнѣйшихъ греческихъ и латинскихъ лѣтописателей о славянахъ. Невольно завидуетъ онъ счастію русскихъ ученыхъ: „Такихъ сокровищъ для нашихъ древностей, какими обладаютъ русскіе, не имѣетъ весь остальной славянскій міръ. Мы имѣемъ тамъ и сямъ сухіе листы,—у васъ цѣлые вѣковые лѣса; мы имѣемъ нѣсколько крупинокъ, разсыпанныхъ въ грязи, — у васъ цѣлыя горы". При этомъ Шафарикъ дѣлаетъ общій упрекъ молодымъ русскимъ ученымъ, въ трудахъ коихъ, даже и въ лучшихъ, обнаруживаются печальныя слѣдствія закоснѣлой односторонности и предубѣжденія въ отношеніи къ славянству.

Видя истинное расположеніе къ нему русскихъ друзей его, Шафарикъ еще разъ проситъ Погодина и другихъ благопріятелей раздобыть для него необходимыя изданія, которыхъ у него еще нѣтъ, и списокъ ихъ прилагаетъ къ письму. Это — опять: русскія лѣтописи, Законы В. Кн. Іоанна Вас. и Судебникъ въ изданіи Калайдовича и Строева; Путешествіе къ татарамъ, переводъ Языкова (1825 г.); матеріалы этнографическіе: пословицы Снегирева, пѣсни Чулкова; далѣе въ списокъ внесены: Запорож-

ская Старина Срезневскаго, Новикова Древняя росс. вивліоѳика и пр. Вообще Шафарикъ проситъ собирать для него такія изданія, въ которыхъ встрѣчаются древніе документы, хроники, грамоты (до XVI ст.) и т. п. [1]).

Особенно драгоцѣнны были сообщенія, касавшіяся исторіи славянства сѣвернаго, ибо только при содѣйствіи русскихъ корреспондентовъ надѣялся Шафарикъ надлежаще обработать эту часть Древностей [2]). „Все, даже самое маловажное на видъ, будетъ для меня полезно. Вамъ извѣстно свойство моей мозаической работы. Изъ тысячи различныхъ источниковъ почерпаю я матеріалъ, пищу, свѣтъ. Часто одно слово, случайно открытое и найденное, важно безконечно. Вы не можете представить себѣ, напримѣръ, какую великую цѣну пріобрѣли для нашихъ Древностей слова: велетъ, волотъ (gigas), дѣй (victor) и проч. Чѣмъ обильнѣе будутъ собранія ваши и вашихъ друзей для меня, тѣмъ законченнѣе явится мой трудъ [3])".

За широкое и любовное содѣйствіе подвигу жизни своей Шафарикъ выразилъ Погодину благодарность въ предисловіи къ Слав. Древностямъ: „И тебя благодарю, любезнѣйшій М. П. Погодинъ, который, видѣвши, во время своего у насъ пребыванія въ августѣ 1835 года, сочиненіе это еще неоконченнымъ, оцѣнилъ его душой истиннаго славянина и не переставалъ съ тѣхъ поръ помогать мнѣ всѣми мѣрами къ обогаще-

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 184, 187—188.

[2]) Въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣнны были для Шафарика труды Шегрена, Френа, Шармуа и др. нашихъ филологовъ и оріенталистовъ. Отвѣчая на просьбу Шафарика о присылкѣ изслѣдованія объ Ами и другихъ сочиненій, Шегренъ 25 августа 1835 года изъ Петербурга писалъ ему: „Вы чрезвычайно пріятно поразили меня, и это тѣмъ радостнѣе для меня, чѣмъ менѣе я могъ ожидать и надѣяться, что мои незначительные труды нашли вдалекѣ такое лестное для меня вниманіе и это со стороны человѣка, котораго я всегда признавалъ и почиталъ лишь какъ великаго знатока славянскихъ народовъ и исторіи славянскихъ языка и литературы". А. А. Кочубинскій, О. М. Бодянскій. Слав. Обозр., 1892, III, стр. 298.

[3]) Письма къ Погодину, стр. 158—159.

нію и скорѣйшему изданію его. Не разъ казалось мнѣ при сочиненіи этого творенія, что я какъ будто для однихъ васъ (васъ и Палацкаго) писалъ его; что одни только вы, читая его, можете сочувствовать и понимать меня; а потому мнѣ весьма пріятно было бы, если бъ прежде всего ваши глаза съ радостію и любовью остановились на немъ, теперь уже приведенномъ къ концу [1])".

О новомъ трудѣ Шафарика русскій ученый міръ имѣлъ уже въ 1835 году достаточно подробныя свѣдѣнія. Въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія изъ Германіи (отъ 7—19 сентября 1835 года) Погодинъ, только что познакомившійся въ Прагѣ съ Шафарикомъ, сообщалъ, что чешскій ученый оканчиваетъ свою Древнѣйшую Исторію Славянъ, которою занимался нѣсколько лѣтъ. Тутъ же Погодинъ весьма кстати выяснялъ значеніе труда Шафарика. „Нѣмецкіе писатели, говорилъ онъ, занимаясь всѣми языками на свѣтѣ, живыми и мертвыми, еврейскимъ и санскритскимъ, китайскимъ и коптскимъ, имѣютъ до сихъ поръ какое-то непонятное отвращеніе отъ славянскаго и печатаютъ объ этомъ всемірномъ народѣ такъ, что читать стыдно за нихъ. Они никакъ не могутъ вразумиться, что общая исторія не можетъ быть безъ славянской, и что, слѣдовательно, всѣ ихъ сочиненія въ этомъ родѣ имѣютъ только относительное достоинство". Погодинъ достаточно ознакомился съ сочиненіемъ Шафарика; по его увѣренію, этотъ трудъ произведетъ рѣшительную реформацію въ исторіи и положитъ твердое основаніе частнымъ исторіямъ славянскихъ племенъ. Все сочиненіе, какъ сообщалъ Погодинъ, должно состоять изъ двухъ огромныхъ томовъ: первый, или историко-географическая часть, предполагалось отпечатать въ 1836 году; второй—о нравахъ, обычаяхъ, образованіи, религіи древнихъ славянъ, долженъ былъ выйти въ слѣдующемъ году [2]).

Свѣдѣнія эти не могли, конечно, остаться неизвѣстными Академіи, въ эти годы особенно старавшейся слѣдить за сла-

---

[1]) См. тоже письмо Бодянскаго къ Погодину изъ Праги отъ 20 декабря 1837 г. и Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XIX, стр. 197, гдѣ Погодинымъ напечатаны выдержки изъ письма Бодянскаго.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1835, ч. VII, отд. V, стр. 547.

вянскими научными новостями. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія письма Погодина, она получила о новомъ трудѣ Шафарика оффиціальную записку П. И. Кеппена, отъ 31-го марта 1836 года. „Почитая священною ту высокую цѣль, докладывалъ Кеппенъ, которая побудила Екатерину Великую учредить Россійскую Академію, и чувствуя, сколь много Академія сія должна дорожить литературою и литераторами разныхъ словенскихъ народовъ, я рѣшаюсь обратить вниманіе Академіи на новый трудъ извѣстнаго сочинителя Исторіи словенскаго языка и его литературы, Г-на Шафарика,—поступившую въ печать книгу о Словенскихъ древностяхъ (Slovanské Starožitnosti)“. Представляя при запискѣ своей объявленіе объ изданіи этого труда, Кеппенъ выражалъ надежду, что „Академіи угодно будетъ поддержать автора подпискою на опредѣленное число экземпляровъ, число, которое могло бы служить доказательствомъ, что Академія принимаетъ истинное участіе какъ въ разысканіяхъ сего рода, такъ и въ успѣхѣ этого предпріятія [1])“. Въ этомъ же 1836 году Академія получила и отъ самого Шафарика Praenumerations-Ankündigung о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ его труда; въ письмѣ же отъ 30 янв. н. ст. 1837 г. къ Языкову Шафарикъ извѣщалъ, что вмѣстѣ съ этимъ письмомъ онъ посылаетъ для библіотеки Академіи первые три выпуска Древностей [2]). Шафарикъ видѣлъ нынѣ въ Россійской Академіи „единственный институтъ во всей Европѣ для славянскаго языка и литературы“, смотрѣлъ на нее, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ славянъ, какъ смотритъ правовѣрный магометанинъ на Мекку, и ожидалъ отъ нея поддержки своимъ великимъ начинаніямъ.

Желая усилить свои сношенія съ нѣкоторыми изъ ученыхъ австрійской имперіи и имѣть „вѣрнѣйшія свѣдѣнія о словесности западныхъ и южныхъ словенъ и лицахъ, упражняющихся въ оной съ отличностью“, Академія возложила на своего непремѣннаго секретаря Д. И. Языкова порученіе обратить-

---

[1]) См. Приложенія, стр. XIX.
[2]) Письма къ Погодину, стр. 193.

ся къ священнику нашей вѣнской миссіи Г. Т. Меглицкому съ просьбою принять на себя трудъ о сообщеніи ей сказанныхъ свѣдѣній [1]). Въ то же время Академія спрашивала у него совѣта и указаній относительно того, какія славянскія книги заслуживаютъ, по его мнѣнію, быть помѣщенными въ академическую библіотеку. Личное знакомство Меглицкаго съ большею частью австрійскихъ ученыхъ славянъ, на которое расчитывала Академія, должно было въ значительной степени облегчить выполненіе возлагавшейся на него задачи.

Но самая существенная просьба Академіи состояла въ слѣдующемъ. Академія, цѣня труды Меглицкаго по сношеніямъ съ нею, просила его принять на себя трудъ перевести на русскій языкъ: „Исторію Богемскаго Королевства" Палацкаго и „Первобытную исторію Словенъ" Шафарика, какъ скоро онѣ будутъ напечатаны. Объ этомъ порученіи Академіи извѣщалъ его Языковъ 8-го мая 1836 года. Меглицкій со всею готовностью принялъ на себя обязанность доставлять Академіи свѣдѣнія о состояніи литературы восточныхъ и западныхъ славянъ, но не безъ колебаній согласился взяться за выполненіе второй, болѣе трудной и отвѣтственной задачи. 22-го іюня 1836 г., снесшись предварительно съ Шафарикомъ, онъ отвѣчалъ Языкову: „Долго не смѣлъ я рѣшиться на предпріятіе перевода Словянскихъ Древностей, издаваемыхъ г. Шафарикомъ только на богемскомъ языкѣ,—сіе самое совершенно противу моей воли замедлило и настоящій отвѣтъ мой, — но, получивъ отъ сочинителя увѣдомленіе, что на нѣмецкомъ языкѣ появится то же самое твореніе не прежде, какъ по истеченіи двухъ или трехъ лѣтъ, подвергаю себя труду переводить Словянскія Древности

---

[1]) Меглицкій былъ уже извѣстенъ Академіи, какъ переводчикъ книги К. Экономида: „Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славянороссійскаго съ греческимъ" (1828 г.). Кромѣ того, его особенно рекомендовалъ вниманію Сербиновича А. Титовъ, какъ человѣка „равно достойнаго уваженія со стороны ума и сердца". „Давно и горячо занимаясь науками и языками, онъ лично знакомъ съ большею частію здѣшнихъ ученыхъ и знаетъ все, что выходитъ новаго", писалъ о немъ изъ Вѣны Титовъ въ 1835 году

даже съ богемскаго языка и начну оный тотчасъ, какъ скоро получу первые отпечатанные листы". Такимъ образомъ, русскій переводъ Древностей выходилъ бы вслѣдъ за чешскимъ оригиналомъ, какъ этого желалъ самъ Шафарикъ [1]).

Въ этомъ же письмѣ Меглицкій заявлялъ, что не отказывается также и отъ перевода „Исторіи Богемскаго королевства", но предупреждалъ только, что переводъ этотъ по необходимости будетъ замедленъ выполненіемъ первой задачи.

Меглицкій энергично приступилъ къ дѣлу. 4 (16)-го февраля 1837 г. онъ отослалъ Языкову переводъ первыхъ двухъ книжекъ Славянскихъ Древностей, при чемъ тогда же счелъ долгомъ высказать ему свои сомнѣнія относительно продолженія этого труда. Онъ писалъ Языкову: „Прошедшаго мѣсяца, бывъ въ Мюнхенѣ ради болѣзни кн. Гр. Ив. Гагарина, я читалъ тамъ Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1836 г., мѣсяцъ сентябрь, въ которомъ усмотрѣлъ объявленіе о переводѣ тѣхъ же самыхъ Древностей, начатомъ г. профессоромъ Погодинымъ [2]).

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 163. Объявленіе объ изданіи Древностей, написанное самимъ Шафарикомъ, помѣщено было на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ первой книжкѣ Č. Č. Mus. 1836 г.; оно помѣчено 1-ымъ февраля 1836 г. Программа Древностей напечатана была Погодинымъ въ Наблюдателѣ, 1836 г., май, кн. 2-ая, при чемъ Погодинъ заявлялъ, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на себя выписку этого сочиненія отъ Шафарика для русскихъ любителей славянской исторіи (по 25 р. асс. за полный экземпляръ).

[2]) Въ этой книжкѣ Ж. М. Н. Пр. (1836, ч. XI, стр. 657; ср. еще стр. 427) прежде всего сообщилъ въ „славянскихъ новостяхъ" о полученіи только что вышедшей I-ой книги Славянскихъ Древностей Кеппенъ. Отмѣтивъ, что извлеченіе изъ этихъ разысканій было уже напечатано въ берлинскомъ Magazin f. die Litt. des Auslandes (1836, № 91—93), Кеппенъ выразилъ желаніе, чтобы трудъ Шафарика вскорѣ былъ изданъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Вслѣдъ за этими строками слѣдуютъ „еще славянскія новости" (стр. 659—662) Погодина, сообщающаго о предстоящемъ выходѣ русскаго перевода Древностей. Погодинъ говоритъ здѣсь, что уже 3-го сентября онъ получилъ первую тетрадь въ 10 листовъ, вышедшую 1 августа. Одновременно Шафарикъ послалъ первую тетрадь и Кеппену. Письма къ Погодину, стр. 169.

„Въ соревнователѣ моемъ примѣтилъ я не только особенное усердіе и быстроту по отношенію къ его предпріятію, но и необыкновенные способы совершить оное съ успѣхомъ". Погодинъ, получивъ оригиналъ 3-го сентября, къ 18-ому числу того же мѣсяца обѣщалъ прислать Шафарику первый корректурный листъ перевода! Быстрота перевода и печатанія была, въ самомъ дѣлѣ, поразительна и поневолѣ должна была устрашить заграничнаго переводчика, принужденнаго сноситься съ Академіей и отъ нея зависѣвшаго. Странно однако то, что Меглицкій, вѣроятно, обращавшійся къ Шафарику за разрѣшеніемъ перевести Древности, какъ будто не былъ освѣдомленъ насчетъ намѣреній Погодина. Погодинъ, какъ можно полагать, уже при первомъ свиданіи съ Шафарикомъ, когда ему пришлось познакомиться съ Древностями еще въ рукописи, предложилъ ему свои услуги по переводу его труда, о которомъ онъ отзывался съ такимъ восторгомъ. Конечно, Погодину необходимо было бы подготовиться къ работѣ переводчика. Съ этою цѣлью въ маѣ 1836 г. Шафарикъ посылаетъ Погодину два „плохихъ" (за отсутствіемъ лучшихъ) чешско-нѣмецкихъ словаря и проситъ его постараться по возможности усвоить себѣ чешскій языкъ, чтобы можно было приступить къ переводу Древностей немедленно по ихъ выходѣ въ свѣтъ. Но та же самая мысль нѣсколько раньше и, повидимому, самостоятельно возникла и въ головѣ Бодянскаго. По крайней мѣрѣ, такъ можно полагать на основаніи предисловія къ переведеннымъ имъ Древностямъ. Бодянскій, приготовляясь въ это время къ магистерскому экзамену, внимательно, конечно, слѣдилъ за всѣми доступными ему въ Москвѣ явленіями славянской научной литературы, и статьи Шафарика должны были особенно привлекать его вниманіе.

„Прочитавъ въ Журналѣ Чешскаго Музея нѣсколько отрывковъ изъ Славянскихъ Древностей, говоритъ Бодянскій, я тотчасъ же рѣшился приступить къ переводу этого превосходнаго творенія, проливающаго новый свѣтъ на исторію всѣхъ вообще славянъ и въ частности—на исторію Руси, лишь только оно выйдетъ въ свѣтъ". Предварительно Бодянскій переводитъ всѣ помѣщенныя въ Часописи Чешскаго Музея статьи Шафарика

и нѣкоторыя изъ нихъ печатаетъ въ московскихъ журналахъ [1]. Переводы эти, съ одной стороны, являлись опытами новой дѣятельности Бодянскаго, съ другой—они должни были со временемъ, при переводѣ большого труда Шафарика, облегчить обширную задачу переводчика. Погодинъ, не видѣвшій возможности исполнить самостоятельно обѣщаніе, данное пражскому другу, нашелъ себѣ въ Бодянскомъ хорошаго и, безъ сомнѣнія, единственнаго въ Москвѣ замѣстителя. Въ то же самое время принимается за переводъ Древностей и Прейсъ, напечатавшій въ Ж. М. Н. Пр. за 1837 годъ переводъ § 11 первой части Древностей, а именно—отрывокъ о волохахъ Нестора [2].

---

[1]) Сообщая Шафарику, по просьбѣ Погодина, нѣкоторые матеріалы для его Народописи, Бодянскій въ одномъ изъ писемъ (отъ 23 августа 1836 года) знакомитъ Шафарика съ своей переводческой дѣятельностью: „Заключая это письмо, скажу вамъ, что всѣ ваши историческія изслѣдованія, помѣщенныя въ Часописи Чешскаго Музея 1833—1835 г., переведены мною и напечатаны въ здѣшнихъ журналахъ, именно: „Přehled neynov. lit. illyr. Slov.“ и „Přehled pramenů st. hist. slov.“ въ IX, X, XI и XII №№ Телескопа; „O nár. zm. Skyth.“ и „Myšl. o starob. slov. v Eur.“ въ VIII и IX №№ (1836) Московскаго Наблюдателя; „O nár. km. litev.“ будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Телескопа. Сверхъ того, переведены мною же, но еще нигдѣ не напечатаны: J. Langer: České prost. obyčeje a pjsně; F. Palacký: O velik. stěh. se nár. z As. do Eur.; J. Dobrovský: Slovauli Slov. и пр.; Čech neb Čechové odkud tak slugj? F. L. Čelakovský: Prost. pjsně slov. v Luž.; Чешская Грамм. по Добровскому — Ганки; Грамм. иллир. яз. — Иг. Ал. Берлича; Грамм. Винд. яз.—Ан. И. Мурко; начатъ переводъ Hist. lit. České—I. Юнгманна. Съ нетерп. ожидаю выхода Вашихъ Старожитн. Слов. и Чешской Исторіи Г. Палацкаго“. Шафарикъ самъ желалъ познакомить русскій ученый міръ съ своими трудами, такъ какъ ему казалось, что въ Россіи о немъ мало или почти ничего не знаютъ. Съ этою цѣлью онъ посылаетъ съ первымъ письмомъ (26 сент. 1835 г.) къ Погодину свою біографію и оттиски статей изъ Часописи Музея. „Быть можетъ, вы найдете возможнымъ перевести нѣкоторыя изъ нихъ на русскій языкъ и напечатать?“ спрашивалъ онъ Погодина. Возможно, что Бодянскій принялся за переводъ ихъ по порученію или указанію Погодина.

[2]) Ч. XIV, стр. 213—235.

Возвратившись въ Вѣну изъ своей поѣздки въ Мюнхенъ, Меглицкій узналъ изъ извѣщенія Часописи, что въ Прагѣ былъ уже полученъ корректурный листъ московскаго перевода Древностей [1]). Меглицкому не оставалось ничего больше, какъ только отказаться отъ задачи, возложенной на него Академіей, что̀ онъ съ полнымъ достоинствомъ и сдѣлалъ. „Мнѣ невозможно имѣть подобныхъ сношеній съ г. Шафарикомъ, извѣщалъ онъ Языкова, и я откровенно признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ отъ г. Погодина можно болѣе ожидать, нежели отъ меня. Мой трудъ дѣлается излишнимъ тѣмъ паче, что благодѣтельныя намѣренія И. Р. Академіи удовлетворительнѣе и скорѣе исполнятся означеннымъ предпріятіемъ г. профессора московскаго университета“. Меглицкій разставался съ лестнымъ для него порученіемъ Академіи не безъ сожалѣнія: ему хотѣлось принять хоть нѣкоторое участіе въ переводѣ Древностей на русскій языкъ, и поэтому онъ изъявляетъ тогда же готовность помогать Погодину въ его трудѣ,—конечно, съ деликатной оговоркой: ежели только это угодно будетъ Академіи и не противно трудящемуся въ переводѣ. Отказываясь отъ продолженія перевода Древностей, Меглицкій все-таки ожидаетъ отъ Академіи окончательной резолюціи по этому дѣлу. „При сихъ обстоятельствахъ, заключаетъ онъ свое письмо, вы видите, что трудъ мой не можетъ быть продолжаемъ, доколѣ Вашему Превосходительству не угодно будетъ почтить меня особеннымъ наставленіемъ по сему предмету“ [2]). Вѣнскій „соревнователь“ Погодина и Бодянскаго добровольно, какъ слѣдовало ожидать, усту-

---

[1]) Въ Č. Č. Mus., 1836, str. 371, помѣщена была замѣтка о вышедшихъ изъ печати I и II-омъ выпускахъ (листы 1—20) Слав. Древностей, при чемъ въ ней сообщалось: „Dílo to již do ruštiny se překládá; my viděli sami první arch, v Moskvě tištěný“.

[2]) Ту часть этого письма, которая касается перевода Древностей, Меглицкій 6 (18-го) февраля поспѣшилъ отдѣльно сообщить Языкову, такъ какъ дѣло было дѣйствительно важное, а наша вѣнская посольская канцелярія, „за неимѣніемъ отправленія курьера“, не могла отправить пакета Меглицкаго, съ письмомъ и переводомъ двухъ книжекъ Древностей, по назначенію.

пилъ болѣе призваннымъ и компетентнымъ московскимъ ученымъ. Для Шафарика, который съ недовѣріемъ относился къ неизвѣстному ему переводчику-священнику, это извѣстіе должно было быть пріятнымъ [1]).

Бодянскій, несмотря на крайній недостатокъ свободнаго времени, занятый магистерскимъ экзаменомъ и диссертаціей, принялся однако усердно за дѣло. Условія Погодина, чтобы тетради русскаго перевода выходили вслѣдъ за тетрадями оригинала и шли такъ параллельно до конца, не смутили его, и благодаря своему трудолюбію онъ сдержалъ обѣщаніе. Уже 24-го февраля 1837 года Кеппенъ изъ Петербурга писалъ Шафарику: „Премного благодаренъ за третью тетрадь вашего сочиненія, одинъ экземпляръ котораго тотчасъ же отправленъ въ Москву. Погодинъ мнѣ пишетъ, что первая тетрадь переведена и печатается. Если она (вѣроятно, онъ разумѣетъ первый выпускъ или, скорѣй, первое отдѣленіе, которое, какъ вы говорите, будетъ состоять изъ шести тетрадей) найдетъ достаточный сбытъ, чтобы расходы были покрыты, то тогда должно послѣдовать и продолженіе“ [2]).

Вскорѣ однако Шафарику пришлось разочароваться въ исполненіи московскими друзьями взятой ими на себя задачи. Второго ноября н. ст. 1836 г. Шафарикъ получилъ первый листъ русскаго перевода. „Желаю успѣха этому предпріятію, писалъ онъ Погодину, но я боюсь, что вы черезчуръ съ нимъ поторопились“. Шафарикъ видимо досадовалъ на торопливость друзей, неряшество и неудобство русскаго изданія, которое грозило непомѣрно разростись. „Переводъ сдѣланный съ такою торопливостью и поспѣшностью не можетъ быть хорошимъ“, откровенно выражалъ онъ свое мнѣніе. Ему не нравился и слишкомъ маленькій, неудобный для пользованія форматъ; первый томъ чешскаго изданія, предполагавшійся въ объемѣ 62—65 листовъ, долженъ былъ бы въ русскомъ изданіи состоять по мень-

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 200.

[2]) А. А. Кочубинскій, Гр. С. А. Строгановъ, В. Евр., 1896, августъ, стр. 484.

шей мѣрѣ изъ 124 — 130 листовъ; пришлось бы сдѣлать изъ одного тома два, при томъ чрезвычайно неуклюжихъ и неудобныхъ для пользованія и т. п. [1]). Къ тому же переводъ оказывался далеко не безупречнымъ со стороны стилистической. Язвительный Сенковскій, строгій въ своихъ отзывахъ о Шафарикѣ и Бодянскомъ, мѣтко обозначилъ достоинство перевода: „Переводъ Славянскихъ Древностей сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ". Между тѣмъ у насъ имѣлся переводъ Меглицкаго, но о достоинствахъ его нельзя было судить, ибо переводъ лежалъ въ Академіи, въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Только въ маѣ 1837 года въ собраніи Академіи разсуждаемо было о переводѣ Древностей на русскій языкъ и тогда же положено было просить Погодина, чтобы онъ увѣдомилъ Академію, кончилъ ли онъ переводъ первой части названнаго сочиненія, и не угодно ли ему будетъ прислать этотъ переводъ или какой-либо отрывокъ изъ него въ Академію. Очевидно, Академія, встрѣтивши неожиданно соперника своему плану, не желала тотчасъ же принять опредѣленное рѣшеніе, благопріятное или неблагопріятное для труда Меглицкаго, а предпочла дѣйствовать осторожно. Положеніе ея было нѣсколько затруднительное и неловкое: она искала въ Вѣнѣ человѣка, способнаго выполнить ея порученіе, въ то время, когда Древности переводились уже въ Москвѣ. Необходимо было рѣшить вопросъ, кто изъ двухъ, неожиданно столкнувшихся переводчиковъ лучше исполнитъ нелегкое дѣло перевода. Въ засѣданіи, въ коемъ обсуждался этотъ вопросъ, присутствовалъ въ числѣ прочихъ и Д. М. Княжевичъ. Зная, что онъ вскорѣ долженъ былъ отправиться въ Москву, Языковъ проситъ его (11-го мая 1837 г.) принять на себя трудъ переговорить съ Погодинымъ о переводѣ Древностей и сообщить его отзывъ по этому вопросу.

Погодинъ отвѣчалъ Княжевичу 8-го іюня 1837 г.: „Первая книга Славянскихъ Древностей Шафарика совершенно переведена г. Бодянскимъ и издана мною. Вторая печатается и

[1]) Письмо къ Погодину отъ 7 ноября 1836 г. н. ст.

выйдетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Потомъ приступимъ и къ третьей". Не зная, повидимому, истинной цѣли запроса Академіи, Погодинъ рѣшилъ воспользоваться вниманіемъ ея къ его изданію. „Если бы Академія приняла участіе въ нашемъ предпріятіи, писалъ онъ Княжевичу, то оно пошло бы еще успѣшнѣе, и публика получила бы немедленно на русскомъ языкѣ это классическое сочиненіе Шафарика, заключающее непреоборимыя историческія доказательства о глубокой древности народа и языка славянскаго". Но Погодинъ имѣлъ въ виду не исключительно себя, онъ желалъ найти въ Академіи сочувствіе и поддержку, главнымъ образомъ, своему другу. „Еще большую услугу, продолжалъ онъ, оказала бы Академія всему ученому міру, подкрѣпивъ самого Шафарика денежнымъ пособіемъ для окончанія печатаніемъ его огромнаго труда, а именно — второй части онаго, съ археологическими изслѣдованіями". Въ ноябрѣ 1837 года Погодинъ представилъ въ Академію и вторую книгу Древностей въ переводѣ Бодянскаго. Изданіе погодинское расходилось медленно. „Книги этой, докладывалъ издатель, до сихъ поръ разошлось чрезъ книгопродавцевъ менѣе пятидесяти экземпляровъ, такъ что я затрудняюсь продолжать изданіе, и прошу пособія у Академіи. Я надѣюсь, что Академія не откажетъ мнѣ въ ономъ, тѣмъ болѣе, что сама она намѣрена была издать на свой счетъ это важное для исторіи и филологіи славянской сочиненіе".

Академія препроводила оба перевода Древностей въ Разсматривательный Комитетъ [1]), который въ своемъ отчетѣ представилъ о нихъ слѣдующее мнѣніе [2]): „По внимательномъ разсмотрѣніи обоихъ переводовъ, Комитетъ находитъ, что оба они не

---

[1]) Въ переводѣ Бодянскаго въ Комитетъ поступила на разсмотрѣніе первая книга I-аго тома—318 стр., составляющихъ 19 печатныхъ листовъ. Въ присланной изъ Вѣны рукописи Меглицкаго заключалось, по отчету Комитета, гораздо болѣе: I-ый томъ его перевода содержалъ 180 письменныхъ листовъ, что̀ должно было составить около 48 печатныхъ листовъ.

[2]) Читано въ засѣданіи Академіи 22-го января 1838 года. Записки засѣд. И. Р. Ак., 1838 г., 22 янв., № 8. См. приложенія.

совершенно удовлетворительны и требуютъ нѣкотораго исправленія, въ особенности переводъ г. Бодянскаго, что можно усмотрѣть изъ представленныхъ при семъ выписокъ и сличенія обоихъ переводовъ [1]). Въ рукописи г. Меглицкаго встрѣчаются слишкомъ растянутые періоды, что впрочемъ принадлежитъ къ ощутительнымъ недостаткамъ самого подлинника. Г. Бодянскій раздробляетъ періоды, но не совсѣмъ удачно, такъ что иногда пять, шесть періодовъ, слѣдующіе одинъ за другимъ, начинаются ссылкою на предыдущій; одинъ указываетъ на другой, не представляя самъ по себѣ полнаго смысла, такъ что утомляетъ вниманіе при чтеніи. Еще болѣе вредитъ слогу, что нѣкоторые періоды, теряя связь словъ, представляютъ совершенную неясность".

Самъ издатель, однако, этихъ недостатковъ не замѣчалъ и только, издавая третью книгу перваго тома Древностей (1838 г.), счелъ долгомъ предупредить читателей, что Бодянскій переводилъ ее среди пріуготовленій къ путешествію и потому не могъ обработать своего перевода наравнѣ съ первыми двумя частями. Въ отсутствіе переводчика Погодинъ, по понятнымъ причинамъ, не хотѣлъ прикасаться къ этой части, кромѣ необходимыхъ случаевъ. „Впрочемъ, говоритъ Погодинъ, языкъ, слогъ въ книгѣ такого рода есть дѣло второстепенное, главное - разысканія, выводы, мысли". У Погодина былъ оригинальный взглядъ на задачу перевода Древностей: онъ самъ, какъ оказывается, совѣтовалъ переводчику и при первыхъ двухъ частяхъ держаться какъ можно ближе подлинника, чтобы познакомить русскихъ читателей съ построеніемъ чешскаго языка и вмѣстѣ доставить средство желающимъ выучиться ему „чрезъ одно сличеніе перевода, почти подстрочнаго, съ подлинникомъ". Такъ же снисходительно отнесся къ переводу Бодянскаго и одинъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ критиковъ труда Шафарика—Григорьевъ. Онъ признавалъ, что переводъ не изященъ, но зато вѣрно передаетъ подлинникъ: „Чего же болѣе требовать отъ переводчика ученаго сочиненія, гдѣ точность и опредѣлительность, а не

---

[1]) Этихъ выписокъ и сличеній мы при дѣлѣ Росс. Акад., № 31, 1835 (sic) г, не нашли.

блескъ изложенія составляютъ достоинство?“ Но вѣрнѣе смотрѣлъ на работу Бодянскаго М. М. Сперанскій, который очень интересовался трудомъ Шафарика. Какъ писалъ Ганкѣ Иванишевъ, недостатки перевода Бодянскаго огорчали Сперанскаго, и онъ весьма жалѣлъ, что „переводъ такъ плохъ, что отбиваетъ охоту читать“. „Какой-то московскій профессоръ, говорилъ Сперанскій Иванишеву, не зная ни русскаго, ни чешскаго языка, вздумалъ переводить довольно тяжелое по языку сочиненіе Шафарика“ [1]). Замѣтимъ еще, что и переводъ статьи Шафарика „Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ“ Погодинъ помѣстилъ въ своемъ Русскомъ Историч. Сборникѣ (т. I) вмѣстѣ съ чешскимъ подлинникомъ, texte en regard, для того, чтобы читатели „яснѣе видѣли сродство нарѣчій чешскаго и великорусскаго (не смотря на то, что изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій они суть самыя дальнія между собою) и удобство выучиться первому въ короткое время“. Съ этою цѣлью къ Сборнику приложены были даже правила для чтенія по-чешски и для произношенія чешскихъ буквъ [2]).

Недостатки перевода Бодянскаго оправдывались отчасти особенностями тяжелаго слога Шафарика. До переселенія въ Прагу Шафарикъ писалъ исключительно по-нѣмецки, перейти вдругъ къ языку чешскому было для него нелегко. Самъ Шафарикъ указывалъ на трудность этой задачи въ письмѣ къ Палацкому въ мартѣ 1833 г., наканунѣ переѣзда въ Прагу: „Вы, конечно, не будете этому удивляться, если примете во вниманіе, сколько

---

[1]) Письмо Иванишева къ Ганкѣ (безъ даты).

[2]) Погодинъ вообще озабоченъ былъ изысканіемъ способа, какъ русскіе легче всего могли бы изучать славянскія нарѣчія. Онъ писалъ объ этомъ Шафарику и просилъ его постараться о сочиненіи такого наставленія. Шафарикъ указывалъ на Челаковскаго, который лучше всего могъ бы заняться этимъ предметомъ. Желая наглядно показать русской публикѣ близость самыхъ отдаленныхъ нарѣчій и удобность имъ выучиться въ самое короткое время, Погодинъ намѣренъ былъ издать на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сцену Пимена и Григорія изъ „Бориса Годунова“. Письма къ Погодину, стр. 179. Ср. Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XIV, отд. IV, стр. 282.

лѣтъ провелъ я среди сербовъ и какъ сильно отвыкъ я отъ чешскаго языка и чешской рѣчи. Я здѣсь вполнѣ привыкъ къ языку сербскому, и написать по-чешски хотя бы одно дружеское письмо стоитъ мнѣ большого труда".

Но, несмотря на внѣшніе недостатки перевода, Комитетъ находилъ трудъ обоихъ переводчиковъ заслуживающимъ одобренія. „Сочиненіе Шафарика, принадлежащаго къ числу отличнѣйшихъ ученыхъ нашего времени, исполнено богатствомъ свѣдѣній и представляетъ драгоцѣнные матеріалы для исторіи славянскихъ народовъ. Важнѣйшая часть сего сочиненія есть указаніе источниковъ славянскихъ древностей", говорилось въ отчетѣ Комитета. Указавъ на достоинства труда Шафарика, Разсматривательный Комитетъ въ то же время отмѣчалъ и одинъ изъ недостатковъ его, а именно: слабость филологическихъ доказательствъ Шафарика. „Онъ иногда слишкомъ поверхностно придерживается сходства словъ въ языкахъ, въ подкрѣпленіе своихъ любимыхъ мыслей, и оттого выводы его по сей части замѣтно натянуты". Комитетъ, не взирая на то, что первая книга перевода Бодянскаго вышла уже изъ печати, а дальнѣйшія книги должны были послѣдовать вскорѣ, высказалъ мнѣніе, что изъ обширнаго сочиненія Шафарика весьма полезно было бы сдѣлать извлеченіе, такъ какъ „въ полнотѣ оно можетъ дать поводъ къ нѣкоторымъ неосновательнымъ толкамъ, требующимъ оговорки и возраженія" [1]. И задачу эту Комитетъ, очевидно, имѣлъ въ виду возложить на Академію. Меглицкому, который благоразумно уступалъ честь перевода Древностей болѣе подготовленному для этого дѣла Бодянскому, къ тому же опередившему его изданіемъ первой части, долго еще пришлось ожидать отъ Академіи отвѣта на свой вопросъ, нужно ли продолжать переводъ Древностей. Отвѣтъ получился довольно стран-

[1]) Въ Запискахъ засѣданій И. Росс. Ак., 1837 г., сент. 11, № 2, отмѣчено, что 11 сентября сего года С. В. Руссовъ читалъ свое мнѣніе о книгѣ Шафарика „Славянскія Древности" и взялъ свое сочиненіе обратно. Въ спискѣ трудовъ С. Руссова, напечатанномъ Г. Геннади въ Временникѣ Моск. Общ. И. и Др., 1857, № 25, стр. 22—32, мы этого разбора труда Шафарика не находимъ.

ный. Изъ него слѣдовало заключать, что Академія, поручая Меглицкому выполненіе обширной и трудной задачи, сама не имѣла рѣшительно никакого представленія о размѣрахъ ея и даже не знакома была съ трудомъ Шафарика.

31-го мая 1838 года Языковъ, извиняясь въ долговременномъ молчаніи, извѣщалъ Меглицкаго: „Императорская Россійская Академія приноситъ вамъ чувствительную благодарность, что вы такъ охотно и такъ скоро исполнили ея желаніе доставленіемъ своего перевода первой части сочиненія Шафарика: О славянскихъ древностяхъ. Но поелику оно слишкомъ обширно, то она положила: не переводить его на русскій языкъ вполнѣ, а, дождавшись того времени, когда г. Шафарикъ издастъ все свое сочиненіе, тогда перевесть оное на русскій языкъ, но только не все, а сдѣлавъ хорошее извлеченіе". Исходя изъ этого заключенія, Академія въ этомъ же засѣданіи (22-го янв. 1838 г.) отказала въ своемъ содѣйствіи изданію Погодина. Трудъ Меглицкаго, по отзыву Комитета, заслуживалъ „признательности", поэтому Академія, желая нѣкоторымъ образомъ вознаградить Меглицкаго, положила, на основаніи своего устава, выдать ему сто червонцевъ. Этимъ и окончилась неудачная оффиціальная попытка издать Славянскія Древности въ русскомъ переводѣ.

Переводъ, приготовленный Бодянскимъ и начатый изданіемъ Погодинымъ, признанный Академіей „не совершенно удовлетворительнымъ", не имѣлъ никакого успѣха. Погодинъ, какъ мы видѣли, искалъ поддержки у Академіи, но ея не встрѣтилъ. Изданіе, приносившее Погодину одни убытки, поневолѣ должно было пріостановиться, и на III-ей книгѣ перваго тома оно прекратилось, хотя у Погодина имѣлось продолженіе, приготовленное къ печати: отдѣленіе о племенахъ славянскихъ въ Россіи, столь важное для русскихъ изслѣдователей. Кромѣ того, Бодянскій увѣдомлялъ Погодина, что имъ сдѣланъ въ Прагѣ „предъ глазами самого автора" переводъ отдѣленія о болгарахъ. „Но напечатать я не имѣю средствъ, заявлялъ Погодинъ русскому читателю, — изданіе трехъ частей стоило мнѣ почти три тысячи рублей, а разошлось въ теченіе полутора года только 60

экз., да 57 разошлются по гимназіямъ,—нужно еще по крайней мѣрѣ сто подписчиковъ для покрытія издержекъ" [1]).

Шафарикъ какъ бы предчувствовалъ, что изданіе должно будетъ прекратиться. Молчаніе Погодина казалось ему дурнымъ знаменіемъ, вскорѣ оправдавшимся. „Горько мнѣ объявить здѣсь, писалъ Погодинъ [2]), что я не могу пока продолжать изданія Шафариковыхъ Древностей". Это была уже вторая неудача Погодина. Въ 1829 году онъ напечаталъ на свой счетъ „Болгаръ" Венелина, но это изданіе не имѣло успѣха. Монументальное твореніе Шафарика, которое, какъ полагалъ Погодинъ, для молодыхъ поколѣній, должно замѣнить цѣлый курсъ исторіи и филологіи сѣверовосточной Европы и всего славянскаго міра, встрѣтило у насъ ту же печальную участь.

Къ неудачѣ матеріальной присоединились неблагопріятные отзывы о самомъ трудѣ Шафарика и о переводѣ Бодянскаго. „Неблагонамѣренные люди, жаловался Погодинъ 13 мая 1838 г., въ послѣсловіи къ III-ей книгѣ перваго тома Древностей, приняли у насъ Славянскія Древности съ ругательствами, но, несмотря на нелѣпые вопли, онѣ останутся надолго, подобно сочиненіямъ Шлецера, Добровскаго, Карамзина, сокровищницами, изъ коихъ будутъ поучаться, коими будутъ руководствоваться на пути познанія цѣлыя поколѣнія. Найдутся люди и въ Европѣ и въ Россіи, которые воздадутъ великому писателю, великому человѣку должную дань благодарности, оцѣнятъ его исполинскій трудъ по достоинству и лавровымъ вѣнцомъ украсятъ его благородное чело. Я, съ своей стороны, почитаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай содѣйствовать изданію подлин-

---

[1]) Тома I кн. 1-ая перевода Бодянскаго заключаетъ только первыхъ девять параграфовъ чешскаго изданія Древностей: §§ 1—9, стр. 1—153; книга 2-ая заключаетъ §§ 10—16, стр. 153—305; книга 3-ья §§ 17—23, стр. 305—442. Древности въ изданіи Шафарика имѣли 946 страницъ, безъ приложеній. Такимъ образомъ, Бодянскій перевелъ только половину ихъ и остановился тамъ, гдѣ совѣтовалъ закончить I томъ самъ Шафарикъ. Ср. Письма къ Погодину, стр. 193.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XIX, стр. 199.

ника для всѣхъ славянъ и перевода для моихъ соотечественниковъ". Это было единственное утѣшеніе для Погодина.

Отзывы русскихъ критиковъ непріятно дѣйствовали на впечатлительнаго Шафарика, и это непріятное впечатлѣніе невольно сообщалось и русскимъ молодымъ славяновѣдамъ, пребывавшимъ въ это время въ Прагѣ. М. Касторскій свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ письмѣ: „Намъ русскимъ, живущимъ въ Прагѣ, горько было сносить тихій укоръ не только чеховъ, но даже и нѣмцевъ за легкій отзывъ объ этомъ мужѣ двухъ, впрочемъ—очень хорошихъ, нашихъ журналовъ, показывающій незнакомство съ настоящимъ положеніемъ славянской науки" [1]).

О такихъ „неблагонамѣренныхъ людяхъ" говорилъ немного позже и извѣстный редакторъ и издатель варшавской „Денницы" Петръ Дубровскій. „Каждый, кого только занимаетъ судьба славянскихъ племенъ, и кто постоянно слѣдитъ за ихъ успѣхами въ образованіи, говорилъ Дубровскій о Шафарикѣ, всегда будетъ питать благородное чувство признательности и безпредѣльнаго уваженія къ этому почтенному мужу за всѣ его труды, предпринятые на пользу славянства. Стоитъ ли поэтому говорить о тѣхъ крикунахъ, о тѣхъ авторахъ недоконченныхъ исторій и о журнальныхъ витязяхъ съ опущенными забралами, которые съ какимъ-то ребяческимъ самохвальствомъ берутся судить о трудахъ Шафарика и называютъ ихъ пустыми разглагольствованіями. Этому нельзя удивляться, заключалъ Дубровскій, потому что они сами ничего основательно не знаютъ и извѣстны въ литературномъ мірѣ только своимъ наглымъ крикомъ. Хорошо, что число такого рода людей незначительно между нами" [2]). Впрочемъ, первые отзывы о Славянскихъ Древностяхъ у насъ были вполнѣ сочувственные. Особенно высоко цѣнилъ этотъ трудъ переводчикъ его. Въ небольшомъ предисловіи къ статьѣ: „Мысли и старобытности славянъ въ Европѣ", переведенной для Московскаго Наблюдателя [3]), Бодян-

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XVIII, стр. 643.

[2]) Денница, 1842, стр. 187.

[3]) 1836 г., ч. VIII, стр. 48—84. Названная статья Шафарика напечатана была въ Č. Č. Mus., 1834, I, str. 27—57.

скій, ознакомившись съ нѣкоторыми главами Древностей, восторженно отзывался о цѣломъ, называя Древности плодомъ многолѣтнихъ изумительныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, огромной учености, свѣтлаго взгляда, рѣдкаго критицизма и образцомъ простого, естественнаго и увлекательнаго разсказа, столько близкаго, родного сердцу каждаго славянина. „Мы ожидаемъ отъ Слав. Древностей, говорилъ Бодянскій, рѣшенія многихъ нашихъ сомнѣній и спорныхъ вопросовъ, объясненія темныхъ мѣстъ какъ вообще исторіи міра и славянскихъ народовъ, такъ и въ частности исторіи нашего отечества, если не вездѣ окончательнаго, то, по крайней мѣрѣ, способнаго надоумить другихъ изыскателей, навести ихъ на новую тропинку и, такимъ образомъ, значительно споспѣшествовать дальнѣйшему совершенствованію нашихъ историческихъ свѣдѣній“ [1]). Тутъ же Бодянскій выразилъ надежду, что это отличное твореніе не замедлитъ появиться въ переводѣ и на другіе европейскіе языки, равно какъ и на нашемъ родномъ, и, разумѣется, прямо съ подлинника, т. е. съ чешскаго языка. Убѣжденный въ великомъ значеніи и выдающихся достоинствахъ труда Шафарика, Бодянскій не входилъ въ разборъ и оцѣнку его. Имя сочинителя, говорилъ онъ, извѣстнаго въ ученомъ славянскомъ мірѣ самобытностію, свѣтлостію взгляда, здравой и безпристрастной критикой, строгимъ и вмѣстѣ яснымъ, естественнымъ, простымъ и чрезвычайно увлекательнымъ образомъ изложенія, имя сочинителя, уважаемаго знатока славянскихъ языковъ, славянской словесности, дѣеписанія и древностей, неутомимаго изслѣдователя и благоразумнаго поборника всего славянскаго, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ и пожертвованіемъ трудящагося на избранномъ имъ поприщѣ, несмотря на всевозможнаго рода непріятности и стѣсненія, ручается за достоинство, въ высокой степени занимательность и отчетливость его изысканій [2]).

Не удовлетворили Древности Сенковскаго. Уже въ замѣткѣ по поводу изслѣдованія Ор. Новицкаго: „О первоначаль-

---

1) Эти строки повторены въ предисловіи къ переводу Славянскихъ Древностей, стр. V—VI.

2) Предисловіе къ Слав. Древностямъ, стр. V—VI.

номъ переводѣ книгъ Свящ. Писанія на славянскій языкъ" (Кіевъ, 1835), Сенковскій рѣзко, но лишь въ общихъ словахъ отозвался въ своемъ журналѣ насчетъ труда Шафарика. „Прискорбно, жалко и смѣшно видѣть, говорилъ онъ, какому одностороннему и ложному направленію слѣдуетъ до сихъ поръ русская и русско-славянская филологія! Да и историческая критика началъ славянскаго народа, кажется, не въ лучшемъ положеніи: вотъ, напримѣръ, Славянскія Древности, сочиненіе Шафарика". Но положительно непристойны были вышучиванія Сенковскаго, направленныя, впрочемъ, болѣе противъ неумѣренныхъ похвалъ Бодянскаго и Погодина, чѣмъ противъ труда Шафарика. „Гг. Бодянскій и Погодинъ, иронизировалъ Сенковскій, спѣшатъ подѣлиться съ нами драгоцѣнными крупицами отъ трапезы Патріарха Славянскаго, который, по увѣренію ихъ, извѣстенъ въ ученомъ славянскомъ мірѣ самобытностью, глубиною и основательностью мыслей, огромною, изумительною ученостью, свѣтлостью взгляда, здравою и безпристрастною критикою, строгимъ и вмѣстѣ яснымъ, естественнымъ образомъ изложенія; уважаемъ: какъ знатокъ славянскихъ языковъ, славянской словесности, дѣеписанія и древностей, неутомимый изслѣдователь и благоразумный поборникъ всего славянскаго и пр. Это ученое чудо, этотъ великій человѣкъ, котораго и половины достаточно было бы для второго Нибура, обитаетъ въ Богеміи, а Европа до сихъ поръ объ немъ и не вѣдала! Но, слава Богу, онъ теперь открытъ, и, благодаря трудолюбію г. Бодянскаго, который служитъ въ русской литературѣ по славянской части, и усердію г. Погодина, мы скоро получимъ отъ богемскаго Гезеніуса всѣ плоды долголѣтнихъ изысканій его о словенахъ, исторію, географію, языкопознаніе, этнографію, археографію, библіографію славянскую, словомъ — энциклопедію славянскую" [1]). Выходка Сенковскаго возмутила даже одного изъ самыхъ пламенныхъ почитателей его, ученика его В. В. Григорьева, который выступилъ на страницахъ Ж. М. Н. Пр. въ защиту труда Шафарика, хотя и считалъ себя „со-

---

[1]) Библ. для Чтенія, 1837, XXIII, стр. 62 — 64. Барсуковъ, Жизнь и тр. Погодина, V, стр. 95.

вершеннымъ невѣжей“ въ этой отрасли исторіи. Григорьевъ желалъ своей рецензіей хоть сколько-нибудь противодѣйствовать тому впечатлѣнію, которое могъ произвести на русскую публику „подлый отзывъ“ Сенковскаго [1]). Съ тою же цѣлью, уничтожить непріятное впечатлѣніе отзыва Сенковскаго, написалъ замѣтку о Древностяхъ и А. Д. Галаховъ въ Литерат. Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду (1837 г.).

Статья Григорьева была первымъ, болѣе обширнымъ и обстоятельнымъ критическимъ отзывомъ о трудѣ Шафарика [2]). Въ нѣсколькихъ вступительныхъ строкахъ Григорьевъ указалъ на чрезвычайно печальное положеніе разработки славянскихъ древностей до девятнадцатаго столѣтія. Разработкою и изслѣдованіемъ ихъ занимались преимущественно, если не исключительно, только ученые нѣмцы или неученые славяне. Нѣмцы не могли написать объ этомъ предметѣ ничего дѣльнаго потому, что не знали ни языковъ, ни духа народовъ славянскихъ и, сверхъ того, водимы были ложнымъ патріотизмомъ, или лучше сказать—старинною народною враждою къ славянамъ, которая, нечувствительно для нихъ самихъ, внушала имъ желаніе унижать и уничтожать все славянское, чтобы потомъ на развалинахъ враждебной народности легче основывать величіе собственнаго, родного племени. Еще и теперь даже, говорилъ Григорьевъ, появляются въ Германіи ученыя диссертаціи и цѣлыя книги, гдѣ доказывается, что славянъ нѣтъ на свѣтѣ, да и не было никогда, что если они не монголы, то уже по крайней мѣрѣ турки или финны. Но столь же неумѣренны были и славянскіе ученые, писавшіе о своихъ единопле-

---

[1]) Сужденія Сенковскаго стали, несомнѣнно, вскорѣ извѣстны Шафарику. Въ письмахъ къ Погодину онъ отзывался о Сенковскомъ всегда пренебрежительно. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ отзывовъ Сенковскаго онъ писалъ Ганкѣ 23 окт. 1837 года: „Dostav náhodou výbornou knihu: Literarische Bilder aus Russland, von H. Koenig, 1837, do rukou a nabyv zde, str. 312—321, důkladnější známosti o Senkovském i stojící v moci jeho Библіотекѣ для Чтенія, ztratil jsem chuť k dalšímu čtení tohoto časopisu. Pročež vás prosím, abyste více žádných svazkův ke mně posílati neráčil“.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XV, стр. 146—159,

менникахъ: большею частію это были люди, лишенные классическаго образованія, безъ знаній и проницательности, нужныхъ для такого рода занятій,—люди, которые готовы были видѣть славянъ во всѣхъ народахъ, и для которыхъ всѣ языки міра звучали родными словами. И только съ началомъ девятнадцатаго столѣтія среди поляковъ, сербовъ, чеховъ и другихъ славянъ явились любители отечественной старины, люди съ умомъ свѣтлымъ и обширною ученостью, въ которыхъ любовь къ родному племени не выразилась смѣшнымъ и дѣтскимъ къ нему пристрастіемъ. Зато нѣкоторые изъ нихъ, особенно силезцы, впали въ противную крайность: вмѣстѣ съ ученостью, заимствованною у нѣмцевъ, они приняли и направленіе анти-славянское, такъ что, подобно всѣмъ ренегатамъ, стали воевать противъ своихъ народныхъ древностей еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ самые ихъ наставники, нѣмцы. Но и труды добросовѣстныхъ славянскихъ ученыхъ по части народной исторіи, несмотря на многія, прекрасно обработанныя части, не представляли доселѣ ничего цѣлаго. Создать это цѣлое, пользуясь изслѣдованіями предшественниковъ, избѣгая ихъ недостатковъ и дополняя недостающее собственными разысканіями,—суждено было Шафарику.

И взглядомъ на предметъ, и отчетливостью метода Шафарикъ далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ. Съ умомъ основательнымъ и проницательнымъ онъ соединяетъ обширную ученость. Теплое чувство любви къ народности одушевляетъ его во всѣхъ трудахъ. Оно одно поддерживаетъ его среди тысячи препятствій, полагаемыхъ ему обстоятельствами, одно даетъ ему силу идти твердо и постоянно къ предположенной цѣли...

Назвавъ нѣкоторые, наиболѣе важные для познанія славянскаго міра труды Шафарика, Григорьевъ переходитъ къ разбору Древностей. Славянскія Древности —вѣнецъ всего, написаннаго Шафарикомъ, твореніе, которое сдѣлаетъ эпоху въ изысканіяхъ объ исторіи и жизни народовъ славянскихъ, которымъ онъ пріобрѣлъ неотъемлемыя права на признательность и уваженіе не только единоплеменниковъ, но и всего ученаго міра. Какъ особенно выдающееся достоинство труда Шафарика, Григорьевъ отмѣчаетъ, прежде всего, широкое и основательное зна-

комство автора съ источниками, критическое отношеніе къ нимъ. Шафарикъ перечиталъ все, что̀ было писано о славянахъ современниками съ древнѣйшихъ временъ до IX и X вѣка, которымъ онъ оканчиваетъ свои Древности, сообразилъ и оцѣнилъ всѣ мнѣнія объ нихъ ученыхъ изыскателей новѣйшихъ, видѣлъ собственными глазами большую часть сохранившихся до нашихъ временъ памятниковъ ихъ частной и общественной жизни и плодомъ долговременныхъ занятій своихъ представилъ сочиненіе, удовлетворяющее самымъ строгимъ требованіямъ нашего историческаго вѣка. Богатство источниковъ, коими пользовался Шафарикъ, поразительно. Многіе изъ писателей совершенно неизвѣстны у насъ даже по имени. Шафарикъ не входилъ въ оцѣнку относительныхъ достоинствъ и достовѣрности каждаго писателя, каждаго памятника, служившаго ему источникомъ; но зато онъ отмѣтилъ различныя изданія ихъ или собранія, въ которыхъ они напечатаны. Эти указанія, по мнѣнію Григорьева, могли принести большую пользу нашимъ молодымъ ученымъ, незнакомымъ по большей части съ латинскою и славянскою литературою среднихъ вѣковъ.

Въ рѣшеніи вопроса о старобытности славянъ въ Европѣ Шафарикъ оставилъ старую и избитую колею своихъ предшественниковъ, въ большинствѣ незнакомыхъ съ успѣхами сравнительнаго языкознанія и потому въ своихъ этимологическихъ объясненіяхъ прибѣгавшихъ къ самымъ невѣроятнымъ предположеніямъ. Шафарикъ, вѣруя въ старобытность славянъ въ Европѣ, для доказательства своего положенія, разсматриваетъ сначала славянъ въ физическомъ отношеніи, чтобы опредѣлить, къ какому племени принадлежатъ они, какъ члены того огромнаго семейства, которое называется человѣчествомъ. Сдѣлавъ это, онъ исчисляетъ доказательства въ пользу старобытности славянскаго племени въ Европѣ и ищетъ, подъ какими именами оно могло быть извѣстно иноземцамъ до V столѣтія. Та часть изслѣдованія Шафарика, гдѣ онъ рѣшаетъ вопросъ о старобытности этого славянскаго племени въ Европѣ, по мнѣнію Григорьева, является самою вѣрною и превосходно отдѣланною. Превосходно обработанною онъ находитъ и статью, въ коей со-

браны древнѣйшія свидѣтельства о венедахъ и сербахъ. Разсмотрѣніе труда Шафарика приводитъ Григорьева къ заключенію, что Древности, несмотря на всѣ свои недостатки,—трудъ образцовый, изданіемъ котораго Шафарикъ оказалъ великую услугу не только своимъ единоплеменникамъ, но и всѣмъ ученымъ западной Европы: онъ обнажилъ предъ ними древность и бытъ народовъ славянскихъ, о которыхъ они, занятые самолюбивымъ изученіемъ самихъ себя, не имѣли и понятія; онъ отстоялъ народность славянскую противъ нападковъ иноземцевъ и, покрытый славою, вышелъ изъ боя.

Вторая статья Григорьева, въ томъ же Ж. М. Н. Пр. [1]), посвящена была лишь краткому обозрѣнію содержанія второй книги перваго тома Древностей и не заключала никакихъ замѣчаній и возраженій. Григорьевъ обѣщалъ однако дать новую статью о Древностяхъ по выходѣ третьей книги, но такой статьи мы не знаемъ [2]).

Непріятенъ былъ для Шафарика отзывъ о Древностяхъ П. Буткова, выступившаго съ своими возраженіями на страницахъ Сына Отечества [3]). Бутковъ, подобно Сенковскому, встрѣтилъ трудъ Шафарика ироніей. „Въ прежнихъ сочиненіяхъ, говорилъ онъ въ краткомъ вступленіи къ своему разбору, авторъ Славянскихъ Древностей доказывалъ связь имени винидовъ съ именемъ индовъ; въ нынѣшней книгѣ сознается, что такое предположеніе не имѣетъ достаточнаго подтвержденія. Прежде казалось ему, что имена сербъ и вендъ происходятъ отъ корня, знаменующаго воду; теперь онъ оставилъ это мнѣніе, по вторичномъ, прилежномъ изслѣдованіи сего предмета. Прежде писалъ, согласно съ Копитаромъ, что имя сербъ переиначено греками въ сарматъ, и ввелъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ писателей русскихъ, послѣ-

---

1) 1838 г., ч. XVII, стр. 191—201, безъ подписи.

2) Отзывы Григорьева и Галахова сообщены были въ извлеченіи проф. Пуркине въ ж. Květy, 1838, прилож., стр. 13: „Hlasy ruských recensentů o Šaf. Slovanských Starožitnostech“.

3) 1839, августъ, стр. 73—138. Въ 1846 году онъ вновь напечаталъ этотъ отзывъ въ Финскомъ Вѣстн., т. IX, отд. II, стр. 1—74, въ исправленномъ и дополненномъ новыми примѣчаніями видѣ.

довавшихъ ему безусловно; теперь онъ, по лучшемъ разысканіи, увѣрился, что имя сарматъ означаетъ не сербовъ, а степняковъ. Станемъ же питать себя надеждою, что почтенный авторъ Слав. Древн. снова оглядится и низложитъ обвиненія съ Прокопія за споровъ, а съ Нестора за нориковъ, за славянство древнѣйшихъ иллировъ и за наименованіе волохами не галловъ, а гунновъ, при чемъ устранитъ нашъ великій народъ отъ родства съ цыганами и съ дакійскими рабами, не помѣшаетъ быть боямъ славянами и Иродотовымъ цигамъ чехами, а наконецъ, и происхожденіе имени государства Русскаго освободитъ отъ шведскаго Рослагена, означающаго корабельный, или судовой станъ, дабы не привязывались къ намъ французы посредствомъ своего Рослагена, находящагося подлѣ приморскаго города Бреста".

Интересенъ фактъ, что Погодинъ, высоко цѣнившій ученый авторитетъ Копитара, въ бытность свою въ Вѣнѣ, въ февралѣ 1839 года, просилъ у него подробнаго разбора Древностей Шафарика [1]). Быть можетъ, этимъ авторитетнымъ отзывомъ онъ имѣлъ въ виду уничтожить нападки нашихъ, въ большинствѣ непризванныхъ судей труда Шафарика.

2.

Къ предстоявшему славянскому путешествію Бодянскій всею предшествовавшею поѣздкѣ дѣятельностью былъ хорошо подготовленъ. Уже одно знакомство съ славянскими языками было важнымъ преимуществомъ нашего путешественника по сравненію съ его предшественниками. Имя Бодянскаго въ Прагѣ и въ Чехіи было хорошо извѣстно въ кругу ученыхъ, близкихъ къ Шафарику. Прага встрѣтила его, какъ стараго знакомаго.

Бодянскій отправился въ свое путешествіе 14 октября 1837 года, но только 1 декабря ст. ст. прибылъ въ Прагу, совершивъ длинный кружный путь, по случаю чумы на югѣ Россіи и закрытія австрійской границы въ Бродахъ. Черезъ Дубно, Луцкъ, Владиміръ Волынскій и Устилугъ онъ прибылъ въ Варшаву, а

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. XXII, стр. 95.

оттуда направился черезъ Калишъ въ Бреславль. Въ столицѣ Силезіи Бодянскій прожилъ два дня. Къ сожалѣнію, здѣсь онъ, по собственному признанію, ничего не видѣлъ, „потому что сидѣлъ запершись въ комнатѣ и досадуя, что не съ кѣмъ было помѣняться парой-другой словъ славянскихъ". О пребываніи въ это время въ Бреславлѣ знаменитаго чешскаго ученаго, физіолога Пуркине, Бодянскій ничего не зналъ.

Изъ Бреславля Бодянскій выѣхалъ 29 ноября рано утромъ и вечеромъ прибылъ въ Ландсгутъ. Первый чешскій городъ, гдѣ онъ услышалъ въ первый разъ живой чешскій языкъ, былъ Трутновъ. Бодянскій и самъ заговорилъ здѣсь по-чешски. „Я очень хорошо понималъ чещину, пишетъ онъ Погодину [1]), а что̀ важнѣе всего, такъ это то, что меня понимали. Это такъ меня радовало, что я со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ болталъ безъ умолку, и, признаюсь, въ Подѣбрадѣ, за нѣсколько миль до Праги, содержатель гостиницы не хотѣлъ вѣрить, чтобы я былъ руссъ: „Руссы,—сказалъ онъ мнѣ,—сколько я ихъ ни видалъ, обыкновенно говорятъ съ нашимъ братомъ по-нѣмецки". Въ Прагѣ первый визитъ Бодянскаго былъ, конечно, къ Шафарику, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Бодянскаго, о путешествіи коего онъ зналъ изъ писемъ Погодина. По просьбѣ Погодина онъ приготовилъ даже для Бодянскаго квартиру. Тѣснота собственной квартиры и непрестанныя болѣзни въ семьѣ Шафарика не позволили ему принять Бодянскаго къ себѣ въ домъ. Шафарикъ огорченъ былъ этимъ, но зато старался устроить Бодянскаго въ Прагѣ возможно лучше и всячески заботился о томъ, чтобы Бодянскій по возможности больше извлекъ пользы изъ своего пребыванія здѣсь [2]). „Шафарикъ принялъ меня, какъ стараго знакомаго", повѣствуетъ Бодянскій въ первомъ письмѣ къ Погодину изъ Праги. „Первыя слова его были тѣ, что онъ извинялся въ невозможности для него объясняться со мной по-русски, хотя онъ весьма хорошо разумѣетъ русскій языкъ". Чтобы выручить Шафарика изъ затрудне-

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 3—6.

[2]) Тамъ же, стр. 206, 207.

нія, Бодянскій началъ безъ стѣсненій говорить съ нимъ почешски, и такимъ образомъ дѣло было улажено. Два часа, какъ не бывало, прошли въ разспросахъ и разсказахъ о Погодинѣ, Москвѣ, Россіи и странствованіи Бодянскаго. На другой день, рано утромъ Шафарикъ посѣтилъ нашего путешественника, и съ тѣхъ поръ, по словамъ Бодянскаго, не проходило дня, въ который бы они не видѣлись.

Между Бодянскимъ и Шафарикомъ установились сердечныя, дружескія отношенія. „Шафарикъ такъ добръ, такъ внимателенъ ко мнѣ, разсказываетъ Бодянскій, что, право, я часто внутренно краснѣю самъ за себя, видя, какъ онъ хлопочетъ и заботится о малѣйшей мелочи, относящейся ко мнѣ, и не имѣя возможности уклониться отъ того".

Помощь Шафарика въ вопросахъ занимавшей Бодянскаго науки была для него особенно драгоцѣнна. Въ своемъ первомъ донесеніи министру Бодянскій отмѣчаетъ эту заслугу Шафарика: „Въ теперешнихъ моихъ занятіяхъ я болѣе всего обязанъ моей благодарностью г. Шафарику, первому современному славянскому филологу и знатоку во всемъ, что̀ только относится къ познанію славянъ, съ рѣдкимъ радушіемъ и готовностію предложившему мнѣ свои безмездныя услуги... Въ немъ нашелъ я больше, нежели надѣялся, нежели воображалъ себѣ. Онъ былъ для меня живою славянскою энциклопедіей" [1]). Немедленно послѣ пріѣзда въ Прагу Бодянскій познакомился съ Юнгманномъ, Челаковскимъ и Ганкой. Десятаго декабря онъ посѣтилъ Чешскій Музей. Впечатлѣніе отъ этого визита было незначительное: „Признаюсь, я представлялъ его гораздо въ большемъ размѣрѣ, особенно—его библіотеку; впрочемъ, я только мимоходомъ взглянулъ на нее, собираясь со временемъ порядочно покопаться въ ней и осмотрѣть всѣ ея древности и достопримѣчательности".

Программа занятій Бодянскаго была весьма широкая. Подъ руководствомъ Шафарика онъ имѣлъ въ виду, прежде всего, „изучить до мелочей чешскій, лузацкій, моравскій и словацкій язы-

---

[1]) Донесеніе магистра Іос. Бодянскаго изъ Праги, отъ 23 марта ст. ст. 1838 г. Ж. М. Н. Пр., 1838, ч. XVIII, отд. VI, стр. 393

ки, потомъ — сербскій и вендскій, далѣе — древнеславянскій, исторію славянъ, особенно новѣйшую, такъ какъ древняя вся почти въ Славянскихъ Древностяхъ Шафарика, палеографію, исторію славянскихъ литературъ и, наконецъ, славянскую нумизматику въ Музеѣ“. Раньше всего, онъ приступаетъ къ чтенію „древнѣйшихъ и важнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ чешской литературы“, именно: Любушина Суда, Краледворской рукописи, отрывка изъ Евангелія Іоанна, Mater verborum и др. „Чтеніе ихъ, доказываетъ Бодянскій, было для меня необходимо и чрезвычайно полезно въ историческомъ, филологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ извѣстныя изданія этихъ памятниковъ во многомъ довольно неисправны“ [1]). Особенно усердно Бодянскій изучаетъ чешскій языкъ и успѣваетъ въ „чещинѣ“ настолько, что къ февралю 1838 года говоритъ по-чешски такъ, какъ будто родился въ Чехіи. „Я не ворочусь къ вамъ безъ того, пишетъ онъ Погодину, чтобы не говорить на всѣхъ нынѣшнихъ славянскихъ языкахъ: это необходимо для живого и плодоноснаго знанія славянщины, иначе все будетъ мертво, препятствій, недоразумѣній, сомнѣній и пр. т. п. легіоны на каждомъ шагу“. Вообще, Бодянскій всегда былъ того мнѣнія, что для будущаго живого и плодотворнаго преподаванія своего предмета непремѣнно надо усвоить себѣ въ совершенствѣ или, по крайней мѣрѣ, до точки возможности всѣ тѣ живые славянскіе языки, о коихъ ему придется толковать со своими слушателями [2]). Упорный въ трудѣ, Бодянскій старался добросовѣстно выполнить свою широкую программу. Черезъ годъ онъ уже доносилъ министру, что, кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой чешской, польской, словацкой и сербской, онъ успѣлъ усвоить себѣ и языки этихъ четырехъ, соплеменныхъ намъ, народовъ. „Имѣю твердую надежду, при помощи Божіей, заявлялъ онъ, то же сдѣлать и съ остальными славянскими языками, т. е. болгарскимъ, словинскимъ, верхне- и нижне-лужицкимъ. Я въ ду-

[1]) Донесеніе отъ 1 (13) февр. 1839 г. Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. XXIII, отд. IV, стр. 15—16.

[2]) Письма къ Погодину отъ 20 февр. 1838 г. и 7 мая 1840 г.

шѣ своей глубоко убѣжденъ, что безъ короткаго и основательнаго знакомства, или лучше — усвоенія себѣ этихъ языковъ нельзя дѣйствовать съ полной надеждой на успѣхъ и пользу на ожидающемъ меня поприщѣ преподаванія“ [1]).

Въ Прагѣ Бодянскій засталъ двухъ русскихъ молодыхъ ученыхъ, воспитанниковъ петербургскаго Педагогическаго института, М. Касторскаго и Н. Д. Иванишева. Оба они въ сентябрѣ 1837 года пріѣхали въ Прагу изъ Берлина. Несмотря на то, что Иванишевъ попалъ въ Берлинъ въ эпоху высокаго процвѣтанія берлинскаго университета, сердце Иванишева не лежало къ Берлину: его не увлекала нѣмецкая наука. Его тянуло въ славянскую Прагу, и сильнѣе интересовала славянская наука — славянскія древности, законодательства и нарѣчія. Изученіе этой новой области дѣлается главнымъ предметомъ его занятій за границей. Такое увлеченіе, по мнѣнію біографа его [2]), объясняется тѣмъ блестящимъ состояніемъ чешской науки и литературы, какимъ онѣ отличались во время пребыванія Иванишева за границей, и тѣмъ оффиціальнымъ покровительствомъ, какое оказывалъ славянской наукѣ министръ Уваровъ. И не только Иванишевъ увлекается этой новой и модной наукой, но и менѣе впечатлительный Касторскій еще въ Берлинѣ началъ изучать чешскій языкъ и продолжалъ свои студіи въ Прагѣ. Славянскими законодательствами занялся и товарищъ Иванишева по институту и командировкѣ Лешковъ. По крайней мѣрѣ, по возвращеніи изъ-за границы онъ читалъ въ Академіи пробную лекцію: „О семейномъ правѣ римлянъ, германцевъ и славянъ“. Какъ свидѣтельствуетъ Бодянскій [3]), увлеченіе славянскими языками раздѣлялъ даже классикъ Лукьяновичъ, пріѣхавшій въ Прагу вмѣстѣ съ Лешковымъ и проведшій въ Прагѣ довольно продолжительное время.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. XXIII, отд. IV, стр. 29—30.

[2]) А. Романовичъ-Славатинскій, Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, Древн. и Нов. Росс., 1876, т. I, стр. 32—33. Мы пользуемся здѣсь преимущественно письмами Н. Д. Иванишева къ Ганкѣ, хранящимися въ библ. Чешскаго Музея.

[3]) Письмо къ Погодину отъ 12 апрѣля 1838 г.

Касторскій занимался въ Прагѣ, подъ руководствомъ Ганки и Шафарика, изученіемъ славянскихъ языковъ и литературъ. Подъ вліяніемъ уроковъ ихъ и, вѣроятно, по предложенію Ганки онъ принимается прежде всего за Краледворскую рукопись, которую задумываетъ издать въ Прагѣ вмѣстѣ съ Словомъ о полку Игоревѣ. Замѣтка объ этомъ изданіи, начатомъ Касторскимъ, но не законченномъ, впервые появилась въ статьѣ о Краледворской рукописи Вацлава Небескаго, помѣщенной въ Часописи Чешскаго Музея за 1843 г. [1]). Перечисляя всѣ изданія и переводы Краледворской рукописи, Небескій указываетъ на слѣдующую книжную рѣдкость: „Кралодворская Рукопись и слово о плъку Игоревѣ", Прага, 1838, in 8°, 75 стр. Старочешскій текстъ напечатанъ здѣсь кирилловскимъ алфавитомъ, безъ перевода и безъ всякаго ученаго аппарата. Русскій профессоръ Касторскій напечаталъ это изданіе во время своего пребыванія въ Прагѣ (въ тип. Спурнаго) и увезъ съ собой въ Россію, почему у насъ это изданіе встрѣчается весьма рѣдко. Титулъ не былъ напечатанъ, и мы приводимъ его по указанію г. Ганки, имѣющаго экземпляръ изданія. Изданіе само по себѣ не имѣетъ особенной цѣны и представляетъ собою единственно библіографическую рѣдкость" [2]). Какъ свидѣтельствуетъ титулъ изданія, приписанный рукою Ганки въ его собственномъ экземплярѣ, Касторскій намѣревался сравнить оба памятника и объяснить ихъ въ отношеніи грамматическомъ и лексикальномъ, но намѣреніе это не было исполнено, вѣроятно,—за недостаткомъ времени. Возможно, что Касторскій, недовольный своею работою, прекратилъ печатаніе ея и уничтожилъ всѣ экземпляры отпечатанныхъ листовъ, за исключеніемъ двухъ, хранящихся нынѣ въ библіотекѣ Чешскаго Музея.

Плоды занятій Касторскаго славянскими языками и литературами были весьма небогаты. На Касторскаго, впрочемъ, ни-

---

[1]) См. замѣтку о Касторскомъ М. П—аго въ Русск. Фил. Вѣстн., 1900, т. XLIV, стр. 279—290.

[2]) Подробное описаніе этого изданія, сохранившагося въ библіотекѣ Чешскаго Музея лишь въ двухъ экземплярахъ, Шафарика и Ганки, въ указанной выше замѣткѣ М. П—аго, стр. 285—290.

кто и не возлагалъ большихъ надеждъ. Бодянскій, сообщая Погодину (20 дек. 1837 г.) о предметѣ научныхъ занятій Касторскаго, прибавлялъ: „Между нами будь сказано, я не ожидаю ничего особеннаго отъ его труда". Для такого изданія Краледворской рукописи, какое задумалъ Касторскій, по справедливому замѣчанію Бодянскаго, требовалось основательное изученіе древняго и новаго чешскаго языка, короткое знакомство съ исторіей чешской и другихъ славянскихъ народовъ, ихъ литературами и т. д. Всѣхъ этихъ данныхъ не могло быть у молодого русскаго ученаго, только что приступившаго къ славянскимъ изученіямъ, и едва ли Касторскій расчитывалъ въ данномъ случаѣ исключительно на свои силы. Задача была не по силамъ для начинающаго любителя славянщины и, естественно, не могла быть имъ выполнена. Статья Касторскаго: „Новѣйшая чешская литература", напечатанная имъ въ Ж. М. Н. Пр. [1]), свидѣтельствовала однако о достаточно серьезномъ знакомствѣ, по крайней мѣрѣ, съ направленіемъ дѣятельности чешскихъ писателей его времени и заключала нѣсколько вѣрныхъ мыслей и соображеній. Къ сожалѣнію, занятія Касторскаго не отличались, повидимому, систематичностью, не имѣли опредѣленной программы. Онъ говоритъ, правда, о руководствѣ Шафарика и Ганки, но оно было, несомнѣнно, непродолжительно и ничѣмъ поэтому, не сказалось въ его занятіяхъ. Въ Прагѣ о Касторскомъ были весьма невысокаго мнѣнія. Вотъ что писалъ о немъ впослѣдствіи (29 авг. 1840 г.) Прейсъ М. С. Куторгѣ, на основаніи слышаннаго имъ въ Прагѣ: „Здѣсь онъ оставилъ по себѣ очень недобрую славу. Шафарикъ былъ пораженъ, узнавъ, что онъ и временно занимаетъ каѳедру славянскую [2]). При имени Касторскаго, всѣ, знавшіе его

[1]) 1838, ч. XVIII, стр. 617.

[2]) О своей новой дѣятельности Касторскій писалъ Ганкѣ 15 (27) марта 1839 г.: „Вы, безъ сомнѣнія, слышали отъ г. Погодина, что я, подлѣ исторической каѳедры, имѣю еще и каѳедру славянскихъ древностей и литературы,—сначала для опыта, одну лекцію въ недѣлю, которую я всегда умѣю сдѣлать интересною благодаря книгѣ Павла Осиповича, которую я благословляю ежечасно. Все шевелится, студенты со мною спорятъ, шумятъ, а все-

въ Прагѣ, хохочутъ. Всѣ они утверждаютъ, что онъ ровно ничего не дѣлалъ по вышереченному предмету. Я очень радъ, что могу отдѣлаться замѣчаніемъ: видѣлъ де только Касторскаго и потому ничего не могу сказать ни pro, ни contra его. Здѣсь о немъ разсказываютъ множество презабавныхъ казусовъ, особенно смѣшно—слушать ихъ изъ устъ Челаковскаго" [1]).

Иванишевъ занялся спеціально изученіемъ славянскаго права: онъ переводилъ съ Ганкой памятники чешскаго права на русскій языкъ, чтобы издать ихъ, по возвращеніи въ Россію, вмѣстѣ съ сербскими законами Душана Сильнаго. Ганка самъ давно интересовался вопросами славянскаго права. Въ 1826 г. наша Академія Наукъ, по случаю столѣтняго торжества ея, предложила для ученыхъ разысканій рядъ вопросовъ, въ числѣ ихъ одинъ отъ президента, съ преміей въ сто червонцевъ: „Найти отношеніе древнѣйшаго права Руси къ праву другихъ народовъ Словенскаго происхожденія. Сравненіемъ остатковъ сихъ разныхъ правъ подтверждается ли предложеніе, что народы, принадлежащіе къ великому племени Словенъ, имѣли въ своихъ правахъ одни и тѣ же основныя начала? Если сей вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно, — въ такомъ случаѣ изслѣдовать, въ чемъ состоитъ существенная разность между общимъ правомъ сихъ народовъ Словенскаго происхожденія, правомъ Римскимъ и правомъ Германцевъ [2])?"

Задача, предложенная Академіей, увлекла Ганку, и онъ сталъ готовиться къ выполненію ея. Въ началѣ 1827 года онъ писалъ о своемъ намѣреніи Шишкову: „Теперь я труждусь кодексомъ найдавнѣйшаго права чешскаго, при которомъ доселѣ семь разныхъ рукописей сравниваю и очищеное изданіе съ разнословіемъ издать хочу; NB. оно не было еще никогда печатано. Первая печать нашего права 1500 г. ужь такъ перемѣнена, что никакой § совсѣмъ ему не отвѣтствуетъ. Побуди-

таки ходятъ въ большомъ количествѣ на лекціи, не смотря на то, что оффиціальныхъ слушателей по бѣдности отдѣленія только семь человѣкъ. Есть двое записныхъ любителей славянщины".

[1]) Жив. Стар., 1891, вып. III, стр. 9.

[2]) См. Московскій Вѣстникъ, 1827, ч. II, № 2, стр. 153.

ла меня къ работѣ сей задача Академіи Наукъ въ пользу и удобность того, который Правду Русскую съ Правдою другихъ словянъ сравнивать будетъ". Но обстоятельства, очевидно, не позволили ему выполнить эту работу, и Ганка обратилъ на нее вниманіе Иванишева. Онъ сумѣлъ внушить своему ученику любовь къ избранному имъ предмету, и Иванишевъ работалъ подъ руководствомъ Ганки усердно и плодотворно. Занятія его славянскими законодательствами не ограничивались одной библіотекой Музея. Овладѣвъ вполнѣ чешскимъ языкомъ, Иванишевъ дѣлалъ разысканія и въ библіотекахъ частныхъ лицъ. Такъ, въ Роудницѣ, въ библіотекѣ кн. Лобковица, куда его направилъ Ганка, онъ отыскалъ около десяти юридическихъ рукописей, которыми онъ занялся, „какъ старыми знакомыми, не встрѣчая никакихъ трудностей". „Замѣчательны двѣ рукописи Викторина изъ Вшегрдъ, отличная рукопись книги Товачовской и еще отличнѣйшая горныхъ правъ Вячеслава", пишетъ онъ Ганкѣ изъ Роудницы о своихъ разысканіяхъ [1]). О своей находкѣ онъ обѣщалъ представить Ганкѣ подробный отчетъ, но мы таковаго въ бумагахъ Ганки не нашли.

Какъ результатъ изученія Иванишевымъ памятниковъ чешскаго законодательства, явились двѣ работы его: „Древнее право чеховъ" [2]) и „Объ идеѣ личности въ древнихъ правахъ богемскомъ и скандинавскомъ" [3]). Въ первой статьѣ авторъ доказываетъ, что въ законахъ древнихъ чеховъ славянское пра-

---

[1]) Письмо безъ даты въ бумагахъ Ганки.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1841, ч. XXX, отд. II, стр. 99—149.

[3]) Тамъ же, 1842, ч. XXXVI, отд. II, стр. 1—18. То же въ Č. Č. Mus., 1843, str. 597; 1844, str. 128, 349, 489, въ переводѣ А. Штробаха. Кромѣ того, Ганка сообщилъ въ Č. Č. Mus., 1838, str. 416—417, подъ заглавіемъ: „Žaltář bibliotеky Wolfenbüttelské", отрывокъ изъ письма къ нему Иванишева, заключающій описаніе нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей Вольфенбюттельской библ., въ томъ числѣ и „вендской" псалтыри. Иванишевъ надѣялся со временемъ подробнѣе описать ее. Посылая Ганкѣ снимокъ съ нея, онъ проситъ его сообщить ему свои соображенія. „Если мнѣ случится напечатать описаніе, то я приложу ваше сужденіе, объявивъ, что такъ говоритъ панъ Ганка"... Письмо отъ 7 авг. 1838 г. Труды Ива-

во сохранилось въ большемъ объемѣ, нежели въ законахъ другихъ славянскихъ народовъ, даетъ краткое обозрѣніе четырехъ сводовъ старыхъ чешскихъ законовъ по рукописямъ Чешскаго Музея, приготовленнымъ Ганкою къ изданію: 1) Право земли Чешской, 2) Рядъ земскаго права, 3) Толкованіе чешскаго права Андрея изъ Дубе и 4) Девять книгъ о правахъ земли Чешской Викторина Корнелія изъ Вшегрдъ, и для того, чтобы познакомить читателей съ древнимъ правомъ чеховъ, переводитъ отрывокъ изъ Ряда земскаго права, имѣющій предметомъ уголовное судопроизводство, снабдивъ переводъ, по указаніямъ Ганки, необходимыми примѣчаніями. Во второй статьѣ Иванишевъ разсуждаетъ о высокомъ положеніи женщины въ общественной и частной жизни у древнихъ скандинавовъ и чеховъ, при чемъ особенно выдвигаетъ впередъ тезисъ, что женщина въ Чехіи, въ отношеніи къ правамъ общественнымъ, стояла выше, нежели женщина въ Скандинавіи. „Въ Богеміи, говоритъ Иванишевъ, ей доступенъ тронъ и предоставлено право быть правительницею народа. Дски праводатныя, хранилище народныхъ постановленій, и мечъ, карающій неправду, какъ символы правосудія, составляющіе принадлежность народныхъ сеймовъ, вручались для храненія дѣвамъ; въ собраніяхъ народныхъ представителей онѣ собирали голоса въ священные сосуды"... Въ области частнаго права законодательство скандинавское, по наблюденію Иванишева, совершенно противоположно чешскому. Въ первомъ—едва замѣтна идея личности сквозь грубыя восточныя краски; во второмъ—находимъ свободу и самостоятельность женщины во всей полнотѣ и опредѣленности. Заключенія свои Иванишевъ, какъ всѣ его современники по изученію

нишева проф. Романовичъ-Славатинскій дѣлитъ на двѣ серіи: первую серію составляютъ работы по исторіи слав. законодательствъ—плодъ занятій въ Прагѣ, подъ руководствомъ Ганки; вторую—труды по юго-зап. исторіи. „Какъ ни различны по своему предмету эти труды, говоритъ проф. Р.—С., они имѣютъ общую черту: по самостоятельности пріема, по сдержанности вывода, по изяществу и опредѣлительности языка—они составляютъ несомнѣнные шедевры русской исторической литературы".

чешскаго права, строилъ и на данныхъ Любушина Суда и Краледворской рукописи, памятниковъ, стоявшихъ для него внѣ всякихъ сомнѣній.

Въ первой изъ своихъ статей Иванишевъ сообщалъ о намѣреніи Ганки издать три первые изъ отмѣченныхъ выше памятниковъ съ русскимъ переводомъ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ, „потому что русскій языкъ дѣлается общимъ для всѣхъ славянъ". Но на основаніи письма Ганки къ Уварову [1]) дѣло это представляется намъ нѣсколько иначе: Ганка предполагалъ предоставить осуществленіе этого изданія Иванишеву или, по крайней мѣрѣ, выполнить его общими съ нимъ силами. „Можетъ быть дошло до слуха Вашего ВПр., писалъ Ганка Уварову, что я, занимаясь славянскою филологіею, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ готовлю къ изданію памятники древнихъ славянскихъ законодательствъ. Всѣ результаты своего труда я сообщилъ студенту Главнаго Педагогическаго Института г. Иванишеву, который отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія присланъ въ Прагу для изученія славянскихъ законодательствъ и преимущественно занимается подъ моимъ руководствомъ чтеніемъ рукописей въ Національномъ Чешскомъ Музеѣ и другихъ пражскихъ библіотекахъ. Желая сдѣлать приготовляемые мною къ изданію памятники сколько возможно доступными для всѣхъ славянъ, я считаю самымъ лучшимъ средствомъ напечатать ихъ въ русскомъ переводѣ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ, потому что политическое величіе России, сила и быстрота, съ какою распространяется въ ней образованіе, изумительная дѣятельность правительства,—все это способствуетъ къ тому, что русскій языкъ начинаетъ дѣлаться общимъ для всѣхъ Славянъ.

Въ г. Иванишевѣ, который въ С.-Петербургѣ и потомъ въ Берлинѣ пріобрѣлъ основательныя юридическія свѣдѣнія, я нашелъ весьма способнаго и трудолюбиваго сотрудника. Зная ревность Вашего ВПр. къ образованію, для котораго краеугольнымъ камнемъ въ Россіи вы считаете національность, а

[1]) Отъ 13 (25) января 1838 г. Черновикъ—въ бумагахъ Ганки, писанъ собственноручно Иванишевымъ.

слѣдовательно и славянизмъ, видя поощренія, какія вы оказываете каждому въ дѣлѣ образованія, я осмѣлился просить Ваше ВПр. о дозволеніи г. Иванишеву остаться на нѣсколько времени въ Прагѣ, чтобъ принять участіе въ обработкѣ памятниковъ древнихъ славянскихъ законодательствъ. Если наша просьба удостоится благосклоннаго Вашего ВПр. вниманія, то мы приготовимъ къ изданію, съ русскимъ переводомъ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ, четыре древнѣйшихъ чешскихъ памятника, нѣкоторые польскіе и изъ сербскихъ—Законы царя Душана". Въ заключеніе Ганка выражалъ Уварову отъ лица всѣхъ чешскихъ ученыхъ сердечную благодарность за вниманіе, которымъ Уваровъ удостоилъ ихъ, приславъ въ Прагу молодыхъ русскихъ ученыхъ для изученія славянскихъ памятниковъ, которыми Прага такъ богата. „Можетъ быть, говорилъ Ганка, они не найдутъ здѣсь той разносторонней учености, какою славятся нѣкоторые германскіе университеты,—по крайней мѣрѣ, мы примемъ ихъ съ тѣмъ радушіемъ, съ какимъ славяне всегда принимали гостей своихъ. Счастливыми почтемъ себя, если сколько-нибудь будемъ участвовать въ дѣлѣ просвѣщенія, которое подъ покровомъ могущественнаго Монарха и подъ руководствомъ Вашего ВПр. такъ быстро распространяется". Въ то же время Ганка ищетъ если не поддержки, то, по крайней мѣрѣ, сочувствія своему плану у Сперанскаго, который интересовался памятниками славянскихъ законодательствъ и при содѣйствіи Ганки усердно собиралъ ихъ. Посылая Сперанскому для Губе Земское уложеніе 1500 года и обѣщая доставить вскорѣ Книгу Товачовскую, въ дополненіе къ присланнымъ раньше памятникамъ, Ганка упоминаетъ о занятіяхъ съ Иванишевымъ и о приготовляемомъ имъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ изданіи памятниковъ славянскихъ законодательствъ. „Если нашъ трудъ будетъ поддержанъ любителями славянскихъ законодательствъ, и если г. Иванишеву правительство дозволитъ пробыть въ Прагѣ достаточное для нашего предпріятія время, то въ такомъ случаѣ я буду имѣть смѣлость просить о позволеніи посвятить свое изданіе Вашему ВПр.", обращается онъ къ Сперанскому. Имя Сперанскаго должно было освятить это изданіе.

23 февраля 1838 года Уваровъ извѣщалъ Ганку о разрѣшеніи Иванишеву принять участіе въ предполагаемомъ Ганкою изданіи памятниковъ древнихъ славянскихъ законодательствъ и остаться для этой цѣли еще на нѣкоторое время въ Прагѣ, съ тѣмъ однако же, чтобы онъ непремѣнно возвратился въ Россію, вмѣстѣ съ прочими его товарищами, къ назначенному сроку. Расчетъ, которымъ руководствовался Ганка, привлекая къ участію въ изданіи названныхъ памятниковъ Иванишева и соглашаясь даже передать ему приготовленныя къ печати рукописи, былъ вполнѣ ясенъ: осуществить подобное изданіе на свои средства Ганка не былъ въ состояніи; Иванишеву легче было, при содѣйствіи Уварова и Сперанскаго, выполнить эту задачу. Но плану Ганки не суждено было осуществиться. Иванишевъ, послѣ разрѣшенія Уварова, уже недолго оставался въ Прагѣ. Быть можетъ, изданіе не состоялось отчасти и потому, что издатели ошиблись въ своихъ расчетахъ на содѣйствіе другихъ ученыхъ [1]). Въ половинѣ 1838 года мы встрѣчаемъ Иванишева въ Берлинѣ, гдѣ онъ занимается славянскими рукописями въ Королевской библіотекѣ, между прочимъ—изучаетъ и Литовскій Статутъ для предположеннаго Ганкой изданія.

Изъ Берлина Иванишевъ писалъ Ганкѣ 20 іюня 1838 года: „Я нашелъ здѣсь работы гораздо болѣе, нежели сколько ожидалъ. Въ извѣстномъ вамъ кодексѣ Статута Литовскаго я нашелъ небольшое уложеніе о судоустройствѣ въ Литвѣ, получившее законную силу 1581 года, на бѣлорусскомъ языкѣ, все-

---

[1]) Приведемъ здѣсь небольшую выдержку изъ письма Шафарика къ Ганкѣ (отъ 22 марта 1838 г.), подтверждающую въ извѣстной степени это предположеніе: „Posílám vam zde dvojí, věrnou, na vzor snimkův zhotovenou kopii srbských zákonův ku použití pro p. Ivaniševa. Pan Ivanišev může sobě z těchto rkp. excerpta a vypisky udělati ke svým prácem, pokudž mu potřebno a libo: než nemilé by mi bylo, kdyby z těchto rkp. kopie vzal a je v Rusku tisknouti dal. Já zajisté sám, nákladem nového metropolity srbského, ještě tohoto roku srbské ty zákony s přeložením a kommentárem vytisknouti dám. Pročež vás snažně prosím, abyste s p. Ivaniševem tyto rkpp. co nejdřív přečísti a mně navrátiti ráčil. Budeli p. Ivaniševu potřebno vysvětlení některých temných míst, milerád mu posloužím: nechať se obrátí ke mně“.

го 6 листовъ. Я переписываю этотъ памятникъ, и потомъ напечатаемъ въ нашемъ собраніи". Въ концѣ 1838 года Иванишевъ предполагалъ быть въ Петербургѣ [1]). Ганка поспѣшилъ отрекомендовать своего „ученика и сотрудника" Сперанскому, коему, какъ мы видѣли, онъ писалъ о немъ уже раньше. „Надѣюсь, говорилъ Ганка въ своемъ рекомендательномъ письмѣ, что г. Иванишевъ, занимаясь съ любовью и прилежаніемъ древними славянскими законодательствами, будетъ въ состояніи прояснить доселѣ темную сторону въ древнихъ юридическихъ памятникахъ Россіи, именно—элементъ славянскій". Цѣль письма заключалась въ слѣдующемъ. Ганкѣ стало извѣстно, что по приказанію Сперанскаго собраны были всѣ лучшіе списки Литовскаго Статута, изданіе коего сдѣлалось необходимою потребностью для славянскихъ юристовъ и филологовъ. „Ваше Прев. сдѣлаете намъ большую милость, просилъ Ганка, если позволите г. Иванишеву разсмотрѣть и сравнить вышеупомянутыя рукописи, потому что, объясняя памятники чешскаго законодательства, мы будемъ указывать на сходство оныхъ съ памятниками другихъ славянскихъ законодательствъ, и можетъ быть, со временемъ займемся изданіемъ и самаго Статута Литовскаго" [2]).

Мы видѣли выше, съ какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ отнеслись наши первые славянскіе путешественники къ ученымъ трудамъ Шафарика. Письма Погодина къ министру народнаго просвѣщенія (1835 г.), записка Кеппена, представленная Академіи (1836 г.), первые отчеты Бодянскаго (1837 г.) давали достаточнаго матеріала для сужденія о дѣятельности Шафарика, ученыхъ заслугахъ его и отношеніяхъ къ русскимъ молодымъ ученымъ. Академія уже въ 1836 г. наградила Шафарика золотою медалью. Къ этимъ сообщеніямъ присоединялись отзывы Касторскаго и Иванишева. Послѣдній, по порученію Уварова, написалъ по возвращеніи въ Петербургъ докладъ о дѣятельности Ганки и Шафарика. 10 февраля 1839 г. Иванишевъ сообщалъ Ганкѣ: „Я по требованію министра описалъ об-

[1]) Первое письмо къ Ганкѣ изъ Кіева—отъ 10 февр. 1839 г.

[2]) Черновикъ—въ бумагахъ Ганки, безъ даты, писанъ самимъ Иванишевымъ.

стоятельства вашей жизни". На основаніи этого доклада и отчетовъ Касторскаго Уваровъ составилъ всеподданнѣйшую записку объ оказаніи пособія этимъ двумъ чешскимъ ученымъ [1]). Уваровъ обращалъ здѣсь вниманіе Государя на ту пользу, которую принесли путешествія молодыхъ русскихъ ученыхъ, отправленныхъ въ славянскія земли, не только для славянской филологіи, но и для ближайшаго знакомства нашего съ современнымъ положеніемъ славянскаго міра. „Развитіе возрождающейся словесности славянскихъ племенъ, докладывалъ Уваровъ на основаніи донесеній русскихъ ученыхъ путешественниковъ, сопровождается тамъ не менѣе замѣчательнымъ усиленіемъ привязанности и стремленія къ соплеменной Россіи. При перемогающемъ вліяніи германской жизни, постепенное исчезаніе національности славянской заставляетъ дорожить всѣми еще уцѣлѣвшими памятниками родного языка и славянской старины, открывать, объяснять и обработывать ихъ; но хладнокровное отчужденіе германскихъ правительствъ обращаетъ умы и сердца къ Россіи, гдѣ славяне надѣются найти утѣшительное сочувствіе и вѣрное содѣйствіе. Въ Россіи видятъ они единственную представительницу самобытности славянской; въ правительствѣ русскомъ — могущественнаго блюстителя славянской народности. Отсюда проистекаетъ въ тѣхъ странахъ повсемѣстная сильная любовь къ Россіи и къ русскимъ, хотя, конечно, нельзя отрицать совершенно между славянами и нѣкотораго противодѣйствія партіи враждебной Россіи. Впрочемъ, обѣ эти партіи, по причинамъ очень понятнымъ, заключаются собственно въ предѣлахъ словесности и вовсе не преступаютъ въ область политическую".

Вслѣдъ за симъ Уваровъ представлялъ Государю полезную дѣятельность Шафарика и Ганки, достойныхъ вниманія какъ по ученымъ своимъ трудамъ, такъ и по услугамъ, которыя они оказали многимъ русскимъ, и, наконецъ, по бѣдному ихъ состоянію. „Безкорыстная привязанность къ Россіи и услуги, ока-

[1]) Записка эта напечатана впервые проф. П. А. Кулаковскимъ въ статьѣ: „П. І. Шафарикъ. По поводу столѣтія со дня его рожденія". Ж. М. Н. Пр., 1895, іюнь, и отд. изданіе.

зываемыя по чистому побужденію одноплеменности, заключалъ Уваровъ свою записку, достойны того, чтобы мы радушнымъ участіемъ и пособіемъ поддержали довѣрчивое ожида́ніе помощи отъ Россіи. Не говоря уже о видахъ государственныхъ, облегченіе положенія славянскихъ ученыхъ и литераторовъ, ожививъ дѣятельность ихъ, принесетъ богатые плоды языку и исторіи нашего отечества". Поэтому Уваровъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе Академіи на заслуги Шафарика и Ганки и на труды ихъ, остающіеся не изданными за недостаткомъ средствъ, и предложилъ ей доставить пособіе обоимъ ученымъ. Письмо Уварова къ А. С. Шишкову, написанное одновременно съ представленіемъ Государю (9 декабря 1838 г.), говорило слѣдующее: „Императорская Россійская Академія, включая въ кругъ ученыхъ изслѣдованій своихъ всѣ нарѣчія славянскія, уже не разъ обращала вниманіе на труды соплеменныхъ намъ чешскихъ филологовъ. Между ними, безспорно, первое мѣсто занимаютъ П. Шафарикъ и В. Ганка. Сочиненія, которыя они уже издали въ свѣтъ, Вашему ВПр. совершенно извѣстны, и я считаю лишнимъ упоминать объ оныхъ, но, имѣвъ случай освѣдомиться о многихъ весьма полезныхъ для языкознанія новыхъ трудахъ сихъ ученыхъ, которые или уже приготовлены къ печати, или приводятся къ окончанію, я вмѣняю себѣ въ обязанность сообщить о томъ Вашему ВПр., какъ Президенту Императорской Россійской Академіи". Уваровъ перечислялъ далѣе важнѣйшіе труды, подготовленные къ изданію Шафарикомъ и Ганкою (Географія славянскихъ нарѣчій, съ картою, Monumenta Serbica, новое изданіе Любушина Суда; Лѣтопись Далемила, краткая славянская грамм., чешско-русскій и русско-чешскій словари и пр.), и заключалъ свое письмо: „Ваше ВПр. изъ одного исчисленія сихъ сочиненій усмотрите важность и пользу оныхъ, какъ для нашего языка, такъ не менѣе для исторіи отечественной, и, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, что весьма желательно было бы видѣть оныя напечатанными. Между тѣмъ недостаточность состоянія, можно сказать, бѣдность Шафарика и Ганки не только замедляютъ успѣшное окончаніе сихъ трудовъ, принуждая авторовъ посвящать свое время на занятія ничтожныя, чтобъ

снискать пропитаніе себѣ и семействамъ своимъ, но можетъ быть сдѣлаются причиною того, что они останутся вовсе не изданными. Въ письмѣ, которое Шафарикъ написалъ къ непремѣнному секретарю Академіи, дѣйств. статск. сов. Языкову, онъ откровенно сознается, что безъ посторонней помощи не можетъ кончить изданіе своихъ Славянскихъ Древностей. Я увѣренъ, что Россійская Академія, по предложенію Вашего ВПр., охотно удѣлитъ часть находящихся въ ея распоряженіи суммъ на пособіе названнымъ мною двумъ славянскимъ ученымъ, тѣмъ болѣе, что отчужденіе нѣмецкихъ читателей отъ трудовъ чеховъ, по части славянскаго языкознанія, заставляетъ ихъ надѣяться на содѣйствіе и сочувствіе одной Россіи".

Уваровъ выражалъ увѣренность, что Россійская Академія доставитъ Шафарику и Ганкѣ на изданіе ихъ сочиненій пособіе, „достойное Россіи, достойное Академіи, которой сіи писатели неоднократно уже подносили труды свои", при чемъ опредѣлялъ это пособіе въ 3 т. рублей. Такую же сумму назначало каждому отъ себя и министерство [1]). Щедрая, достойная Академіи и министерства, помощь двумъ чешскимъ ученымъ доставлена была имъ черезъ посредство Погодина, посѣтившаго Прагу въ февралѣ 1839 года [2]).

---

[1]) Арх. Росс. Акад., Дѣло № 14, 1838 г. М. И. Сухомлиновъ. Ист. Росс. Акад., т. VII, стр. 562.

[2]) Въ письмѣ отъ 15 (27)-го марта 1839 г. къ Ганкѣ Касторскій выражалъ, несомнѣнно, общую радость русскихъ друзей Ганки и Шафарика по поводу отправленія Погодина въ Прагу „съ результатами нашихъ заботъ о славянахъ". „Никто больше этому обороту не радовался, какъ мы, и дѣла эти находятся еще и дальше въ очень хорошемъ положеніи", намекалъ Касторскій на будущее. Уваровъ, получивъ отъ Погодина донесеніе объ исполненіи возложеннаго на него порученія, доложилъ объ этомъ Государю, при чемъ присовокуплялъ, что „Погодинъ исполнилъ свое порученіе съ должною осмотрительностью, и можно полагать, что оно не сдѣлалось никому извѣстнымъ и не возбудило вниманіе австрійскаго правительства" (Жизнь и тр. Погодина, V, стр. 224—225.). Но нѣмецкая печать зорко слѣдила за Погодинымъ и высказывала различныя подозрѣнія о его поѣздкѣ. Въ одной берлинской газетѣ помѣщено было письмо изъ Праги о томъ, что По-

По возвращеніи въ Россію Иванишевъ занялъ профессорскую каѳедру въ кіевскомъ университетѣ, и обширный планъ изданія, задуманнаго Ганкой, не могъ быть осуществленъ, прежде всего—по недостатку времени у молодого профессора. „Въ продолженіе перваго года своей службы, писалъ онъ Ганкѣ, я ничего другого не могу дѣлать, кромѣ безпрерывнаго чтенія огромнаго нашего законодательства. Всѣ мои рукописи и книги славянскія лежатъ пока въ сторонѣ, но только для того, чтобы по прошествіи короткаго времени быть опять предметомъ моихъ ревностныхъ занятій. Въ средствахъ къ этому у насъ не будетъ недостатка“. Надежда на исполненіе пражскаго плана пока еще не покидала Иванишева. Но слѣдующее письмо его къ Ганкѣ (отъ 7 марта 1840 г.) не заключало уже розовыхъ надеждъ на будущее: увлеченіе новымъ предметомъ, казалось, уничтожило вполнѣ возможность осуществленія стараго проекта, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. „Получивъ каѳедру государственной экономіи въ кіевскомъ университетѣ, пишетъ Иванишевъ, я долженъ былъ поневолѣ углубиться въ совершенно незнакомый для меня предметъ, чтобы сколько-нибудь быть порядочнымъ преподавателемъ. Къ этому прибавилась еще необходимость держать экзаменъ на степень доктора, такъ что я съ большимъ трудомъ могъ улучить свободную минуту для постороннихъ занятій. Я долженъ былъ совершенно прекратить свои занятія по части славянскихъ законодательствъ, и всѣ мои рукописи и переводы богемскихъ законовъ лежатъ запыленные неприкосновенно“. Иванишевъ пришелъ къ неожиданному и огорчительному для Ганки заключенію: „Сколько я могу судить о нашей публикѣ, изданіе богемскихъ памятниковъ было бы совершенно неумѣстно и не нашло бы никакого участія: изъ ста тысячъ нашелся бы развѣ одинъ, который съ любопытствомъ

годинъ *шесть мѣсяцевъ* сидѣлъ въ Прагѣ съ какими-то таинственными цѣлями, между тѣмъ Погодинъ пробылъ здѣсь всего *три дня*. Корреспондентъ берлинской газеты особенно распространялся объ отношеніи русскаго правительства къ чешскимъ литераторамъ. См. письмо А. В. Шемберы къ Я. Э. Воцелю отъ 13 сент. 1839 г. Světozor, 1887, str. 587.

взглянулъ бы на книгу, а прочимъ нѣтъ никакой нужды, существуютъ ли богемскіе законы на свѣтѣ, или нѣтъ". Онъ считалъ поэтому болѣе своевременнымъ и полезнымъ изданіе древностей русскаго права, въ которыхъ можно ясно показать единство славянскихъ законодательствъ въ древнѣйшія времена, ихъ внутреннюю связь и необходимость изучать всѣ для объясненія одного изъ нихъ. Только послѣ такого изданія, по его мнѣнію, можно было бы приступить къ изданію памятниковъ богемскихъ для русской публики: „Если мнѣ Богъ поможетъ, то я, можетъ быть, и приступлю къ этому труду"... Но послѣднія письма Иванишева къ Ганкѣ (конца 1840 г.) не заключаютъ уже никакихъ упоминаній объ этомъ трудѣ, а съ 1841 г. переписка учителя съ ученикомъ прекращается.

3.

Пребываніе Бодянскаго въ Чехіи затянулось вслѣдствіе тяжелой болѣзни, неожиданно разстроившей всѣ его планы. Старая немочь, съ которою Бодянскій провозился года три еще въ Малороссіи, никогда не дававшая себя чувствовать въ теченіе семилѣтняго пребыванія его въ Москвѣ, вдругъ возвратилась въ Чехіи, при томъ въ сильнѣйшей степени. Бодянскій приписывалъ этотъ рецидивъ чешскому климату, особенно вредному для тѣхъ людей, которые когда-либо страдали ревматизмомъ или имѣютъ къ нему хоть малѣйшую склонность. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1838 года чешскіе доктора „насильно гнали" Бодянскаго на воды. Дѣйствительно, въ началѣ іюля ст. ст. 1838 г. мы встрѣчаемъ его и Шафарика, который тоже страдалъ ревматизмомъ, въ Карловыхъ Варахъ, а потомъ и въ Теплицахъ. Бодянскій сильно былъ огорченъ возвратомъ прежняго недуга, необходимостью лѣчиться и связанными съ лѣченіемъ расходами. „Охъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, жаловался онъ въ письмѣ къ Погодину (4 авг. н. ст. 1838 г.),—больно тяжело на сердцѣ, какъ подумаешь, что̀ бы человѣкъ могъ на эти, брошенныя въ полномъ смыслѣ въ воду, деньги и въ это время, утраченное безъ пользы, что̀ бы человѣкъ могъ сдѣлать! Гдѣ бы

ужъ я былъ теперь, что̀ бы видѣлъ, слышалъ и произвелъ!“ Къ концу августа ст. ст. Бодянскій вернулся обратно въ Прагу, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія на водахъ. Онъ собирается теперь въ путешествіе по южнымъ славянскимъ землямъ [1]), но всѣ планы его опять разстроились: болѣзнь, плохо поддававшаяся лѣченію, не позволила ему въ положенное время выѣхать изъ Чехіи.

Только съ началомъ октября 1838 г. Бодянскій, снабженный рекомендательнымъ письмомъ Шафарика къ Шемберѣ, отправился въ Моравію. Шафарикъ писалъ (3 октября 1838 г.) Шемберѣ: „Считаю лишнимъ особенно поручать вашему вниманію г. Бодянскаго, которому вручаю это письмо: я увѣренъ вполнѣ, что вы охотно ему поможете во всемъ, если онъ будетъ нуждаться въ вашемъ совѣтѣ и помощи. Различныя обстоятельства задержали его въ Прагѣ нѣсколько дольше, чѣмъ онъ первоначально предполагалъ: будучи слабаго здоровья, онъ долженъ спѣшить на югъ, въ болѣе теплыя страны, чтобы тамъ провести зиму, поэтому и нынѣшнее пребываніе его въ Моравіи будетъ кратковременно. Я желалъ бы однако, чтобы онъ, кромѣ Брна, посѣтилъ Оломуцъ и Райградъ, познакомился бы тамъ съ добрыми славянами и собственными очами узрѣлъ драгоцѣнный памятникъ кирилловскаго письма въ Моравіи“ [2]).

Бодянскій прежде всего посѣтилъ Оломуцъ, гдѣ познакомился съ Бочкомъ, извѣстнымъ издателемъ Моравскаго Дипломатарія. Изъ Оломуца онъ проѣхалъ въ Брно, гдѣ вошелъ въ сношенія съ тамошними славянскими учеными: Сушиломъ, из-

---

[1]) Шафарикъ одобрялъ намѣреніе Бодянскаго провести зиму между иллирами. Онъ не совѣтовалъ ему только оставаться долго въ Вѣнѣ и Пештѣ, такъ какъ это не въ интересахъ его ученаго путешествія. „Въ Вѣнѣ и т. д. вы наберетесь мертвой учености вдосталь, но народовъ славянскихъ, ихъ языка, нарѣчій, говоровъ, обычаевъ не узнаете“, писалъ ему Шафарикъ 31 окт. 1838 г. Онъ направлялъ Бодянскаго въ Новый Садъ и Карловцы; мартъ и апрѣль слѣдующаго года совѣтовалъ провести въ Сербіи, а все лѣто, отъ мая до конца сентября,—употребить на путешествіе черезъ Загребъ, Далмацію и острова въ Черногорію. Письма Шафарика къ Бодянскому, стр. 125—127.

[2]) Письмо—въ библ. Чешскаго Музея.

дателемъ народныхъ моравскихъ пѣсенъ, Клацелемъ, „замѣчательнымъ поэтомъ“, Шемберой и мн. др.; осмотрѣлъ достопримѣчательности города относительно славянъ и ихъ исторіи и, въ заключеніе, посѣтилъ мѣсто погребенія незабвеннаго Добровскаго [1]). Шафарикъ включилъ въ маршрутъ Бодянскаго и Райградскій монастырь, гдѣ онъ самъ былъ въ началѣ августа 1838 г., съ цѣлью лично ознакомиться съ латинскимъ Мартирологіемъ (IX—X в.), заключавшимъ кирилловскія приписки. Приписки эти впервые обнаружены были Палацкимъ. Отъ Палацкаго узналъ о нихъ Шафарикъ, котораго открытіе это настолько заинтересовало, что онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ Бодянскимъ отправиться въ Райградъ для осмотра и обслѣдованія рукописи [2]). Съ тѣхъ поръ райградскій Мартирологій непрестанно привлекаетъ вниманіе славянскихъ ученыхъ. По болѣзни Бодянскому нельзя было однако отправиться вмѣстѣ съ Шафарикомъ. Шафарикъ одинъ посѣтилъ Райградскую библіотеку, осмотрѣлъ этотъ памятникъ и нашелъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, начертанныхъ древнеславянскимъ письмомъ на поляхъ нѣсколькихъ листовъ, еще цѣлый отрывокъ въ концѣ 70-й страницы, наиболѣе важный для опредѣленія происхожденія этихъ приписокъ. Послѣ трехдневнаго разсмотрѣнія этого отрывка, какъ сообщалъ Бодянскій Погодину, Шафарику удалось наконецъ вполнѣ разобрать и прочесть его съ помощью увеличительнаго стекла. Очевидно, со словъ самого Шафарика Бодянскій сообщалъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой припискѣ Погодину (10 сент.—28 авг.). Такъ, онъ говорилъ о языкѣ ея, что онъ заключаетъ въ себѣ особенности языка древнеболгарскаго, сербскаго и моравскаго, но вообще—больше перваго. На основаніи нѣкоторыхъ ошибокъ въ правописаніи и привнесенія чешско-моравскихъ словъ Бодянскій повторилъ догадку, что приписка эта

---

[1]) Донесеніе отъ 1 (13) февр. 1839 г. Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. 23, отд. IV, стр. 16—17.

[2]) См. письмо Челаковскаго къ Хмеленскому отъ 1 сент. 1837 г. Sebr. l., str. 335. О посѣщеніи Райграда Шафарикомъ см. письмо А. В. Шемберы Яну Э. Воцелю, отъ 30 авг. 1838 г., въ ж. Světozor, 1887, str. 554.

принадлежитъ какому-нибудь монаху, родомъ чеху или моравнину, еще нехорошо владѣвшему древнеславянскимъ языкомъ и при томъ писавшему напамять. Но болѣе подробно разсмотрѣлъ онъ вопросъ о древности ея въ своемъ „Донесеніи“ министру [1]). Ознакомившись съ рукописью на мѣстѣ, Бодянскій прежде всего обратилъ вниманіе на начертаніе буквъ, правописаніе и языкъ ея, и заключеніе, къ которому онъ пришелъ, значительно удалилось отъ заключенія Шафарика. По мнѣнію Бодянскаго, названная приписка сдѣлана была сербомъ съ какого-нибудь болгарскаго подлинника, потому что „образъ писанія и выговоръ“ въ этой припискѣ перемѣшаны, болгарскій съ сербскимъ, а послѣднее слово ея („земы“) указываетъ собой даже на особенность языковъ западнославянскихъ (польскаго, словацкаго, чешскаго и т. д.). Памятникъ этотъ, по заключенію Бодянскаго, принадлежитъ XI—XII в.

Пересматривая Martyrologium Odonis, Бодянскій обратилъ все свое вниманіе на текстъ его и принялся читать съ начала до конца. На 15-ой строчкѣ второго листа, въ самой серединѣ текста, онъ нашелъ, къ удивленію своему, греческое слово, написанное древнеславянскими кирилловскими буквами, а именно: латрии (latria). „Хотя это слово—греческое, говоритъ Бодянскій, однако же, такъ какъ оно писано кириллицей, то потому и есть самый древнѣйшій, сколько намъ извѣстно, памятникъ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельство, что предки наши, славяне, знали уже азбуку, названную потомъ кирилловской, кириллицей, еще до Кирилла и Меѳодія“.

Такъ какъ Мартирологій, по ясному показанію писца на концѣ его, писанъ въ царствованіе Карла Вел., т. е. въ самомъ началѣ IX в., а азбука наша изобрѣтена Кирилломъ въ 855 году, то названное выше слово писано славянской азбукой ровно за полвѣка до изобрѣтенія ея. „Странно, а такъ выходитъ!“ удивляется Бодянскій своему заключенію. Для объясненія этого факта, говоритъ онъ, не остается иного средства, какъ

[1]) Письма къ Погодину, стр. 79—80; Ж. М. Н. Пр., ч. XXIII, 1839, отд. IV, стр. 17—23. Ср. еще: „О времени происх. слав. письменъ“, стр. 322 и сл.

допущеніе того мнѣнія, что солунскіе братья не были первыми, нашедшими и употребившими нашу азбуку; что она была еще до нихъ въ ходу у греческихъ славянъ; что Кириллъ и Меѳодій не выдумывали иной, новой азбуки, но взяли бывшую уже въ ходу, по крайней мѣрѣ, отчасти извѣстную, дополнили и усовершенствовали ее.

Шафарикъ, получивъ отъ Бодянскаго точныя свѣдѣнія о словѣ латрии, долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы оно было писано такъ, какъ Бодянскій сообщалъ ему. Слово латреїа Шафарикъ считалъ греческимъ, а не кирилловскимъ. „Греческія буквы IX столѣтія, возражалъ онъ Бодянскому, формой и видомъ ничѣмъ не отличаются отъ обычнаго кирилловскаго письма того же времени. А исключительно кириллицѣ принадлежащія буквы, напр.: ч, ш, ж, ц и др., не встрѣчаются ни въ этомъ словѣ, ни въ текстѣ рукописи; но если бы и такъ случилось, то я скорѣе готовъ былъ бы считать рукопись за позднѣйшую, нежели допустить, чтобы до Кирилла и Меѳодія существовало славянское письмо, подобное позднѣйшему кирилловскому письму. Славяне до этого времени имѣли только руны (мѣты), которыя вырѣзывались на деревянныхъ таблицахъ“ [1]). Бодянскій не соглашался съ мнѣніемъ Шафарика, но послѣдній считалъ безполезнымъ продолжать споръ. „Мы съ вами, отвѣчалъ онъ Бодянскому 31 окт. 1838 г., прочли это слово различно: одинъ изъ насъ долженъ былъ прочесть его ошибочно. Такъ какъ въ настоящее время ни у меня, ни у васъ нѣтъ рукописи подъ руками, то напрасно объ этомъ спорить“ [2]). Въ этомъ же письмѣ къ Бодянскому Шафарикъ высказалъ остроумное предположеніе, оправдавшееся вполнѣ впослѣдствіи. „Если, какъ вы пишете, въ самомъ латинскомъ контекстѣ это слово написано съ кирилловскимъ и, то не можетъ тотъ листъ, на которомъ оно находится, быть времени Карла,—говорю въ контекстѣ, а не на поляхъ, ибо на поляхъ и я это слово нашелъ написаннымъ нѣ-

[1]) Письма Шафарика къ Бодянскому (1838—1857), изд. П. А. Лавровымъ и М. Н. Сперанскимъ, Москва, 1895, стр. 124.

[2]) Тамъ же, стр. 125.

сколько разъ съ и, тою же рукою, которою позднѣе приписано множество кирилловскихъ словъ"...

Получивши изъ Райграда факсимиле слова латрни, Шафарикъ убѣдился, что оно дѣйствительно написано такъ, какъ прочелъ его Бодянскій, но отказался дать какое-либо объясненіе этого страннаго факта: „Въ объясненіе этого явленія я не умѣю ничего сказать, потому что совершенно ничего не понимаю" [1]). Однако, осторожный скептицизмъ его, какъ увидимъ ниже, оправдался въ полной мѣрѣ при новомъ разсмотрѣніи рукописи Срезневскимъ.

Въ началѣ декабря 1838 г. Бодянскій прибылъ въ Пештъ, но здѣсь опять разболѣлся. „Лютая, жестокая болѣзнь свалила меня совсѣмъ съ ногъ", пишетъ онъ оттуда Погодину 8 (20) февр. 1839 г. „Сегодня ровно три мѣсяца моему недугу, три мѣсяца моему пребыванію въ Пештѣ и три же мѣсяца заключенію въ покоѣ, изъ коего еще ни разу не выходилъ на свѣтъ Божій". Въ мартѣ, благодаря героическимъ средствамъ, принятымъ для избавленія отъ терзавшаго его недуга, Бодянскій почувствовалъ себя значительно лучше и сталъ помышлять о продолженіи своего путешествія, въ южную Венгрію и Сербію; на обратномъ пути онъ намѣренъ былъ посѣтить Славонію и черезъ Хорватію и Штирію прибыть въ августѣ въ Вѣну, для свиданія съ Погодинымъ [2]). Но улучшеніе было непродолжительно; прежнія страданія возвратились вскорѣ съ новою силою и приняли чрезвычайно тяжелое направленіе. Бодянскій рѣшился на

---

[1]) Письма Шафарика къ Бодянскому, стр. 129.

[2]) На основаніи письма Шафарика слѣдуетъ заключать, что Бодянскій былъ въ Сербіи. „Съ удовольствіемъ изъ письма вашего я узналъ, что путешествіе ваше по Сербіи и Срѣму въ литературномъ отношеніи не было напрасно: много побывало у васъ въ рукахъ старыхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, вы ихъ просмотрѣли, описали", писалъ Шафарикъ Бодянскому 29 янв. 1840 г. Между тѣмъ Бодянскій въ письмѣ къ Погодину (6 окт. 1839 г.) сожалѣлъ о неудачѣ: „Посѣтивши только чеховъ, моравцевъ, словаковъ и нѣсколько ознакомившись съ сербами, *и то на чужбинѣ, а не у себя*, я выполнилъ только половину своей задачи". Очевидно, онъ говоритъ здѣсь о сербахъ венгерскихъ.

послѣднее, остававшееся ему средство,—отправиться для лѣченія своей болѣзни въ Грефенбергъ (въ Австрійской Силезіи), къ извѣстному Присницу [1]). Четыре мѣсяца, проведенные въ Фрейвальдау въ лѣченіи холодной водой, какъ писалъ Бодянскій Погодину (6 окт. 1839 г. изъ Вѣны), наконецъ вызвали его къ жизни. Но опять ненадолго. Въ маѣ 1840 года Бодянскій опять принужденъ былъ искать облегченія своимъ страданіямъ въ Фрейвальдау. Въ виду того, что срокъ пребыванія его за границей истекалъ, онъ ходатайствовалъ о продленіи ему командировки на пять мѣсяцевъ. Бодянскому разрѣшено было пробыть за границей до сентября 1840 г., но и этотъ срокъ оказался незначительнымъ для лѣченія его изнурительной болѣзни [2]).

Болѣзнь Бодянскаго помѣшала ему не только осуществить его планъ славянскаго путешествія, но и не дала ему возмож-

[1]) Собственно—въ Фрейвальдау, близъ Грефенберга.

[2]) 28 авг. ст. ст. 1840 г. Бодянскій вновь ходатайствуетъ о продолженіи ему отпуска. Онъ писалъ министру: „В. ВП.! Въ слѣдствіе болѣзни, сильнаго ревматизма въ обѣихъ ногахъ, полученнаго мной прошедшаго года, я принужденнымъ нашелся пріостановить дальнѣйшее свое путешествіе и помыслить о средствахъ излѣченія себя. Для того рѣшился я употребить послѣднія шесть мѣсяцевъ моего пребыванія за границей и отправился въ Грефенбергъ (въ Австрійской Силезіи) пользоваться холодною водою, по способу извѣстнаго Присница, единственно дѣйствительнымъ средствомъ, во всѣхъ подобнаго рода болѣзняхъ, излѣчивающимъ вполнѣ и коренно, но притомъ требующимъ самоотверженія, твердой воли и значительнаго времени. Еще не было примѣра, чтобы одностадальцы, при упомянутыхъ условіяхъ, не избавлялись совершенно отъ своей болѣзни. И хотя улучшеніе въ моемъ здоровьѣ, послѣ полугодичнаго строгаго пользованія, все еще только относительное, однако врачь, г. Вейссъ, знаменитый своею опытностію въ водолѣченіи, ручается за мое полное выздоровленіе, не назначая, впрочемъ, когда именно. Свидѣтельство его въ этомъ честь имѣю представить Вашему ВПр. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, я беру смѣлость всепокорнѣйше испрашивать у Вашего ВПр. отсрочки пребыванію моему за границею впредь до полнаго и совершеннаго выздоровленія“. „Дѣло“ Бодянскаго, въ Арх. М. Н. Пр.

ности изучить ближе Чехію и ея населеніе. Мы знаемъ только, что Бодянскій собирался „пошляться нѣсколько времени между простымъ народомъ въ провинціяхъ“ [1]), но ближайшихъ подробностей о такихъ экскурсіяхъ не имѣемъ. Въ одномъ изъ писемъ Эрбена [2]) встрѣчаемъ только упоминаніе о томъ, что Бодянскій совершилъ съ нимъ поѣздку къ „ходамъ“, или „булакамъ“, относительно коихъ утверждаютъ, что они пришли въ Чехію изъ нынѣшней Галиціи. Эрбенъ нашелъ, дѣйствительно, сходство ихъ пѣсенъ съ пѣснями „русинскими“, Бодянскій же обратилъ вниманіе на ихъ одежду, которая, по его словамъ, весьма сходна съ одеждой украинскихъ малороссовъ.

Въ то время, когда Бодянскій, терзаемый жестокимъ недугомъ, пребывалъ въ Фрейвальдау, въ Прагу направлялся съ сѣвера новый славянскій путешественникъ, избранникъ харьковскаго университета на каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, И. И. Срезневскій. 15 іюня 1839 г. Уваровъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о командировкѣ Срезневскаго въ славянскія земли, 8 іюля состоялось высочайшее соизволеніе на эту командировку, но только въ половинѣ сентября Срезневскій тронулся въ путь, задержанный въ Петербургѣ различными препятствіями канцелярскаго свойства.

Путь въ Прагу былъ достаточно проторенъ. Нимало нельзя было сомнѣваться въ томъ, какъ радушно встрѣтитъ семья пражскихъ подвижниковъ науки нашего новаго славянскаго путешественника. Тѣмъ не менѣе Уваровъ снабдилъ Срезневскаго рекомендательнымъ письмомъ къ „Павлу Іосифовичу Шафарику“, поручая второго будущаго русскаго слависта вниманію и заботамъ его, т. е. посылалъ его на обученіе къ нему [3]). Въ то же время рекомендательное письмо далъ ему и Сербиновичъ, редакторъ Ж. М. Н. Пр., который поручалъ Срезневскаго доб-

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 86.

[2]) Отъ 20 дек. 1843 г. (къ Ганкѣ?), въ библ. Чешскаго Музея.

[3]) Кочубинскій, Гр. С. Г. Строгоновъ, В. Евр., 1896, авг., стр. 489—490. Одновременно, 20-го же ноября 1839 г., Уваровъ, поручая Срезневскаго благорасположенію Ганки, писалъ ему: „Г. Срезневскій, адъюнктъ харьковскаго университета, отправля-

рому расположенію Ганки (17 ноября 1839 г.): „Онъ посылается для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Ваше славянское радушіе, безъ сомнѣнія, согрѣетъ нашего любознательнаго путешественника, подобно тому какъ и многіе изъ нашихъ, имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами, признавались мнѣ, что они были не на чужбинѣ, а точно какъ бы дома". Тутъ же Сербиновичъ сообщалъ Ганкѣ, что впослѣдствіи прибудетъ въ Прагу еще и Прейсъ, изъ петербургскаго университета, также посылаемый для изученія славянскихъ нарѣчій, коему пока необходимо было пробыть въ Кенигсбергѣ. Паломничество на славянскій западъ было въ разгарѣ.

Только 4 (16) февр. 1840 г. Срезневскій прибылъ въ Прагу.

Первыя письма его къ матери [1]) свидѣтельствуютъ о томъ, что и Срезневскій раньше всего обратился къ Шафарику,—въ письмахъ этихъ онъ говоритъ только о немъ и о Станькѣ, но вскорѣ у него завязалась самая искренняя дружба съ Ганкою, не прекращавшаяся до послѣднихъ дней Ганки. Лучшій выразитель этихъ дружескихъ связей обоихъ ученыхъ — обширная переписка ихъ, начало которой относится уже къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія Срезневскаго въ Чехіи. Только смерть Ганки положила ей предѣлъ.

Свои занятія въ Прагѣ Срезневскій начинаетъ изученіемъ чешскаго языка, сначала подъ руководствомъ Франты Шумавскаго, а затѣмъ—Челаковскаго [2]). Несомнѣнно, въ первые же мѣсяцы пребыванія въ Прагѣ Срезневскій сталъ пользоваться въ занятіяхъ своихъ и руководствомъ Ганки. Объ этомъ сви-

---

ясь по назначенію русскаго правительства за границу для изученія славянскихъ нарѣчій, пожелалъ имѣть нѣсколько словъ отъ меня къ вамъ, м. г." Несомнѣнно, оба письма Уваровъ написалъ по просьбѣ Ганки.

[1]) Путевыя письма И. И. Срезневскаго изъ слав. земель. 1839—1842. СПб., 1895.

[2]) „У Челаковскаго я беру уроки четыре раза въ недѣлю (два раза хожу къ нему, два раза онъ ходитъ ко мнѣ), платя ему въ мѣсяцъ 20 гульд.,—менѣе 50 рублей!" пишетъ онъ матери 7 апрѣля 1840 года.

дѣтельствуютъ первыя письма его къ своему другу и учителю. Первое письмо Срезневскаго отъ 7 апр. 1840 г. („Изъ Праги въ Прагу") заключало сообщеніе объ открытой оріенталистомъ Флейшеромъ въ лейпцигской библіотекѣ польской рукописи, писанной арабскими буквами. Уже тогда Срезневскій писалъ Ганкѣ: „Привыкши сообщать вамъ, какъ знатоку и любителю славянства, все, что привлекаетъ мое вниманіе въ отношеніи къ старинѣ того или другого славянскаго народа, не могу не передать вамъ и вѣсти, на дняхъ сообщенной мнѣ изъ Лейпцига". И онъ дѣлится съ учителемъ извѣстіемъ объ открытіи и своими догадками. Слѣдующее письмо (изъ Райграда, отъ 29 іюня) заключало наблюденія его надъ извѣстнымъ намъ Мартирологіемъ. Тутъ Срезневскій уже прямо указываетъ на поучительные уроки Ганки,— по крайней мѣрѣ, въ области палеографіи. „Не подумайте, писалъ онъ ему, что я нашелъ что-нибудь новое, что-нибудь важное для чешской литературы: судьба не глупа, знаетъ, кого куда посылать, и не всякому въ руки дастъ то, что давала вамъ. Впрочемъ, замѣчаніе, которое хочу вамъ сообщить, не вовсе незначительно". Ближайшее разсмотрѣніе Мартирологія не подтвердило мнѣнія, слышаннаго Срезневскимъ въ Прагѣ, о томъ, что этотъ памятникъ заключаетъ важныя данныя для подкрѣпленія извѣстія Храбра объ употребленіи славянами послѣ принятія христіанства греческихъ письменъ.

Изслѣдованіе памятника Срезневскимъ дало слѣдующіе результаты. „Кромѣ большой кирилло-славянской приписки въ этомъ Martyrologium, прочтенной Шафарикомъ еще въ 1838 году, излагалъ онъ свои наблюденія Ганкѣ, я нашелъ тамъ еще нѣсколько малыхъ... Почти всѣ эти приписки ясно доказываютъ, что рукопись при переплетаніи была обрѣзана, такъ что на обрѣзкахъ оставались кое-какія буквы. Кромѣ сихъ приписокъ, есть еще одно слово, не приписанное, но входящее въ текстъ рукописи. Вотъ оно съ фразою, въ которую вставлено: at illo cultu̅ graece латрни (latria) dicitur latine uno verbo dici non potest". Это греческое слово, написанное кирилловскими буквами, заставило Срезневскаго „помечтать о древности письменности славянъ": „Рукопись писана въ первыхъ годахъ IX

вѣка, а начало кириллицы относится ко второй половинѣ IX в.: нельзя было не предаться мечтѣ! Къ несчастію, мечта мечтой исчезла".

У Срезневскаго возникаетъ сомнѣніе: точно ли рукопись IX в.? Не имѣя ни причинъ, ни надобности не вѣрить таковой древности всей рукописи, онъ выразилъ однако сомнѣніе въ томъ, что листокъ, на которомъ находится это слово латрии, принадлежитъ IX вѣку. Что рукопись была въ рукахъ, умѣвшихъ писать кириллицей, это ясно изъ приписки; но въ какомъ вѣкѣ? Приписка принадлежитъ едва-ли не къ XII вѣку, другія малыя приписки сдѣланы, кажется, еще позже. Слово латрии писано тѣмъ же почеркомъ, какъ и всѣ эти малыя приписки. „Уже и этого, заключаетъ Срезневскій, было бы довольно для скептика. Мнѣ, впрочемъ, случилось напасть на доказательство еще болѣе ясное и, кажется, неопровергаемое". Памятуя о правилѣ, преподанномъ Ганкою, — не пропускать безъ вниманія и кусочковъ пергамена на переплетахъ старыхъ книгъ, Срезневскій сталъ тщательно разсматривать рукопись и обратилъ вниманіе на листъ пергамена, приклеенный къ переплету снутри. „Нетрудно было увидѣть, что на внѣшней, не приклеенной къ доскѣ, страницѣ написано то же, что и на оборотѣ перваго листа. Догадываясь, что и на страницѣ, приклеенной къ доскѣ, должно быть то же, что на первой страницѣ перваго листа, т. е., что весь этотъ листъ есть только повтореніе перваго листа, я позволилъ себѣ всмотрѣться не только въ связь тетрадей рукописи, но и отклеить листокъ отъ доски переплета, — и вотъ что увидѣлъ: a) листокъ, бывшій до сей минуты приклееннымъ къ переплету, составляетъ съ шестымъ листкомъ первой тетради рукописи одно цѣлое, а листъ первый приклеенъ ко второму, какъ вставочный, и есть только позднѣйшій списокъ этого стараго перваго листа; b) на первой страницѣ подлиннаго листа, отклеивши его отъ доски, я нашелъ и слово latria, но написанное уже не кириллицей, а просто по-латыни, и замѣтилъ, что вся эта страница, конечно, отъ долговременнаго употребленія рукописи, успѣла, прежде нежели поступила въ переплетъ, порядочно испачкаться". Всѣ эти детали при-

водили Срезневскаго къ заключенію, что владѣлецъ рукописи, желая имѣть испачканный первый листокъ чистымъ, списалъ его на особомъ кускѣ пергамена и вклеилъ этотъ кусокъ въ рукопись, а подлинный листъ оставилъ для переплета. Что переписка этого листа могла быть сдѣлана только по истеченіи немалаго времени послѣ того, какъ писана вся рукопись,— это ясно: листокъ не испачканный не для чего было вновь переписывать, а пергаменъ пачкается нескоро.

Такимъ образомъ, отъ подтвержденія этой рукописью сказанія Храбра о древности письменности славянъ, по мнѣнію Срезневскаго, должно было отказаться и остаться только при вопросѣ: какими судьбами запала эта рукопись въ руки человѣка, знавшаго кирилловскую азбуку лучше греческой?

Дальнѣйшая переписка Срезневскаго съ Ганкой касается уже иныхъ вопросовъ, къ Чехіи и чешской жизни, ученой и литературной, разсматриваемаго времени почти не относящихся.

Весьма мало знаемъ мы о занятіяхъ въ Прагѣ третьяго нашего славянскаго путешественника П. И. Прейса. Какъ и Бодянскій, Прейсъ сблизился главнымъ образомъ съ Шафарикомъ. О первомъ впечатлѣніи знакомства съ пражскими учеными Прейсъ писалъ Куторгѣ (29 авг. 1840 г.): „Ты спросишь меня, какъ мнѣ понравились прагскіе ученые? Пока я ими очень доволенъ. Всѣхъ болѣе мнѣ полюбился Шафарикъ, человѣкъ въ высшей степени скромный, полный души и сердца и вовсе не фанатикъ, какимъ его изображаютъ многіе изъ нашихъ. Я вижусь съ нимъ каждый день, сообщаю ему замѣчанія свои насчетъ его труда. Онъ принимаетъ спокойно, видя, что я изучалъ его трудъ глубже, нежели его панегиристы. Онъ часто спрашиваетъ моего мнѣнія о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ имъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Я отвѣчаю ему, какъ меня Богъ создалъ, прямо, откровенно; о чемъ не имѣю положительнаго мнѣнія, говорю, что не изучилъ еще этого предмета“ [1]). Кромѣ того, Прейсъ ближе сошелся еще и съ Палацкимъ. Въ январѣ 1841 года онъ сообщаетъ тому же Куторгѣ

---

[1]) Живая Стар., 1891, III, стр. 8.

о результатахъ своихъ занятій съ Шафарикомъ: „Я прошелъ съ Шафарикомъ его Древности, и почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ, дополненіямъ и т. д.“ Близкія отношенія къ Шафарику въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Прагѣ дали Прейсу возможность наблюдать его, какъ человѣка и какъ ученаго. Результатъ наблюденій получился довольно неожиданный. Нашъ ученый собесѣдникъ Шафарика сообщалъ, что въ первомъ отношеніи Шафарикъ удовлетворилъ его едва ли не болѣе, чѣмъ во второмъ,— сильнѣе было впечатлѣніе нравственнаго облика Шафарика, чѣмъ его ученаго авторитета!

Связи Прейса съ Ганкою были весьма незначительны. Только одинъ Срезневскій усердно поддерживалъ съ нимъ переписку во все время путешествія по Хорватіи, Штиріи, Истріи, Далмаціи, Черной Горѣ. Прейсъ, путешествовавшій вмѣстѣ съ Срезневскимъ, только изрѣдка приписывалъ къ письмамъ сопутника по нѣскольку строкъ. Ганка, безъ всякаго сомнѣнія, былъ и для Прейса, какъ и для всѣхъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ, полезнымъ руководителемъ во многихъ отношеніяхъ. Въ апрѣлѣ 1841 г. Прейсъ, направляясь на югъ, благодарилъ его въ письмѣ изъ Вѣны: „У меня на сердцѣ лежитъ обязанность: я долженъ принести вамъ мою искреннюю, душевную благодарность за трогательную готовность къ услугамъ, за радушный пріемъ, за дружеское расположеніе, за... но вы думаете, легко исчислить все, чѣмъ мы обязаны вамъ, особенно я. Стоитъ мнѣ только подумать о послѣднихъ дняхъ моего пребыванія въ Прагѣ, вспомнить о томъ, что̀ вы сдѣлали для меня!“ [1]) Изъ Тріеста, въ маѣ 1841 г., Срезневскій и Прейсъ, писали Ганкѣ оба. „Довольные другъ другомъ, писалъ Прейсъ, мы съ радостію думаемъ о томъ, что вмѣстѣ будемъ путешествовать. Одно только наводитъ раздумье и на меня и еще болѣе на Срезневскаго. Намъ очень хотѣлось вмѣстѣ странствовать какъ можно далѣе—и по границамъ, и въ Сербію, и въ Болгарію; но паспортъ Срезневскаго только до сентября, а по-

---

[1]) Письмо отъ 5 апр. 1841 г., въ бумагахъ Ганки.

томъ, если онъ не получитъ позволенія продолжать путешествіе, то долженъ будетъ ѣхать въ Россію и оставить меня въ одиночку. Это сокрушаетъ насъ, а какъ рѣшительно помочь себѣ,— не знаемъ“. И друзья-сопутники придумали слѣдующее: Срезневскій рѣшилъ написать министру прошеніе объ исходатайствованіи ему позволенія остаться въ путешествіи еще на годъ. Но для большаго успѣха ходатайства Прейсъ проситъ Ганку помочь ихъ дѣлу: „Вы знаете, какъ намъ полезно путешествовать вмѣстѣ, даже и въ отношеніи къ помощи другъ другу въ случаѣ болѣзни, особенно въ такихъ земляхъ, каковы южнославянскія. Вы не нелюбите насъ, а голосъ вашъ у министра не можетъ не имѣть вѣса. Вотъ почему и позволю себѣ просить васъ: потрудитесь написать къ Сергію Семеновичу письмо, представьте, какъ выгодно намъ путешествовать вмѣстѣ, и ходатайствуйте у него о продолженіи Срезневскому срока путешествія, съ тѣмъ чтобы мы могли странствовать вмѣстѣ,—чѣмъ далѣе и долѣе, тѣмъ лучше“. Самъ Срезневскій присоединялъ здѣсь и отъ себя ту же просьбу къ Ганкѣ [1]).

Ганкѣ не впервые приходилось быть предстателемъ за молодыхъ нашихъ ученыхъ: съ ходатайствомъ его о Иванишевѣ мы уже познакомились выше; просьбы его повторялись, какъ увидимъ ниже, и впослѣдствіи.

4.

Въ ряду русскихъ ученыхъ посѣтителей Чехіи и Праги сороковыхъ годовъ скромное мѣсто принадлежитъ учителю варшавской гимназіи, впослѣдствіи профессору Главнаго Педагогическаго Института и академику П. П. Дубровскому. Заслуги его не оцѣнены еще въ полной мѣрѣ, и мы посвятимъ поэтому нѣсколько строкъ начальнымъ годамъ его дѣятельности, столь тѣс-

[1]) Письмо на имя С. С. Уварова было написано самимъ Срезневскимъ и приложено къ общему письму Прейса и Срезневскаго изъ Тріеста. Оно напечатано въ Жив. Стар., 1891, IV, стр. 34—36. Только заключительная приписка въ немъ принадлежитъ Ганкѣ.

но связанной съ началами славянскихъ изученій у насъ и движеніемъ славянской мысли въ эту знаменательную эпоху.

Связи Дубровскаго съ Прагой начинаются какъ разъ въ эпоху первыхъ посылокъ за границу нашихъ кандидатовъ на славянскія каѳедры.

Въ концѣ 1839 г. Дубровскій обратился уже къ Ганкѣ съ просьбой [1]) принять участіе въ задуманномъ имъ журналѣ, который долженъ былъ начать выходить съ слѣдующаго года. „Цѣль этого журнала, писалъ онъ, способствовать литературной взаимности, о которой писалъ Колларъ. Я приглашаю къ этому многихъ славянскихъ ученыхъ и прошу ихъ присылать мнѣ иногда свои статьи, которыя буду переводить по-русски и печатать". Дубровскій уже довольно значительное время занимался славянскими нарѣчіями подъ руководствомъ профессора Кухарскаго и поэтому чувствовалъ себя въ состояніи выполнить это намѣреніе. Выражая пріятную надежду, что Ганка окажетъ свое содѣйствіе новому славянскому журналу, Дубровскій приложилъ нѣсколько писемъ къ другимъ лицамъ, на сотрудничество коихъ онъ расчитывалъ, а чтобы у Ганки не могло явиться никакихъ сомнѣній относительно достаточнаго знакомства будущаго редактора, напримѣръ, съ языкомъ чешскимъ, онъ присоединилъ къ письму своему переводъ одной пѣсни Краледворской рукописи [2]). Но проектъ Дубровскаго осуществился значительно позже, чѣмъ онъ предполагалъ. Явились, очевидно, препятствія, пріостановившія это дѣло. Вмѣсто задуманнаго журнала, Дубровскій сталъ готовить большой сборникъ, подъ названіемъ: „Старина и новости Славянъ". Въ составъ его должны были войти слѣдующія статьи: 1. Сербскія народныя преданія о вампирахъ; 2. Польскія народныя преданія; 3. Различіе между языками нынѣшнимъ церковно-славянскимъ и сербскимъ (изъ Денницы В. Караджича);

---

[1]) Письмо безъ болѣе точной даты, но, несомнѣнно, относится къ концу 1839 г. Ср. такое же письмо къ Пуркине, въ ж. Slov. Sborn., R. V, 1886, str. 138.

[2]) „Оставленная" (Opuštěná). Дубровскій намѣренъ былъ издать всѣ пѣсни Крал. рукописи, вмѣстѣ съ музыкою Томашка. Это былъ, очевидно, только образчикъ перевода Дубровскаго.

4. Строеніе слав. языка (съ чешск., соч. Коллара); 5. Гуцулы; 6. Воспоминанія (Крашевскаго); 7. Народныя пѣсни въ историческомъ отношеніи (Мацѣевскаго); 8. Обзоръ чешской литературы за 1839 г. Къ изданію предполагалось приложить напѣвы нѣкоторыхъ чешскихъ народныхъ пѣсенъ [1]).

Только въ концѣ 1841 г. Дубровскій вошелъ въ варшавскій комитетъ цензуры періодическихъ изданій съ прошеніемъ о разрѣшеніи ему издавать литературную газету „для удовлетворенія научнымъ потребностямъ касательно славянской литературы" [2]). Раньше чѣмъ приступить къ изданію журнала, Дубровскій совершилъ путешествіе по Лужицамъ и Чехіи, и только по возвращеніи его изъ этой поѣздки дѣло наладилось окончательно.

28 мая (9 іюня) 1841 г. Дубровскій подаетъ министру Нар. Просв. прошеніе о пособіи на поѣздку во время вакацій въ Прагу: къ этому побуждаютъ его занятія славянскими нарѣчіями вообще и въ особенности—участіе, которое онъ принималъ въ словарѣ Линде. Помощь, которую Дубровскій оказывалъ Линде, была, несомнѣнно, серьезна, и послѣдній счелъ долгомъ оказать нравственную поддержку ходатайству Дубровскаго въ частномъ письмѣ къ министру (отъ 12—24 мая 1841 г.). „Здѣсь есть, писалъ Линде изъ Варшавы, одинъ очень дѣльный знатокъ славянщины, оказавшій и оказывающій услуги разными русско-славянскими трудами и одушевляемый похвальнымъ усердіемъ къ дѣлу славянизма, это—г. Дубровскій, русскій учитель при нашей губернской гимназіи. Онъ ревностно желаетъ получить возможность нынѣ во время вакацій предпринять путешествіе въ славянскія земли Австріи, и именно—въ неисчерпаемую Прагу. Я съ своей стороны также многаго ожидаю отъ этого путешествія, тѣмъ болѣе, что и теперь невсегда могу обойтись безъ содѣйствія г. Дубровскаго, въ отправленіи котораго, какъ сотрудника, принимаю участіе" [3]). Самъ Дубровскій, въ обоснованіе своей просьбы и въ подтвержденіе словъ Линде о его полез-

---

1) Slov. Sborn., R. V, 1886, str. 139, письмо къ Пуркине, безъ даты.
2) См. прилож., стр. LVIII.
3) Дѣло Канц. Мин-ра Нар. Просв., № 128, 671—86.

ной дѣятельности, представилъ министру свой трудъ: „Обозрѣніе Русской Литературы за 1838, 39 и 40 г.," написанное имъ по-польски, какъ онъ заявлялъ, съ цѣлью „ознакомить поляковъ съ современной дѣятельностью нашей отечественной литературы, о которой, къ сожалѣнію, они имѣютъ превратныя понятія".

Путь свой изъ Варшавы Дубровскій направилъ на Вратиславль, куда прибылъ 18-го іюня [1]). Здѣсь онъ нашелъ стараго знакомаго по перепискѣ, проф. Пуркине, радушно встрѣтившаго русскаго путника и предложившаго ему свой гостепріимный кровъ на все время пребыванія въ этомъ городѣ. Вотъ что повѣствуетъ Дубровскій въ своемъ отчетѣ о дальнѣйшемъ путешествіи: „Изъ Вратиславы я предпринялъ посѣтить Исполинскія горы, это преддверіе Богеміи (Чехіи)... [2]). Перешедши горы, я достигъ небольшого чешскаго города Ичина, гдѣ познакомился съ гг. Широмъ и Махачекомъ, двумя профессорами Ичинской гимназіи. Ширъ много трудится для чешской литературы и, сверхъ занятій по своей должности, безденежно преподаетъ въ свободные часы чешскій языкъ. Его филологическія изслѣдованія, особенно—въ которыхъ онъ разбираетъ сравнительно языки славянскій и нѣмецкій, заслуживаютъ полнаго вниманія. Ширъ занимается также и русскимъ языкомъ; недавно напечатанъ его переводъ по-чешски повѣсти Марлинскаго „Мулла-Нуръ". Махачекъ извѣстенъ своими драматическими произведеніями; его переводы драмъ Шекспира и Шиллера съ успѣхомъ играются на чешскомъ театрѣ въ Прагѣ".

Изъ Ичина Дубровскій направился въ Прагу, куда прибылъ 29-го іюня. Страна, по которой приходилось проѣзжать нашему путешественнику, и жители ея производили на него безотрадное впечатлѣніе. Уже за Исполинскими горами, переваливъ изъ Силезіи, Дубровскій замѣтилъ бóльшую, сравнительно съ жителями Силезіи, бѣдность населенія, подвергающагося при этомъ быстрому онѣмеченію. „Удивительно, замѣчаетъ онъ,

---

[1]) „Отчетъ о поѣздкѣ въ Богемію и другія славянскія земли". Дѣло канц. Мин-ра Нар. Пр., 1841 г., № 128. 676—86.

[2]) Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ: „Керконоши", Дубровскій помѣстилъ въ Денницѣ, 1842 г., № 19, стр. 233—240.

что даже живущіе въ горахъ чехи съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе онѣмечиваются, неохотно говорятъ съ посторонними по-чешски и даже сами себя называютъ нѣмцами". На пути изъ Ичина въ Прагу Дубровскій всюду наблюдаетъ явное господство нѣмецкаго языка надъ чешскимъ, который ему удавалось только изрѣдка слышать въ устахъ простого народа [1]). „Въ Прагѣ, докладываетъ далѣе Дубровскій министру, я начертилъ себѣ планъ пребыванія моего въ этой столицѣ Богеміи, планъ, который бы по возможности согласилъ между собою краткость моего отпуска съ наибольшею пользою. Самое замѣчательное въ Прагѣ— это не столько ея библіотеки и музеи, сколько ученые и литераторы: Шафарикъ, Юнгманнъ, Палацкій, Ганка, Челаковскій, Тыль, Винаржицкій, Пресль, Амерлингъ, Станекъ, Коубекъ,— имена слишкомъ извѣстныя славянскому ученому міру. Въ этихъ то именахъ заключаются лучшія надежды чеховъ: одни изъ нихъ возсоздали чешскій языкъ, едва не погасшій лѣтъ за тридцать передъ симъ; прочіе идутъ имъ вслѣдъ, очищая и поддерживая языкъ, разрабатывая отечественную исторію, древности, право и пр. Вліяніе этихъ трудовъ уже замѣтно въ высшихъ сословіяхъ,—при благопріятныхъ обстоятельствахъ оно постепенно можетъ проникнуть и въ низшіе классы". Дубровскій считаетъ необходимымъ обратить здѣсь вниманіе министра на особенно знаменательную и важную черту дѣятельности этихъ людей: „Прагскіе, или,—что одно и то же,—чешскіе ученые, сверхъ трудовъ, относящихся къ ихъ отечеству, съ любовію слѣдятъ за успѣхами и другихъ славянскихъ народовъ, изучаютъ ихъ

---

[1]) Вообще, Дубровскій довольно мрачно представлялъ себѣ положеніе чеховъ. По его словамъ, онъ видѣлъ тогда же у Шафарика карту современнаго состоянія Чехіи: „Нѣмцы означены на ней желтою краскою, чехи—розовою. Весь пограничный кругъ совершенно онѣмеченъ; ближе къ центру, по направленію къ Прагѣ, также тянутся желтыя полоски; остальное, въ разныхъ мѣстахъ, еще покрыто розовою краскою". Сообщеніе отчета Дубровскаго, несомнѣнно, неточно, какъ ошибочно было и заключеніе его, что „въ Силезіи нѣтъ болѣе славянскаго населенія, и языкъ силезскихъ славянъ исчезъ уже давно!"

литературу и знакомятъ съ нею своихъ соотечественниковъ. Вообще, необыкновенная дѣятельность чешскихъ ученыхъ, привязанность ихъ къ славянскому міру и добросовѣстность ихъ трудовъ пріобрѣли имъ сильный авторитетъ между учеными всѣхъ славянскихъ народовъ".

Въ заключеніе своего отчета Дубровскій представлялъ краткія сообщенія о новѣйшихъ трудахъ Шафарика (карта славянскихъ нарѣчій), Челаковскаго (матеріалы для сравнительной грамматики и сравнит. словаря славянскихъ нарѣчій, общеслав. христоматія), Палацкаго, Винаржицкаго и о выдающихся книжныхъ новостяхъ. Для ближайшаго ознакомленія съ простонароднымъ бытомъ чеховъ, Дубровскій вмѣстѣ съ Челаковскимъ и Винаржицкимъ совершилъ на нѣсколько дней поѣздку въ Болеславльскій округъ, посѣтилъ Винаржицкаго въ Ковани, былъ на Бездезѣ и пр. Знакомство съ Винаржицкимъ и его дѣятельностью въ народѣ особенно восхищало нашего путешественника. Пребываніе Дубровскаго въ Чехіи было, къ сожалѣнію, весьма кратковременно: уже 11-го іюля онъ выѣхалъ изъ Праги черезъ Теплицы, Дрезденъ и Лейпцигъ въ обратный путь; но оно принесло ему огромную пользу, — прежде всего, давъ возможность вступить въ личныя отношенія со всѣми выдающимися чешскими учеными и литературными дѣятелями и заручиться ихъ драгоцѣннымъ сотрудничествомъ въ задуманномъ давно журналѣ. Между нашимъ восторженнымъ любителемъ славянства и его недавними еще бреславльскими и пражскими знакомыми утверждается искренняя дружба. Прага и вообще весь новый славянскій міръ, въ который онъ нынѣ погрузился, произвели на него, какъ и на всѣхъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, сильное впечатлѣніе. По возвращеніи въ Варшаву, онъ тотчасъ же пишетъ Ганкѣ (20 сент. 1841 г.): „Наконецъ я возвратился и въ Варшаву! Грустно мнѣ было оставить вашъ край, особенно Прагу, которую полюбилъ я отъ всей души. Нѣтъ, я долженъ опять когда-нибудь посѣтить васъ, иначе не хочу умирать. Не могу также забыть того славянскаго радушія, которое нашелъ я въ кругу моихъ любезныхъ соплеменниковъ. Снова повторяю: грустно, грустно мнѣ! Душа такъ и рвется къ вашимъ горамъ!

Смотрю на печатку, подаренную мнѣ вами, и твержу безпрестанно: впередъ! впередъ![1]“ А спустя нѣсколько недѣль почти въ тѣхъ же словахъ изливаетъ онъ свои чувства и предъ Пуркине: „До сихъ поръ еще не могу придти въ себя послѣ моего путешествія. Печально возвращался я въ Варшаву. И милая Чехія, и ваша Бреславль не выходятъ у меня изъ памяти. Васъ уже привыкъ я считать моимъ отцомъ и мысленно всегда переношусь къ вамъ. Вы теперь неразлучны со мною: вашъ портретъ виситъ надъ моимъ письменнымъ столомъ...[2]“

Изъ путешествія Дубровскій возвратился съ твердымъ рѣшеніемъ осуществить свою давнюю мечту. Въ 1842 г. она наконецъ исполнилась. Первый номеръ „Денницы“, литературной газеты, посвященной славянскимъ предметамъ, заключалъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ отъ редакціи („Вмѣсто вступленія“): „Путешествіе въ Лужицы весною 1839 г.“ Л. Штура, переведенное изъ Часописи Музея, библіографическія замѣтки и извлеченіе изъ письма Ганки къ редактору о новыхъ произведеніяхъ чешской литературы. Послѣднее было написано Ганкою по настоятельной просьбѣ Дубровскаго, который имѣлъ въ виду украсить имъ первый номеръ своего журнала. „Чувствительно благодарю васъ за ваше неоцѣненное письмо, которое уже напечатано въ первомъ нумерѣ моей Денницы, какъ ея украшеніе“, благодаритъ онъ Ганку 29 янв. 1842 г. и выражаетъ желаніе: „Пускай славянскій духъ, во имя котораго издается моя Денница, распространяется и посѣетъ доброе сѣмя. Употребляю всѣ средства, чтобы обратить вниманіе, какъ моихъ соотечественниковъ, такъ и поляковъ, на родное славянство, къ которому мы не можемъ быть равнодушны. Впередъ! Впередъ!... Вы не повѣрите, съ какимъ любопытствомъ читали у насъ ваше письмо... Теперь оно пошло далѣе, въ Россію...“

Въ дальнѣйшихъ номерахъ Денницы помѣщены были еще отрывки изъ писемъ Ганки и Пуркине, пѣсни изъ сборника Эр-

---

[1]) Печать Ганки съ изображеніемъ двухъ скачущихъ всадниковъ и девизомъ: „Впередъ!“

[2]) Ср. еще письмо къ Челаковскому отъ 3 сент. 1842 г., въ приложеніяхъ, стр. LVIII.

бена, переводъ статьи Винаржицкаго: „О состояніи новѣйшей чешской литературы“, статья Шафарика: „О резіянахъ и фурланскихъ словинахъ“, доставленная Дубровскому самимъ авторомъ [1]), обширное разсужденіе Пуркине: „О литературномъ единствѣ между славянскими племенами“ и пр. О статьѣ Пуркине Дубровскій писалъ ему: „Денница гордится ею. Вездѣ осыпаютъ ее похвалами, и въ журналахъ, и въ обществѣ. Эта статья посѣяла доброе сѣмя“. Къ сожалѣнію, разсужденіе это появилось въ Денницѣ, благодаря цензурнымъ стѣсненіямъ, только въ извлеченіи [2]). Такая редакція статьи Пуркине не могла удовлетворить автора. Что̀ въ ней было выпущено цензурой,—намъ неизвѣстно, но, вѣроятно, та именно часть, гдѣ Пуркине въ числѣ средствъ къ достиженію литературнаго единства славянъ указывалъ и на необходимость введенія латинской азбуки, какъ всеславянской. 17 іюля 1843 года онъ сообщалъ Дубровскому, что онъ началъ передѣлывать свое прошлогоднее сочиненіе: „О необходимости и пользѣ введенія въ высшую ученую жизнь всеславянской латинской азбуки“ [3]). Дубровскому хотѣлось получить для своего журнала этотъ новый трудъ Пуркине. „Очень было бы кстати, пишетъ онъ ему 23 іюля 1843 г., если бы вы потрудились прислать мнѣ отрывокъ изъ вашего разсужденія о всеславянской азбукѣ, только въ такомъ родѣ, въ какомъ написанъ и тотъ отрывокъ, который помѣщенъ въ Денницѣ 1842 г. Относительно введенія между русскими латинскаго письма я долженъ быть остороженъ“ [4]).

---

[1]) Денница, 1842, № 9, стр. 124. На русскій языкъ перевелъ ее для Денницы Ѳ. С. Евецкій, на польскій—А. Кухарскій.

[2]) Тамъ же, 1842, № 10 и 11.

[3]) Тамъ же, 1843, стр. 247—248. Ср. еще письмо Дубровскаго къ Пуркине отъ 12 іюня 1842 г., въ прилож., стр. LII.

[4]) Slov. Sborn., V, 1886, str. 138. Кажется, объ этомъ именно проектѣ Пуркине писалъ Шафарикъ Бодянскому 15 февр. 1842 г.: „Согласенъ съ вами относительно того, что вы писали о нашемъ Пуркине. Это—непрактично, и я боюсь, чтобы Дубровскій послѣ не раскаивался въ этомъ. Въ общемъ же за самое дѣло бояться нечего. Это—пукъ соломы, брошенный въ Дунай, чтобы его оста-

Трактатъ Пуркине долго не появлялся въ печати. Только въ 1851 г. онъ былъ наконецъ напечатанъ въ Часописи Музея [1]).

Это была одна изъ наиболѣе энергичныхъ теоретическихъ попытокъ созданія всеславянской азбуки на основѣ азбуки латинской, и мы познакомимся здѣсь съ нею ближе.

Пуркине считаетъ латинское письмо по его изящнымъ формамъ, по простотѣ и отчетливости чертъ, по симметричности круглыхъ и прямыхъ, тонкихъ и толстыхъ линій, вообще—по его типографической законченности наилучшимъ изъ всѣхъ. Оно является и наиболѣе широко распространеннымъ письмомъ. Вслѣдствіе того, что латинскій языкъ, какъ основа классическаго образованія въ высшей школѣ, достаточно распространенъ и въ Россіи, латинское письмо извѣстно и въ ней (§ 2). Русское письмо не такъ широко распространено, какъ латинское; оно замкнуто почти исключительно въ своихъ предѣлахъ и очень мало извѣстно въ областяхъ латинскаго письма, и нельзя даже надѣяться, чтобы оно когда-либо могло широко распространиться въ нихъ, развѣ насильственно. Но если бы даже со временемъ русская литература и нашла любителей въ остальной Европѣ, а еще болѣе—въ земляхъ азіатскихъ, подъ напоромъ на нихъ русской стихіи, и пріобрѣла бы право гражданства въ высшихъ учебныхъ иностранныхъ заведеніяхъ, прошло бы не одно столѣтіе, пока можно было бы назвать это распространеніе значительнымъ (§ 3). Русская азбука вызываетъ справедливыя нареканія иностранцевъ: преобладаніе прямыхъ, перпендикулярныхъ, горизонтальныхъ и наклонныхъ линій и незначительное количество линій закругленныхъ, дѣлающихъ столь пріятнымъ для глаза письмо латинское, затрудняютъ для иностранцевъ различеніе однихъ буквъ отъ другихъ. Впрочемъ, въ извѣстномъ отношеніи русскіе могутъ считать свою азбуку наиболѣе совершен-

---

новить!! Жаль только одного, что умныя головы доходятъ до такихъ странностей, хотя могли бы дѣлать кое-что и лучшаго.“

[1]) Č. Č. Mus., 1851, str. 41—76; польскій переводъ, подъ заглавіемъ: Dr. J. Ew. Purkyniego, O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich. Przełożył z czeskiego J. I. Niecisław Baudouin. Warszawa, 1865.

ной и послѣдовательной или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе богатой, такъ какъ для каждаго почти звука человѣческой рѣчи она имѣетъ особый, самостоятельный знакъ. Поэтому русскіе скорѣй другихъ могутъ пытаться выразить звуки всѣхъ почти другихъ языковъ своими письменами (§ 4). Отсутствіе сложенія буквъ и діакритическихъ знаковъ въ русской азбукѣ составляетъ тоже ея преимущество (§ 6). Но такъ какъ латинское письмо является наиболѣе распространеннымъ въ Зап. Европѣ и извѣстно въ Россіи, благодаря классическимъ студіямъ и знанію языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, то менѣе страннымъ было бы поднести русскому литератору книгу на его языкѣ латинскимъ письмомъ, съ необходимыми измѣненіями, чѣмъ предлагать народамъ романскимъ и германскимъ, т. е. большей части культурнаго міра кириллицу (§ 8).

Сдѣлаться общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ латинское письмо можетъ только въ отдаленномъ будущемъ, но для славянъ оно имѣетъ значеніе болѣе близкое. Введеніе латинской азбуки оживило бы славянскую взаимность, оно бросило бы сѣмена единой, общей славянской литературы. „Надлежитъ, однако, прежде всего замѣтить, что мы вовсе не думаемъ требовать отъ русскихъ, чтобы они, отказавшись отъ своего письма, столь тѣсно соединеннаго съ ихъ религіей и духовнымъ просвѣщеніемъ, исключительно только ради насъ, прочихъ славянъ, завели у себя латинское письмо. Наше требованіе ограничивается тѣмъ, чтобы въ извѣстныхъ предѣлахъ литературы, именно въ произведеніяхъ болѣе общаго научнаго содержанія: философскихъ, историческихъ, эстетическихъ и т. п., частныя лица постепенно, безъ участія въ этомъ дѣлѣ правительства, заводили употребленіе латинской азбуки. Откуда это начало должно было бы выйти, отъ русскихъ ли, или отъ поляковъ, чеховъ, или иллировъ, это для насъ безразлично, лишь бы достигнута была цѣль ближайшаго взаимнаго пониманія и болѣе живой духовной взаимности и литературнаго общенія, лишь бы уничтожены были преграды, подобно китайской стѣнѣ раздѣляющія духъ народовъ, столь близкихъ и родственныхъ, лишь бы облегчилось употребленіе имени, нѣкогда всѣмъ имъ общаго“.

Подобное желаніе можетъ, конечно, показаться многимъ русскимъ, которые будутъ разсматривать его съ своей, болѣе широкой точки зрѣнія и издалека, смѣшнымъ, но оно имѣетъ свои глубокія основанія (§ 9). Пуркине говоритъ далѣе о томъ, какъ трудно научиться бѣгло читать чужое письмо въ зрѣлые годы, какъ тяжело для него самого читать русскія книги, и эта трудность тѣмъ огорчительнѣе для того, материнскій языкъ котораго родственъ съ русскимъ, кто, не будь этихъ препятствій, понималъ бы свободно этотъ языкъ (§ 11). Въ дальнѣйшихъ параграфахъ своего разсужденія (§§ 17—18) Пуркине говоритъ о достоинствахъ и недостаткахъ русской азбуки и о трудностяхъ, какія встрѣчаютъ при изученіи ея западные славяне, и подробно развиваетъ (§ 19) свой проектъ введенія латинской азбуки въ русскую письменность, впрочемъ, при условіи сохраненія „русскаго оффиціальнаго письма“ и старославянской азбуки въ книгахъ церковныхъ. „Для этого не требуется никакихъ распоряженій правительства, и мы только требуемъ отъ него, чтобы оно не запрещало подобныхъ попытокъ частнымъ лицамъ въ Россіи и не препятствовало въ отношеніи торговомъ полякамъ, чехамъ или иллирамъ, если бы они стали печатать русскія произведенія для своего или общаго употребленія латинскими буквами. Прежде всего, имѣлся бы въ виду опытъ, при чемъ тотчасъ же стало бы ясно, своевременна ли эта мысль, или только въ будущемъ можно надѣяться на ея осуществленіе, или же она должна быть безъ стѣсненій отброшена, какъ непрактичная и неосуществимая“. Введеніе латинской азбуки въ русскую литературу облегчитъ союзъ и взаимность славянскихъ литературъ, будетъ содѣйствовать развитію этого естественнаго отношенія. Плоды русской литературы найдутъ постепенно покупателей и читателей среди поляковъ, чеховъ и иллировъ, безъ напрасной траты силъ на изученіе русскаго письма.

Имѣя въ виду такого рода задачи, Пуркине значительно раньше изданія разсмотрѣннаго трактата, а именно въ 1839 году, при свиданіи съ Погодинымъ, просилъ его издать русскую христоматію латинскими буквами для славянъ, начинающихъ учиться по-русски. Погодину мысль эта и предложеніе, насколь-

ко при этомъ имѣлось въ виду славянство западное, казались достойными вниманія, и онъ замѣтилъ: „На первый случай, разумѣется, это можно, но принять вообще латинскія буквы для насъ уже прошла пора“ [1]). Съ проектами Пуркине не соглашался, кажется, и Дубровскій, какъ бы въ противовѣсъ имъ выступившій на страницахъ своей Денницы съ опытами примѣненія русской азбуки къ текстамъ чешскимъ, лужицкимъ и пр.

Въ почтенномъ для десятка номеровъ спискѣ сотрудниковъ Денницы не было однако имени замѣчательнѣйшаго изъ чешскихъ поэтовъ — Челаковскаго. И Дубровскій старается привлечь и его къ участію въ симпатичномъ своемъ дѣланіи. Челаковскій переѣхалъ уже тогда изъ Праги въ Бреславль, гдѣ открылъ свои чтенія по славянской филологіи. Дубровскій имѣлъ случай познакомиться съ богатыми научными матеріалами его и расчитывалъ получить отъ него что-либо для своего журнала. „Умоляю васъ, проситъ онъ Челаковскаго, не забудьте меня и моей Денницы. Украсьте ее вашимъ именемъ и пришлите для нея какую-нибудь статью. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы вы удѣлили мнѣ что-нибудь о вашихъ лекціяхъ. Заклинаю васъ священнымъ именемъ славянства!“ [2]) Челаковскій откликнулся на этотъ призывъ очень скоро: онъ послалъ Денницѣ какое-то стихотвореніе, надо полагать, новое, нигдѣ еще не печатавшееся.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. XXII, стр. 90. Мысли, развитыя въ изложенномъ трактатѣ Пуркине, высказаны были нѣсколько раньше въ письмѣ къ Погодину, напечатанномъ по-чешски въ извлеченіи въ ж. Květy, 1840, прилож., № 4. Письмо это, подписанное буквой А..., принадлежитъ, какъ намъ кажется, извѣстному своими связями съ Прагой польскому славянолюбцу Адаму Юношѣ Росцишевскому, состоявшему въ перепискѣ и съ Погодинымъ. Этимъ иниціаломъ весьма часто подписывалъ Росцишевскій свои статьи и стихотворенія. Доказательства Росцишевскаго въ пользу преимуществъ латинскаго письма почти тѣ же, что и Пуркине. Въ заключительныхъ строкахъ своего письма онъ проситъ Погодина всячески, личнымъ примѣромъ и побужденіемъ, стараться о распространеніи этой мысли для пользы и славы русскаго народа и всего славянства.

[2]) Письмо отъ 3 сентября 1842 г., въ прилож., стр. LVIII.

Но варшавская цензура наложила на него свое veto. „Вы не можете себѣ представить, отвѣчалъ Дубровскій (5 янв. 1843 г.), какъ я обрадовался вашему письму! Сердечно благодарю васъ за прелестное стихотвореніе; но здѣшняя цензура взбѣсила меня и не хотѣла пропустить его [1]). На зло пошлю его въ Москву, и оно будетъ напечатано“. Неудача огорчила редактора, но не могла заставить его отказаться отъ столь драгоцѣннаго сотрудника. „Умоляю васъ Христомъ-Богомъ, продолжаетъ свои просьбы Дубровскій, явиться въ первомъ нумерѣ Денницы 1843 г. Мнѣ пріятно будетъ украсить ее вашимъ именемъ. Если за недосугомъ вы теперь ничего не можете приготовить, то не откажите написать для печати письмо ко мнѣ, въ которомъ потрудитесь изложить хотя краткія свѣдѣнія о томъ, что содержалось въ вашихъ прошедшихъ лекціяхъ, и что теперь намѣрены вы читать. Это будетъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ для читателей Денницы. Не откажите во имя славянской взаимности“. Однако, отклика на эти горячіе призывы не воспослѣдовало: Денницѣ за оба года изданія ея не привелось украситься ни статьей, ни новымъ плодомъ музы Челаковскаго. Самъ редакторъ Денницы причислялъ однако Челаковскаго къ дѣятельнымъ сотрудникамъ ея [2]).

Славянскій міръ сочувственно встрѣтилъ появленіе Денницы. Общая радость усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ, что вскорѣ, вслѣдъ за варшавской Денницей, на славянскомъ небосклонѣ появились и другія: въ Прагѣ—„Dennice“ Малаго, „Da-

---

[1]) Вѣроятно, такой же цензурный запретъ наложенъ былъ и на одно изъ стихотвореній поэта Фр. Звѣрины Ругвальдскаго (Zvěřina z Ruhvaldu), съ которымъ Денница знакомила читателей въ небольшой замѣткѣ (1843 г., стр. 188): по причинамъ, „не зависящимъ отъ редакціи“, это стихотвореніе не могло быть помѣщено.

[2]) Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ. Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 405. Вѣроятно, по приглашенію Дубровскаго Челаковскій собирался лѣтомъ 1843 г. въ Варшаву. 22-го іюня онъ писалъ Винаржицкому изъ Бреславля о своей нерѣшительности, куда направиться на нѣсколько недѣль свободнаго каникулярнаго времени: „Jedna noha podlé položení bytu mého, totiž levá měří k Varšavě, pravá naproti tomu ku Praze“. Sebr. l., str. 461.

nica Hirska"—въ Загребѣ, лужицкая „Jut'nička" Iордана—въ Лейпцигѣ, болгарская „Денница" В. Априлова—въ Одессѣ. „Освѣжительное утро является на востокѣ и предвѣщаетъ ясный, сіяющій день для славянщины", писали по этому поводу только что народившіеся Jahrbücher Iордана, тоже посвященные вопросамъ славянской литературы, искусства и науки. И Дубровскій самъ видѣлъ въ этомъ дѣйствительно необыкновенномъ явленіи доброе знаменіе [1]). „Богъ да благословитъ вашъ всеславянскій журналъ!" привѣтствовалъ Ганка начинаніе Дубровскаго. „Пусть онъ разрастается и пышно расцвѣтетъ въ полной красѣ. Ваше предпріятіе, столь необходимое для всего славянства, безъ сомнѣнія, будетъ приносить многостороннюю пользу, хотя сначала вы встрѣтите множество затрудненій и должны будете бороться съ ними [2])". Въ другомъ письмѣ Ганка отмѣчаетъ большую заслугу Дубровскаго, какъ перваго издателя подобнаго журнала: „Мы чувствовали большой недостатокъ въ такомъ литературномъ органѣ. Самъ я давно о немъ думалъ и готовъ былъ бы приступить къ его изданію, если бъ возможно было получить дозволеніе. Варшаву можно назвать почти самымъ удобнымъ городомъ для исполненія такого предпріятія". Впрочемъ, это было не только мнѣніе Ганки: такъ же смотрѣлъ на Варшаву и Шевыревъ. „Варшава, справедливо замѣчалъ онъ, связующая Востокъ Словенскій съ Западомъ, по мѣстному положенію своему, предложила всѣ возможныя удобства для исполненія столь полезнаго дѣла" [3]). Ганка особенно одобрялъ параллельное изданіе журнала на русскомъ и польскомъ языкахъ: „Этимъ двумъ славянскимъ литературамъ необходимо сблизиться между собою; при томъ, онѣ болѣе другихъ славянскихъ могутъ дѣйствовать. Впослѣдствіи эти два языка будутъ распространяться посредствомъ вашего журнала" [4]).

Ганка былъ не только сотрудникомъ Денницы, онъ старался содѣйствовать и ея матеріальному успѣху, распространяя

[1]) Ср. Денница, 1843, стр. 73.
[2]) Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 402.
[3]) Москвитянинъ, 1842, № 9, стр. 167.
[4]) Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 403.

ее въ чешскомъ обществѣ и собирая подписчиковъ. Нѣсколько высокая, по сравненію съ изданіями чешскими, цѣна препятствовала болѣе широкому распространенію Денницы среди чешской учащейся молодежи, въ кругахъ коей вліяніе Ганки могло быть особенно велико. „Вы знаете, писалъ Ганка Дубровскому (10 янв. 1843 г.), какъ дешевы всѣ наши книги, и потому, не можете ли уменьшить подписную цѣну на вашъ журналъ? Жажда къ чтенію у насъ такъ сильна, что мой экземпляръ Денницы безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки".

Сочувственно встрѣтилъ начинаніе Дубровскаго и Шафарикъ. Познакомившись съ его журналомъ и Денницей (Jut'nička) Іордана, онъ писалъ въ Часописи Музея: „Отъ души желаемъ, чтобы эти два журнала, новыя звѣзды, восходящія на небосклонѣ славянской литературы, достигли полнаго успѣха и роскошно процвѣтали; мы не сомнѣваемся, что и у насъ, въ странахъ чешской, моравской и венгерско-словацкой, найдутся великодушные патріоты и литераторы, которые готовы будутъ поддержать ихъ и, такимъ образомъ, дадутъ имъ возможность расцвѣтать все болѣе и болѣе". Денница особенно полезна была для славянскихъ читателей ея тѣмъ, что давала свѣдѣнія о важнѣйшихъ явленіяхъ новѣйшей русской литературы [1]).

Но больше всего долженъ былъ радоваться осуществленію одного изъ идеаловъ славянской взаимности пѣвецъ ея — Колларъ. 19 янв. 1843 г. онъ пишетъ Дубровскому изъ Пешта: „Денницу я читаю вмѣстѣ съ многими здѣшними славянами. Безъ сомнѣнія, никто такъ, какъ я, душевно не радовался вашему журналу, имѣющему цѣлью взаимность". Онъ совѣтуетъ при этомъ Дубровскому имѣть постояннаго сотрудника или, по крайней мѣрѣ, корреспондента въ Чехіи, чтобы въ Денницѣ былъ также представитель чешскаго языка и литературы: „Такимъ образомъ прекрасная Денница еще болѣе приблизилась бы къ солнцу совершенства и всесторонности славянской" [2]). Редак-

---

[1]) Фр. Гиргль свидѣтельствуетъ объ этомъ въ письмѣ къ Гавличку отъ 11 іюля 1843 г. Úplná korresp., str. 53.

[2]) Денница, 1843, стр. 79.

ція со вниманіемъ относилась ко всѣмъ критическимъ отзывамъ и простымъ замѣчаніямъ о журналѣ, находя, что они для Денницы, въ виду ея спеціальныхъ задачъ, быть можетъ, гораздо важнѣе, чѣмъ для прочихъ журналовъ.

Въ русской журнальной литературѣ особенно сочувственный пріемъ оказалъ Денницѣ погодинскій Москвитянинъ [1]). Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, говорилъ онъ, какъ явилась мысль между западными славянами о литературной взаимности всѣхъ славянскихъ племенъ. Не смотря ни на какія препятствія, имъ удалось уже, въ нѣкоторомъ отношеніи, осуществить эту мысль, и въ этомъ-то заключается доказательство, что идея такой литературной взаимности не могла быть пустою мечтою. Для литературнаго сближенія славянъ, чехи, нѣсколько уже лѣтъ тому назадъ, изъявили желаніе основать журналъ, который бы отчетливо слѣдилъ за ходомъ современныхъ славянскихъ литературъ и, такимъ образомъ, сдѣлался бы средоточіемъ для литературной жизни всѣхъ славянскихъ племенъ. „Первые два нумера такого журнала лежатъ передъ нами и дѣлаютъ особенно честь русской литературѣ, потому что редакторъ ихъ—русскій“.

Нѣсколько позже въ томъ же Москвитянинѣ [2]) встрѣтилъ Денницу дружественнымъ привѣтомъ Шевыревъ. Указавъ на высокій подъемъ славянскаго національнаго сознанія, на возрастающій въ западной Европѣ интересъ къ славянскому міру, онъ призналъ крайне необходимымъ изданіе у славянъ журнала, который отражалъ бы въ себѣ совокупное развитіе всѣхъ литературъ славянскихъ. Этой потребности первый удовлетворилъ Дубровскій. Въ Денницѣ его сошлись на общую славянскую бесѣду всѣ ученые представители славянскаго міра, — и любо слышать, какъ подаютъ они другъ другу голосъ! Дѣлу взаимнаго ознакомленія и сближенія славянства, т. е. славянской взаимности, она должна сослужить великую службу. Чѣмъ болѣе вникать мы будемъ въ самихъ себя относительно къ своимъ соплеменникамъ, говорилъ Шевыревъ, тѣмъ болѣе убѣдим-

---

[1]) 1842, № 3, стр. 215.

[2]) 1842, № 9, критика, стр. 166—178.

ся, что нашъ языкъ, наши литературные памятники, наша исторія, право, обычаи, нравы, преданія, словомъ—все, что̀ составляетъ жизнь нашу и духъ нашъ, можетъ быть намъ совершенно уяснено только въ связи со всѣмъ міромъ славянскимъ, и что мы самихъ себя, какъ русскихъ, вполнѣ узнаемъ и разгадаемъ только тогда, когда распознаемъ и братьевъ своихъ. Въ этой мысли долженъ убѣдиться каждый русскій, который хочетъ итти впередъ, наравнѣ съ вѣкомъ, который постигаетъ духъ времени и призваніе своего поколѣнія [1]).

Но при всемъ живомъ и участливомъ отношеніи къ Денницѣ представителей славянской мысли, она просуществовала недолго. Первый годъ, повидимому, не удовлетворилъ Дубровскаго, и онъ задумалъ произвести въ своемъ журналѣ нѣкоторыя перемѣны. Уже послѣ отправки Ганкѣ 16-го номера газеты Дубровскій выражалъ нѣкоторыя свои сомнѣнія. „Мнѣ кажется, что моя Денница не слишкомъ займетъ васъ, пишетъ онъ Ганкѣ 29 сент. 1842 г., и немного представитъ вамъ новаго; но, драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ, не забудьте, что наша публика ничего не знаетъ ни о чехахъ, ни объ иллирійцахъ, такъ не мудрено, что вы найдете въ моемъ журналѣ много вамъ знакомаго. На слѣдующій годъ я буду издавать Денницу книжками, помѣсячно, тогда будетъ больше мѣста и планъ обширнѣе. Счастливъ буду, если успѣю тогда сдѣлать мою Денницу всеславянскою въ полномъ смыслѣ. А теперь я долженъ моимъ землякамъ и моимъ полякамъ объявлять за новость то, что̀ вы давно уже знаете“. Ганка не высказывалъ однако своего мнѣнія о Денницѣ, а между тѣмъ для Дубровскаго оно было бы весьма дорого и вмѣстѣ поучительно. „Ваши совѣты, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ Ганкѣ, приму съ величайшею благодарностью и воспользуюсь ими. Дѣло идетъ не о Денницѣ, но о нашемъ общемъ благѣ. Въ такомъ случаѣ — въ сторону

---

[1]) Въ журналистикѣ польской слышались голоса и дружественные, какъ въ Петербургскомъ Еженедѣльникѣ (Tygodnik Petersburski, 1842, № 46), и несочувственные. См. Денницу, 1842, стр. 69; 1843, стр. 81.

самолюбіе! Дѣйствуя одинъ-одинехонекъ, я и не могу претендовать на совершенство. Не забывайте же меня и укажите мнѣ подчасъ дорогу, если я заблужусь"... Ганка правильно смотрѣлъ на скромныя задачи Денницы и справедливо опасался, что задуманныя Дубровскимъ преобразованія испортятъ столь удачно начатое изданіе. „Не удаляйтесь отъ прямого пути, совѣтуетъ онъ своему другу, и продолжайте издавать эту многообѣщающую Зарю: она уже многихъ пробудила отъ сна, и чѣмъ болѣе будетъ распространяться, тѣмъ болѣе будетъ будить. Скромный объемъ вашего журнала скорѣе поведетъ къ успѣху, нежели изданіе ежемѣсячныхъ книжекъ, состоящихъ изъ тридцати листовъ и наполненныхъ „высокою ученостью". Въ настоящемъ своемъ видѣ Денница распространится въ народѣ, а это всего болѣе намъ необходимо" [1]). Къ сожалѣнію, совѣтъ Ганки оказался слишкомъ позднимъ.

Съ 1843 г. Денница стала выходить ежемѣсячными небольшими книжками и получила новое заглавіе: „Денница, Славянское Обозрѣніе" [2]). Подъ конецъ второго года изданія для Дубровскаго стало уже ясно, что Денницу придется прекратить. Уже въ маѣ 1843 г. онъ намекаетъ Ганкѣ на затруднительное положеніе своего изданія и проситъ о содѣйствіи ему: „Не забывайте меня и Денницы, которая, какъ сиротка, стоитъ на распутіи, въ печальномъ раздумьѣ..." А спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ письмѣ къ Пуркине (23 ноября 1843 г.) онъ выражаетъ уже полное отчаяніе: „Я нахожусь теперь въ самомъ жалостномъ положеніи: Денница моя падаетъ, и никто не хочетъ помочь ей... Со всѣхъ сторонъ вижу холодное равнодушіе... Ваше пророчество оправдывается... Книжка 8-ая на дняхъ выйдетъ,—далѣе продолжать нѣтъ возможности... Sta viator!..."

Денница, получившая извѣстность среди славянъ, замѣчена была, какъ разсказываетъ Дубровскій [3]), подозрительными ав-

---

[1]) Письмо отъ 30 мая 1843 г. Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 404.

[2]) Отчетъ L. R. v. Rittersberg'а объ этомъ годѣ помѣстилъ пражскій журналъ Ost u. West, 1844, № 1.

[3]) Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 406.

стрійскими властями, которыя подвергли ее запрещенію въ Галиціи, куда она съ тѣхъ поръ доходила только окольными путями [1]). Даже тогда, когда изданіе ея уже прекратилось, нѣмецкая журналистика еще помнила о ней, преслѣдуемая призракомъ столь смущавшаго въ тѣ времена Зап. Европу панславизма.

„Съ прискорбіемъ я долженъ увѣдомить васъ, извѣщалъ Дубровскій Ганку (31 марта 1844 г.), что бѣдная Денница упала еще въ прошломъ году, остановясь на восьмой книжкѣ и будучи не въ состояніи окончить своего годичнаго изданія. Я этому не виноватъ и, какъ Пилатъ, съ чистою совѣстью умываю руки. Я съ своей стороны дѣлалъ все, что̀ могъ, но совершенное равнодушіе нашей публики убило Денницу: Польша подписывалась на 17 экземпляровъ, а Россія на 12!!! [2])“. Денница, признавался Дубровскій, существовала только благодаря покровительству нѣкоторыхъ лицъ, но теперь изсякъ и этотъ источникъ. Напрасно редакторъ выбивался изо всѣхъ силъ, стараясь какъ-нибудь поддержать столь безвременно угасавшую жизнь перваго всеславянскаго журнала. „Ничего нельзя было сдѣлать! Вотъ вамъ наше славянство!.. Какъ бы то ни было, паденіе Денницы — примѣръ поучительный и заставляющій глубоко задуматься...“ Мрачное настроеніе редактора прекратившейся Денницы особенно сильно сказалось въ письмѣ къ Станку Вразу отъ 11 февр. 1844 г. „Идея славянская, говорилъ Дубровскій, еще къ намъ не привилась, да и Богъ знаетъ, когда привьется! Грустно положеніе современнаго славянства (80-миліоннаго!)!... Пусть радуются недруги!... Иногда приходятъ такія ужас-

[1]) Отправляя первоначально Денницу для своихъ славянскихъ друзей черезъ посредство Запа во Львовѣ, Дубровскій долженъ былъ, вслѣдствіе этого запрещенія, пересылать ее потомъ въ Австрію черезъ Лейпцигъ.

[2]) Рецензентъ Москвитянина, привѣтствуя Денницу, задавался вопросомъ: „Любопытно будетъ узнать чрезъ нѣсколько времени, кто лучше пойметъ важность этого журнала: русскіе, или западные славяне, понявшіе въ первый разъ его необходимость?“ У насъ, какъ видимъ, пониманіе задачъ, которыя ставила себѣ Денница было самое ничтожное.

ныя минуты, что рѣшительно теряешь вѣру въ тотъ нашъ славянскій міръ, который мы теперь создали въ области литературной, и думаешь, что все это мечта, призракъ, игрушка..., что, наконецъ, идея о возрожденіи славянскаго духа есть только бредъ нѣсколькихъ литераторовъ, одержимыхъ временною горячкою..." Денница прекратилась по обстоятельствамъ, отъ редактора не зависѣвшимъ. Только впослѣдствіи онъ нѣсколько пріоткрылъ завѣсу, скрывавшую, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ причинъ упадка ея. Когда изданіе Денницы прекратилось, Ганка, огорченный этою вѣстью, на скорую руку написалъ Дубровскому: „Я былъ сердитъ на васъ и оттого не отвѣчалъ на ваше письмо. Я васъ тороплю впередъ, а вы съ вашею Денницею остановились. Вѣрьте, это меня сильно огорчаетъ, и я здѣсь не смѣю никому сказать объ этомъ, потому что такое извѣстіе произведетъ дурное вліяніе на нашихъ молодыхъ людей... [1])" Дубровскій долго не собрался отвѣтить Ганкѣ, и только 19 февр. 1845 г. онъ писалъ ему: „Денница моя упала и уже не можетъ подняться. Богъ свидѣтель, что я съ своей стороны дѣлалъ все, что̀ могъ, и смѣло могу сказать, что я нисколько не виноватъ въ упадкѣ Денницы. Правда, сначала все благопріятствовало, но большой вѣтеръ перемѣнился, а перемѣна большихъ вѣтровъ, въ свою очередь, зависитъ отъ высшей сферы..." Намеки эти объясняются отчасти нѣкоторыми мѣстами писемъ Дубровскаго къ Ганкѣ. Такъ, 17 марта 1843 г. онъ намекаетъ на затрудненія въ изданіи Денницы: „Денница, какъ видите, еще держится... Но—Боже, Царя храни и Сергѣя Семеновича! Впередъ! Впередъ! Сергѣю Семеновичу пошли Богъ многія, многія лѣта. Въ немъ не охладѣла славянская кровь!...[2])". А въ томъ же письмѣ

[1]) Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 404.

[2]) Въ письмѣ отъ 19 окт. 1844 г. изъ Вѣны къ Станку Вразу Дубровскій сообщалъ: „Денница перестала выходить, но съ новаго года снова начну ея изданіе: Министръ Уваровъ хочетъ поддержать ее". Спустя нѣсколько лѣтъ, 7 іюля 1847 г., онъ пишетъ Вразу о предстоящемъ переѣздѣ въ Петербургъ, о возможномъ путешествіи (на два года) по славянскимъ землямъ и заключаетъ: „Послѣ я намѣренъ возобновить въ Петербургѣ изданіе моей Ден-

отъ 19 февр. 1845 г. онъ выражаетъ искреннюю радость по поводу слуховъ о томъ, что Мухановъ, извѣстный намъ издатель Записокъ Жолкевскаго, вскорѣ будетъ назначенъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа: „Намъ, бѣднымъ людямъ, не такъ то легко постигнуть такія перемѣны... Упадокъ Денницы былъ для меня гибельнымъ ударомъ; еще и до сихъ поръ я не могу придти въ себя и примириться съ моимъ настоящимъ положеніемъ... Впрочемъ, не теряю надежды, что настанутъ лучшія времена".

Прекращеніе Денницы ослабило разомъ живыя и непрерывныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ связи Дубровскаго съ Прагой и другими славянскими центрами, но оно не погасило въ горячемъ поборникѣ идеи взаимности того пламени, которымъ всю жизнь согрѣта была его славянолюбивая душа. „Я попрежнему съ любовью занимаюсь все славянскою литературою: получаю теперь каждую почту Novine Ilirske, Danicu и Květy—еженедѣльно", сообщаетъ онъ Ганкѣ (19 февр. 1845 г.). Благодаря новымъ почтовымъ порядкамъ, славянскія газеты стали получаться теперь въ Варшавѣ по почтѣ, наравнѣ съ прочими иностранными журналами. Дубровскій самъ хлопоталъ объ этомъ нововведеніи, дабы избавить и себя и другихъ отъ услугъ книгопродавцевъ, доставлявшихъ эти изданія иногда черезъ полгода. „Вы еженедѣльно можете разговаривать со мною посредствомъ вашихъ Цвѣтовъ", выражаетъ онъ свою радость Ганкѣ. Для полученія и чтенія названныхъ журналовъ, Дубровскій составилъ въ Варшавѣ цѣлое общество, къ которому принадлежали: Мацѣевскій, Кухарскій, генералъ Погодинъ, Павлищевъ и мн. др., въ числѣ ихъ были и чехи. Чтобы содѣйствовать распространенію славянскихъ изданій въ варшавскомъ обществѣ, Дубровскій намѣренъ былъ публиковать въ мѣстныхъ газетахъ о подпискѣ на эти журналы, расчитывая найти и другихъ любителей славянской письменности. „Надобно дѣлать для славянской литературной взаимности все, что только можно", твердо отстаивалъ онъ свою постоянную программу. Въ это же вре-

---

ницы". Нѣкоторыя выписки изъ писемъ Дубровскаго къ Вразу любезно предоставлены были намъ проф. П. А. Кулаковскимъ.

мя, съ тою же цѣлью служенія славянской идеѣ, Дубровскій сталъ готовить разсужденіе, которое предполагалъ назвать: „Славянскій вопросъ“ и намѣренъ былъ издать на французскомъ языкѣ, чтобы представить иностранцамъ нѣкоторые ихъ ложные взгляды на славянство. Въ этомъ же разсужденіи онъ хотѣлъ показать, насколько равнодушны русскіе и поляки къ умственной дѣятельности своихъ соплеменниковъ. „Не пощажу, пишетъ онъ Ганкѣ, также и нашихъ доморощенныхъ европейцевъ, русскихъ и польскихъ, которые уже пустили въ ходъ немало превратныхъ мыслей о славянствѣ черезъ уста издаваемыхъ ими журналовъ, имѣющихъ огромное число читателей...“ Но время брало свое. Переписка съ Прагой стала все болѣе и болѣе ослабѣвать, и старые друзья обмѣнивались письмами обыкновенно по случаю поѣздки кого-либо изъ знакомыхъ къ чешскимъ водамъ, путь къ коимъ неизбѣжно лежалъ черезъ Прагу.

Въ концѣ 1844 года Дубровскій еще разъ совершилъ поѣздку за границу: онъ былъ въ Вратиславлѣ, проѣхалъ черезъ Моравію, прожилъ цѣлый мѣсяцъ въ Вѣнѣ, гдѣ познакомился со многими славянами, и черезъ Краковъ вернулся домой. Въ Прагу на этотъ разъ ему не удалось попасть; онъ думалъ побывать въ ней лѣтомъ 1845 года, но 31 мая этого года писалъ Ганкѣ о невозможности осуществить свое намѣреніе.

5.

Въ ближайшіе годы, въ то время, когда первая группа славянскихъ путешественниковъ подвизалась уже на университетскихъ каѳедрахъ, мы встрѣчаемъ въ Прагѣ новыхъ поломниковъ славянской науки, А. С. Жиряева и В. И. Григоровича.

Жиряевъ прибылъ въ Прагу въ октябрѣ 1843 года и въ теченіе полугодового пребыванія здѣсь занимался, подъ руководствомъ Ганки, преимущественно изученіемъ памятниковъ древняго чешскаго законодательства [1]). Какъ и предшественники его, онъ первое время пребыванія своего въ Прагѣ употре-

[1]) Отчетъ Жиряева въ Ж. М. Н. Пр., 1845, ч. XLVI, отд. IV, стр. 15—22.

бляетъ на ближайшее изученіе чешскаго языка, такъ какъ, по словамъ его, можетъ быть, ни при какомъ родѣ занятій не требуется столь основательное знаніе его, какъ именно при изученіи древностей, гдѣ нерѣдко одно удачное грамматическое соображеніе, одно слово, взятое въ надлежащей его связи, могутъ пролить свѣтъ на длинный рядъ явленій и объяснить цѣлую какую-нибудь сторону древняго быта. Не имѣя, впрочемъ, при этомъ занятіи чешскимъ языковъ цѣлей собственно филологическихъ, Жиряевъ не считалъ нужнымъ слѣдить за всѣми тонкостями языка и вскорѣ приступилъ къ чтенію самыхъ источниковъ права. Посвятивъ въ отчетѣ своемъ нѣсколько словъ языку изученныхъ имъ источниковъ съ тою цѣлью, чтобы доказать справедливость утвержденія, что вся терминологія этихъ памятниковъ права — чисто славянская, Жиряевъ перечисляетъ далѣе главнѣйшіе памятники, съ которыми онъ познакомился, и даетъ краткія опредѣленія содержанія и значенія ихъ. Вотъ собственно все, что̀ осталось, какъ видимый результатъ занятій Жиряева славянскимъ правомъ. Впослѣдствіи онъ предполагалъ представить разборъ этихъ памятниковъ въ отдѣльной работѣ: „О духѣ и источникахъ славянскихъ законовъ вообще", но о такомъ изслѣдованіи его мы ничего не знаемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ Жиряевымъ въ Прагѣ, казались недостаточными Ганкѣ и ученику его для выполненія предначертанной ими программы. Ганка опять выступаетъ въ роли ходатая за молодого русскаго ученаго предъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ пишетъ въ концѣ 1843 года Уварову [1]) о занятіяхъ Жиряева старымъ чешскимъ правомъ: „Мы начали и прошли до сихъ поръ изрядную часть съ превосходнымъ успѣхомъ, и для того мнѣ было бы очень жаль, если бъ мы этого въ назначенный ему срокъ кончить не успѣли. Г. Жиряевъ сказываетъ мнѣ, что срокъ возвращенія его падаетъ на время, очень близкое къ закрытію университетскихъ чтеній, въ которое слѣдовательно онъ не можетъ начать дѣйствительной службы, и потому если бы вы, Ваше ВПр., изволили продолжить ему срокъ сей, могъ бы онъ, пользуясь еще

[1]) Черновикъ—въ бумагахъ Ганки.

нѣсколькими мѣсяцами, и начатой предметъ кончить и во время въ службу поступить". Ганка напоминалъ при этомъ случаѣ Уварову о томъ, какъ милостиво отнесся онъ къ прежнимъ ходатайствамъ его за Иванишева и Срезневскаго, и заключалъ свою просьбу энергичнымъ обращеніемъ къ славянскому чувству министра: „Я объяснился въ одномъ письмѣ своемъ къ вамъ, что всего лучшаго мы ждемъ только отъ вашего великаго Отечества, и просвѣщеннымъ покровительствомъ Вашего ВІІр. можетъ быть исполнено то, что для насъ безъ этого осталось бы еще надолго однимъ желаніемъ". Разрѣшеніе продолжить Жиряеву время пребыванія за границей, вѣроятно, послѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ половинѣ 1844 г. Жиряевъ разболѣлся и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же лѣчебномъ заведеніи Присница, въ Грефенбергѣ, гдѣ такъ долго лѣчился Бодянскій. Только въ іюлѣ 1845 г. Жиряевъ пишетъ Ганкѣ первое письмо изъ Петербурга. Ганку оно не могло порадовать. „У насъ, писалъ Жиряевъ, по части славянскаго законовѣдѣнія что-то очень мало производительности. Иванишевъ замолкъ совершенно... Изъ другихъ никто не занимается этою частію. Надобно какъ-нибудь порасшевелить ихъ любопытство..." Оживить интересъ у насъ къ славянскому праву Жиряеву однако не удалось.

По возвращеніи своемъ въ Россію онъ ожидалъ назначенія опять въ Дерптъ, на каѳедру русскаго права. Это было желаніе С. С. Уварова, и Жиряевъ радовался этому назначенію. „Такимъ образомъ, писалъ онъ Ганкѣ, я снова возвращусь къ занятіямъ славянскими правами, начало коимъ положилъ подъ руководствомъ вашимъ". Но въ Дерптѣ Жиряеву пришлось читать уголовное право и уголовное судопроизводство, а затѣмъ ему поручено было чтеніе лекцій и по государственному праву и полицейскому. Славянское законовѣдѣніе, естественно, отодвигалось въ сторону и осталось въ сторонѣ навсегда.

Въ числѣ русскихъ ученыхъ посѣтителей Праги сороковыхъ годовъ мы можемъ назвать еще А. Н. Попова, автора статьи: „О древней чешской живописи", написанной подъ несомнѣннымъ руководствомъ Ганки [1]).

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1847, прибавл., стр. 23—53. Статья посвящена Ганкѣ.

6.

Значительно позже первыхъ трехъ изъ славной плеяды нашихъ славянскихъ путешественниковъ, Бодянскаго, Срезневскаго и Прейса, явился въ Прагу казанскій избранникъ, съ успѣхомъ занимавшій уже славянскую каѳедру, В. И. Григоровичъ. Прагою онъ заканчивалъ свое знаменитое ученое путешествіе. Первоначально, однако, Григоровичъ, подобно предшественникамъ своимъ, думалъ было начать свое путешествіе съ Праги, какъ исходнаго пункта. По крайней мѣрѣ, объ этомъ онъ ясно говоритъ въ своемъ „Планѣ путешествія по Словенскимъ землямъ" отъ 21 мая 1843 г., приложенномъ къ перепискѣ, касающейся его ученой командировки [1]). Вотъ каково было первоначальное намѣреніе Григоровича: „Въ Прагѣ кратковременное пребываніе посвящу на приготовленіе къ дальнѣйшему путешествію. Могу надѣяться найти здѣсь, согласно съ увѣреніемъ проф. Погодина и Бодянскаго, содѣйствіе ученаго Шафарика, огромные запасы котораго, быть можетъ, и для меня будутъ доступны. Если удостоюсь вниманія Словенскаго Корифея, то постараюсь воспользоваться его совѣтами относительно южныхъ Словенскихъ языковъ и преимущественно Булгарскаго, къ изданію памятниковъ котораго г. Шафарикъ уже давно дѣлаетъ приготовленія. Послѣ этихъ приготовительныхъ занятій въ Прагѣ, отправлюсь немедленно въ южныя земли, заселенныя Словенами".

Совершивъ свое замѣчательное путешествіе (авг. 1844 г.— начало 1846 г.) по Балканскому полуострову, Григоровичъ прибылъ въ Вѣну [2]) и оттуда извѣщалъ Ганку о своемъ намѣре-

---

[1]) „Дѣло" Григоровича въ Арх. М. Н. Пр.

[2]) Шафарикъ уже 8 февр. 1846 г. писалъ Бодянскому: „Слышалъ, что Григоровичъ въ Вѣнѣ..." М. Ѳ. Раевскій 2 апр. писалъ Ганкѣ о предстоявшемъ отъѣздѣ Григоровича изъ Вѣны: „Григоровичъ дней черезъ десять отправляется въ Лайбахъ, Тріестъ и Рагузу, оттуда чрезъ Загребъ въ Пестъ, потомъ опять въ Вѣну и послѣ думаетъ поселиться въ Прагѣ". Тогда же Раевскій сообщалъ о занятіяхъ Григоровича въ Вѣнѣ: „Много сдѣлалъ и

нія посѣтить Прагу. Онъ писалъ ему 22-го апрѣля 1846 года: „Начавъ съ Константинополя, я жилъ въ Солунѣ, на Аѳонскомъ полуостровѣ, проѣхалъ Македонію до Охриды, Серреса и м. Іоанна Рыльскаго, затѣмъ побывалъ въ Софіи и Филиппополѣ и черезъ Търново достигъ Дуная. Оставивъ Българію, путешествовалъ по Валахіи. Накопецъ, черезъ Трансильванію, Банатъ и Пештъ прибылъ въ Вѣну. Повременивъ въ столицѣ Австріи, намѣренъ теперь путешествовать въ южныхъ ея областяхъ. Съ концемъ іюля мѣсяца, ознакомившись съ южными славянскими языками, вступлю въ кругъ сѣверныхъ. Точкою остановки, гдѣ ожидаю существенной пользы, избираю Прагу". Съ Ганкою Григоровичъ пока былъ знакомъ только по перепискѣ съ нимъ и по ученымъ трудамъ его.

Однако, въ Прагу Григоровичу удалось прибыть не въ іюлѣ, какъ онъ собирался, а въ половинѣ октября 1846 года. Путешествіе по южнымъ областямъ Австріи вышло нѣсколько длиннѣе, чѣмъ Григоровичъ предполагалъ [1]). О пріѣздѣ Григоровича пражская газета Květy въ № 130, отъ 29 (17) октября, помѣстила слѣдующее сообщеніе: „Въ настоящее время въ Прагѣ пребываетъ преподаватель (učitel) славянскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ г. Викторъ Григоровичъ, который, совершивъ путешествіе по Турціи, съ цѣлями разысканія древнихъ памятниковъ славянской письменности, останется у насъ нѣсколько недѣль, чтобы на мѣстѣ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія о нашемъ народѣ, его исторіи, языкѣ и литературѣ. Во вре-

---

много здѣсь открылъ, особенно документовъ на греческомъ языкѣ XIII и XIV ст., касающихся исторіи болгаръ, валаховъ и русскихъ. Эти сокровища были въ здѣшней библіотекѣ, но никто не зналъ ихъ или не хотѣлъ знать". Такіе результаты могли быть достигнуты только послѣ продолжительныхъ занятій.

[1]) 7 (19) сентября 1846 г. М. Ѳ. Раевскій извѣщалъ Ганку: „Григоровича ожидаемъ на дняхъ въ Вѣну, и скоро онъ отправится къ вамъ". Въ письмѣ къ О. М. Бодянскому отъ 25 октября 1846 года Ганка дѣлаетъ слѣдующую приписку: „Вчера пришелъ въ Прагу на два или три мѣсяца Викторъ Ивановичъ Григорьевичъ" (sic). Такимъ образомъ, точная дата прибытія его въ Прагу—12 октября ст. ст. Чтенія, 1887, II, стр. 17.

мя двухлѣтняго путешествія своего онъ собралъ много рѣдкихъ грамотъ, особенно—касающихся исторіи Сербіи и Болгаріи".

Пребываніе Григоровича въ Прагѣ продолжалось почти пять мѣсяцевъ. Въ чемъ состояли занятія его здѣсь, объ этомъ онъ самъ говоритъ въ своей „Запискѣ", представленной министру, но, къ сожалѣнію, весьма кратко. „Въ Прагѣ занятія мои были очень неопредѣленны и сперва имѣли въ виду лишь практическое упражненіе въ языкѣ и ознакомленіе вообще съ ходомъ чешской литературы..." Подобно всѣмъ нашимъ ученымъ путешественникамъ, и Григоровичъ прежде всего ознакомился съ Чешскимъ Музеемъ, но, какъ признается самъ,—поверхностно. „Затѣмъ, докладываетъ Григоровичъ въ своемъ отчетѣ, соображалъ другія изученія съ данными пособіями и лицами, которыхъ совѣтами могъ пользоваться. Въ университетѣ посѣщалъ лекціи проф. чешской литературы Коубка, чтенія котораго о чешскомъ языкѣ были мнѣ тѣмъ полезны, что г. профессоръ, при всей подробности обыкновеннаго грамматическаго изложенія, оживлялъ сухость его весьма занимательными замѣчаніями, касающимися современной литературной критики". Что касается чешской литературы, то, уже при упражненіи въ языкѣ, Григоровичъ поставилъ себѣ въ обязанность ознакомиться съ примѣчательными памятниками каждой ея эпохи. Для древнѣйшей эпохи ему казалось достаточнымъ прилежное „чтеніе превосходнаго изданія древнихъ памятниковъ" въ извѣстномъ „Выборѣ изъ чешской литературы". По отношенію къ XV и XVI столѣтіямъ, онъ читалъ нѣкоторыя неполемическія сочиненія Гуса, Велеславина и Коменскаго. Произведенія XVII и XVIII столѣтій онъ прошелъ, по скудости ихъ содержанія, слегка, принимая ихъ лишь къ свѣдѣнію. Произведенія, наконецъ, послѣдней эпохи занимали его ближе, по мѣрѣ важности ихъ въ ученомъ или художественномъ отношеніи [1]). Другимъ учителемъ Григоровича въ Прагѣ былъ извѣстный историкъ чешскаго возрожденія Яковъ Малый, который въ своихъ „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ стараго патріота", говоритъ, что Григоровичъ подъ его руковод-

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. LIV, отд. IV, стр. 37, 38.

ствомъ „совершенствовался въ чешскомъ языкѣ" („zdokonaloval se u mne v češtině"). Между учителемъ и его русскимъ ученикомъ существовали дружескія отношенія. „Онъ останется для меня незабвеннымъ по своему рѣдкому, всестороннему образованію и мягкости характера", говоритъ Я. Малый о Григоровичѣ[1]). Но первымъ учителемъ Григоровича въ области чешскаго языка и литературы былъ А. В. Шембера, котораго онъ посѣтилъ, на пути изъ Вѣны въ Прагу, въ Оломуцѣ, гдѣ вѣроятно, пробылъ болѣе или менѣе продолжительное время.

Покидая Прагу въ мартѣ 1847 года, Григоровичъ благодарилъ своего учителя за его уроки и въ доказательство успѣховъ своихъ въ чешскомъ языкѣ написалъ ему, согласно обѣщанію, по-чешски[2]). Одновременно съ занятіями чешскимъ языкомъ, Григоровичъ, чтобы вознаградить упущеніе, которое, по его словамъ, неминуемо ему предстояло,—„упущеніе путешествія по Лужицамъ", посѣщаетъ лекціи верхнелужицкаго языка въ Лужицкой семинаріи, руководимой неутомимымъ Ганкой.

Таковы были первые учителя Григоровича въ Прагѣ, чисто практически знакомившіе его съ чешскимъ языкомъ, литературой и нарѣчіемъ лужицкимъ. Болѣе глубокимъ характеромъ должны были отличаться связи его съ Шафарикомъ, который по своимъ спеціальнымъ занятіямъ былъ наиболѣе близокъ къ Григоровичу. Общія научныя влеченія сблизили обоихъ ученыхъ и создали прочную дружескую связь между ними, не прекращавшуюся и послѣ отъѣзда Григоровича въ Россію[3]). Шафарикъ чрезвычайно интересовался научными разысканіями Григоровича и внимательно слѣдилъ за каждымъ шагомъ нашего путешественника. Особенно драгоцѣнны были для него всякія

---

[1]) Vzpomínky a uvahy starého vlastence, Praha, 1872, str. 100. По-русски въ Слав. Ежегодн., 1878 г.

[2]) Письмо это мы сообщили въ замѣткѣ: „Къ біографіи В. И. Григоровича", Р. Ф. Вѣстн., 1899, стр. 147—151.

[3]) Краткій очеркъ взаимныхъ связей Шафарика и Григоровича представилъ М. Н. Сперанскій въ введеніи къ изданнымъ имъ и П. А. Лавровымъ письмамъ Шафарика къ Бодянскому и Григоровичу.

извѣстія о рукописныхъ сокровищахъ, собранныхъ Григоровичемъ. Такъ, еще не имѣвъ случая ознакомиться съ этими рукописями, Шафарикъ пишетъ о нихъ, какъ видно, съ чужихъ словъ, Прейсу (10 окт. н. ст. 1845 г.): „Какія драгоцѣнности, рукописи и грамоты, пріобрѣлъ Григоровичъ въ Турціи, вы, навѣрное, отлично знаете, я же знаю по слухамъ, что онъ собралъ до 15 пергаменныхъ рукописей и 50 грамотъ, въ томъ числѣ сочиненіе Константина, иначе Кирилла, переведенное съ греческаго на славянскій, собственноручный типикъ св. Саввы, глаголическія рукописи, болгарскія грамоты, изъ сербскихъ двѣ XI столѣтія и т. д. [1]“. Особенно часты упоминанія о Григоровичѣ въ письмахъ Шафарика къ Бодянскому [2]), который ожидалъ отъ Шафарика разныхъ сообщеній для своихъ изданій; Шафарикъ, между тѣмъ, не могъ удовлетворить просьбамъ Бодянскаго и возлагалъ надежды на Григоровича и его рукописныя сокровища.

„Относительно переписки Амартола ничего сказать нельзя, пока не пріѣдетъ Григоровичъ, и пока не переговоримъ съ нимъ“, отвѣчаетъ Шафарикъ Бодянскому на одну изъ просьбъ его (7 сент. 1846 г.). Вообще, съ пріѣздомъ Григоровича въ Прагу связывались Шафарикомъ и другими пражскими изслѣдователями славянской старины извѣстнаго рода ожиданія [3]). „Надѣемся, что Григоровичъ пріѣдетъ сюда и останется у насъ на зиму. Тогда можно будетъ кое-что сдѣлать“, обѣщаетъ Шафарикъ въ другомъ мѣстѣ (19 іюля 1846 г.). Вѣроятно, по просьбѣ пражскихъ друзей Григоровичъ подѣлился съ ними нѣкоторыми результатами своихъ научныхъ разысканій въ чтеніи: „Svědectví o slovanských apoštolích v Ochridě“, напечатанномъ затѣмъ въ Часописи Чешскаго Музея [4]). Чтеніе Григоровича происходило въ

[1]) Живая Стар., 1891, I, вып. IV, стр. 32.

[2]) Ср. письма отъ 8 февр., 11 іюня, 19 іюля, 7 сент. и 6 окт. 1846 г. и 5 февр. 1847 г.

[3]) Ганка писалъ Бодянскому 25 окт. 1846 г.: „Тѣшусь на то, что онъ (Григоровичъ) принесъ изъ Болгаріи“.

[4]) Č. Č. Mus., 1847, стр. 508. Ср. Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. LIII, отд. II, стр. 1—28.

исторической секціи Чешскаго Ученаго Общества 12 ноября н. ст., т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ пріѣзда его въ Прагу [1]), въ присутствіи Палацкаго, Ганки, Воцеля, Коубка и Томка. 26 ноября Григоровичъ присутствовалъ въ засѣданіи славяно-филологической секціи на чтеніи Коубка: „Über den missverstandenen Panslavismus“, а 23 дек. на чтеніи Шафарика [2]). Къ сожалѣнію, о пребываніи Григоровича въ Прагѣ, его ученыхъ занятіяхъ и связяхъ мы ничего больше сказать не можемъ. Послѣ отъѣзда изъ Праги Григоровичъ, на пути въ Россію, пишетъ 28 марта (11 апр.) 1847 г. Шафарику изъ Берлина о посѣщеніи Дрездена, Лейпцига, Галле и о пребываніи въ Берлинѣ. Въ Лейпцигѣ онъ познакомился съ Гауптомъ, Ваксмутомъ, библіотекаремъ Герсдорфомъ, проф. славянскихъ литературъ, а также съ болгариномъ Андреовымъ-Богоровымъ; въ Галле онъ былъ у Потта, съ которымъ бесѣдовалъ объ новѣйшихъ успѣхахъ славянской филологіи въ Прагѣ; въ Берлинѣ, не найдя Якова Гримма, онъ посѣтилъ Вильгельма, былъ у Боппа и др. Боппъ весьма интересовался вопросами славянскаго языкознанія.

Въ заключеніе Григоровичъ сообщалъ Шафарику о своихъ пріобрѣтеніяхъ (книгъ и рукописей), сдѣланныхъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. Черезъ Кенигсбергъ Григоровичъ направился въ Петербургъ и только 20 іюля прибылъ въ Казань. Между тѣмъ, послѣ отъѣзда его изъ Праги получено было въ Вѣнѣ увѣдомленіе о томъ, что гр. Уваровъ, по представленію Погодина, про-

---

1) Въ Č. Č. Mus., 1847, str. 508, ошибочно отнесено это чтеніе къ 26 ноября 1846 г.

2) Въ протоколѣ этого засѣданія записано: „Prof. Grigoriewicz erstattete Bericht über die wissenschaftlichen Resultate seiner in der europäischen Türkei, vorzüglich auf dem Berge Athos, in Thessalonich und in Albanien gepflogenen Untersuchungen über die dort erhaltenen Reste der altslawischen cyrillischen Literatur, und machte insbesondere auf die Gegenden am Ochrida-See aufmerksam, wo sowohl Schriften als Andenken der einst in Gross-Mähren gebildeten Schüler des heil. Method, namentlich des Erzbischofs Clemens, Naum, Gorazd und Anderer sich reichhaltig und lebendig erhalten haben“. Abhandl., V Folge, V Bd., 1847, S. 7. Кромѣ того, онъ помѣстилъ еще въ ж. Květy статью: „О народныхъ школахъ у болгаръ“.

длилъ Григоровичу срокъ пребыванія за границей до 1-го октября, съ тѣмъ чтобы онъ отправился въ Константинополь и Эпиръ или Албанію. „Не знаемъ, писалъ 2 (14)-го апрѣля 1847 года Раевскій Ганкѣ, гдѣ теперь г-нъ Григоровичъ. Если вы знаете, увѣдомьте его объ этомъ, чтобы онъ ѣхалъ къ намъ, гдѣ ему дадутъ и денегъ“. Извѣщеніе было уже безполезно.

Со времени отъѣзда Григоровича въ Россію прошло больше восьми мѣсяцевъ, и только въ концѣ ноября 1847 г. онъ далъ о себѣ вѣсточку пражскимъ друзьямъ. 22-го ноября онъ пишетъ Ганкѣ отмѣнно вѣжливое оправданіе своего долговременнаго молчанія: „Съ прискорбнымъ сознаніемъ вины обращаюсь къ вамъ послѣ долгаго, долгаго молчанія. Опасаюсь, чтобы оно не вмѣнено было шаткости уваженія и признательности, которыя, испытавъ ласковое радушіе и снисходительное содѣйствіе ваши, неизмѣнно питаю къ вамъ... Сдѣлайте милость, отнесите къ какому угодно дурному качеству моему такое безмолвіе, лишь бы только не отнести его къ невниманію моему къ лицамъ, которыхъ знать и уважать составляетъ главную долю путевыхъ воспоминаній“. О своихъ „приключеніяхъ и занятіяхъ“ здѣсь онъ не распространяется,—объ этомъ онъ подробно говоритъ въ письмѣ къ Шафарику (отъ 23 ноября). Это, несомнѣнно, первыя письма Григоровича изъ Россіи. „Съ 20-го іюля нахожусь въ Казани. Не позволилъ себѣ отзываться къ вамъ по причинѣ жалкихъ своихъ обстоятельствъ и въ ожиданіи отраднѣйшаго времени“, такъ начинаетъ онъ свое интересное письмо. Разсказъ начинается съ того момента, на коемъ онъ остановился въ послѣднемъ письмѣ къ Шафарику (отъ 28 марта) изъ Берлина. „Изъ Кенигсберга по самой дурной дорогѣ и въ гадкую погоду прибылъ нездоровый въ С.-Петербургъ (28 апр.). Тамъ представленія, отчетливость, вѣсть объ отказѣ и другія вѣсти поставили меня въ необыкновенное положеніе. Изъ С.-Петербурга черезъ Новгородъ, гдѣ провелъ дней 8 и очень полезно,—въ Москву (12 іюня). Въ Москвѣ не получилъ позволенія заняться въ Синодальной Библіотекѣ и былъ удрученъ извѣстіемъ о несчастіи своихъ родныхъ. Проведя въ Москвѣ печально до 12 іюля, отправился въ путь и прибылъ 20

іюля въ Казань. Здѣсь отношенія къ начальству, которое засталъ измѣненнымъ, приготовленія, устройство сопряжены были съ трудностями и непріятностями. Главная непріятность—неполученіе пособій ни изъ Валахіи, ни изъ Праги. Пособія изъ Валахіи почти полтора года въ пути. Милостивый Государь! еслибы я писалъ къ вамъ современно симъ событіямъ, то исполнилъ бы письмо свое жалобами, можетъ быть, преувеличенными и, вѣроятно, даже смѣшными. Такое обращеніе къ особамъ, уважаемымъ мною, почитаю непростительною смѣлостью. Нужно было дать пройти времени, чтобы пріобрѣсти власть надъ обстоятельствами и избавиться отъ увлеченій". Эти соображенія были одною изъ причинъ его молчанія. Представивъ Шафарику краткое извѣстіе „о слабыхъ своихъ занятіяхъ" въ Кенигсбергѣ, Петербургѣ, Новгородѣ и Москвѣ, Григоровичъ продолжаетъ далѣе повѣствовать о новой своей казанской жизни и дѣятельности. Къ перепискѣ его съ пражскими друзьями мы вернемся нѣсколько ниже.

ГЛАВА V.

Первые годы славянскихъ каѳедръ въ Россіи. Связи съ Прагой.

1.

Вновь учрежденныя славянскія каѳедры, пока будущіе представители ихъ находились за границей, оставались не занятыми. Только въ казанскомъ университетѣ готовились открыть эту каѳедру раньше, но лишь съ конца 1842 г. поручено было преподаваніе славянской филологіи Григоровичу, и то не на долго.

Въ сентябрѣ 1842 г. Бодянскій возвратился въ Москву. Учителя его Каченовскаго въ это время не было уже въ живыхъ (онъ умеръ за четыре мѣсяца до возвращенія Бодянскаго), и Бодянскій занимаетъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ московскомъ университетѣ, въ званіи экстраординарнаго профессора [1]).

Искренно радовались всѣ наши сторонники славянскихъ изученій, но особенно радостно привѣтствовалъ новаго сотоварища Погодинъ, коему новая каѳедра отчасти, несомнѣнно, обязана была своимъ открытіемъ. „Никогда не забуду той торжественной минуты, вспоминалъ Бодянскій, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. „Слава Богу! Цѣль наша достигнута, — славяновѣдѣніе водворено въ первопрестольной, а черезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи“, сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ

[1]) И. Срезневскій, На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 35—36.

моей аудиторіи“ [1]). Радость Погодина была тѣмъ справедливѣе, что онъ давно,—несомнѣнно, одинъ изъ первыхъ,—сумѣлъ оцѣнить дарованія Бодянскаго и поддержать въ немъ обнаруженное имъ стремленіе къ славянскимъ изученіямъ [2]). Пражскимъ друзьямъ немедленно сообщается эта радостная вѣсть. Первымъ среди нихъ былъ Шафарикъ, и ему Бодянскій написалъ тотчасъ же по возвращеніи въ Москву. Шафарикъ (11 декабря 1842 г.) отвѣтилъ сердечнымъ пожеланіемъ: „Дай Богъ успѣха и удачи на славянской каѳедрѣ! Нужды велики, велики ожиданія: постарайтесь выполнить мужественно свои обязанности...“ Бодянскій приступалъ къ дѣлу во всеоружіи знаній, хорошей подготовки въ школѣ великаго учителя, и вполнѣ основательно можно было ожидать отъ него успѣховъ на новомъ поприщѣ. Первые шаги его были, дѣйствительно, весьма удачны,—по крайней мѣрѣ, самъ Бодянскій остался чрезвычайно доволенъ результатами перваго года своихъ чтеній. 5-го іюня 1843 года онъ пишетъ о своихъ успѣхахъ Ганкѣ: „Слава Богу, славянство у насъ идетъ какъ нельзя лучше и желаннѣе!... Студенты такъ и лѣзутъ, какъ говорится, очертя голову, на все славянское“. Доказательствомъ общаго увлеченія славянствомъ является фактъ, что для слушателей своихъ на новый академическій (1843—1844) годъ Бодянскій заказываетъ у пражскаго книгопродавца Ржибнача разныхъ славянскихъ книгъ слишкомъ четыреста экземпляровъ! О немъ свидѣтельствовалъ и первый экзаменъ. „Испытанія университетскія по части моего предмета (именно: въ Славянскомъ Народоописаніи, которое теперь мною выдается отдѣльною книжкою на русскомъ и при немъ карта въ чешскомъ подлинникѣ, Славянскихъ Древностяхъ, I-ый періодъ,

---

1) „Въ память М. П. Погодина“. Чтенія, 1877, ч. III, стр. 2.

2) Въ Наблюдателѣ 1836 г. (май, кн. 2, стр. 289) онъ писалъ о Бодянскомъ: „Бодянскій подаетъ самыя пріятныя надежды для славянской филологіи въ Россіи, филологіи, которая, родная намъ, по своей пользѣ для русскаго языка, должна бы быть гораздо извѣстнѣе всѣхъ другихъ, древнихъ и новыхъ, и латинской, и французской, и которая однакожь, къ стыду нашему, неизвѣстнѣе самой восточной“. Погодинъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

и переводѣ съ чешскаго на русскій) выпали какъ нельзя лучше. Дай Богъ, чтобы они всегда такъ совершались, если уже нельзя будетъ краснѣе! Просто, молодежь изумила всѣхъ присутствовавшихъ своей смѣтливостью и понятливостью въ объясненіи чешскаго подлинника". И все это достигнуто было благодаря особому методу веденія занятій новымъ профессоромъ. „Замѣтьте, говоритъ Бодянскій далѣе, что они (студенты) во все теченіе года не имѣли въ рукахъ своихъ рѣшительно никакого словаря и грамматики и довольствовались только одними объясненіями своего профессора, тѣмъ способомъ занятій, который былъ имъ указанъ, какъ легчайшимъ и извѣданнѣйшимъ самымъ опытомъ [1])". Объ успѣхахъ Бодянскаго въ Прагѣ знали не только отъ него самого. Вотъ какъ описывалъ первый экзаменъ у Бодянскаго знаменитый Карлъ Гавличекъ-Боровскій, близкій свидѣтель первыхъ дней дѣятельности Бодянскаго: „Бодянскій читаетъ въ нынѣшнемъ году Шафариковы „Древности", „Народопись" и чешскій языкъ. Такимъ образомъ, Москва была первымъ городомъ на свѣтѣ, гдѣ „Zeměvid slovanský" ex offo висѣлъ на доскѣ, и гдѣ студенты ex offo учились по труду Шафарика. Неисповѣдимы пути Божіи! Шафарика знаютъ въ Москвѣ лучше, нежели въ Прагѣ; навѣрно, онъ самъ и не думалъ о томъ, что его трудъ, едва извѣстный въ Прагѣ, въ 250 миляхъ отъ нея будетъ школьною книгою. На испытаніи всякій студентъ долженъ отвѣтить на одинъ вопросъ изъ „Древностей", на одинъ изъ „Народописи", а затѣмъ долженъ прочитать, перевести и грамматически объяснить одну страничку изъ какой-нибудь чешской книги. Третьяго мая я былъ приглашенъ Бодянскимъ на экзаменъ. Это было для меня удовольствіе, какого я давно не испытывалъ... На столѣ лежитъ карта „Zeměvid" и „Erbenovy písně", „Deklamovánky", „Čechoslovan" Кампелика, „Ohlas písní ruských", „České Besedy", „Kytka", „Slovanské nár. písně" Челаковскаго и пр. Студенты бойко отвѣчали по „Древностямъ" и „Народописи", а Бодянскій непрестанно

---

[1]) Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки, изд. Е. В. Пѣтуховъ, стр. 15.

повторялъ: „Прекрасно, превосходно!“ Самъ гр. Строгоновъ мнѣ говорилъ: „Не думайте, что у насъ всѣ студенты такъ много знаютъ, какъ эти, это—лучшіе!“ Но число этихъ лучшихъ все не уменьшалось,—одинъ лучше другого! Но когда они стали брать въ руки чешскія книги, тѣ чешскія книги, которыхъ не знаютъ въ Прагѣ, гдѣ онѣ валяются только по книжнымъ лавкамъ, когда эти господа русскіе и поляки стали читать и переводить ихъ, я былъ словно на седьмомъ небѣ; лицо мое, навѣрно, сіяло отъ радости, подобно мѣсяцу! [1])“.

Успѣхи эти дороги были для всѣхъ друзей начинавшагося въ Россіи новаго періода славянскихъ изученій. Бодянскій дѣлится радостною вѣстью о нихъ и съ словаками. 17 (29)-го мая 1843 г. онъ пишетъ въ Бретиславу Людевиту Штуру [2]) и въ оправданіе своего долговременнаго молчанія замѣчаетъ: „Надо было заняться со студентами, чтобы показать, что наша славянщина не такой звѣрь, какимъ ее считали греки и латинисты, и что надо только чистосердечно обратиться къ ней, и она сама прильнетъ и никогда не отлѣпится. Экзамены шли прекрасно, не было ни одного студента, который получилъ бы баллъ ниже четырехъ. Словомъ, изученіе чешскаго языка весьма и весьма занимаетъ нашу университетскую молодежь; теперь выписываю множество чешскихъ книгъ для нея на будущій годъ, такъ какъ собираюсь осенью читать имъ исторію чешской словесности, насколько возможно будетъ, больше по самымъ памятникамъ, кромѣ того, исторію чешскаго народа и далѣе—вашъ

[1]) Письмо Гавличка изъ Москвы отъ 3 мая 1843 года къ К. В. Запу. Úplná korresp., str. 104. Русскій переводъ этого письма въ Слав. Ежегодн., 1877 г. Подъ заглавіемъ: „První zkouška z česko-slovanského jazyka v Moskvě“, оно было напечатано въ ж. Květy, 1843, č. 59, str. 235, а затѣмъ по-нѣмецки: „Böhmisches Examen in Moskwa“, въ Jahrb. f. slaw. Litt. (J. P. Jordana), 1844, I Heft, S. 14.

[2]) Письмо это было приложено къ письму отъ 5 іюня 1843 г. къ Ганкѣ. См. Е. В. Пѣтухова, Изъ бумагъ..., стр. 15—16, примѣч., гдѣ оно ошибочно отмѣчено, какъ адресованное къ Л. Гаю. Письмо Бодянскаго къ Штуру Ганка перевелъ для Č. Č. Mus., 1843, str. 627—629. Ср. письмо Ганки къ Бодянскому отъ 4 іюля 1843 г. Чтенія, 1887, II, стр. 11.

словенскій языкъ. Весьма сожалѣю, что изданіе словенскихъ пѣсенъ Коллара не находится больше въ продажѣ. Не остается мнѣ ничего иного, какъ знакомить нашу молодежь съ вашимъ языкомъ по Голому, а это—противъ моего метода чтенія. Я самъ научился и другихъ хочу обучать словенскимъ нарѣчіямъ по памятникамъ, въ коихъ народный языкъ находится во всей его чистотѣ, т. е. по народнымъ пѣснямъ, а потомъ уже переходить и къ языку книжному, другими словами: отъ болѣе легкаго и обыкновеннаго къ болѣе трудному и менѣе обычному, естественному".

Такъ какъ для всѣхъ остальныхъ нарѣчій у Бодянскаго имѣлись собранія народныхъ пѣсенъ, и только для словенскаго ихъ недоставало, то Бодянскій задумывалъ даже издать къ 1844 акад. году всеславянскую учебную книгу народныхъ пѣсенъ [1]). Прекрасный матеріалъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій у Бодянскаго былъ наготовѣ, только недостатокъ словенскихъ пѣсенъ задерживалъ осуществленіе этого плана. „Мнѣ бы хотѣлось имѣть, по крайней мѣрѣ, по десяти пѣсенъ въ каждомъ разнорѣчіи вашего нарѣчія и именно такъ, какъ народъ ихъ поетъ", продолжаетъ Бодянскій и проситъ Штура поручить студентамъ лицея собрать для него по нѣскольку пѣсенъ въ каждой столицѣ въ ея разнорѣчіи и послѣ просмотра послать ему въ Москву.

Кромѣ всеславянской христоматіи образцовъ народнаго творчества, Бодянскій принялся за осуществленіе и другого еще плана. „Понемногу работаю, пишетъ онъ Штуру, и надъ чешско-русскимъ словаремъ по Юнгманну. Отъ самихъ чеховъ его нескоро дождешься: они нынѣ работаютъ надъ нѣмецко-чешскимъ, который, разумѣется, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ неизбѣжно необходимъ, но отъ этого для насъ нѣтъ никакой пользы. Это будетъ не простой остовъ, а нѣчто цѣльное, жи-

---

[1]) Славянскую антологію изъ народныхъ пѣсенъ совѣтуетъ ему составить Шафарикъ въ письмѣ отъ 21 іюня 1843 г. Но, какъ видимъ изъ письма Бодянскаго къ Штуру, эта мысль у него явилась раньше. Конечно, она могла быть ему подсказана Шафарикомъ и раньше приведеннаго письма.

вое и стройное [1]". Онъ словно предугадывалъ желаніе своего учителя. Шафарикъ не увлекался широкими издательскими проектами Бодянскаго, открывшаго въ это время нѣкоторые древніе памятники славянской письменности, а совѣтовалъ ему направить свои силы въ другую сторону; въ свое время можно будетъ, конечно, издать и эти памятники, „но не нужно съ этимъ торопиться, а главное при этомъ то, чтобы это было для успѣха и прогресса науки". Шафарикъ, по обыкновенію, откровенно и прямо высказывался: „Я бы радовался больше, если бы вы вмѣстѣ съ Прейсомъ и Срезневскимъ взялись за составленіе учебныхъ книгъ для славянскихъ каѳедръ: сравнительной грамматики, христоматіи, исторіи литературъ славянскихъ, антологіи славянской изъ народныхъ пѣсенъ и т. д. Если эти книги не будутъ составлены профессорами славянской литературы, кому ихъ составлять? Когда вы, Прейсъ и Срезневскій подготовите намъ славянскихъ филологовъ, тогда ужъ и съ изданіемъ старыхъ памятниковъ пойдетъ дѣло успѣшнѣе... [2]"

Въ своихъ чтеніяхъ Бодянскій, какъ видно изъ письма его къ Ганкѣ [3]), имѣлъ въ виду выполнить слѣдующую программу: „Цѣль моя—каждый годъ преподать одинъ изъ главныхъ славянскихъ языковъ и нѣсколько самоближайшихъ къ нему второстепенныхъ, чтобы такимъ образомъ доставить слушателямъ своимъ нѣчто цѣлое въ своемъ родѣ, присоединяя къ язычному изученію также историческое, т. е. дѣеписаніе народа и его письменности. Четыре-пять лѣтъ составляютъ полный курсъ славяновѣдѣнія по упомянутому способу, который завершится сравнительной грамматикой всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Эта послѣдняя, мнѣ кажется, тогда только можетъ быть истинно на своемъ мѣстѣ въ кругу славяновѣдѣнія и тогда только принесетъ вѣрную пользу слушающимъ ее, когда они впередъ познакомились хорошенько уже съ многими нарѣчіями и, слѣдовательно,

---

[1]) Въ іюнѣ 1843 г. Бодянскій сообщалъ Ганкѣ, что девять буквъ этого словаря имъ отдѣланы, а въ сентябрѣ онъ предполагалъ приступить уже къ печатанію своего труда.

[2]) Письма Шафарика къ Бодянскому, стр. 158, 174.

[3]) Письмо отъ 5 іюня 1843 г. у Е. В. Пѣтухова, стр. 16.

могутъ съ успѣхомъ слѣдить за сравненіемъ и снесеніемъ подобнаго съ подобнымъ и т. д., повѣрить сейчасъ слова своего наставника, а не слѣпо вѣрить его вѣщаніямъ и мучить свою память сухими и безъ того непонятными примѣрами и объясненіями. Сравнительная грамматика, по мнѣ, всегда должна быть вѣнцомъ изученія многихъ родственныхъ нарѣчій, итогомъ и плодомъ этого изученія и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшею наградою онаго. Это, такъ сказать, языкомудріе, философія слова человѣческаго".

Въ этомъ отношеніи мнѣніе Бодянскаго совершенно совпадало съ взглядами Шафарика, высказанными имъ въ „Мысляхъ о постановкѣ изученія славянскихъ языковъ въ прусскихъ университетахъ" (1841 г.). При близкомъ общеніи Бодянскаго съ Шафарикомъ, при ближайшемъ руководствѣ Шафарика занятіями Бодянскаго въ Прагѣ, эта записка могла быть извѣстна Бодянскому, и главнѣйшія мысли ея могли запечатлѣться въ его памяти.

Шафарикъ, признающій необходимость существованія двухъ курсовъ, низшаго—подготовительнаго, и высшаго, говоритъ въ своемъ докладѣ: „Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ не можетъ быть съ пользою преподаваема тамъ, гдѣ нѣтъ знанія отдѣльныхъ языковъ или, по крайней мѣрѣ, одного славянскаго нарѣчія. Поверхностное знакомство съ общими формами языка, при томъ столь богатаго и труднаго, каковъ славянскій, безъ изученія отдѣльныхъ нарѣчій, литературныхъ произведеній, безъ проникновенія въ глубокіе тайники его содержанія легко бы образовало только мелкихъ систематиковъ и резонеровъ, какіе къ сожалѣнію не рѣдки между нѣмецкими филологами. Преподаваніе грамматики отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, соединенное съ практическими упражненіями въ чтеніи и переводѣ, во всякомъ случаѣ должно предшествовать сравнительному изученію языка [1])".

Но иначе смотрѣлъ на дѣло Погодинъ: ему не нравились обширныя программы и планы Бодянскаго. Погодинъ жаловался Шафарику: „Бодянскаго погоняйте, потому что онъ меня не

[1]) Переводъ у П. А. Лаврова, П. І. Шафарикъ, стр. 98—99.

слушаетъ, хоть и говоритъ, что слушаетъ. Онъ надѣется все на свой умъ, а ума одного на начатое дѣло не станетъ, нуженъ опытъ! Я толкую ему, чтобы онъ выучилъ студентовъ на первый случай читать по-чешски, польски, сербски, а онъ мучитъ ихъ лужицкимъ и пр. нарѣчіями и моритъ на частностяхъ, подробностяхъ, мелочахъ, нужныхъ только для филологовъ и никому болѣе. Мнѣ говоритъ онъ всегда, что это неправда, а я безпрестанно слышу, что правда" [1]). И Шафарикъ, тотчасъ же послѣ этихъ нареканій Погодина, вновь преподаетъ Бодянскому совѣты относительно желательной постановки преподаванія славянскихъ предметовъ: „Хорошо сдѣлаете, если съ самаго начала будете давать больше молока, нежели тяжелой, неудобоваримой пищи. Не забывайте, что мы начинатели. Я бы на вашемъ мѣстѣ преподавалъ исторію всеславянской литературы (въ очеркѣ), изъ сравнительной грамматики только важнѣйшее о нарѣчіяхъ чешскомъ и сербскомъ, затѣмъ объяснялъ бы нѣкоторые изъ лучшихъ плодовъ литературы, напр., Краледворскую рукопись, сербскія и иллирійскія стихотворенія, а въ подробности нарѣчій и нарѣчьицъ, не говоря уже о поднарѣчіяхъ и поднарѣчьицахъ, вовсе бы не пускался. Достаточно отворить дверь и указать путь: кто хочетъ быть славянскимъ филологомъ, пусть самъ идетъ дальше" [2]).

16 октября началъ въ Харьковѣ свои лекціи Срезневскій. Первымъ чтеніемъ онъ имѣлъ въ виду отвѣтить на вопросъ: „Какъ дошли до мысли, что должно изучать Славянство? [3])" „Я не ожидалъ, писалъ Срезневскій Ганкѣ 1 дек. 1842 г., что на мое чтеніе обратятъ такое вниманіе, какое обратили: назначенная зала была мала для всѣхъ посѣтителей, и ихъ перевели въ другую, и та набилась биткомъ; не только студенты пришли меня слушать, но и много профессоровъ и немало постороннихъ частныхъ лицъ; послѣ чтенія профессора благодарили, какъ казалось, съ участіемъ, а другіе изъ посѣтителей пріѣзжали знакомиться".

---

[1]) Письмо Погодина отъ 10 (22) ноября 1843, въ бумагахъ Шафарика, въ библ. Чешскаго Музея.

[2]) Письма къ Бодянскому, стр. 52.

[3]) См. Ж. М. Н. Пр., 1893, ч. 287, стр. 117—133.

Какъ видимъ, первые представители новой каѳедры встрѣчали съ момента вступленія на нее живое сочувствіе въ нашемъ обществѣ и привлекали вниманіе учащейся молодежи. Объ этомъ общемъ интересѣ къ новому предмету свидѣтельствовалъ и Прейсъ въ письмѣ къ Шафарику (отъ 24 іюня 1843 г.): „Я, какъ вамъ, вѣрно, уже извѣстно (хотя бы по догадкѣ), началъ мои чтенія, не безъ эффекта, благодаря новости предмета и снисходительности судей". Это движеніе въ нашемъ обществѣ въ сторону столь мало извѣстнаго намъ славянскаго міра является однимъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ въ развитіи нашего національнаго самосознанія. „Давно ли ученые труженики, въ своихъ скромныхъ углахъ, стали работать надъ изысканіями о славянахъ, скрываясь, какъ отшельники, не думая ни о вниманіи къ себѣ, ни о славѣ?... Давно ли въ Европѣ говорили о славянахъ, какъ будто о какой-нибудь ногайской ордѣ? Тридцать лѣтъ тому о славянахъ никто почти и не думалъ, двадцать лѣтъ—мало кто о нихъ писалъ, десять—мало кто хотѣлъ разсуждать о нихъ. А теперь, чуть не разомъ, въ девяти городахъ Европы растворились аудиторіи для слушанія чтеній о славянахъ", писалъ Срезневскій въ Денницѣ [1]) Дубровскаго по поводу открытія славянскихъ чтеній на Западѣ и у насъ. Вниманіе славянъ новаго поколѣнія привлекаетъ нынѣ литература, филологія, народности и исторія славянъ, и наши новые профессора идутъ навстрѣчу этимъ запросамъ.

Съ программой чтеній Бодянскаго мы нѣсколько ознакомились. Славянскія чтенія въ четырехъ нашихъ университетахъ имѣли, какъ сообщалъ Срезневскій [2]), „по назначенію правительства", главнымъ предметомъ исторію и литературу славянскихъ нарѣчій, но они не исключали изъ своего содержанія ни народностей, ни исторіи. Единства въ программахъ этихъ чтеній не было. Не было не только руководствъ, вспоминалъ Срезневскій о начальныхъ годахъ нашихъ славянскихъ каѳедръ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что̀ должно вхо-

---

[1]) 1843, ч. II, стр. 127—128.

[2]) Тамъ же, стр. 136.

дить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ славянскихъ нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-славянскихъ литературъ; но какъ, въ какой степени,—это оставалось на рѣшеніи доброй воли преподавателей. И каждый изъ нихъ велъ дѣло по своему наилучшему разумѣнію.

Свои программы Срезневскій съ достаточной подробностью изложилъ въ письмѣ къ Ганкѣ (1 дек. 1842 г.). Общій курсъ чтеній онъ раздѣлилъ на три части: 1. Энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства; 2. Западные славяне южной отрасли; 3. Западные славяне сѣверной отрасли. Въ первомъ году онъ читалъ первогоднимъ студентамъ энциклопедическое введеніе, а студентамъ второго курса, которымъ уже не выходило времени слушать введеніе,—о западныхъ славянахъ южной отрасли, лишь мимоходомъ вставляя необходимое изъ введенія [1]).

Тотчасъ же по возвращеніи въ Россію Срезневскій думаетъ осуществить давно созрѣвшій планъ повременнаго изданія,

---

[1]) Вотъ подробное содержаніе Энциклопедическаго введенія: § 1. Стародавность славянъ въ Европѣ, по Шафарику, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями. § 2. Границы славянскаго міра прежде и теперь. Разселеніе и пропажа славянъ. § 3. Отрасли славянскаго племени: 1. Русскіе славяне. 2. Западные славяне южной отрасли. 3. Западные славяне сѣв. отрасли (10 народовъ: великороссіяне, малороссіяне, болгарскіе славяне, сербы, хорваты, хорут. словенцы, поляки, полабяне, чехи, словаки). Характеристика народовъ и нарѣчій. § 4. Политическое состояніе славянъ: 1. Древній бытъ. 2. Перевороты: образованіе, развитіе и упадокъ государствъ славянскихъ. 3. Современное состояніе. § 5. Религіозное состояніе славянъ: 1. Язычество. 2. Принятіе христіанской вѣры и ея распространеніе и утвержденіе между славянами. 3. Современное состояніе. § 6. Литературное состояніе славянъ: 1. Характеръ народной словесности. 2. Развитіе письменности. 3. Современная слав. литература подъ вліяніемъ народности и чуженародности. Разсматривая въ двухъ слѣдующихъ частяхъ своего курса каждый слав. народъ отдѣльно, Срезневскій обозрѣвалъ его исторію, географію, бытъ, развитіе нарѣчій, народную словесность и литературу.

посвященнаго славянскимъ предметамъ. Знакомство Срезневскаго съ I. Субботичемъ и редактированной имъ „Сербской Лѣтописью“, Станкомъ Вразомъ и его „Коломъ“ и другими славянскими изданіями, напр., „Бачской Вилой“, альманахами „Нитра“ и „Татранка“, о коихъ онъ сообщалъ кое-что Ганкѣ въ письмѣ отъ 1 апр. 1842 г., несомнѣнно, повліяли на рѣшеніе его создать и у насъ органъ славянскихъ научныхъ и литературныхъ интересовъ. Планъ этого изданія извѣстенъ былъ Бодянскому, которому Срезневскій сообщилъ его на обратномъ пути въ Россію [1]). Ганка также ознакомленъ былъ съ намѣреніемъ Срезневскаго уже въ началѣ 1842 г. Къ письму изъ Брѣтиславы отъ 1 апр. 1842 г. Срезневскій приложилъ „на судъ“ Ганки програму задуманнаго изданія, которое онъ надѣялся начать съ 1843 г. Ганка немедленно (15 апр.) отвѣчалъ полнымъ одобреніемъ. „Ваше письмо меня очень обрадовало“, пишетъ онъ Срезневскому. „Противъ вашей программы я ничего не могу возразить, ибо она словно взята изъ моей головы. Единственно Харьковъ кажется мнѣ весьма мало подходящимъ для такого изданія, но тѣмъ больше будетъ ваша заслуга, ибо я не сомнѣваюсь, что вы одолѣете всѣ затрудненія, и не Харьковъ васъ, а вы Харьковъ прославите. А если дѣло хорошо пойдетъ, какъ оно того заслуживаетъ, и въ чемъ ручательствомъ намъ служатъ ваши способности, то тогда, дастъ Богъ, и Сергій Семеновичъ найдетъ средство призвать васъ на болѣе доступное мѣсто. Надо только имѣть желаніе! За дѣло! Это будетъ неоцѣнимая польза для всего славянства. Наяву увидятъ внуки, что не снилося отцамъ!“ Журналъ долженъ былъ называться „Славянское Обозрѣніе“ [2]); программа его, какъ сообщалъ Срезневскій, была слѣдующая.

---

[1]) „Путешествуя вмѣстѣ съ Бодянскимъ отъ самой Воротислави, мы разстались въ Ковнѣ: онъ поѣхалъ въ Петербургъ, я на Вильно, чтобы оттуда побывать въ Бѣлой Руси“, пишетъ Срезневскій Ганкѣ 1 дек. 1842 г. По-чешски письмо это сообщено было Ганкой въ Č. Č. Mus., 1843, стр. 463—467.

[2]) Въ письмѣ къ Ганкѣ программа имѣетъ заголовокъ: „Новости словесности русской и инославянской“. Такъ, вѣроятно, должно было первоначально называться изданіе Срезневскаго?

Раздѣляя изданіе на два отдѣленія, онъ предполагалъ въ первомъ знакомить западныхъ славянъ съ ходомъ словесности русской, а во второмъ—русскихъ съ ходомъ словесности славянъ на западѣ. Въ каждомъ отдѣленіи предположено было помѣщать:

a) Обозрѣнія литературныя: общія обозрѣнія словесности за извѣстное время; обозрѣнія частныя словесности духовной, ученой, историко-географической, изящной и народной; жизнеописанія писателей съ обозрѣніемъ ихъ ученой и литературной дѣятельности.

b) Библіографія: о каждой, заслуживающей вниманія, книгѣ особенная статья, въ которой бы читатель нашелъ полное заглавіе книги, обзоръ ея содержанія, мнѣніе о достоинствѣ, а равно и продажную цѣну книги.

c) Выписки изъ лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Каждая выписка должна быть напечатана въ подлинникѣ и въ дословномъ переводѣ на русское литературное нарѣчіе или на одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

d) Переписка и выписки о послѣднихъ новостяхъ и ожиданіяхъ. Тутъ же и извѣстія о книгахъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся русскихъ и славянъ.

Вообще, въ журналѣ должно было быть обращаемо вниманіе на то, что̀ или по духу, или по содержанію можетъ быть названо народнымъ славянскимъ. Первую часть „Новостей“ предположено было выпустить въ видѣ книги, листовъ по двадцать для каждаго отдѣленія; потомъ, смотря по обстоятельствамъ, изданіе должно было бы выходить или тетрадями ежемѣсячно, или книгами три или четыре раза въ годъ.

Срезневскій расчитывалъ на сотрудничество Бодянскаго, хотя, повидимому, опасался, какъ бы Бодянскій самъ не возымѣлъ вдругъ того же намѣренія. „Если вы затѣваете что-нибудь подобное, то это прекрасно: другъ другу мы не можемъ мѣшать. Если же бы дѣло шло о взаимной помощи, то и еще лучше: назначайте, что̀ вы желаете отъ меня, а я буду просить васъ, что̀ бы мнѣ хотѣлось имѣть вашей руки“. Друзья, какъ слѣдуетъ заключать изъ писемъ Срезневскаго, соединяли свои силы для

общаго изданія. Бодянскій имѣлъ въ виду пригласить еще въ качествѣ соиздателя Прейса. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ понимать отвѣтное письмо Срезневскаго Бодянскому отъ 27-го дек. 1842 г.: „Мысль ваша превосходна; одна мечта, что она можетъ быть исполнена, радуетъ сердце, тѣмъ болѣе радуетъ, что возможность ея исполненія вовсе не мечта. Объ одномъ надобно подумать, какъ лучше привести ее въ дѣло? Между нами уже, кажется, не можетъ быть никакого недоразумѣнія; но что скажетъ обо всемъ этомъ Петръ Ивановичъ? Еще для себя я надѣюсь согласить ваше мнѣніе съ его мнѣніемъ; но самъ Петръ Ивановичъ, сколько я знаю его и сколько понялъ его намѣреніе, едва ли будетъ соиздателемъ: его ученость и любовь къ наукѣ не выдержитъ молчанія, будетъ подавать голосъ въ журналахъ, а года черезъ два, если не прежде, и отдѣльной книгой, и, я увѣренъ, книгой, изъ которой будутъ учиться сами знатоки дѣла; но издавать свой журналъ, быть отвѣтственнымъ— и редакторомъ и продавцемъ, хотя бы онъ и могъ быть превосходнымъ редакторомъ, едва ли. Онъ скорѣе согласится помогать намъ совѣтами и дѣломъ, принять участіе въ дѣлѣ каждаго изъ насъ [1]“.

Такое серьезное и трудное дѣло не могло осуществиться безъ моральной поддержки славянскихъ друзей, на сотрудничество коихъ редакторы, несомнѣнно, расчитывали. Срезневскій не могъ умолчать о своемъ проектѣ, хотя и далеко еще было до осуществленія его, въ письмахъ къ Шафарику. Шафарикъ отнесся къ мысли сочувственно, но съ обычною сдержанностью. „Вы упомянули нѣчто о журналѣ“, отвѣчаетъ онъ Срезневскому. „Мысль одобряю, но совѣтовалъ бы не спѣшить. Бодянскій тоже помышляетъ о журналѣ. Пановъ также [2]). Дѣло имѣетъ свои затрудненія. Относительно полученія литературныхъ новостей изъ западнославянскихъ земель сами отлично знаете, какое это

[1]) Письма къ Бодянскому въ Библіографич. Зап., 1892, стр. 774, 775—776.

[2]) Пановъ былъ въ Прагѣ въ началѣ 1842 г. и вмѣстѣ съ Бодянскимъ оказывалъ Шафарику нѣкоторыя услуги при печатаніи Народописи. Письма къ Погодину, стр. 305.

трудное дѣло при такой отдаленности и при иныхъ неудобствахъ. Для такого журнала вамъ всѣмъ надо бы соединиться, и можетъ быть ему было бы всего лучше выходить въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Между тѣмъ, я думаю, вы могли бы издавать ваши собранія и въ другой формѣ, тоже періодически (въ томъ родѣ, какъ покойный Пассекъ Очерки Россіи,—а что, если бы вы ихъ назвали Очерки Славянства?). Впрочемъ, въ этомъ вы должны руководиться собственнымъ размышленіемъ и соображеніями [1])".

Относительно чтеній Прейса Срезневскій сообщалъ читателямъ Денницы, что курсъ его раздѣленъ на четыре года: Прейсъ началъ обозрѣніемъ южныхъ славянъ, предполагая перейти потомъ къ чехамъ и словакамъ, затѣмъ—къ полякамъ и лужичанамъ; четвертый годъ онъ намѣренъ былъ посвятить сравнительной грамматикѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій [2]).

О дѣятельности Григоровича, по возвращеніи его изъ путешествія, мы узнаемъ нѣкоторыя подробности изъ его писемъ къ Шафарику. Главная забота по пріѣздѣ на мѣсто состояла въ приготовленіи къ преподаванію. Григоровичъ думалъ было прежде всего имѣть въ виду цѣль практическую, но мысль о томъ, какъ важенъ древній славянскій языкъ въ просвѣщеніи нашемъ, „какъ проводникъ христіанизма и какъ преобразовательная сила по отношенію къ чужимъ племенамъ", при томъ успѣхи филологіи вообще заставили его сдѣлать перемѣну плана и обратить главное вниманіе въ своемъ преподаваніи на изученіе сего языка". Такъ писалъ онъ Шафарику. Объ этомъ же планѣ онъ сообщаетъ и Ганкѣ: „Началъ свое преподаваніе, котораго главнымъ предметомъ на текущій годъ — познаніе югозападныхъ языковъ и преимущественно священнаго. Вообще, раздѣляю оное на три курса: а) обозрѣніе племенъ и языковъ вообще, б) познаніе югозападныхъ и сѣверозападныхъ племенъ и языковъ и в) свѣдѣнія о литературѣ славянской съ упражненіями. Славянскій языкъ изучаю съ слушателями по грамматикѣ Добровскаго съ замѣчаніями, заимствованными изъ ученѣйшихъ разсужденій новѣй-

[1]) Живая Стар., 1891, IV, стр. 174.
[2]) Денница, 1843, ч. II, стр. 137—138.

шихъ изслѣдователей. Не скрою предъ вами, милостивый государь, что чувство трудности моего поприща непреодолимо при слабыхъ моихъ свѣдѣніяхъ и дарованіяхъ. Развѣ года черезъ два буду въ состояніи владѣть матеріаломъ".

Немало огорченій на первыхъ порахъ доставляло Григоровичу то обстоятельство, что онъ не нашелъ, какъ мы отмѣтили выше, своихъ пособій на мѣстѣ. Книги, оставленныя въ Валахіи и переданныя для отправки въ Россію въ Прагѣ, не достигли Казани къ началу занятій Григоровича. Такъ какъ по случаю холеры университетъ былъ временно закрытъ, то Григоровичъ пользуется свободнымъ временемъ и обращается къ болѣе подробному изученію византійскихъ писателей. „Занятія мои, пишетъ онъ Шафарику, кромѣ преподаванія, сосредоточивались особенно у событій византійскихъ. Особенно хотѣлось было мнѣ пояснить себѣ нѣсколько церковныхъ явленій у народовъ, сопряженныхъ съ ними. Быть можетъ, буду въ состояніи представить свои свѣдѣнія печатно..." Кромѣ того, у Григоровича имѣлись еще драгоцѣнныя записки о путешествіи по славянскимъ землямъ Турціи, которыя онъ тоже готовилъ къ печати. Для Шафарика онѣ были особенно интересны, и Григоровичъ сообщаетъ ему о нихъ: „Свѣдѣнія свои объ Европейской Турціи если не напечатаю такъ, какъ доносилъ, то постараюсь передѣлать, но для этого нуждаюсь во времени. Сознавая ничтожность своихъ познаній, чувствую необходимость болѣе обдумать свои записки".

Въ заключеніе своего перваго письма Григоровичъ спѣшитъ подѣлиться съ Шафарикомъ радостною вѣстью, что и въ Казани нашлись уже молодые люди, „посвящающіе труды свои изученію исторіи нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ по отношенію къ среднимъ вѣкамъ". „Такъ магистръ А. И. Артемьевъ, сообщалъ Григоровичъ, написалъ нѣсколько изслѣдованій о географіи и событіяхъ того народа на Волгѣ, котораго имя повторилось и на Дунаѣ. Кандидатъ Соколовъ перевелъ и напечаталъ стихотворенія извѣстной Königinhofer Handschrift".

Таковы были первыя вѣсти Григоровича Шафарику. Къ сожалѣнію, полной картины взаимныхъ отношеній обоихъ уче-

ныхъ нарисовать пока нельзя: изъ переписки ихъ до сихъ поръ весьма немногое сдѣлалось достояніемъ печати, къ тому же она не была, повидимому, особенно оживленною. Вліяніе Шафарика на направленіе дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятій Григоровича было, несомнѣнно, велико. Прежде всего, убѣжденіе Шафарика, что изученіе церковнославянскаго языка есть основа славянскаго научнаго языкознанія, сдѣлалось и убѣжденіемъ Григоровича [1]). Мы привели выше мнѣніе Григоровича о значеніи изученія церковнославянскаго языка въ общей системѣ славянскаго языкознанія.

Въ сентябрѣ (28-го) 1848 г. Шафарикъ, вѣроятно, опять напомнилъ Григоровичу объ этомъ предметѣ. Григоровичъ поспѣшилъ завѣрить своего друга и учителя въ вѣрности своей его наставленіямъ. Такъ, 15 ноября онъ благодаритъ Шафарика за это поучительное письмо: „Изъ него узналъ я многое, касающееся предметовъ своихъ изученій, узналъ также о неизмѣнно-благосклонномъ участіи вашемъ въ трудахъ моихъ, для которыхъ ваше слово есть достаточнымъ поощреніемъ. Повѣрьте, что совѣты ваши, сосредоточивать всю филологическую дѣятельность въ сферѣ древняго, общаго нашего языка, не только не оставляю, но, вникая болѣе въ потребности науки, нахожу ихъ соотвѣтственными своимъ обязанностямъ, превращаю въ собственное убѣжденіе. Отставъ отъ другихъ, естественно, не притязаю на самостоятельность, но желаю лишь быть въ возможности усвоить, примѣнить уже данныя пріобрѣтенія и передать

---

[1]) Интересно въ этомъ отношеніи сравнить програму его чтеній 1842 г. съ позднѣйшимъ планомъ, гдѣ церковнославянскому языку отводится первое мѣсто въ системѣ славяновѣдѣнія. Вотъ что сообщалъ объ этой программѣ 1842 г. Срезневскій: „Сначала преподаватель знакомитъ слушателей съ славянскими племенами, обозначая границы языковъ и главныя историческія событія ихъ жизни до конца XIV вѣка; потомъ онъ переходитъ въ краткой теоріи языковъ сербскаго, хорутанскаго, чешскаго, верхне-лужицкаго, польскаго и церковнославянскаго и къ общимъ замѣчаніямъ, долженствующимъ пока замѣнить сравнительную грамматику славянскихъ языковъ...“ Денница, 1843, ч. II, стр. 136—137.

другимъ. Такое подчиниваніе (sic!) себя уже данному и желаніе усвоить его себѣ, можетъ быть, главная причина моего молчанія. Кромѣ обстоятельствъ, сознанное предположеніе руководило меня въ замедленіи, конечно обычномъ, переписки".

Заключая письмо это, Григоровичъ сообщаетъ Шафарику нѣсколько словъ о своемъ „дѣланіи", въ доказательство того, насколько дороги и обязательны для него завѣты учителя. „Въ преподаваніи, пишетъ онъ далѣе, положилъ я въ основаніе языковѣдѣніе и сравнительно съ древнимъ языкомъ прошелъ обозрѣніе югозападныхъ нарѣчій и теперь занимаюсь сѣверозападными. Исторію литературы понимаю болѣе въ сферѣ языковѣдѣнія, какъ исторію языковъ, и стараюсь постепенно знакомить съ памятниками языка въ дополненіе обозрѣній своихъ. Очеркъ путешествія своего по Европейской Турціи напечаталъ согласно съ желаніемъ и совѣтами вашими. Буду имѣть честь прислать вамъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь при накопленіи трудовъ, когда при этомъ предстоитъ мнѣ перемѣна поприща моего [1]), не могу вамъ дать отчета въ будущихъ своихъ предпріятіяхъ. Вообще хочу завѣрить, что, оставаясь вѣрнымъ филологическому направленію, котораго путеводителемъ вы, милостивый государь, буду усиливаться оправдывать свое призваніе посильными трудами". Въ заключительныхъ строкахъ письма Григоровичъ проситъ Шафарика не оставлять его вообще безъ своихъ наставленій и даетъ, согласно порученію Шафарика, извѣстіе о славянскихъ рукописяхъ своего собранія. „Осмѣлюсь, однакоже, предварить, что извѣстіе это, хотя бы и подробное, далеко не будетъ удовлетворять истинно ученымъ видамъ вашимъ, а виною тому самъ референтъ. Я, кажется, довольно ознакомился съ этими памятниками, многіе прочелъ отъ доски доски, изъ нѣкоторыхъ вычелъ больше то, что казалось мнѣ важнымъ, нѣкоторыя сравнилъ съ греческимъ текстомъ и поэтому могъ бы, кажется, доставить достаточныя свѣдѣнія, но частію образъ самаго чтенія, частію цѣль, предварительное ознакомленіе съ содержаніемъ, не обѣщаетъ важныхъ результатовъ для

[1]) Очевидный намекъ на предстоящій переѣздъ въ Москву.

испытательной учености. Сообщая общее обозрѣніе, думаю, что послѣ его, при возможности, можно будетъ дополнять частнымъ".

Драгоцѣнные памятники старославянской письменности, вывезенные Григоровичемъ изъ путешествія, имѣли особенное значеніе для разрѣшенія вопросовъ, коими занимался Шафарикъ. Обойтись безъ сообщеній, выписокъ и указаній Григоровича ему было невозможно. Извѣстно, что мысль Григоровича о большей древности глаголицы, высказанная имъ въ чтеніи: „О древней письменности славянъ [1]" была признана Шафарикомъ въ его статьѣ о глаголической письменности: „Pohled na prvověk hlaholského písemnictví", появившейся въ Часописи Музея (1852 г.), вслѣдъ за разсужденіемъ Григоровича. Въ переработкѣ ея, изданной въ слѣдующемъ году, Шафарикъ безпрестанно въ своихъ положеніяхъ опирался на открытія Григоровича. Въ „Памятникахъ глагольской письменности", изданныхъ Шафарикомъ, уже приведены были и отрывки изъ глаголическихъ рукописей Григоровича въ ихъ оригинальномъ видѣ. Впрочемъ, и до обнародованія этого труда Шафарикъ неоднократно пользовался рукописями Григоровича, въ своемъ изданіи древнихъ славянскихъ памятниковъ [2]).

Пражскіе глаголическіе отрывки Шафарикъ подготовляетъ къ изданію также при помощи Григоровича. 23 декабря н. ст. 1855 г. Шафарикъ спѣшитъ сообщить ему объ этомъ важномъ открытіи и вмѣстѣ съ тѣмъ навести справку относительно того, не найдется ли у Григоровича, въ его богатыхъ запасахъ, какихъ-либо разъясненій для пражскаго открытія. „Весь вопросъ о началѣ глаголицы и кириллицы требуетъ пересмотра. Когда-нибудь, пожалуй, и я чѣмъ-нибудь помогу рѣшенію его. Теперь еще нельзя. Если будетъ возможность вамъ подѣлиться кое-какимъ освѣщеніемъ фактовъ изъ вашихъ богатыхъ запасовъ, подѣлитесь: буду вамъ за это искренно благодаренъ. Въ особенности были бы для меня цѣнны справки о кирилловскихъ ру-

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1852, № 3.

[2]) Напр., „Законникомъ Душана" въ изд. Památky dřevního písemnictví jihoslovanův (1851 г.) и пр. Ср. М. П—ій, В. И. Григоровичъ. Слав. Обозр., 1892, т. II, стр. 66—67.

кописяхъ, въ которыхъ есть слѣды и доказательства того, что онѣ списаны были съ глаголицы, особенно о такихъ, которыя, по вашему мнѣнію, мнѣ неизвѣстны".

Чувство глубокаго уваженія къ трудамъ Шафарика побудило Григоровича въ тысячелѣтнюю годовщину изобрѣтенія славянской азбуки посвятить имени его изданіе: „Древне-словянскій памятникъ, дополняющій житіе слов. апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія" (1862). „Его воодушевленнымъ трудамъ, говорилъ Григоровичъ, мы обязаны наукою, начала которой внушены были ему изученіемъ памятниковъ словянскаго богослуженія". Шафарикъ завершилъ своею жизнью первое тысячелѣтіе сознательной жизни славянства, начатой св. братьями, и въ день, посвященный памяти ихъ, Григоровичъ почтилъ его „задушевнымъ словомъ", провозгласивъ вѣчную память его имени.

2.

Мы видѣли, съ какими затрудненіями встрѣтились наши первые профессора-слависты въ самомъ началѣ своей преподавательской дѣятельности. Средства, съ которыми имъ приходилось считаться, были самыя ничтожныя. То, что̀ испытывали славяновѣды чешскіе въ борьбѣ съ трудностями пріобрѣтенія русской книги, нынѣ въ той же степени стѣсняло первые шаги нашихъ славистовъ. Однимъ изъ весьма серьезныхъ препятствій въ развитіи нашихъ славянскихъ изученій являлось отсутствіе въ нашихъ университетахъ библіотекъ, которыя могли бы удовлетворить насущнѣйшимъ запросамъ новой у насъ науки. Естественны были поэтому заботы нашихъ первыхъ представителей ея объ устраненіи этого тормаза славянскихъ каѳедръ. Стремленіе ихъ организовать славянскія библіотеки въ нашихъ университетахъ находило, къ счастію, нѣкоторую поддержку со стороны учебныхъ властей.

Въ этомъ отношеніи особенно полезными для насъ были сношенія съ Ганкой. Образованіе первыхъ славянскихъ библіотекъ при московскомъ и петербургскомъ университетахъ тѣсно связано съ именами Ганки, Уварова, Погодина и Бодянскаго.

Переговоры Погодина съ Ганкой относительно покупки библіотеки послѣдняго относятся ко времени перваго посѣщенія Праги Погодинымъ. Въ декабрѣ 1835 г. Погодинъ, памятуя, очевидно, о предложеніи Ганки, проситъ его прислать каталогъ библіотеки въ Москву. Въ ожиданіи этого каталога онъ пишетъ Ганкѣ: „Я буду очень радъ, если смогу сдѣлать для васъ что-либо пріятное въ этомъ и во всякомъ другомъ случаѣ..." Но Ганка почему-то не представлялъ точныхъ свѣдѣній о предлагаемой имъ библіотекѣ, несмотря на неоднократныя напоминанія Погодина. Въ февралѣ 1837 года Погодинъ еще разъ напоминаетъ Ганкѣ: „Я нѣсколько разъ писалъ къ вамъ о библіотекѣ вашей. Прошу васъ покорнѣйше назначить хоть число вашихъ книгъ и рукописей, отмѣтить примѣчательнѣйшія изъ нихъ и увѣдомить меня, какую цѣну вы назначаете за нихъ, хотя бы чрезъ г. Шафарика. Я непремѣнно найду охотника купить или пріобрѣту для себя". Ганка на этотъ разъ отвѣчалъ скоро (19—31 марта 1837 г.), но ограничился лишь общими указаніями: „Чешскія книги мои, которымъ я до сихъ поръ росписи сдѣлать не успѣлъ, но, какъ только возможно будетъ въ нетопленой комнатѣ писать, сдѣлаю, составляютъ почти 500 томовъ, томиковъ и брошюръ. Рукописей въ нихъ уже нѣтъ, но нѣкоторыя очень рѣдкія инкунабулы..." Подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить Погодина. Поручая доброму расположенію и руководству Ганки отправлявшагося въ славянское ученое путешествіе Бодянскаго, Погодинъ выражаетъ въ этомъ рекомендательномъ письмѣ надежду хоть чрезъ него получить извѣстія о библіотекѣ и объ условіяхъ уступки ея [1]). Такимъ образомъ, при посредничествѣ Бодянскаго книги Ганки должны были перейти въ Москву. Ганка имѣлъ въ виду уступить свою библіотеку московскому университету, какъ наиболѣе надежному хранилищу его сокровищъ. Списокъ книгъ врученъ былъ Бодянскому, какъ кажется, въ самомъ началѣ пребыванія его въ Прагѣ [2]). Бодян-

1) Письмо Погодина къ Ганкѣ отъ 13 окт. 1837 г., въ бумагахъ Ганки.

2) Ср. письмо Ганки отъ 7 іюня 1840 г. къ Погодину.

скій немедленно препроводилъ его къ Погодину, для сообщенія попечителю университета, гр. Строгонову. Но дѣло почему-то не подвигалось впередъ, и Ганка понапрасну ждалъ отвѣта отъ Погодина. „Въ третій разъ, какъ Сибилла, повторяю вопросъ касательно судьбы моей библіотеки, потому что до сихъ поръ еще не получилъ отъ васъ никакого отвѣта на два первыя мои письма въ этомъ отношеніи", пишетъ онъ Погодину 26 дек. 1840 г. „Безъ сомнѣнія, не могу не желать, чтобы моя библіотека пришла въ руки, умѣющія цѣнить старопечатныя чешскія рѣдкости, и тѣмъ болѣе во владѣніе московскаго университета, который по своему мѣсту и призванію долженъ навсегда отличаться однимъ изъ главныхъ центровъ общеславянской учености..." Отсутствіе извѣстій относительно рѣшенія этого вопроса заставляло Ганку думать, что университетъ, пожалуй, уже отказался отъ намѣренія пріобрѣсти его библіотеку. Бодянскій успокаивалъ Ганку, что переговоры по этому дѣлу поручено вести Шевыреву, который на обратномъ пути изъ Мюнхена, гдѣ онъ разбиралъ библіотеку барона Молля [1]), долженъ былъ заѣхать въ Прагу и покончить дѣло. Но оказалось, что Шевыревъ во время пребыванія своего въ Прагѣ [2]) ничего не зналъ объ этомъ порученіи. „Съ тѣхъ поръ, жалуется Ганка Бодянскому 24 марта 1841 г., прошло опять немало времени; отъ проф. Погодина я не могу узнать ничего опредѣленнаго, такъ что не знаю, что̀ и думать. Если бъ наше дѣло было рѣшено, то я могъ бы съ того времени пополнить много недостающаго, но такъ я пополнилъ лишь кое-что, такъ какъ тратить деньги на книги, которыми я и безъ того могу пользоваться въ Музеѣ, не сообразно съ моими средствами".

Такая медлительность московскаго друга огорчала Бодянскаго [3]), а для Ганки была тѣмъ болѣе непріятна, что ему представлялся нынѣ случай продать библіотеку въ иныя руки. Въ одномъ изъ писемъ къ Иванишеву Ганка, очевидно, жаловался

---

[1]) Въ концѣ 1839 г. и началѣ 1840 г.

[2]) Шевыревъ расписался въ альбомѣ Ганки 22 іюня 1840 г.

[3]) Ср. письмо его къ Ганкѣ отъ 23 марта 1841 г.

на неудачу переговоровъ съ Москвой. Иванишевъ немедленно взялся помочь горю своего учителя и друга и нашелъ покупателя въ лицѣ барона Ст. Шодуара. „Вы пишете, извѣщаетъ онъ Ганку 17 авг. 1840 г., что московскій университетъ еще доселѣ не рѣшился обогатить себя ученымъ сокровищемъ, собраннымъ вами въ продолженіе долговременной вашей ученой жизни. Желая имѣть возможность пользоваться рѣдкостями вашей библіотеки, я предложилъ барону Шодуару, нашему ученому нумизматисту, пріобрѣсть вашу библіотеку. Онъ — страстный любитель всего славянскаго и, что̀ весьма важно, — очень богатый баронъ“. Шодуаръ поручилъ Иванишеву списаться съ Ганкой и узнать цѣну всей библіотеки. Но Ганкѣ не хотѣлось продавать свое собраніе въ частныя руки; онъ все ждалъ, что откликнется еще московскій университетъ. „Я отвѣтилъ Иванишеву, пишетъ онъ тогда Бодянскому, что продавать книги другому, пока не узнаю чего-либо опредѣленнаго изъ Москвы, было бы неприлично. Поэтому благоволите позаботиться о томъ, чтобы я поскорѣе получилъ отвѣтъ“. Ганка откровенно заявлялъ, что ему пріятнѣе было бы видѣть свои книги въ русской библіотекѣ, чѣмъ у француза, хотя бы и отличающагося славянскимъ образомъ мыслей [1]). Бодянскій вполнѣ раздѣлялъ желаніе Ганки. „Признаюсь, мнѣ самому также очень бы хотѣлось видѣть ваше собраніе славянскихъ книгъ у кого-либо изъ русскихъ или, по крайности, у какого-нибудь славянина. Будь я здоровъ и у себя на пепелищѣ, уже никому бы не допустилъ попользоваться этимъ сокровищемъ, и во что бы то ни стало быть бы ему моимъ [2])“. Но молчаніе Москвы заставляло все-таки серьезно подумать о предложеніи славянолюбиваго барона. „Хотя онъ и частное лицо, писалъ Ганка 26 дек. 1840 г. Погодину, и что̀ еще важнѣе — не природный русской, такъ что можетъ перевезти библіотеку изъ Россіи навсегда, однако, ожидая такъ долго отвѣта отъ васъ и теряя уже надежду передать свою библіотеку университету, не могу не подумать о продажѣ ея ба-

---

[1]) Чтенія, 1887, II, стр. 6.

[2]) Письмо отъ 23 марта 1841 г. изъ Фрейвальдау.

рону Шодуару“. И онъ проситъ Погодина дать ему наконецъ немедленный и рѣшительный отвѣтъ, будетъ ли его библіотека куплена университетомъ, или нѣтъ, и если будетъ, то когда именно. Обстоятельства не позволяли ему болѣе выжидать. Въ письмѣ къ Бодянскому отъ 16 апр. 1841 г. онъ какъ будто совершенно равнодушенъ къ странному молчанію Погодина, очевидно, равняющемуся отказу отъ первоначальнаго желанія. „Что касается моихъ книгъ, то я нисколько не боюсь убытковъ отъ нихъ, заявляетъ Ганка: съ распространеніемъ славизма прибываетъ и число любителей, и книги будутъ, чѣмъ дальше, тѣмъ драгоцѣннѣе“... Не желая уступать своей библіотеки, по приведеннымъ выше соображеніямъ, барону Шодуару, Ганка черезъ Иванишева надѣялся, повидимому, продать ее кіевскому университету, но и тутъ потерпѣлъ неудачу. Иванишевъ рѣшительно не совѣтовалъ ему „связываться съ нашими университетами“ вообще. „Вы уже испытали, писалъ онъ Ганкѣ 3 ноября 1840 г., что московскій университетъ нѣсколько лѣтъ торгуетъ вашу библіотеку, и все ничего не выходитъ. Кіевскій университетъ не купитъ, потому что нѣтъ у насъ для этого суммы...“ И Иванишевъ опять пытается убѣдить Ганку уступить библіотеку Шодуару: съ нимъ можно покончить дѣло гораздо скорѣе, а обширная и великолѣпная библіотека его, доступная всякому ученому, достойна принять собраніе Ганки. Лѣтомъ 1841 года Шодуаръ былъ въ Прагѣ. Коллекціи Ганки, очевидно, не переставали занимать его. Ганка 4 сент. 1841 г. извѣщаетъ объ этомъ посѣщеніи Срезневскаго и прибавляетъ: „Онъ хочетъ свои коллекціи древностей, монетъ и библіотеку (30 т. томовъ) открыть для публики и основать въ Кіевѣ Общество славянскихъ нарѣчій, исторіи и древности. Проектъ этотъ уже будто бы поддержанъ С. С. Уваровымъ предъ Государемъ. Если это будетъ утверждено, я съ радостью уступлю барону свою коллекцію чешскихъ книгъ“. При такомъ условіи собранію Ганки не могла, разумѣется, угрожать опасность разсѣянія или увоза за границу.

Былъ и еще одинъ любитель славянской книги, желавшій пріобрѣсти собраніе Ганки,—знаменитый авторъ „Чаромутія“ Платонъ Лукашевичъ, видѣвшій эту библіотеку, а именно—во вре-

мя пребыванія въ Прагѣ въ 1839 году, и теперь тоже вступившій въ переговоры съ Ганкой. Но Ганка былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи не уступать библіотеку частному лицу. Продолжительные и неудачные переговоры создаютъ новый планъ.

Отправляя 10 (22) мая 1841 года гр. Уварову экземпляры только что изданной ученикомъ его Іорданомъ Лужицкой грамматики, Ганка обращаетъ вниманіе его на этотъ трудъ и замѣчаетъ: „Тоже и изъ книги сей видно, что я еще не усталъ наслаждаться мыслію о учрежденіи мною предложеннаго славянскаго отдѣленія [1]), тѣмъ менѣе, когда воздвигаются катедры славянскихъ нарѣчій въ Парижѣ и у самыхъ непріязненныхъ славянству пруссаковъ, и когда и обстоятельства въ Россійской Академіи перемѣнились...“ Въ припискѣ, сдѣланной къ этому письму на слѣдующій день, Ганка добавляетъ, что у него имѣется „маленькая библіотека (circa 800 ex.) важнѣйшихъ сочиненій старой и новой литературы чешской“, которую онъ съ радостію готовъ былъ бы уступить предложенному имъ славянскому отдѣленію Академіи. „Г. проф. Погодинъ, разъясняетъ онъ далѣе Уварову все дѣло, хотѣлъ ее пріобрѣсти для московскаго университета, но теперь уже три года тому назадъ, и я не получаю въ отвѣтъ ни да, ни нѣтъ; слѣдовательно, мнѣ возможно съ нею располагать“. Отвѣта на это предложеніе, вѣроятно, не послѣдовало, ибо раньше покупки библіотеки Ганки необходимо было бы рѣшить вопросъ о славянскомъ отдѣленіи Академіи, а объ этомъ теперь, кажется, уже никто не думалъ.

Наконецъ Погодинъ откликнулся. Отвѣтъ, какъ слѣдовало ожидать, не порадовалъ Ганку,—напротивъ, вызвалъ понятное чувство досады. „Изъ Москвы пишетъ мнѣ относительно моей библіотеки проф. Погодинъ, дѣлится Ганка непріятною вѣстью съ Бодянскимъ (въ Фрейвальдау) 24 авг. 1841 г., чтобы я продалъ ее бар. Шодуару, если онъ желаетъ купить ее. Это однако не соотвѣтствуетъ моимъ намѣреніямъ. Я бы желалъ, чтобъ мою библіотеку и мало-по-малу и болѣе важныя книги другихъ славянъ пріобрѣлъ именно московскій университетъ, а не фран-

---

[1]) Проектъ этотъ мы сообщаемъ въ прилож., стр. XLIV.

цузъ, которому не сегодня, такъ завтра можетъ придти въ голову вернуться на родину. Чѣмъ такъ, я предпочелъ бы скорѣе пожертвовать ее какой-нибудь чешской школѣ, гдѣ она могла бы, по крайней мѣрѣ, послужить къ поощренію какого-нибудь даровитаго ученика..."

Ганка разразился тутъ цѣлой филиппикой противъ русскаго равнодушія къ славянству, не безъ злого намека на виновника всей неудачи: „Какъ замѣчаю, въ Россіи еще очень мало заботятся о славянствѣ; это видно изъ журналовъ, въ которыхъ не найдешь ни единаго слова о братскихъ народахъ, и писатели стараются доказать, что разумъ въ Россію пришелъ лишь отъ разбойниковъ-норманновъ [1]) и свирѣпыхъ монголовъ, какъ будто бы первое славянство было не что иное, какъ скотъ. Удивляйся потомъ простому люду, который, чтобы сбыть свои собственныя произведенія, долженъ выдавать ихъ за нѣмецкія..."

Ганка какъ бы окончательно отказывался отъ своего намѣренія. Дѣло о продажѣ библіотеки надолго заглохло. Прошло два года. Бодянскій вернулся въ Москву и тотчасъ же обратился къ гр. Строгонову съ вопросомъ по этому дѣлу. Для гра-

[1]) Противъ увлеченія русскихъ ученыхъ норманнскою теоріею возставали и другіе чешскіе ученые. Такъ, Я. Э. Воцель, реферируя въ Č. Č. Mus., 1847, str. 443—445, о спорѣ Погодина съ Максимовичемъ относительно происхожденія „Слова о полку Игоревѣ", замѣчаетъ, что объ этомъ литературномъ спорѣ онъ упоминаетъ единственно съ той цѣлью, чтобы показать читателямъ, какъ глубоко засѣла норманноманія въ головахъ ученыхъ и весьма заслуженныхъ людей на Руси. „Впрочемъ, въ новѣйшее время вниманіе ихъ обращается больше къ византійскимъ лѣтописямъ, изъ коихъ рускіе могутъ почерпать болѣе надежныя свѣдѣнія, чѣмъ изъ туманныхъ норманскихъ сказаній; взоръ ихъ обращается также и къ духовнымъ плодамъ прочихъ славянскихъ народовъ, и сквозь туманъ предразсудковъ, которыми особенно нѣмецкая философія затемнила русскія школы, начинаетъ прокладывать себѣ путь идея, что изслѣдователи сравненіемъ остатковъ старорусской поэзіи съ историческими пѣснями иллирскихъ славянъ и съ Краледворскою рукописью скорѣе доберутся до зерна правды, нежели заигрываніемъ (milkováním) съ переряженнымъ Оссіаномъ и съ исландскими сагами".

фа оно, вѣроятно, не было новостью. Еще въ бытность свою въ Прагѣ Бодянскій черезъ Погодина хлопоталъ у гр. Строганова о дозволеніи ему составить „отборную славянскую библіотеку“ для московскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ языковъ, исторіи, литературы и т. д. Онъ предлагалъ, въ случаѣ согласія графа на этотъ планъ, доставить и реестръ нужныхъ книгъ, составленный имъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ. Участіе Шафарика въ обсужденіи этого вопроса было лучшей гарантіей истинно цѣлесообразнаго рѣшенія его. „Безъ книгъ каѳедра не можетъ стоять“, убѣждалъ Бодянскій Погодина. „Скажутъ, можно будетъ послѣ ихъ выписать; но послѣ обойдется вдвое или даже и втрое дороже, и не такъ легко, какъ вообще думаютъ, составить избранную библіотеку...[1])“. Но хлопоты Бодянскаго тогда не увѣнчались успѣхомъ. Теперь дѣло могло рѣшиться проще и легче.

Какъ разсказываетъ Бодянскій въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 5 іюня 1843 г., гр. Строгоновъ согласился было на пріобрѣтеніе библіотеки Ганки. „Дѣло сейчасъ же хотѣли повершить, увѣряетъ Ганку Бодянскій, тѣмъ болѣе, что тутъ же случился на ту пору и самъ министръ просвѣщенія, который тоже далъ на это свое согласіе“. Но вскорѣ затѣмъ совершенно неожиданно дѣло это принимаетъ иной оборотъ. По случаю возвращенія Бодянскаго въ Москву Шевыревъ, завѣдывавшій во время отсутствія Погодина его Москвитяниномъ, напечаталъ въ послѣднемъ замѣтку, въ коей, между прочимъ, по выраженію Бодянскаго, „въ порывѣ радости и славянскаго чувства тиснулъ“, что Бодянскій привезъ съ собою славянскую библіотеку въ пять тысячъ книгъ! „Разумѣется, говоритъ Бодянскій, это извѣстіе было слишкомъ преувеличено: вмѣсто трехъ тысячъ очутилось еще двѣ. Богъ знаетъ, отчего это такъ случилось: не дослышалъ ли онъ, или переслышалъ, только вѣсть объ этомъ была пущена въ православный народъ, и ужъ было поздно ее поправлять“. Библіотека Бодянскаго „сильно взманила“ гр. Строгонова, который съ тѣхъ поръ не давалъ ему покоя „ухаживаніемъ за

---

[1]) Письмо къ Погодину отъ 20 февр. 1838 г.

ней“, пока наконецъ онъ, „соображая все хорошенько“, не рѣшился уступить ее родному университету за ту же цѣну, за какую пріобрѣлъ самъ. Пріобрѣтеніе библіотеки Бодянскаго лишало, такимъ образомъ, университетъ возможности пріобрѣсти какую-либо другую библіотеку. Такъ ли произошло все это на самомъ дѣлѣ,—рѣшить трудно. Бодянскій, впрочемъ, самъ открываетъ намъ отчасти побужденія, по коимъ онъ рѣшилъ разстаться съ своими книгами. „Намѣреніе мое, разъясняетъ онъ Ганкѣ, было однимъ разомъ привесть университетъ въ возможность имѣть довольно значительную библіотеку по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Иначе пришлось бы долго дожидаться составленія ея на ежегодно отпускаемыя для того деньги (какихъ-нибудь 500—700 рублей бумажками)“. Библіотека Ганки была, какъ мы видѣли, и не столь обширна и не въ такой степени разнообразна: она состояла, несомнѣнно, почти исключительно изъ книгъ чешскихъ [1]) или до Чехіи относящихся (bohemica) и поэтому едва ли могла имѣть для новой каѳедры то значеніе, какое дѣйствительно имѣла общеславянская библіотека Бодянскаго [2]).

Уступая свою библіотеку университету, Бодянскій выговорилъ себѣ однако два весьма важныхъ условія: 1) библіотека всегда должна была оставаться подъ его непосредственнымъ завѣдываніе и даже ключемъ, пока Бодянскій будетъ состоять профессоромъ въ Москвѣ; 2) всѣ книги по части славяновѣдѣнія, назначаемыя Бодянскимъ каждогодно для умноженія библіотеки, покупаются безпрекословно на указанныя выше средства. Второе условіе было особенно важно: оно давало возможность постоянно расширять коллекцію Бодянскаго, и онъ немедленно пожелалъ воспользоваться этимъ правомъ. Онъ задумалъ пріобрѣсти для университета мало-по-малу и библіотеку Ганки. О своемъ планѣ онъ пишетъ Ганкѣ 5 іюня 1843 г.: „Я слышалъ отъ

[1]) По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, послѣ покупки библіотеки Бодянскимъ, въ спискѣ недостававшихъ книгъ, въ письмѣ отъ 8 апр. 1846 г., значатся, за незначительными изъятіями, только чешскія книги. Письмо—въ бумагахъ Ганки.

[2]) Опись библіотеки Бодянскаго дѣйствительно свидѣтельствуетъ о ея разнообразіи. См. Письма къ Погодину, стр. 31, примѣч.

васъ не разъ, что ваше единственное желаніе—передать свою библіотеку въ нашу Бѣлокаменную, гдѣ она больше, чѣмъ въ другомъ какомъ мѣстѣ святой Руси, можетъ быть полезной. Поэтому, не угодно ли вамъ будетъ уступить мнѣ ее? Вы меня, конечно, понимаете,—поясняетъ онъ Ганкѣ свой планъ: со временемъ я все, чего нѣтъ теперь въ моей библіотекѣ, передамъ въ нее понемножку за тѣ деньги, которыя отпускаются каждогодно на покупку славянскихъ книгъ, и такимъ образомъ ваша и моя цѣль осуществятся какъ нельзя лучше, то есть доставить университету московскому возможно лучшую и полную славянскую библіотеку въ самое скорѣйшее время. Пріобрѣтеніе же одной изъ нихъ, конечно, далеко было бы не то, что соединеніе ихъ обѣихъ этакимъ образомъ". Такова была „истинно-славянская" цѣль Бодянскаго. Однимъ изъ побужденій, создавшихъ этотъ планъ, было, вѣроятно, и желаніе уничтожить или хоть нѣсколько загладить непріятныя воспоминанія, сохранившіяся у Ганки отъ времени безплодныхъ переговоровъ съ нимъ Погодина. Лишившись невольно своей библіотеки и доставивъ передачей ея университету средства учащимся и каждому славянолюбцу заниматься славянствомъ, Бодянскій долженъ былъ подумать и о себѣ, о составленіи, взамѣнъ уступленной, по крайней мѣрѣ—избранной славянской библіотеки, въ которой находились бы важнѣйшія сочиненія по славяновѣдѣнію, и которая составляла бы собой его „vademecum".

Ганка отвѣчалъ на предложеніе Бодянскаго 4-го іюля 1843 г. Начавъ съ упрековъ русскому обществу въ отсутствіи интереса къ славянству и ничтожномъ знакомствѣ съ нимъ, Ганка указалъ на свои заботы о „практической пользѣ" во взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ, на свое вліяніе въ этомъ направленіи на Коллара, высказавшаго эти идеи печатно. „Мнѣ очень было бы желательно, заключалъ Ганка свой отвѣтъ, чтобы мои книги достигли практической цѣли, и по этой причинѣ я хотѣлъ, чтобы онѣ были у васъ. Мнѣ, конечно, было непріятно, что дѣло такъ глупо затягивается, и что послѣ долгаго ожиданія я получилъ отказъ; мнѣ и теперь это непріятно, особенно потому, что я съ тѣхъ поръ могъ пополнить библіотеку мно-

жествомъ хорошихъ сочиненій..." Но этому намѣренію препятствовало отсутствіе денегъ. „Deficiente pecu—deficit omnenia", повторялъ Ганка свою любимую поговорку. Между тѣмъ, вслѣдствіе усиленія славянскаго самосознанія число любителей старыхъ славянскихъ книгъ увеличивалось, книги дѣлались все болѣе рѣдкими и дорогими, добывать ихъ становилось труднѣе. Ганка искренно обрадовался предложенію Бодянскаго и согласился на его требованіе—исключить изъ списка книги, не имѣющія никакой связи съ славянствомъ, какъ, напр., сочиненія французскія, итальянскія, испанскія и пр., внесенныя Ганкою въ первый каталогъ, когда-то посланный Бодянскимъ въ Москву. „Что мнѣ и другимъ, подобнымъ мнѣ, до этихъ инородцевъ?" говорилъ Бодянскій. „Намъ подавайте нашихъ, хоть въ рубищахъ и даже какъ мать народила, только бы нашихъ!" Библіотека оцѣнена была Ганкою въ тысячу гульденовъ, при чемъ онъ обѣщалъ присоединить къ ней еще „порядочное количество" книгъ, собранныхъ имъ за время продолжительныхъ, но безплодныхъ переговоровъ. Бодянскій ликовалъ и радостно благодарилъ Ганку: „Спасибо вамъ, достопочтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, за вашу истинно славянскую готовность на мое предложеніе, спасибо, сто разъ спасибо вамъ отъ всей души!... Зная ваше расположеніе къ нашей Матушкѣ, я почти былъ увѣренъ впередъ въ вашемъ согласіи. Благодарю отъ всего сердца васъ за такое предпочтеніе нашей Бѣлокаменной. Смѣю сказать, что едва ли гдѣ было бы приличнѣе вашей библіотекѣ мѣсто, какъ у насъ, въ сердцѣ Руси, и едва ли кто извлечетъ изъ нея столько пользы, какъ москвичи..." Немедленно же высланъ былъ Ганкѣ, согласно его требованію, вексель на всю назначенную имъ сумму. Бодянскій просилъ его поспѣшить какъ можно скорѣе высылкой книгъ въ Москву.

Но съ злосчастной библіотекой произошло нѣчто совершенно неожиданное. 12-го іюля 1843 г. Ганка сообщаетъ Бодянскому слѣдующее: „Вчера, въ то самое время, когда я приводилъ немного въ порядокъ предназначенныя для васъ книги, пришелъ ко мнѣ Сергій Семеновичъ и спросилъ, чѣмъ я занятъ. Я сказалъ ему, въ чемъ дѣло, а онъ сейчасъ говоритъ, что

у васъ хоть что-нибудь уже есть, между тѣмъ какъ они въ Питерѣ не имѣютъ ничего, и сталъ просить меня уступить книги имъ. Я, конечно, отговаривался, ссылаясь на данное вамъ мной слово, на что онъ: „Пустяки, я беру все на себя и улажу дѣло съ нимъ". Меня онъ просилъ немедленно написать вамъ объ этомъ... Итакъ, не вините въ этомъ меня: я только чистосердечно сказалъ всю правду, не думая, чтобъ дѣло могло принять такой оборотъ. Далѣе сопротивляться я не могъ, а то было бы наконецъ несогласно съ вѣжливостью..." Библіотека уходила изъ рукъ Бодянскаго, очевидно, вся, цѣликомъ, ибо въ заключеніе Ганка прибавлялъ: „Если могу служить вамъ чѣмъ-нибудь другимъ, то сдѣлаю это съ удовольствіемъ: потрудитесь прислать мнѣ заглавіе книгъ, которыя уже у васъ есть,—я постараюсь дополнить, что̀ нужно".

Какъ отнесся къ этому сообщенію Бодянскій, мы не знаемъ; но Ганка мучился этою своею безтактностью. Письмо къ Бодянскому отъ 14 августа 1843 г. полно извиненій по поводу вынужденной уступки книгъ Уварову: „Вы не повѣрите, какъ мнѣ было васъ жаль по полученіи вашего письма, когда я подумалъ, что мое письмо, пожалуй, вслѣдъ затѣмъ испортило всю вашу радость. Но скажите, какъ я могъ отказать Сергію Семеновичу, котораго всякій славянинъ долженъ столь почитать за его необыкновенное рвеніе; какъ могъ я отказать ему, когда онъ такъ любезно явился ко мнѣ съ первыми оттисками Реймскаго и Остроміровa Ев. и съ другими дарами русской литературы".

Сожалѣя о непріятности, причиненной Бодянскому, Ганка оправдываетъ однако свой поступокъ болѣе широкимъ кругомъ вліянія Уварова и утѣшаетъ Бодянскаго тѣмъ, что онъ знаетъ о существованіи у двухъ хорошо ему знакомыхъ священниковъ собраній книгъ, которыя вполнѣ удовлетворятъ его. Вдобавокъ и самъ Уваровъ обѣщалъ удовлетворить его за понесенную потерю.

Въ ноябрѣ 1843 г. Бодянскій получилъ наконецъ книги отъ Ганки,—конечно, не тѣ, которыхъ онъ ожидалъ. „Пражскія гостьи" обрадовали, однако, его несказанно. „Признаюсь, многія изъ нихъ—красавицы первостатейныя, другія—просто милы и любезны, и только немногія—средней руки", востор-

гался онъ своимъ „изящнымъ сералемъ“ и расточалъ пражскому доброжелателю обильные комплименты. „Вы—мастеръ первой величины въ отысканіи подобнаго рода сокровищъ“, благодарилъ онъ Ганку. „Зато память о васъ сохранится у владѣющаго имъ навсегда, и онъ, взявши въ руку то или другое, непремѣнно припомнитъ себѣ человѣка, доставившаго это, и благословитъ его сторицей...“

Переписка Бодянскаго съ Ганкою, по полученіи книгъ въ Москвѣ, надолго пріостановилась. Только 8 апр. 1846 г. Бодянскій отозвался вновь: „Давно уже не писалъ я вамъ ничего, незабвенный Вячеславъ Вячеславичъ, кажется,—года два или около этого, хотя бы слѣдовало нѣсколько разъ то сдѣлать не только по старой памяти, но еще и по нашимъ особеннымъ книжнымъ сношеніямъ...“

Послѣднія оказались въ большомъ непорядкѣ. Разобравши полученныя отъ Ганки книги, Бодянскій убѣдился, что многаго изъ числившагося въ первоначальномъ реестрѣ не оказалось въ собраніи; въ числѣ недостававшихъ книгъ имѣлись рѣдкости, „перлы“, о потерѣ коихъ особенно горевалъ Бодянскій. Письмо отъ 8 апр. 1846 г. заключало длинный перечень всего недоставленнаго Ганкою.

„Я знаю, говорилъ Бодянскій, что вы можете мнѣ сказать: „Вѣдь я вамъ послалъ книгъ даже больше противу каталога“. Такъ, но это большинство очень нерадостно для меня и вовсе не замѣняетъ того, что̀ въ немъ прежде было, особливо нѣкоторыхъ книгъ. Неужто мнѣ не суждено ихъ видѣть у себя? А я такъ младенчески радовался на нихъ, пріобрѣтая вашу библіотеку“.

Бодянскій проситъ Ганку „вразумить“ его, разсѣять его думы,—вѣдь изъ-за этого могутъ произойти какія-либо „недоразумѣнія и поклепы“, которыхъ между друзьями никогда не было и не должно быть. „Грѣхъ невѣдѣнія — все-таки грѣхъ, а мнѣ, какъ христіанину, не хотѣлось бы грѣшить, особливо въ этомъ случаѣ и именно къ вамъ, коимъ столько безконечно былъ и, вѣрно, буду впередъ обязанъ...“ Ганка немедленно изъявилъ готовность восполнить недостающее, но не преминулъ при этомъ замѣтить, что старыя чешскія книги нынѣ стали значительно до-

роже, какъ предсказывалъ онъ раньше. Практическій Бодянскій на это основательно возражалъ, что вѣдь сдѣлка его съ Ганкой состоялась совсѣмъ не въ дорогое время, при чемъ объ измѣненіяхъ въ реестрѣ онъ вовсе не былъ извѣщенъ ни при сдѣлкѣ, ни при посылкѣ самыхъ книгъ и узналъ о нихъ только при провѣркѣ списка съ наличнымъ. Между тѣмъ, съ своей стороны, Бодянскій во-время и вполнѣ сдержалъ договоръ. Впослѣдствіи Ганка послалъ Бодянскому, вмѣстѣ съ экземплярами Сазаво-Эмаузскаго Ев. и Началъ свящ. языка, особый ящикъ дополненій недостававшихъ книгъ, но ящикъ, адресованный на имя Н. Г. Устрялова въ Петербургъ, гдѣ-то затерялся, и Бодянскій долго не могъ получить его. Неизвѣстность томила Бодянскаго. „Что за таинственность?“ спрашиваетъ онъ Ганку. „Пожалуйста, почтеннѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, растолкуйте мнѣ это...“ И Ганка и Бодянскій одинаково огорчались возможностью потери. „Это была бы невознаградимая потеря книгъ, которыя врядъ ли гдѣ можно купить“, сожалѣлъ Ганка. А Бодянскій прямо молилъ Ганку принять мѣры для разысканія злополучной посылки. Наконецъ ящикъ отыскался и дошелъ до рукъ Бодянскаго. Онъ извѣстилъ объ этомъ Ганку, не преминувъ однако еще разъ подчеркнуть, что и теперь въ посылкѣ „кой чего не досчитался съ росписью“. „Дѣло наше покончено. Аминь!“ заключалъ онъ однако послѣднія строчки столь долгихъ переговоровъ.

3.

Съ тою же цѣлью содѣйствовать распространенію у насъ свѣдѣній о славянствѣ Бодянскій, тотчасъ же по возвращеніи въ Москву, приступаетъ къ переводу знаменитой „Славянской Народописи“ Шафарика. „Славянская Народопись“ вышла въ Прагѣ въ 1842 г. Изданіе состоялось при субсидіи нашей Академіи [1]). Какъ извѣстно, оно разошлось въ Прагѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Второе изданіе вышло еще въ томъ же го-

[1]) Письма Шафарика къ Бодянскому, стр. 146.

ду. Шафарику очень хотѣлось увидѣть новый трудъ свой въ русскомъ переводѣ. Онъ предлагалъ Погодину посылать ему Народопись по листамъ, для того чтобы переводъ ея поскорѣй могъ быть напечатанъ въ Москвитянинѣ. Но, къ сожалѣнію, въ Москвѣ не было подходящаго переводчика. Шафарикъ сталъ какъ бы безпокоиться за судьбу своей книги и спрашиваетъ Погодина 16 февраля 1842 г. н. ст.: „Кто же будетъ переводить ее съ чешскаго въ Москвѣ?" Онъ расчитывалъ, несомнѣнно, на Бодянскаго, но Бодянскій лѣчился въ Фрейвальдау, былъ „инвалидомъ". Однако, 9 апрѣля 1842 г. Бодянскій самъ предложилъ Шафарику свои услуги,—впрочемъ, не раньше, какъ по возвращеніи въ Россію. Посылая въ Москву для Погодина и Бодянскаго пятьдесятъ экземпляровъ второго изданія Народописи, Шафарикъ проситъ Бодянскаго не откладывать перевода ея на русскій языкъ, но поохотнѣе приняться за дѣло. „Нѣкоторыя мелкія ошибки въ русскомъ отдѣлѣ можете безъ возраженій сами исправить. Третьяго изданія ждать было бы долго, а книжка можетъ и такъ, какъ она есть, сослужить добрую службу", пишетъ Шафарикъ 9 октября 1842 г. Бодянскому, который только-что вернулся изъ своего путешествія. Бодянскій былъ, конечно, наиболѣе, подходящимъ человѣкомъ для выполненія этой задачи: за нимъ была уже заслуга перевода Славянскихъ Древностей, правда, не особенно точнаго и изящнаго, но больше по винѣ издателя, нежели самого переводчика. Второй опытъ перевода съ чешскаго языка, послѣ продолжительнаго пребыванія Бодянскаго въ Чехіи, долженъ былъ выйти значительно удачнѣе. Бодянскій за это время основательно изучилъ чешскій языкъ. „Я теперь до того успѣлъ въ чещинѣ, писалъ онъ какъ-то Погодину [1]), что, отбросивъ всякое чванство и хвастовство, говорю по-чешски, какъ будто бы здѣсь народился: это я и самъ чувствую, и отзывы другихъ увѣряютъ меня въ томъ". Шафарикъ не могъ, слѣдовательно, желать лучшаго и болѣе подготовленнаго переводчика своей замѣчательной книги. Къ тому же нѣкотораго рода нравственный долгъ побуждалъ Шафарика избрать именно Бо-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20 февраля 1838 г.

дянскаго, просить его объ этой дружеской услугѣ, разъ имѣлось въ виду русское изданіе Народописи. Бодянскій былъ однимъ изъ весьма полезныхъ сотрудниковъ Шафарика, онъ сообщилъ ему много цѣнныхъ указаній по части малорусскаго нарѣчія, сдѣлалъ рядъ поправокъ къ первому изданію Народописи.

Къ желанію своего учителя онъ отнесся внимательно и немедленно принялся за дѣло. Переводъ Народописи первоначально появился въ Москвитянинѣ Погодина (1843 года, кн. I—V) [1]).

Съ новымъ трудомъ Шафарика Погодинъ имѣлъ возможность познакомиться во время шестинедѣльнаго, совмѣстнаго съ Шафарикомъ, пребыванія лѣтомъ 1842 г. въ Маріенбадѣ, гдѣ онъ „выслушалъ отъ него цѣлый курсъ славянскихъ древностей и новостей"; но о приготовленіяхъ Шафарика къ этому труду Погодинъ зналъ и изъ бесѣдъ съ нимъ и по перепискѣ значительно раньше. Еще въ 1835 году Шафарикъ, собиравшій матеріалы для славянскаго народоописанія, желалъ почерпнуть коекакія свѣдѣнія касательно русскихъ нарѣчій и говоровъ изъ бесѣдъ съ Погодинымъ. „Онъ спрашивалъ меня, говоритъ Пого-

[1]) О выходѣ чешскаго изданія русскому обществу сообщалъ Погодинъ въ Москвитянинѣ, 1842, № VII, стр. 232: „Недавно въ Прагѣ вышла Славянская этнографія Шафарика съ картою: все изданіе разошлось въ два дня, такъ что не осталось ни одного экземпляра. Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное этимъ сочиненіемъ. Мы надѣемся, обѣщалъ Погодинъ, представить нашимъ читателямъ отчетъ въ этомъ замѣчательнѣйшемъ явленіи современной славянской литературы". Погодинъ знакомилъ и раньше читателей своего журнала съ этнографіей славянъ. Въ Москвитянинѣ уже въ 1841 г., № 3, стр. 460—475, напечатана была статья, подъ заглавіемъ: „Этнографія. Славянскія племена", переведенная Пельтомъ „изъ разныхъ отмѣтокъ" и дополненная самимъ Погодинымъ. Она состояла изъ трехъ очерковъ: 1) Чехи (обозрѣніе дѣятельности выдающихся писателей), 2) Словакія и 3) Сербы (иллирійцы). Въ 1842 г. въ Москвитянинѣ, № 9, слав. изв., стр. 279, Погодинъ помѣстилъ: „Народосчисленіе Словенскихъ племенъ въ Европѣ по Шафарику". Объявленіе о подпискѣ на новое сочиненіе Шафарика „Славянская этнографія", съ изложеніемъ въ общихъ чертахъ содержанія этого труда, помѣстила и варшавская Денница, 1842, стр. 106—107.

динъ въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, объ отмѣнахъ грамматики малороссійской, бѣлорусской, о нарѣчіи архангельскомъ, новгородскомъ, и я, краснѣя, долженъ былъ отвѣчать ему, что на этотъ предметъ до сихъ поръ у насъ не обращали еще вниманія, и что только книжный языкъ получилъ недавно хорошія грамматики отъ гг. Греча, Востокова, Калайдовича [1])".

Шафарикъ и въ письмахъ неоднократно обращался къ Погодину за указаніями по части русской этнографіи и діалектологіи. Такъ, 23 мая 1836 года онъ еще разъ повторяетъ свою убѣдительнѣйшую просьбу о точнѣйшемъ изслѣдованіи, опредѣленіи и классификаціи русскихъ нарѣчій и изготовленіи этнографической карты Европейской Россіи, преимущественно къ славянскимъ племенамъ ея. „Я не могу выразить вамъ, говоритъ онъ Погодину, какъ занимаетъ меня это дѣло безпрестанно. Пріуготовительныя работы съ тѣхъ поръ значительно размножились. Славянскую Россію предоставляю совершенно вамъ. Только не медлите и не откладывайте. Вы увидите, сколько предстанетъ здѣсь трудностей и сколько понадобится времени и труда на такую работу. Напишите мнѣ, сдѣланъ ли шагъ? [2])". Но Погодинъ не могъ исполнить этого желанія Шафарика, „не имѣя нужныхъ на то познаній, ни средствъ, ни времени". „Я послалъ ему, замѣчаетъ Погодинъ въ припискѣ къ этому письму Шафарика, только краткое извѣстіе о разселеніи литовскаго племени изъ письма Ходаковскаго и малороссійскаго — въ письмахъ О. М. Бодянскаго". Особенно занимало Шафарика точное опредѣленіе границъ, съ одной стороны, между языками русскимъ и финскимъ на сѣверѣ, съ другой—между русскимъ и татарскимъ и тюркскими на востокѣ. Онъ проситъ (19 декабря 1836 г.) Погодина прислать ему карту сѣверо-восточной Россіи, но, очевидно, ничего отъ него не получилъ, такъ какъ 2 апрѣля 1837 г. повторяетъ опять ту же просьбу въ письмѣ къ Кеппену и высказываетъ сожалѣніе, что нѣтъ въ Петербургѣ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1835, ч. VII, отд. V, стр. 54.

[2]) Письма къ Погодину, стр. 173. Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XIV, отд. IV, стр. 278.

Шегрена, который лучше всего могъ бы сдѣлать опредѣленіе границы между языкомъ русскимъ и финскимъ [1]).

Чтобы удовлетворить запросамъ Шафарика, Погодинъ обратился къ Бодянскому, и по порученію его Бодянскій 26 апр. 1836 года отвѣчаетъ въ обширномъ письмѣ [2]) на вопросы Шафарика „о главнѣйшихъ языкахъ Россіи, т. е. объ языкѣ велико-россійскомъ, мало-россійскомъ и бѣло-русскомъ, пространствѣ земель, обхватываемомъ каждымъ изъ нихъ, отличительныхъ свойствахъ, ихъ нарѣчіяхъ и т. п.“ „Я очень радъ буду, говоритъ Бодянскій, если сколько-нибудь удовлетворю ваше желаніе своимъ посильнымъ рѣшеніемъ вашего вопроса; впрочемъ, напередъ оговариваюсь, что я ничего не могу сказать вамъ новаго о нарѣчіяхъ велико-росс. языка: новгородскомъ, суздальскомъ, олонецкомъ и т. п.: нарѣчія эти пока и для насъ—темна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Я сумѣлъ бы наговорить вамъ многое множество объ этихъ нарѣчіяхъ, особенно объ языкѣ бѣло-русскомъ, тѣмъ болѣе, что пѣсенъ на этомъ послѣднемъ имѣется у меня довольно порядочное собраніе (около 2500); но въ дѣлахъ подобнаго рода я положилъ себѣ правиломъ: не произносить своего суда о томъ, чего самъ не имѣлъ случая видѣть, слышать, провѣрить на туземьѣ: вѣдь страны то эти не за горами? Авось, рано-поздно, приведетъ Богъ побывать тамъ, прислушаться, наглядѣться, свѣрить, перевѣрить вычитанное и перенятое отъ другихъ и тогда уже подвесть конечный итогъ. Итакъ, я буду говорить съ вами только о томъ, что, по моему мнѣнію, знаю сколько-нибудь; слѣдовательно—объ языкѣ мало-россійскомъ и его нарѣчіяхъ, какъ мало-россіянинъ. Не считаю нужнымъ толковать съ вами о томъ, что языкъ южныхъ руссовъ (мало-р.) столько же древенъ, какъ и языкъ сѣверныхъ руссовъ (велико-р.), если только еще не древнѣе; по крайней мѣрѣ, касательно письменныхъ памятниковъ, въ коихъ легко можно замѣтить его присутствіе; ни о томъ, что онъ столько же самостоятеленъ, столько же языкъ, какъ и языкъ велико-р., съ

---

[1]) Изв. И. А. Н. по отд. р. яз., 1901, кн. II, стр. 215.

[2]) Это было первое письмо Бодянскаго къ Шафарику.

которымъ у него то лишь и общаго, что оба они языки славянскіе; тѣмъ менѣе считаю нужнымъ говорить съ вами о томъ, что будто бы языкъ этотъ—нарѣчіе велико-р., или что хуже и смѣшнѣе всего—польскаго, какая-то смѣсь перваго съ послѣднимъ... Равно не стану вычислять вамъ и его сходства, близкаго-отдаленнаго, съ другими славянскими языками, его отношеній, разницы и т. п. Разсуждать объ этомъ съ вами, такъ коротко знакомымъ со всѣми языками славянскими, было бы съ моей стороны не только смѣшно, но просто ребячество, незнаніе, съ кѣмъ дѣло имѣешь. Вы сами уже, въ своей И. Л. и Сл. Я., отчетливо означили мѣсто жительства южно-руссовъ, въ пространномъ и тѣсномъ смыслѣ; только, по моему мнѣнію, слѣдуетъ исключить отсюда губерніи: орловскую, рязанскую и тамбовскую: границы ихъ издревле были границами Сѣверной Руси съ Южною. Далѣе: южно-русскій языкъ начинается не съ средины Галиціи, но какъ карпатороссы, такъ и русснаки, живущіе въ с.-в. Венгріи, говорятъ тоже, если не языкомъ малоросс., такъ его нарѣчіемъ, или лучше: быть можетъ, ихъ то языкъ и былъ когда-то первобытнымъ языкомъ теперешнихъ мало-россіянъ, потому что заселеніе южной Руси, по всѣмъ догадкамъ, чуть ли не отъ Карпатъ и изъ-за Карпатъ производилось. Теперь же языкъ русснаковъ закарпатскихъ, карпатскихъ и галиційскихъ, равно руссовъ Западной Украйны (на правой сторонѣ Днѣпра), задеснянцевъ и т. д., суть нарѣчія мало-россійскаго языка, того, которымъ говорятъ въ Вост. Украйнѣ или на лѣвой сторонѣ Днѣпра, т. е. въ губ.: полтавской (сердцѣ чистаго, настоящаго мало-р. яз.), черниговской (по Десну и Сеймъ), слободско-украинской (въ западныхъ уѣздахъ), екатеринославской (въ сѣв.-зап. уѣздахъ), на Черноморьѣ, въ Азовѣ и Анапѣ (у запорожцевъ), отчасти въ приднѣпровскихъ уѣздахъ кіевской губ. Великое пространство захватили себѣ южные руссы; ихъ родина не уступаетъ родинѣ сѣверныхъ руссовъ; число ихъ не меньше числа послѣднихъ; что же касается до исторіи, то въ исторіи руссовъ юга гораздо болѣе движенія и жизни, чѣмъ въ исторіи руссовъ сѣвера. Причина? Причина та, что тамъ дѣйствовалъ народъ всею массою своею, а здѣсь—только госу-

дари; народъ же оставался празднымъ, зная о томъ или другомъ событіи лишь по насылавшимся грамотамъ да церковнымъ молебствіямъ и т. п., исключая весьма немногихъ происшествій, въ которыхъ принималъ онъ прямое участіе, и которыя, какъ исключеніе, не мѣшаютъ главному положенію быть справедливымъ..."

Оставивъ на время въ сторонѣ главный предметъ своего письма, Бодянскій нѣсколько удаляется въ сторону и говоритъ о духѣ, характерѣ и отличительныхъ свойствахъ пѣсенъ велико- и малорусскихъ, при чемъ возражаетъ Шафарику на его мнѣніе, высказанное въ Исторіи слав. литературъ, будто бы характеръ народныхъ мало-россійскихъ пѣсенъ всякаго рода вообще—элегическій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ проходитъ съ Шафарикомъ „этимологію южнорусскаго языка, чтобы, такимъ образомъ, отыскать тѣ отличительныя, ему одному приличныя свойства, какими онъ разнится отъ языковъ прочихъ славянъ, указывая тутъ же и на характеристическіе признаки его нарѣчій".

„Буде признаете вы нужнымъ, заключаетъ Бодянскій свое обширное письмо, отвѣчать мнѣ письменно, въ такомъ случаѣ я просилъ бы васъ писать мнѣ на языкѣ чешскомъ: это для меня будетъ пріятнѣе всего; у насъ такъ рѣдки книги западныхъ славянъ, такъ мало случаевъ, при всемъ желаніи, при всей ревности и стойкости, изучать языки нашихъ однородцевъ, что мы обыкновенно дорожимъ всѣмъ, что только малѣйше имѣетъ отношеніе къ этому предмету".

Второе письмо Бодянскаго къ Шафарику, отъ 23 авг. 1836 г., имѣло своимъ предметомъ „характеристическія отличія малорусскихъ склоненій именъ существительныхъ, прилагательныхъ, увеличительныхъ и уменьшительныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, включительно до глаголовъ".

„Здѣсь придется мнѣ многое повторять изъ того, что я сказалъ уже, говоря объ азбукѣ, но что же дѣлать? Всего вдругъ не сообразишь, особливо тамъ, гдѣ самому должно пролагать дорогу, собирать матеріалы, приводить ихъ въ порядокъ, дѣлать надъ ними наблюденія и потомъ выводить общія и частныя пра-

вила. Впрочемъ, я пишу не систему,—еще время впереди, когда вся эта пестрая разнобоярщина можетъ быть приведена въ стройное цѣлое; подождите годика два—три, и я подарю васъ систематической Сравнительной Грамматикой мало-россійскаго языка съ прочими славянскими языками, равно какъ и такимъ же Словаремъ, изъ коихъ первая доведена уже до глаголовъ, а второй—до буквы *к*.“ Письма Бодянскаго о малороссійскомъ языкѣ Шафарикъ находилъ столь превосходными, что желалъ распространенія изслѣдованій его на бѣлорусское, новгородское и прочія нарѣчія. Отъ Бодянскаго онъ ожидалъ систематическаго и полнаго обозрѣнія и характеристики русскихъ нарѣчій и говоровъ [1]).

Русскіе друзья Шафарика, благодаря заботамъ Погодина, постоянно снабжаютъ его необходимыми для полноты и надежности свѣдѣній Народописанія матеріалами. Такъ, Титовъ, русскій консулъ въ Солунѣ, посылаетъ Шафарику небольшую записку, озаглавленную: „Des peuples Slaves, qui habitent l'empire Ottoman (Salonique, le 16—28 Février 1837) [2]). 17 ноября 1841 года Мурзакевичъ посылаетъ Шафарику свѣдѣнія о названіяхъ болгарскихъ колоній въ херсонской губерніи и бессарабской области. „Всѣ названія селъ, число ихъ и проч. собраны мною очень вѣрно, и прошу имъ вѣрить безусловно“, убѣждаетъ онъ осторожнаго Шафарика. Но сообщеніями Мурзакевича Шафарикъ не могъ уже воспользоваться для перваго изданія Народописи, и они помѣщены были только во второмъ изданіи ея [3]).

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 186.

[2]) Записка хранится въ бумагахъ Шафарика, съ собственноручной надписью его: „Posláno od p. Titowa z Carhradu w měs. Čerwenci 1837“.

[3]) Въ прибавленіяхъ къ стр. 40, строкѣ 7-й, съ удареніями, проставленными Мурзакевичемъ въ своемъ сообщеніи. Ошибки, происшедшія отъ смѣшенія нѣкоторыхъ буквъ при чтеніи Шафарикомъ рукописи Мурзакевича, повторилъ и Бодянскій въ своемъ переводѣ. Шафарикъ опредѣляетъ число болгаръ въ Бессарабіи въ 70 тыс., тогда какъ, по точному сообщенію Мурзакевича, оно равняется 71,548 душамъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ болгаръ и ихъ управленіи Шафарикомъ опущены.

О южной Руси, спеціально о херсонской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ собраніе матеріаловъ для славянскаго народописанія, хранящееся въ библіотекѣ Чешскаго Музея, доставилъ Шафарику нѣкоторыя этнографическія данныя Кирьяковъ.

Знакомствомъ и встрѣчами съ русскими людьми Шафарикъ пользовался иногда для провѣрки своихъ матеріаловъ. Такъ, въ числѣ различныхъ данныхъ о малорусскомъ языкѣ онъ записываетъ: „Генералъ Стороженко увѣрялъ меня, что жители южной части бѣлостовской области по языку принадлежатъ къ малорусскому, но никакъ не къ бѣлорусскому нарѣчію. Но кажется, что онъ не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ основательныхъ свѣдѣній, ибо другіе говорятъ иначе“.

Для этнографической карты „нѣкоторыя зернышки“ выбралъ Шафарикъ изъ интересныхъ и обстоятельныхъ писемъ Срезневскаго за 1841 годъ, сообщенныхъ ему Ганкою [1]) и напечатанныхъ впослѣдствіи въ Часописи Чешскаго Музея. Они заключали обильные матеріалы по діалектологіи словинцевъ, о нарѣчіяхъ „провинціально-хорватскихъ“, одно письмо спеціально посвящено было резіянамъ, ихъ территоріи, обычаямъ, языку и т. п.

Нѣкоторыя поправки для второго изданія Народописи относительно Галицкой Руси, сдѣланныя Я. Ѳ. Головацкимъ, сообщилъ Шафарику, въ письмѣ изъ Львова отъ 10 іюля 1842 г., К. В. Запъ. Интересно, что книга Шафарика, всѣмъ вообще понравившаяся, какъ сообщалъ Запъ, произвела неблагопріятное впечатлѣніе на поляковъ [2]).

„Slovanský Zeměvid“, первый опытъ этнографической карты славянскихъ земель [3]), приложенный Шафарикомъ къ Наро-

[1]) 28-го іюля 1841 г. онъ благодаритъ Ганку: „Děkuji vám za sdělení dopisu Sreznevského, z něhož jsem některá zrnečka pro ethnografickou mappu ulovil“. Письмо—въ Чешск. Музеѣ. Ср. письма Шафарика къ Срезневскому въ Жив. Стар., 1891, IV, стр. 167 и сл.

[2]) „Poláci se mrzejí, že tam staropolské země v Rusích nejsou po polsku psaná (!). Leč kdožby těm ve všem vyhověl, toho bych rád znal“. Письмо—въ Чешск. Музеѣ.

[3]) Шафарикъ, по свидѣтельству Срезневскаго (Ж. М. Н. Пр., 1843, ч. XXXVIII, отд. VI, стр. 9), первоначально предполагалъ

дописи, присоединилъ къ переводу своему и Бодянскій. Погодинъ имѣлъ желаніе дать карту Шафарика въ видѣ приложенія къ Москвитянину и обратился къ Шафарику съ запросомъ, во что могло бы обойтись печатаніе 1500 экземпляровъ ея. Шафарикъ представилъ приблизительный расчетъ на сумму около 674 гульденовъ и предложилъ Погодину, въ виду дороговизны печатанія и иллюминовки карты въ Прагѣ, выслать ему въ Москву доску. Незначительный масштабъ карты (110 верстъ въ англійскомъ дюймѣ) не позволилъ Шафарику съ желательной точностью представить на ней все разнообразіе славянскаго міра; но, при всѣхъ недостаткахъ, карта Шафарика имѣла огромное значеніе, и нельзя было отказаться отъ приложенія ея и къ русскому переводу. Ограничивая западный край своей карты меридіанами устья Эльбы и Венеціи, Шафарикъ занялъ на ней болѣе $^5/_8$ пространства землями европейской Россіи и, такимъ образомъ, осуществилъ въ нѣкоторой степени мысль, занимавшую въ то время Кеппена, давно уже готовившаго этнографическую карту Россіи [1]). Тѣмъ больше было значеніе карты Шафарика. Конечно, преимущественное значеніе она имѣла для филолога славянскаго и не могла вполнѣ удовлетворить нуждамъ филологіи и этнографіи русской, но Шафарику не было возможности ни войти во всѣ подробности, изъ которыхъ многія при томъ выходили за предѣлъ цѣли его труда, ни избѣгнуть ошибокъ, непреодолимыхъ и для многихъ русскихъ изслѣдователей этого рода, не только для иноземныхъ. Скорѣе надобно удивляться искусству, съ какимъ Шафарикъ умѣлъ из-

---

составить этнографическую карту славянской части Европы. Къ картѣ потребовалось объясненіе, которое бы досказывало то, чего она не могла высказать. Мысль издать такого рода карту давно занимала Шафарика. Къ первому письму своему къ Погодину, 26 сент. 1835 г., онъ приложилъ этнографическую карту Чехіи; она должна была послужить Погодину образцомъ при составленіи карты славянскаго населенія Россіи. Письма, стр. 144.

[1]) „Этнографическая карта Европейской Россіи" Кеппена издана была только въ 1851 г. Имп. Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

бѣгнуть ошибокъ и дать мѣсто подробностямъ, которыхъ отъ него нельзя было требовать, чѣмъ осуждать его трудъ [1]).

Первоначально Бодянскій имѣлъ намѣреніе снабдить карту Шафарика русскими надписями. Для этого необходимо было приготовить новую доску, но Меркласъ, пражскій граверъ, готовившій чешскій Zeměvid, работалъ чрезвычайно медленно надъ гравировкой чешскихъ надписей. Поэтому Шафарикъ совѣтовалъ Бодянскому [2]) отдать гравировать карту въ Петербургѣ или Москвѣ: „У Меркласа съ русскими надписями дѣло хорошо не пойдетъ. Онъ самъ работаетъ мало, а способныхъ людей у него нѣтъ“. Въ другомъ письмѣ Шафарикъ еще рѣшительнѣе убѣждаетъ Бодянскаго не связываться съ Меркласомъ: „По отношенію къ картѣ повторяю вамъ данный мною совѣтъ. Откровенно говорю вамъ, что къ Меркласу я не питаю довѣрія. Латинскимъ письмомъ отъ него ничего нельзя дождаться, что̀ же будетъ съ русскимъ, коего онъ совершенно не знаетъ и только долженъ бы начать учиться ему. Что̀ это будетъ за письмо! И когда вы дождетесь этой карты! Хорошо, если чрезъ пять лѣтъ, а то черезъ десять. Съ моей провозился онъ три съ половиною года“. Бодянскій однако не послушался совѣта Шафарика. Такъ какъ изготовленіе новой доски въ Москвѣ или въ Петербургѣ потребовало бы много времени, то Бодянскій предпочелъ воспользоваться готовой доской Шафарика и заказать оттиски въ Прагѣ. Къ февралю 1843 г., какъ извѣщалъ Бодянскаго Шафарикъ, отпечатано было 250 экземпляровъ карты; всѣ они должны были быть раскрашены такъ, какъ и приложенные Шафарикомъ къ своему изданію. Бодянскій въ предисловіи объяснялъ русскому читателю, что, желая облегчить чтеніе и употребленіе самаго Народоописанія Славянъ въ переводѣ, онъ рѣшилъ приложить къ нему карту въ ея подлинникѣ. „Думаемъ, говорилъ Бодянскій, что это нимало не помѣшаетъ распространенію сочиненія между образованными читателями, коихъ мы теперь и имѣемъ въ виду: всѣ про-

---

1) Извѣстія И. А. Н., 1852, I, стр. 68.

2) Письма отъ 14 ноября и 11 декабря 1842 г.

свѣщенные знакомы съ латинскимъ письмомъ, и карты на иностранныхъ языкахъ—не диковинка для нихъ, тѣмъ болѣе карта на языкѣ родственномъ намъ". Для облегченія пользованія ею, переводчикъ приложилъ только объясненіе чешскихъ буквъ, отличавшихся отъ обычнаго латинскаго алфавита. Однако, Бодянскій не отказывался отъ прежней мысли и обѣщалъ тутъ же вскорѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, „для большаго и повсемѣстнѣйшаго распространенія познаній о себѣ самихъ и соплеменникахъ нашихъ", приступить къ изданію этой же карты въ увеличеннѣйшемъ размѣрѣ на русскомъ языкѣ. Но пока это сбудется, былъ увѣренъ Бодянскій, и предложенное не замедлитъ принесть свои добрые плоды. Хорошее намѣреніе Бодянскаго осталось однако не исполненнымъ.

Зная по прежнимъ опытамъ недоброжелательность къ нему извѣстной части русской критики, Шафарикъ внимательно слѣдилъ за печатаніемъ своего труда и былъ немало огорченъ ошибками первыхъ отпечатковъ этнографической карты [1]). Не желая подвергнуться осмѣянію строгой русской критики, Шафарикъ спѣшитъ предупредить Погодина о вкравшейся ошибкѣ, исправленной уже въ Прагѣ, и прилагаетъ къ письму вырѣзку, заключающую въ себѣ все сѣверное прибрежье Азовскаго моря. Дѣло касалось нѣмецкаго островка около Маріуполя, первоначально ошибочно нанесеннаго на карту.

Но не смотря на всѣ заботы о точности изданія, на книгу Шафарика посыпались нападки. Первымъ откликнулся Бодянскій, который, получивъ Народопись, внимательно прочиталъ ее и свое мнѣніе поспѣшилъ сообщить Шафарику въ обширномъ письмѣ отъ 9 апрѣля 1842 г. изъ Фрейвальдау. Бодянскій вообще непрестанно, и во время пребыванія въ Чехіи, принимаетъ дѣятельное участіе въ трудѣ Шафарика. То Шафарикъ посылаетъ ему малороссійскія пѣсни, съ тѣмъ чтобы Бодянскій поправилъ ихъ и переписалъ латинскими буквами, точно обозначивъ въ нихъ *и* и *ы*, *л* и *ль*, то проситъ Бодянскаго по-

---

[1]) Письма Шафарика къ Бодянскому, стр. XXVII. Письма къ Погодину, стр. 308.

править по московскому говору, т. е. по разговорной рѣчи, пѣсни великорусскія, то посылаетъ ему корректуру Народописи и т. д. „Какъ предполагалъ, такъ точно и случилось съ вашимъ Славянскимъ Народоописаніемъ, мой любезнѣйшій другъ. Ошибокъ, промаховъ, недомолвокъ и подобнаго тому—множество и множество!" откровенно начиналъ свой отзывъ Бодянскій. Согласно желанію вашему не заботиться о распространеніи и исправленіи донельзя, но только объ удаленіи ошибокъ въ находящемся подъ руками, потому что сочиненіе ваше „народное", что все это—только отрывки, система къ нему не относится, а принадлежитъ къ грамматикѣ и пр., я однако же именно потому, что сочиненіе ваше назначается для народа, вижу необходимость исправленія, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ погрѣшностей. Иначе, при такомъ назначеніи и отъ такого сочинителя заблужденіямъ конца не будетъ, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о предметѣ, по сю пору такъ мало извѣстномъ, но важномъ чрезвычайно. Далѣе, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы кто-либо, особливо же знающіе изъ моихъ земляковъ, читая ваше сочиненіе (разумѣется, въ вѣрномъ переводѣ, котораго ожидать надо отъ меня грѣшнаго тотчасъ по возвращеніи восвояси), покачивали головою, говоря: „Не такъ, не такъ, вовсе не такъ! Эхъ, что же это онъ нашелъ! А, вѣдь, слыветъ еще первымъ славянскимъ языкознателемъ!" Или же,— чтобы переводчикъ что слово оговаривался въ ошибкахъ сочинителя, исправляя, пополняя, додавая и т. д. Это могло бы очень вредить вашему имени, особенно у насъ, привыкшихъ на васъ смотрѣть гораздо съ высшей точки зрѣнія, нежели та, съ которой цѣнятъ васъ ваши соотчичи".

Поэтому, не вдаваясь ни въ какія подробности, Бодянскій приступилъ къ исправленію грубѣйшихъ погрѣшностей, нуждающихся въ томъ больше всего. „Впрочемъ, отъ васъ зависитъ воспользоваться ими, или нѣтъ. Честь предложена, какъ говоритъ русская пословица, а отъ убытку Богъ избавилъ". Слѣдуя строго тексту сочиненія Шафарика, такъ сказать, строка за строкой, слово за словомъ, Бодянскій прежде всего замѣчаетъ, что: а) Шафарикъ не наблюдаетъ послѣдовательности въ употребленіи мѣст-

ныхъ названій, именъ народныхъ подраздѣленій и т. д.; разъ онъ пишетъ названіе въ чешской формѣ, другой разъ—въ народной, между тѣмъ какъ самъ говоритъ, что все „зчещено". Такъ „Крайняци" (Крайняки)—и потомъ „Пидгирѣ" (Подгоржи). Что нибудь одно,—требуетъ Бодянскій,—или все въ чешской одеждѣ (и въ скобкахъ въ народной), или же въ народной (а въ скобкахъ въ чешской); б) число малороссовъ у Шафарика чрезвычайно уменьшено. „Я того мнѣнія, говоритъ Бодянскій, что южныхъ руссовъ, по меньшей мѣрѣ, 15—16 милл." Сообщивъ далѣе длинный рядъ поправокъ и дополненій касательно особенностей говоровъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, а также и „словесности" ихъ, Бодянскій заключаетъ свое обширное ученое посланіе: „Вотъ все, что̀ я считаю необходимо нужнымъ прибавить, измѣнить, пополнить, исправить въ вашемъ Народописѣ. Впрочемъ, вы хозяинъ его и „имате власть творити, якоже хощете".

Шафарикъ принялъ замѣчанія Бодянскаго къ свѣдѣнію. На письмѣ его онъ сдѣлалъ помѣту: „V druhém vydaní podlé tohoto listu zde onde něco opraviti se může". Въ первомъ изданіи воспользоваться этими дополненіями и поправками уже не пришлось: корректура запоздала на нѣсколько часовъ! [1]). „Грубѣйшія ошибки я исправилъ самъ при печатаніи, отвѣчалъ Бодянскому Шафарикъ,—что̀ осталось, осталось на будущее время. Ваша же помощь останется для меня навсегда пріятной и драгоцѣнной". Но Шафарикъ не соглашался въ основѣ со взглядомъ Бодянскаго на задачи Народописи. „Вы бы меньше видѣли въ корректурѣ недостатковъ, если бы не смотрѣли на мой трудъ, какъ на сравнительную грамматику и систематическую исторію литературы, чѣмъ онъ не былъ, да и не долженъ быть. Мое сочиненіе назначено для тѣхъ, кому до сихъ поръ самое имя малоруссовъ едва знакомо, а для такихъ людей оно достаточно". Вообще Шафарикъ не ставилъ себѣ здѣсь широкихъ задачъ и противъ всѣхъ подобнаго рода замѣчаній, очевидно, ограждалъ себя словами предисловія: „Сумѣлъ бы также и я кой о чемъ

[1]) Письмо къ Бодянскому отъ 30 апрѣля 1842 г.

порассказать довольно поучительнаго и занимательнаго, если бъ только все это прямо относилось сюда".

Вѣроятно, въ отвѣтъ на сообщенныя ему Погодинымъ замѣчанія русской критики о Народописи Шафарикъ писалъ 22 октября 1843 г.[1]: „Не могу допустить, чтобы въ моей краткой Народописи было столько ошибокъ, какъ это воображаютъ русскіе критики. Въ исторіи русской литературы у меня указаны только эпохи и три — четыре имени, и притомъ вполнѣ правильно. Русскій выговоръ переданъ также правильно, хотя, разумѣется, не математически точно, потому что это почти невозможно. Не позволяйте вводить себя въ заблужденіе мудрованіями критики. Своими сочиненіями я хотѣлъ быть полезенъ только у себя вблизи, не думая блистать ими, и я этого достигъ. Вся слава міра не стоитъ въ моихъ глазахъ копейки. Поэтому не безпокойтесь за меня и за мою славу: если другіе исправляютъ мои книги, какъ упражненія школьниковъ, чтобы казаться важнѣе, значитъ они въ томъ нуждаются, желаютъ выдвинуться".

Трудъ Шафарика восторженно привѣтствовалъ у насъ прежде всего редакторъ Денницы Дубровскій на страницахъ своего журнала[2]). Для лучшаго ознакомленія читателей съ содержаніемъ книги Шафарика, которая по мнѣнію Дубровскаго, могла дать рѣшительное направленіе славянской взаимности, онъ перевелъ въ своемъ журналѣ отрывки изъ предисловія къ Народописи.

Бодянскій, столь близко знакомый съ трудомъ Шафарика, посвященный больше, нежели кто-либо другой, въ самый про-

---

[1]) Отзывъ Срезневскаго, напечатанный въ апрѣльской книжкѣ Ж.М.Н.Пр. могъ быть къ этому времени извѣстенъ Шафарику. М. Максимовичъ, ознакомившись съ картой Шафарика, былъ изумленъ „излишнимъ, искусственнымъ малороссіанизмомъ" ея южнорусскихъ собственныхъ именъ (Переясливъ, Василькивъ, Пивтава и пр.) и назвалъ, въ письмѣ къ Погодину, виновнымъ предъ Шафарикомъ и передъ его этнографіей того, кто присовѣтовалъ ему такой провинціальный *пересолъ* въ наименованіи южнорусскихъ мѣстностей. Москвит., 1843, № 2, 629—630. Это замѣчаніе Максимовича вызвало возраженія Бодянскаго (N.) въ томъ же Москвит., № 5, 249—258, и новое объясненіе Максимовича, тамъ же, № 10, 455—468.

[2]) Денница, 1842 стр. 187.

цессъ созданія этой книги, только въ предисловіи къ своему переводу опредѣлялъ значеніе Народописи. „Славяне, говорилъ онъ, дождались своего Народоописанія отъ самого Шафарика, перваго современнаго историка ихъ „давно прошедшихъ дней, преданій старины глубокой“, перваго знатока и двигателя славянства у западныхъ и южныхъ собратій нашихъ. Это Славянское Народоописаніе, переданное теперь мною по-русски,—небольшая книжка, имѣвшая неслыханный успѣхъ въ лѣтописяхъ тамошней письменности и произведшая самое глубокое, благодѣтельное, живописное впечатлѣніе на своихъ читателей и, отчасти, нечитателей, потому что ея добивались даже самые отъявленные недруги славянъ и—поучались. Дѣло въ „землевидѣ“ (картѣ), представляющемъ жилища нынѣшнихъ славянъ. Тутъ, „приди и виждь“, и потомъ „иди въ домъ твой съ миромъ и къ тому не согрѣшай выше!“ Тутъ-то славяне въ первый разъ очутились въ одномъ видимомъ семействѣ, дѣтьми одной матери...“

Но это было впечатлѣніе въ первоначальный моментъ отъ этой небольшой книжки; со временемъ, убѣжденъ былъ Бодянскій, она должна принести еще больше добра. „Давнымъ давно уже, говорилъ онъ далѣе, всѣ въ высшей степени нуждались въ подобномъ твореніи. Для ознакомленія съ нимъ не требуется никакихъ головоломныхъ и напряженныхъ усилій, а просто одного только нагляднаго внимательнаго разсмотрѣнія. Возможная краткость и сжатость изложенія, нимало не вредящія самому дѣлу, служили закономъ сочинителю, взявшемуся представить цѣльную картину жилищъ, поселеній и развѣтвленія современныхъ славянъ среди прочихъ народовъ индо-европейскаго и сѣвернаго поколѣній, картину, которую бы можно было схватить, такъ сказать, однимъ взглядомъ“. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ приведенныхъ нами выше разъясненій Шафарика относительно задачъ его Народописи, Бодянскій указывалъ далѣе на то, что къ главному содержанію ея авторъ присоединилъ, въ видѣ поясненій, самыя существенныя язычныя отличія одного нарѣчія отъ другого и краткій взглядъ на словесность, и, такимъ образомъ, указалъ точку, съ которой надобно смотрѣть на его произведеніе и оцѣнивать его; иначе оно, вмѣсто

небольшой книжки, возрасло бы въ нѣсколькотомную энциклопедію славяновѣдѣнія. Въ заключеніе Бодянскій высказалъ увѣренность, что произведеніе Шафарика и въ настоящемъ своемъ видѣ, безъ сомнѣнія, останется „настольной книгой" каждаго славянина.

Болѣе подробный разборъ и наиболѣе цѣнныя дополненія и поправки къ труду Шафарика сдѣланы были Срезневскимъ. Изъ писемъ Прейса видно, что редакторъ Ж. М. Н. Пр. К. С. Сербиновичъ предлагалъ ему написать разборъ этой книги. Прейсъ сначала далъ обѣщаніе, но, замедливъ его выполненіемъ, указалъ затѣмъ Сербиновичу на Срезневскаго, какъ на лицо, отъ котораго можно получить вполнѣ удовлетворительный разборъ Народописи, и обѣщалъ написать объ этомъ Срезневскому. „Изъ всѣхъ славистовъ, не исключая и Шафарика, только вы можете говорить о діалектахъ славянскихъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла", заявлялъ онъ Срезневскому: „я и въ подметки не гожусь вамъ въ этомъ предметѣ". Срезневскій взялъ на себя эту задачу.

Статья Срезневскаго появилась въ Ж. М. Н. Пр. въ 1843 г. [1]). Въ весьма сочувственныхъ, проникнутыхъ искреннею любовью и уваженіемъ къ учителю, выраженіяхъ началъ онъ свой обстоятельный разборъ краткимъ очеркомъ жизни и ученой дѣятельности Шафарика: „Кто изъ читателей не знаетъ имени Шафарика, этого великана современной славянской учености; кто изъ тѣхъ, которые читали его сочиненія, не сталъ его глубоко уважать за изумительное трудолюбіе, съ какимъ онъ такъ терпѣливо собиралъ отовсюду нужныя свѣдѣнія, за благородную отчетливость,

---

[1]) Ч. XXXVIII, отд. VI, стр. 1—30; перепечатана въ Живой Стар., 1891, IV, стр. 174 и сл. съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго. Раньше напечатанія своего разбора Срезневскій представилъ его для одобренія (при письмѣ отъ 28 февр. 1843 г.) Востокову: „Написавши по желанію Петра Ивановича (Прейса) статью о новомъ сочиненіи П. И. Шафарика и прося его распорядиться съ нею, какъ со своею собственностью, не могу не осмѣлиться прибѣгнуть и къ вамъ съ просьбою просмотрѣть ее хоть мелькомъ. Если вы не найдете ее достойною печатанія, то ей и не должно быть въ печати". Переписка А. Х. Востокова, стр. 359.

съ какою старался передавать ихъ читателямъ; кто изъ тѣхъ, которые имѣли случай узнать его лично, не полюбилъ его, узнавши въ немъ человѣка, какихъ немного и между самыми скромными учеными; не принялъ въ немъ душевнаго участія, припоминая, какъ онъ цѣлую жизнь боролся съ судьбою, терпѣлъ нужду, болѣлъ духомъ и тѣломъ и въ борьбѣ не палъ, не измѣнилъ своему призванію! Можно не соглашаться съ нимъ въ мнѣніяхъ, можно находить недостатки въ его сочиненіяхъ, но трудно стать съ нимъ рядомъ, и нельзя его не почитать, не учиться изъ его жизни и книгъ, какъ вести себя на литературномъ и ученомъ поприщѣ, чтобы внутренно быть довольнымъ и другими и собою". Изложивъ вкратцѣ біографію Шафарика и перечисливъ, съ краткими характеристиками, наиболѣе замѣчательные труды его, Срезневскій переходитъ къ детальному разсмотрѣнію Народописи. Прежде всего, онъ обращаетъ вниманіе на то, что между Народописью и наиболѣе раннимъ ученымъ трудомъ Шафарика: „Исторія славянскаго языка и литературы" (1826 г.), существуетъ тѣсная связь, что Народопись возникла изъ нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ для первой работы. Сравнивши обѣ книги, Срезневскій находитъ, что содержаніе ихъ—почти одно и то же, только цѣль изданія была различна, и, сообразно съ цѣлью изданія, измѣнился объемъ статей. Тамъ разсказывалъ филологъ-литераторъ, тутъ филологъ-географъ; тамъ были въ виду болѣе ученые и литераторы, тутъ—болѣе общая публика. Однако, по достоинству, по важности ученой и практической первое сочиненіе Срезневскій находилъ гораздо выше второго. Онъ желалъ бы видѣть въ Народописи кое-что иначе, нежели какъ оно было; такъ, по его мнѣнію, требовала бы исправленій характеристика нарѣчій; кое въ чемъ слѣдовало бы дополнить и очерки литературы, особенно великорусской, и кое-что въ нихъ можно бы и сократить; для того, чтобы книга не напрасно называлась Народоописаніемъ, можно было бы прибавить хотя небольшую статью о нравахъ и обычаяхъ славянъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ всякаго народоописанія. Такъ какъ предѣлы статьи не позволяли Срезневскому разобрать всю книгу, то онъ рѣшилъ оста-

новиться только на томъ, что̀ считалъ болѣе важнымъ и для русскихъ читателей Народописи болѣе интереснымъ.

Въ первой части своей статьи Срезневскій разсматриваетъ вопросъ, насколько удовлетворительно предложенное Шафарикомъ дѣленіе славянъ на отрасли по характеру нарѣчій. Представивъ историческій очеркъ попытокъ разнообразныхъ системъ такого дѣленія, Срезневскій переходитъ къ разбору четырехъ признаковъ, на основаніи которыхъ Шафарикъ создаетъ свою систему. Изъ выставленныхъ имъ признаковъ три (вставное *д* передъ *л*; коренное *д* и *т* передъ *л* и *н*; вставное *л* послѣ *м*, *б*, *п*, *в*) были уже указаны Добровскимъ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть принятъ отличительнымъ для обрисовки нарѣчій по дѣленію, принятому Шафарикомъ, если не обусловить ихъ многими и довольно сложными исключеніями.

По мнѣнію Срезневскаго, слѣдуетъ вообще отказаться отъ дѣленія нарѣчій по свойствамъ ихъ на разряды и принять дѣленіе только историко-географическое, напр., нарѣчія восточныя — русскія; нарѣчія южныя — задунайскія; нарѣчія сѣверозападныя.

Во второй части разбора Срезневскій обстоятельно разсмотрѣлъ представленное Шафарикомъ дѣленіе славянскихъ нарѣчій (на семь „рѣчей" и четырнадцать „нарѣчій") и, указавъ на недостатки его, предложилъ свое. Всѣхъ главныхъ славянскихъ нарѣчій онъ считаетъ двѣнадцать, изъ коихъ два — мертвыя и десять живыхъ, при чемъ соединяетъ всѣ въ восемь отдѣловъ.

Въ третьей главѣ своего разбора Срезневскій переходитъ къ разсмотрѣнію географической части труда Шафарика. Эта часть, именно—обозначеніе границъ земель славянскихъ, по мнѣнію Срезневскаго, есть самая лучшая часть книги. Трудъ Шафарика въ этомъ отношеніи заслуживалъ тѣмъ большаго удивленія, что до появленія его не только не было обращаемо на это опредѣленіе границъ должное вниманіе ни въ какихъ книгахъ, развѣ мелькомъ, но и самое собираніе и повѣрка свѣдѣній представляли для Шафарика огромныя трудности. Между тѣмъ, несмотря на всю легкость ошибиться, Шафарикъ избѣжалъ большей части ошибокъ, а если впалъ въ нѣкоторыя, то болѣе по-

тому, что не получилъ вѣрныхъ свѣдѣній о нарѣчіяхъ и долженъ былъ поневолѣ позволить себѣ предположенія. Въ дальнѣйшей части своего разбора Срезневскій отмѣтилъ нѣкоторыя ошибки Шафарика и сдѣлалъ свои поправки и дополненія.

Разборъ Срезневскаго сталъ, несомнѣнно, вскорѣ извѣстенъ Шафарику. Самъ Срезневскій чувствовалъ, что Шафарикъ будетъ сердиться на него за эту статью о Народописи. Опасеніе свое онъ высказалъ въ письмѣ къ Ганкѣ [1]), но, будучи увѣренъ въ благородствѣ Шафарика, не ожидалъ отъ чисто научнаго спора никакихъ дурныхъ послѣдствій для взаимныхъ отношеній. Но, кажется, отношенія эти все-таки измѣнились. Еще 12 марта 1843 г. Срезневскій къ письму къ Ганкѣ присоединяетъ листокъ для Шафарика, но потомъ переписка ихъ останавливается и возобновляется опять лишь въ 1852 г., когда въ тонѣ писемъ Шафарика замѣчается холодная сдержанность [2]).

4.

Первые годы своей дѣятельности по возвращеніи изъ-за границы Бодянскій съ особеннымъ увлеченіемъ посвящаетъ изданію памятниковъ древней письменности славянской.

Онъ, по собственному признанію, „во всю прыть“ собираетъ и готовитъ для изданій эти памятники. О ходѣ своихъ занятій онъ подробно сообщаетъ Шафарику въ объемистомъ письмѣ отъ 31 авг. 1847 г., какъ бы съ намѣреніемъ получить указанія своего друга и учителя. „Недѣли черезъ двѣ совсѣмъ отпечатаю Иоанна Прозвитера Ексарха Българскаго прѣложеніе Богословія Иоанна Дамаскиньска, того самаго, котораго покойный К. Калайдовичъ издалъ только три небольшихъ отрывка [3]).

[1]) 1844 г., письмо безъ точной даты, въ бумагахъ Ганки.

[2]) Живая Стар., 1891, IV, стр. 166.

[3]) „Богословіе Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна, Ексарха Болгарскаго“, трудъ О. М. Бодянскаго, изданъ въ Чтеніяхъ только въ 1877, кн. 4. О приготовительныхъ работахъ по изданію см. Протоколы Общества, 1846 г. сент. 28; 1847 г. янв. 25; 1847 г. сент. 27. О времени окончанія печатаніемъ см. статью Шафарика: „Раз-

Теперь, благодаря Богу, онъ выйдетъ весь и притомъ съ разнословіями по тремъ спискамъ (бумажнымъ, къ сожалѣнію, но очень замѣчательнымъ). Печатаніе производится слово въ слово, строка въ строку, даже безъ раздѣленій, но такъ же, какъ въ подлинникѣ, слитно. Знаю, что это для неопытныхъ и большинства затруднительно, но мнѣ хотѣлось такой важный памятникъ издать въ полномъ смыслѣ слова, какъ онъ есть. Послѣ можно его будетъ перепечатать въ меньшемъ размѣрѣ и съ разстановкой, тѣмъ болѣе, что весь онъ не очень много займетъ тогда мѣста. Но вѣдь этого нельзя было бы сдѣлать, не имѣя перваго, о которомъ записные филологи всегда жалѣли бы, не довѣряя издателю, такъ ли онъ всюду читалъ, какъ въ подлинникѣ находится". Въ концѣ изданія Бодянскій намѣренъ былъ присоединить „Словарь всѣмъ реченіямъ", встрѣчающимся въ этомъ памятникѣ, а также и Грамматику, только по этому одному памятнику. „Думаю, заключалъ Бодянскій, что если бы у насъ издать съ этими двумя требованіями всѣ важнѣйшіе памятники славяноцерковной письменности, значительно бы можно было облегчить труды будущихъ нашихъ грамматиковъ и лексикографовъ по всѣмъ нарѣчіямъ, не говоря уже ни слова о самомъ церковномъ. Какъ вамъ это кажется?" Но Бодянскій колебался, не оставить ли эти широкіе планы „напослѣ", чтобы не упустить времени для изданія, какъ можно скорѣе, такихъ важныхъ памятниковъ. А торопиться съ изданіемъ ихъ онъ считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что нескоро могъ представиться столь удобный случай печатать эти памятники въ „Чтеніяхъ", въ которыхъ Бодянскій, какъ секретарь Общества „все въ этомъ родѣ" могъ нынѣ свободно помѣщать. „Не буду я, Богъ вѣсть, другой секретарь какой вкусъ будетъ имѣть! Притомъ, по моему глубокому убѣжденію, главное въ этомъ случаѣ—издать памятники какъ можно вѣрнѣе и отчетливѣе, а все прочее со временемъ приложится, если не нами, то нашими преемниками.

цвѣтъ славянской письменности", въ перев. О. М. Бодянскаго, Чтенія, 1848, № 7, стр. 52. Статья эта была читана авторомъ въ Чешскомъ Ученомъ Обществѣ 25 ноября 1847 г. См. P. J. Šafaříka Sebrané spisy, 1865, díl III, str. 182.

Одному всего нельзя передѣлать". За „Богословіемъ" Бодянскій предполагалъ тотчасъ же издать „Шестодневъ" Іоанна Ексарха. Текстъ уже печатался, но, въ отличіе отъ „Богословія", съ раздѣленіемъ словъ, т. е., не слитно, какъ въ подлинникѣ, а каждая рѣчь отдѣльно, хотя тоже строка въ строку. Послѣ того Бодянскій намѣренъ былъ приступить къ „Философіи" Дамаскина по переводу Іоанна Ексарха, потому что и она помѣщена была у Калайдовича только въ отрывкахъ. Сверхъ того, какъ сообщалъ Бодянскій, въ первой книжкѣ „Чтеній" долженъ былъ явиться „Паралипоменъ" Зонары по единственному бумажному списку, взятому Бодянскимъ изъ Волоколамскаго монастыря. Въ это время отпечатано было имъ уже около десяти листовъ „Антіоховыхъ Пандектовъ", по тремъ пергаменнымъ спискамъ, которые, какъ выразился Бодянскій, „совершенство въ своемъ родѣ". И это изданіе сдѣлано было строка въ строку и безъ разбивки или разстановки словъ, но съ разнословіями. Къ новому году должны были явиться въ свѣтъ „Шестодневъ" и „Пандекты". Но этимъ грандіозные издательскіе проекты Бодянскаго не ограничивались. „Изборникъ Святославовъ, пишетъ онъ тогда же Шафарику, ждетъ къ себѣ греческаго подлинника изъ Парижа, гдѣ въ Королевской библіотекѣ переписывается подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ самого библіотекаря Газе, равно какъ того же самаго поджидаетъ и Амартолъ, т. е. выхода въ свѣтъ по нѣсколькимъ спискамъ греческаго текста, предпринятаго, на завѣщанную сумму покойнымъ канцлеромъ Румянцовымъ, тѣмъ же Газе". Бодянскій собралъ для изданія семнадцать списковъ Амартола болгаро-русской и сербской редакціи. „Есть еще у меня виды кое на что изъ этой области, напримѣръ, такъ и подмываетъ меня издать Кормчую по древнѣйшему списку, который у меня теперь, и присовокупить къ нему разнословія изъ двухъ-трехъ, тоже древнихъ и притомъ пергаменныхъ; но, повторяю, всего вдругъ нельзя. Надо оставить что-нибудь и на будущее. Вообще, въ „Чтеніяхъ" за грядущій университетскій годъ увидите, если Богу будетъ угодно, довольно старины, важной во всѣхъ отношеніяхъ, напр., первая Сравнительная Грамматика по важнѣйшимъ славянскимъ

нарѣчіямъ, сочиненная однимъ хорватомъ въ XVII-мъ вѣкѣ и притомъ въ Сибири (!), явится тоже на свѣтъ Божій; памятникъ весьма замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, и даже самыя странности и промахи сочинителя поучительны. Ея отпечатано уже у меня листовъ за 10-ть, а всего будетъ около 25-ти. На этой недѣлѣ кончу открытое мною года три тому назадъ сочиненіе одного русскаго Иновія Θеодосія въ пергаменномъ сборникѣ купца Царскаго, явленіе по вѣку и языку чрезвычайно замѣчательное. Въ октябрѣ хочу помѣстить въ „Чтеніяхъ" ко дню Нестора лѣтописца твореніе его „Житіе Θеодосія" по тремъ чуднымъ пергаменнымъ спискамъ, изъ коихъ одинъ уставной, кажется, XII-го вѣка, отысканный мною недавно въ московскомъ главномъ Успенскомъ соборѣ; къ нему присоединю разнорѣчія по двумъ же спискамъ пергаменнымъ: купца Берсенева, описанному Г. Кубаревымъ, и Новгородскаго Софійскаго собора. Вотъ сколько готовится у меня: дай только, Господи Боже, мнѣ силу, терпѣніе и благоденствіе!" Такое множество одновременно задуманныхъ и начатыхъ изданій смущало друзей Бодянскаго. Погодинъ, сообщая объ этихъ изданіяхъ Шафарику, не могъ удержаться отъ порицанія, при чемъ отмѣчалъ возмутительное обращеніе Бодянскаго съ рукописями: „Разрываетъ драгоцѣнныя харатейныя рукописи и отдаетъ прямо въ типографіи, такъ что у меня сердце облилось кровію, когда я увидѣлъ въ нечистыхъ рукахъ наборщиковъ наши драгоцѣнности [1])".

Шафарикъ рѣшительно возставалъ противъ системы изданій старославянскихъ памятниковъ Бодянскаго. Онъ не соглашался съ намѣреніемъ Бодянскаго прилагать къ каждому издаваемому памятнику грамматику его языка. „Кто сталъ бы дѣлать грамматики и словари къ каждому писателю, къ каждому памятнику? Это былъ бы безконечный и безплодный трудъ", убѣждалъ онъ Бодянскаго. „Нужны только: обзоръ необычныхъ, не встрѣчающихся въ другихъ памятникахъ грамматическихъ формъ и глоссарій темныхъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ памятниковъ словъ. Это во всякомъ случаѣ полезно и необходи-

[1]) Письмо отъ 2—14 авг. 1847 г., въ библ. Чешск. Музея.

мо. Отдѣльныхъ грамматикъ и словарей заслуживаютъ только uniса въ литературѣ, какъ напр., Ульфила въ готской и т. д.“ Кромѣ того, Шафарикъ не могъ примириться и съ другою особенностью изданій Бодянскаго. Бодянскій издавалъ тексты, какъ мы видѣли, безъ раздѣленія словъ и безъ знаковъ препинанія. Шафарикъ возражалъ противъ этого: „Я настаиваю, чтобы слова въ печати раздѣлялись, а знаки препинанія были проставлены въ совершенствѣ, логически. Печатать сплошь—непрактичнѣйшая, несчастнѣйшая на свѣтѣ мысль. Это мое первое и последнее убѣжденіе [1]“. Убѣждать Бодянскаго рѣшительнѣе и энергичнѣе онъ не отваживался: московскій другъ былъ болѣзненно самолюбивъ [2]). „Мнѣ бы не хотѣлось, писалъ Шафарикъ Погодину 5 дек. 1848 г., чтобы между нами возникла ссора изъ-за этого, такъ какъ мнѣ извѣстна его самолюбивая и вспыльчивая натура; поэтому я васъ прошу объ этомъ не говорить и не распространяться, кромѣ вѣрныхъ друзей...“ И только Погодину онъ откровенно высказываетъ здѣсь свой строгій судъ надъ изданіями Бодянскаго: „Манера изданія Бодянскимъ древнихъ славянскихъ памятниковъ, безъ раздѣленія словъ, безъ знаковъ препинанія, въ сокращеніяхъ, приводитъ меня въ отчаяніе. Я могъ бы проливать кровавыя слезы, если бы мои глаза не высохли уже почти отъ горя и скорби и досады. Какое безсмысліе, какое варварство въ 1847 году! Кто будетъ это читать, изучать, переваривать, ежели у него будетъ хотя единая искра смысла и вкуса? Въ старыхъ рукописяхъ я еще это признаю. Въ старое время это дѣлалось изъ нужды,—не было типографій; но мы, мы это дѣлаемъ вслѣдствіе глупости, тупоумія и и предразсудковъ. Жаль денегъ, жаль бумаги! Такое изданіе—мертворожденный; оно есть и останется дорогою, роскошною макулатурой. Неужели мы славяне будемъ вѣчно прозябать, какъ животныя? Неужели въ нашихъ головахъ никогда не на-

---

[1]) Письмо отъ 31 окт. 1847 г.

[2]) „Человѣкъ онъ несносный и не терпитъ ни малѣйшаго возраженія“, выразился о немъ Погодинъ въ одномъ изъ писемъ (2 авг. 1847 г.) къ Шафарику. Предупрежденіе крѣпко помнилось.

станетъ разсвѣтъ? О, Господи! помилуй насъ! [1])". На исправленіе издательскихъ пріемовъ Бодянскаго Шафарикъ какъ будто и надеждъ не возлагаетъ: онъ выражаетъ желаніе, чтобы самъ Погодинъ, вмѣстѣ съ Шевыревымъ, Дубенскимъ или Ундольскимъ и др., сдѣлалъ „маленькій опытъ", какъ слѣдуетъ печатать древніе славянскіе памятники. Черезъ нѣсколько лѣтъ Шафарикъ повторилъ печатно свой протестъ противъ этого, столь безпощадно осужденнаго имъ, способа изданій. Въ предисловіи къ своимъ „Památkam dřevního písemnictví jihoslovanův" (1851) онъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительность славянскихъ изданій памятниковъ древней письменности и въ этомъ извращенномъ способѣ (převrácený spůsob) видѣлъ причину равнодушія и пренебреженія даже и просвѣщенныхъ людей къ старославянскому языку и его сокровищамъ. Въ то время, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи образцовыя подручныя изданія древнѣйшихъ памятниковъ родного языка принадлежатъ къ домашнимъ сокровищамъ, являются предметомъ почитанія, любви и гордости просвѣщенныхъ людей,—у насъ, славянъ, говорилъ Шафарикъ, есть нѣсколько любителей старославянскаго языка, иногда два-три, иногда четыре человѣка, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни миль, и каждый въ своей области— отшельникъ (samožil) и хозяинъ: они знаютъ свои плоды и сами ими питаются. Ни одному разумному издателю или типографу на западѣ не придетъ въ голову печатать капитальныя произведенія греческаго, латинскаго или родного языка грубой фрактурой, съ аббревіатурами, лигатурами и прочими мелочами; наши же славянскіе Эразмы и Дидо все еще издаютъ старославянскіе тексты такъ, какъ печатались греческіе и латинскіе въ XV ст. Гутенбергомъ и его преемниками, а именно—со всѣми „čarami a čerchami, titlami a siglami, vzmety a pokryvkami i všemi ostatními uzly, kúzly, kudry a kudrlinkami". По мнѣнію Шафарика, вѣрная передача правописанія и грамматическихъ особенностей каждаго произведенія, надлежащее раздѣленіе словъ и логическая интерпункція, съ отнесеніемъ всѣхъ

[1]) Письмо отъ 5 дек. 1847 г.

сокращенiй и значковъ къ палеографiи и дипломатикѣ (если ужъ нельзя совершенно отбросить все это), могли бы въ одинаковой степени удовлетворить всѣмъ справедливымъ требованiямъ и простого любителя и строгаго ученаго.

Подъ влiянiемъ совѣтовъ и строгихъ упрековъ Шафарика Бодянскiй измѣнилъ свой первоначальный взглядъ на способъ изданiй памятниковъ древней письменности. Уже 20 ноября 1847 г. [1]) онъ отвѣчаетъ ему: „Я уже писалъ вамъ, что я сдѣлалъ только опытъ съ Екзархомъ напечатать его такъ, какъ онъ есть, безъ всякаго измѣненiя и отдѣла словъ однихъ отъ другихъ и не вводя своего правописанiя и разстановки. Отнынѣ совсѣмъ иное увидите, потому что и я всегда былъ недоволенъ этимъ рабствомъ подлиннику и угожденiемъ записнымъ антикварамъ и библiотекарямъ“.

Но Шафарикъ не одобрялъ не только метода изданiй Бодянскаго, онъ указывалъ и на неудовлетворительность безвкуснаго славянскаго шрифта ихъ. „По моему мнѣнiю, говорилъ онъ въ одномъ изъ писемъ, главное дѣло — хорошiй и красивый кирилловскiй шрифтъ, ибо теперешнiй никуда не годится,—въ самомъ дѣлѣ, одинъ скандалъ“. Желая дать образецъ хорошаго кирилловскаго шрифта, Шафарикъ пробовалъ изготовить его въ Прагѣ, но опытъ оказался неудачнымъ, такъ какъ граверъ-самоучка не понялъ желанiй Шафарика и все испортилъ своимъ неумѣнiемъ [2]). Необходимо было, по словамъ Шафарика, добиться чего-нибудь получше. Онъ старается послѣ этого убѣдить Бодянскаго, что Общество Ист. и Др. Росс. прiобрѣло бы безсмертную заслугу, если бы взялось за это дѣло. „Я слыхалъ, что въ Петербургѣ, въ академiи задумываютъ новое славянское письмо: неужели же Москва всегда должна ждать Петербурга и только подражать ему? Я думаю, что было бы достойнѣе, если бы ваше ученое общество дѣйствовало независимо, ни на кого бы не засматривалось и никого бы не ожидало“. Шафарикъ совѣтовалъ изготовить въ Москвѣ рисунки новыхъ

---

[1]) Письмо—въ бумагахъ Шафарика, въ библ. Чешск. Музея.

[2]) Въ бумагахъ Шафарика сохранились листы съ проектированными имъ и собственноручно начерченными шрифтами.

буквъ, а по нимъ заказать штемпеля въ Парижѣ или Прагѣ. Бодянскому надлежало переговорить объ этомъ дѣлѣ съ Погодинымъ, Чертковымъ и другими членами Общества. Убѣдительно доказывалъ Шафарикъ Бодянскому необходимость новаго кирилловскаго шрифта: „Я васъ увѣряю,—ибо я въ этомъ самъ вполнѣ убѣжденъ,—что при нынѣшнемъ безобразномъ и скверномъ кирилловскомъ шрифтѣ никогда, никогда церковнославянскій языкъ не пріобрѣтетъ расположенія людей со вкусомъ. Все, что печатается этимъ мерзкимъ шрифтомъ, останется мертвымъ плодомъ. Новый шрифтъ долженъ быть въ эстетическомъ отношеніи совершененъ, красивъ, такъ чтобы сердце ликовало отъ радости, узрѣвши напечатанную этимъ шрифтомъ книгу". Въ основу его, по мнѣнію Шафарика, надлежало бы положить не только письмена славянскихъ рукописей XI ст., но и греческихъ IX-го в. Самъ Шафарикъ въ заключеніе предлагалъ Бодянскому выслать рисунки буквъ, какія онъ приблизительно желалъ бы видѣть въ будущихъ изданіяхъ [1]).

Черезъ три недѣли послѣ этого письма (26 февр.) Шафарикъ уже отправилъ Погодину всѣ образцы стараго кирилловскаго письма, какіе могъ собрать въ памятникахъ печатныхъ [2]). „Мы должны прежде всего стремиться къ тому, чтобы возстановить честь славянскаго письма. Это—наша главная задача. Славянское (кирилловское) письмо объединяетъ насъ всѣхъ духовно: это не партійный девизъ", писалъ онъ Погодину. Для осуществленія этой задачи Шафарикъ считаетъ необходимымъ нѣсколько иначе взглянуть на дѣло, чѣмъ смотрѣли на него до сихъ поръ: надо вдохнуть въ него жизнь, ибо до сего времени это было лишь игра мертвыми реликвіями. „Прошу васъ, не забывайте о томъ, проситъ онъ и Бодянскаго, что этотъ шрифтъ долженъ быть не для церкви, не для богослужебныхъ книгъ въ церковномъ употребленіи, а для насъ, міранъ, ученыхъ и ученыхъ обществъ при изданіи старинныхъ произведеній для мірскихъ потребностей". Вопросъ о новомъ шрифтѣ за-

[1]) Письмо отъ 5 февр. 1847 г.

[2]) См. письма отъ 25 марта 1847 г. къ Погодину и Бодянскому

интересовалъ кіевлянъ, — вѣроятно, Иванишева, которому нѣсколько позже Шафарикъ просилъ Погодина доставить образцы новыхъ буквъ [1]), — но Москва не увлекалась этой реформой. Шафарикъ ожидалъ, что въ Москвѣ Погодинъ, Шевыревъ, Бодянскій и др. займутся этимъ дѣломъ и выработаютъ образцы наиболѣе желательнаго типа письменъ, но ожиданія его были напрасны. Поэтому 7-го мая 1847 г. онъ пишетъ Бодянскому: „Такъ какъ переписка объ этомъ съ отдаленной Москвой идетъ медленно, и прошелъ бы годъ, пока удалось бы придти къ какому-либо соглашенію, а между тѣмъ для меня по весьма серьезнымъ причинамъ (о коихъ здѣсь распространяться не могу) чрезвычайно важно, чтобы шрифтъ былъ поскорѣе готовъ, то я заказалъ рѣзать новый кирилловскій шрифтъ у здѣшнихъ извѣстныхъ Гаазовъ". Извѣстность фирмы, занявшей одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, прекрасные рѣзчики, изъ коихъ одинъ вполнѣ проникъ въ идею Шафарика, наконецъ постоянное руководство и наблюденіе послѣдняго — все это давало основаніе надѣяться на удачное выполненіе задачи. „Надѣюсь, что дѣло удастся, говорилъ Шафарикъ, — по крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ крупный шагъ впередъ къ болѣе совершенному шрифту".

Дѣло было въ полномъ ходу. Первые экземпляры этого новаго шрифта Шафарикъ обѣщалъ прислать Бодянскому: „Я желалъ бы, чтобы вы въ Москвѣ имѣли его первыми, и чтобы вы начали имъ печатать..." 20 іюня образчики были уже посланы Бодянскому, а нѣсколько раньше получилъ ихъ Погодинъ.

Новый шрифтъ, въ отдѣльныхъ буквахъ, не удовлетворилъ однако Шафарика; впрочемъ, нѣкоторые недостатки его легко были устранимы. Бодянскій первый сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на желательныя поправки въ отдѣльныхъ письменахъ. 31 августа 1847 г. онъ пишетъ Шафарику: „Ваше новосоставленное письмо — хорошо, очень хорошо! Замѣчу только съ своей стороны слѣдующее: буква ρ (рцы) слишкомъ усѣчена, кажется, какъ будто худо выходитъ изъ печати, между тѣмъ какъ такова ужъ ея природа. Еще на одну линію протянуть хвостикъ

---

[1]) См. письмо къ Погодину отъ 6 сент. 1847 г.

ея, и она получитъ далеко лучшій видъ. Буква ꙃ также усѣчена; по мнѣ, не худо бы протянуть, если не оба, то хоть одинъ ея бокъ вверхъ, за черту, и притомъ на одну линію, т. е. сдѣлать такъ острымъ, какъ оконечность у буквы ꙁ (земля), что подъ чертою: ꙋ; а еще это необходимѣе у буквы ѯ (кси), т. е., протянуть востро кончикъ, какъ у *земля*. Мнѣ также не совсѣмъ по нутру и *зѣло*, *отъ* (ω) и ц: первое напоминаетъ латынь въ первомъ видѣ, а во второмъ—скорописное глаголь; я знаю очень, что и то, и другое встрѣчается въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ; но я говорю не о старинѣ, а объ изяществѣ, котораго въ обоихъ формахъ, по моему мнѣнію, нѣтъ. Другимъ, можетъ быть понравится и ц, но я съ нимъ ненедоволенъ совсѣмъ,—пускай его живетъ; то же самое и о ω. Вѣроятно, послѣднее было бы лучше, если бы верхнія оконечности его были нѣсколько загнуты внутрь, по-старому; но, можетъ быть, это только дѣйствіе старины, воспоминаніе прежняго, которое могущественно дѣйствуетъ на насъ въ извѣстное время и обстоятельствахъ. Впрочемъ, цѣлое въ этомъ письмѣ—прекрасно, за исключеніемъ, повторяю, буквы рцы (ρ), которая безобразитъ его своей усѣченностью; прочія же буквы, если бы вы остались при своемъ, не столько бросаются въ глаза, но оная, кому я ни показывалъ, тотчасъ и прежде всего становилась занозой, и никто не одобрялъ ея [1])". Шафарикъ принималъ всѣ эти указанія къ свѣдѣнію. „Ваше замѣчаніе, отвѣчалъ онъ Бодянскому, основательно, и мы по возможности будемъ имѣть его въ виду. Мною уже исправлено, напр.: ρ, ѵ, ꙁ и т. д., ибо мы сами замѣчали недостатки. Объ остальномъ мы позаботимся: все постепенно [2])".

Изготовленіе новой азбуки стоило Шафарику много трудовъ и вызывало значительные расходы со стороны словолитни Гаазовъ. Шафарикъ чувствовалъ себя обязаннымъ Гаазамъ и поэтому нѣсколько разъ въ письмахъ къ Погодину и Бодянскому подчеркиваетъ, что матрицъ новаго шрифта можно заказать у Гаазовъ, сколько угодно: содѣйствіе Москвы необходимо было для

[1]) Письмо въ бумагахъ Шафарика, въ библ. Чешск. Музея.
[2]) Письмо отъ 25 сент. 1847 г.

успѣха начинанія Шафарика. „Я бы желалъ, пишетъ онъ Бодянскому (25 сент. 1847 г.), чтобы этимъ шрифтомъ и у васъ было что-нибудь старое напечатано, и чтобы Гаазы не потерпѣли убытка, тратя на него большія средства. Конечно, не слѣдуетъ этотъ шрифтъ признавать за церковный: церковныя книги имъ никогда печататься не будутъ, —разумѣю, богослужебныя и другія, назначаемыя для храмовъ и школы. Старые труды Константина, Храбра и т. д. печатать новымъ шрифтомъ, конечно, запрещать вамъ не будутъ; вѣдь, вы и такъ печатаете гражданскимъ и кирилловскимъ шрифтомъ, напр.: Калачевъ—Русскую Правду, Дубенскій также Правду и Игоря. Развѣ не лучше было бы печатать эти вещи гаазовскимъ шрифтомъ? Полагаю, что не пренебрежете случаемъ". Бодянскій на одно изъ такихъ писемъ отвѣчалъ: „На этой же недѣлѣ покажу ваше письмо графу Строгонову и попытаюсь склонить его на выписку шрифта. Воображаю, какъ хорошо будетъ глядѣть напечатанное имъ что-либо въ большемъ размѣрѣ изъ области церковнославянской письменности. У меня эта послѣдняя теперь летитъ во всю прыть [1])". Хлопоты Бодянскаго имѣли успѣхъ: графъ Строгоновъ и начальникъ университетской типографіи поручили ему выписать изъ Праги матрицы всѣхъ видовъ „изобрѣтеннаго" Шафарикомъ новаго письма. „Итакъ, вотъ вамъ,—писалъ онъ Шафарику 20 ноября 1847 г.,—мы не отстаемъ отъ васъ. Какъ скоро получимъ это, я тотчасъ, по изготовленіи, дамъ печатать вашимъ добромъ Изборникъ Святославовъ и Амартола. Буквы всѣмъ здѣсь очень по вкусу, не нахвалятся ими, особливо, если еще перемѣнены будутъ тѣ изъ нихъ, о которыхъ писалъ вамъ. Насчетъ этого всѣ со мною, понимающіе дѣло, согласны".

Для многочисленныхъ изданій древнихъ памятниковъ, коими Бодянскій въ это время былъ занятъ, новый шафариковскій шрифтъ былъ дѣйствительно весьма пригоденъ: онъ имѣлъ значительныя преимущества передъ московскими шрифтами и въ отношеніи исторической близости къ письменамъ древнихъ памятниковъ, и въ отношеніяхъ эстетическомъ и оптическомъ.

---

[1]) Письмо отъ 31 авг. 1847 г., въ библ. Чешскаго Музея.

5.

Постоянныя заботы нашихъ первыхъ славяновѣдовъ объ изданіи важнѣйшихъ памятниковъ старославянской письменности, какъ необходимыхъ источниковъ для изученія старославянскаго языка, единогласно полагаемаго въ основаніе славянской филологіи, вызывали такія же стремленія и со стороны чешскихъ ученыхъ. Въ этомъ стремленіи выйти навстрѣчу нуждамъ русскихъ славянскихъ каѳедръ особенно интереснымъ моментомъ является изданіе Ганкою знаменитаго Реймскаго Евангелія.

Съ 1836 года, благодаря открытію, сдѣланному А. И. Тургеневымъ [1]), Реймское Евангеліе, считавшееся со временъ рево-

[1]) Оно было сдѣлано въ 1835 г., но сообщеніе о немъ появилось только въ январьской книжкѣ 1836 г. Ж. М. Н. Пр. Честь перваго извѣстія о новомъ обрѣтеніи Реймскаго Евангелія оспаривалъ у нашего ученаго Копитаръ: „Смѣшно, какъ поляки и русскіе хвастаются теперь открытіемъ, тогда какъ оно принадлежитъ мнѣ, потому что я первый возымѣлъ надежду, что кодексъ, можетъ быть, не сожженъ, и предпринялъ вслѣдствіе того поиски въ Парижѣ и Петербургѣ“. Билярскій, 42—43. Эти слова буквально повторены въ письмѣ Копитара къ Ганкѣ отъ 8-го февраля 1840 г. См. Zbornik, na svetlo daje Slovenska Matica v Ljubljani, I zv., 1899, стр. 202. Еще въ Glag. Cloz. Копитаръ повторилъ предположеніе Сильвестра де Саси, что Реймское Ев. сгорѣло во время революціи. „Сильвестру де Саси это простительно, какъ французу и не славянофилу, но Копитару слѣдовало бы быть осмотрительнѣе“, говорилъ Строевъ въ письмѣ отъ 23 іюля 1837 г., въ Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XVI, стр. 415. Извѣстіе объ открытіи Тургенева послалъ Копитару Кеппенъ въ мартѣ 1836 г. Въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 22 марта 1836 г. онъ говоритъ объ этомъ: „Mit dieser Post sende ich Hr. v. Kopitar die frohe Nachricht, dass das kyrillisch- und glagolitisch geschriebene Evangelium zu Reims noch ebenda selbst existirt“. Неосновательность притязаній Копитара отмѣчалъ Бодянскій въ письмѣ къ Погодину отъ 24 марта 1838 г. Далеко не всѣ раздѣляли увѣренность Копитара въ его заслугѣ. Ганка также не соглашался съ нимъ и къ приведеннымъ выше словамъ его сдѣлалъ приписку: „Der Geheime Rath Al. I. Turgenev war der Entdecker Texte du Sacre, obwohl er auf solche Entdeckungen nicht aus-

люціи погибшимъ, вновь становится предметомъ изученія славянскихъ и неславянскихъ ученыхъ. Съ этого времени датируется длинный рядъ работъ, посвященныхъ этому памятнику [1]).

Первыя болѣе подробныя извѣстія о Реймскомъ Евангеліи, появившіяся въ Часописи Чешскаго Музея, получены были Шафарикомъ непосредственно отъ нашего молодого палеографа С. М. Строева [2]). Но отчетъ Строева не могъ удовлетворить строгимъ требованіямъ научнаго описанія рукописи, какого требовалъ Шафарикъ. Строевъ, какъ извѣстно, ознакомился только съ кирилловской частью Реймскаго Ев., глаголической же части онъ не коснулся, такъ какъ вовсе незнакомъ былъ съ глаголической азбу-

---

gegangen, denn sein Fach war Monumenta rossica in archivis extraneis zu sammeln. Aus Petersburg ist die Nachricht weiter verbreitet und Strojeff und Jastrzębski gingen das entdeckte zu untersuchen“. Въ Č. Č. Mus., 1838, str. 253, Шафарикъ тоже называлъ Тургенева виновникомъ открытія рукописи. Странно, что этотъ вопросъ еще и нынѣ находитъ иное рѣшеніе, чѣмъ то, которое давно уже утвердилось. Такъ, L. Leger въ предисловіи къ своему изданію Реймскаго Евангелія „L'Evangéliaire Slavon de Reims, dit Texte du Sacre“, Reims-Prague, 1899, p. 27, утверждаетъ, что существованіе Реймскаго Евангелія „воскресилъ“ въ 1837 г. реймскій библіотекарь Louis Paris. То же повторяетъ Парижанинъ въ замѣткѣ „Новое изданіе Реймскаго Ев.“ въ Изв. книжн. маг. М. О. Вольфа, январь, 1900 г.

[1]) См. у Билярскаго, § 1: Литература Реймскаго Евангелія.

[2]) Въ замѣткѣ о Реймскомъ Ев., въ Č. Č. Mus., 1838, II, 253 (выпускъ этотъ вышелъ не раньше 20 іюня 1838 г.), Шафарикъ ссылается на подробный отчетъ Строева, посланный въ Ж. М. Н. Пр. и послужившій ему источникомъ, изъ коего онъ почерпнулъ свѣдѣнія для своего сообщенія. Но такъ какъ отчетъ Строева появился только въ январьской книжкѣ 1839 года, то Шафарикъ, очевидно, пользовался рукописью Строева, который въ маѣ 1838 года былъ въ Прагѣ и написалъ здѣсь (3-го мая) для Шафарика краткую „Записку о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ“, описанныхъ имъ: a) въ Парижской Королевской библіотекѣ, b) въ Ренской (sic) городской библіотекѣ (Славянское Ев.), c) въ Берлинской Королевской библіотекѣ и d) въ Королевской Дрезденской библіотекѣ. Записка Строева хранится въ бумагахъ Шафарика, въ библ. Чешскаго Музея.

кой [1]). Мнѣніе Строева о времени происхожденія этого памятника тоже не имѣло цѣны, прежде всего—оно было непостоянно: то онъ считалъ Реймскую рукопись написанною не раньше XV столѣтія, то, слѣдуя мнѣнію Копитара, относилъ ее къ XIV ст. Такъ, въ письмѣ изъ Парижа отъ 23 іюня 1837 г. [2]) онъ заявлялъ: „При всемъ уваженіи къ Добровскому и другимъ ученымъ, разсуждавшимъ объ этомъ предметѣ, надобно признаться, что мнѣнія ихъ несовсѣмъ основательны, ибо при первомъ взглядѣ на рукопись видно, что она писана не ранѣе XV ст.“ Въ позднѣйшей же статьѣ своей [3]) онъ называлъ уже Реймское Ев. „рукописью XIV или начала XV в.“ Замѣчательно, что въ указанной выше замѣткѣ о Реймскомъ Ев. въ Часописи Чешскаго Музея Шафарикъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій противъ мнѣнія Копитара и Строева, хотя тогда уже у него было facsimile страницы какъ кирилловской, такъ и глаголической части, доставленное ему Строевымъ [4]), и ограничился лишь тѣмъ, что высказалъ желаніе увидѣть памятникъ изданнымъ, такъ какъ текстъ и языкъ его могутъ быть важны, если не по своей древности, то въ какомъ-либо иномъ отношеніи [5]). Между тѣмъ въ письмѣ къ Погодину отъ 26 дек. 1839 г. Шафарикъ

---

[1]) Въ своемъ письмѣ отъ 23 іюля 1837 г. изъ Парижа Строевъ докладывалъ Археографич. Коммиссіи о Реймскомъ Ев.: „Оно состоитъ изъ двухъ частей,—одной на церковнославянскомъ, а другой—на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ“. Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XVI, стр. 414. Съ глаголицей Строевъ ознакомился впервые въ Берлинѣ, возвращаясь изъ своего путешествія. См. Ж. М. Н. Пр., 1900, ч. 330, стр. 130.

[2]) См. выписку изъ протоколовъ засѣданій Археограф. Коммиссіи, засѣд. 4 окт., въ Ж. М. Н. Пр., 1837, ч. XVI, стр. 411.

[3]) Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. XXI, отд. II, стр. 97.

[4]) Объ этомъ Строевъ говоритъ въ названной „Запискѣ“ отъ 3 мая 1838 г.

[5]) „Ačkoli veliké očekávání o starobylosti a vzácnosti rukopisu Remešského se nezjistilo, však nicméně i tak předce vždy hoden jest, by celý bud'to kamenotiskem vypodobněn, bud' aspoň věrně přepsán a správně vytištěn byl. Možné zajisté, že text a jazyk (nářečí) jeho, jestli ne pro svou starobylost, aspoň v jiném ohledu důležitý jest“. Č. Č. Mus., 1838, str. 253—254.

говоритъ, что онъ тотчасъ же, на основаніи представленнаго ему въ 1838 г. Строевымъ facsimile, опредѣлилъ глубокую древность рукописи. Но Строевъ позволилъ себѣ тогда поучать Шафарика, и Шафарикъ поэтому молчалъ и на его пустыя доказательства не возражалъ ни слова. Рѣзкіе отзывы Шафарика въ письмахъ къ друзьямъ о Строевѣ, который повторялъ лишь мнѣніе своего вѣнскаго учителя и друга Копитара, о его невѣжествѣ и безтактности не проникли въ печать, но ученая репутація Строева тѣмъ не менѣе должна была сильно страдать отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ кругахъ, въ коихъ письма Шафарика читались. Печатно выступилъ вскорѣ противъ Строева Ганка. Въ концѣ 1839 года Строевъ напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ (1839, № 260) письмо къ Копитару. Здѣсь онъ представилъ свое чтеніе послѣсловія къ Реймскому Ев., вызвавшее рядъ замѣчаній со стороны Ганки. Строевъ приписывалъ кирилловскую часть Реймскаго Ев. „какому-то отцу Прокопію“ и заключалъ изъ послѣсловія, что Евангеліе было собственностію „нѣбожвіка“ Карла, который подарилъ его „славѣнітому“ монастырю въ честь свв. Іеронима и Прокопія. Онъ умудрился найти въ послѣсловіи даже то, чего въ немъ не было: такъ откуда-то у него взялась церковь Св. Троицы, о которой нѣтъ вовсе рѣчи въ послѣсловіи.

Ганка цѣликомъ перепечаталъ письмо Строева въ Часописи Музея [1]) и указалъ на всѣ грубые промахи его въ раздѣленіи словъ послѣсловія, на незнаніе глаголическаго письма, при чемъ не безъ гордости подчеркивалъ тотъ фактъ, что онъ, не видя ни рукописи, ни даже снимка строкъ послѣсловія, вѣрнѣе и правильнѣе сумѣлъ прочесть его [2]). Отзывъ Ганки встрѣченъ былъ сочувственно въ Россіи. Ученикъ и другъ его Н. Д. Иванишевъ писалъ ему 7 марта 1840 г.: „Я хохоталъ долго, смотря, какъ Строевъ исковеркалъ святыя письмена, особенно, когда припоминалъ, что этотъ же самый полуученый blázen гово-

[1]) Č. Č. Mus., 1839, str. 491—499.

[2]) Строго отнесся къ письму Строева и Шафарикъ. „Der junge Strojew hat sich durch den Brief in der Sew. Pčela vor der ganzen gelehrten Welt blamirt...“, писалъ онъ Погодину 26 дек. 1839 г.

ритъ про свои палеографическія и филологическія соображенія, судитъ про Копитара и Шафарика печатно, отдавая преимущество первому изъ нихъ... Страннымъ покажется, что этотъ же самый человѣкъ пишетъ критики для Ж. М. Н. Пр., судитъ и рядитъ о книгахъ и сочинителяхъ русскихъ и заграничныхъ".

Выводы, къ которымъ пришелъ Ганка на основаніи разбора послѣсловія, рѣшительно расходились съ выводами Строева: Ганка видѣлъ въ Реймскомъ Ев. памятникъ первыхъ временъ христіанства въ Чехіи. Мнѣніе его раздѣлялъ и Шафарикъ. Сообщая 29 янв. 1840 г. Бодянскому о выходѣ статьи Ганки, онъ замѣчаетъ о ней: „Вы увидите изъ нея, что кирилловская половина писана рукой св. Прокопа, процвѣтавшаго[1]) въ Чехіи отъ 1010 до 1053 г., и что великій критикъ въ Вѣнѣ и его вѣрный ученикъ Сергѣй Строевъ попали пальцемъ въ небо..." Радость Ганки по случаю такого открытія была безмѣрна. „O dobromyslný Durichu! o blahosměrný Speranský! o přísnosoudný Dobrovský! že ste se nedočkali radosti té!" восклицалъ онъ, торжествуя. Въ подкрѣпленіе своихъ выводовъ Ганка сравнилъ нѣкоторыя мѣста Реймскаго Ев. съ Острожскою библіею и закончилъ свои замѣчанія радостнымъ заключеніемъ, что чехамъ принадлежитъ честь написанія древнѣйшаго, въ его время извѣстнаго, кирилловскаго Евангелія, и что Реймское Ев. по крайней мѣрѣ на полстолѣтія древнѣе Остромірова.

Познакомившись съ изданными Ганкою въ 1842 г. „Выписками изъ Реймскаго и Остромірова Ев.", Востоковъ отвергъ мнѣніе Ганки въ предисловіи къ Остромірову Ев. Первая половина Реймскаго Ев., написанная кирилловскими буквами, ежели бы дѣйствительно была собственноручнымъ письмомъ св. Прокопа Чешскаго, какъ сказано въ глаголическомъ послѣсловіи конца XIV в., то превосходила бы древностью Остромірово Евангеліе, ибо Прокопъ скончался въ 1053 году; но утвержденіе писца по-

---

[1]) Не „жившаго", какъ переведено въ изданіи писемъ Шафарика къ Бодянскому (стр. 136), ибо по-чешски сказано „květl"; то же въ письмѣ къ Погодину 26 дек. 1839 г.: „Prokop *florierte* schon 1010, ward Abt zu Sazawa 1030, und starb 1053 in einem sehr hohen Alter".

слѣсловія могло быть основано только на одномъ преданіи: правописаніе этого отрывка Евангелія, состоящаго изъ 15 листовъ безъ начала и конца, не показываетъ такой древности. Такое заключеніе Востоковъ дѣлалъ на основаніи знакомства съ „Выписками“, изданными Ганкою. Но Ганка въ своемъ изданіи Реймскаго Ев. не упомянулъ даже о возраженіи Востокова [1]). Билярскій полагалъ, что Ганка просто не понялъ важности этого замѣчанія, не подозрѣвая вовсе, чтобы въ немъ угрожала сильная опасность мнѣнію его о древности памятника [2]). Это умолчаніе со стороны Ганки является все-таки страннымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, Ганка не думалъ ограничиться краткимъ возраженіемъ, вызваннымъ статьей и письмомъ Строева. Планы его были болѣе широкіе. Его занимаетъ мысль издать этотъ во всякомъ случаѣ замѣчательный, а, по его убѣжденію, даже единственный по своей глубокой древности памятникъ [3]). Но мечтѣ

---

[1]) Только въ письмѣ къ нему (отъ 3 марта 1845 г.) онъ отстаивалъ свое мнѣніе: „Правописаніе не составляетъ еще древности языка: извольте только, не смотря на ортографію, сравнить языкъ сихъ двухъ памятниковъ по одинакимъ выраженіямъ и по синтаксисѣ“. Переписка А. Х. Востокова, стр. 372.

[2]) Судьбы церк. языка, II, 134.

[3]) Билярскій (Op. cit., 109) полагалъ, что едва ли не первый Срезневскій высказалъ печатно желаніе увидѣть памятникъ въ литографированномъ изданіи, и что заботы объ этомъ—преимущественная обязанность русскихъ. Выше мы привели мнѣніе Шафарика по этому же предмету, высказанное въ Часописи еще въ 1838 г.,—несомнѣнно, раньше Срезневскаго. Шафарикъ желалъ изданія Реймскаго Ев., но для него было безразлично, гдѣ и кѣмъ оно будетъ издано. Д. Зубрицкій побуждалъ Погодина заняться сравнительнымъ изданіемъ вмѣстѣ Реймскаго и Остромірова Ев. Погодинъ этого не сдѣлалъ, но, очевидно, считалъ обязанностію русскихъ ученыхъ изданіе Реймскаго Ев.; по крайней мѣрѣ, сообщая читателямъ Москвитянина (1841, № 3, стр. 637) извѣщеніе Шафарика о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ изданія Сильвестра, онъ замѣтилъ: „Пріятное извѣстіе, которому мы можемъ радоваться теперь безъ стыда, потому что сами представимъ вскорѣ ученому свѣту Остромірово Ев. Востокова“. Въ то же время Погодинъ отъ души желалъ Сильвестру и Копитару содѣйствія въ

его нескоро суждено было исполниться. Приглашенный къ участію въ предположенномъ французскимъ каллиграфомъ Сильвестромъ и случайнымъ славистомъ, полякомъ Ястрембскимъ, изданіи Реймскаго Ев. въ Парижѣ, Ганка по разнымъ обстоятельствамъ не былъ сотрудникомъ этого изданія. Планъ Сильвестра и Ястржембскаго не осуществился; не удалось и Ястржембскому самостоятельно издать Реймское Евангеліе въ перепечаткѣ. Сильвестръ, какъ извѣстно, ограничился изготовленіемъ точной копіи Реймскаго Ев., поднесенной имъ императору Николаю, и только послѣ этого, въ 1843 году, выходитъ въ свѣтъ литографированное (facsimile) изданіе Сильвестра на средства, дарованныя русскимъ правительствомъ [1]). Узнавъ о подношеніи Сильвестра императору Николаю и о передачѣ этой замѣчательной копіи на храненіе въ Императорскую Публичную библіотеку, Ганка задумываетъ при содѣйствіи петербургскихъ доброжелателей осуществить давнишнюю свою мечту.

18 (30) апрѣля 1842 г. онъ обращается съ просьбой къ Уварову: „Вы изволили принять благосклонно мои извѣстія о Реймской рукописи, въ которой сохранился послѣдній остатокъ православія западныхъ словянъ, и я увѣренъ, что вы не откажетесь принять и разослать прилагаемыя при семъ Выписки сей же рукописи, сличенныя съ Остроміровымъ Евангеліемъ“. Не безъ нѣкотораго хвастовства приравнивалъ себя здѣсь Ганка къ Ломоносову, выдвигая свои заслуги въ славянской наукѣ: „Я съ

дѣлѣ изданія Реймскаго Ев. со стороны Россійской Академіи. Желаніе, чтобы Копитаръ приложилъ свои примѣчанія къ изданію Реймскаго Ев., Погодинъ повторилъ еще разъ въ Москвитянинѣ, 1843 г., № 2, стр. 630. Получивъ извѣстіе о томъ, что и Прейсъ намѣренъ издать Реймское Ев., Ганка писалъ Срезневскому 23 апр. 1843 г.: „Bojim se, jak píšete, že p. Preis Remešské Ev. vydá, aby kopitarismem nakvašen nám tento památník nezlehčil. Já sice Petra Ivanoviče tak jako jiných Rossian neznám, neboť jeho neslovanská neotkrovennost toho mi dojiti nedopustila. Pokud jsem pozorovati mohl, byl obožatelem Mefistofela slovanské literatury“.

[1]) Исторію первыхъ попытокъ изданія Реймскаго Ев. мы подробнѣе изложили въ Ж. М. Н. Пр., 1900, ч. 330, стр. 126—155, и 1901, ч. 335, стр. 511—517.

Ломоносовымъ истинно сказать могу: „что до меня надлежитъ, то я и къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ славянскихъ (онъ говоритъ: русскихъ) бороться, какъ уже борюсь тридцать лѣтъ, стоялъ за нихъ смолода, на старости не покину“. Послѣ такого предисловія Ганка приступаетъ къ главной цѣли своего письма. „Для насъ бы очень желательно было, писалъ онъ Уварову, полное изданіе Реймскаго Ев., и я всѣми мѣрами домагался получить списокъ съ него, но какъ изъ письма, напечатаннаго при сихъ Выпискахъ, явствуетъ, что Франція, какъ владѣтельница сего сокровища, запрещаетъ къ нему доступъ каждому иностранцу, то всѣ мои усилія были напрасны“. Изъ того же письма Ястржембскаго, на которое Ганка здѣсь ссылается, ему стало извѣстно о подношеніи Сильвестра имп. Николаю. Пользуясь расположеніемъ Уварова, Ганка спрашиваетъ его: „Невозможно ли бы было получить съ этого снимка подъ надзоромъ Александра Христофоровича вѣрную копію?“ „Такое ясное доказательство, убѣждаетъ онъ Уварова, нужно для опроверженія тѣхъ, которые оспариваютъ бывшее у насъ православіе“. Одновременно пишетъ онъ о семъ и Востокову [1]). Но просьба Ганки не была исполнена: это былъ бы напрасный трудъ въ виду предстоявшаго выхода въ свѣтъ изданія Сильвестра. „Я могу теперь сообщить вамъ, писалъ ему только 14-го мая 1843 г. Уваровъ, что къ концу настоящаго года при пособіи, дарованномъ Государемъ Императоромъ, должно быть приготовлено въ Парижѣ самимъ г. Сильвестромъ палеографическое изданіе этого Евангелія. Министерство Народнаго Просвѣщенія получитъ отъ щедротъ Его Величества 300 экземпляровъ, и въ то время я не упущу изъ виду города Праги“. Но еще долго пришлось ждать Ганкѣ этого дорогого для него подарка. Только 22-го іюля 1844 года Уваровъ извѣстилъ Ганку письмомъ, что одинъ экземпляръ Реймскаго Евангелія высылается для него, другой экземпляръ Уваровъ просилъ передать отъ его имени Шафарику [2]), а третій

[1]) Переписка А. Х. Востокова, стр. 351.

[2]) Шафарикъ почему-то назначеннаго для него экземпляра не получилъ, и это обстоятельство его, повидимому, огорчало,

былъ отправленъ въ библіотеку Чешскаго Музея чрезъ австрійскаго посла въ Петербургѣ Коллоредо-Вальдзе. Ганка теперь могъ спокойно предаться приготовленіямъ къ печати своего изданія.

Прошло два года, и въ 1846 году ученый славянскій міръ узрѣлъ долго подготовлявшееся въ тишинѣ изданіе Ганки. Впрочемъ, друзья издателя имѣли и раньше кое-какія свѣдѣнія о трудѣ его. Уже въ октябрѣ 1845 года Ганка съ радостью посылаетъ Бодянскому первый оттискъ своего изданія: „Вотъ вамъ Сазаво-Емауское Евангеліе! Вы первый, получающій полный экземпляръ, даже у меня его еще нѣтъ [1])". Но при этомъ онъ не забываетъ заручиться содѣйствіемъ Бодянскаго для распространенія своего изданія на Руси. „Мнѣ было бы пріятно, продолжаетъ Ганка, если бъ вы показали его въ Москвѣ и объявили о немъ въ печати, и въ особенности, —если бъ вы рекомендовали его своимъ слушателямъ въ качествѣ хрестоматіи древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго языка".

Въ отвѣтъ на эту присылку Бодянскій въ письмѣ отъ 8-го апрѣля 1846 г. высказалъ Ганкѣ свое мнѣніе о его изданіи: „Поздравляю васъ съ изданіемъ Емаускаго Евангелія. Въ отношеніи текста и внѣшности оно ничего не оставляетъ желать, но въ отношеніи предисловія (Кто его вамъ переводилъ на русскій? Плоховато и невѣрно!) я не могу во всемъ согласиться съ вами, хотя вы высказали свое мнѣніе очень осторожно и съ меньшей запальчивостью и увлеченіемъ, какъ это сдѣлали въ одной особой статьѣ объ этомъ же предметѣ". Изданіе Ганки вызвало съ новой силой интересъ къ Реймскому памятнику. Первыми отозвались у насъ Срезневскій и Куникъ. Срезневскій относился къ Ганкѣ всегда съ особеннымъ почтеніемъ и любовью

ибо 14-го марта 1843 г. онъ пишетъ Ганкѣ: „Nevím, zdaliž ste již vznešenému Maecenu S. S. (то-есть: Сергію Семеновичу Уварову) psal, že třetí ex. Remešského Ev. nepřišel, a já že sem z dobrodiní vypadl? Jestli ne, račtež to teď učiniti, snad předce později i mně se něco dostane".

[1]) Въ листахъ Ганка знакомилъ съ изданіемъ своимъ Востокова съ марта 1845 г. Первый листъ онъ послалъ ему 3 марта 1845 г. Переписка А. Х. Востокова, стр. 372.

и высоко цѣнилъ его заслуги и дарованія. Критическій отзывъ Срезневскаго, напечатанный имъ въ Москвитянинѣ (1846 г., № 8), былъ въ сущности повтореніемъ введенія Ганки, но оно было дополнено здѣсь нѣкоторыми подробностями, сообщенными критику самимъ Ганкою. Однако критикъ, какъ вѣрно замѣтилъ Билярскій [1]), былъ весьма остороженъ въ своихъ сужденіяхъ и не высказалъ въ сущности никакого опредѣленнаго взгляда касательно древности Реймскаго Ев., несмотря на всю роскошь собранныхъ имъ историческихъ фактовъ, чрезвычайно искусно связанныхъ, въ случаѣ недостатка дѣйствительной связи, предположеніемъ. Ганка могъ бы пожаловаться на равнодушіе критика къ его взгляду, потому что онъ (критикъ) не только не подкрѣплялъ слабыхъ сторонъ мнѣнія Ганки авторитетомъ своего согласія, но даже обнаруживалъ ихъ, прибавляя выраженія, отстраняющія отъ него всякую за нихъ отвѣтственность. Мнѣніе самого критика вообще оставалось въ непроницаемой темнотѣ: онъ какъ бы съ намѣреніемъ уклонялся отъ всякаго рѣшительнаго выраженія, нигдѣ не противорѣчилъ Ганкѣ прямо, нигдѣ не объявлялъ своего несогласія, напротивъ, видимо заботился выставить взглядъ Ганки въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ [2]). Отзывъ Срезневскаго нашелъ строгаго порицателя въ Билярскомъ, но Ганка не вникалъ такъ глубоко въ этотъ разборъ, а въ доброжелательствѣ Срезневскаго его научнымъ стремленіямъ у него не могло быть и тѣни сомнѣнія.

Но не таковъ былъ критическій отзывъ Куника [3]), съ замѣчательнымъ вниманіемъ и строгимъ объективизмомъ разобравшаго изданіе Ганки. Куникъ началъ съ заглавія. Въ самомъ дѣлѣ, оно прежде всего должно было привлечь вниманіе критика-славяновѣда, а между тѣмъ изъ многочисленныхъ рецензентовъ изданія Ганки не нашлось ни у одного славянина, ни у одного „славянскаго славяниста“ такого чуткаго уха, которое оскорбилось бы рѣзкими диссонансами заглавія, какимъ издатель надѣлилъ свой излюбленный памятникъ. И только Куникъ, ино-

---

1) Op. cit., стр. 97.

2) Тамъ же, стр. 105.

3) Въ St. Petersburg. Zeit., 1846, № 68.

странецъ, знавшій славянскіе языки „не отъ природы“, обратилъ вниманіе на это заглавіе, находя по меньшей мѣрѣ страннымъ, что оно могло явиться въ это время въ Прагѣ. „На какомъ славянскомъ языкѣ написано это заглавіе?“ спрашивалъ онъ. „Чистыми древне-болгарскими (т. е. древне-церковными) эти формы назвать нельзя. Кажется, г. Ганка хотѣлъ намекнуть этимъ заглавіемъ, что такимъ образомъ искажались (entbolgarisirt) древне-болгарскія формы моравскими и чешскими писцами. Но доказательство существованія такого моравскаго церковнославянскаго правописанія навсегда останется въ долгу за г. Ганкой“.

И Билярскій признавалъ, что заглавіе, данное Ганкою своему труду, дѣйствительно представляетъ странную смѣсь [1]). Заглавіе это само по себѣ было знаменательно: оно являлось ключемъ къ объясненію достоинства филологической оцѣнки памятника издателемъ и сразу давало непріятное для Ганки оружіе въ руки критиковъ изданія его.

Въ своемъ разборѣ Куникъ обратилъ вниманіе на несостоятельность какъ историческихъ, такъ и филологическихъ доказательствъ Ганки относительно принадлежности Реймскаго Ев. св. Прокопу [2]). Общій тонъ разбора его нельзя назвать недоброжелательнымъ по отношенію къ Ганкѣ [3]). Даже въ упоминаніи Куника объ упрекѣ Копитара, заподозрившаго Ганку въ патріотическомъ пристрастіи, Билярскій скорѣе склоненъ былъ видѣть увѣренность критика въ незначительности этого посторонняго вліянія и на мнѣніе Ганки и на будущій ходъ вопроса, чѣмъ желаніе лишній разъ кольнуть Ганку, подтвердить этотъ упрекъ или усилить его дѣйствіе. Въ выраженіяхъ критика по этому поводу, казалось Билярскому, отзывалось даже что-то похожее

---

[1]) Op. cit., стр. 117.

[2]) Подробно отзывъ Куника изложенъ у Билярскаго, стр. 118—149.

[3]) Друзья Ганки усматривали однако въ немъ недоброжелательство. „In Russland, wo Hanka's erste Aufsätze über den Reimser Kodex gläubig aufgenommen wurden, werden jetzt auch gegnerische Stimmen laut“, удивлялся Легисъ-Глюкзелигъ. Krit. Beiträge zur slaw. Philologie, Wien, 1847, S. 38 (изъ Blätter f. Litt. und Kunst).

на участіе къ славянскому патріотизму, и самые исключительные патріоты, оставаясь равнодушными къ этому участію, не могли бы не отдать справедливости, по крайней мѣрѣ, безпристрастію критика. Куникъ, дѣйствительно, склоненъ былъ извинить „патріотическія слабости“ Ганки: онѣ, по его мнѣнію, имѣли достаточное извиненіе въ суровомъ игѣ, которымъ бѣшеные нѣмцы и мадьяры подавляли духъ славянъ, истребляя славянское богослуженіе въ Чехіи и Моравіи, сожигая гуситскія и вообще чешскія книги въ XVII вѣкѣ. Но и этого мало. Куникъ, утверждаетъ Билярскій, при разборѣ изданія Ганки ставилъ себя рѣшительно на патріотическую точку зрѣнія, потому что изданіе Ганки, кромѣ общаго ученаго интереса, имѣло дѣйствительно спеціально-патріотическую сторону—въ переложеніи текста на чешскія буквы. „Въ этомъ отношеніи Куникъ ничего не сказалъ болѣе того, что могъ бы сказать просвѣщенный патріотъ чешскій“, заключалъ Билярскій.

Критика Куника была, несомнѣнно, строга, но и самая строгость ея и очевидныя заботы автора отзыва объ отчетливости его достаточно показывали, какъ думалъ Билярскій, увѣренность его, что онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ, котораго вниманіе можно пріобрѣсть не иначе, какъ серьезно-ученымъ разборомъ предмета. Но Куникъ, какъ свидѣтельствовало заключеніе его отзыва, и непосредственно выражалъ свое уваженіе къ ученымъ заслугамъ Ганки, въ прошедшемъ и даже въ будущемъ.

Отзывъ Куника немедленно былъ сообщенъ въ Прагу изъ Петербурга и вызвалъ въ Ганкѣ сильнѣйшее негодованіе.

„Г-нъ профессоръ Устряловъ сообщилъ мнѣ, писалъ Ганка 22-го іюня 1846 года графу С. С. Уварову, критику на нѣмецкомъ языкѣ на мое изданіе Сазаво-Емаускаго Евангелія изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Я прочелъ ее, какъ обыкновенно такую невѣжливую статью читаютъ, и убѣдился, что русскіе приняли и принимаютъ мою книгу совсѣмъ иначе и вопреки неучтиваго тщанія г-на Куника. Я никого не принуждаю вѣрить; въ книгѣ моей стоитъ: „мнѣ не пощастливилось найти указанія въ лѣтописяхъ, а впрочемъ скажу свое мнѣніе“. Я это сказалъ простосердечно, это—мое мнѣніе, какъ и то: Куникъ—

грубый нѣмецъ, и „Богъ съ нимъ", какъ говорятъ русскіе въ подобныхъ случаяхъ. Въ другихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть лучшій человѣкъ, но я его знаю только по этой статьѣ [1]". Свое неудовольствіе по поводу статьи Куника Ганка почти въ тѣхъ же словахъ повторилъ и въ письмѣ къ Бодянскому (отъ 14-го іюля 1846 г.): „Нѣмецъ Куникъ написалъ объ этихъ книгахъ злобную чепуху въ нѣмецкія газеты. Своимъ „ругательствомъ"

---

[1]) Замѣтимъ, что къ изданію Ганки недоброжелательно отнеслись и въ самой Прагѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу Ганка Бодянскому 15-го мая 1847 года: „Г. Палацкій не позволилъ ни слова сказать объ этихъ книжкахъ (т. е., о Реймскомъ Евангеліи и Началахъ священнаго языка) въ журналахъ, ни помѣстить заглавія ихъ въ перечнѣ новыхъ книгъ, а листокъ, приклеенный ко II-му выпуску „Музейника" 1846 года, напечатанъ на мой счетъ, противъ его желанія". Значительно раньше (31 янв. 1846 г.) онъ писалъ Срезневскому: „Вамъ извѣстно, какъ дѣйствуетъ противъ меня г. П. Теперь онъ натравливаетъ на меня Гавличка, который получилъ редакцію Českých Novin, чтобы онъ въ нихъ и въ Пчелѣ бросалъ въ меня грязью". Когда Ганка обратился къ Шафарику съ просьбой написать отзывъ о его изданіи Реймскаго Ев., Шафарикъ дипломатично уклонился отъ этого. 3-го декабря 1845 г. онъ писалъ Ганкѣ: „Ohledem na projevenou onehdy žádost nechci vás tajna činiti, že pro důležité překážky a příčiny, chtěje zásadám svým věren zůstati a nemoha v té věci povinnosti k sobě i jiným jinak vyrovnati, na ten čas posudku neboli zprávy o Rem. Ev. pro časopis Musejní a veřejné listy vůbec psáti nemohu. Jest mi toho samému nemálo líto: než těším se tou myšlenkou, že při množícím se počtu Slavistův brzo někdo (n. pr. pp. Miklosich, Glückselig a t. d.) se nalezne, jenž s vydáním vaším obecenstvo blíže seznámí a zásluhy vaše při tom slušně i spravedlivě ocení". Ганку этотъ отказъ огорчилъ. Онъ излилъ свое горе въ письмѣ къ Зубрицкому, который отвѣчалъ ему: „Вы сомнѣваетесь, боязнь ли, или зависть заставила друзей вашихъ оказаться равнодушными на вашъ прекрасный трудъ; а я думаю, что болѣе другое, какъ первое; хотя впрочемъ, sub rosa, мнѣ кажется, и я основываюсь на нѣкоторыхъ словахъ полученнаго мною его письма, что г. Ш. пустится по слѣдамъ Копитара, но его, какъ протестанта, не украситъ его святѣйшество своимъ орденомъ" (10—22-го февраля 1846 г.). Это была, несомнѣнно, злая сплетня. Ни боязнь, ни зависть въ этомъ случаѣ Шафарикомъ не руководили: онъ просто великодушно щадилъ Ганку.

онъ доказалъ, что онъ грубый нѣмецъ, и „Богъ съ нимъ", какъ говорятъ русскіе. Я вѣдь въ предисловіи говорю, что разрѣшить спорный вопросъ (о послѣсловіи) предлагаю нынѣшнимъ и будущимъ славянскимъ ученымъ,—итакъ, къ чему тутъ нѣмецъ?"

Ганка вышелъ изъ себя, потерялъ всякое хладнокровіе, необходимое для веденія научнаго спора, и, вмѣсто всякой аргументаціи, разразился бранью. Противодѣйствіе это было не ученое, даже вовсе не литературное, говоритъ Билярскій [1]), и мы не узнали бы о немъ изъ литературы, если бъ оно не вызвало самого критика къ литературной защитѣ. Замѣтимъ, что Билярскій склоненъ былъ найти извѣстное оправданіе поступку Ганки по отношенію къ Кунику. „Могло статься, говорилъ онъ, что Ганка былъ искренно увѣренъ въ недоброжелательствѣ своего критика, потому что не могъ войти въ его мнѣнія, не понималъ основаній, которыя заставляли критика опровергать древность памятника [2])". Предположеніе довольно правдоподобное.

Куникъ не захотѣлъ оставить нелѣпыя обвиненія Ганки безъ отвѣта, хотя они не были высказаны печатно, а содержались лишь въ частныхъ письмахъ. Побужденіе, заставившее его написать разборъ изданія Ганки, было чисто-ученое, и Куникъ въ отвѣтѣ своемъ [3]) на недостойныя обвиненія Ганки рѣзко подчеркнулъ цѣль своего критическаго отзыва, столь ложно понятаго и несправедливо оцѣненнаго Ганкою. Куникъ на этотъ разъ не щадилъ уже Ганку. „Будучи увѣренъ, что авторитетъ Ганки, пріобрѣтенный имъ въ другихъ наукахъ, легко найдетъ почитателей и въ области церковнославянскихъ изслѣдованій, и именно опасаясь этого дѣйствія въ Россіи, я, говорилъ Куникъ, счелъ за нужное выставить противъ его мнѣнія свое сомнѣніе, и тѣмъ болѣе, что тотъ, кто первый въ 1820 году освѣтилъ хаосъ церковнославянской письменности, рѣшился теперь пройти молчаніемъ пренебреженіе къ его мнѣнію о Реймскомъ Ев. Ученый свѣтъ долженъ узнать,—такъ думалъ я,—что въ числѣ голосовъ, которыми встрѣчено будетъ изданіе Реймскаго Ев., есть

---

1) Op. cit., стр. 130—131.

2) Op. cit., стр. 134.

3) Въ № 3 и 4 St. Petersb. Zeit., 1847 г.

хотя одинъ, который предостерегаетъ церковнославянскія изслѣдованія отъ обольстительныхъ фантазій, угрожающихъ имъ новою путаницей".

Отзывъ Куника заставилъ Ганку искать защиты у друзей[1]). Пользуясь отосланіемъ письма къ Н. Г. Устрялову, онъ препровождаетъ (7-го мая 1846 г.) одинъ экземпляръ своего изданія П. И. Прейсу, съ просьбой принять это изданіе подъ свое покровительство: „Можете ли совѣстно, драгоцѣнный Петръ Ивановичъ, принять на себя заступничество сей книги, вы бы одолжились въ побужденіи ревности къ славянщинѣ у насъ, у западныхъ славянъ: въ это время бы было это кстати, когда вамъ извѣстно, какими мѣрами стремится германскій западъ вкоренить ненависть противъ восточныхъ славянъ и въ самыхъ западно-славянскихъ племенахъ[2])". Авторитетъ Прейса, въ которомъ самъ Шафарикъ видѣлъ будущаго „второго Востокова", долженъ былъ защитить изданіе Ганки. Но Прейсъ не отозвался: изданія Ганки онъ не видалъ до самой смерти своей, хотя оно еще при жизни его получено было въ Петербургѣ. Оставалось Ганкѣ самому выступить съ отвѣтомъ своему противнику. Несмотря на то, что Устряловъ (въ письмѣ отъ 13-го—25-го іюля 1846 г.) предлагалъ Ганкѣ написать „антикритику", кото-

---

[1]) Ганка долго не забывалъ статей Куника. Въ январѣ 1849 года онъ случайно узнаетъ изъ Bulletin Академіи, что Куникъ „раздаетъ демидовскія преміи", и по этому случаю онъ изливаетъ свое негодованіе въ письмѣ (отъ 17 янв.) къ Срезневскому: „Я давно знаю, что для нѣмцевъ очень важно поддержать въ русскихъ убѣжденіе, что только они и татары дали и даютъ славянамъ разумъ, что въ Чехіи ни буквы славянской не было. Скажите, другъ мой, возможно ли, чтобы кто-нибудь въ XIV в. въ состояніи былъ написать болгарско-русско-сербско-румунскую смѣсь (slátaninu)? Я сомнѣваюсь, чтобы въ наше время сумѣлъ сдѣлать это и Куникъ самъ. Что онъ привелъ г. Билярскаго къ такой безсмыслицѣ,—я не удивляюсь; но что онъ сумѣлъ одурачить и самого Александра Христофоровича,—этого я не пойму. Неужели у васъ современныя историческія свидѣтельства заслуживаютъ меньше довѣрія, чѣмъ пристрастная болтовня хвастливаго нѣмца?"

[2]) Живая Стар., 1891, IV, стр. 33.

рую редакція СПБ. Вѣдомостей охотно напечатала бы, Ганка молчалъ. Онъ былъ уже счастливъ тѣмъ, что трудъ его удостоился награды съ высоты русскаго престола. 21-го марта 1846 г. Уваровъ писалъ Ганкѣ: „Экземпляръ изданнаго вами Реймскаго Евангелія, сличеннаго съ Евангеліемъ Остроміровымъ и Острожскими чтеніями, я имѣлъ счастіе, согласно съ желаніемъ вашимъ, поднести Государю Императору. Его Императорское Величество, удостоивъ благосклоннаго принятія это изданіе и въ ознаменованіе Высочайшаго вниманія къ литературнымъ трудамъ вашимъ по части славянской филологіи и усердному содѣйствію вашему ученымъ предпріятіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и образованію молодыхъ людей, которые были отправляемы для изученія славянскихъ нарѣчій, всемилостивѣйше пожаловалъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-ой степени [1]“. Къ тому же для Ганки готовилась въ Россіи еще и другая радость. Выражая благодарность Ганкѣ за экземпляръ Реймскаго Евангелія, доставленный ему лично, и извѣщая его о передачѣ дру-

---

[1]) Ганка, по словамъ Легисъ-Глюкзелига, получилъ за изданіе Реймскаго Ев. и отъ императора Фердинанда I бриллiантовый перстень. Погодинъ же сообщалъ (Русская Бесѣда, 1859, I, смѣсь, 75), что австрійцы стараются всѣми силами отвратить все, что можетъ хоть издали напоминать греческое исповѣданіе: „Ганка недавно получилъ строгій выговоръ за свои доказательства (впрочемъ, нетвердыя), что Реймское Ев. писано въ Богеміи въ XI вѣкѣ св. Прокопіемъ кирилловскими церковными буквами“. Вѣроятно, у Погодина имѣлись точныя свѣдѣнія объ отличіи, полученномъ Ганкой. Замѣтимъ еще, что задолго до выхода изданія Реймскаго Ев. Ганкѣ пришлось испытать какія-то непріятности по поводу своего мнѣнія о происхожденіи этого памятника. Къ одному изъ писемъ 1842 г. къ Дубровскому Ганка приложилъ маленькій лоскутокъ бумаги, на которомъ по-русски написаны были слѣдующія строки: „Копытарь-лукавецъ, знаетъ свое ремесло. N. N. („Лицо, еще живущее, и потому скрываю его имя“, замѣчаетъ Дубровскій)— его рабъ и такъ бы хотѣлъ всѣхъ словить. Вамъ неизвѣстно, что онъ на меня донесъ правительству про Реймское Ев. въ религіозномъ и политическомъ отношеніи. Но я отвѣчалъ остро. Онъ теперь въ Римѣ, опять сплетни и каверзни куетъ“. Отеч. Зап., 1861, февраль, стр. 401.

гого экземпляра въ Императорскую академію наукъ, графъ Уваровъ сообщалъ ему въ то же время, что онъ „пригласилъ гг. попечителей учебныхъ округовъ къ пріобрѣтенію для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній какъ Реймскаго Евангелія, такъ и славянской грамматики (т. е. Началъ священнаго языка)“.

Однако, несмотря на „видимый знакъ высочайшаго благоволенія“ и оффиціальныя со стороны министерства рекомендаціи изданія Ганки, оффиціальный органъ министерства народнаго просвѣщенія помѣстилъ на своихъ страницахъ статью, направленную противъ труда Ганки. Это была небольшая, но чрезвычайно содержательная рецензія Билярскаго [1]), требовавшаго подробнаго разбора Реймскаго Ев. въ отношеніи филологическомъ. Болѣе подробный разборъ изданія Ганки представленъ былъ имъ спустя два года въ обширномъ изслѣдованіи: „Судьбы церковнаго языка“ (1848 г.), вторая часть котораго посвящена спеціально кирилловской части Реймскаго Ев. Билярскій вполнѣ безпристрастно и спокойно отнесся къ мнѣнію Ганки о Реймскомъ Ев. [2]). Не скрывая существеннаго недостатка изслѣдованія Ганки, слабой филологической стороны его труда, онъ признавалъ однако увлекательность его историческихъ доказательствъ, конечно, главнымъ образомъ для такихъ читателей, которые не знакомы по собственному опыту съ относительнымъ достоинствомъ средствъ палеографической критики. Исходнымъ пунктомъ историческихъ заключеній Ганки было послѣсловіе. Избранныя Ганкою доказательства, говоритъ Билярскій, никакъ не были хуже тѣхъ, какія употреблялись до сихъ поръ въ подкрѣпленіе того или другого мнѣнія о памятникѣ: напротивъ, это было продолженіе той же методы, но уже усиленное фактами, пріобрѣтенными изъ самаго памятника. Припомнимъ, что Добровскій точно такъ же посредствомъ соображенія внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ назначалъ отечество памятнику въ Сербіи; точно такъ же, но еще съ меньшею вѣроятностью, Копитаръ приписывалъ изготовленіе кодекса св. Меѳодію; тѣмъ

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1846, ч. LII, отд. VI, стр. 10—27.

[2]) Op. cit., § 21, стр. 74—81.

же путемъ историческихъ соображеній онъ зашелъ потомъ для отысканія исторіи памятника сперва на сѣверъ, въ Кіевъ, а потомъ на югъ, въ Далмацію; наконецъ, въ самыхъ Пролегоменахъ Копитаръ пускается въ обширныя историческія объясненія и этимъ внѣшнимъ путемъ старается оподозрить противное мнѣніе, минуя филологическій разборъ памятника.

Такимъ образомъ, направленіе, принятое Ганкою, шло издавна и поддерживалось полнымъ участіемъ и изыскателей и ученой публики. По мнѣнію Билярскаго, Ганка могъ даже гордиться своими историческими выводами, сравнительно съ предыдущими произвольными предположеніями; онъ могъ ставить себѣ въ заслугу, что онъ остановилъ необузданный произволъ, который носился съ памятникомъ то съ юга на сѣверъ, то обратно, и не зналъ, на чемъ остановиться. Открытіе послѣсловія навсегда останется соединеннымъ съ именемъ Ганки и его парижскаго корреспондента, какъ неотъемлемая ихъ заслуга ученому вопросу: оно указало твердый пунктъ въ исторіи странствованія памятника [1]. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи обширнаго разбора Билярскаго. Замѣтимъ только, что окончательное сужденіе Билярскаго объ изслѣдованіи Ганки было все-таки отрицательнымъ. Ганка, заключалъ Билярскій, своими изслѣдованіями не возвелъ вопроса до современныхъ успѣховъ филологіи и оставался въ своемъ взглядѣ на правописаніе представителемъ прежняго состоянія науки, въ которомъ ей недоставало именно надлежащей оцѣнки важности правописанія и средствъ для объясненія его, хотя въ тоже время онъ усвоилъ себѣ въ общихъ чертахъ результаты успѣховъ филологіи новѣйшаго времени. Прямой упрекъ въ отсталости и поверхностномъ знакомствѣ съ послѣдними результатами научной разработки вопросовъ славянской филологіи!

Но при всѣхъ недостаткахъ изданіе Ганки, благодаря стараніямъ друзей его, получило довольно широкое распространеніе въ Россіи, правда, не въ той сферѣ, въ которой Ганкѣ наиболѣе пріятно было бы видѣть свое дѣтище. Кромѣ ре-

---

[1]) Op. cit., стр. 79.

комендаціи, вышедшей непосредственно изъ министерства народнаго просвѣщенія, извѣстное содѣйствіе распространенію изданія Ганки оказали Срезневскій и Бодянскій. Первый изъ Харькова извѣщалъ Ганку (26 мая 1846 г.), что онъ намѣренъ былъ предложить университету и округу пріобрѣтеніе Реймскаго Ев., но, къ сожалѣнію, министерство предупредило его, и ему осталось позаботиться лишь о распространеніи изданія среди знакомыхъ и студентовъ. Срезневскій обѣщалъ на слѣдующій академическій годъ ввести изданіе Ганки въ качествѣ руководства, и съ этимъ связывались нѣкоторыя надежды на болѣе широкое распространеніе книги. „Разумѣется, нѣсколько экземпляровъ сбуду, обѣщалъ онъ Ганкѣ,—но навѣрно не всѣ. Покамѣстъ продалъ только одинъ..."

Вопросъ относительно выписки Реймскаго Евангелія для учебныхъ заведеній московскаго учебнаго округа былъ переданъ попечителемъ на разсмотрѣніе Бодянскаго. „И я,—извѣщалъ Ганку Бодянскій,—не только одобрилъ выписку, но даже просилъ отъ себя не откладывать ея въ долгій ящикъ. Не знаю, что то будетъ. Думаю, однако же, что дѣло наше состоится". Но будущее не оправдало надеждъ Бодянскаго, и сомнѣнія его насчетъ успѣшности продажи пражскаго изданія въ Россіи были, дѣйствительно, основательны. Кромѣ экземпляровъ, оффиціально затребованныхъ министерствомъ для библіотекъ учебныхъ заведеній, изданіе расходилось весьма медленно [1]) и неуспѣшность продажи его огорчала Ганку, потратившаго на изданіе, несомнѣнно, значительныя средства. А между тѣмъ желанія у него были весьма скромныя.

„Весьма полезно было бы для меня, проситъ Ганка Бодянскаго (25-го окт. 1846 г.), если бъ вы постарались сбыть пока хоть столько экземпляровъ (Реймскаго Евангелія), чтобъ можно было заплатить за доставку. При моемъ маленькомъ жалованьѣ этотъ расходъ для меня въ высшей степени обремени-

[1]) Весной 1846 г. Ганка выслалъ Бодянскому 200 экземпляровъ своего изданія Реймскаго Евангелія. Въ спискѣ книгъ, имѣющихся для продажи въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., это изданіе значится еще и въ настоящее время.

теленъ, въ особенности въ этомъ году, когда все такъ дорого. Болѣе тысячи гульденовъ серебромъ наличными деньгами я долженъ былъ заплатить за упомянутое Евангеліе, и теперь предстоитъ мнѣ еще столько заплатить за доставку. Я расчитывалъ на то, что вы, господа профессора славянской словесности, будете ко мнѣ настолько пріятельски благосклонны и милостивы, что возьметесь рекомендовать эту вещь своимъ слушателямъ, какъ послѣдній остатокъ православія на западѣ; чтобъ книга побольше распространилась, и чтобы священный языкъ сталъ извѣстенъ, я принялъ въ нее, насколько возможно, побольше изъ Остромірова Евангелія. Но если я долженъ буду заплатить вамъ наличными деньгами и за доставку, то вы, какъ вижу, не похлопочете даже о томъ, чтобъ хоть сколько-нибудь разошлось, и хорошая вещь будетъ лежать безъ пользы, какъ желаютъ этого наши недоброжелатели". Ганка видимо раздражался неуспѣшностью продажи своего изданія Реймскаго Евангелія, „хорошей вещи", по его убѣжденію. Въ утѣшеніе ему Бодянскій, не безъ ироніи, сообщалъ (30-го апрѣля 1847 г.), что въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ насилу нашелся человѣкъ, который выписалъ экземпляръ! „Имя его, говорилъ Бодянскій, стоитъ вашей памяти: это графъ Дмитрій Толстой изъ Риги. Конечно, печальное явленіе эта невнимательность моихъ соотечественниковъ къ такому дѣлу, но что̀ правда, то правда. Можетъ быть, въ слѣдующемъ году, т. е. съ осени, не будетъ ли какого сбыту имъ, когда я объявлю преподаваніе церковнославянскаго языка въ университетѣ и поручу именно эти ваши изданія въ руководство; но теперь вовсе, какъ видите, застой на нихъ". „Взаимность, взаимность! золотое слово, но только на языкѣ, а не на дѣлѣ!" съ горестью восклицалъ Ганка въ отвѣтъ на эти неутѣшительныя сообщенія. „Я пожертвовалъ, жаловался онъ Бодянскому нѣсколько позже (15-го мая 1847 г.), послѣдній грошъ на это изданіе, и если бъ я не уступилъ вамъ своей библіотеки, я не былъ бы въ состояніи сдѣлать этого..."

Неудача огорчала Ганку тѣмъ болѣе, что она разстраивала одно изъ задушевныхъ его желаній: поѣздку по славянскимъ землямъ. „Покровительствуйте моему осиротѣвшему „Еванге-

лію“ и „Началамъ“, какъ добрый отецъ“, умолялъ онъ Бодянскаго (14-го іюня 1847 г.). „У меня былъ планъ на вырученныя деньги за мою библіотеку сдѣлать путешествіе по славянскимъ землямъ и посѣтить матушку-Москву на Святой Руси, между тѣмъ объявилось Евангеліе въ Реймсѣ, и я полагалъ возможнымъ сдѣлать и то и другое, т. е., издать этотъ священный памятникъ, и за вырученное за него, думалъ, нарастетъ на путешествіе. Но ваши извѣстія иначе показываютъ. Что жъ дѣлать, человѣкъ думаетъ, но судьба иначе сдѣлаетъ: ошибка ошибкой, а не грѣхомъ. Назадъ книгъ не посылать, это потеря еще большая“.

Между тѣмъ Бодянскій, въ отвѣтъ на всѣ просьбы Ганки о покровительствѣ его изданію, могъ сообщить ему попрежнему весьма мало утѣшительнаго. Труды Ганки не раскупались, хотя въ каждой книгѣ „Чтеній“ Бодянскій помѣщалъ о нихъ объявленіе. „Единственная надежда, продолжалъ онъ успокаивать Ганку, на сбытъ ихъ здѣсь съ открытіемъ университетскихъ лекцій осенью, когда студенты обратятся къ нимъ, по моему назначенію, какъ къ руководству при слушаніи моихъ чтеній о церковнославянскомъ языкѣ“. Но надежды, возлагавшіяся на студентовъ, тоже не оправдались, ибо въ октябрѣ 1847 года Реймскаго Евангелія разошлось всего только семь экземпляровъ! „Что прикажете дѣлать съ такой убійственной холодностью нашихъ москвичей! При первомъ желаніи вашемъ, писалъ Бодянскій, я готовъ выслать даже имена купившихъ Евангеліе, потому что веду ихъ списокъ. Любопытно знать, кто занимается имъ“. Сообщая Ганкѣ (22-го апрѣля 1850 г.) недлинный расчетъ по продажѣ его изданій въ Москвѣ за три года, Бодянскій откровенно выразился, что, по его мнѣнію, лучше всего будетъ переслать остающіеся экземпляры обратно въ Прагу.

„Длинные счеты“ и „малые итоги“ Бодянскаго по продажѣ изданій Ганки въ Москвѣ казались послѣднему особенно обидными при сравненіи съ результатами кіевскаго комиссіонера его, барона Станислава Шодуара. „Древній Кіевъ далеко опередилъ матушку-Москву Бѣлокаменную, спасовавшую передъ нимъ и передъ Петербургомъ. Къ сожалѣнію, у насъ очень ма-

ло охотниковъ до древнеславянскаго языка! А онъ все-таки составляетъ наше общее и васъ православныхъ преимущественное достояніе", горевалъ Ганка. Но въ Петербургѣ дѣло шло успѣшнѣе, единственно благодаря оффиціальнымъ требованіямъ министерства. Вѣроятно, наставленіе, преподанное Ганкой Бодянскому—„шевелить равнодушныхъ земляковъ" своихъ, плохо имъ исполнялось, а между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Ганки, ни для кого не представлялось къ этому „шевеленію" больше возможности, какъ для профессора славянской литературы. Но Бодянскій былъ, очевидно, не изъ практиковъ, какимъ былъ Ганка. Дѣло дошло до того, что Ганка выразилъ желаніе сбыть свое изданіе Реймскаго Евангелія за половинную цѣну. Но Бодянскій рѣшительно возражалъ (16-го іюня 1850 г.): „Едва ли это возможно, судя по тому, какъ оно въ продолженіе четырехъ лѣтъ идетъ у насъ... Я все-таки повторяю, что лучше всего будетъ, если вы возьмете свое изданіе назадъ. Въ будущемъ мало для него у насъ улыбающагося..." Таковы были судьбы этой „хорошей вещи" въ Бѣлокаменной.

Изданіе Реймскаго Евангелія Ганки, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, принесло несомнѣнную пользу: оно сдѣлало этотъ памятникъ легко доступнымъ и широко извѣстнымъ и этимъ вызывало новыя изслѣдованія. И Ганка самъ на своемъ изданіи не остановился. Повидимому, у него назрѣвалъ новый какой-то проектъ. Въ пятидесятыхъ годахъ у него завязалась переписка относительно Реймскаго Евангелія съ нашимъ ученымъ-іезуитомъ И. М. Мартыновымъ. Мартыновъ занимался въ библіотекахъ Праги въ сентябрѣ 1856 г. и тогда сблизился съ Ганкой. Переписка его съ Ганкой начинается тотчасъ же по возвращеніи его въ Парижъ. Мартыновъ озабоченъ былъ тогда устройствомъ въ Парижѣ русской типографіи, которая могла бы печатать старославянскіе тексты. „Славянскій шрифтъ занимаетъ меня всего болѣе; но дѣло въ томъ, какъ завести здѣсь типографію, или скорѣе сказать,—чѣмъ кормить ее, когда заведутъ, такъ чтобы она не умерла съ голоду", писалъ онъ Ганкѣ 25 окт. 1856 г. Въ это время онъ задумалъ издать въ Парижѣ „сокращенную Грамматику Добровскаго", но дѣло остановилось за

шрифтомъ. „Лишь только сладится дѣло о славянской типографіи, мы начнемъ печатать ее благословясь", обѣщаетъ онъ въ томъ же письмѣ, но тутъ же интересуется узнать, что̀ стоило бы печатаніе этой Грамматики у Гаазе. Ганка сообщилъ ему смѣту типографіи Гаазе, но при этомъ выразилъ желаніе, чтобы Мартыновъ далъ рѣзать „новые славянскіе типы" въ Парижѣ, „у лучшихъ художниковъ", ибо оттуда, „какъ всякая мода, они разойдутся по всему славянству". Въ апрѣлѣ 1857 года Мартыновъ, послѣ продолжительнаго молчанія, обратился къ Ганкѣ съ предложеніемъ слѣдующаго рода: „Здѣсь издается біографическій словарь, уже доведенный до буквы G: отъ G до H недалеко. И такъ какъ вы имѣете полное право находиться во главѣ филологовъ, то милости просимъ прислать мнѣ вашъ литературный формуляръ..." Ганка, очевидно, долго не отвѣчалъ на предложеніе Мартынова, такъ какъ 23 сент. 1858 г. онъ вновь напоминаетъ ему о немъ: „Меня просятъ написать нѣчто о славовѣдахъ (sic) XIX ст. Начало посвящено будетъ, разумѣется, безсмертному Добровскому, а гдѣ дѣло идетъ о Добровскомъ, нельзя не снестись съ тѣмъ, кто названъ былъ его dignissimus discipulus atque aemulus". Поэтому онъ проситъ Ганку сообщить ему данныя и о „патріархѣ славовѣдовъ" [1]) и о своей собственной дѣятельности: „О васъ самихъ у меня всего ме-

[1]) При этомъ Мартыновъ высказалъ мысль о своевременности изданія полнаго собранія сочиненій Добровскаго, съ его жизнеописаніемъ. Но Ганка отвѣтилъ на его широкій замыселъ: „Первый вопросъ,—кто дастъ деньги? Книгопродавецъ этого на свой счетъ не возьметъ". Для охлажденія пыла Мартынова онъ сообщаетъ ему одну поучительную мелочь: „Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что я въ 1829 г., послѣ смерти Добровскаго, напечаталъ съ интереснымъ письмомъ покойника провозглашеніе, имѣя его переписку съ разными учеными, и просилъ мнѣ сообщить оригиналы или вѣрныя копіи писемъ (Monatschr. der Geselsch. des Vaterl. Museums, Prag, 1829) и получилъ только одну копію письма. Можетъ быть, изъ Парижа приняли бы это охотнѣе, чѣмъ изъ Праги?" (Черновикъ—въ бумагахъ Ганки). Отъ Ганки же Мартыновъ ожидалъ свѣдѣній о жизни и трудахъ Копитара, Шафарика и Востокова.

нѣе матеріаловъ, а между тѣмъ въ Галлереѣ Славистовъ вы, волею-неволею, должны явиться на вашемъ почетномъ мѣстѣ". Въ жизнеописаніи Ганки неизбѣжно предстояло сказать нѣсколько словъ и о „скромномъ изданіи" его Реймскаго Ев. Въ этомъ же письмѣ отъ 23 сент. 1858 г. Мартыновъ, между прочимъ, извѣщалъ Ганку: „На дняхъ я поѣду въ Реймсъ поглядѣть на тамошнее сокровище, которое вамъ хорошо извѣстно. Печатный снимокъ Сильвестра кажется мнѣ слишкомъ что-то красивымъ". Ганка обрадовался этому намѣренію Мартынова и просилъ его сообщить ему результаты знакомства съ рукописью, ибо „отъ очевидца такія извѣстія всегда драгоцѣнны". При этомъ Ганка не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ pro domo sua, въ защиту своего убѣжденія въ древности Реймскаго Ев. „Билярскій, говорилъ Ганка, написалъ толстую книгу о Реймской (sic) Ев., но это, кромѣ учености, все вздоръ". Разсужденіе Билярскаго не могло поколебать его убѣжденія. Но Мартыновъ осуществилъ свое намѣреніе, повидимому, нескоро. Въ перепискѣ его съ Ганкой за много мѣсяцевъ нѣтъ никакихъ извѣстій объ этой его поѣздкѣ, и только 19-го февраля 1859 года онъ опять заговорилъ о Реймскомъ Евангеліи, отвѣчая Ганкѣ на его сообщенія. „Кое-что о Реймскомъ Евангеліи. Вы правы,—въ немъ много, много ошибокъ, да все-таки не столько, какъ въ пресловутомъ снимкѣ Сильвестровомъ; нѣкоторыя перешли и въ ваше изданіе, да крошечныя. Замѣтили вы: *сухомора*—вмѣсто: *зусотога*? Настоящая умора!" Изданіе Сильвестра, не удовлетворявшее Мартынова, вызвало съ его стороны рядъ замѣчаній, но ученый міръ о нихъ ничего не зналъ. „Издать моихъ замѣчаній, объясняетъ Мартыновъ Ганкѣ причину своего молчанія, покамѣстъ нельзя,—такъ, изъ учтивости къ парижскимъ издателямъ, съ которыми я коротко знакомъ. Да притомъ оно не къ спѣху и всегда придетъ во время. Теперь, я думаю, о Сазавскомъ Евангеліи (sic) мало кто занимается: всѣ въ восторгѣ отъ Зографскаго Евангелія".

Мартынова особенно занимала глаголическая часть Реймскаго Евангелія и вообще глаголическая письменность. „Меня такъ рветъ къ глагольщинѣ, что право не понимаю, отку-

да приходитъ даже такая охота. Ужъ не 1862-й ли годъ повѣваетъ на меня своимъ кирилло-меѳодіевскимъ обаяніемъ?“

Поѣздка Мартынова въ Реймсъ и мнѣніе его о Реймскомъ Евангеліи интересовали Ганку, и на его вопросы, „главный пунктъ“ письма его къ Мартынову, послѣдній отвѣтилъ ему (29-го мая 1859 г.) длиннымъ сообщеніемъ, изъ котораго приведемъ здѣсь нѣкоторыя строки. Мартыновъ сообщалъ Ганкѣ:

„Вы желаете знать мое мнѣніе объ этомъ любопытномъ памятникѣ славянской литературы. Не имѣя подъ рукой ни книги Билярскаго, ни другихъ, писавшихъ объ этомъ подробно, я не могъ провѣрить ихъ воззрѣній на эту рукопись и долженъ былъ ограничиться одними палеографическими замѣчаніями. Съ другой стороны, число ошибокъ и вообще *неточность* снимка поразили меня до того, что я не посмѣлъ издать въ свѣтъ „*моей поѣздки въ Реймсъ*“, изъ уваженія и дружбы къ одному изъ издателей Реймскаго снимка. Теперь, впрочемъ, всѣ уже знаютъ, кажется, что снимокъ этотъ очень неисправенъ, и потому ничто не мѣшаетъ искреннему изложенію находящихся въ немъ ошибокъ, или даже и новому изданію.

Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не издать, напримѣръ, глагольскую часть глагольскими письменами, какія есть у Гаазе, и которыми Берчичь напечаталъ свою хрестоматію [1])? Тутъ можно бы было прибавить выписки изъ здѣшней глагольской рукописи XIV вѣка, хранящейся въ Публичной библіотекѣ.

Но обратимся къ вашему вопросу о моихъ замѣчаніяхъ. Сообщаю вамъ все, что поразило меня при сличеніи снимка съ рукописью и что можетъ назваться visu reperta. О порядкѣ и глубинѣ не безпокойтесь,—ихъ нѣтъ, исключая развѣ то, что сперва будетъ рѣчь о кирилловской части“.

Прежде всего, Мартыновъ обращалъ вниманіе Ганки на то, что въ снимкахъ Сильвестра надо различать ошибки двоякаго рода: старыя и новыя,—первыя принадлежатъ писцу рукописи, и ихъ немало; вторыя—французскому каллиграфу. Самая обык-

[1]) Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico e codicibus, codicum fragmentis et libris impressis. Edita a Presb. Ioanne Berčić. Pragae (Litteris filiorum B. Haase), 1859.

новенная состоитъ въ смѣшеніи *юсовъ*. Отмѣтивъ далѣе нѣкоторыя палеографическія особенности кирилловской части рукописи и нѣкоторыя выраженія, свидѣтельствующія о присутствіи въ Реймскомъ Ев. „элемента чисто-русскаго", Мартыновъ разсмотрѣлъ и глаголическую часть. „О времени ея, заключалъ онъ, никто не сомнѣвается. Она носитъ на себѣ всѣ признаки и особенности своихъ сродницъ XI вѣка [1])".

„Вотъ вамъ кои-какія замѣтки о вашемъ любимомъ памятникѣ, заключалъ Мартыновъ свое ученое сообщеніе,—но подробное и научное изложеніе Реймскаго текста было бы умѣстно при новомъ, исправленномъ изданіи онаго. Когда оно состоится, тогда Реймское Евангеліе можно будетъ сдать въ филологическіе архивы". Мартыновъ, повидимому, готовился приступить къ такому „исправленному" изданію; по крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ того же 1859 г. онъ писалъ Ганкѣ: „Мнѣ бы желалось издать для здѣшней публики Реймское Евангеліе съ словаремъ, краткою грамматикою, нѣсколько поисправнѣе Сильвестра". Но желаніе это не было имъ приведено въ исполненіе. Его намѣренія не одобрилъ и Ганка, который находилъ, что издавать Реймское Ев. вновь, послѣ недавнихъ двухъ изданій, было бы преждевременно. Ганка благодарилъ (20 іюля 1859 г.) Мартынова за его сообщенія и сожалѣлъ, что не могъ воспользоваться ими, такъ какъ значительная часть введенія его къ изслѣдованію „Остатки славянскаго богослуженія" была уже къ этому времени напечатана. Впрочемъ, онъ не приписывалъ этому труду особеннаго значенія „въ отношеніи филологіи" и радовался только, что ему удалось собрать доказательства того, „что слѣды славянскаго богослуженія долго хранились у чеховъ, такъ что народное преданіе осталось о томъ въ устахъ понынѣ [2])".

Одновременно съ изданіемъ Реймскаго Ев. вышли въ свѣтъ „Начала священнаго языка словянъ". Это было естественное продолженіе и необходимое дополненіе къ изданію и историче-

---

[1]) Подробности см. Ж. М. Н. Пр., 1900, ч. 330, стр. 152—154.

[2]) Черновикъ—въ бумагахъ Ганки.

своей части изслѣдованія о Реймскомъ Ев. Цѣлью изданія было стремленіе создать какъ въ чешскомъ, такъ и въ русскомъ просвѣщенномъ обществѣ интересъ къ церковнославянскому языку. „Надѣюсь,—писалъ Ганка Дубровскому еще до выхода этой книжки въ свѣтъ (14 марта 1845 г.),—что книга не только у насъ, но и у васъ возбудитъ желаніе ближе узнать и полюбить этотъ нашъ священный палладіумъ и поведетъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ нашихъ прекрасныхъ нарѣчій [1])". Нечего говорить о томъ, что Ганка расчитывалъ на введеніе, наряду съ Реймскимъ Ев., и „Началъ", какъ учебника церковнославянскаго языка въ нашей средней и даже высшей школѣ.

Реймское Ев., признавалъ Билярскій, дѣйствительно можно было принять за достаточный поводъ къ составленію грамматическаго руководства для изученія исторіи церковнаго языка и литературы, потому что едва ли найдется еще памятникъ, котораго текстъ прошелъ бы столько разныхъ формъ церковной литературы и сохранилъ бы въ себѣ слѣды этого странствованія. Но для Ганки Реймское Ев., очевидно, имѣло другой интересъ: сообразно съ его взглядомъ на этотъ памятникъ, мы могли бы ожидать въ его грамматическомъ руководствѣ опредѣленія первобытнаго вида церковнославянскаго языка и состояніе его въ паннонскомъ разрядѣ рукописей. Въ этихъ границахъ церковный языкъ былъ бы объясненъ въ самомъ важномъ пунктѣ своей исторіи. Но выполненіе этой задачи у Ганки было весьма неудовлетворительно [2]). Билярскій отказался, впрочемъ, отъ подробной критики „Началъ", такъ какъ она завлекла бы его въ новыя, не принадлежащія къ предмету его обозрѣнія и, можетъ быть, обширныя объясненія, притомъ свое мнѣніе о грамматикѣ Ганки онъ достаточно опредѣленно высказалъ уже раньше [3]). Онъ находилъ вполнѣ основательнымъ изданіе ея отдѣльно отъ текста Реймскаго Ев., такъ какъ по отношенію къ нему книжка эта ничего не доказывала, не стоя-

---

[1]) Отеч. Зап., 1861, февр., стр. 402.
[2]) Op. cit., стр. 89—90.
[3]) Ж. М. Н. Пр., 1846, ч. LII, отд. VI, стр. 26.

ла съ нимъ ни въ какой связи. Требованіямъ славянской филологіи, въ тогдашнемъ ея состояніи, грамматика Ганки никакъ не удовлетворяла [1]). Билярскій высказывалъ сожалѣніе, что авторъ не предпринялъ, вмѣсто этого опыта, труда болѣе соотвѣтствовавшаго цѣли его изданія, именно,—что онъ не представилъ подробнаго грамматическаго анализа изданнаго имъ памятника [2]). Это было бы несравненно полезнѣе, чѣмъ сочиненіе, которое, если, можетъ быть не безполезно, то и не таково, чтобы безъ него не могла обойтись ученая литература.

Отзывъ Билярскаго былъ, надо признаться, снисходителенъ. Строже и рѣшительнѣе выразился о трудѣ Ганки Куникъ. Онъ прямо поставилъ вопросъ, не принесетъ ли этотъ опытъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, при томъ полузнаніи истинной исторіи развитія церковнославянскаго языка, какое распространено между западными и южными славянами и между учеными въ Германіи. Способъ, какъ объясняетъ Ганка церковнославянскіе звуки и какъ передаетъ въ своемъ изданіи латинскими, заявлялъ Куникъ, по крайней мѣрѣ страненъ, какъ скажетъ всякій, кто знаетъ мелкія сочиненія о древне-болгарской системѣ звуковъ Востокова и Прейса, и кто имѣетъ понятіе о нынѣшнемъ, хотя и искаженномъ выговорѣ болгаръ [3]). Ганкѣ уже не въ первый разъ дѣлался упрекъ въ незнакомствѣ съ важнѣйшими пріобрѣтеніями церковнославянской грамматики. Этотъ крупный и непростительный недостатокъ отмѣченъ былъ уже Миклошичемъ [4]).

Нѣсколько строкъ посвятилъ грамматикѣ Ганки въ примѣчаніяхъ къ обширному разсужденію о Реймскомъ Ев. И. Па-

---

[1]) Но другъ и біографъ Ганки Легисъ-Глюкзелигъ считалъ „Начала" сочиненіемъ, которое „стоитъ въ уровень съ новѣйшими изслѣдованіями".

[2]) Того же требовалъ онъ и въ позднѣйшемъ трудѣ, находя, что замѣтки Ганки о правописаніи Реймскаго Ев. „сдѣланы только для исполненія палеографическаго обычая", такъ скудны были онѣ по количеству и такъ мало развиты, каждая въ отдѣльности. Op. cit., стр. 82, 83.

[3]) У Билярскаго, op. cit., стр. 143.

[4]) Vitae sanctorum, Viennae, 1847, p. 49.

плонскій [1]). Онъ сопоставилъ грамматику Ганки съ извѣстной намъ грамматикой Пенинскаго и, сдѣлавъ обоимъ составителямъ упрекъ въ томъ, что они не раздѣлили рукописей на разряды и не опредѣлили, какой разрядъ именно имѣли въ виду въ своихъ трудахъ, далъ болѣе благопріятный отзывъ о старшей грамматикѣ Пенинскаго. Ганкѣ опять ставилось въ укоръ незнакомство съ результатами изслѣдованій Востокова и Копитара. Такой недостатокъ труда Ганки былъ для Паплонскаго тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что онъ считалъ Ганку однимъ изъ лучшихъ славянскихъ филологовъ своего времени, отъ коего, слѣдовательно, должно было ожидать труда, который отвѣчалъ бы современнымъ требованіямъ науки. Но руководство Ганки такими качествами не отличалось, и Паплонскій отказывался поэтому понять вообще цѣль изданія такой книги. „Если она должна служить руководствомъ при изученіи церковнаго языка, то къ чему въ ней ж и ѧ въ значеніи носовыхъ звуковъ? Если же это грамматика древняго священнаго болгарскаго нарѣчія, то къ чему въ ней правила правописанія, существующаго только въ печатныхъ церковныхъ книгахъ? Покажите одинъ, только одинъ славянскій памятникъ, къ которому можно было бы примѣнить правила, изложенныя въ грамматикѣ Ганки: нѣтъ ни одного“. Новый трудъ Ганки, по убѣжденію Паплонскаго, не имѣлъ рѣшительно никакихъ преимуществъ предъ болѣе старой грамматикой Пенинскаго, которая, будучи тоже извлеченіемъ изъ труда Добровскаго, отличалась большею полнотою противъ книги Ганки [2]).

Грамматика Ганки вызвала замѣчанія и со стороны Пенинскаго. Изъ отвѣтнаго письма Востокова Пенинскому мы знаемъ, что въ общемъ отзывъ послѣдняго о „Началахъ“ Востоковъ признавалъ справедливымъ, и только по первому и второму пункту этихъ замѣчаній онъ не соглашался съ Пенинскимъ въ томъ, что безполезно знакомить русскихъ учениковъ съ письменами другихъ славянскихъ нарѣчій. Въ русскихъ универси-

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1848, ч. LVIII, отд. II, стр. 25—26.
[2]) Тамъ же, стр. 27—28.

тетахъ, возражалъ Востоковъ, полагается же преподаваніе исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, а потому и въ грамматикѣ славянской, предназначенной для нашихъ учебныхъ заведеній, не излишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о раздѣленіи славянскихъ племенъ по нарѣчіямъ и о различныхъ письменахъ, ими употребляемыхъ. Впрочемъ, по заключенію Востокова, книжка Ганки отнюдь не могла служить для преподаванія въ нашихъ училищахъ славянской грамматики [1]). Но иначе отнеслась къ труду Ганки Конференція Главнаго Педагогическаго Института. Въ отвѣтъ на предписаніе Министра Нар. Просв. отъ 6 марта 1846 г., касавшееся, очевидно, вопроса о выпискѣ изданій Ганки, Конференція представляла, что „стараясь ознакомить студентовъ и воспитанниковъ Института съ теоріею священнаго языка славянъ и памятниками сего языка, она находитъ нужнымъ пріобрѣсти для Института 50 экз. Славянской грамматики и 10 экз. Реймскаго Славянскаго Евангелія, изданныхъ знаменитымъ Прагскимъ Славянофиломъ“. Далѣе Конференція заявляла, что „такъ какъ Грамматика, изданная столь извѣстнымъ знатокомъ славянскаго языка, подаетъ поводъ къ сравненію подобныхъ сочиненій, употребляемыхъ у насъ нынѣ, и укажетъ, можетъ быть, на новыя правила языка“, то она предполагаетъ не только ввести эту книгу въ заведеніи въ число учебниковъ, но и снабдить ею студентовъ и воспитанниковъ Института, опредѣляемыхъ преподавателями по русскому и славянскому языкамъ“. Такимъ образомъ, „Начала“ Ганки должны были явиться и напутствіемъ для нашихъ молодыхъ учителей [2]).

Хорошо понимая отсталость книги Пенинскаго и полную неудовлетворительность руководства Ганки, Востоковъ представилъ министерству въ даръ свое краткое начертаніе Церковно-славянской грамматики. Всѣ три труда были затѣмъ присланы для сравнительнаго разсмотрѣнія и оцѣнки Срезневскому, ко-

---

[1]) Письмо Востокова отъ 26 окт. 1846 г. Здѣсь онъ отмѣчаетъ, въ дополненіе къ указаніямъ Пенинскаго, еще нѣсколько существенныхъ промаховъ Ганки. Переписка А. Х. Востокова, стр. 386—387.

[2]) Дѣло Канц. Мин—ра Н. Пр., № 2167—11.

торый представилъ мнѣніе о превосходствѣ во всѣхъ отношеніяхъ труда Востокова [1]). Труду Ганки и тутъ пришлось встрѣтить неожиданно строгій судъ.

*
* *

Живыя и благотворныя по результатамъ своимъ связи первыхъ представителей нарождавшейся у насъ науки славянской филологіи съ чешскими создателями и двигателями ея, особенно сильныя и богатыя плодами въ эпоху второй половины тридцатыхъ годовъ и первой—сороковыхъ, къ концу сороковыхъ годовъ стали понемногу ослабѣвать. Общеніе ученыхъ друзей, правда, еще поддерживалась путемъ переписки, но она потеряла уже тотъ живой, интенсивный характеръ, какимъ отличалась въ начальные годы этихъ связей. Наши первые насадители славянскихъ студій постепенно крѣпли въ своихъ знаніяхъ, становились все болѣе и болѣе самостоятельными въ области своихъ изученій, меньше и меньше нуждались въ руководительствѣ и указаніяхъ своихъ бывшихъ учителей, а зачастую становились выше ихъ въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, взглядахъ на главнѣйшія задачи своей науки, методахъ разработки ея. Недаромъ Ганкѣ, столь много и безкорыстно потрудившемуся на пользу славянской науки, привыкшему къ постояннымъ знакамъ вниманія со стороны своихъ учениковъ, многочисленныхъ друзей и русскаго правительства, которое съ поразительною чуткостью и глубокимъ вниманіемъ прислушивалось къ біенію славянскаго пульса, казалось, что со времени возвращенія послѣднихъ нашихъ путешественниковъ „Святая Русь охладѣла“ къ нему. Немаловажную роль въ этомъ ослабленіи связей нашихъ съ Прагой сыграли и бурныя въ жизни австрійскаго славянства событія 1848 года: они надолго сдѣлали перерывъ въ нашихъ славянскихъ ученыхъ путешествіяхъ и невольно притупили такъ успѣшно начавшее пробуждаться славянское самосознаніе наше.

На славянское движеніе въ нашей общественной жизни и нашей мысли у насъ стали смотрѣть, какъ на нѣчто опасное; со-

[1]) Переписка А. Х. Востокова, стр. 476.

чувствіе славянству въ его стремленіяхъ признавалось предосудительнымъ. Характерною въ этомъ отношеніи является собственноручная резолюція императора Николая I на слѣдственномъ дѣлѣ объ И. С. Аксаковѣ: „Подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію словенскихъ племенъ въ другихъ государствахъ таится преступная мысль соединенія съ сими племенами, несмотря на подданство ихъ сосѣднимъ и частію союзнымъ государствамъ; а достиженія сего ожидали не отъ Божьяго опредѣленія, а отъ возмутительныхъ покушеній на гибель самой Россіи“. О поддержаніи у насъ такого взгляда на это движеніе усердно заботилась австрійская дипломатія, а нѣмецкая печать, особенно Augsb. Zeit., какъ непрестанно свидѣтельствуютъ письма современниковъ, чешскихъ писателей, энергично помогала ей въ разоблаченіи мнимой опасности панславизма.

Наконецъ, связи наши съ Прагой ослабѣвали и потому, что время выдвигало на сцену ученой и литературной жизни новыхъ людей, съ новыми взглядами, убѣжденіями и задачами. Время брало свое. Посѣтивъ Прагу въ 1856 году, Погодинъ, свидѣтель и дѣятельнѣйшій участникъ нашего единенія съ чешской наукой, проживш1й больше двадцати лѣтъ въ близкомъ общеніи съ виднѣйшими представителями ея, тонкимъ чутьемъ своимъ сразу замѣтилъ перемѣну, совершившуюся со времени первыхъ нашихъ паломничествъ на славянскій западъ, и выразилъ впечатлѣніе свое въ слѣдующихъ строкахъ:

„Прага—совсѣмъ не то, что была за двадцать лѣтъ: какое-то общее разслабленіе, не только что успокоеніе. Старики устарѣли и забились по угламъ. Шафарикъ хлопочетъ о глаголитѣ, Палацкій—о гуситахъ, Пуркине—о физіологическихъ опытахъ, Прессль—умеръ. Съ молодыми связь у нихъ какъ будто прервалась. Непримѣтно никакого стремленія, не только восторга, какъ было прежде, а казалось бы, обстоятельства благопріятствуютъ національному движенію гораздо больше, чѣмъ тогда: союзъ Австріи съ Россіей уничтоженъ, да и другихъ искреннихъ союзниковъ она не имѣетъ; слѣдовательно, всякое желаніе или даже требованіе со стороны подвластныхъ племенъ она должна выслушивать снисходительнѣе...“

Перемѣна, несомнѣнно, чувствовалась. Отрицать ея нельзя было. Но глубоко заложенныя основанія этого единственнаго въ исторіи славянской новаго времени по своимъ размѣрамъ и плодотворнѣйшимъ для всего славянства результатамъ культурнаго общенія были слишкомъ прочны, чтобы отъ сильныхъ даже порывовъ неблагопріятныхъ вѣтровъ могло поколебаться зданіе, созданное такою силою, какъ любовь къ славянству.

Оно продолжаетъ крѣпко стоять и донынѣ. Духъ великаго аббата и его достойныхъ преемниковъ, Ганки, Челаковскаго, Шафарика и пр., осуществлявшихъ всею своею дѣятельностью идеалы вдохновеннаго пѣвца Коллара, и нынѣ витаетъ въ стѣнахъ златоверхой Праги.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Спада — Добровскому.

Moscou, le 6(18) Auguste 1807.

Monsieur l'Abbé!

Je profite d'une occasion favorable, pour Vous annoncer mon retour en Russie, et en même tems je suis chargé de Vous dire de la part de S. A. Monsieur le Prince Beloselsky, qui Vous estime et Vous aime infiniment, qu'ayant trouvé différens ouvrages Russes et Slavons, qui peuvent Vous convenir et qui commencent à devenir rares ici, il se fait un vrai plaisir de Vous les envoyer, sachant combien Vous savez apprécier les beautés de cette langue primitive.

Le Prince désirerait extrêmement avoir l'ouvrage que Vous possedez, Monsieur l'Abbé, sur les Idôles du Temple de Rhetra; Vous pourriez, Monsieur, saisir une occassion sûre pour le lui faire parvenir à Petersbourg ou à Moscou. Vous trouverez chez Vous d'autres exemplaires, ainsi veuillez, Monsieur l'Abbé, envoyer à Monsieur Le Prince celui que Vous possedez maintenant; ce sera très-certainement lui faire un véritable plaisir, et il Vous en sera fort obligé.

Donnez moi, Monsieur l'Abbé, de Vos nouvelles et recevez l'hommage de la considération la plus distinguée.

Monsieur l'Abbé, Votre très-dévoué serviteur

Spada.

Le Prince ne Vous écrit lui-même parcequ'il a mal à la main.

Гр. Н. П. Румянцовъ — Добровскому.

1.

Petersbourg, le 1 Septbre 1820.

Monsieur,

Vous, qui par Votre naissance apartenez aux Peuples Slaves et qui par de savantes meditations sur Eux avez acquis pour Eux et pour Vous tant d'éclat, Vous devez, Monsieur, je supose, trouver plaisir à posseder parmi Vos livres l'ouvrage de Leon le Diacre, qui trace entre autre come témoin oculaire un Portrait si curieux de Swiatoslaff l'un de nos grands Ducs. Permettez, Monsieur, que je Vous fasse homage d'un Exemplaire de son histoire, j'en ai le droit come quelqu'un qui a desiré son edition et qui professe pour Vous depuis longtemps une considération particulière.

Leon le Diacre ce me semble ne dérange aucune des notions, que nous avait transmis Nestor, il concorde plus d'une fois avec lui et enléve seulement à l'énumeration des peuples de râce Slavone qu'il nous avait donné les Drewliané, il en fait positivement un peuple germanique, le nom de Древляне, деревляне, qu'il portait chez nous et son assiette geografique, qui dans nos anciennes chroniques le place egalement dans le midi de la Russie et sur les bords du lac Ylmen toujours à coté des Angles, угличи, ferait supposer, que les Drewliané sont une portion de Holsteinois, qui dans quelque grande Migration des germains et avant leur entrée en Allemagne s'est détachée de la masse des confederés pour prendre assiette en Russie parmi les Slaves et s'y est à la fin totalement fondu, il se peut qu'il l'était déjà à tel point du tems de Nestor que cela le justifie d'avoir cité le peuple sans faire attention à son origine que come apartenant à la nouvelle federation au milieu de la quelle il s'était fixé.

Agréez, je Vous prie, les assurances de la considération très distinguée, avec la quelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur, Votre très humble et très abéissant serviteur

Le comte de Romanzoff.

2.

Милостивый Государь мой,

Съ особенною благодарностію я въ свое время получилъ письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 1 Генваря, и ежели я отсрочилъ изъявленіе предъ Вами той радости, какую

оно мнѣ принесло, то сіе единственно произошло отъ желанія, которое я тотчасъ возимѣлъ, дать моему отвѣту нѣкоторую для Васъ цѣну. Замѣтивъ изъ письма Вашего, что Вы, Милостивый Государь мой, соболѣзновали, что не имѣете нѣкоторыхъ подробныхъ свѣдѣній объ Остромировой Евангеліи, я поручилъ извѣстному Вамъ Г. Востокову снять съ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ особенно любопытствовали, точныя facsimile и полной дать Вамъ отчетъ о его собственныхъ замѣчаніяхъ, насчетъ сей древней рукописи. Г. Востоковъ, какъ искреной Вашъ почитатель, препорученіе мое исполнилъ. Вы здѣсь, Милостивый Государь мой, найдете трудъ его и длинное отъ него письмо. Я счастливымъ себя почту, коли все сіе будетъ Вамъ благоугодно. Вы безъ сомнѣнія имѣете вездѣ почитателей, гдѣ только умѣютъ цѣнить глубокое просвѣщеніе и отличное дарованіе, но между сею толпою замѣтьте, пожалуйте, меня, какъ искренняго приверженца Вашего, не щадите моихъ услугъ, мнѣ въ радость будетъ то, что буду дѣлать для Васъ.

Я точно получилъ чрезъ Адмирала Шишкова отъ Васъ неоцѣненной даръ, Вашу Славянскую Грамматику; Вы ею соорудили себѣ памятникъ вѣчной.

Помѣстите, пожалуйте, въ Библіотеку Вашу экземпляръ Археологическихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ древностей Рязанской Губерніи; изданію сему я причиною. Со времени пришлю также къ Вамъ новое поясненіе Игоревой Пѣсни, которому я хотя совершенно чуждъ, но для того, что оно кажется мнѣ по нѣкоторымъ своимъ частямъ заслужить можетъ Ваше вниманіе. Я надѣюсь, что Вы окончательно получить изволили Льва Дьякона; нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ много преполезнаго и новой свѣтъ для тѣхъ, кто занимается Россійскою Исторіею и вообще ищетъ въ хорошихъ источникахъ свѣдѣній о Славянахъ. Г. Газѣ въ письмѣ, мною на сихъ дняхъ полученномъ, подаетъ мнѣ надежду, что не замедлитъ изданіемъ Пцелюса; вы также и сей экземпляръ отъ меня получить изволите.

Продолжайте, Милостивый Государь мой, ко мнѣ быть преблагосклоннымъ и будьте увѣрены въ томъ отличномъ почтеніи, съ каковымъ честь имѣю быть

Вашего Милостиваго Государя моего покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.П.бургъ, 28 Апрѣля 1823.

Г. Аббату Іосифу Добровскому.

3.

18 Septembre, 1824. Homel.

Monsieur,

J'ai reçu fort tard la lettre, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 14 Juin, et votre essai critique sur Méthod et Cyrille, le savant ouvrage, dont je vous remercie extrêmement, justifie de nouveau l'opinion que l'on a de votre savoir et de vos talents.

Permettez-moi, Monsieur, de vous offrir un des premiers exemplaires qui viennent de quitter la presse d'un examen d'une traduction Slavonne qu'a fait de Saint Jean Damascin Jean Exarque de Bolgarie, c'est un travail de M-r de Kalaidowitch qui n'est peut-être pas sans quelque mérite.

J'ai eu l'honneur de vous écrire le 18 Mai et de vous envoyer une dissertation imprimée qu' a fait M. de Koehler sur une medaille de Spartocus, ancien roi du Bosphore. Je suis, dit-on, le seul qui la possède. Je suppose, Monsieur, que vous avez reçu et ma lettre et cette brochure, mais je n'en ai encore aucune preuve.

Agréez, je vous prie, Monsieur, les assurances positives de l'extrême considération que je professe avoir pour vous et avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur, Votre très humble et très obeissant serviteur

Le Comte de Romanzoff.

А. Х. Востоковъ — П. И. Кеппену.

Ежели вы, Милостивый Государь, Петръ Ивановичь, имѣете случай отправить къ Добровскому книгу, при семъ прилагаемую, то не возмете ли на себя трудъ написать къ нему и письмо отъ себя, въ которомъ сказать, что Графъ Николай Петровичь передъ смертью своею назначалъ послать къ нему три экземпляра: изъ коихъ одинъ для него, а другіе два для Богемскаго Національнаго Музея и для Іоганнеума; но по причинѣ отлучки наслѣдника его, Графа Сергѣя Петровича, экземпляры сей книги изъ Москвы еще не доставлены сюда, а посылается теперь покамѣсть къ Добровскому, во исполненіе воли покойнаго, одинъ экземпляръ, собственно для покойнаго Графа переплетенный; Графъ на смертномъ одрѣ своемъ изъявилъж еланіе, чтобъ сей экземпляръ былъ посланъ отъ него въ даръ Добровскому.

(Записка безъ даты и подписи, рукой Востокова).

И. Пенинскій — Добровскому.

Ваше высокопреподобіе, Милостивый Государь!

Уже нѣсколько мѣсяцевъ ищу случая доставить вамъ экземпляръ изданной мною на Россійскомъ языкѣ Славянской Грамматики, которая есть извлеченіе изъ вашей превосходной и уваженной всѣми Славянскими народами Грамматики. Нынѣ почтеннѣйшій литераторъ нашъ Петръ Ивановичь, по благосклонности своей ко мнѣ, вызвался удовлетворить сему чрезмѣрному моему желанію; и я пишу теперь за столомъ его къ вамъ сіи несвязныя строки.

Примите снисходительно сей слабый плодъ трудовъ моихъ, какъ знакъ искренняго моего уваженія къ особѣ вашей и притомъ благодарности за доставленіе мнѣ средствъ услужить моимъ соотечественникамъ. Можетъ быть, я не во всемъ услужилъ вамъ, и вы часто будете сердиться на мое извлеченіе: но si desunt vires, laudanda voluntas. Второе изданіе надѣюсь, при помощи Г. Востокова, Митрополита Евгенія и другихъ почтенныхъ нашихъ литераторовъ, сдѣлать сколько можно совершеннѣе. Велико желаніе мое было имѣть и ваши замѣчанія, но предстоящая надобность въ книгѣ (ибо оная признана отъ высшаго начальства учебною), разстояніе, насъ раздѣляющее, и многія ваши занятія не позволяютъ мнѣ надѣяться на сіе, а токмо просить покорнѣйше ваше высокопреподобіе почтить меня доставленіемъ примѣчаній вашихъ для изданія третьяго. Чѣмъ премного обяжете пребывающаго къ вамъ съ чувствомъ отличнѣйшаго уваженія и сердечной преданности

вашего высокопреподобія, Милостиваго Государя,
всепокорнѣйшимъ слугою
Иванъ Пенинскій.

1825-го года Сентября 24-го дня. С.П.Бургъ.

А. Серна-Соловьевичъ — Добровскому.

1.

Ваше Высокоблагородіе, Милостивый Государь!

Препровождая при семъ два отношенія отъ С.Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности,

одно къ Вамъ, а другое на имя О. Архимандрита Кенгельца, оба отъ 15 Генваря 1824, за N. 67, вмѣстѣ съ Журналами, Обществомъ пожертвованными, за 1823 г. по два экземпляра и по три съ нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, равно и за 824-й годъ, врученные мнѣ Почетнымъ Членомъ С.Петербургскаго Общества Г. Линде съ тѣмъ, дабы я узналъ о комплетѣ за разные годы у Васъ состоящихъ и доставилъ сіи всѣ на руки, Милостивый Государь, Ваши.

Исполняя это, нахожу для себя особеннѣйшее счастіе въ первый разъ адресоваться къ Вашему Высокоблагородію и случай, по которому могу изъявить особеннѣйшее мое уваженіе къ Вашей М. Г. Особѣ за всѣ ваши глубокія познанія и общеполезныя сочиненія, меня вразумляющія, которыми Вы потѣшили весь свѣтъ. При семъ смѣю потрудить Васъ касательно журналовъ за 823 годъ. Мы также получаемъ оный, но посредствомъ Г. Линде. А какъ за оный годъ не полученъ одинъ N. IV и у самаго Г. Линде по его увѣренію онаго не имѣется, то какъ онъ самъ изъясняется, что навѣрно сей четвертый номеръ по ошибкѣ съ другими посланъ былъ къ Вамъ, или можетъ быть къ Г. Степановичу-Вуку. О чемъ я переписываясь съ помянутымъ обществомъ за долгъ поставляю покорнѣйше Васъ просить, ежели таковый у Васъ находится, не оставьте его ко мнѣ прислать, или въ случаѣ ненахожденія онаго пожаловать увѣдомить, дабы я могъ потребовать для комплета отъ общества.

Отношеніе по словамъ Г. Линде къ Его ВПреподобію Архимандриту Кенгельцу такъ какъ и журналы, слѣдуемые ему, я отправляю прямо Вамъ безъ всякаго порознь разсортированія, ибо я ихъ такъ и получилъ, оставивъ у себя изъ оныхъ съ 823 года два недостававшіе. Впредь ежели Вамъ, Милостивый Государь, будетъ угодно, я съ моей стороны буду стараться отправлять какъ можно повѣрнѣе и поскорѣе съ Краковскаго форпоста.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ высокопочитаніи и преданности, съ каковыми честь имѣю быть

Вашего Высокоблагородія, Милостиваго Государя
покорнѣйшимъ слугою

Алек. Серна Соловьевичъ,
учитель Россійской Словесности и языковъ Славянскихъ въ Краковѣ.

Декаб. 28 д. (1824)
Генваря 9, 1825 года.

2.

Ваше Высокопреподобіе, Милостивый Государь!

Прошлаго года я Васъ потрудилъ было своимъ письмомъ по дѣлу неисправно получаемыхъ журналовъ за границею, Соревнователя просвѣщенія и благотворенія—и, не могши доискаться у самаго Г. Линде недостающаго № IV на 1823 годъ, тѣмъ съ большею смѣлостію воспользовался я лестнымъ для меня случаемъ рекомендоваться Вашему Высокопреподобію. Теперь же недостающій номеръ онаго Журнала въ Ягеллонской Библіотекѣ; но отличнѣйшія ваши заслуги въ области наукъ внутрь и внѣ вашего Отечества—въ пространномъ кругу Славянъ—всѣ ваши изысканія, которыми достохвально пользуются Россіяне, Чехи, Поляки и другіе соплеменные народы, подаютъ мнѣ надежду заслужить, по крайней мѣрѣ въ будущности, на Вашу, Милостивый Государь, благосклонность.

Разумъ и чувство, напоенные любовію къ своему отечеству, къ своей вѣрѣ и Церкви, улучили средство на семъ моемъ поприщѣ открыть молодымъ полякамъ неисчерпаемое сокровище языка Славянскаго, на великолѣпіи коего Русскіе превознесли свой языкъ. И въ семъ-то случаѣ, пользуясь безприкладною опытностію Вашего Высокопреподобія, преподаю начала онаго въ Ягеллонскомъ Университетѣ, съ изъявленіемъ горячайшей моей признательности, какъ мудрѣйшему Учителю въ странахъ сопредѣльныхъ, въ ожиданіи, что судьба не откажетъ мнѣ воспользоваться еще и личнымъ вашимъ наставленіемъ и закономъ сея науки.

Не обинуясь скажу, что я первый отгадалъ необходимость для Университетовъ польскихъ и самыхъ училищъ заведеніе языка Славянскаго и кромѣ Россійскаго другіе главнѣйшіе, какъ отрасли Славянскаго. Краковскій Университетъ послужилъ тому примѣромъ. Коммисія просвѣщенія въ Варшавѣ по сему случаю предприняла свое дѣйствіе. Мнѣ остается усовершенствовать себя въ языкѣ чешскомъ. Г. Кухарскій ищетъ во всемъ пространствѣ вашего образованія. Въ случаѣ вашего благосклоннаго ко мнѣ отвѣта, я бы радъ получить оный, ежели тѣмъ меня удостоите, на языкѣ вашемъ отечественномъ.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ высокопочитаніи и таковой преданности, съ каковыми имѣю честь быть

Вашего Высокопреподобія, Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга
Алек. Серна Соловьевичь.

25 Ноября / 7 Декабря 1825. Краковъ.

Свящ. А. Васильевъ — епископу Вацлаву-Леоп. Хлумчанскому.

Преосвященнѣйшій Владыко! Милостивѣйшій Архипастырь!

Съ душевнымъ прискорбіемъ сожалѣю, что при одсутствіи моемъ въ Дрезденъ не удостоился принять Ваше Архипастырское Благословеніе и облобызать дѣсницу такого Достойнѣйшаго Святителя. Сіе заставляютъ мои чувствія дѣлать таковое уваженіе таковой Великой Особѣ, ибо благосклонность владычняя Ваша вѣчно останется въ памяти моей. Я еще въ жизни моей единаго нахожу столь уважительнаго Архипастыря, въ пріязни странствующаго, и такъ Богъ да оградитъ престолъ Вашъ всесильною дѣсницею своею и ввѣренную Вамъ паству, а я, испросивъ Вашего Святительскаго Благословенія и молитвъ, имѣю щастіе быть навсегда къ особѣ Вашей съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію.

Преосвященнѣйшій Владыко! Милостивѣйшій Архипастырь,
Вашъ нижайшій послушникъ
Александръ Васильевъ,
Пензенскаго ополченія недостойный іерей.

Ноября 5-го дня 1813-го года. Богомъ спасаемый градъ Лѣит-Мирицы.

Ф. Л. Челаковскій — А. С. Шишкову.

Euer Excellenz!

Die erlauchte kais. russ. Akademie beehrte mich detto 29 Jäner vorigen Jahres mit der für mich eben so schmeichelhaften Zuschrift, als erwünschten Aufforderung in Verbindung mit andern Männern an ihren literärischen Arbeiten, vorzüglich aber an der Verfertigung eines ety-

mologischen Wörterbuches nach allen slawischen Mundarten Theil zu nehmen, indem sie mir zugleich die Bedingungen vorlegte, unter welchen Dieselbe von meiner Mitwirkung Gebrauch zu machen bereit wäre. In der festen Uiberzeugung, dass durch diesen ehrenvollen Beruf sich meinem literärischen Streben ein grösserer Wirkungskreis darbiethe, trug ich kein Bedenken, mich ganz dem Verlangen dieses erlauchten Vereins zu fügen, und die mir vorgelegten Bedingungen durchgehends dankschuldigst anzunehmen, worüber ich nach dem Empfange besagter Zuschrift alsogleich meine Aeusserung in die Hande Ew. Excellenz zu übersenden nicht verabsäumte.

Obwohl nun seit dem Verlaufe eines Jahres über ein weiteres Verfügen von Seiten der k. russ. Akademie weder an H. Hanka, noch an mich irgend eine Nachricht gelangte: so zweifle ich doch keineswegs, dass dieser hohe Verein unter dem Vorsitze Ew. Excellenz von diesem für die gesammte slawische Literatur höchst wichtigen Unternehmen zurückgetretten wäre; ja ich hoffe vielmehr und wünsche sehr, dass es der erlauchten k. russ. Akademie gefallen möge, in dieser Hinsicht das Weitere zu verfügen, indem man an ein solches Unternehmen nie zeitlich genug Hand anlegen könne.

Laut schriftlicher Versicherung von H. Šaffarik ist er mit seinen literärischen Vorarbeiten so weit gekommen, dass er noch vor dem Abschlusse dieses Jahres sich in St. Petersburg einfinden könnte; eben so sind auch meine und H. Hanka's hierorts gemachten Vorbereitungen in so weit beendigt, dass unsererseits kein Verzögerung mehr Statt finden könne, sobald es der kais. russ. Akademie gnädigst gefiele, das Antretten unserer Reise zu bestimmen, und die zur Erhebung der Reisepässe unumgänglich nöthigen Anstellungsdekrete, so wie auch die zur Deckung der Reiseköstcn bewilligten Gelder zu Handen verabfolgen zu lassen.

Indem ich den hohen Entschlüssen Ew. Excellenz und der erlauchten Akademie in Betreff dieser Anliegenheit entgegensehe, nehme ich mir die Freiheit mich mit vorzüglicher Hochachtung zu nennen

Gnädigster Herr! Euer Excellenz gehorsamster Diener

Fr. Lad. Čelakowský.

Prag $\frac{\text{30 März}}{\text{11 April}}$ 1831.

А. Благовѣщенскій — І. Юнгманну.

1.

Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ!
Милостивый Государь!

Когда только я воспоминаю,—а я воспоминаю о семъ толикократно, коликократенъ самый предметъ воспоминанія—, когда я воспоминаю о безпримѣрной добротѣ и ласковости, съ каковою Вы принимали меня въ незабвенные дни посѣщенія мною Вашего благодатнаго дома, объ усердіи, съ каковымъ Вы угощали меня, о пріятныхъ занятіяхъ русскимъ и чехскимъ языкомъ, каковыхъ Вы сдѣлали меня участникомъ, о поучительныхъ собесѣдованіяхъ, каковыхъ Вы удостоивали меня, и наипаче о драгоцѣнномъ названіи другомъ, каковымъ Вы почтили меня: тогда вся душа моя преисполняется живѣйшими чувствованіями благодарности и глубокаго почитанія. Сіи чувствованія, постоянно моему духу присущія и при всякомъ особенномъ случаѣ съ новою силою движущія меня, спѣшу я при семъ случаѣ изобразить предъ Вами, Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ. Благоволите принять сіи строки за истинное выраженіе сердца моего.

Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ! Я обѣщалъ прислать Вамъ изъ Берлина каталогъ книгъ, находящихся въ лавкѣ Смирдина, или извлеченіе изъ него: но, къ сожалѣнію, внѣшнія обстоятельства не позволяютъ мнѣ теперь исполнить даннаго обѣщанія ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. По пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ узналъ я, что никто изъ моихъ знакомыхъ русскихъ не ѣдетъ въ Прагу нынѣшнею осенью, а посему отослать каталогъ совсѣмъ стало не съ кѣмъ; съ другой стороны узналъ, что мнѣ съ товарищами велѣно въ непродолжительномъ времени отправляться въ Россію; отселѣ родились новыя заботы, кои совершенно не оставляли мнѣ времени не только сдѣлать помянутое извлеченіе, но даже написать письмо къ Вамъ и попросить въ семъ милостиваго извиненія въ неисполненіи даннаго обѣщанія. Только предъ самымъ отъѣздомъ въ С.П.бургъ уловилъ нѣсколько минутъ, чтобы написать вышшія и нижеслѣдующія строки. Завтра въ 9-ть часовъ утра отъѣзжаемъ изъ Берлина въ любезное отечество. По прибытіи туда, первымъ долгомъ почту исполнить мое обѣщаніе. Теперь, Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ, прошу еще дозволить мнѣ сви-

дѣтельствовать нынѣ и впредь предъ Вами чувствованія благодарности и глубокаго почитанія, постоянно меня одушевляющія, равно предъ Достопочтенною Госпожею Супругою Вашею и предъ незабвеннымъ и любезнымъ сыномъ вашимъ и всѣмъ прочимъ семействомъ Вашимъ, и удостоивать меня впредь Вашей благосклонности и поучительнѣйшихъ наставленій въ дѣлѣ наукъ вообще, а въ особенности въ знаніи Славянской Литературы. Я не премину доводить до свѣдѣнія Вашего все, случающееся въ Литературѣ Россійской.

Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ!

Милостивый Государь!

Имѣю честь пребывать Вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою,

Алексѣй Благовѣщенскій.

Берлинъ 29/17 сентября, 1832-го года.

2.

Достопочтеннѣйшій Господинъ Профессоръ,

Милостивый Государь!

Простите великодушно моей долговременной медленности въ исполненіи Вашего желанія и собственнаго обѣщанія, доставить Вамъ свѣдѣніе о достопримѣчательныхъ произведеніяхъ современной Русской Словесности, Наукъ и Искуствъ. Съ самаго начала прибытія въ Петербургъ доселѣ то хлопоты хозяйственнаго обзаведенія, то скопившіяся предъ новымъ годомъ канцелярскія дѣла, то непрестанныя колебанія въ устроеніи общей судьбы моей съ товарищами, то другія препятствія не позволяли мнѣ до настоящаго времени исполнить пріятнѣйшую обязанность предъ Вами. Нынѣ, по приведеніи всего въ надлежащій порядокъ, спѣшу посвятить нѣсколько минутъ на написаніе нижеслѣдующихъ строкъ.

Во исполненіе долга, препровождаю къ Вамъ при семъ списокъ достопримѣчательныхъ русскихъ сочиненій разнаго рода. Признаюсь, по краткости времени и при множествѣ дѣлъ по должности, я не могъ еще вполнѣ обозрѣть настоящаго состоянія русской литературы, а посему и списокъ писалъ безъ всякой систематической классификаціи; впрочемъ, думаю, что и изъ сего списка уже довольно явствуетъ отличительный характеръ настоящаго періода нашей литературы отъ предшествовавшихъ. Для большаго же объясненія онаго я почитаю полезнымъ присовокупить здѣсь нѣсколько словъ объ исторіи нашей литера-

туры. Въ русской литературѣ такъ, какъ и во всей европейской, господствовалъ сначала вкусъ классическій (Ломоносовъ), потомъ вкусъ французскій (Карамзинъ), далѣе вкусъ нѣмецкій (Жуковскій), наконецъ вкусъ англійскій (Пушкинъ) и русскій народный (Пушкинъ и Загоскинъ). До Жуковскаго въ литературѣ нашей преобладалъ духъ древняго и новѣйшаго французскаго классицизма. Съ него начался новый періодъ перехода отъ новѣйшаго классицизма къ новѣйшему романтизму и завязалась сильная брань между классиками и романтиками. Жуковскій познакомилъ русскихъ съ нѣмецкими литературными произведеніями, далъ новыя формы нашему стиху, влилъ въ русскую поэзію одну изъ новыхъ идей романтическихъ — безотчетную мечтательность Шиллера. За нимъ русскіе литераторы бросились на романтиковъ-нѣмцевъ, какъ прежде держались они классиковъ-французовъ. Но пришелъ Пушкинъ и довершилъ паденіе французскаго классицизма, поколебавъ и нѣмецкій романтизмъ. Онъ, сбросивъ оковы карамзинизма, подчинился Байрону, и вслѣдствіе сего первыя произведенія Пушкина были только отголосками пѣвца Великобританскаго. Но когда творческій духъ Пушкина возмужалъ, онъ освободился и отъ ига байронизма и началъ созидать поэтическія произведенія въ истинно русскомъ духѣ и образѣ представленія; таковы суть его „Полтава" и „Борисъ Годуновъ". Въ прозѣ же русской духъ народности наипаче проявилъ нашъ знаменитый корифей романистовъ Загоскинъ. Ему принадлежитъ честь осуществленія мысли о созданіи самобытной русской литературы и усиленія направленія къ роману. За нимъ, какъ за солнцемъ, потянулся цѣлой сонмъ спутниковъ на пути романописанія, какъ изволите усмотрѣть изъ приложеннаго списка. Сей духъ народности проникаетъ во всѣ отрасли нашей словесности, наукъ и искуствъ; что также явствуетъ изъ списка. И Слава Богу! Это одно изъ лучшихъ средствъ заставить любить свою отчизну и отечество. Я еще разъ признаю недостатки приложеннаго списка и моихъ сужденій и изъявляю готовность, при первомъ удобнѣйшемъ случаѣ, восполнить оные. Если Вы пожелаете какія-либо изъ поименованныхъ въ спискѣ книгъ пріобрѣсть покупкою, то, если угодно, поручите мнѣ купить ихъ и отдать Мареку для отправленія къ Вамъ; при чемъ прошу только увѣдомить, гдѣ его книжная лавка здѣсь находится. Мнѣ пріятно было бы познакомиться съ нимъ и для выписки книгъ изъ Богеміи. Надѣюсь, что Вы не оставите благосклоннымъ удовлетвореніемъ моего желанія.

О моемъ положеніи и занятіяхъ здѣсь и о нашихъ русскихъ

и петербургскихъ новостяхъ я писалъ довольно подробно къ Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ и прошу отнестись къ нему, если благоугодно будетъ получить о всемъ томъ подробное свѣдѣніе. Здѣсь вообще скажу: живу здорово, тружусь, надѣюсь и молюсь. Кромѣ занятій по должности, занимаюсь чтеніемъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, журналовъ и газетъ, перечитываю подаренныя мнѣ Вами книжки на богемскомъ, сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ сего послѣдняго осмѣлился перевесть на русское нарѣчіе сочиненіе Г. К. Винарицкаго: „Über den gegenwärtigen Zustand der böhmischen Litteratur" и сообщить въ Телескопъ для свѣдѣнія русскихъ любителей славянской литературы. Прошу Васъ, достопочтеннѣйшій Г. Профессоръ, не оставить меня впредь своими наставленіями и свѣдѣніями о ходѣ и успѣхахъ Богемской Литературы, а равно и другихъ отраслей Славянской Словесности.

Позвольте наконецъ, Д. Г. Профессоръ, засвидѣтельствовать Вамъ купно съ любезнѣйшею супругою, сыномъ и прочимъ незабвеннымъ семействомъ Вашимъ, постоянно ощущаемыя чувствованія благодарной признательности за всѣ опыты великой благосклонности и усердія, явленные во время пребыванія моего въ незабвенной Прагѣ, и быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Съ глубокимъ почтеніемъ остаюсь навсегда преданный Вамъ

А. Благовѣщенскій.

5 Марта, 1833 года. С.П.бургъ.

А. Титовъ — К. С. Сербиновичу.

Вѣна, 28 Октября н. с. 1835 г.

Во время моего странствія по Германіи я не забывалъ данныхъ Вамъ въ С.-Петербургѣ обѣщаній, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, и частехонько заглядывалъ въ сообщенную Вами мнѣ при отъѣздѣ программу; она же была мнѣ самому полезна, какъ нить для наблюденій. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Былъ въ Прагѣ; теперь живу въ Вѣнѣ; познакомился съ учеными Славянофилами, которыми богаты оба сіи мѣстечка, и могу хоть вкратцѣ, хотя бѣгло, но по крайней мѣрѣ кое-что, передать Вамъ о томъ, что говорится здѣсь по части Славянизма.

Вы просили списка періодическихъ изданій, какія выходятъ на Западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Вотъ онъ. Мнѣ большею

частію продиктовалъ его Шафарикъ въ Прагѣ; но программъ я напрасно добивался и тамъ и здѣсь; для выписыванія же Славянскихъ книгъ и журналовъ можно обращаться въ Прагу къ книгопродавцу Веберу (Webersche Buchhandlung am grossen Ring) и въ Вѣну къ Герольду (am Stephansplatz).

Не рекомендую собственно Славянской книжной лавки Венедикта: ибо заправляющій ея дѣлами Дундеръ, не смотря на медаль, полученную недавно отъ нашей Академіи, слыветъ здѣсь за великаго шарлатана и, говорятъ, скоро обанкрутитъ заведеніе. Лучше всего было бы Вамъ вступить въ сношеніе съ Гавріиломъ Тихоновичемъ Меглицкимъ, священникомъ нашего здѣсь Посольства, человѣкомъ равно достойнымъ уваженія со стороны ума и сердца. Давно и горячо занимаясь науками и языками, онъ лично знакомъ съ большею частію здѣшнихъ ученыхъ и знаетъ все, что выходитъ новаго.

Пражскіе ученые—славный народъ, патріархальное поколѣніе. Ей ей, хорошо бы посылать изъ нашей молодежи, посмотрѣть на ихъ смирную, но терпѣливую и плодовитую дѣятельность. Соколъ между ними Шафарикъ; живетъ въ бѣдности, ибо какъ протестантъ не можетъ занимать должности при Университетѣ въ Прагѣ; жена, трое дѣтей. Не смотря на все, онъ трудолюбивъ, копитъ матеріалы для трудовъ истинно колосальныхъ; ближайшимъ изъ нихъ явится въ будущемъ году первобытная Исторія Славянъ вообще, отъ древнѣйшихъ временъ до введенія между ними Христіанства. Книга выдетъ на Чешскомъ, но онъ намѣренъ почти въ одно время изготовлять изданіе въ Нѣмецкомъ переводѣ, и все на собственный коштъ. Еслибъ удалось года хоть на два, на три, привлечь его въ Московскій, или хоть Петербургскій Университетъ, для преподаванія Славянскихъ нарѣчій,—какое бы сокровище. Старикъ Юнгманъ, сверстникъ Добровскаго, продолжаетъ издавать свой огромный сравнительно-этимологическій Словарь нарѣчій Славянскихъ; вышла уже Лит. К. Это 5-я часть цѣлаго; но въ рукописи весь трудъ конченъ и лежитъ у него въ кабинетѣ. Палацкій, издатель оцѣнки Чешскихъ Лѣтописцевъ и Историковъ, занятъ, по порученію Богемскихъ чиновъ, сочиненіемъ полной Исторіи Богемскаго Королевства; она выдетъ по нѣмецки. Поэтъ Челяковскій развлеченъ своею газетой, безъ которой ему не чѣмъ было бъ жить; однако копитъ новыя пѣсни и сверхъ того думаетъ издать собраніе Чешскихъ народныхъ пословицъ въ дополненіе къ пѣснямъ. Ганка, хранитель народнаго музея въ Прагѣ, только что кончилъ новое изданіе Краледворской рукописи и краткую Чешскую

Грамматику (Praworpis Česky). Поэта Коллара я не видалъ и не знаю, пишетъ ли онъ теперь что либо, ибо недавно женился; но его Slawy Dcera (Дщерь Славы), поэма въ сонетахъ, имѣла успѣхъ и расходъ неимовѣрный въ Богеміи и Венгріи.

Общая жалоба всѣхъ этихъ господъ—на затруднительность и почти, можно сказать, невозможность порядочныхъ сношеній съ Россіею, которой литература ихъ крайне интересуетъ. Вы едва повѣрите, что Юнгманъ нѣсколько лѣтъ не могъ добиться 12-го тома Исторіи Карамзина и наконецъ пріобрѣлъ его за 10 рублей слишкомъ на наши деньги. Челяковскій что-то похожее заплатилъ за мелкія стихотворенія Пушкина. Отъ этого они хоть бы рады, но не могутъ вступить въ какой-либо обмѣнъ или постоянную обсылку съ Редакціею Журнала Министерства Просвѣщенія, развѣ само Министерство изыщетъ способы облегчить сіе. Главное же средство знакомить не только Прагу и Вѣну, но и всю Германію съ произведеніями нашей Словесности было бы завести въ Лейпцигѣ Русскую книжную лавку (Filial — Buchhandlung) подобно тому, какъ есть уже тамъ Французская, Англинская и т. д., ибо въ Лейпцигѣ являются къ Пасхѣ всѣ главные книгопродавцы или ихъ агенты, и книга, туда пришедшая, расходится удобно и дешево во всѣ концы Германіи. Согласенъ, намъ Русскимъ можно желать этого, когда у насъ будутъ печатать поменьше пустяковъ и поболѣе нужнаго. Но, какъ спекуляція, эта мысль и теперь заслуживала бы вниманія какого нибудь А. Ф. Смирдина etc. Вѣдь у насъ же есть въ Лейпцигѣ Генеральное Консульство, чрезъ которое безъ сомнѣнія можно получить подробнѣйшія извѣстія.

Въ Вѣнѣ я нашелъ Вука Стефановича и Копитара. Послѣдній съ восторгомъ говоритъ о своемъ новомъ трудѣ, который на дняхъ выдетъ; заглавіе—Glagolita Klozianus; это славно сохранившійся отрывокъ изъ древняго Славянскаго молитвенника, писаннаго глаголит. буквами около 11-го вѣка, хранившійся на островѣ Веліи (близъ Тріеста) въ семействѣ Венеціанскихъ патриціевъ Франгипани, а позднѣе перешедшій въ Тироль къ какому-то Графу Клоцу, въ честь коего и книга окрещена будетъ такимъ именемъ. Въ коментаріяхъ къ этой рукописи Копитаръ снова будетъ доказывать, что Глаголитскія письмена гораздо древнѣе Кирилловскихъ; что они были первоначальною, еще варварскою азбукой Славянскаго народа, а Кириллъ и Меѳодій ввели свою въ Панноніи вмѣстѣ съ переводомъ священныхъ книгъ и отстояли у Папы противъ Зальцбургской Католической Епархіи, отъ которой не хотѣли быть въ зависимости. Теперь, кто

правъ, Добровскій или Копитаръ, не знаю. Во всякомъ случаѣ, прочесть любопытно. Вукъ недавно воротился съ путешествія въ Черную Гору; собралъ множество новыхъ словъ и народныхъ пѣсней и думаетъ издать 5-й томъ своего собранія пѣсней Сербскихъ, а также описаніе народныхъ обрядовъ и обычаевъ.

Вообще надо сказать, что между Южными Славянами господствуетъ довольно живая, хотя и мелкая книгопечатная дѣятельность. Считаютъ, что въ Австрійскихъ владѣніяхъ и Бѣлградѣ выдетъ къ новому году до 10 забавниковъ, сирѣчь Альманаховъ, на Сербскомъ, Славянскомъ, Хорватскомъ и Краинскомъ нарѣчіи. Книги и календари печатаются въ Вѣнѣ, Офенѣ, Карльштадтѣ, Лайбахѣ, Себеницѣ и пр. Изъ Петербурга, какъ Вы знаете, привезли типографію и въ Черную Гору; тамошній владыка прошлаго года напечаталъ собраніе стихотвореній, которое для любопытства прилагаю, хотя почти увѣренъ, что оно есть въ Петербургѣ. Хотѣлъ было послать Вамъ и Даницу, Вуковъ Альманахъ, издаваемый въ Вѣнѣ уже нѣсколько лѣтъ сряду, но слишкомъ будетъ громозко; кажется, онъ издаетъ ее и къ будущему новому году.

Однако я чрезъ чуръ записался, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ; не взыщите за долготу моего письма. Если удастся мнѣ очистить еще статейку, другую Вашей памятной записочки, то напишу и вторицею, коль Богъ дастъ.

Покуда простите и въ свой чередъ не оставляйте Босфорскія пустыни дружескимъ воспоминаніемъ и хоть изрѣдка вѣсточками.

Весь Вашъ

А. Титовъ.

Дополненіе. По отзыву Славянофиловъ, изъ нѣмецкихъ журналовъ теперь нѣтъ ни одного, гдѣ можно найти извѣстія о Славянскихъ нарѣчіяхъ и ходѣ ихъ Литературы.

(Архивъ Росс. Акад., Дѣло № 31, 1835 г.).

Записка П. И. Кеппена.

Въ Императорскую Россійскую Академію.

От Коллежскаго Совѣтника П. Кеппена.

Одинъ изъ первенствующихъ филологовъ нашего времени, Г-нъ Копитаръ въ Вѣнѣ, служащій хранителемъ при библіотекѣ Его Цесарскаго Величества, поручилъ мнѣ представить оной

Академіи отъ его имени препровождаемое при семъ сочиненіе объ одной изъ древнѣйшихъ Словенскихъ рукописей, которая писана Глаголическими буквами. Сочиненіе это есть плодъ слишкомъ тридцатилѣтняго изученія Словенскихъ языковъ и нарѣчій и критическаго сличенія ихъ между собою. Г-нъ Копитаръ, какъ извѣстно, признается въ чужихъ краяхъ однимъ изъ первыхъ Грамматиковъ въ Европѣ, и Императорская Россійская Академія, призванная быть покровительницею языка отечественнаго и всѣхъ отъ одного съ нимъ общаго корня происходящихъ нарѣчій, конечно, не оставитъ безъ уваженія сего достопримѣчательнаго труда. Одно то уже заслуживаетъ нашу признательность, что Г. Копитаръ, между прочимъ, обратилъ вниманіе и на такіе памятники Словенской письменности, которые хранятся въ нашихъ рукахъ, но нами не издаются. Здѣсь, между прочимъ, мы находимъ — Святцы Остромирова Евангелія (1057 г.) и принадлежащій мнѣ единственный отрывокъ Словенскаго древнѣйшаго перевода Псалмовъ Давидовыхъ. Такъ постепенно и наши драгоцѣнности дѣлаются доступными ученому свѣту.

Почитая священною ту высокую цѣль, которая побудила Екатерину Великую учредить Россійскую Академію, и чувствуя, сколь много Академія сія должна дорожить Литературою и Литераторами разныхъ словенскихъ народовъ, я рѣшаюсь обратить вниманіе Академіи на новый трудъ извѣстнаго Сочинителя Исторіи Словенскаго языка и его Литературы, Г-на Шафарика: поступившую въ печать книгу о Словенскихъ древностяхъ (Slowanské Starožitnosti). Представляя при семъ объявленіе объ изданіи этого сочиненія, я смѣю надѣяться, что Академіи угодно будетъ поддержать Автора подпискою на опредѣленное число экземпляровъ, число, которое могло бы служить доказательствомъ, что Академія принимаетъ истинное участіе какъ въ розыскахъ сего рода, такъ и въ успѣхѣ этого предпріятія.

Другой Литераторъ, уже пользовавшійся покровительствомъ Россійской Академіи, и въ особенности Его Высокопревосходительства Господина Президента оной, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, и сего года опять отправляется къ южнымъ Словянамъ.

Г. Копитаръ, коего свидѣтельство не подлежитъ никакому сомнѣнію, удостовѣряетъ въ томъ, что находки, сдѣланныя Г-мъ Караджичемъ во время послѣдней поѣздки, для коей Академія пожаловала ему нѣкоторую сумму, заслуживаютъ вниманіе. Не возможно, говоритъ онъ, сыскать человѣка, который былъ бы усерднѣе при собираніи пѣсней, поговорокъ, памятниковъ ста-

рины и пр.,—и я, съ моей стороны, въ этомъ совершенно увѣренъ. И кто лучше Г. Караджича могъ бы извлекать пользу изъ такого путешествія? Языкъ и обычаи сближаютъ его съ народами, у коихъ онъ словно домашній человѣкъ. Поѣздки свои Г. Караджичъ полагаетъ довершить въ два года (1836 и 1837-мъ), и тогда приступитъ онъ къ изданію всего имъ собраннаго. Пособіе со стороны Академіи въ теченіи сихъ двухъ лѣтъ принесло бы пользу наукамъ, — въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и я, дорожа славою Россіи и честію Академіи, считаю долгомъ обратить вновь ея вниманіе на сего необыкновеннаго человѣка.

Меня же да извинитъ Академія въ томъ, что я осмѣливаюсь обратиться къ ней по этимъ предметамъ. Я имѣлъ случай путешествовать по Словенскимъ землямъ и слышать, чего они надѣятся отъ Россіи вообще и въ особенности отъ Императорской Россійской Академіи. Надежды ихъ имъ не измѣнятъ!

П. Кеппенъ.

С.Петербургъ, 31-го Марта 1836 года.

(Архивъ Росс. Акад., Дѣло № 6, 1836 г.).

В. В. Ганка — Д. И. Языкову.

Ваше Высокородіе, Милостивый Государь!

Почтеннѣйшее письмо Ваше съ 22 іюня я имѣлъ честь черезъ Императорское Россійское Посольство въ Вѣнѣ получить 4/16 Ноября и препровождаемую при немъ отъ Императорской Россійской Академіи золотую медаль въ 50 червонцевъ 8/20 сего же Ноября.

Увѣдомляя о семъ Ваше Высокородіе, всепокорнѣйше прошу засвидѣтельствовать Императорской Россійской Академіи мою благодарность, которую я словами изобразить не могу.

Это благорасположеніе Императорской Россійской Академіи къ другимъ славянскимъ литераторамъ изъявляетъ духъ, чрезвычайно оживляющій угнетеніемъ охлажденную любовь къ отечественному языку при нашихъ молодыхъ людяхъ.

Примите и Вы, Милостивый Государь, искреннѣйшую благодарность мою въ истинномъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю пребывать

Вашего Высокородія всепокорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага, 10/22 Ноября 1836.

(Архивъ Росс. Акад., Дѣло № 6, 1836 г.).

П. І. Шафарикъ — Д. И. Языкову.

1.

Помѣта Д. И. Языкова: 11 декаб. 1836.

Ew. Excellenz!

Die Auszeichnung, deren mich die Kaiserliche Akademie durch Zuerkennung der Goldmedaille würdigte, verbindet mich zum tiefgefühltesten Danke. Sie übersteigt weit mein geringes Verdienst um die Slawische Literatur, und soll mich nur um so mehr zur Verdoppelung meiner Bemühungen auf diesem Gebiete der Wissenschaft verpflichten. Mein schönster Lohn würde es seyn, wenn es mir gelingen sollte durch gemeinnützige literarische Arbeiten auch fernerhin den Beifall und die Billigung der Kaiserlichen Akademie zu erringen.

Indem ich Ew. Excellenz den richtigen Empfang sowohl des verehrten Schreibens vom 22 Juni l. J. a. St., als auch der Goldmedaille, welche beide mir durch die Kaiserliche Botschaft in Wien am 19 d. M. n. St. zugemittelt worden sind, hiermit pflichtmässig anzeige, bitte ich zugleich, die Gnade zu haben, der Kaiserlichen Akademie die Gefühle des tiefsten Dankes und der Hochachtung in meinem Namen auszudrücken.

Ich werde nicht unterlassen, die erschienenen Hefte meiner Slawischen Alterthümer, so wie die Fortsetzung derselben an die Kaiserliche Akademie in nächsten Zeit einzusenden, mit der Bitte, dieselben als ein schwaches Zeichen meiner unbegränzten Devotion huldvoll anzunehmen.

Genehmigen Ew. Hochwohlgeboren die Gefühle der vollkommenen Hochachtung, mit denen ich die Ehre habe zu verharren

Ew. Excellenz ergebenster

Dr. Paul Jos. Schafarik.

Prag, den 25 November 1836 n. St.

2.

Eure Excellenz!

Ich nehme mir die Freiheit, Eurer Excellenz die drei ersten Hefte meines Werkes: Slowanské Starožitnosti (Slawische Alterthümer) für die Bibliothek der Kaiserlichen Russischen Akademie zu übersenden, mit der Bitte, die Kaiserliche Akademie möchte geruhen, dieselben als

ein schwaches Zeichen meiner unbegränzten Verehrung und Dankbarkeit anzunehmen.

Die erste oder historische Abtheilung meiner Slawischen Alterthümer wird im Monat September dieses Jahres mit dem sechsten Hefte geschlossen werden. Ich werde nicht ermangeln Eurer Excellenz die Fortsetzung und den Schluss des Werkes seiner Zeit auf demselben Wege zu übersenden.

Genehmigen Eurer Excellenz die Gefühle der tiefsten Hochachtung, mit denen ich verharre

Eurer Excellenz ergebenster
Paul Joseph Schaffarik.

Prag, den 30 Jäner 1837 N. St.

Выписка изъ журнала засѣданій Акад. 20 февраля 1837 г. Слушали отношеніе Г. Шафарика изъ Праги отъ 30 янв. н. ст. etc. Опредѣлено: прилагаемыя книги хранить въ библіотекѣ, и въ уваженіе полезныхъ занятій и недостаточнаго состоянія Г. Шафарика послать ему одинъ томъ актовъ, собранныхъ археографическою комиссіею.

3.

Eure Excellenz!

Die Kaiserliche Russische Akademie hat geruhet, mich mit einem Exemplar des sehr wichtigen Werkes: Акты собр. археогр. экспедиціею, С.П. 1836. 4 т., zu beschenken. Indem ich Ew. Excellenz den richtigen Empfang sowohl dieses Werkes, als auch Ew. Excellenz verehrlichen Schreibens vom 6 August l. J., ergebenst anzeige, statte ich zugleich der Kais. Russ. Akademie meinen innigsten und wärmsten Dank für die mir bewiesene auszeichnende Gunst ab. Ich freue mich im Besitze dieses schätzbaren Werkes zu seyn, vorzüglich darum, weil ich daraus sehr vielen Gewinn für den zweiten Theil meiner Slaw. Alterthümer zu ziehen hoffe.

Der Druck dieses zweiten, in der Handschrift noch nicht ganz vollendeten Abtheilung meines Werkes musste, vielfachen Hindernisse wegen, verschoben werden. Gegenwärtig habe ich die Ehre Ew. Excellenz für die Bibliothek der Kais. Russ. Akademie zu übersenden: 1) Das 6-te Heft der Starožitnosti, als Beschluss zu den früher geschickten 5 Heften; 2) Ein ganzes Exemplar des nun vollendeten ersten Theiles.

Genehmigen Eure Excellenz die Gefühle der ausgezeichneten Verehrung, mit denen ich die Ehre habe zu verharren

Eurer Excellenz ergebenster Diener

Dr. Paul Joseph Schafarik.

Prag, den 18 Oct. 1837. n. S.

П. І. Шафарикъ — С. С. Уварову.

Eure Excellenz!

Haben meine bisherigen Leistungen im Gebiete der slawischen Sprachkunde und Geschichtsforschung einer so huldvollen Aufmerksamkeit gewürdigt und mir zur Erleichterung meiner Arbeiten in den genannten Fächern der Wissenschaft und Litteratur eine so grossmüthige Unterstützung angedeihen lassen, dass ich mich dadurch im innersten Herzen zur tiefen Dankbarkeit verpflichtet fühle.

Ermuntert durch den Beweis so hoher Gunst werde ich es stets als eine heilige Pflicht erachten meinen Eifer und Fleiss zu verdoppeln, um im Einklange mit jenen würdigen Gelehrten unseres Gesammtstammes, welche sich die Anbahnung der höhern Pflege der slawischen Sprachkunde und Geschichtsforschung zur Aufgabe ihres Lebens gestellt haben, zür Erreichung eines so löblichen Zweckes, im seinen Interesse der Wissenschaft und Literatur, nach Kräften mitzuwirken.

Genehmigen Eure Excellenz den schwachen Ausdruck der Gefühle der tiefsten Dankbarkeit und Verehrung, mit denen ich die Ehre habe stets zu verharren

Eurer Excellenz unterthänigster

Paul Joseph Schafarik m. p.

Prag, den 15 Febr. 1839 n. St.

Его В. Превосходительству, Г. Дѣйств. Тайному Совѣтнику, Министру народнаго просвѣщенія, Члену Государственнаго Совѣта, Сенатору, Президенту Императорской Академіи Наукъ, разныхъ орденовъ Кавалеру и пр. Сергію Семеновичу Уварову въ Санкт-Петербургѣ.

(Архивъ Мин. Нар. Просв.)

П. І. Шафарикъ — М. П. Погодину.

Prag, 2 Aug. 1846. A. S.

Theurester Freund! Ihrem Wunsche gemäss schicke ich Ihnen:

1) Tomek hist. česk., 2) Hlasy, 3) Hankůw Prawopis, 4) Konečný Slowník.

Wenn Sie meinen Rath und meine Bitte hören, so lesen Sie so wenig als möglich, und pflegen Ihrer Gesundheit.

Hrn. Šewyrew bitte ich herzlich von mir zu grüssen. Er un Bodj. sollen H. ignoriren und kein Wort über oder gegen ihn verlieren. Es ist schmerzlich genug, dass solche Leute unter uns sind: aber der edle Mensch kan Besseres zu thun, als seine Kraft im Kampfe mit Narrheit, Dumheit und Bosheit aufzureiben.

Über meine Sprachforschung schreiben Sie, was Ihnen... (неразборчиво). Drei Abhandl. sind im Časop. gedruckt; zweie liegen im MS. druckfertig. Für 50 andere ist Material da. Ein besonderes Werk über die Sprachforschung sammt Wurzellexicon bereite ich vor.

Meine Kinder, besonders die grösseren, machen mir viel Kummer und Sorgen. Gott gebe mir Kraft alles zu ertragen und zu überwinden.

Ich kann Ihnen heute nicht mehr schreiben.

Ihr aufrichtiger Freund

Šafařík.

Погодинъ, сообщая это письмо Шевыреву, въ припискѣ своей (изъ Маріенбада, 29 іюля (10 авг.) 1846 г.) на томъ же листѣ, между прочимъ, говоритъ:

„Я прочелъ твою записку Шафарику, и онъ просилъ меня написать къ тебѣ, чтобы ты нисколько не безпокоился. Г. писалъ что то дурное и глупое вообще, но личности не касался; напротивъ, всегда отзывался о тебѣ, какъ и обо мнѣ, въ частныхъ разговорахъ съ почтеніемъ. Авторитета не имѣетъ онъ никакого, и даже противъ общихъ его выходокъ немедленно напечатано было нѣсколько опроверженій. Съ Ганкой имѣетъ онъ какія то личности, вслѣдствіе которыхъ тотъ горячится. Всего лучше, сказалъ Шаф., оставить его пустое дѣло безъ вниманія, и оно такъ забудется. Ганкѣ онъ не совѣтовалъ по той же причинѣ читать записку, чтобъ изъ того не вышла какая нибудь печатная размолвка. Такъ онъ и написалъ мнѣ,—письмо въ оригиналѣ посылаю. Если жъ ты всетаки хочешь, чтобъ я прочелъ записку Г., то увѣдомь меня въ Теплицъ poste restante. Я еще успѣю сдѣлать это".

(Оригиналъ въ Имп. Публ. Библ.)

Донесеніе Н. Д. Иванишева.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія Сергію Семеновичу Уварову отъ студента Главнаго Педагогическаго Института Николая Иванишева

Покорнѣйшее донесеніе.

Исполняя волю Вашего Высокопревосходительства, я осмѣливаюсь представить свѣдѣнія о семейныхъ обстоятельствахъ моего ученаго наставника Вячеслава Ганки.

Вячеславъ Ганка, занимая мѣсто инспектора при Національномъ Чешскомъ Музеѣ, получаетъ въ годъ 400 флориновъ жалованья (около 1000 руб. ассигнаціями). Изъ этихъ денегъ онъ долженъ содержать свое семейство, помогать своимъ бѣднымъ родственникамъ и пріобрѣтать ученыя пособія. Національный Чешскій Музей, подъ начальствомъ Графа Штернберга, получилъ весьма одностороннее направленіе, назначивъ для себя цѣлію естественныя науки, и поэтому онъ не доставляетъ ученыхъ пособій, необходимыхъ для круга наукъ, избраннаго Г-мъ Ганкою. Если Музей имѣетъ рукописи и рѣдкія книги, не касающіяся естественныхъ наукъ, то этимъ онъ обязанъ Г-ну Ганкѣ, который жертвовалъ послѣднимъ крейцеромъ, истощался въ просьбахъ и поклонахъ, чтобы только вырвать изъ частныхъ рукъ какой нибудь памятникъ Славянской старины. Нужда заставляетъ иногда Г-на Ганку заниматься переводомъ дѣловыхъ бумагъ, которыя поступаютъ въ Судебныя мѣста города Праги на Польскомъ и на Русскомъ языкѣ. За это ничтожное ремесло онъ получаетъ два флорина (около 5-ти руб. ассигнаціями) съ писанаго листа.

Я уже не говорю о тѣхъ почти непреодолимыхъ затрудненіяхъ, съ которыми долженъ бороться Г. Ганка, если ему нужно издать какое нибудь ученое сочиненіе. Въ послѣднее время онъ съ большими пожертвованіями собралъ древнѣйшіе памятники Славянскихъ законодательствъ, ходилъ часто пѣшкомъ по разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ Богеміи библіотекамъ, чтобъ повѣрить списки, и все это остается въ рукописи по недостатку средствъ къ напечатанію.

При всемъ томъ Г-нъ Ганка не теряетъ бодрости. Онъ приготовилъ къ изданію хронику Далемила, краткую Славянскую Грамматику, началъ составлять Чешско-Русскій и Русско-Чешскій Словарь и обдумываетъ сравнительную грамматику Славянскихъ нарѣчій.

Едва ли кто нибудь былъ и можетъ быть такъ полезнымъ для Русскихъ, посѣщающихъ Прагу, какъ Г. Ганка. Съ невыразимымъ усердіемъ и любовію готовъ онъ жертвовать временемъ, чтобъ услышать звуки Русскаго языка и показать гостю все, что еще осталось Чехамъ драгоцѣннаго. Это усердіе я испыталъ на себѣ. Каждый день Г. Ганка посвящалъ для меня нѣсколько часовъ, сообщая мнѣ свои обширныя свѣдѣнія въ Славянскихъ законодательствахъ, языкахъ и палеографіи, посѣщалъ со мною библіотеки и архивы, кланялся Австрійскимъ вельможамъ, чтобъ только достать для меня какую нибудь рѣдкую рукопись, и за все это онъ не бралъ никакой платы, увѣряя, что Славяне гостей своихъ угощаютъ даромъ.

Студентъ Гл. Педагогическаго Института
Николай Иванишевъ.

Ноября 6-го 1838-го года.

Записка Гр. Уварова „О трудахъ славянскихъ ученыхъ Шафарика и Ганки" (отъ 9 дек. 1838 г.), напечатанная впервые П. А. Кулаковскимъ (П. I. Шафарикъ, Ж. М. Н. Пр., 1895, іюнь, 439 сл.), составлена на основаніи „Записки о состояніи Богемскихъ ученыхъ и Венгерскихъ Сербовъ" М. Касторскаго (отъ 24 окт. 1838 г.) и сообщеннаго здѣсь донесенія Иванишева. Всѣ эти документы хранятся въ Архивѣ Мин. Н. Пр., Дѣло Канц. Министра Народн. Просвѣщ., № 1322.

№ 1124.

Переписка Россійской Академіи съ Г. Т. Меглицкимъ и др., по дѣлу о переводѣ „Славянскихъ Древностей" Шафарика на русскій языкъ.

Д. И. Языковъ — Г. Т. Меглицкому.

Милостивый Государь,

Гавріилъ Тихоновичъ!

Императорская Россійская Академія хотя и имѣетъ сношенія съ нѣкоторыми изъ ученыхъ Австрійской имперіи, нашими единоплеменниками, но сношенія сіи весьма слабы, и при томъ многіе изъ нихъ остаются для нея неизвѣстными. Желая усилить сіи сношенія и имѣть вѣрнѣйшія свѣденія о словесности западныхъ и южныхъ Словенъ и лицахъ, упражняющихся въ оной съ отличностью, Академія возложила на меня обратиться къ Вамъ, М. Г., какъ къ мужу, равно достойному уваженія со стороны ума и сердца, съ просьбою принять на себя трудъ о сообщеніи ей сказанныхъ свѣденій, также списка книгамъ, кои по мнѣнію Вашему заслуживаютъ быть помѣщенными въ ея библіотеку, съ означеніемъ цѣны оныхъ. Къ кому другому, какъ не къ Вамъ, честнѣйшій отецъ, можетъ Академія отнестись съ таковою просьбою! Ей извѣстно, что Вы, давно и пламенно занимаясь науками и языками, лично знакомы съ большею частію Австрійскихъ ученыхъ Словенъ и знаете все, что выходитъ отъ нихъ новаго.

Дальнѣйшее желаніе Академіи, если только исполненію онаго не попрепятствуютъ ваши занятія, состоитъ въ томъ, чтобы

Вы приняли на себя трудъ перевести на Русскій языкъ „Исторію Богемскаго Королевства" Палацкаго и „Первобытную исторію Словенъ" Шафарика, какъ скоро онѣ будутъ напечатаны.

Смѣю увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что Академія отдаетъ должную справедливость трудамъ вашимъ по сношенію съ нею. Исполнивъ возложенное на меня Академіею столь пріятное для меня порученіе и предавая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Вашего Высокопреподобія, Мил. Государя

покорнѣйшій слуга

Д. Языковъ.

№ 86.

СПБ. 8 мая 1836.

Его Высокопреподобію Г. Т. Меглицкому.

(Архивъ Росс. Ак., Дѣло № 31, 1835 г., съ конспекта, собственноручно писаннаго Д. И. Языковымъ).

Г. Т. Меглицкій — Д. И. Языкову.

1.

Милостивѣйшій Государь,

Дмитрій Ивановичъ!

Дорого цѣня высокое вниманіе Императорской Россійской Академіи ко мнѣ и желая по возможности содѣйствовать ея благодѣтельнымъ намѣреніямъ, въ отвѣтъ на письмо Ваше, отъ 8-го Мая текущаго года, честь имѣю Вашему Высокородію сообщить, что я со всею охотою принимаю на себя обязанность доставлять Академіи свѣденія о состояніи литературы Восточныхъ и Западныхъ Словянъ. Долго не смѣлъ я рѣшиться на предпріятіе перевода Словянскихъ Древностей, издаваемыхъ Г. Шаффарикомъ только на Богемскомъ языкѣ, — сіе самое совершенно противу моей воли замедлило и настоящій отвѣтъ мой, — но, получивъ отъ Сочинителя увѣдомленіе, что на нѣмецкомъ языкѣ появится то же самое твореніе не прежде, какъ по истеченіи двухъ или трехъ лѣтъ, подвергаю себя труду переводить Словянскія Древности даже съ Богемскаго языка и начну оный тотчасъ, какъ скоро получу первые отпечатанные листы. Отъ перевода Исторіи Богемскаго королевства также не отказываюсь; но оный по необходимости будетъ замедленъ вышеозначеннымъ трудомъ.

Что касается до каталога Словянскихъ книгъ, заслуживающихъ быть помѣщенными въ Академической Библіотекѣ, то, не зная, какія изъ таковыхъ уже находятся въ оной, опасаюсь отягощать Васъ увѣдомленіемъ о давно уже извѣстномъ и осмѣливаюсь ожидать по сему предмету особеннаго Вашего наставленія.

Сообщая Вамъ, Милостивѣйшій Государь, о сей готовности моей и присовокупляя увѣреніе, что я съ своей стороны употреблю все возможное стараніе, дабы оправдать вниманіе и надежду Императорской Россійской Академіи по отношенію ко мнѣ, особеннымъ долгомъ щитаю свидѣтельствовать Вамъ глубочайшее почтеніе, съ каковымъ навсегда пребуду

Вашего Высокородія усердный Богомолецъ,

Священникъ Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна, 22 Іюня 1836.

2.

Милостивѣйшій Государь,
Дмитрій Ивановичъ!

Препровождая при семъ къ Вашему Превосходительству переводъ первыхъ двухъ книжекъ Словянскихъ Древностей Шафарика, долгомъ почитаю изъявить предъ Вами нѣкоторыя сомнѣнія на щетъ продолженія онаго. Прошедшаго мѣсяца, бывъ въ Минхенѣ ради болѣзни К. Гр. Ив. Гагарина, я читалъ тамъ Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія за 1836 годъ, мѣсяцъ Сентябрь, въ которомъ усмотрѣлъ объявленіе о переводѣ тѣхъ же самыхъ Древностей, начатомъ Г. Профессоромъ Погодинымъ. Въ соревнователѣ моемъ примѣтилъ я не только особенное усердіе и быстроту по отношенію къ его предпріятію, но и необыкновенные способы, совершить оное съ особеннымъ успѣхомъ. Г. Погодинъ, получивъ оригиналъ 3-го Сентября, къ 18-му числу того же мѣсяца обѣщалъ послать къ Г. Шафарику первый корректурный листъ. Возвратившись въ Вѣну, я увидѣлъ въ Часописѣ Чешскаго Музеума новое извѣщеніе, что таковый корректурный листъ былъ уже въ Прагѣ. Мнѣ невозможно имѣть подобныхъ сношеній съ Г. Шафарикомъ; и я откровенно признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ отъ Г. Погодина можно болѣе ожидать, нежели отъ меня. Мой трудъ дѣлается излишнимъ тѣмъ паче, что благодѣтельныя намѣренія И. Р. Академіи удовлетворительнѣе и скорѣе исполняются означеннымъ предпріятіемъ Г. Профессора Московскаго Университета. Я готовъ помо-

гать Г. Погодину, ежели только это угодно будетъ Академіи и непротивно трудящемуся въ переводѣ. При сихъ обстоятельствахъ, Вы видите, Милостивѣйшій Государь, что трудъ мой не можетъ быть продолжаемъ, доколѣ Вашему Превосходительству не угодно будетъ почтить меня особеннымъ наставленіемъ по сему предмету.

На щетъ Исторіи Палацкаго необходимымъ почитаю изъяснить, что переводъ не можетъ быть начатъ, доколѣ продолжается означенный переводъ Слов. Древностей. Сіе послѣднее дѣло чрезвычайно трудно, по крайней мѣрѣ, для меня. Мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе было бы настоящій трудъ поручить кому-либо другому. Нѣмецкій языкъ у насъ знакомѣе, нежели Богемской, и притомъ въ устахъ Г. Палацкаго онъ чрезвычайно ясенъ и простъ. Для перевода съ такаго языка, безъ сомнѣнія, найдется множество охотниковъ.

О новой Словянской Литературѣ ничего не сообщаю теперь Вашему Превосходительству, частію потому, что любопытнѣйшее уже извѣстно Академіи изъ другихъ источниковъ, частію же потому, что скоро выдетъ сочиненіе о Чешской Литературѣ — главной изъ здѣшнихъ Словянскихъ — въ продолженіи 10-ти послѣднихъ годовъ. Надѣюсь воспользоваться онымъ.

Въ первомъ письмѣ ко мнѣ Вы изволили говорить мнѣ о составленіи каталога книгъ, достойныхъ покупки. Я принялъ слова сіи въ обширнѣйшемъ смыслѣ, не ограничиваясь однимъ или нѣсколькими годами, и думалъ о книгахъ всѣхъ временъ, по какому-либо случаю недостающихъ въ Академической Библіотекѣ. Естьли предположеніе мое не есть совершенно ошибочное, на таковый случай присовокупляю здѣсь нѣсколько каталоговъ, въ которыхъ съ особеннымъ тщаніемъ собрано все относящееся къ Словянству, и въ которыхъ, можетъ быть, найдется что нибудь полезное для Академіи.

Надѣясь, что сочиненіемъ Г. Шафарика удовлетворится самый ревностный и строгій Словенистъ, не могу скрыть особеннаго сожалѣнія о томъ, что доселѣ почти ничего не написано о Словянской Православной Церкви внѣ нашего отечества. Впрочемъ, принимая въ щетъ, что Секретари при здѣшнихъ Православныхъ Архіереяхъ большею частію люди образованные, и что между духовными есть люди, занимающіеся науками, не должно отчаеваться, что и сей недостатокъ восполнится. Я думаю, что это случилось бы гораздо скорѣе и надежнѣе, если бы Академія благоволила обратить на то свое высокое вниманіе.

Еще одно слово касательно Словянства. Въ нѣкоторыхъ

Русскихъ журналахъ читалъ я отрывки переводовъ изъ Сербскихъ пѣсенъ и другихъ произведеній Слов. литературы. Все это чрезвычайно невѣрно и служитъ доказательствомъ, что, находясь въ Россіи, трудно научиться Словянскимъ нарѣчіямъ, даже невозможно, по крайней мѣрѣ, какъ я сужу по своему опыту. О изученіи нравовъ, которое вѣроятно сообщило бы новый и собственный характеръ и нашей литературѣ, и говорить нечего. И такъ, по моему мнѣнію, необходимо нужно послать въ здѣшніе края молодыхъ образованныхъ людей на нѣсколько лѣтъ съ единственною цѣлію,—короче познакомиться съ нарѣчіями и нравами Словянскими.

Примите, Милостивѣйшій Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю пребыть

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга
Св. Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна, 4/16 Февр. 1837.

3.

Милостивѣйшій Государь,
Дмитрій Ивановичъ!

Отъ 4/16 февр. сего года отправилъ я въ нашу Посольскую канцелярію письмо съ пакетомъ на имя Вашего Превосходительства, содержащимъ въ себѣ переводъ первыхъ двухъ книжекъ Словянскихъ Древностей Шафарика, въ той надеждѣ, что скоро буду имѣть честь получить отвѣтъ отъ Васъ. Но, къ сожалѣнію, извѣстился, что за неимѣніемъ отправленія курьера то и другое должно пролежать нѣсколько времени въ Вѣнѣ; нѣкоторыя же сомнѣнія, изложенныя мною въ упомянутомъ письмѣ, не терпятъ никакого промедленія, требуя Вашего разрѣшенія. И я чувствую себя въ необходимости предварительно безпокоить Ваше Превосходительство новымъ письмомъ. Въ прошедшемъ Генварѣ бывъ въ Минхенѣ ради болѣзни К. Г. И. Гагарина, читалъ я тамъ Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія, за 1836 г. мѣсяцъ Сентябрь, въ которомъ усмотрѣлъ объявленіе о переводѣ тѣхъ же Древностей, начатыхъ Г. Пр. Погодинымъ. Въ соревнователѣ моемъ примѣтилъ я не только особенную ревность и быстроту по отношенію къ его предпріятію, но и необыкновенные способы совершить оное съ особеннымъ успѣхомъ. Г. Погодинъ, получивъ оригиналъ 3-го Сентября, къ 18-му числу того же мѣсяца обѣщалъ послать къ Г. Шафарику первый корректур-

ный листъ. Возвратившись въ Вѣну, я увидѣлъ въ Часописѣ Чешскаго Музеума новое извѣстіе, что таковый листъ былъ уже въ Прагѣ. Мнѣ невозможно имѣть подобныхъ сношеній съ Г. Шафарикомъ, и я откровенно признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ отъ Г. Погодина можно болѣе надѣяться, нежели отъ меня. Мой трудъ дѣлается излишнимъ, тѣмъ паче, что благотворныя намѣренія И. Р. Академіи удовлетворительнѣе и скорѣе исполняются означеннымъ предпріятіемъ Г. Профессора Московскаго Университета. Я готовъ помогать Г. Погодину, ежели только это будетъ угодно Академіи и непротивно трудящемуся въ переводѣ. При сихъ обстоятельствахъ, Вы видите, Милостивый Государь, что трудъ мой не можетъ быть продолжаемъ, доколѣ Вашему Превосходительству не угодно будетъ почтить меня особеннымъ наставленіемъ по сему предмету, каковаго я и осмѣливаюсь ожидать.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ которымъ навсегда пребуду

Усердный Вашъ Богомолецъ
Священникъ Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна, 6/18 февр. 1837.

4.

Милостивѣйшій Государь,
Дмитрій Ивановичъ!

Имѣя честь увѣдомить Ваше Превосходительство о полученіи назначенныхъ мнѣ отъ Императорской Россійской Академіи ста Голландскихъ червонныхъ, особеннымъ долгомъ щитаю покорнѣйше просить Васъ принести Академіи мою искреннѣйшую благодарность за Ея высокое вниманіе ко мнѣ и къ моему малому труду. Что касается до сообщенныхъ мнѣ новыхъ порученій, то я могу коснуться теперь только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Словаря Чешскихъ писателей не имѣется, но о болѣе знаменитыхъ изъ нихъ довольно подробныя свѣденія можно получить частію изъ извѣстной книги Юнгмана, о Чешской Литературѣ, частію изъ Oesterreichische National-Encyklopädie, напечатанной въ Вѣнѣ въ 1825 году. Для пріобрѣтенія давно изданныхъ Богемскихъ книгъ, даже древнихъ рукописей, по моему мнѣнію, ближайшее средство есть покупка оныхъ въ лицитаціяхъ. Но для сего нужно имѣть свѣденіе о Библіотекѣ Академической, дабы, зная, чего недостаетъ въ оной, при всякомъ случаѣ можно

было стараться о восполненіи сего недостатка. Смѣю ли просить Ваше Превосходительство о доставленіи мнѣ самаго краткаго каталога древнихъ Богемскихъ книгъ, находящихся въ Академической Библіотекѣ, въ которомъ бы означены были имя писателя и заглавіе книги въ двухъ или трехъ словахъ?

У извѣстнаго Словянскаго литератора Копытаря находится важное собраніе книгъ различныхъ Словянскихъ нарѣчій, которое онъ намѣревается продать. Дабы сія драгоцѣнность не досталась въ какія либо чужія руки, не благоугодно ли будетъ Академіи сдѣлать предварительныя распоряженія касательно сего предмета.

Сочиненія покойнаго Епископа Лукіана Мушицкаго, издаваемыя теперь вновь, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ объявленія, хотя и не безъ погрѣшностей противъ образованнаго и здраваго вкуса, однако чрезвычайно уважаются Сербами, какъ произведенія просвѣщеннаго и самаго ревностнаго патріота. Другое новое литературное явленіе: Кратке поучителне Бесѣде, по содержанію своему, не можетъ заключать въ себѣ для насъ ничего новаго, но любопытно для сравненія Сербскаго церковнаго языка съ языкомъ нашихъ проповѣдниковъ.

Примите, Милостивѣйшій Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ которымъ есмь

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Протоіерей Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна, 12/24 Іюля 1838 г.

Д. И. Языковъ — Д. М. Княжевичу.

Милостивый Государь,

Дмитрій Максимовичъ!

Въ послѣднее собраніе Имп. Росс. Академіи, въ которомъ и Ваше Прев. присутствовать изволили, было разсуждаемо о переводѣ на русскій языкъ издаваемыхъ Г. Шафарикомъ Словенскихъ Древностей и положено: просить Г. Погодина, чтобы онъ увѣдомилъ Академію, кончилъ ли онъ переводъ первой части сказаннаго сочиненія, и не угодно ли ему будетъ прислать сей переводъ или какой отрывокъ изъ него въ Академію?

Зная, что Ваше Прев. на дняхъ отправляетесь въ Москву, я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой, принять на

себя трудъ переговорить о вышесказанномъ съ Г. Погодинымъ и сообщить мнѣ его отзывъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Прев. покорнѣйшимъ слугою

Д. Языковъ.

№ 56. 11 мая 1837 г.
Его Превосх. Д. М. Княжевичу.

Д. М. Княжевичъ — Д. И. Языкову.

Милостивый Государь,
Дмитрій Ивановичь!

Въ слѣдствіе порученія Императорской Россійской Академіи, о которомъ Ваше Прев. изволили увѣдомить меня отъ 11 Мая № 56, обращался я съ просьбою къ Г. Академику Погодину и полученный отъ него письменный отзывъ честь имѣю препроводить при семъ для представленія на благоусмотрѣніе Академіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію честь имѣю быть Вашего Прев. покорнѣйшимъ слугою

Дм. Княжевичъ.

2 Іюля 1837.
Его Пр-ву Д. И. Языкову.

М. П. Погодинъ — Д. М. Княжевичу.

Милостивый Государь,
Дмитрій Максимовичъ!

Въ отвѣтъ на письмо къ Вашему Превосходительству за № 56 отъ Г. Секретаря Академіи Россійской симъ отвѣчать честь имѣю, что первая книга Славянскихъ Древностей Шафарика совершенно переведена Г. Бодянскимъ и издана мною. Вторая печатается и выйдетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Потомъ приступимъ и къ третьей. Если бы Академія приняла участіе въ нашемъ предпріятіи, то оно пошло бы еще успѣшнѣе, и публика получила бы немедленно на Русскомъ языкѣ это классическое сочиненіе Шафарика, заключающее непреоборимыя историческія доказательства о глубокой древности народа и языка Славянскаго. Но еще большую бы услугу оказала Академія всему ученому міру, подкрѣпивъ самаго Шафарика денежнымъ пособіемъ

для окончанія печатаніемъ его огромнаго труда, а именно второй части онаго, съ археологическими изслѣдованіями. Прося покорнѣйше Ваше Превосходительство о сообщеніи Академіи сего моего мнѣнія, съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю

Вашимъ покорнымъ слугою

М. Погодинъ.

1837 г. Іюня 8.

М. П. Погодинъ — Д. И. Языкову.

Милостивый Государь,

Дмитрій Ивановичъ!

Честь имѣю представить Академіи 2 книгу Шафариковыхъ Славянскихъ Древностей, издаваемыхъ мною въ русскомъ переводѣ Г. Бодянскаго. Книги этой до сихъ поръ разошлось чрезъ книгопродавцевъ менѣе 50 экз., такъ что я затрудняюсь продолжать изданіе и прошу пособія у Академіи. Я надѣюсь, что Академія не откажетъ мнѣ въ ономъ тѣмъ болѣе, что сама она намѣрена была издать на свой счетъ это важное для Исторіи и Филологіи Славянской сочиненіе.

Увѣренной въ Вашемъ благосклонномъ ходатайствѣ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю,

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Погодинъ.

1837 г. Ноября 17.

Отчетъ Разсматривательнаго Комитета.

Въ Императорскую Россійскую Академію.

Разсматривательнаго Комитета

Отчетъ, съ возвращеніемъ Рукописи Священника Меглицкаго о Славянскихъ древностяхъ и перевода Г. Бодянскаго.

Въ Комитетъ препровождены были для сличенія два перевода Шаффарикова сочиненія о Славянскихъ древностяхъ: одинъ рукописный Священника Меглицкаго, трудившагося надъ симъ

переводомъ по порученію Академіи, другой Г. Бодянскаго, изданный Профессоромъ Погодинымъ.

По внимательномъ разсмотрѣніи обоихъ переводовъ Комитетъ находитъ, что оба они не совершенно удовлетворительны и требуютъ нѣкотораго исправленія, въ особенности переводъ Г. Бодянскаго, что можно усмотрѣть изъ представляемыхъ при семъ выписокъ и сличенія обоихъ переводовъ [1]). Въ рукописи Г. Меглицкаго встрѣчаются слишкомъ растянутые періоды, что впрочемъ принадлежитъ къ ощутительнымъ недостаткамъ самаго подлинника. Г. Бодянскій раздробляетъ періоды, но не совсѣмъ удачно, такъ что иногда пять, шесть періодовъ, слѣдующіе одинъ за другимъ, начинаются ссылкою на предыдущій; одинъ указываетъ на другой, не представляя самъ по себѣ полнаго смысла (напр., на стр. 8: Отсюда, и пр.), такъ что утомляетъ вниманіе при чтеніи. Еще болѣе вредитъ слогу, что нѣкоторые періоды, теряя связь словъ, представляютъ совершенную неясность, напр. на стр. 6-й.

Полезная цѣль труда обоихъ переводчиковъ заслуживаетъ одобреніе. Сочиненіе Шаффарика, принадлежащаго къ числу отличнѣйшихъ ученыхъ нашего времени, исполнено богатствомъ свѣденій и представляетъ драгоцѣнные матеріалы для Исторіи Славянскихъ народовъ. Важнѣйшая часть сего сочиненія есть указаніе источниковъ Славянскихъ древностей. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что филологическія доказательства Шаффарика не тверды; онъ иногда слишкомъ поверхностно придерживается сходства словъ въ языкахъ, въ подкрѣпленіе своихъ любимыхъ мыслей, и отъ того выводы его по сей части замѣтно натянуты. Изъ сочиненія его весьма полезно сдѣлать извлеченіе, но въ полнотѣ оно можетъ дать поводъ къ нѣкоторымъ неосновательнымъ толкамъ, требующимъ оговорки и возраженія.

Въ переводѣ Г. Бодянскаго издана только 1-я книга I-го тома подлинника (318 стр. состав. 19 печатныхъ листовъ). Въ присланной изъ Вѣны рукописи Г. Меглицкаго заключается гораздо болѣе. I-й томъ его содержитъ 180 письменныхъ, что составитъ около 48 печатныхъ листовъ. Трудъ довольно обширный и заслуживающій признательность и по усердной дѣятельности, съ которою Г-нъ Меглицкій спѣшилъ выполнить предложеніе Академіи.

В. Панаевъ. М. Лобановъ. В. Перевощиковъ. Б. Федоровъ. Востоковъ.

. . . .

[1]) Ихъ при дѣлѣ нѣтъ.

Д. И. Языковъ — Г. Т. Меглицкому.

Милостивый Государь,
Гавріилъ Тихоновичъ!

Не причтите къ забвенію, или къ чему-нибудь еще худшему, то, что я не отвѣчалъ на нѣсколько Вашихъ писемъ. Я ожидалъ разрѣшенія вопроса: нужно ли продолжать переводъ на русскій языкъ сочиненія Шафарика: О славянскихъ древностяхъ, или нѣтъ? Надлежало переписываться съ Москвою, отдать дѣло на разсмотрѣніе особаго комитета и потомъ слушать его въ собраніи Академіи. Все это заняло много времени, а теперь, когда все рѣшилось, я имѣю честь отвѣтить на всѣ Ваши письма однимъ разомъ.

Императорская Россійская Академія приноситъ Вамъ чувствительную благодарность, что Вы, М. Г., такъ охотно и такъ скоро исполнили ея желаніе доставленіемъ своего перевода первой части сочиненія Шафарика: О славянскихъ древностяхъ. Но поелику оно слишкомъ обширно, то она положила: не переводить его на русскій языкъ вполнѣ, а дождавшись того времени, когда Г. Шафарикъ издастъ все свое сочиненіе, тогда перевесть оное на русскій языкъ, но только не все, а сдѣлавъ хорошее извлеченіе.

Академія, отдавая полную справедливость переводу Вашему и желая нѣкоторымъ образомъ вознаградить труды Ваши, положила, на основаніи своего Устава, выдать Вамъ сто червонныхъ. Во исполненіе сего, препровождая при семъ вексель конторы Штиглица въ тысячу сто рублей, данный 27 мая сего года, я покорнѣйше прошу Васъ о полученіи онаго меня увѣдомить.

Въ письмѣ Вашемъ отъ 4/16 февраля 1837 г. Вы между прочимъ упоминали, что доселѣ почти ничего не написано о Славянской Православной Церкви внѣ нашего отечества, и, принимая въ соображеніе, что секретари при австрійскихъ православныхъ архіереяхъ большею частію люди образованные, а между духовными есть люди, занимающіеся науками, почему можно надѣяться, что и сей недостатокъ выполнится, Вы думаете, что сіе сдѣлалось бы гораздо скорѣе и надежнѣе, если бы Росс. Академія обратила на то свое вниманіе.

Академія, благодаря за сію мысль, принимаетъ ее съ удовольствіемъ и полагаетъ, что привести ее въ исполненіе никто не можетъ лучше, какъ Вы же сами; но если бы почему-либо

нельзя было Вамъ принять на себя такого труда, то она проситъ Васъ указать ей на какого-либо изъ секретарей православныхъ архіереевъ, къ которому она могла бы обратиться.

Исполнивъ все то, что возложено было на меня Академіею, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга

Д. Языковъ.

№ 63. СПБ. 31 мая 1838 г.
Его Высокопреп. Г. Т. Меглицкому.

Студенты Пресбургскаго Лицея — Д. И. Языкову.

1.

w Prešporku dne 11-ho Kwětna 1837.

Welectěný a Wysocenčený Pane!

Láska Waše k národu slowanskému, genž po wšech geho končinách weleznámá gest; péče Waše o geho wzdělánj a zásluhy o zwelebenj geho literatury Wám slávu u wšech Slowanů splodila, a we mně ducha smělého powzbudila, bych Wám Welectěný a Wysocenčený Pane, prosby a potřeby naše, gménem wšech spoludruhů mých, ponjženě přednésel.

Neslušné Maďarů řeči našj potlačowánj a wznešený ostatnjch pobratřenců přjklad, udušenau téměř k národu swému lásku w srdcjch našjch roznjtilo a dodalo ducha ku wzdělávánj se w milé swé řeči mateřské. K tomu to cjli založila sobě slowenská na prešporskem ew. Lyceum študugjcj mládež před desjti asi roky knihownu, spolu i Spolek ku wzdělávánj se w řeči a wěcech národnjch slaužiti magjcj. Shledali sme wšak wkrátce, že usilownost naše gedině tak hogné owoce ponese, gestli na celek ten, gehož častkau my sme, na národ od Adrie k Uralu, od Baltu až k moři Černému se rozprostjragjcj, zřetel náš obrátjme, s literaturau a řečj každého kmenu slowanského se seznámjme, a tak wšeslowanské wzdělánj rozšiřowati budeme. Sáhli sme tehdy po uskutečněnj tohoto wznešeného předsewzetj, než překážky, kteréžto odstrániti newládáme, w cestu se nám stawj. Chudoba zláště a nedostatek potřebných knih, tento náš umysl překážegj, gežto i při neylepšj wůli negsme s to k naučenj se slowanských, zláště pak ruského nářečj, gehožto rozsáhlá

literatura nad giná slowanska wyniká, potřebných prostředků sobě nadobyti. Poněwadž pak pewně přeswědčeni gsme, že toliko wýše dotčeným způsobem našého učelu dosáhnauti můžeme, k Wám se Welectěný a Wysoceučený Pane utjkáme, žádagjce Wás se wšj úctiwostj, by ste wřelé naše prosby Slawné učené Akademii Petrohradské, genž sobě nesmrtelných zásluh o literaturu slowanskau nadobyla, a gegimžto zaslaužilým Tagemnjkem Wy býti ráčjte, přednésti sobě nestěžowali, aby nás ona některými k naučenj se a poznánj řeči a literatury národu ruského slaužjcjmi knihami láskawě obdařiti ráčila.

My pak wšemožně na tom pracowati budeme, bychom tohoto tak welkého dobrodinj prawým geho užjwánjm hodnými se stali, a pilným študowánjm řeči a literatury rusko-slowanské wraucj naši wděčnost k Wám dokázali.

Gestli tedy prosba tato dobročinna srdce Slowanů ruských k nám naklonj: račte nám určený dar buď do Peště, Panu Janowi Kollárowi, buďto do Prahy, Panu Pawlowi Jozefowi Šafařjkowi, který geg Dozorci knihowny našj Panu Matěgi Šewrlaymu odešle, milostiwě zaslati.

Wykonaw způsobem tjmto wznešenau úlohu, mi od spoludruhů mých na prešporském ew. Lyceum študugjcjch swěřenau, hlubokau poklonu Wám činj Wáš,

Welectěný a Wysoceučený Pane, neyponjženěgšj služebnjk a ctitel

Daniel Jaroslaw Bořjk w. r.

Knihowny Učenců řeči českoslowenské prešporské řádnj Knihownjk.

(Заслушано въ засѣданіи Росс. Акад. 26-го іюня 1837 г.).

2.

w Prešpurku dne 4 Března 1838.

Slowutný Mužj,

Welectěný a Wyseceučený Pane!

Před dewjti asi měsjci, pewnau do Wás, Slowutný a Welectěný Slowane, důwěrau osměleni bywše, wyslali sme k Wám z naywraucněgšj lásky k swětosáhlému našému Slowanskému národu praudjcj se prosbu, sladkau při tom kogiwše se naděgj, že ona od Wysoceučenosti Wašj asnad docela zawržená nebude. Důwody, genž se nám obgewili, přeswědčugj nás, že tato naše žádost rukau Wašjch nedošla Pročež gsauce i nynj geště o zásluhách, dobročinnosti a lásce Wašj k národu Slowanskému pewně ugištěni, synowskau oddanostj ponjženau naši žádost geště gedenkráte Laskawosti Wašj předstjrati se opowažugeme.

Kruté nátisky, gežto saused náš Maďar ode časů giž pokognému Slowákowi činil, potlačowánjm řeči geho a wtjránjm mu ohromných hla-

holů swých, odnjmánjm mu národnosti a nucenjm geg k hordě swé přestaupiti, a wšeliké giné pronasledowánj — wše toto udušenau téměř přes dewatero giž stoletj k sobě a pobratřencům swým lásku w prsau prwoprocjtlých některých, národu swému zaswěcených synů, roznjtilo, a powzbudilo taužku po dosaženj wyžšj známosti gak řeči, tak i děgin národa swého. K dogjtj tohoto cjle založila sobě Slowenská na Prešpurském Lyceum študugjcj mládež před desjti roky knihownu gakož i Spolek ku wzdělánj se w mateřčině a wěcech národnjch. Shledali sme wšak, swětlem wzágemnosti oswjceni, že snáha naše gedině tak hogné ponese owoce, gestli na celek, gehož částkau my gsme, na národ daleko široko se rozprostjragjcj, zřetel náš upřeme, s řečj, literaturau každého Slowanského kmene se obeznámjme, a tak w skutek uwedenj widy wšeslawské napomáhati budeme. Chopili sme se tedy wznešeného tohoto předsewzetj; awšak mnohé, gežto přewládati nemůžeme, překážky cestu nám zastupugj. Chudoba zwláště, nedostatek potřebných knih působjcj, w umyslu tomto nám překážj, ant́ i při naypewněgšj wůli negsme s to, naučiti se Slowanským, obzwláště pak Ruskému nářečj, gehožto rozsáhlá literatura nade giné Slowanské wynjka. Poněwadž pak pewně přeswědčeni gsme, že toliko wýše dotčeným způsobem cjle našého dogdeme: k Wám Wysoceučený a Welectěný Pane se utjkáme, se wšj uctiwostj Wás prosjce, by ste taužebnau naši žádost Slawné Akademii Petrohradské, genž sobě o literaturu Slowanskau giž nesmrtelných nadobyla zásluh, a gegjmžto zaslaužilým Tagemnjkem Wy býtiráčjte, přednesti ráčil, by on a knihovnu naši Slowanskau na ewangelickém Lyceum w Prešpurku některými knihami k naučenj se řečj a poznánj literatury a děgin slawného národa Slawo-Ruského milostiwě obdařila.

Co kdyby se asnad, duchem Wšeslawským, nám dosahnauti powedlo, zagiste w té toho použigeme mjře, gakowau genom mysel wděčná k dobrodincům naylaskawěgšjm a samo národa blaho od nás wyhledáwa.

Přjtomné djlko „Plody" knihowně Akademie našj knihownau obětowané, co znak maličký chtiwosti powažowati ráčtež. Gsautě to zdařilegšj práce od prwopočátku Spolku našého do knihy pamětné zaznamenáwané, pak na autraty knihowny na swětlo wydané.

Ostatně, nezrownáwali se asnad opowážliwá žádost naše s láskawau wůlj Wašj, prowiněnj toto milostiwě odpustiti ráčt ž

Slowutnosti a Wysoceučenosti Wašj se wšj šetrnostj oddaným ctitelům, Učencům řeči a literatury česko-slowanské w Prešpurku.

Jaroslaw Daniel Bórjk w. r.
Ustawu řádný Knihownjk a
Učtownjk.
Horislaw Škultety w. r.

Mjsto Knihownjk.
Rastislaw Kraus w. r.
Dohledač knihowny.
Stanislaw Kaisar ud.

Radoslaw Ondreg Šolc w. r.
Tagemnjk.
Miloslaw Jozef Hurban w. r.
Dopisowatel.
Jan Bogmjr Petrikowič w r.
Wýboru přjsedjcj.
Iwan Dalibor Zimáni w. r.
Dopisowatel.
Iwan Wlastimil Pellár w. r.
Wýboru přjsedjcj.
Bogislaw Giřj Záborský,
Wýboru přjsedjcj.
Domolub Imr. Blažkowič.
Wýboru přjsedjcj.

Pro potwrzenj: Ludewjt Štúr w. r., náměstnjk Professorátu Slowanského na lyceum w Prešpurku.

Въ Пресбуржское Словенское Общество.

Императорская Россійская Академія, удовлетворяя желанію Общества, положила: доставить въ оное по одному экземпляру всѣхъ книгъ, Академіею изданныхъ. Но какъ пересылка оныхъ изъ Петербурга въ Пресбургъ вдругъ въ одно время весьма затруднительна, то книги будутъ доставляться по частямъ и, на первый случай, препровождаются слѣдующія:

1) Повременное изданіе Академіи, 4 книжки.
2) Извѣстія Академіи, 12 книжекъ.
3) Краткія записки Академіи, 3 книжки.
4) Словарь древней и новой поэзіи, 3 части.

На будущее время книги будутъ высылаться безъ отношенія Академіи, съ одною только накладною. Общество да благоволитъ увѣдомлять о полученіи книгъ.

27 іюня 1838 г.

(Конспектъ въ Дѣлѣ Росс. Акад., № 25, 1838 г.).

І. В. Юстинъ Михль — Д. И. Языкову.

Ваше Превосходительство!

Осмѣлуюсь здѣсь заслать мой трудъ: „Литературну лѣтопись Славянъ нарѣчія ческаго (богемскаго) отъ года 1825 до года 1837, въ Чехахъ, на Моравѣ и въ Венгріи (Угряхъ)", съ тою покорною прозбою, чтобъ Ваше Превосходительство ту книгу, есьли угодну —въ библіотекѣ Ученой Императорской Россійской Академіи вмѣсть достояли. За щастливаго бы сь думалъ, что на доказъ приятельскаго пріетія въ третіемъ связкѣ той „Литератур-

ной лѣтописи" имя Славной Императорской Россійской Академій на заглавѣ проставить могъ.

Имѣю честь быть Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
I. В. Юстинъ Михлъ,
Членъ реда побожныхъ школъ, сочинитель.

Прага въ Чехахъ, Маія 30-го дня, 1837-го года.

Въ засѣданіи Академіи 22 янв. 1838 г. читано:

Отношеніе Г-на Директора Департамента внутреннихъ сношеній Минист. иностранныхъ дѣлъ къ Непремѣнному секретарю Академіи отъ 18 янв., за № 234, при которомъ доставляетъ слѣдующую выписку изъ депеши посла нашего въ Вѣнѣ о проживающемъ въ Прагѣ Юстинѣ Михлѣ:

„Іосифъ Юстинъ Михль, Іеромонахъ ордена Піаристовъ и Профессоръ Чешскаго языка въ гимназіи города Раковника (Rakonitz), пользуется вообще весьма хорошимъ мнѣніемъ. Въ ученомъ свѣтѣ онъ извѣстенъ сочиненіями на чешскомъ языкѣ: 1) О школахъ реальныхъ и техническихъ у Богемцовъ, Прага, 1835. О правописаніи иллирійскомъ, Прага, 1836. 3) О чешскомъ языкѣ въ отношеніи къ правописанію, Прага, 1836, и 4) Литературная лѣтопись Славянъ Чешскаго нарѣчія съ 1825 до 1837 г. Прага, 1837. Всѣ сіи труды хотя и не блистательны по своему содержанію, однакоже не только носятъ на себѣ печать самаго ревностнаго усердія къ распространенію успѣховъ Славянскаго просвѣщенія, но и открываютъ особенную тщательность автора въ изслѣдованіи, здравый умъ въ сужденіи и полноту вѣденія разсматриваемыхъ предметовъ. Что же касается именно до Литературной его лѣтописи Славянъ, то она, изображая картину ученой дѣятельности чеховъ въ продолженіи послѣднихъ 12 лѣтъ, имѣетъ вообще достоинство историческаго произведенія, сохраняющаго для потомства литературные труды предковъ".

Справка. Михль, приславъ для академической библіотеки свое сочиненіе, подъ названіемъ Literaturní Letopis, часть вторая, просилъ дозволенія посвятить Академіи третью часть сего сочиненія. Поелику для Академіи онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, то она положила просить Вѣнскую нашу миссію освѣдомиться о нравственныхъ его качествахъ и ученыхъ достоинствахъ.

Опредѣлено: Какъ Вѣнская миссія отзывается хорошо о Г-нѣ Михлѣ, то дозволить ему сдѣлать посвященіе его сочиненія Академіи.

(Записки засѣданій И. Росс. Акад., 1838, янв. 22, № 4.).

Г. Т. Меглицкій — Д. И. Языкову.

Милостивый Государь,
Дмитрій Ивановичь!

Препровождая къ Вашему Превосходительству: 1) Пѣванія Церногорска и Херцеговачка, 2) Трагедію Обиличъ, назначенныя сочинителемъ и издателемъ ихъ Семеномъ Милутиновичемъ для библіотеки И. Р. Академіи, 3) объявленіе о подпискѣ на книгу: Богиня Слава, и 4) Plody zboru učencŭ řeči českoslowanské Prešporského, вмѣстѣ съ просительнымъ письмомъ отъ Пресбурскаго Словянскаго Общества, долгомъ почитаю ходатайствовать у Васъ о благосклонномъ вниманіи къ сему послѣднему. Общество, хотя состоитъ болѣе изъ юныхъ Словянъ, но управляется Лицейскимъ Профессоромъ Штуромъ, извѣстнымъ по благоразумію и ревности къ Словянству. Просители беспокоятъ Васъ о исходатайствованіи имъ отъ Академіи нѣкоторыхъ книгъ для познанія литературы и дѣлъ Россійскаго народа. Они приводятъ въ причину своего прошенія крайнюю бѣдность, а я съ своей стороны присовокупляю еще неслыханное затрудненіе получать Русскія книги въ здѣшнихъ странахъ. Благосклонное удовлетвореніе прозьбѣ ихъ будетъ имъ, какъ роса землѣ жаждущей.

Естьли Литературная лѣтопись Словянъ Чешскаго нарѣчія, издаваемая въ Прагѣ Піаристомъ Михломъ (на Чешскомъ), еще не прислана въ Академію сочинителемъ, то не безполезно пріобрѣсти ее покупкою. Она содержитъ обозрѣніе Чешской Литературы съ 1825 по 1837 годъ; стоитъ 1 гульденъ сорокъ крейцеровъ серебромъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ которымъ навсегда есмь

Покорнѣйшій слуга Вашъ
Протоіерей Гавріилъ Меглицкій.

Вѣна, 5-го Мая 1838.

(Арх. Росс. Акад., Дѣло № 25. 1838 г.).

Записка В. В. Ганки объ учрежденіи славянскаго отдѣленія при И. Росс. Академіи (С. С. Уварову).

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивѣйшій Государь!

Милостивое удовлетвореніе прозьбы моей относительно продолженія пребыванія въ Прагѣ Г. Иванишева для окончанія лекціи древняго права чешскаго внушаетъ мнѣ смѣлость объявить Вашему Высокопрев. мысли, которыя я въ настоящее время для всего Славянства вообще и для Россіи особенно полезными быть считаю, если онѣ удостоятся благосклоннаго вниманія и могущественнаго покровительства Вашего.

До сихъ поръ славянскіе народы безъ всякаго пособія Правительства или частныхъ лицъ болѣе или менѣе удерживали единообразіе въ языкѣ и обычаяхъ, и въ тѣхъ странахъ особенно, гдѣ православіе по нынѣ господствуетъ, какъ на востокѣ; и на западѣ, хотяжь оно такъ рано истребленно, однакожь еще нѣкоторые корешки свои обнажаетъ. Конечно, что изъ средоточія исходящіе лучи, чѣмъ болѣе отъ него расходятся, тѣмъ разнообразнѣйшій цвѣтъ показуютъ. Все это различіе дѣлалось въ нравахъ и въ языкѣ постепенно и почти незамѣтно; но нынѣ, когда просвѣщеніе съ такимъ успѣхомъ повсюду распространяется, начинаемъ болѣе нежели когда либо чувствовать необходимость точной славянской терминологіи относительно наукъ, основанной на живомъ народномъ словѣ, болѣе понятной и естественной, нежели заимствованной изъ иностранныхъ языковъ, потому еще необходимѣе, чтобъ каждая отрасль великаго народа нашего безъ потери времени и излишнихъ издержекъ, какъ для ученыхъ, такъ и для учащихся, желаемаго и всѣмъ нужнаго средоточія не чуждалась. Для сего только недостаетъ высокаго покровительства и пособія. [Терминологія у такъ распространеннаго народа почти полна, но она разсѣяна: тотъ имѣетъ при морѣ морскіе, тотъ въ горахъ горные, тотъ опять въ равнинахъ хозяйственные и т. д. Сіи слова должно только другъ у друга заимствовать, и только недостающихъ предоставлять, чтобъ ихъ искусный языкоиспытатель въ духѣ славянскаго языка возсоздалъ и такія тотчасъ всѣмъ племенамъ сообщилъ]. [1]) Исто-

[1]) Заключенное въ скобки вычеркнуто.

рія хорошо знаетъ, какими средствами южная Панонія, западная Славянщизна на Салѣ, Эльбѣ и Одрѣ истребленна и другія славянскія племена истребляются. Честь и знаменитость ихъ, полагаю, въ нашъ вѣкъ требуютъ положить всему этому предѣлы. О! сколь много къ небу взывающаго сдѣлано съ нами... Не говоря о тысячи мѣрахъ и притѣсненіяхъ, устремленныхъ прямо для уничтоженія Славянства на западѣ, упомяну о нѣкоторыхъ и еще не столь знаменитыхъ, такъ н. п. Австрія отчуждаетъ Славянства познаніями или богатствомъ отличающихся своихъ подданныхъ, возвышая ихъ въ дворянство съ прибавленіемъ къ ихъ славянскому прозванію нѣмецкихъ проименованій (Prädicate), напр.: Звѣрина von Ruhwald, Калина von Jäthenstein, Новакъ von Neuberg и т. п., какъ то въ Вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ ежедневно можно начитывать. Таковая суета льститъ этимъ добрымъ людямъ: они уже подписываются дарованнымъ своимъ проименованіемъ, отказываясь навсегда первобытной своей фамиліи; такимъ образомъ, дѣти и внуки ихъ, забывъ свое происхожденіе, дѣлаются нетокмо вѣрными Нѣмцами, но жесточайшими врагами всего славянскаго. Такимъ же образомъ и профессора заставляютъ студентовъ ихъ славянскія фамиліи преиначивать или искажать въ нѣмецкія, особенно, если онѣ хотя нѣсколько схожи на какое-либо нѣмецкое слово, и мало найдется такихъ, которы бы, какъ я или Копытарь, такому переиначиванію воспротивились. [Мнѣ льстили, что былъ въ началѣ 18-го столѣтія въ Силезіи какой то Hancke славнымъ поэтомъ, но я сказалъ профессору: что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имя другаго его не прославитъ.] Такъ Клазарь долженъ быть Glaser, Заверталъ=Sauerthal, Пѣшица=Beschützer etc. etc. etc., и черезъ сіе большая часть прославившихся нашихъ земляковъ къ Нѣмцамъ причисляется. [Уже въ среднихъ вѣкахъ Пясты принимали въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ съ допущеніемъ и съ особеннымъ благопріятствованіемъ употреблять имъ Тевтонское право, и такимъ образомъ здѣлался исподоволь status in statu; на туземцахъ остались всѣ подати и повинности, которыя по мѣрѣ расширянія сихъ иноплеменныхъ колоній утѣснительнѣе и несноснѣе становились. Такими и еще далеко жесточайшими мѣрами, о которыхъ здѣсь умолчаю, исчезло Славянство въ нижней Силезіи и въ другихъ провинціяхъ нынѣшней Пруссіи, Саксоніи и Австріи]. Подражаніе бы въ пользу Славянства не вредило. Нѣмцы, хотяжбы въ концѣ свѣта были, имѣютъ безпрерывное сообщеніе между собою относительно сохраненія въ цѣлѣ своей народности и врожденной имъ страсти господство-

вать, если же не такъ, то по крайней мѣрѣ въ литературныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ, и хотяжбы и на славянской земли рожденны были и языкъ славянскій изучили, доколѣ у нихъ нѣмецкое прозваніе, то находятся всегда, какъ на вѣсахъ, въ безпрерывной нерѣшимости, къ какому принадлежатъ народу, но при первомъ удобномъ случаѣ въ свою пользу измѣнятъ.

Мое политическое мнѣніе состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: „Славянъ прославитъ только познаніе самыхъ себя, то есть: когда каждый славянскій народъ точнѣе узнаетъ самъ себя и своихъ братей, тогда и врата адова не одолѣютъ ихъ".

Полагая на могущественное покровительство Вашего Высокопревосходительства, я увѣренъ, что Вамъ Божіемъ внушеніемъ великій Царь таковое высокое мѣсто ввѣрилъ, и что Вы къ достиженію нижеслѣдующаго достохвальнаго и толико вожделеннаго всеми славянскими народами учрежденія прочнаго начала положить не откажетесь, говорю, какъ на сердцу у меня. Оно состоитъ въ учрежденіи при Императорской Россійской Академіи шести мѣстъ славянскаго отдѣленія, которое бы завѣдывало языкознаніемъ и литературою остальныхъ славянскихъ народовъ. Оно должно состоять изъ шести Академиковъ, соотвѣтственно шести важнѣйшимъ нарѣчіямъ, и столько же Адъюнктовъ, которы бы, вмѣстѣ работая, по выбытію изъ своей части Академика могли занять его мѣсто. Таковый Академикъ и Адъюнктъ его должны непремѣнно быть уроженцами изъ тѣхъ Славянъ, которыхъ языкъ и письменность они имѣютъ за предметъ и должны не токмо языкъ и литературу своего нарѣчія, но и нравы и обычаи и исторію своего народа знать въ совершенствѣ и по своей части съ новыми произведеніями литературы состоять въ безпрерывныхъ наблюденіи, связи и сношеніяхъ, какъ и доставлять для библіотеки Академіи всѣ важнѣйшія произведенія. Начальникъ сего отдѣленія, избранный изъ числа Академиковъ, долженъ знать совершенно всѣ славянскія нарѣчія и смотрѣть на то, чтобъ по возможности были всегда: 1) для Малорусскаго: одинъ изъ южной Россіи и другій изъ Галиціи или Бѣлой Руси или изъ закарпатскихъ Русняковъ; 2) для Сербскаго: одинъ изъ Сербіи или Черной Горы и другій изъ Босніи или Булгаріи; 3) для Иллирійскаго: одинъ изъ Кроаціи и другій изъ Стиріи, Каринтіи, Карніоліи или Далмаціи; 4) для Чешскаго: одинъ изъ Чехъ и другій изъ карпатскихъ Словаковъ или изъ Моравіи; 5) для Сорбскаго: одинъ изъ горной и другій изъ нижней Лузаціи и 6) для Польскаго: одинъ изъ Королевства и другій изъ княжества Познанскаго или изъ Кракова.

Такое отдѣленіе приготовляло бы кандидатовъ, уроженцевъ русскихъ, на славянскія катедры при университетахъ, которыхъ въ послѣдствіи съ большимъ успѣхомъ возможно бы было посылать за границу для усовершенствованія на мѣстѣ, для чего потребовалось бы менѣе времени и издержекъ, нежели нынѣ необходимо. Сверхъ сего, это отдѣленіе должно бы заниматься разборомъ славянскихъ литературныхъ произведеній, и такимъ образомъ возможно бы было издавать при Академіи давно желаемую литературную всеславянскую газету. На его же обязанности состоитъ сочинить грамматики, какъ по діалектамъ, такъ всеобщую сравнительную, и составить всеобщій словарь, который бы вмѣщалъ въ себѣ соединеніе богатства всѣхъ славянскихъ нарѣчій, безъ чего очень многое какъ въ филологіи, такъ и въ исторіи и географіи остается непонятнымъ; и сіе же отдѣленіе наконецъ должно написать истинную исторію своихъ славянскихъ племенъ [Недавно я читалъ въ Сѣверной Пчелѣ извѣстіе о сочиненіи подъ названіемъ: Топографія бунцлаверскаго, кениггрецерскаго и крудимерскаго округовъ, вмѣсто: болеславскаго, градецкаго и хрудимскаго. И сносно ли Русскому уху: Москаверскій телеграфъ? Такъ нѣмцы сдѣлали изъ нашихъ великолѣпныхъ именъ Болеславъ=Bunzel, Вячеславъ=Wenzel, Станиславъ=Stänzel; Святославъ=Schwänzel, Святополкъ=Schweinbold etc. etc. etc.] и вѣрную географію своихъ земель съ настоящими, не искаженными прозваніями странъ, горъ, долинъ, рѣкъ, озеръ, обиталищъ, лицъ, чиновъ и сословій.

Изученіе исторіи Славянъ, нѣкогда обитавшихъ или нынѣ еще не изчезнувшихъ въ Пруссіи, Саксоніи и Австрійской имперіи, занимавшихъ пространство болѣе пятнадцати тысячъ географическихъ квадратныхъ миль, чрезвычайно важно для политика и философа: изъ нея онъ увидитъ, какимъ образомъ бурный потокъ нѣмецкихъ народовъ подавилъ славянскія племена, исконни аборигеновъ Европы, кои по своему просвѣщенію нисколько не уступали и не уступаютъ своимъ притѣснителямъ. Весь недостатокъ Славянъ состоитъ въ томъ, что они были, какъ и нынѣ, несоединены между собою никакими политическими узами и нерѣдко враждовали между собою, бывъ подстрекаемы нѣмецкими властями.

Мы, западные Славяне, остатки великаго и знаменитаго племени, господствовавшаго отъ балтскаго до адріятическаго морей, мы нынѣ въ униженіи горько оплакиваемъ неблагоразумія отцовъ своихъ и молимъ Бога, да прекратитъ надъ нами свое попущеніе, и да не погибнемъ совершенно. Наши взоры обращаются

невольно къ Россіи, и, утѣшая другъ друга, говоримъ: Великій Государь царства русскаго есть Словянинъ, Господь напутитъ его быть нашимъ заступникомъ и спасителемъ. Какъ велико наше угнѣтеніе, и какъ велика опасность вскорѣ увидѣть свою народность невозвратимо уничтоженную, сіе довольно извѣстно Вашему ВПревосх. Такъ въ австрійской имперіи славянское дворянство Чеховъ, Иллирійцевъ и даже въ Галиціи скоро совершенно онѣмечится, если не будетъ противодѣйствія; то же можно сказать о купцахъ, ремесленникахъ и мѣщанахъ, и гдѣ только лишній ступень земли находится у Славянъ, то тотчасъ между ними посѣляются нѣмецкіе колонисты. Частныхъ заведеній для славянскаго воспитанія совсѣмъ нѣтъ; во всѣхъ публичныхъ училищахъ исключительно употребляется нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ, 16 милліоновъ австрійскихъ Славянъ неумолимо германизируются. Изучая еще глубокомысльнѣе исторію порабощенія Славянъ, можно удостовѣриться, что этотъ гибельный для насъ потокъ нетокмо еще не остановился, но, укрѣпляясь на занятыхъ ими мѣстахъ, возрастаетъ и подвигается далѣе и далѣе къ востоку Европы... Всѣ междуусобные раздоры Славянъ, всѣ недоумѣнія между ими и ихъ правительствами вѣчно обращались въ пользу Нѣмцевъ. Словомъ сказать, Славяне сами работаютъ на свою погибель и своимъ потомъ и кровію возвеличиваютъ инородцевъ, завладѣвшихъ ихъ отечествомъ. Что есть для Испанцевъ и Англичанъ Америка, то для германскихъ народовъ - всѣ безъ исключенія славянскія земли, въ этомъ сознаются и самые нѣмцы; все различіе въ томъ, что нѣмецкія завоеванія болѣе мирны и зато стократъ несправедливѣе и тягостнѣе. Чтобы не говорили о причинѣ вліянія Нѣмцевъ на судьбу Россіи, какъ ея чиновниковъ, купечества, ремесленниковъ и колонистовъ и проч., но можно сказать, оно не зависитъ ни отъ особеннаго покровительства, ни отъ случая, но отъ того собственно, что, подчинивъ подъ свою власть двадцать милліоновъ Славянъ, часть литовскихъ и финскихъ племенъ, они уже, по ничѣмъ отвратимому року мирнаго занятія странъ на востокѣ Европы, имѣютъ въ ней свою неотъемлемую долю, такъ сказать, напередъ уже ими расчитанную и отмежеванную. И такъ они, не будучи въ Россіи господствующимъ народомъ, пользуются всѣми его выгодами, прикрываясь нерѣдко эгидой мнимой пользы и просвѣщенія, они не имѣютъ никакого стыда обогащаться на счетъ простодушныхъ Славянъ Для нихъ нѣтъ отечества, но подобно жидамъ одна выгода, а еще къ тому и страсть къ господству.

Познаніе славянской исторіи еще необходимѣе для русской дипломатіи, и сколько бы избѣжала она въ XVIII вѣкѣ погрѣшностей при раздѣлѣ Польши. Мы, безпристрастные наблюдатели славы и счастія Россіи, весьма хорошо знаемъ, что еслибы тогдашними дипломатами изучена была ихъ собственная русская исторія, то они бы не допустили милліону малороссійскихъ казаковъ, или иначе среднему сословію южной Россіи, обитавшему на правой сторонѣ Днѣпра, чтобъ ими овладѣла польская аристократія, они бы не допустили, чтобы тамъ же исчезло старорусское дворянство, черезъ это западныя границы Имперіи обезсилены и имя великаго народа русскаго унижено на югѣ. Къ тому же вѣку принадлежитъ незнаніе, что въ Галиціи простый народъ есть малороссійскій, черезъ сіе Россія осталась и къ ней холодною.

При учрежденіи вышеупомянутаго славянскаго отдѣленія невозможно сомнѣваться, что при его средствахъ и пособіяхъ прекрасный Русскій языкъ, принявъ въ себя всѣ красоты и обиліе родныхъ братій своихъ, т. е. славянскихъ нарѣчій, развьется въ такую прелесть и силу, что съ сихъ поръ станетъ непремѣнно письменнымъ языкомъ семидесяти милліоновъ славянъ. О другихъ благопріятныхъ слѣдствіяхъ я совсѣмъ умалчиваю.

При семъ принимаю на себя смѣлость представить Вашему Высокопрев. выбитую Чехами въ Прагѣ, по случаѣ въ нашъ городъ прибытія нынѣ достославно царствующаго Императора Николая I, серебряную медаль, всепокорнѣйше прошу милостиво оную принять и прилагаемыхъ пять таковыхъ же бронзовыхъ повелѣть доставить собраніямъ монетъ, находящихся при Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ. Равнымъ образомъ прилагаемый здѣсь Чешскій Часописъ за 1838-й годъ.

При семъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Вячеславъ Ганка.

Въ Прагѣ 1/13 Генваря 1839 г.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго.)

П. П. Дубровскій — Яну Ев. Пуркине.

1.

Прага, 1841, 13 Іюля (н. ст.).

Я пустился въ путь, разставшись съ Вашимъ гостепріимнымъ убѣжищемъ и будучи очарованъ истинно отеческимъ добродушіемъ. Два дня блуждалъ я по Керконошскимъ горамъ и былъ застигнутъ бурей на высотѣ скалъ; но видно Ваше благословеніе, которое вы дали мнѣ на дорогу, хранило меня. Былъ я также въ Ичинѣ и видѣлся съ Махачкомъ и Широмъ. Теперь, какъ видите, нахожусь въ Прагѣ и дышу славянской жизнью въ кругу любезныхъ соплеменниковъ. Г. Шафарикъ ужъ мѣсяцъ какъ возвратился изъ Берлина. Онъ не принялъ предлагаемой ему каѳедры. Ее навѣрно займетъ Челяковскій, а къ вамъ въ Бреславль назначутъ кого-нибудь другого. Г. Шафарикъ и Г. Пресль вамъ кланяются. Срезневскій теперь находится въ Далмаціи вмѣстѣ съ Преслемъ [1]), а можетъ быть уже пробрался въ Сербію. — Прощайте! Благодарю Васъ чувствительно за ваше гостепріимство, желаю вамъ благополучія и остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью

Вашъ всепокорнѣйшій слуга
Петръ Дубровскій.

P. S. Милыхъ Вильгельма и Карла сердечно цѣлую и обнимаю.

A Breslau.
A Monsieur, Monsieur Purkině, Le professeur de l'université.
Его Высокоблагородію, Милостивому Государю, Господину Пуркине.
Въ Бреславлѣ.

2.

Варшава, 1841 г. Октября 16.

Милостивый Государь!

Давно уже я собирался писать къ Вамъ, но зная, что Вы намѣрены были ѣхать въ Прагу (да и Г. Мацѣевскій по возвращеніи своемъ въ Варшаву сказалъ мнѣ о Вашемъ отъѣздѣ), я пріостановился. Теперь пишу къ Вамъ и прошу у Васъ отвѣта на мое письмо, нетерпѣливо желая знать о Вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ и о томъ, что дѣлается въ нашей доброй Прагѣ. До сихъ поръ не могу еще придти въ себя послѣ моего пу-

[1]) Должно быть: Прейсомъ.

тешествія. Печально возвращался я въ Варшаву. И милая Чехія, и ваша Бреславль не выходятъ у меня изъ памяти. Васъ уже привыкъ я считать моимъ отцомъ и мысленно всегда переношусь къ Вамъ. Вы теперь неразлучны со мною: Вашъ портретъ виситъ надъ моимъ письменнымъ столомъ. Можетъ быть, на слѣдующій годъ опять увижусь съ Вами. Надѣюсь поѣхать въ Иллирію. Петербургская Академія возвратила мнѣ издержки на путешествіе. Вѣрно Академія поможетъ мнѣ и на будущій годъ. Итакъ, все идетъ къ лучшему!

На меня теперь возложили преподаваніе церковно-славянскаго языка въ здѣшней гимназіи. Я этому очень радъ, потому что имѣю случай сказать моимъ ученикамъ что-нибудь и о всемъ славянствѣ.

Изъ литературныхъ новостей укажу Вамъ на Старинный Театръ въ Польшѣ, изданный Войцицкимъ,— сочиненіе любопытное. Онъ же печатаетъ теперь Zarysy domowe,— занимательно по описанію нравовъ и обычаевъ польскихъ. Мацѣевскій началъ печатать свое сочиненіе: Русь и Польша въ XV—XVI в. Варшавская Библіотека издается съ успѣхомъ. Вь послѣднемъ нумерѣ переведено мною письмо Срезневскаго къ Ганкѣ, писанное изъ Иллиріи (изъ 2-ой кн. Музейника). Тамъ же объявилъ я о подпискѣ на лужицкія пѣсни и приложилъ пространную программу. На дняхъ пишу объ этомъ въ Петербургъ. Въ Варшавѣ подписалось уже болѣе десяти человѣкъ съ обязательствомъ внести деньги, какъ только выйдетъ первая связка пѣсенъ.

Русская литература идетъ исполинскими шагами. Неутомимо разработываютъ отечественные рудники, а древняя народная жизнь наша озарится яркимъ свѣтомъ. Россія недавно лишилась молодого поэта Лермонтова, который подавалъ о себѣ блистательныя надежды. Онъ убитъ въ поединкѣ,—такъ, какъ и Пушкинъ. Горе и горе!... Я приготовилъ для Васъ екземпляръ его стихотвореній и вскорѣ пришлю къ вамъ чрезъ одного изъ нашихъ книгопродавцевъ. Спѣшу объявить объ изданіи моей газеты. Не знаю, что дѣлать съ латинскими буквами?? Вашей статьи жду съ большимъ нетерпѣніемъ.

Мацѣевскій, Линде и Кухарскій Вамъ кланяются. Прошу крѣпко поцѣловать за меня моихъ милыхъ славянъ Еммануила и Карла. Прощайте! Отъ души желаю Вамъ благоденствовать и здравствовать. Остаюсь искренно преданный Вамъ и премного Васъ уважающій и любящій

Вашъ всепокорнѣйшій слуга

Дубровскій.

P. S. Мой адресъ: Петру Павловичу Дубровскому, Профессору Славянскаго языка въ I-ой Варшавской Гимназіи.

Да напишите мнѣ что-нибудь о вашихъ литературныхъ новостяхъ.

Sr. Hochwohlgeboren Herrn Dr. Purkinje, Professor an der Königl. Universität zu Breslau.

3.

Варшава, 1842 г. 12 іюня.

Мой достопочтенный и много уважаемый мною соплеменникъ!

Начало Вашей статьи уже напечатано въ 10 н-рѣ Денницы, а въ 11-мъ будетъ окончаніе. Если увидите нѣкоторые пропуски и измѣненія, то не вините меня. Я долженъ былъ согласоваться съ цензурой. Во всякомъ случаѣ, Ваша статья есть перла въ моей газетѣ; здѣсь всѣ читали ее съ восторгомъ, а въ Россіи, безъ сомнѣнія, она будетъ явленіемъ самымъ занимательнымъ и любопытнымъ. Душевно благодарю Васъ, что Вы такою прекрасною данью осчастливили мою Денницу. Ваша статья отзовется въ сердцахъ всѣхъ Славянъ!

Прошу передать мой усердный поклонъ и дружеское привѣтствіе Господину Смоляру, отъ котораго жду съ нетерпѣніемъ отвѣта. Искренно желаю ему всего лучшаго. Если пріѣхалъ господинъ Челяковскій, то прошу также и ему отъ меня поклониться. Почту за великое одолженіе, если онъ меня удостоитъ своимъ письмомъ и извѣстіемъ о своихъ лекціяхъ, о чемъ можно бы было напечатать въ Денницѣ. Скоро одинъ мой знакомый выѣзжаетъ за границу, и я Вамъ что-нибудь пришлю изъ книгъ. Благодарю Васъ чувствительно за книжку графа Туна. Она написана очень хорошо, но не во всемъ могу съ нимъ согласиться. Ваша статья и разсужденіе Коллара о взаимности блестятъ передъ нею, какъ свѣтлая звѣзда на славянскомъ небѣ. Итакъ, прощайте. Отъ души желаю Вамъ быть здоровымъ. Не забывайте меня. Остаюсь безконечно Вамъ преданный, много Васъ любящій и уважающій

Дубровскій.

P. S. Мацѣевскій черезъ три недѣли уѣзжаетъ въ Петербургъ, а оттуда въ Москву. Теперь увидится съ русскими учеными и много узнаетъ новаго, потому что онъ еще въ первый

разъ ѣдетъ въ Россію. Я увѣренъ, что Москва ему очень понравится,—вѣдь это другая Прага!

Sr. Wohlgeboren des Universitaets Professor und Doktor, Herrn Purkinje zu Breslau.

4.

Достопочтенный и незабвенный соплеменникъ!

Я пораженъ крайнимъ изумленіемъ и глубокою скорбью, что такъ давно не получаю отъ Васъ никакихъ извѣстій. Пріятная память о Васъ навсегда хранится въ моемъ сердцѣ, а Денница, украшенная въ прошедшемъ году Вашею статьею: О литературномъ единствѣ между Славянами, гордится ею. Вездѣ осыпаютъ ее похвалами, и въ журналахъ и въ обществѣ. Эта статья посѣяла доброе сѣмя.

Я послалъ Вамъ въ разное время четыре книжки Денницы,—не знаю, получили-ли Вы ихъ? При 4-ой книжкѣ я приложилъ также для Васъ екземпляръ Легендъ Головинскаго. Черезъ двѣ или три недѣли пріѣдетъ къ Вамъ Г. Мацѣевскій, - черезъ него пошлю Вамъ слѣдующую книжку Денницы и другія книги. Если въ Бреславлѣ г. Смолерь, поклонитесь ему отъ меня и спросите, получилъ-ли онъ мою посылку?

Ради Бога, не оставьте меня безъ увѣдомленія и обрадуйте меня опечаленнаго, который столь долгое время не получаетъ отъ Васъ письма. Въ нынѣшнемъ году еще ни одного разу не являлось Ваше имя въ Денницѣ. Сжальтесь надъ нею и снова осчастливьте ее Вашимъ драгоцѣннымъ для нея участіемъ. Прошу Васъ также засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе г. Челяковскому и попросить его объ участіи въ моемъ журналѣ.

Только что вышла 5-ая книжка Денницы. Она заключаетъ въ себѣ между прочимъ прекрасную и любопытную статью Срезневскаго: Публичныя чтенія о Славянахъ.

Линде и Мацѣевскій усердно Вамъ кланяются. Обнимаю моихъ милыхъ маленькихъ славянъ Еммануила и Карла. Прощайте! Желаю Вамъ быть здоровымъ и счастливымъ. Въ ожиданіи Вашего отвѣта, остаюсь душевно Вамъ преданный и безпредѣльно Васъ уважающій

Вашъ Дубровскій.

Варшава, 8 Іюля 1843 г.

5.

Варшава, 1843 г. 23 Ноября.

Его Высокоблагородію, Милостивому Государю,
Господину Доктору и Профессору Пуркине.

Достопочтеннѣйшій и неоцѣненный мой соплеменникъ!

Я былъ очень радъ, узнавши изъ письма Вашего къ Г. Мацѣевскому, что Вы здоровы. Благодарю Васъ за память обо мнѣ и за поклонъ. Я нахожусь теперь въ самомъ жалостномъ положеніи: Денница моя падаетъ, и никто не хочетъ помочь ей... Со всѣхъ сторонъ вижу холодное равнодушіе... Ваше пророчество оправдывается... Вспомните Вашу статью въ прошлогодней Денницѣ. Книжка 8-ая на дняхъ выйдетъ,—далѣе продолжать нѣтъ возможности... Sta viator!—Послѣ напишу Вамъ обо всемъ подробнѣе. Теперь позвольте обратиться къ Вамъ съ слѣдующей просьбой. Я занимаюсь изслѣдованіемъ древняго польскаго языка. Мнѣ очень нужна Подебрадская Псалтырь (Poděbradský čili Olešnický Žaltář). Копію съ него Вы когда-то доставили г. Шафарику. Несказанно я былъ бы Вамъ обязанъ, еслибы Вы потрудились найти кого-либо изъ молодыхъ людей, кто бы сдѣлалъ для меня другой такой-же списокъ. Что будетъ стоить,—напишите, а я пришлю деньги. Не откажите подать руку помощи во имя славянской взаимности. Удостойте меня также Вашимъ отвѣтомъ и не забывайте Вашего искренняго и преданнаго Вамъ почитателя.

Дубровскій.

P. S. Г. Смоляру свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе, также и Г. Челяковскому. Кашубская статья напечатана въ 7-ой кн. Денницы, лужицкій переводъ изъ Краледворской Рукописи—въ 8-ой кн.

6.

Достопочтеннѣйшій и милый мой соплеменникъ!

Съ удовольствіемъ узналъ я, что Вы переселились въ Вашу милую Прагу. Дай Богъ Вамъ всякаго счастья и успѣховъ. Міръ перемѣнился вокругъ насъ, и мнѣ кажется, что мы видѣлись съ Вами въ прошломъ вѣкѣ. Какую пользу извлечетъ изъ него наша литература?... Когда заговорятъ наши Музы?...

Не забывайте меня и пишите ко мнѣ. Что есть новаго въ Прагѣ, и что подѣлываютъ наши ученые? Свидѣтельствую мое почтеніе Господину Челяковскому и посылаю Вамъ и ему по екземпляру моего перевода сочиненія Мацѣевскаго: Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XIV вѣка.

Любезнымъ сыновьямъ Вашимъ Еммануилу и Карлу усердно кланяюсь и желаю имъ счастья.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта, остаюсь душевно Вамъ преданный и уважающій Васъ

П. Дубровскій.

Варшава, 6/18 Октября 1849 г.

Przy tem dwie książki rossyjskie.

Wielmożny Purkinje w Pradze.

Янъ Ев. Пуркине — П. П. Дубровскому.

Z Wratislawy dne 11 Čerwence 1843.

Mûj milý nepochwějitelný příteli!

Zaslaužilbych wěru od Wás lán býti za tak dlauhé mé zamlčení. Tu není žádných wýmlůw, jest toliko prositi o odpuštění. Mého neodpisowání z wětšího dílu příčina byla, že jsem hotowal Wám něco poslati a wždy překážen byl w dohotowení an mi letošní rok jako děkanu facultatis medicae a direktoru instytutu physiologičného přemnoho překážek wnitřních i zewnějších se naskytlo. Mám u sebe na hotowě pro Wšeslowanku Dennici několik kusu tlumačení Králodworského rukopisu nimž conedělně se Smolerem a Warkem bawíme; mám též pojednáníčko o Kašubach sdělené mně od Ceynowy studujícího w lékarstwí; počal jsem konečně i přepracowáwati moji lonskau práci o potřebě a užitečnosti uwedení we wyšším wědeckém žiwotě wšeslowanském alphabetu latinského, kdežto tu potřebu pro nás zapadní Slowané psychologicky wywádím. Wšak newím čili se ten předmět pro Dennici hodí, čili nic. Pospíším si dohotowiti práci dříwe než se můj milý Matějowský u mne uhostí. Práwě jsem zase změnil kwartýr a postarám se aby wšech wýhodností u mne užiti mohl. Na počátku Čerwna byl mím hostem náš Palacký jenž bádaje po historických českých pisemnostech naši, wždy obnowující se Wratislawu na málo pět dní nawštíwil, a pak dále do Berlína se odebral chtěje ještě zawítati w některých městach starých Wendu, jakožto w

Mužikowě (Muskau), Budešině, w Zhořelci (Görlitz). Děkuji Wám za wšechny Waše posílky a pokládám se býti Wašim dlužníkem.

Buďte zdraw, pozdrawte wšech přátelů a zachowejte wždy w milosti

Wašeho upřímného přítele

Jana Purkyně.

An den Herrn

Peter Dubrowski,

Redacteur der russisch-polnischen Zeitschrift Dennica—Jutrzenka,

Wohlgeboren

in Warschau.

Я. Ев. Пуркиние — С. С. Уварову.

Euere Excellenz!

Hochgebietender Herr Minister!

Wenn ich es wage Ew. Excellenz hier den ersten vollständigen Versuch einer Uibersetzung von Schillers lyrischen Gedichten in böhmischer Sprache zu überreichen, so geschieht es in dem Vertrauen, dass es zu den hohen Zwecken Euerer Excellenz gehört, nicht allein der russischen, sondern auch den übrigen Litteraturen slavischer Dialekte einen Theil der hohen Gunst und des Schutzes Euerer Excellenz angedeihen zu lassen.

Was mich betrifft so habe ich aus geistigem Triebe zunächst der Erforschung der Natur und den Naturwissenschaften mich gewidmet; dennoch war es derselbe natürliche geistige Trieb, der mich den slavischen Studien gleichfalls zuwendete, und mich, selbst in der Fremde, treu bleiben hiess der angestammten slavischen Muttersprache.

Es wäre mir ein hohes Glück, wenn es mir gelungen sein sollte, auch etwas nach meiner Weise zur Erweiterung der slavischen Litteratur beigetragen zu haben, und des Beifalls Euerer Excellenz nicht ganz unwürdig befunden zu werden, um so mehr als Ew. Excellenz durch die neuere Stiftung slavischer Lehrkanzeln auf russischen Universitäten, schon hiemit auch unmittelbar als Protektor unseres, durch die Unbill der Zeiten so lange unterdrückten böhmisch-slavischen Idioms sich darstellen.

In tiefster Ehrfurcht zeichnet sich

Euerer Excellenz

gehorsamst ergebenster Diener Johann Purkynje Ord. Professor der Physiologie an der breslauer Universität.

Breslau den 24 Maj 1842.

Письмо Пуркине къ Имп. Николаю I.

Nejoswiceuější Nejwelmožnější Císaři!

Nejmilostiwější Císaři a Pane!

Osmělen jsa zblížiti se Wašé Císarské Welebnosti tímto prwním auplným pokusem zčeštění Šillera, welikého básnika Germanského, prosím pokorně Waši Císarskau Weleslawnost powažowati tento můj objetní dar, co skromný wýjew obwázanosti, jakau Čech, za nowé, u sebe rozkwétající duchowní národní žiwobytí pautána se cítí k Weleslawným Carům Wšerossijské říše, an Jich Wítězosláwa nás druhých Slowanů nowým duchem nadchnula, a w cizonárodní tůni déle hynauti zamezila. Jako Waše Císarská Weleslawnost mocí a zákonem panuje nad pocetnými wlastmi říse rossijské, tak duchem wšepronikajícím nad celým Slowanstwem, jehožto wěrným členem se nazíwati raduje se

Waší Císarské Weleslawnosti nejpokornější a nejoddanější sluha

Jan Purkyně.

W Wratislawi dne 24-ho Máje 1842.

Jeho Císarské Králowské Milosti Nejmilostiwějšímu Pánu

Mikuláši Pawlowiču

w Petrohradě.

Представленіе С. С. Уварова:

По желанію Профессора Бреславльскаго Университета Яна Пуркыньи, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему И. В. экземпляръ изданнаго имъ перевода въ стихахъ на Чешскій языкъ Лирическихъ стихотвореній Шиллера. Профессоръ Пуркынья, родомъ Богемецъ, пріобрѣлъ знаменитость, какъ физіологъ, важными открытіями по Медицинѣ. Переводъ стихотвореній Шиллера принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ пробуждающагося въ новѣйшее время повсюду между западными Славянами стремленія сообщить Славянскимъ нарѣчіямъ высшее развитіе и самостоятельность литературную и ученую.

Сергій Уваровъ.

6 мая 1843.

„Государь Императоръ изволилъ принять 7 маія."

Канцелярія Мин-ра извѣщала 25-го іюня 1843 г. Бодянскаго, доставившаго ей экз. стихотвореній Пуркине (и, вѣроятно, оба письма его), что „Его ВПр-во, предполагая проѣхать чрезъ Бреславль, надѣялся и словесно и лично сообщить это Г. Пуркине".

(Дѣло Канц. М-ра Н. Пр., 1843 г., № 128. 944.—99.)

Прошеніе П. П. Дубровскаго въ Варшавскій Цензурный Комитетъ.

Do Komitetu Cenzury Pism Peryodycznych.

Chcąc się przyczynić do zaspokojenia potrzeb naukowych, tyczących się literatury słowiańskiej, postanowiłem wydawać gazetę literacką, której przy niniejszem załączam prospekt i upraszam światłego Komitetu Cenzury pism peryodycznych o udzielenie mi Patentu na wydawanie rzeczonej gazety.

Zostaję z winnem szacunkiem Piotr Dubrowski, Nauczyciel języka słowiańskiego w 1-em gimnazium Warszawskim.

Warszawa, 2 listopada 1841.

(Архивъ Варш. Ценз. Комитета.)

П. П. Дубровскій — Ф. Л. Челаковскому.

1.

3 Сентября 1842. Варшава.

Достопочтенный и незабвенный соплеменникъ мой!

Прошелъ уже годъ, какъ мы съ Вами видѣлись; но еще до сихъ поръ не могу забыть тѣхъ отрадныхъ минутъ, которыя я провелъ вмѣстѣ съ Вами и въ милой Прагѣ и въ незабвенной Ковани у Г. Винаржицкаго, и на Бездесѣ. Я былъ тогда счастливъ, и воспоминаніе о прошедшемъ наполняетъ мою душу неодолимою грустію. Въ продолженіе этого времени слухи объ Васъ часто до меня доходили, и наконецъ узналъ я, что Вы теперь въ Вратиславѣ. Къ намъ пріѣхали Бодянскій и Срезневскій; отъ нихъ узналъ я объ Вашихъ лекціяхъ. Дай Богъ Вамъ блистательныхъ успѣховъ на Вашемъ новомъ и славномъ поприщѣ. Да благословитъ Васъ все Славянство!

И Срезневскій въ Варшавѣ! Я привязался къ нему всею душой, этого человѣка нельзя не полюбить. Вѣкъ бы съ нимъ не разстался!

Умоляю Васъ, не забудьте меня и моей Денницы. Украсьте ее Вашимъ именемъ и пришлите для нея какую-нибудь статью. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы Вы удѣлили мнѣ что-нибудь о Вашихъ лекціяхъ. Заклинаю Васъ священнымъ именемъ Славянства.

Сознаю передъ Вами мою тяжкую вину: въ Прагѣ Вы меня просили о какой-то польской книгѣ; я тогда же записалъ объ этомъ, но теперь никакъ не могу найдти. Ради Бога, напишите мнѣ опять, я постараюсь удовлетворить Ваше желаніе. Прошу также и впередъ обращаться прямо ко мнѣ со всѣми Вашими требованіями. Душевно радъ служить Вамъ.

Удостойте меня Вашимъ отвѣтомъ. Желаю Вамъ быть здоровымъ и благополучнымъ.

Остаюсь искренно Вамъ преданный
и много Васъ уважающій
Дубровскій.

Мой адресъ: На Ново-Сенаторской улицѣ, въ домѣ подъ № 476, литера Д.

2.

Варшава, 5 Января 1843 г.

Достопочтенный и незабвенный соплеменникъ мой,

Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовался Вашему письму! Сердечно благодарю Васъ за прелестное стихотвореніе; но здѣшняя цензура взбѣсила меня и не хотѣла пропустить его. На зло пошлю его въ Москву, и оно будетъ напечатано. Исторіи Бентковскаго—нѣтъ! Былъ я у самого автора, былъ наконецъ у антикваріевъ—и се не бѣ! Бентковскій сказалъ мнѣ, что разъ нужно ему было кому-то подарить одинъ экземпляръ, и онъ съ величайшимъ трудомъ могъ сыскать его, заплативши 80 злотыхъ польскихъ. Не смотря на это буду рыскать по всей Варшавѣ и (выражусь любимымъ русскимъ словцомъ) авось найду.

Почтеннѣйшему и много уважаемому мною Г-ну Пуркинье мой усерднѣйшій поклонъ. Жду отъ него отвѣта на мое письмо.

Васъ же умоляю Христомъ-Богомъ явиться въ 1-мъ нумерѣ Денницы 1843 г. Мнѣ пріятно будетъ украсить ее Вашимъ именемъ. Если за недосугомъ Вы теперь ничего не можете приготовить, то не откажите написать для печати письмо ко мнѣ, въ которомъ потрудитесь изложить, хотя краткія свѣдѣнія о томъ, что содержалось въ Вашихъ прошедшихъ лекціяхъ, и что теперь намѣрены Вы читать. Это будетъ драгоцѣннымъ извѣстіемъ для читателей Денницы. Не откажите во имя словянской взаимности.

Срезневскій съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Варшавы, ничего не пишетъ. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Ни слуху, ни духу, какъ въ воду канулъ.

Въ ожиданіи отъ Васъ великой и богатой милости, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію

Вашъ Дубровскій.

P. S. Потрудитесь отослать прилагаемое письмо къ Смолерю. Онъ въ Згорѣльцѣ, но я не знаю его адреса. Безъ сомнѣнія Г. Пуркинье знаетъ.

На дороговизну русскихъ книгъ и мы здѣсь жалуемся. Иногда случается, что кто-нибудь изъ Варшавы ѣдетъ въ Петербургъ, туда и обратно; тогда можно попользоваться и книгами по сходной цѣнѣ. Впрочемъ, надобно знать, что русскія книги вообще дороги.

Сдѣлайте одолженіе, смѣло напишите мнѣ, что Вамъ нужно: Готовъ съ радостію служить.

3.

Варшава, февраля 7, 1845 г.

Его Высокоблагородію, Милостивому Государю,

Г. Челяковскому.

Достопочтеннѣйшій и любезный мой соплеменникъ!

Вы меня извините, что я такъ давно не писалъ къ Вамъ. На это есть тысяча и одна причина. Забыть Васъ невозможно. Память объ Васъ, столь для меня пріятная, навсегда сохранится въ моемъ сердцѣ. Кромѣ того, Вашъ портретъ виситъ надъ моимъ письменнымъ столомъ. Вотъ и теперь, когда я пишу эти строки, Вашъ живой образъ передо мною.

Когда я получилъ Ваше письмо, то былъ болѣнъ и не могъ выходить изъ дому. Въ то же время я послалъ къ нашему книгопродавцу Истомину и просилъ его снестись съ Вами на счетъ библій. Только черезъ него мы можемъ получать русскія книги, и то съ большимъ трудомъ и съ проволочкою времени. Сношенія съ Россіею у насъ такъ трудны! Вы удивитесь этому!

Не забывайте же меня и пишите ко мнѣ, что Вамъ нужно. Наша Славянщина теперь покоится. Изъ письма моего къ Г. Пуркинье узнаете болѣе. Прочитайте.

Желаю Вамъ быть здоровыми.

Остаюсь искренно Вамъ преданный и уважающій Васъ

Вашъ Дубровскій.

О. М. Бодянскій — Ф. Л. Челаковскому.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.
Императорскій
Московскій Университетъ.
Императорское
Общество
Исторіи и Древностей Россійскихъ.
Москва
Января 3-го дня, 1847 года.
№ 3.

Господину Профессору Славянскихъ нарѣчій, Исторіи и Литературы въ Вратиславскомъ (въ Силезіи) Университетѣ, Франиу Челаковскому.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, по предложенію моему въ засѣданіи своемъ 28 Декабря, 1846 года, единогласно избрало Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ и опредѣлило выдать Вамъ на это званіе дипломъ, который, по напечатаніи, будетъ доставленъ Вамъ немедленно.

Извѣщая о семъ Васъ, честь имѣю быть, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, Вашего Высокоблагородія, Милостивый Государь! покорнѣйшимъ слугою,

Осипъ Бодянскій.

(Изъ собранія проф. Л. Челаковскаго.)

К. Я. Эрбенъ — П. П. Дубровскому.

1.

Vysoce vážený Příteli!

Již ovšem dávno, co jsme jeden druhému nepsali. Já naposledy psal Vám brzy potom, když jsem Vám odeslal svůj překlad Nestora, kdež jsem Vás zároveň prosil, abyste druhý poslaný exemplář neobtěžovali sobě dodati prof. Chorošеvskému. Od té doby nedostal jsem od Vás listu žádného, a již jsem se domníval, že ve Varšavě nejste. Kam jsem tady měl psáti? neb koho ve Varšavě se tázati po sídle Vašem, neznaje žádné adresy? Až konečně poslední milý list Váš zase vše uvedl v dobrou kolej.

Že nemáte mnoho chuti přijíti do Prahy, nedivím se; však i my, kdybychom věděli kam se z těch trapných poměrů obrátiti, ani den bychom se nerozmýšleli. Bodejž Bůh to brzy napravil k lepšímu. Ostatně znáte sami dobře z českých časopisů, co nás tíží.

„Kříž u potoka" od paní Světlé román vyšel loňského roku v „Matici Lidu". Ale oba ročníky 1867 i 1868 jsou úplně rozebrány, a vydava-

telstvo ani žádných členů na rok 1868 nepřijímá, jakož v Našich Listech 1869 v čísle 117 mezi inseraty naleznete ohlášení. Já sam promeškal jsem předplacení, a tak nemám než z ročníku 1867 čtyry první čísla, a z ročníku 1868 nic. Vydavatelstvo však slibuje, že časem vyjde nové vydání, a pak Vás neopomenu na celý ročník předplatiti—stojíť jen 1 zl. r. č., ač nepodaří-li mi se ten román někde najíti u antikváře, načež bych ihned jej koupil a Vám odeslal. „Vesnický román" vyšel l. 1868 v belletristickém časopisu „Květy", ale o sobě vydán nebyl, a celý ročník „Květů" koupiti pro ten román, za to nestojí. Žebych já byl v „Matici Lidu" vydal knížku „o slovanských národech" jest nedorozumění; já vydal toliko devadesát skazek a pověstí ruských, jihoslovanských a polských, aby lid český poněkud je seznal, v českém překladu, a ty vyšly co první číslo „Matice Lidu" na rok 1869. Míníte-li však knížku o slovanských národech, která vyšla pod titulem „Obraz světa slovanského" od prof. Křížka[1]) ve dvou odděleních také v „Matici lidu" (první oddělení na rok 1867 a druhé na rok 1868), tehdy bych Vám mohl aspoň prvním oddělením posloužiti, které mám (druhého však oddělení již jsem nedostal), a poslal bych Vám tu knížku poštou pod křížovou obálkou, což by mnoho nestálo, ale jest pochybnost, zdali Vás ta knížka tak dojde? zdali ji totiž ruská cenzura Vám propustí? Co se pak dotýče předplacení do „Matice lidu", stojí ročně jen 1 zl. r. č. za 6 knížek.

My Bohu díky jsme všickni zdrávi, a žena i děvčata dávaji se uctivě poroučeti slečně sestře i Vám, což také slečně ode mne račte vyříditi.

Nyní právě dokonal jsem překlad Igora a Zádonštiny, kteréžto dva zpěvy s kritickými, historickými i jinými vysvětlujícimi poznámkami vyjdou v nedlouhém čase nákladem zdejší učené společnosti.

Buďte zdráv a mějte se na všem dobře. Váš upřímný přítel a ctitel

K. J. Erben.

V Praze, dne 1 Května 1869.

2.

Velectěný Pane Dubrovský!

Se zvláštní protekcí podařilo mi se předce dostati pí. Světlé román: „Kříž u potoka", kterýž to exemplář jinému byl ustanoven a již napřed zaplacen; ale že si pro něj hned neposlal, bude nyní muset čekati, ažby zas časem vyšlo druhé vydání. Také „Obrazu světa slovanského" oba sešity jsem Vám opatřil.

---

[1]) Подъ заглавіемъ: „Сосѣди Славянъ" вышла въ переводѣ Дубровскаго въ 1874 г. въ „Чтеніяхъ".

Co se dotýče Igora a Zádonštiny, vydány budou ty dvě básně pod názvem: „Dvé zpěvů staroruských, totiž o výpravě Igorově a Zádenština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady". A vydá je zdejší učená společnost. Ale poněvadž tato společnost vydává své publikace jen v 250 exemplářích, vyžádal jsem si na ní, abych mohl tu věc i krom toho zvláště vydati, a postoupil jsem toho práva k vydání Gregrovi, aby se ty dva zpěvy hodně rozšířily, zvláště mezi študentstvem.

S Macháčkovými jsem sice nemluvil, ale dal jsem jim vzkázaní Vaše vyříditi Drem Kalouskem, jenž bývá u nich.

S prosbou, abyste vyřídili ode mne i od mých ženských úctu slečně sestře, jakož i Vám úctu svou vzkazují, zůstávám v naději, že ze svého nového bydliště opět svým milým listem potěsiti neopomenete svého

věrného přítele K. J. Erbena.

V Praze dne 1 Června 1869.

(Библіотека Имп. Варш. Унив.).

3.

Velectěný Pane a Příteli!

Oba spisy, kterých jste sobě přál, totiž paní Světlé román: „Kříž u potoka" a spisek etnografický „Obraz Slovanstva", oba dílky, podařilo mi se Vám konečně opatřiti, a již dne 3-ho Juni poslal jsem Vám je pod adressou p. Grigorovského do Varšavy. Při posílání jich jsem se docela tak zachoval, jak mi můj dobry přítel, úředník při zdejší poště, poradil, aby nebylo na hranicích se strany ruských úředníků žádné závady, i aby ty knížky obsahu dokonce nevinného poslány nebyly, jak obyčejně, do Petrohradu k censuře. Na to dostal jsem milý list Váš, datovaný v Mežiboži dne 2 (14) Juni, kdež mne opět v příčině těch knížek žádáte. Možná, že je nyní již máte v ruce; ale já pro věčší jistotu předce dne 2 Juli reklamoval, a očekávám co den odpověd z Varšavy, kterážto však, jak mi na poště řečeno, někdy dlouho dává na sebe čekati. Jest-li že jste ty spisy již dostal, račte mi to, prosím, laskavě listem oznámiti.

Můj překlad „Igora" a „Zádonštiny" tiskne se v aktech zdejší učené společnosti, a krom toho také ještě v menším formátě u Gregra, aby se mohl hodně rozšířiti zvláště mezi študentstvem, kteří těch skutečně krásných zpěvů skoro ani neznají, protože ani Hankův, ani Hattalův překlad není záživný. Při redakci původního textu „Igora" žádal toho nevyhnutelně pravý zdravý a přirozený smysl zpěvu toho, abych sobě poněkud směleji počínal, což snad mnohým asi nebude milé. Příčiny toho podal jsem obšírně v poznámkách. Tisk dokončen bude snad asi za 6 neděl.

Slečně sestře prosím ode mne i od mé ženy oznámiti šetrnou úctu též i od děvčat; všecky pak dávají se i Vám šetrně poroučeti.

Buďte zdráv! Těším se, že slib Váš, přijeti zase do Prahy, skutečně se naplní; bodejž to bylo hodně brzo. Váš upřímný přítel a ctitel

K. J. Erben.

V Praze, 11 Juli 1869.

(Библіотека Чешскаго Музея.)

О. М. Бодянскій — I. Юнгманну.

Письмо Ваше отъ 25-го августа новаго счисленія получилъ я вчера, то есть, 2-го сентября по старому лѣтосчисленію, и душевно обрадовался, что могъ Вамъ доставить своими книгами какую ни есть радость и удовольствіе. Уваженіе мое къ Вамъ такъ велико, что я еще жалѣю, что не могъ больше и чего либо лучшаго препроводить Вамъ; впрочемъ, надѣюсь на будущее, которое, увѣренъ, представить мнѣ гораздо больше возможности порадовать Васъ еще произведеніями русской словесности въ большемъ объемѣ и значеніи. Моей любимой мечтой и желаніемъ сердца было и будетъ больше и больше сближаться намъ, соплеменникамъ, между собой, давать знать о себѣ и дѣлиться плодами своей умственной дѣятельности. Если бы желанію отвѣтствовали средства, то, конечно, Вы бы и подобные Вамъ мужи въ скоромъ времени имѣли всѣхъ русскихъ классиковъ подъ рукою у себя. Однако, будемъ дѣлать каждый по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, а время покажетъ, что и съ малымъ можно иногда сдѣлать добра на много и много. Сопричисленіе себя къ нашему Историческому Обществу Вы давнымъ давно заслужили своими неоцѣненными трудами какъ въ особенности для своихъ соотчичей, такъ и вообще для всѣхъ соплеменниковъ: въ нихъ всегда послѣдніе будутъ черпать для себя золотые матеріалы и, дай Богъ, чтобъ могли только ими такъ воспользоваться, какъ воспользовались Вы. Безпримѣрный словарь Вашъ Общество принимаетъ съ величайшей признательностью и благодарностью къ дателю и готово всегда отплачивать за него Вамъ своими трудами и изданіями. Что до меня, то я, пользуясь Вашимъ предложеніемъ, просилъ бы также покорнѣйше Васъ не оставить и меня имъ еще однажды, потому что я имѣлъ уже удовольствіе получить его разъ изъ рукъ Вашихъ во время пребыванія свое-

го въ Прагѣ, но переуступилъ оный библіотекѣ нашего университета. Думаю, что онъ, какъ произведеніе Ваше, гораздо меньше будетъ стоить Вамъ всякой другой книги, а мнѣ, между тѣмъ, составитъ незабвенный памятникъ Вашего особеннаго расположенія и каждый день напомнитъ о Васъ своимъ неизсякаемымъ богатствомъ, къ коему почти при всякомъ занятіи славянскій филологъ и историкъ принужденъ обращаться и просить совѣта, наставленія и вразумленія.

Что до моихъ теперешнихъ занятій, то ихъ столько, что, право, голова ходитъ ходынемъ: съ одной стороны каѳедра, на коей всякой шагъ нужно самому, какъ Вамъ извѣстно, прокладывать, а съ другой Общество съ своимъ журналомъ, который всею своею тяжестію лежитъ почти на одномъ мнѣ. Хотѣлось бы сдѣлать его органомъ благомыслящей взаимности между соплеменниками, но удастся ли то—одинъ Богъ вѣсть. Заготовлено много хорошаго, а еще больше готовится: съ этой цѣлью роюсь неутомимо въ нашихъ библіотекахъ и нахожу неоцѣненныя сокровища не для однихъ только Русовъ. Далъ бы Господь только сладить со всѣмъ отысканнымъ и отыскиваемымъ!

Мой нижайшій, доземный поклонъ Вашему милому семейству, особенно Вашей почтеннѣйшей и добрѣйшей супругѣ (которую да воздвигнетъ скоро Милосердный съ одра ея болѣзни!), также и всѣмъ знающимъ и помнящимъ меня въ Прагѣ и внѣ стѣнъ ея.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте Вашего искренняго почитателя и друга

Осипа Бодянскаго.

3-го сентября, 1846 г. стар. счисл. Москва.

Прилагаемое здѣсь письмо прошу покорнѣйше доставить В. В. г. Ганкѣ.

Памятная записка О. М. Бодянскаго К. Гавличку.

Прошу Васъ не забывать о слѣдующемъ для меня:

1) Высылать всѣ Славянскіе Дневники и Вѣдомости, какіе сами лучше знаете.

2) Такія же книги и т. подобное.

3) Выписать для меня всѣ книги изъ Будина по списку.

находящемуся у Рживнича, если онъ или Г. Ганка не послали ихъ мнѣ.

4) Гундулича 15-ть экз. изъ Загреба.

5) Спросить въ Вѣнѣ, въ Русскомъ посольствѣ или у нашего священника при ономъ о русскомъ учителѣ, Г. Кашкадамовѣ, и у него взять мои книги, оставленныя у покойнаго Меглицкаго, бывшаго священника при упомянутомъ посольствѣ·

6) Всѣ книги и прочія, откуда бы онѣ ни были, а равно письма и бумаги, которыя будутъ посылаемы на имя Г. Г. Шафарика, Ганки или Рживнича, взять къ себѣ и ужъ переслать потомъ мнѣ, напр. отъ Головацкаго и др.

7) Извѣщать меня, какъ найдете лучше, обо всемъ замѣчательномъ въ жизни и словесности заграничныхъ Славянъ. Разумѣется о томъ, что дойдетъ до Вашего уха. Я готовъ отвѣчать Вамъ равнымъ о своемъ.

8) Сказать Г. Шафарику обо всемъ, что тутъ у насъ видѣли и слышали.

9) Сказать Г. Челаковскому, что книги, просимыя имъ, будутъ частію теперь посланы къ Шафарику, отъ кого онъ ихъ и получитъ, а частію, какъ подберутся. Г. Смолеру: что-де дѣло его въ ходу, и есть большая надежда, но конца ожидать едва ли можно къ осени. Впрочемъ я ему, какъ и Шафарику, на дняхъ пишу.

10) Пріобрѣсть для меня Юнгмановъ словарь по цѣнѣ студенческой.

11) Отдать мое письмо и въ немъ 20 fl. 65 к. сер. въ Вильнѣ тамошнему книгопродавцу Іосифу Завадскому.

12) Кланяться всюду и всѣмъ знающимъ меня собратьямъ нашимъ.

Ос. Бодянскій.

6-го VI, 1844. Москва.

Отзывы о трудахъ Я. Коллара.

20 марта 1837 г. въ засѣданіи Имп. Росс. Акад. читано:

Отношеніе Г. Коллара, Славянскаго священника Евангелическаго прихода въ Пештѣ, отъ 21 февраля с. г., которымъ, увѣдомляя о полученіи золотой медали, изъясняется такимъ образомъ: „Получивъ медаль чрезъ Вѣнское Императорское посоль-

ство, онъ тотчасъ взялся было за перо, чтобы излить чувства своей благодарности за честь, оказанную ему Россійскою Академіею; но простыя слова показались ему недостаточными, и потому, дабы показать, сколь живо онъ чувствуетъ сію честь, то представляетъ сочиненное имъ на Нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе о Литературной взаимности Славянъ, подъ названіемъ: Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Slawischen Stämmen und Mundarten." Сочиненіе это онъ первоначально изложилъ на Чешскомъ языкѣ, и оно, еще въ прошломъ году, было переведено и напечатано въ нѣкоторыхъ Славянскихъ журналахъ, какъ то: Хорватскихъ, Сербскихъ и Богемскихъ. Копію съ онаго послалъ онъ и въ С. Петербургъ, къ старому своему знакомому Г. Кеппену, съ тою цѣлію, чтобы оно было переведено и на Русскій языкъ и напечатано въ какомъ-нибудь Петербургскомъ журналѣ, дабы всѣ Славяне ознакомились съ его мыслями. Но Г. Кеппенъ отвѣчалъ ему, что въ Петербургѣ нѣтъ никого, кто могъ бы переводить съ чешскаго языка, а потому онъ Г. Кеппенъ хотѣлъ отослать сочиненіе это въ Москву. Между тѣмъ Г. Колларъ, обдумывая болѣе и болѣе свои мысли, передѣлалъ свое сочиненіе, которое удвоилось противъ прежняго, и въ этомъ видѣ онъ представляетъ его на разсмотрѣніе и сочтетъ для себя величайшею наградою, если оно одобрится Академіею. Въ заключеніе проситъ извиненія, что сочиненіе свое онъ написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, поелику въ Русскомъ онъ не такъ силенъ".

Послѣ сего прочтены мѣста изъ сочиненія Г. Коллара, но поелику нѣкоторые изъ Г. Г. членовъ не разумѣютъ Нѣмецкаго языка, то опредѣлено: перевести его на Русскій.

(Записки засѣданій Имп. Росс. Акад., 1837 г., 20 марта, № 3).

Тамъ же, 7 августа:

„Непремѣнный Секретарь читалъ сдѣланный имъ переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія, присланнаго отъ Г. Коллара подъ заглавіемъ: „О взаимныхъ по словесности сношеніяхъ между различными племенами и нарѣчіями Словенскаго народа". Собраніе слушало это сочиненіе со вниманіемъ и нашло его заслуживающимъ быть помѣщеннымъ въ Трудахъ Академіи, но съ нѣкоторыми примѣчаніями, и потому положено, какъ подлинникъ, такъ и переводъ препроводить въ Разсматривательный комитетъ".

Дневникъ Разсматривательнаго комитета:

1) 1837 ноября 22 дня читано сочиненіе Коллара: О взаимныхъ по словесности сношеніяхъ между Славянскими народами.

2) Ноября 25-го слушаны замѣчанія на сіе сочиненіе и положено: помѣщеніе онаго въ трудахъ Академіи отложить, сколь по уваженію политическихъ обстоятельствъ, соприкосновенныхъ съ предметами разсужденія сочинителя, столько же и по вниманію къ его извѣстности въ ученомъ свѣтѣ, потому что примѣчанія, какія нужно сдѣлать на оное, необходимо показали бы недостатокъ основательности въ его сочиненіи и, получивъ видъ полемики, были бы неумѣстны въ трудахъ Академіи.

(Записки засѣданій Имп. Росс. Акад., 1838 г. янв. 22, № 7).

Копія съ представленія Посланника нашего въ Вѣнѣ къ Г. Управляющему Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 15/17 января 1851 г. за № 24.

Докторъ философіи Иванъ Колларъ, профессоръ Славянскихъ древностей (Slavische Archäologie) въ Вѣнскомъ университетѣ, послѣ девятилѣтняго труда, приготовилъ къ изданію сочиненіе на чешскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Staroitalia Slavjanská". Посвятивъ нѣсколько лѣтъ на изученіе древнѣйшихъ памятниковъ и надписей Италіи и связи до—Еллинскихъ племенъ съ Славянскими, онъ представилъ въ Вѣнскую Императорскую Академію сочиненіе, коего изданіе требуетъ значительные расходы, превосходящіе его средства. Академія, принявъ въ уваженіе важность сего труда, но находясь въ слѣдствіе настоящаго неблагопріятнаго состоянія финансовъ въ Австріи, въ невозможности взять на себя всѣ издержки изданія, назначила автору пособіе 1500 гульденовъ конв. денегъ. Императоръ Францъ Іосифъ благоволилъ принять посвященіе сей книги.

Всѣ сіи обстоятельства побудили меня согласиться на желаніе Г-на Коллара и обратиться къ Вашему Превосходительству съ просьбою, приказать сообщить приложенныя при семъ объявленія о подпискѣ на помянутое изданіе разнымъ университетамъ и ученымъ обществамъ, тѣмъ болѣе, что авторъ назначилъ весьма сходную цѣну своему сочиненію для того, чтобы доставить всѣмъ возможность пріобрѣсть его".

Отзывъ И. И. Срезневскаго.

Въ слѣдствіе порученія Его Сіятельства Господина Министра, переданнаго мнѣ М. А. Коркуновымъ, честь имѣю извѣстить насколько могу, о новомъ сочиненіи Г. Коллара Staroitalia Slavjanská и приложить къ этому мое посильное о немъ мнѣніе.

Г. Колларъ, получившій недавно въ Университетѣ Вѣнскомъ каѳедру Славянской археологіи, своими изслѣдованіями о древностяхъ Славянскихъ извѣстенъ уже издавна: свою начитанность высказалъ онъ еще за двадцать лѣтъ передъ этимъ въ изданіи народныхъ пѣсенъ Словаковъ, а позже въ изслѣдованіяхъ о древнихъ названіяхъ Славянскихъ народовъ и въ письмахъ о Славянской миѳологіи, вышедшихъ подъ названіемъ „Богиня Слава", не говоря уже о множествѣ археологическихъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Занятый постоянно вопросомъ о глубокой старобытности племени Славянскаго и о томъ, въ какихъ странахъ оно обитало прежде, чѣмъ появилось на пространствѣ, занятомъ имъ въ Европѣ послѣ эпохи такъ называемаго переселенія народовъ, Колларъ не могъ опустить изъ виду и Италіи, гдѣ нѣкоторыя мѣстныя названія своими звуками давали возможность предполагать, что между древними обитателями ея были и Славяне. Первыя свои догадки объ этомъ онъ высказалъ въ своемъ „Путешествіи по Италіи сѣверной" 1842 года. Продолжая ихъ, онъ предпринялъ въ 1844 году новое путешествіе въ Италію и съ тѣхъ поръ занялся ихъ сведеніемъ и объясненіемъ, какъ главнымъ своимъ ученымъ трудомъ. Этотъ-то трудъ печатается теперь въ двухъ томахъ въ Вѣнѣ. Будучи знакомъ съ нимъ только по небольшимъ отрывкамъ, которые авторъ сообщалъ мнѣ для прочтенія въ Пестѣ, я не могу судить о содержаніи всего сочиненія; думаю впрочемъ, что оно должно быть такъ же разнообразно по содержанію, какъ велико по объему.

Что же касается до ученаго его достоинства, то оно, въ этомъ отношеніи, займетъ безъ сомнѣнія видное мѣсто между сочиненіями подобнаго рода, не смотря на всѣ преувеличенія, въ которыя Колларъ впадалъ постоянно во всѣхъ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Оно будетъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что подниметъ въ древностяхъ Европейскихъ новый вопросъ и хотя въ нѣкоторой степени поможетъ къ разъясненію вопроса не новаго, но очень важнаго въ Исторіи. О древнихъ связяхъ племенъ Европейскихъ писано было много, но такъ, что племя Славянское всегда почти было оставляемо въ сторонѣ; поэтому рѣ-

шенія не могли не быть односторонни и менѣе или болѣе несправедливы; не менѣе односторонни и несправедливы могутъ быть и выводы Коллара объ участіи элемента Славянскаго въ образованіи древняго народонаселенія южной Европы; но во всякомъ случаѣ самой новизной своей могутъ возбудить умы изслѣдователей къ трудамъ, полезнымъ для науки.

Позволяю себѣ къ этому отзыву о новомъ трудѣ Коллара присоединить просьбу, чтобы, если будетъ найдено полезнымъ объявить у насъ подписку на это сочиненіе, и мнѣ позволено было занять мѣсто въ числѣ подписчиковъ.

И. Срезневскій.

12 февр. 1851.

(Дѣло Канц. Мин-ра Н. Пр., № 2622. — № 22.)

Приписка неизвѣстной рукой: „Г. Министръ приказалъ предложить Академіи, университетамъ и Гл. Пед. Инст. подписаться на это изданіе". 20 февр. 1851.

Представленіе С. С. Уварова о Ганкѣ.

Съ представленіемъ экземпляра изданія Ганки.

По просьбѣ Библіотекаря Чешскаго Музеума въ Прагѣ, Вячеслава Ганки, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству экземпляръ напечатаннаго имъ Реймскаго Славянскаго Евангелія съ сличеніемъ Евангелія Остромирова и Острожскихъ чтеній.

Ганка, столь извѣстный своими заслугами по Славянской филологіи и любовью къ Россіи, составилъ этимъ изданіемъ нѣкотораго рода Хрестоматію древнѣйшихъ памятниковъ Славянской письменности.

Министерство народнаго просвѣщенія всегда находило въ Ганкѣ самое усердное содѣйствіе въ разныхъ ученыхъ предпріятіяхъ по части Славянской филологіи; почти всѣ молодые люди, которые были отправляемы въ Славянскія земли для изученія тамошнихъ нарѣчій, обязаны ревностному руководству и назиданіямъ Ганки успѣхами своими въ образованіи и приготовленіи себя по этой части знаній.

Принимая во вниманіе столь полезныя заслуги Ганки, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству удостоить его всемилостивѣйшаго знака Монаршаго благоволенія пожалованіемъ ему ордена Св. Анны 2-й степени. Ганка имѣетъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени.

(Подписано): Сергій Уваровъ.

1 марта 1846 г.

„Его Императорскаго Величества собственною рукою написано карандашомъ: „согласенъ". 5 марта 1846. Уваровъ."

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

